

УЧРЕДИТЕЛИ:

Министерство
образования и науки
Правительства Омской области,
Технический университет,
Сибирская автомобильно-
дорожная академия,
Аграрный университет,
Медицинская академия,
Государственный университет,
Педагогический университет,
Институт сервиса,
НПЦ «Динамика»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В.Я. Никитин –
министр образования
Н.С. Жилин –
д-р техн. наук
(главный редактор)
А.П. Моргунов –
д-р техн. наук
(зам. главного редактора)
В.О. Бернацкий –
д-р филос. наук
(зам. главного редактора)
П.Д. Балакин –
д-р техн. наук
Г.И. Бумагин –
д-р техн. наук
В.Я. Волков –
д-р техн. наук
В.Н. Горюнов –
д-р техн. наук
В.В. Карпов –
д-р экон. наук
А.А. Колоколов –
д-р физ.-мат. наук
А.В. Кононов –
д-р мед. наук
В.Н. Костюков –
д-р техн. наук
В.А. Лихолобов –
д-р хим. наук
В.А. Майстренко –
д-р техн. наук
В.И. Поталов –
д-р техн. наук
А.Г. Патюков –
д-р мед. наук
О.М. Рой –
д-р социолог. наук
Л.О. Штриплинг –
д-р техн. наук
Ответственный секретарь –
канд. ист. наук Г.И. Евсеева
Редактор –
Т.П. Сёмина
Л.В. Капанина
Компьютерная верстка
М. Жёлтенький
Макет обложки
В.С. Гуринов

Зарегистрирован Сибирским окружным
межрегиональным территориальным
управлением Минпечати РФ.

Свидетельство № ПИ 12-0871 от 01.10.2001 г.

Подписной индекс 83597

© Редакция журнала
"Омский научный вестник"

Подписано в печать 04.09.06. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 36,25. Уч.-изд. л. 50,75. Бумага офсетная.
Отпечатано на дупликаторе на кафедре «Дизайн, рекла-
ма и технология полиграфического производства».
Тираж 1000 экз. (2-й завод 1-200). Заказ 109.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

- И.Г. Шпакина.** О значении профессиональной компетентности руководителей муниципальных образовательных учреждений в работе с персоналом в условиях модернизации образования. 5
- В.Д. Полканов.** ОмГТУ: путь к совершенствованию работы по повышению качества обучения студентов (К вопросу о разработке концепции проблемы). 9
- А.В. Гидлевский.** Методология исчисления трудности содержания учебно-методического обеспечения для задач управления качеством образования 14

ОБЩЕСТВО. ИСТОРИЯ. СОВРЕМЕННОСТЬ

- М.А. Весна.** Транзитивность научного объяснения природных и интересубъектных феноменов самоорганизации. 18
- Е.Н. Нагапетян.** Долженствование и его структура. 21
- С.К. Босынов.** Национальное и общечеловеческое: аксиологический аспект. 24

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бытование концептов и их место в русской концептосфере

- С.М. Авласович.** Концепт «святость» в картине мира Епифания Премудрого. 28
- Е.Н. Беляя.** Способы языковых и речевых репрезентаций эмоции «печаль» в русской и французской языковых картинах мира (на словарном и текстовом материале). 31
- А.С. Зинковская.** Лексико-семантическая группа «домашняя выпечка» как репрезентация концепта «хлеб» (на материале говоров Среднего Прииртышья). 35
- Е.С. Савельева.** Пространственные характеристики концептов «родства» и «дружбы». 38

Отражение фрагментов восприятия в языковой картине мира

- Т.С. Борейко.** Предикаты тактильного восприятия в русской языковой картине мира. 42
- М.А. Бородина.** Семантическая множественность «я» повествователя в осмыслении основных понятий бытия (на материале «Записок врача» В.В. Вересаева). 46
- Т.Г. Галкина.** Анализ репрезентации чувственной ткани образа сознания в художественном тексте (на примере анализа рассказа В.В. Набокова «Красавица»). 50
- Т.В. Лебедева.** Особенности концептуализации «движения назад» в лирике А. Ахматовой. 53
- О.Г. Лещинская.** Поле зрительного восприятия в языке города. 55
- О.Ю. Николенко.** Лексико-семантическое варьирование наименований родства в народно-разговорной речи. 58
- Н.Д. Федяева.** Мерность бытия в русской языковой картине мира. 62
- Н.Н. Щербакова.** Существительные с модификационными значениями «женскости» и субъективной оценки в русском просторечии XVIII века. 65
- С.П. Ячменёва.** Функции аргоизмов в художественном тексте (XIX в.). 68

Речевая специфика жанров

- Е.А. Абросимова.** Бардовская песня в контексте альтернативных песенных направлений. 72
- Э.В. Акаева.** Коммуникативные стратегии врачей - участников научно-популярных медицинских программ. 75

**ТРЕБОВАНИЯ
К ОФОРМЛЕНИЮ
НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, НАПРАВЛЯЕМЫХ
В «ОНВ»**

О содержании. В заключительной части статьи необходимо отразить новизну результатов исследования, область их применения, указать конкретные предприятия, организации, в которых рекомендуется использование выводов, полученных автором. Просим акцентировать полезность научных разработок для Омского региона.

Об оформлении. Статью необходимо набрать на компьютере в редакторе *Word* версии не более ранней, чем *Word 2000*, распечатать на бумаге форматом А4 (210×297 мм).

Оригинал должен быть чистым, не согнутым, без ручных правок, страницы пронумерованы на обороте. Окончательный вариант статьи не должен содержать более 12 страниц. Наряду с распечатанной представляется электронная версия на дискете 3,5 дюйма, CD или DVD, в некоторых случаях допускается пересылка материала по электронной почте.

Поля. Сверху и снизу – по 2,5; слева и справа – по 2 см.

Заголовок и аннотация. В верхнем левом углу листа проставляется УДК. Далее по центру шрифтом *Times New Roman Cyr* размером 10 пт – инициалы, фамилия автора, строкой ниже полное название организации. Ниже по центру шрифтом 12 пт печатается название статьи и через строку аннотация обычным шрифтом 10 пт.

Не допускаются (!):

- набор всех указанных текстов прописными (заглавными) буквами;
- жирным шрифтом;
- помещение всех указанных элементов в рамки и имитация оформления набора, выполняемого в журнале.

Ниже через 1-2 строки помещают основную текст статьи.

Основной текст статьи набирается шрифтом *Times New Roman Cyr* 10 или 12 пт. Абзацный отступ 0,5 см. Межстрочный интервал полуторный.

Не допускаются (!):

- наличие в тексте двух и более пробелов подряд;
- знаков табуляции;
- имитация выключки и абзацного отступа пробелами и знаком табуляции.

Ссылки на литературные или иные источники оформляются числами, заключенными в квадратные скобки (например, [1]). Ссылки должны быть последовательно пронумерованы (сквозная, а не постраничная нумерация). Сам библиографический список помещается после основного текста.

Примечания оформляются числами в виде верхнего индекса. Примечания должны быть последовательно пронумерованы (сквозная, а не постраничная нумерация). Тексты примечаний помещаются после основного текста перед библиографическим списком.

Формулы. Простые внутрострочные и однострочные формулы должны быть набраны без использования специальных редакторов – символами (допускается использование (вставка) специальных

- Е.Ю. Белкина.** Опыт экспериментального исследования особенностей восприятия художественного текста. 77
- Е.А. Иванова.** Эпистолярный текст как проявление коммуникативной компетенции языковой личности. 82
- О.В. Кобзеева.** Аксиологические значения и способы их выражения в речевом жанре «театральная рецензия». 85
- Т.Ю. Колягина.** Образ Царского Села как отражение мифа о Золотом веке в лирике А.С. Пушкина. 89
- П.А. Манянин.** Аргументативно-синтаксическое исследование составного рекламного текста: к постановке проблемы. 92

Лингвокультурологические аспекты

- Е.В. Гердт.** Передача национально-культурной информации (на примере категории времени в английском и русском языках). 95
- Н.А. Коровина.** Смысловое и эмотивное наполнение когнитивной количественной категории единичности и множественности в языковой картине. 98
- И.Г. Оконешникова.** Особенности воплощения полисенсорности (полиmodalности) авторского восприятия в художественном тексте. 102
- А.А. Пеньков.** Сопоставительный анализ переводов эвфемизмов с английского языка на русский (на материале повести Дж. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки»). 104
- А.В. Помогалов.** Понятие и основные психологические параметры девиантного поведения. 106
- М.Х. Рахимбергенова.** Этнические номинации в современной прессе. 108
- Т.В. Шкайдерова.** «Тоталитарный язык»: специфика, функции и проблемы изучения. 111
- Е.А. Штехман.** Особенности языкового сознания носителей русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья в аспекте анализа диалективного текста. 117
- А.А. Юнаковская.** Модель поведения современного горожанина как отражение мировосприятия (на материале г. Омска). 121

Литературоведение

- С. М. Авласович.** Литературные источники и роль амплификации в агиографии Епифания Премудрого. 125
- Н.П. Деменкова.** Концепт судьбы в лирике А. Блока. 128
- В.И. Хомяков.** К истории русско-казахских связей (на примере творчества П. Васильева). 131

Языкознание

- М.В. Батюшкина.** Фиксированность, разноместность, подвижность – основные свойства современного русского словесного ударения (на материале словоизменения). 135
- М.С. Выхрыстюк.** Порядок следования главных членов в простом предложении в деловой письменности г. Тобольска конца XVIII века. 139
- Н.В. Кожанова.** Описательные номинации в системе номенклатурных наименований лиц по профессии в немецком языке. 142
- О.Ю. Николенко.** Об определении имён родства как терминов. 144

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- О.Е. Шелудякова.** Претворение принципов импровизационности в методике позднего романтизма. 147
- М.Ю. Кушпилева.** Особенности музыкального лексикона «Stabat mater». 153

ЭКОНОМИКА, ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

- Е.Г. Горшков.** Свободные экономические зоны как необходимое условие организации деятельности технопарков. 157

символов, например €, ∫, ⇒, из шрифтов Symbol, Greek Math Symbols, Math A, Math-PS, Mathematica BTT). Специальные сложные символы например \bar{b} , \bar{r} , а также сложные и многострочные формулы, которые не могут быть набраны обычным образом, должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Equation 3.0 или MathType 5.0.

Не допускается (!):

- набор в основном тексте статьи простых латинских, греческих или специальных символов в редакторе формул;
- размещение формулы и ее порядкового номера в таблице.

Категорически запрещается набирать отдельные элементы формулы в редакторе формул, а другие – обычным образом. Формула должна быть целиком набрана либо в редакторе формул, либо – простым набором.

Набор всех не однострочных (!) формул должен быть осуществлен в редакторе формул Microsoft Equation 3.0 или MathType 5.0.

Таблицы должны быть последовательно пронумерованы (жирным шрифтом, например, «Таблица 1» с выравниванием вправо): ниже – озаглавлены (заглавие набирается жирным шрифтом по центру).

Таблицы помещаются на новой странице **в самом конце статьи**, последовательно, согласно нумерации. В основном тексте должны содержаться лишь ссылки на них.

Если таблица имеет большой объем, она может быть помещена на отдельной странице, а в том случае, когда она имеет значительную ширину, – на странице с альбомной ориентацией.

Иллюстрации должны быть последовательно пронумерованы (обычным шрифтом, например, «Рис. 1» с выравниванием по центру) и ниже, если необходимо, – содержать подрисовочную подпись (обычным шрифтом с выравниванием по центру).

Иллюстрации размещаются на новой странице **в самом конце статьи**, (после таблиц, если таковые имеются) последовательно, согласно нумерации.

Иллюстрация большого формата должна быть помещена на отдельной странице, а в том случае, когда она имеет значительную ширину – на странице с альбомной ориентацией.

Иллюстрации могут быть сканированными с оригинала (в градациях серого с разрешением 150 dpi) или выполнены средствами компьютерной графики. Допускается, а в случае с иллюстрациями большого объема (файла) **приветствуется, размещение иллюстраций в отдельном файле** электронной версии.

Не допускается:

- размещение иллюстраций в основном тексте, особенно – верстка (с одно-, двух- и трехсторонней оборкой текстом);
- сканирование в цветном режиме или с разрешением 300 dpi и более.

Если авторы по техническим причинам не могут представить электронные версии иллюстраций, в качестве иллюстраций принимаются черно-белые фотографии, рисунки, выполненные на компьютере или черной тушью от руки или распечатанные на лазерном принтере.

Тексты примечаний. Ниже основного текста набирается по центру жирным шрифтом заглавие «Примечания» и через строку помещаются тексты примечаний, пронумерованные числом в виде верхнего индекса (например, ¹).

Библиографический список. Если в тексте есть ссылки на литературные или

Ю.Н. Назаркина. Формирование потребности в кадрах руководителей и специалистов сельскохозяйственных организаций. 160

Е.В. Яковлева. Актуализация вопросов инновационного менеджмента в современных экономических условиях. 164

Г.А. Фалилеева. Сервис на железнодорожном транспорте как фактор модернизационных процессов в Сибири в конце XIX – начале XX веков. 168

Т.Ф. Ящук. Организация местных налогов и сборов (на примере отечественного опыта 1920-х годов). 172

Е.С. Семенова. Моделирование процесса модернизации автобусных парков городов Сибири 176

Л.В. Эйхлер, О.В. Фалалеева. Постоянные затраты и факторы, оказывающие на них влияние, на грузовых автотранспортных предприятиях. 179

С.А. Кацнель, В.С. Фещенко. Интеллектуальные ресурсы Омской области в системе рыночных отношений: проблемы управления. 181

Краткие сообщения

Н.А. Левочкина. Природно-ресурсный потенциал территории как основа формирования туристского каркаса региона. 189

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

М. А. Романенко. Особенности расследования преступных нарушений авторских прав в Интернете. 191

В.В. Головин. Оценка деятельности руководителей в управлении территориальным органом ФССП. 196

М.А. Суворов. Налоговая тайна: содержание и ответственность за ее разглашение. 199

Л. А. Калганова. Применение криминометрического подхода в определении эффективности методов организационного контроля в сфере деятельности Федеральной службы судебных приставов России. 202

М.Х. Абдрахманов. Деловая репутация юридического лица: правовая природа, направления и способы охраны в уголовном процессе. 205

М.Ю. Дитятковский. Виды отдельных государственных полномочий, которыми наделены либо могут наделяться органы местного самоуправления. 209

Т.М. Фахрутдинова. Стимулирование как средство обеспечения внутреннего трудового распорядка организации. 215

С.Э. Маслей. Правовое регулирование сноса и расселения ветхого и аварийного жилищного фонда органами местного самоуправления. 219

М.А. Кожевина, Н.Н. Салева. Убийство, сопряженное с иными преступлениями: к истории отечественного уголовного права. 223

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.Ф. Филатова. Типологии характера в отечественных психолого-педагогических исследованиях. 227

В.С. Кубарев. Два деятельностных подхода в отечественной психологии личности. 230

М.Ю. Семенов. Изучение отдельных аспектов материальной удовлетворенности. 234

Е.В. Лопанова. К проблеме профессионального мышления педагога. 237

Е.С. Шабалина. Развитие самообразовательной деятельности студентов как педагогическая проблема. 242

Е.Е. Петренко. Ключевые концепты в языковой картине мира младшего школьника. 245

О.В. Кульчейко. Специфика организации процесса подготовки студентов педагогического колледжа к воспитательной работе с детьми-сиротами. 249

иные источники информации, ниже основного текста (или текстов примечаний) печатается по центру заглавие «Библиографический список» и помещается пронумерованный перечень источников в соответствии с действующими требованиями к библиографическому описанию.

Реферат статьи, предназначенный для публикации в реферативном журнале, помещается ниже иллюстраций или таблиц и составляется из 45-50 слов по следующему образцу:

Экспериментальное определение размеров деталей при вытяжке / Ковалев В.Г., Григорьян В.В. // Омский научный вестник. — 2001. — Вып. 14. — С. 37-39. — Рус.

На основании проведенных исследований установлены качественные и количественные зависимости между отдельными параметрами процесса вытяжки: относительным зазором между пуансоном и матрицей, коэффициентом вытяжки, относительной и исходной толщиной заготовки и конечными значениями толщины стенки и диаметра цилиндрической детали по всей ее высоте. Ил. 3. Библ. 4.

Текст на английском языке. После реферата на русском языке приводится английский перевод заглавия статьи, фамилии автора, названия организации и реферата.

В ОРИГИНАЛЬНОЙ ВЕРСИИ СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДАКЦИЮ, НЕ ДОПУСКАЕТСЯ ИМИТАЦИЯ ОФОРМЛЕНИЯ ЖУРНАЛЬНОЙ ВЕРСТКИ!

К распечатанному варианту статьи необходимо приложить следующие сведения об авторе: фамилия, имя, отчество; ученая степень, звание, должность, место работы, номер телефона, а также экспертное заключение об открытой публикации материалов; для авторов, не имеющих ученой степени, — рецензию специалиста с ученой степенью.

РЕДАКЦИЯ ВПРАВЕ ОТКАЗАТЬ В ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ, ЕСЛИ ОНА НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ТРЕБОВАНИЯМ ПРЕДЪЯВЛЕННЫХ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В «ОНВ».

- Е.П. Щербаков, А.А. Богунов.** Некоторые аспекты образовательных инноваций в решении проблем психологической адаптации. 251
- Т.В. Акулинина, В.А. Герасимов.** Настольные ролевые игры: история развития и терминология. 254
- Н.Ф. Антипенко, З.В. Семёнова.** Особенности организации учебно-исследовательской деятельности на уроках информатики. 257
- М.С. Шихалева.** Технология педагогического сопровождения становления успешной профессиональной деятельности будущего педагога в образовательном процессе вуза. 259

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

- И.В. Сечкина.** Мониторинг текущей успеваемости как средство управления самостоятельной работой студентов по математике. 264
- И.В. Кирьякова.** Учебные задачи по информатике как средство развития качеств продуктивного мышления будущих учителей информатики. 268
- С.В. Данилова.** Формирование толерантности у студентов младших курсов в процессе обучения иностранному языку. 270
- Н.А. Гончарюк.** Особенности языковой картины мира российских немцев и ее роль в обучении немецкому языку. 274
- В.Р. Беломестнова.** Математическое моделирование как средство интеграции курса математики с физическими дисциплинами при обучении студентов физических специальностей. 276

Российские научные журналы	8, 218
Книжная полка	13, 17, 57, 88, 91, 116, 120, 156, 159, 163, 167, 171, 180, 190, 222, 226, 236, 241, 248, 253, 256, 263, 279
Информация	61
Календарь научных мероприятий	71, 81
Конкурсы	134
Contents	280

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 373.6/9

И. Г. ШПАКИНА

Омский государственный
педагогический университет

О ЗНАЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РАБОТЕ С ПЕРСОНАЛОМ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

На основании анализа научной литературы, нормативных документов по модернизации российского образования анализируется проблема профессиональной компетентности руководителей общеобразовательных школ в вопросах управления персоналом учреждения и пути ее решения с учетом реализации приоритетного национального проекта «Образование».

Необходимость рассмотрения проблем образования в контексте регионализации вызвана тем, что среди образовательных приоритетов к началу 90-х годов XX столетия получили международное признание региональные подходы в качестве рабочих ориентиров в программах ЮНЕСКО. Вместе с этим в конце XX века стало развиваться новое направление в ряду социальных наук — регионология, в рамках которой появились новые подходы к осмыслению социальных явлений на региональном уровне.

Современная государственная политика также связана с перераспределением полномочий между центром, регионами и муниципалитетами, введением рыночных связей и отношений, которые обусловили создание определенных региональных и муниципальных комплексов. В этой связи принцип регионализации стал особенно актуален на современном этапе развития регионов и общества в целом.

Происходившие государственно-политические и социально-экономические преобразования конца 80-х — начала 90-х годов оказали существовавшее

влияние на российское образование. Они позволили обеспечить многообразие образовательных учреждений и вариативность образовательных программ, развитие многонациональной российской школы и негосударственного сектора образования.

Возникновение современной проблематики муниципального управления образованием относится ко времени начала демократических изменений в СССР. В результате перераспределения полномочий между образовательными учреждениями, а также государственными и муниципальными органами управления образованием, у муниципальных образований появилось больше ответственности и прав в обеспечении функционирования, развития и модернизации образовательной системы. Это зафиксировано и в нормативно-правовой базе образования, и на уровне традиций. Начавшиеся процессы напрямую затрагивают интересы муниципальных образований, в связи с чем участие муниципального уровня управления в решении проблем модернизации образования представляется одним из ключевых факторов успеха.

В трудах В.Г. Афанасьева, И.В. Блауберга, Д.М. Гвишиани, С. Доннела, Г. Кунца, А. Файоля, В.Н. Садовского, Ф. Тейлора разработаны фундаментальные основы управления социальными системами. В работах Ю.В. Васильева, Е.С. Березняка, Ю.А. Конаржевского, М.И. Кондакова, П.В. Худоминского и др. определены общие закономерности управления целостными системами образования. Этими авторами обоснована взаимосвязь эффективности педагогического труда и качества управления системой образования, поставлены вопросы совершенствования информационно-методической службы повышения квалификации руководящих и педагогических кадров для развития системы образования.

Современные тенденции и особенности развития систем образования вычленены в работах Б.С. Гершунского, В.И. Генцианского, Ю.В. Громыко, В.И. Журавлева, В.И. Загвязинского, В.В. Краевского, И.Я. Лернера, Н.Н. Пахомова, А.П. Тряпичиной и др.

Проблемы развития систем образования в регионе рассмотрены в работах О.Е. Лебедева, Н.Д. Малахова, В.В. Москина, В.Б. Новичкова, В.И. Подобеда, С.А. Репина, В.Н. Скворцова, Л.Н. Феденко и др.

Проблемам управления образовательными системами в контексте современной социокультурной ситуации уделено внимание в трудах М.В. Артюхова, Е.С. Заир-Бека, В.С. Лазарева, М.М. Поташника, Н.И. Роговцевой, П.И. Третьякова и др.

В условиях возрождения местных сообществ в России и становления муниципальных начал содержательное понимание муниципальной образовательной системы связано именно с ее направленностью на реализацию потребностей местного сообщества, включая выработку специфического муниципального заказа на образование.

Современное понимание муниципальной образовательной системы связано с рассмотрением ее как образовательного сообщества (его профессионального ядра и связанных с образованием контрагентов, взаимодействующих сил) вместе с осуществляемым им для возможно более полного удовлетворения образовательных и культурных потребностей и запросов всего населения муниципальной территории процессами: собственно образовательными, обеспечивающими, управлен-

ческими, инновационными и с создаваемой для их эффективного осуществления совокупностью образовательных учреждений, сервисных (обеспечивающих) организаций, служб и органов управления. Сегодня появилась возможность говорить о создании единого муниципального образовательного пространства, о системе взаимодействия муниципальных органов управления образованием со школами и другими учреждениями, обладающими образовательно-воспитательным потенциалом [1].

Модернизацию управления образованием можно рассматривать как процесс перехода от существующей системы управления к новой управленческой модели. Л.И.Евенко считает, что за последнее столетие произошла смена четырех концепций роли кадров в производстве [2]:

1. Использование трудовых ресурсов с конца XIX в. до 60-х г.г. XX в., когда вместо человека в производстве рассматривалась лишь его функция – труд, измеряемый затратами рабочего времени и заработной платой.

2. Управление персоналом в свете теории бюрократических организаций (30-е годы XX в.), когда человек рассматривался через формальную роль – должность, а управление осуществлялось через бюрократические механизмы (принципы, методы, полномочия, функции).

3. Управление человеческими ресурсами, когда человек стал рассматриваться не как должность (элемент структуры), а как невозобновляемый ресурс – элемент социальной организации в единстве трех компонентов (трудовой функции, социальных отношений, состояния работника). В российской практике эта концепция используется фрагментарно уже более 30 лет.

4. Управление человеком. В соответствии с этой концепцией человек – главный субъект организации и особый объект управления, который не может рассматриваться как «ресурс». Исходя из желаний и способностей человека, должны строиться стратегия и структура организации. Основоположниками этой концепции считаются лидеры японского менеджмента К. Мацусита, А. Морита и автор концепции всестороннего развития личности Л.А. Зеленов.

Для образовательной ситуации начала XXI века характерно специфичное сочетание нескольких факторов. Уже в последние десятилетия XX века динамика развития экономики стала определяться, в первую очередь, не наличием материальных ресурсов и производственных мощностей, а возможностями привлечения в процесс производства квалифицированных кадров и, самое главное, – формированием эффективного повышения квалификации кадров без отрыва от основной деятельности (непрерывное образование).

В связи с приданием особой значимости роли персонала в каждой организации и, в первую очередь, роли руководителей (менеджеров) в ней, целесообразным становится создание в муниципальных департаментах (управлениях) образования отдельного структурного подразделения – отдела управления персоналом, главными задачами которого должны стать совокупность направленных работ с персоналом руководителей образовательных учреждений муниципальной системы образования по выстраиванию с ними системы управления персоналом в каждом учреждении.

В создавшихся условиях возросла необходимость поиска и реализации современных механизмов

управления развитием кадрового потенциала руководителей муниципальных образовательных учреждений, согласованных с целями и задачами совершенствования образовательных систем. Тем самым обосновывается значимость целенаправленной деятельности по развитию кадрового потенциала муниципальной образовательной системы в контексте модернизации, целью которой является социокультурное развитие муниципального образования, а концептуальным фундаментом – реализация компетентностного подхода.

Компетентностный подход является прямым следствием практико- и проблемно-ориентированных систем обучения Дж. Локка, Дж. Дьюи, Г. Кершенштейнера, А. Лая и др. Одновременно реализация компетентностного подхода обусловлена изменением принципов управления образованием, в том числе переходом от нормативного управления к процессам управления качеством, менеджменту процессов (Л. Якокка, Э. Деминг, К. Ишикава).

На сегодняшний день только начинает разворачиваться работа по комплексному исследованию муниципальной образовательной системы с точки зрения оценки присущего ей кадрового потенциала и выявления возможностей его развития в рамках процесса модернизации. Ряд авторов считает, что наиболее актуальными задачи реформирования стали для системы образования в крупных, промышленно развитых городах [3]. Специфика этих городов заключается в большом разнообразии жизненных укладов, потребностей, привычек, в разнородности социального состава, отсутствии замкнутых социальных ячеек, концентрации науки, культуры, производства и др. Перечисленные особенности городского социума вызывают изменения и в его системе образования: нарастает процесс старения школьной образовательной сети, изменяется ее структура; возникает неудовлетворенность качеством образования отдельных социальных слоев; наблюдается общее старение педагогического корпуса, постоянно снижается его материальный уровень; разрушается представление о едином универсальном социальном заказе для всей системы образования и др. В связи с перечисленными особенностями современного этапа развития муниципальной системы образования крупного города (демократизацией и муниципализацией образования) грамотно проводимая (компетентная) работа руководителей учреждений образования с персоналом учреждения для получения наилучших результатов в работе приобретает особую важность.

Термин «компетентность» в современном научно-педагогическом знании не имеет однозначного толкования. На сегодняшний день нет единой классификации компетентностей, так же как нет и единой точки зрения на то, сколько и какие компетентности должны быть сформированы у человека. Очевидно, такая ситуация сложилась потому, что рассматриваемое понятие носит сложный интегративный характер. В зависимости от используемого в исследовании подхода понимание сути компетентности будет изменяться. В современной ситуации, в которой находится школа, надежды на выход из трудного положения связываются с компетентным управлением.

Характер новых потребностей в управлении при этом таков, что для их удовлетворения уже явно не хватает усердия и самоотверженности, традиционно присущих большинству практикующих

руководителей школ: речь идет о качественно новом уровне управленческой компетентности, о становлении и развитии подлинного управленческого профессионализма субъектов внутришкольного управления.

А.М. Моисеев считает, что управление персоналом школы – ключевая функция внутришкольного управления, главная составная его часть. Управление персоналом школы представляет собой целенаправленную, систематическую деятельность руководителей, других субъектов в следующих направлениях: в разработке концепции управления персоналом школы, принципов кадровой политики; определении перспективных потребностей в персонале и возможностей их удовлетворения; формулировании критериев подбора педагогических работников, других работников оргструктур управления персоналом школы; проектировании возможного влияния школы на подготовку и привлечение нужных работников и реализации соответствующих мер, в том числе создание благоприятных условий труда, быта, отдыха, творческого роста, социальной защиты работников; нормативно-правовое обеспечение управления персоналом школы; выбор оптимальных для конкретных условий стиля и методов руководства персоналом; проектирование и реализацию технологии управления персоналом школы [4].

В современных условиях следует признать наличие в муниципальной системе образования квалифицированных управленческих кадров, разделяющих точку зрения о том, что:

- *процесс развития кадрового потенциала представляет собой ключевое направление модернизации образования на муниципальном уровне. Это определяется действием следующих факторов: интегрированностью образовательной деятельности на муниципальном уровне в местный социокультурный контекст; значимостью карьерных и статусных факторов в процессе модернизации муниципальной образовательной практики; личностным характером взаимодействия и согласования различных интересов в муниципальной системе образования: государственных, муниципальных, ведомственных, институциональных, личных;*

- *базовыми понятиями (категориями), выражающими сущность компетентностного подхода к решению проблемы развития кадрового потенциала муниципальной системы образования, являются: кадровый потенциал образования, как системная характеристика готовности субъектов образовательной деятельности к реализации внешнего образовательного заказа и внутренних потребностей муниципальной образовательной системы в развитии, а также индивидуальных потребностей в профессиональном и карьерном росте; человеческий потенциал образования, как системная характеристика ценностно-смысловых отношений всех субъектов муниципальной системы образования к совместной деятельности в образовательном пространстве и ее результатам; кадровая политика в образовании как концептуально-обоснованная культуросообразная и позиционно-осмысленная деятельность по целенаправленному изменению и развитию кадрового и человеческого потенциала образования; кадровые технологии, как модели управленческой деятельности по решению специфических задач кадровой политики (диагностика кадрового потенциала руководителей муниципальных образовательных учреждений,*

привлечение новых кадров, в том числе руководителей, проектирование повышения квалификации действующих управленцев и др.).

Прогностическая модель управленческой компетенции субъекта муниципальной образовательной системы, на наш взгляд, включает следующие основные элементы: характеристику образовательной и социокультурной ситуации с точки зрения выдвигаемых ими принципиальных требований; базовые компетенции, представляющие собой структурированный перечень параметров деятельности и критериев их реализации; системные требования к организации непрерывного повышения квалификации управленческих кадров в логике компетентностного подхода.

Нам представляется, что для обеспечения эффективного развития кадрового потенциала руководителей муниципальных образовательных учреждений необходимо выполнение следующих требований: *непрерывный характер* повышения их квалификации, в том числе на рабочем месте через проектную организацию деятельности; *системный подход* к формированию содержания повышения квалификации; *интеграция моделей* традиционного и дистанционного обучения. Эти требования предъявляются к повышению профессиональной компетентности руководителей и документами реализуемого в России приоритетного национального проекта «Образование», в которых говорится: «Крайне важно, чтобы одновременно с позитивны-

ми изменениями во всей сфере образования делалась ставка на лидеров. Ведь качество образования главным образом зависит от конкретных учителей и директоров школ» [5].

Библиографический список

1. Малахов Н.Д. Развитие муниципальной системы управления образованием. // Педагогика. - 1998. - №7. - С. 20-26.
2. Управление человеческими ресурсами: стратегия и практика: Тезисы докладов на Международной конференции 26-28 апреля 1996 г. — Алма-Ата, 1996. — 91с.
3. Артюхов М.В. Теория и практика управления развитием муниципальной системы образования. / Автореф. дисс...докт. пед. наук. — Новокузнецк, 1999. - 38с.
4. Управление школой: Словарь-справочник руководителя образовательного учреждения / Под редакцией А.М. Моисеева, А.А.Хвана. — М.: Педагогическое общество России, 2005. -320с.
5. Выступление министра образования и науки РФ А. Фурсенко в Кремле 05 сентября 2005 г.// Российская газета. 2005. 7 сентября.

ШПАКИНА Ирина Гидальевна, начальник отдела управления персоналом департамента образования администрации города Омска.

Дата поступления статьи в редакцию: 03.08.06 г.
© Шпакина И.Г.

Российские научные журналы

Ассоциация инженерного образования России приступила к формированию четвертого номера журнала «Инженерное образование» (выпуск в феврале 2007 г.).

Подготавливаемый номер журнала будет посвящен решению проблем опережающего инновационного образования: содержание, образовательные технологии, организация, а также проектирование инновационных образовательных программ.

Опережающее профессиональное образование направлено на развитие у студентов природной предрасположенности к получению знаний, формированию методологической культуры и переходу от созерцательного и концептуального осмысления действительности к решению прикладных социальных, управленческих, технологических и других задач, ориентированных на создание высокоэффективных производящих структур, стимулирующих рост и развитие различных сфер социальной деятельности.

Редакция принимает статьи, посвященные общенаучному анализу содержания опережающего инновационного образования, специфики инструментов и механизмов формирования нового качества в компетентностно - ориентированных образовательных системах, а также концептуальным основам и моделям создания систем опережающего инновационного образования.

На страницах подготавливаемого выпуска журнала планируется публикация статей, посвященных отечественному и зарубежному опыту создания, опережающего инновационного образования, принципов его внедрения в традиционные образовательные системы, критериям соответствия качества опережающего инновационного образования требованиям рынка труда, методическая и информационная поддержка систем опережающего профессионального образования.

Содержание статей должно соответствовать указанной выше направленности, объем статей 6-10 страниц, включая графики и рисунки. Редакция принимает для опубликования в первую очередь статьи членов Ассоциации инженерного образования России.

Редакционная коллегия журнала принимает для публикаций в журнале рекламные материалы от физических и юридических лиц. Стоимость опубликования рекламных материалов определяется договором.

Статьи для опубликования в журнале и все требуемые материалы принимаются только по электронной почте по адресу: lika@cc.tpu.edu.ru до 20 декабря 2006 года.

По всем вопросам обращаться к **Аграновичу Борису Львовичу**, ответственному секретарю журнала, тел. (3822)421-502, 591508, факс (3822)420763 и **Новиковой Альбине Анасовне**, ведущему специалисту информационно-аналитического отдела Ассоциации инженерного образования, тел./факс:(3822)420763, 504305 E-mail: lika@cc.tpu.edu.ru.

ОМГТУ: ПУТЬ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РАБОТЫ ПО ПОВЫШЕНИЮ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ (К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ КОНЦЕПЦИИ ПРОБЛЕМЫ)

В настоящее время высшее образование в России оказалось в сложной и мучительной ситуации исторического выбора. При этом минвузовские реформаторы в первую очередь стремятся утвердить в своей отрасли «либеральные ценности», которые, в конце концов, выливаются в дремучую простоту – АУнизацию (т.е. приватизацию) высшей школы.

Как одна из немногих разумных идей из этого губительного ряда все явственнее стала пробиваться давно назревшая проблема повышения качества обучения в высшей школе. Причем как в мире, так и в нашей стране.

Этому вопросу и посвящена настоящая статья. В ней сделана попытка обобщения некоторого опыта в столь важном направлении развития высшего образования, высказаны предложения о совершенствовании работы по повышению качества обучения студентов применительно к Омскому государственному техническому университету.

Как показывает практика, все высшие учебные заведения, разрабатывая концепцию повышения качества обучения, начинают оформление документа с формулировки понятия «миссия вуза»¹. Не претендуя на безупречность, рискну это сделать и я. В чем, к примеру, на мой взгляд, заключается миссия нашего вуза.

Миссия (задача) вуза

Подготовка высококвалифицированного специалиста, с активной жизненной позицией, способного к саморазвитию, осознанию ответственности за престиж своей профессии, судьбу страны; завоевание статуса ОмГТУ как крупного образовательного и культурного центра среди технических вузов региона; организатора создания омского научно-образовательного комплекса, объединяющего усилия технических вузов и ведущих научных коллективов для разработки наиболее перспективных направлений науки и техники.

Значимость проблемы

Работа по повышению качества обучения студентов непростая². Но она жизненно необходима, ибо вузы могут утратить свой высокий социальный статус. Сегодня настал период, чтобы серьезно осознать последствия подобной деградации.

Объективной основой развертывания работы по повышению качества образования в нашей стране является то, что если с 1991 по 2000 год вузы испытывали период выживания и было не до качества обучения, то с 2000 года, как подсказывает статистика, наступил период развития страны. К тому же налицо бурно разворачивающийся процесс глобализации, который ставит ныне отнюдь не абстрактные вопросы «Кто кого?», «Быть или не быть?», обязывают нас не расслабляться. А главной защитой от этого – высококачественная продукция, ответственная работа повсеместно. Тем более в вузах (особенно в технических), где проблема подготовки

высококвалифицированных кадров является одной из определяющих развитие как внутреннего экономического потенциала России, так и внешнего – стратегического.

Постановка идеи качества в образовании

В мировой практике серия норм обеспечения качества в образовании возникла давно и была заложена в Международные стандарты серии ISO – 9000, разработанной Международной организацией стандартов (International Standards Organization – ISO). Однако до середины 90-х годов XX века только некоторые образовательные учреждения в мире были сертифицированы в соответствии с требованиями норм международных стандартов серии ISO – 9000. Это говорит о том, что путь повышения качества обучения не простой и нескоротечный. Но время не ждет!

В последние годы в российских вузах была начата работа по созданию и внедрению национальной и международной сертификации систем качества в соответствии с требованиями международных стандартов серии ISO – 9000: 2000. Наличие таких внутривузовских систем включено в перечень обязательных требований при государственной аккредитации высших учебных заведений. С 2000 года Рособразованием проводится конкурс «Внутривузовские системы обеспечения качества подготовки специалистов», в вузах создаются соответствующие подразделения и общественные структуры. На государственном уровне ведется систематическая работа по совершенствованию процедур лицензирования, аттестации и аккредитации высших учебных заведений, в том числе с привлечением работодателей и профессиональных объединений для обеспечения объективности и достоверности оценки.

При построении этой системы организаторы, как правило, исходят из принципа универсальности применяемых моделей и стандартов, то есть из унифицированности системы оценки результатов

деятельности, как самими вузами, так и ведомственными министерствами. 19 января 2004 года приказом Минобразования России был создан совет по координации управления качеством высшего профессионального образования.

Проекты в области управления качеством образования поддерживались Национальным фондом подготовки кадров, программой Темпус-Тасис Европейского союза, Бюро CROSS, Ассоциацией голландских университетов NUFFIK.

По инициативе вузов и поддержке Минобрнауки России, Рособлнадзора, Рособразования проводились **конференции и семинары** по проблемам совершенствования качества образования

27 октября 2005 года в Российской академии государственной службы под председательством министра образования и науки Российской Федерации А.А. Фурсенко был проведен «круглый стол» «Общественная оценка качества образования», основными итогами которого стали решения по определению механизмов сотрудничества и координации государственных, профессиональных и общественных организаций в области оценочных процедур деятельности образовательных учреждений и качества подготовки специалистов.

За период с 2002 года 46 образовательных учреждений сертифицировали систему менеджмента качества по государственным стандартам ГОСТ Р ИСО и международным стандартам серии ISO-9000. Их сертификация осуществлена российскими и международными органами по сертификации. В России на 2006 год действовало более 50 органов по сертификации систем менеджмента качества в сфере образования. Их деятельность заключается в оценке качества управленческой структуры учебных заведений, проведение консалтинга и последующего, после сертификации системы, мониторинга¹.

Особую значимость приобретает проблема повышения качества обучения в технических вузах. Дело в том, что научные исследования показывают весьма существенное снижение статуса инженерных профессий в Российском обществе. На относительно высокий престиж этих профессий в нашей стране в 1999 году указали лишь 3,1% преподавателей из регионов России и 15,1% представителей вузов г. Москвы. Это резко контрастирует с положением в развитых странах, где 65,2% респондентов отмечают достаточно высокий престиж инженерных профессий, а следовательно, и высшего технического образования в их обществе².

Сегодняшняя обстановка мало в чем изменилась в результате катастрофического положения в отраслях промышленности и в научно-технической сфере. Так что проблема подготовки инженерных и научно-технических кадров является одной из важнейших социально-политических проблем нашего общества.

Как оценивать качество высшего образования

Эта проблема волнует весь мир. Она понимается многими преподавателями технических вузов широко, системно. Их подход к оценке и повышению качества инженерного образования базируется в основном на концепции интегрированного качества (Total Quality Concept), сегодня наиболее энергично внедряемая в менеджменте.

Главный её критерий при оценке качества – удовлетворение нужд потребителей в конечном продукте и оказываемых услугах. Однако этот

подход с запашком коммерциализации высшего образования для российской системы явно недостаточный. Оценка качества обучения должна производиться не только на конечном этапе образовательного процесса, но и непрерывно и всесторонне, учитывая не только уровень знаний, умений, навыков студентов и выпускников, но их нравственно-этическую сторону, зрелость, активную гражданскую позицию.

Факторы, влияющие на качество подготовки высококвалифицированного специалиста

На качество инженерного образования оказывают влияние как внешние, так и внутренние условия, как объективные, так и субъективные факторы. Здесь и престиж инженерной профессии; и её востребованность, отношение молодежи к инженерной карьере, наличие квалифицированного профессорско-преподавательского состава, уровень деятельности самого вуза во всех направлениях и т.д. И самое главное – повышение качества инженерного образования – дело общенародное, более того – общенациональное, ибо качественное техническое образование – это не только основа личного благополучия, повышения престижа профессии, но и, как было подчеркнуто выше, важнейший фактор инновационного развития технической базы, боеготовности страны, экономического, социального и духовного прогресса общества.

В этой связи, как мне видится, в **государственной сфере** ответственности стоит задача обеспечения качества образования прежде всего:

- в сохранении ранее достигнутых позиций в высшем образовании (фундаментальность, универсальность, бесплатность, доступность) и творческое аккумуляирование зарубежных новаций³;
- в разработке четкой, последовательной правовой базы российской системы образования и в строгом контроле за исполнением своих директивных указаний;
- в финансировании образования в приоритетном порядке, опережающим другие сферы жизнедеятельности и т.д.

Говоря о роли государства в развитии высшей школы (а сегодня это наиболее актуальная для нас тема), необходимо подчеркнуть следующее. Опыт в этом отношении зарубежных стран неоднозначен. К примеру, в США по Конституции федеральному правительству запрещено контролировать образование. Эти полномочия переданы непосредственно в штаты. Что, к слову, порождает немало трудностей. Так, в 1998 году в штате Нью-Джерси сумма, тратившаяся в год на одного ученика, составляла 12 тыс. долларов, а в штате Юта – всего 3600 долларов. Примерно к этому идем и мы.

Английская система образования до 1998 года была самой децентрализованной в Европе. Сейчас, благодаря принятым мерам, централизация усилилась и качество образования в Англии выросло³. Такая же тенденция прослеживается и в некоторых других странах.

Безусловно, в наших российских условиях на последнюю роль в повышении качества обучения студентов играют совместная работа государства и вузов в модернизации и улучшении материально-технической и методологической базы, обеспечение доступа к сети Интернет, создании новых университетских комплексов, учреждении индивидуальных грантов для студентов, молодых специалистов, повышение заработной платы пре-

подавателей, введение дополнительных денежных поощрений, обеспечение непрерывности образования. Именно эти задачи были поставлены Президентом РФ В.В. Путиным в своем недавнем послании, которое необходимо реализовать в ближайшие годы.

Каковы общие организационные меры развертывания работы по повышению качества обучения

При анализе работы российских вузов по повышению качества обучения студентов вырисовываются следующие направления:

- система качества может решить только те задачи, которые способна решить эффективная система управления; но и она не панацея, а одно из средств решения общей задачи повышения качества образования;

- система качества — корпоративная система, успех её внедрения напрямую зависит от вовлечения всего коллектива сотрудников вуза в её создание и внедрение;

- основная цель создания системы — повышение эффективности работы вуза, поэтому важнейшей задачей является выбор критериев эффективности, их измерение и доведение результатов до всех участников процесса.

Подобный подход означает, что важнейшим документом создаваемой системы качества становится документ стратегического планирования деятельности вуза — **концепция его развития**. Эта концепция фактически является многоуровневой и включает:

- на верхнем уровне — концепцию развития вуза в целом и концепции развития основных направлений его деятельности: образовательной, научной и производственной;

- на среднем уровне — концепции развития факультетов вуза, создаваемые на основе документов верхнего уровня и конкретизирующие цели и задачи развития на уровне факультетов;

- на нижнем уровне — концепция развития подразделений вуза, кафедр, служб, отделов, конкретизирующие цели и задачи развития факультетов.

На основании концепции развития формируются важнейшие характеристики системы качества вузов — система показателей эффективности, устанавливаются принципы структурной, финансовой, кадровой политики и др. Важнейшим моментом при разработке подобной концепции является трансформация технологий, методов и разработок вуза в области обеспечения качества для промышленных предприятий в образовательную сферу и широкое использование технологии развертывания функций качества для решения задачи планирования, обеспечения и подтверждения качества.

Очевидно, что качество подготовки специалиста непосредственно зависит от качества образовательного процесса, основным критерием которого является состав, содержание учебного материала. Эти существенные характеристики на сегодняшний день определяются стандартом профессионального образования, основная цель которого — повысить качество профессиональной подготовки, обеспечить конвертируемость профессионального образования внутри страны и за её пределами для участия РФ в международном рынке труда.

Ядро стандарта профессионального образования составляет квалификация, корень которой определяется соотношением следующих параметров: объема и диапазона знаний и умений; способность рационально планировать и организовывать свою работу; умения применять знания в нетипичной ситуации, объективности в новых производственных условиях.

Основными составляющими стандарта являются: квалификационная структура, перечень профессий и номенклатура специальностей, профессиональная характеристика, учебно-программная документация, документы, удостоверяющие профессиональное образование.

Задачи, вытекающие для организации работы по повышению качества обучения студентов ОмГТУ

1. Как мне видится, необходима организация конкурса среди факультетов, кафедр на лучшую организацию работы по повышению качества подготовки специалистов. Разработать положение о проведении конкурса.

Основными измерительными параметрами конкурса должны стать:

- результаты экзаменационных сессий;
- качество успеваемости;
- число отличников (в процентах к сдавшим экзамены);

- общественная активность студентов;
- количество и качество проведенных культурно-массовых мероприятий, спортивных соревнований;
- количество призеров в студенческих научных конференциях, спортивных соревнованиях;
- количество изданных научных статей студентами;

- наличие студенческих объединений (научных, художественных, спортивных и т. д.);

- иные формы работы, мобилизующие студентов на повышение качества обучения, духовное развитие личности.

Основным инструментарием к достижению подобных целей могут быть:

- стимулирование деятельности подразделений вуза, в области самоконтроля качества высшего образования;

- разработка предложений и рекомендаций по развитию системы качества в вузах;

- содействие в развитии внутривузовских систем повышения качества для проведения самооценки деятельности вуза и совершенствования процессов контроля качества подготовки специалистов.

Отчеты должны составляться по единым разработанным позициям в положении о конкурсе, в которых, к примеру, кроме вышеназванных показателей желательно выделить:

- роль руководства в организации работ по обеспечению качества подготовки специалистов;

- политика и стратегия в области качества подготовки специалистов;

- использование потенциала преподавателей, сотрудников и обучаемых для обеспечения качества подготовки специалистов;

- рациональное использование ресурсов (материальных, финансовых и людских);

- управление процессами обеспечения качества подготовки специалистов;

- удовлетворенность работодателей качеством подготовки специалистов вуза;

- удовлетворенность преподавателей, сотрудников и обучаемых работой вуза;

- влияние вуза на общество и т. д.

2. Целесообразно создать в вузе общественный совет содействия повышению качества высшего образования, который мог бы взять на себя задачу разработки соответствующего нормативно-правового и методического базиса, а затем осуществлять на их основе качественную оценку и экспертизу работы факультетов, кафедр и реализуемых ими программ.

Для решения данной задачи необходимо создать систему стандартов, охватывающую следующие сферы деятельности учебного подразделения:

- содержание образования (структура учебно-методического комплекса, требования к содержанию его элементов);
- образовательные технологии (разработка качественно нового и переработка для имеющего учебно-методического обеспечения);
- руководство образовательной деятельностью учебного заведения;
- переподготовка преподавательского состава;
- укрепление триединства в вузовском образовании: обучение, наука, воспитание;
- расширение процессов подготовки или открытие новых специальностей и специализаций;

Содержание образования должно основываться на принципах гуманизации, фундаментализации, многопредметности, интерактивности, креативности, совершенствования педагогических, в том числе информационных технологий; развития научной и инновационной деятельности; демократизации внутривузовской жизни.

3. Необходимо усилить инновационную составляющую инженерного образования, направленную на формирование у специалиста комплекса компетенции, включающего: проблемно ориентированные функциональные и технические знания, умение импровизировать и решать задачи с использованием междисциплинарного подхода, владение методологией проектного менеджмента, готовность к созданию дружной и ответственной работы в коллективе.

4. При поиске оптимальной конфигурации парадигмы учебного процесса важно развернуть среди преподавательского, студенческого состава дискуссии, «круглые столы», методически конференции. В этих целях необходимо серьезно усилить работу кафедральных учебных секторов и особенно вузовской учебно-методической комиссии, голос которых почти не слышен. Хотя именно они должны репродуцировать идеи в этом направлении. Шире разворачивать рейтинговую систему обучения среди студентов, которая бы давала право студенту, при активной работе на семинарских занятиях, отсутствие пропусков, наличие хороших и отличных оценок, получать «автоматы» на экзаменах. Причем не обязательно отличники, но и хорошисты.

5. Необходимо строже подходить к выставлению экзаменационной оценки, особенно на первом курсе. Получивших за сессию три двойки исключить из вуза. Однако, чтобы сохранить дальше студенческий контингент, ввести в практику статус «кандидат в студенты». И из этого состава пополнять группы.

6. Борьба с подношениями преподавателям со стороны студентов (их родителей). Считать это серьезным не только нравственным, но и административным нарушением. Потому как вместо требовательности к студенту и объективности контроля его знаний закрываются глаза на полное

отсутствие у студента знаний. Безусловно, это явление во многом провоцируется властями, которые бросили преподавательский состав в состояние нищенского существования. Однако прикрываться этим не стоит.

7. По разворачиванию работы по улучшению качества учебы студентов необходимо идти снизу. В связи с этим не реже чем раз в год проводить социологический опрос студентов. В листе опроса должны присутствовать конкретные предложения по улучшению учебного процесса;

- оценке учебного материала;
- оценке преподавателя;
- оценке материально-технической базы преподавания;
- оценке проведения производственной практики;
- выбора и написания дипломных и курсовых работ;
- проведения СРС на кафедрах и т. д.

8. Шире развернуть работу среди отличников учебы. Ежегодно проводить слеты отличников. На каждой кафедре должны быть оформлены стенды, к примеру «Они – наша слава и гордость», «Наши отличники учебы». На кафедрах завести Книги почета студентов, получивших красные дипломы. Создать на факультетах советы отличников.

9. Завести в журнале «Омский научный вестник», многотиражке «Омский политехник» постоянно действующую рубрику «ОмГТУ: путь к совершенствованию работы по повышению качества учебы». Учредить три приза за лучшие выступления. Итоги подводить по окончании учебного года.

10. Приостановить гонку постоянного повышения стоимости коммерческой формы обучения студентов, поскольку год от года идет невыполнение плана набора на внебюджетную форму обучения. В этой связи, по-видимому, будет целесообразным не повышать, а снижать до **разумной достаточности** плату за обучение «коммерческих» студентов, чтобы в их группе набора появился конкурсный отбор. Подобная мера расширит возможность поступления в вуз абитуриентов из малообеспеченных семей (в стране более четверти населения живет сегодня за чертой бедности), заметно повысит качество обучения. Необходимо содействовать внедрению в вузе программы образовательных кредитов для нуждающихся студентов.

Укрепление связей обучения с производством

В этих целях:

- расширить систему стимулов и преференции для привлечения промышленных предприятий, бизнеса к финансированию профессионального образования;

- расширить право бизнес-сообществ на участие в процедурах контроля качества подготовки выпускников, в разработке критериев и методологий качества высшего профессионального образования;

- создать в вузе службу мониторинга и прогнозирования потребностей рынка в квалифицированных кадрах инженеров;

- способствовать расширению практики социального партнерства вуза с работодателями, общественными организациями, вовлечение их в процессы выработки и принятия решений по проблемам повышения качества обучения.

Важнейшей проблемой повышения качества высшего технического образования становится необходимость его тесной увязки не только с

производством, но и фундаментальной наукой. К сожалению, как первое, так и второе ныне усилено (и пожалуй, целенаправленно) разрушается. Дело дошло, по сути, до разгона Академии наук РФ. Подобный разбой сулит и нашей системе высшего образования со стороны бездумной колонизации и коммерциализации. **Так что окончательный успех этой важнейшей социально значимой программы – повышение качества обучения в вузах, зависит от того, займут ли Президент, Правительство РФ, Министерство образования и науки разумную отечественную траекторию своих преобразований, или будут так же безоглядно продавливать лишь зарубежные подкаски.**

Библиографический список

1. Официальные документы в образовании. 2006. № 3 (янв.). С. 91-92.
2. Жураковский В., Приходько В. Федоров И. Инженер на рынке труда. // Высшее образование в России. 1999. № 2. С.3.
3. Лукин В.П. Права человека и модернизация российского образования. // Официальные документы в образовании. 2006. № 6 (июнь). С.21.

Примечания

¹ Думается, что слово «миссия» в нашем случае подобрано неудачно. «Миссия» - в переводе с латинского обозначает «посылка», «поручение». То есть в названии документа можно включать эту дефиницию лишь в том случае, если речь идет о директиве вышестоящего органа образовательной системы, к примеру, Минвуза, который «спускает» поручение в низовые структуры. А потому слово «миссия» в вузовских документах разумнее заменить обычным традиционным выражением «задача вуза». В противном случае, если все же употреблять выражение «миссия вуза» в местных документах (скажем, ученого совета вуза, ректората), значит, освобождать эти структуры от прямой их обязанности выполнения поставленной задачи по повышению качества обучения. Мол, наша роль дать поручение, а выполнять потрудитесь кафедры, факультеты.

Но главное в этом пассаже: в научных публикациях, официальных документах разбрасываться иноземными словами более некорректно (неграмотно; да и антипатриотично), нежели в экономике заменять слово «рубли» на «доллары».

² Прошу извинения, но и в этом случае хотелось бы поспорить о дефинициях. В международных и наших российских официальных документах исследуемый нами процесс, обозначен как «управление качеством». Однако, на мой взгляд, сущность этого социального феномена определена не совсем корректно. Понятие «управление качеством» может быть употребляемо лишь тогда, когда вузы будут «закалываться» от отличников. Сегодня подобная ситуация сложилась в нашей стране в широком «развешивании» золотых медалей выпускникам школ. То есть слово «управление» можно использовать тогда, когда процесс выходит из разумных этических рамок, превращаясь в свою противоположность. А потому вроде бы необходимо применить административные меры управления. Вузам жалко сегодня не грозит. В нашем смысле-вом рассуждении, важной проблемы, речь идет не об управлении, а о **борьбе** за качество. Или, мягко говоря, о **повышении качества обучения**.

³ Инженерное образование в России имеет богатые традиции. Три столетия назад возникла, за короткий срок укрепилась и в XX веке приобрела всемирный авторитет целостная система отечественного инженерного образования. Исторически российское инженерное образование отличалось от зарубежного прежде всего фундаментальностью и использованием эффективных способов практической подготовки специалистов.

Сочетание высокого уровня теоретической и практической подготовки обеспечивало высоко качество выпускников российских инженерных вузов и его мировое признание. На рубеже XIX – XX веков российское инженерное образование считалось одним из лучших в Европе. В советский период успехи СССР в инженерном образовании во многом способствовали развитию космической индустрии, оборонного потенциала, энергетического, машиностроительного, металлургического и химико-технологического комплексов. // Высшее образование в России. 2004. № 9. С.3

ПОЛКАНОВ Владимир Данилович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории.

Дата поступления статьи в редакцию: 03.08.06 г.
© Полканов В.Д.

Книжная полка

Пиннекер Евгений Викторович. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. - 245 с.

Книга посвящена незаурядной личности и разносторонней деятельности члена-корреспондента РАН Е.В. Пиннекера (1926-2001) – выдающегося и признанного во всем мире ученого, лидера российских гидрогеологов, обогатившего все разделы гидрогеологии новыми знаниями, энциклопедиста, знатока подземных вод Сибири. Многие труды Е.В. Пиннекера являлись также активным членом общества российских немцев "Возрождение". В книгу включены более трех десятков очерков-воспоминаний родных, друзей, коллег, которые близко знали Е.В. Пиннекера и высоко ценили его научный талант и личные качества. Искренним уважением, почитанием, восхищением, благодарностью и признательностью этому видному ученому и просто хорошему Человеку пронизаны все очерки. Книга представляет интерес для широкого круга читателей – геологов, гидрогеологов, ученых и практиков.

Акаева М.Д. Звезды науки. – 2-е изд. - Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. - 279 с.

В увлекательной и популярной форме известный автор книг для юношества — профессор Майрам Дуйшеневна Акаева — рассказывает о выдающихся ученых прошлого и настоящего. У каждого из них свой непростой, подчас наполненный самыми непредсказуемыми приключениями, путь к постижению неведомой ранее истины. Тем дороже победы, венчающие самоотверженный труд гениев во имя человеческого прогресса. Книга будет полезна учащимся старших классов, студентам, преподавателям и широкому кругу читателей.

МЕТОДОЛОГИЯ ИСЧИСЛЕНИЯ ТРУДНОСТИ СОДЕРЖАНИЯ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЛЯ ЗАДАЧ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Методология и инструментарий комплексной оценки трудности содержания образования», проект № 06-06-00004а)

Предлагаемая методология предназначена для создания учебно-методического обеспечения заданной трудности содержания. Такой арсенал позволяет организовать эффективную систему управления качеством образования, поскольку, в конечном счете, качество образования - это реализованная, преодоленная учащимися трудность содержания учебно-методических средств обеспечения образовательного процесса. То есть, калиброванный по трудности учебно-методический комплекс при надлежащей методике его применения является эффективным инструментом измерения образовательных достижений и управления качеством образования.

Введение

Качество образования представляет собой качество результата образования. Результат образования в свою очередь может быть оценен с помощью тестов, откалиброванных по трудности. Трудность же тестов должна находиться в прямой связи с трудностью учебно-методического обеспечения образовательного процесса. А это в первую очередь учебный текст со своим набором понятий, а также система учебных заданий, которые требуют адекватного построения решений, конструирования последовательности действий, структурирования эвристики и т.д.

В связи с данным обстоятельством мы можем утверждать, что управление качеством образования ни в малейшей степени невозможно без точного знания трудности содержания учебно-методических средств обеспечения образования. Задача же нахождения простого и эффективного метода исчисления трудности учебных заданий и учебного текста не только не решена на данный момент, но и фактически отброшена ортодоксальной дидактикой. Причина данного положения дел заключается в том, что педагоги, справедливо считая трудность субъективной характеристикой системы «ученик-задача» и ужасаясь огромному количеству переменных, влияющих на данную характеристику, предпочитают отказываться от конструктивных попыток решения главной задачи дидактики.

Однако нахождение эффективного алгоритма систематизации текстов, заданий и понятий по такому параметру, как трудность вовсе не предполагает учета большого количества параметров. Их количество кардинально уменьшается, если принять во внимание, что трудность мыслительной задачи может быть постулирована как характеристика ее экспертного решения. Вот эту простую и понятную идею мы и взяли за основу при рассмотрении задачи, решение которой составляет одну из актуальных проблем современного образования.

Некоторые исследователи, отказавшись от подсчета трудности, сосредоточились на сложности, каковая представляет собой функцию от количества действий без учета их качества (трудности) [1, 2]. Следует отметить, что их результаты в некоторой степени могут быть адаптированы к расчету трудности, как, например, это сделано в работе [3], когда трудность вводится как разность «сложностей» решений ученика и эксперта. Однако введенная таким образом характеристика заданий и текстов не снимает «проблемы субъективности» в оценке трудности учебно-методического обеспечения, поскольку при решении одной и той же задачи мы будем иметь ровно столько «трудностей», сколько учащихся предложило свое решение данной задачи.

Для перехода от расчета сложности к расчету трудности мы предлагаем в критерии сложности вводить параметры, характеризующие наиболее общие и эффективные способы решения мыслительных задач. Почему мы говорим о мыслительных задачах? Дело в том, что и учебные задачи, например, по химии, физике и математике, и ответы на вопросы тестов, и учебный текст (и не только учебный) представляют собой именно мыслительные задачи, при решении которых мозг предлагает свои, наиболее эффективные естественные алгоритмы. Одним из таких алгоритмов является фокусирующий, подробно описанный в работах Дж. Брунера и Д. Пойа [4, 5]. Данный алгоритм предполагает решение «от неизвестного». Акцент на фокусирующих стратегиях является базовым принципом в задачах исчисления трудности дидактических систем. Другим базовым принципом является предположение о том, что понятийный аппарат известен решающему задачу (эксперту). Тем самым мы отсекаем такой субъективный параметр трудности как степень знакомства с материалом. Третьим базовым принципом является положение, согласно которому каждое последующее действие легче предыдущего (имеет меньшую трудность).

Исчисление трудности учебных задач

Следует заметить, что предлагаемая методология может быть применена к расчету трудности любых типов мыслительных задач [6]. Все наше дальнейшее изложение, надеемся, будет служить иллюстрацией сказанному. Данное обстоятельство позволяет говорить также о возможности комплексной оценки трудности содержания образования.

Графологический способ представления отношений позволяет весьма наглядно отобразить структуру решения задачи [1, 2]. При этом отношение типа изображается с помощью дерева (рис. 1), которое мы назовем элементарным, а само отношение $a = b \cdot c$ основным [7].

Для иллюстрации рассмотрим простой пример: Камень массой $m = 1$ кг брошен вертикально вверх с начальной скоростью $v = 10$ м/с. Определить потенциальную энергию камня в наивысшей точке подъема.

В соответствии с фокусирующим методом решения задачи нам необходимо выразить потенциальную энергию через другие величины. Эксперт решает задачу наиболее рационально, т.е. его решение обладает наименьшей сложностью (содержит минимальное количество действий). Его первое действие заключается в установлении равенства искомой потенциальной энергии камня в верхней точке траектории кинетической энергии камня в момент бросания: $E_p = E_k$. Заметим, что учащиеся могут выбрать в качестве исходной формулу $E_p = mgh$, где h - максимальная высота подъема. Затем они могут попытаться найти высоту подъема из кинематических соотношений, что приведет к большему количеству действий в сравнении с экспертным решением. Согласитесь, что первый шаг - самый трудный.

Чтобы применить к нашему экспертному решению графологический подход, мы должны представить равенство энергий в виде основного отношения: $E_p = E_k \cdot 1$, дерево для которого показано на рис. 2.

Первое отношение нашего экспертного решения влечет за собой и второе - известное выражение для кинетической энергии: $E_k = mv^2/2$ (рис. 3).

На рис. 3 справа указаны коэффициенты трудности действий, выбор которых очевиден: коэффициент последнего действия равен единице, а коэффициент предыдущего действия на единицу больше. Данное положение справедливо для какого угодно количества действий. Также следует учесть, что на рис. 3 показаны два элементарных дерева, но сложности их различны, поскольку последнее содержит операции возведения в квадрат и деления на 2, вклад которых в сложность второго дерева мы определим сами, исходя из здравого смысла. Например, если сложность второго элементарного дерева равна 20 (а мы можем назначить элементарному дереву любое количество единиц, исходя из требуемого разрешения метода), то едва ли целесообразно добавлять за указанные операции более 4-х единиц. С учетом сказанного, трудность первого действия равна сложности элементарного дерева (20) умноженной на коэффициент трудности (2). Трудность второго действия равна его сложности (24) умноженной на единицу. Суммарная трудность обоих действий равна, таким образом, 64.

Мы назначили в данном случае по 2 единицы за каждое элементарное действие, однако в случае простых сумм мы можем прибавлять к выбранной сложности элементарного дерева по единице за каждое действие. Таким образом, точность определения трудности нашей задачи (разрешение метода) будет равна 1/60 или около полутора процентов. Для задач из

трех действий - менее одного процента. Видим, что разрешение метода зависит от выбранного масштаба сложности, каковой мы можем варьировать в широких пределах.

На данном простом примере мы показали, что трудность логико-гностической задачи определяется структурой ее экспертного решения. Экспертное решение, являясь наиболее простым, сохраняет свой индекс сложности и трудности от эксперта к эксперту, что «объективирует» данный метод. Таким образом, в рамках указанных выше допущений мы получаем простой, а потому эффективный метод исчисления трудности задач, для которых может быть построена структура решения. Последнее же зависит от квалификации исследователя. Например, если для какой-либо задачи может быть определена последовательность действий, то она может быть вычислена ее трудность. Это в равной степени относится к учебным задачам, встречающимся как в дисциплинах естественнонаучного цикла, так и в дисциплинах цикла гуманитарного.

Обратим еще раз внимание на структуру решения задачи. Если использовать язык фреймовых представлений, то искомую величину E_p мы можем назвать именем фрейма, всю структуру - фреймом, а структуру второго действия - субфреймом [8]. В случае субъект-предикатного подхода искомая величина представляет собой субъект, а величина, через которую раскрывается субъект, может быть названа предикатом, либо субъектом следующего более низкого ранга. В любом подходе мы говорим об одном и том же - фрейме, разница заключается в языке описания.

Трудность содержания понятия

Структура понятия также может быть представлена в виде фрейма. В этом случае имя фрейма - это термин (или имя понятия), а субфреймы - это имена понятий, через которые раскрывается содержание исследуемого понятия. Субфреймы могут быть названы базовыми характеристиками, предикатами, либо субъектами. Другими словами, раскрытие содержания понятия - это, в принципиальном плане, такая же мыслительная задача, как и текстовая учебная задача по химии, физике или математике, что предполагает единый подход к структурированию соответствующих решений, а, следовательно, к расчету трудности. Напомним, что для наглядности и лаконичности представлений графы являются незаменимым средством, в том числе и в форме используемых нами деревьев отношений.

Для определения трудности понятия в самом простом варианте метода суммируются трудности процедур установления связей вышележащих понятий с нижележащими с учетом условно выбираемой величины сложности элементарной структуры, каковой являются понятия a и c и связь между ними b (рис. 4).

На рис. 5 показана структура некоторого понятия, включающая два ранга элементарных структур упомянутого выше типа. Первый, высший ранг составляют структуры Aa, Ab, Ac . Второй, более низкий ранг включает структуры ad, ae, bf, cg, ch, ck . Назначим, например, величину сложности каждой из упомянутых структур равную единице. Для того чтобы перейти к расчету трудности понятия, необходимо ввести параметры трудности, зависящие от особенностей обработки информации человеком. В простейшем случае выбирается один параметр, который может быть назван коэффициентом иерархичности и введен следующим образом. Поскольку определяющими дальнейшее раскрытие понятия яв-

ляются структуры высшего ранга, то им присваивается значение коэффициента иерархичности на единицу выше, чем структурам нижележащего уровня. В нашем примере, как мы видели, имеется всего два ранга связей. Поэтому структурам Aa , Ab и Ac можно присвоить значение коэффициента иерархичности равное двум, а структурам более низкого ранга - единице. Похожий прием был предложен А.И. Новиковым, при введении весов денотатов в соответствующей иерархической структуре текста [9, с. 160].

С учетом сказанного, трудность понятия, структура которого показана на рис. 5, вычисляется следующим образом. Поскольку структур высшего ранга всего три, а коэффициент иерархичности для каждой из них равен двум, то суммарная трудность структур высшего ранга равна шести. Структур же низшего ранга всего шесть при коэффициенте иерархичности равном единице. Поэтому трудность связей низшего ранга также равна шести. Отсюда результирующая трудность понятия равна двенадцати. Для того чтобы увеличить разрешение системы исчисления трудности понятий, необходимо также увеличить значения сложности элементарной структуры.

Трудность содержания учебного текста

Текст имеет весьма сложное строение. Одно и то же предложение может быть одновременно текстовым субъектом и текстовым предикатом (частью предиката). Предикат определенного ранга может включать в себя один, два и более отдельных параллельных субъектов, либо субъект и его предикат (несколько субъектов и предикатов) более низкого ранга; этот предикат, в свою очередь, может содержать субъекты и предикаты еще более низкого ранга, и т. д.

Некоторые текстовые субъекты не имеют модификаций и являются конечными. Другие имеют только непосредственную модификацию: их модификатами являются субъекты только одного последующего ранга, которые далее не модифицируются (конечные). Третьи, наконец, получают кроме непосредственной, также и опосредованную модификацию - через свои более близкие модификаты. Так, начальный субъект, выраженный заглавием, непосредственно модифицируется в субъектах второго ранга и опосредствованно - в субъектах третьего, четвертого и последующих рангов.

Таким образом, система субъектов текста оказывается системой модификации выраженного в заголовке начального субъекта. Сравнивая различные способы модификации текстовых субъектов, нетрудно увидеть, что более простыми из них для понимания, но в то же время и менее информативными являются уточнение и особенно повторение и расчленение того, что выражено в модифицируемом субъекте; наиболее сложными и вместе с тем информативными - выявление новых предметов мысли или их признаков.

Наиболее просто расчет трудности текста может быть проведен следующим образом. На основании структурной схемы (см., например, [10, с. 31]) выделяется линии модификации, для каждой из которых определяется трудность как сумма произведений сложности (условной, масштабированной сложности) перехода между соседними субъектами на ряд коэффициентов, зависящих от места модификации в ее последовательности и типа модификации. Затем суммируются показатели трудности для всех линий модификации, входящих в задачу определения трудности соответствующего фрагмента, например, абзаца либо параграфа учебника.

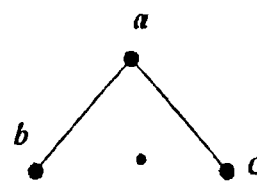

Рис. 1. Представление действия - в виде элементарного дерева

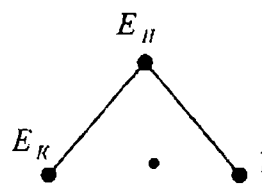

Рис. 2. Представление отношения $E = E - 1$ в виде дерева

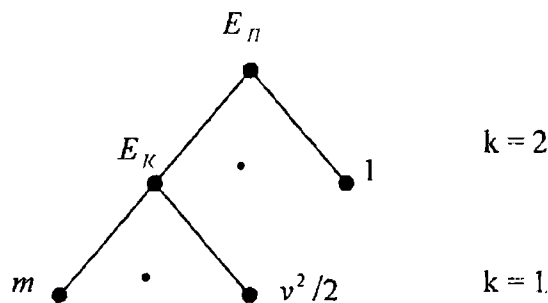

Рис. 3. Граф структуры экспертного решения задачи

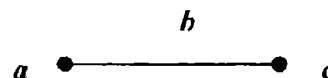

Рис. 4. Пример графического представления элементарной структуры содержания понятия

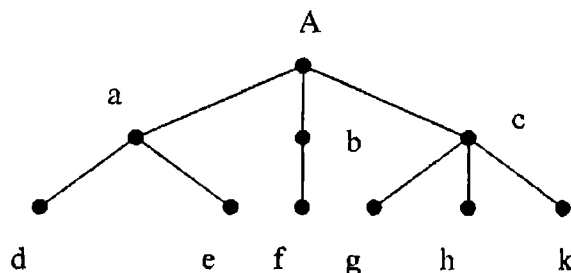

Рис. 5. Граф структуры понятия

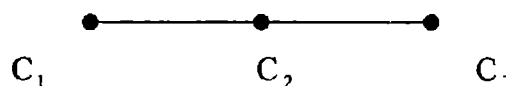

Рис. 6. Часть линии модификации

Однако при этом теряется важная информация о трудности содержания узлов структурной сети, в качестве которых фигурируют текстовые субъекты, денотаты и др. Иерархическая структура субъекта, денотата, понятия, фрейма позволяет все же рассчитать трудность структуры по методике, которая предложена нами выше в разделе, посвященном трудности понятия. Другими словами, учет трудности субъекта, денотата, предикатемы и пр. позволяет более точно определить такой показатель учебного текста, как его трудность.

Ниже на простом примере рассмотрим расчет трудности текста как без учета трудности субъектов, входящих в отрезок линии модификации, так и с ее учетом. Пусть имеем линию модификации, включающую три субъекта: C_1 , C_2 и C_3 (рис. 6).

Сложность структур субъектов мы можем назначить исходя из удобства расчета, например 5. Тогда

сложности шагов модификаций C_1C_2 и C_2C_3 можно определить, например, суммированием условных сложностей субъектов соответствующих пар, либо другим способом. В данном случае величина сложности действия равна 10.

Параметрами трудности в рассматриваемом примере являются коэффициенты иерархичности, значения которых равны двум для первого действия и единице для второго действия ($k_{11} = 2, k_{12} = 1$). Подобный подход мы использовали как при рассмотрении трудности текстовой задачи (рис. 3), так и при рассмотрении структуры понятия (рис. 5). В качестве другого параметра трудности можно ввести, например величину коэффициента модификации, зависящую от вида отношения между субъектами. Для уточнения и повторения, например, эта величина может быть положена равной единице, для выявления же новых предметов мысли и их признаков - двум. Допустим, в нашем примере $k_{m1} = 2, k_{m2} = 1$. Разумеется, могут быть использованы и другие классификации отношений и соответствующих коэффициентов модификации, в том числе с использованием концепции шагов догадки Н.И. Жинкина [11] и метода постановки вопросов Л.П. Добраева [10]. С учетом выбранных значений результирующая трудность рассматриваемой линии модификации равна

$$10k_{11}k_{m1} + 10k_{12}k_{m2} = 50.$$

Строгий учет параметров трудности текстовых субъектов, денотатов, фреймов и др., пример которого показан в разделе, посвященном рассмотрению структуры понятия, позволяет получить более точные результаты, а единый подход к исчислению трудности учебно-методических средств обеспечения образования - эффективный способ комплексной оценки трудности содержания образования.

Таким образом, предлагаемая методология и основанный на ней инструментарий позволяют эффективно проводить комплексную оценку трудности содержания образования, а также ввести количественный критерий расхождения требований школьного и вузовского образования по основным учебным дисциплинам. Кроме того, данный метод может

быть применен для точной калибровки тестов в задачах измерения качества образования (в том числе, в системе ЕГЭ), для сопоставления уровней трудности отечественного и зарубежного образования, а главное - для эффективного управления качеством образования.

Библиографический список

1. Шрейдер Ю.А. Равенство, сходство, порядок. - М.: Наука, 1971. - С. 141-143.
2. Рыженко Н.Г., Жигачева Н.А. Структуризация и систематизация сюжетных задач по сложности их решения // Вестник Омского университета. - Омск: Изд-во ОГУ, 1998. - № 4. - С. 111-114.
3. Нгуен - Ксуан А., Жинь Шао. Умозаключения и стратегии решения задач // Вопросы психологии. - 1997. - № 1. - С. 82-98.
4. Брунер Дж. Психология познания. - М.: Прогресс, 1977. - 416 с.
5. Лойд Д. Как решать задачу: Пособие для учителей. - М.: Учпедгиз, 1961. - 208 с.
6. Гидлевский А.В. Определение количественных характеристик мыслительных задач для целей измерения качества образования // Омский научный вестник. - Омск: Изд-во ОмГТУ, 2002. - Вып. 18. - С. 244-246.
7. Крупич В.И. Структура и логика процесса обучения математике в средней школе. - М.: Изд-во МГПИ, 1985. - С. 102-109.
8. Минский М. Структура для представления знания // Психология машинного зрения. - М.: Мир, 1978. - С. 256-259.
9. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. - М.: Наука, 1983. - 214 с.
10. Добраев Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. - М., 1982. - 176 с.
11. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. - М., 1982. - 157 с.

ГИДЛЕВСКИЙ Александр Васильевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.08.2006 г.
© Гидлевский А.В.

Книжная полка

История и методология науки и техники: Учебное пособие. Кравченко А.Ф. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. - 360 с.

В учебном пособии обсуждаются специфика научной деятельности, структура научного знания, критерии научного знания, методы и средства познания, основные методологические принципы. Рассматривается история развития науки и техники с древнейших времен по настоящее время. Основное внимание уделяется естественным наукам, прежде всего — физике: ее становлению как науки; фундаментальным открытиям, определяющим развитие физики; взаимосвязи физики и техники; важнейшим техническим достижениям. Описывается жизнь и творческая деятельность крупнейших естествоиспытателей. Учебное пособие рассчитано на студентов старших курсов университетов, аспирантов, молодых научных сотрудников, интересующихся историей науки и техники.

История науки и техники. Кравченко А. Ф. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. - 435 с.

Рассматривается история взаимного развития науки и техники с древнейших времен по настоящее время. Основное внимание уделяется истории естественных наук, прежде всего физике и электронике. Наряду с анализом фундаментальных научных открытий и важнейших технических достижений достаточно подробно описывается жизнь и творческая деятельность крупнейших естествоиспытателей, определившая прогресс человечества. Одновременно в книге обсуждаются современные представления об эволюции Вселенной, космических тел; анализируются биологическая картина Мира, концепции происхождения жизни на Земле, происхождение Человека. Книга будет весьма полезна и интересна для широкого круга молодых читателей, интересующихся историей науки и техники.

ОБЩЕСТВО. ИСТОРИЯ. СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 167
ББК 60.55

М. А. ВЕСНА

Курганский государственный
университет

ТРАНЗИТИВНОСТЬ НАУЧНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ ПРИРОДНЫХ И ИНТЕРСУБЪЕКТНЫХ ФЕНОМЕНОВ САМООРГАНИЗАЦИИ

В статье представлена система логических обоснований, свидетельствующих о единой онтологической основе, биосоциальной природе естественнонаучных и социально-педагогических, интерсубъектных феноменов самоорганизации и, соответственно, о возможности существования междисциплинарной отрасли знания - педагогической синергетики.

Современное разрешение проблемы объяснения феноменов самоорганизации в живой и неживой природе, создание порядка из хаоса непосредственно связаны с естественнонаучной парадигмой — синергетикой. Синергетическое миропредставление пришло на смену теоретическим моделям классического (декарто-ньютоновского) равновесного миропорядка, где основными признаками системобразования выступают устойчивость, причинность, предсказуемость. Синергетической модели коэволюционного развития природы и человека, человека и общества присущи следующие основные атрибуты: неустойчивость, изменчивость, вероятность.

Природный, социальный феномен считается объясненным, если удастся установить опытно-экспериментальным или теоретическим путем тот

закон (законы), который его определяет, выявить те причинные зависимости (детерминистского, стохастического характера), которым подчиняется протекание либо возникновение объясняемого процесса.

В статье представлена система логических обоснований, свидетельствующих о единой онтологической основе, биосоциальной природе естественнонаучных и социально-педагогических, интерсубъектных феноменов самоорганизации, и, соответственно, о возможности существования междисциплинарной отрасли знания — педагогической синергетики.

Решение проблемы транзитивности природной и интерсубъектной самоорганизации позволит придать научный статус различным отраслям педагогического знания (педагогическая синергетика, педагогическая акмеология и другие), которые

выводятся, объясняются из междисциплинарной парадигмы - синергетики.

В научном сообществе существует два общепризнанных способа познания, описания, научного объяснения социоприродных феноменов, создания научных теорий: логико-индуктивный и дедуктивно-эвристический его еще называют гипотетико-дедуктивный (А.И. Берг, Б.В. Бирюков, Ю.И. Кулаков и другие).

При первом типе развития научной мысли, формирования системы научных знаний, внимание ученого сконцентрировано на обнаружении конкретных фактов, их взаимоотношений, поиске частных закономерностей, на разработке исследовательских процедур, овладении методами и способами решения когнитивных задач, конструировании научных картин мира, соответствующих различным фрагментам физико-химической, биологической, социальной объективной реальности.

Логико-индуктивный способ познания является гносеологическим основанием формирования научной теории, которая не обязательно становится универсальным объяснением универсальных законов мироздания.

Гипотетико-дедуктивный способ формирования научной теории основан на "включенном" наблюдении и эксперименте, связан с эвристикой, постановкой и проверкой гипотез, с введением новых понятий, с установлением онтологических отношений между новыми и фундаментальными понятиями, теориями, которые формулируются на содержательно-формальном, абстрактном языке теоретического моделирования изучаемых явлений, процессов.

Дедуктивно-эвристический способ построения научной теории позволяет выявить (в том числе и без обращения к эксперименту) исследовательские процедуры, порождающие новые данные, схемы законов, которые неявно заключены в структурах объектов природы, общества, сформировать общенаучную картину мира.

В конце XX века синергетическая парадигма – теория самоорганизации (И. Пригожин, М. Эйген, Г. Хакен и другие), рассматривающая окружающий нас мир как коэволюцию сложных, нелинейно развивающихся, открытых, антропомерных систем, преодолела абсолютный детерминизм декартовско-ньютонской парадигмы, объясняющей мироздание как равновесную систему, где основными признаками системообразования выступают: устойчивость, причинность, предсказуемость.

Отказ научного сообщества от прежнего миропонимания, от доминирующей парадигмы равносильна научной революции. Законы "новой" науки не отменяют законы "старых" теорий, исходя из принципа соответствия, они верны как частные случаи объяснения того или иного природного, социального феномена.

Синергетика, являясь универсальной, общенаучной парадигмой, моделью постановки научных проблем и способов их решения, призвана в соответствии со своим статусом представить целостную совокупность логических доказательств, исследовательских процедур, законов, объясняющих кооперативное развитие систем различной природы, фиксирующих моменты бифуркации, взаимопереходы типа "порядок-хаос" и/или "хаос-порядок", свидетельствующих о появлении принципиально нового качества, функции изучаемого объекта, явления.

При дедуктивно-эвристическом способе познания сложных систем, биосоциальных феноменов, имеющих бипарную природу, построения новых теорий, формирования новых типов взаимоотношений, структур, понятий, законов, объясняющих коэволюционное развитие объектов природной, социальной реальности, возникает проблема "транзитивности-нетранзитивности" сводимости-несводимости" явлений живой и неживой природы.

В научных трудах И. Пригожина (физик, физико-химик), М. Эйгена (биолог, физик, математик), особенно Г. Хакена (физик, системолог) по проблемам синергетики предприняты успешные попытки объяснения социальных явлений (экономических, политических, педагогических) с помощью понятий, методов, законов физики, химии, биологии с использованием математического аппарата.

В контексте синергетической парадигмы нами разработаны теоретико-методологические основы педагогической синергетики, отрасли педагогического знания, объясняющей закономерности восприятия, понимания, познания (самопознания) человека человеком; прогнозирования, проектирования, формирования сообществ с различной целевой направленностью [1; 2]. В результате проведенного лонгитюдного исследования нами был сформулирован закон системосоздания: организационное структурирование, самоорганизация студенческих сообществ, находящихся на этапе временной дезинтеграции, происходит на статусно-функциональной интрасубъектной (парной) основе.

Представим систему логических выводов, свидетельствующих о возможности выведения, объяснения феноменов интрасубъектной самоорганизации педагогических систем, находящихся в хаотическом состоянии, из синергетической парадигмы.

Природный, социальный феномен может быть объяснен посредством введения объясняемого явления в пространственно-временную систему координат, существующую классификацию объектов, понятийно-категориальный контекст монопредметной науки, а также, если он является членом некоторой статистической совокупности наблюдений. "Явление считается объясненным, если удается установить опытно-экспериментальным или теоретическим путем тот закон (законы), который его определяет, выявить те причинные зависимости (детерминистского, стохастического характера), которым подчиняется протекание либо возникновение объясняемого процесса" [3, с. 19].

Синергетическая парадигма включает наблюдателя, методы исследования, способы верификации результатов исследования в условия эксперимента. Соответственно, логическое объяснение, теоретическое осмысление, систематизация эмпирических фактов, результатов эксперимента, есть некоторое бинарное, субъект-объектное (субъектное) отношение, обладающее свойствами рефлексивности и транзитивности. Теоретическое объяснение как гносеологический интрасубъективный, рефлексивный процесс обладает признаком транзитивности одной теории объяснения феноменов объективной реальности по отношению к другой модельно-дедуктивной конструкции.

Если объектом объяснения является научная теория, то логическая процедура объяснения заключается в подведении ее под теорию более общего рода, т.е. парадигму. Теория считается объясненной, верифицируемой, если объясняемый закон, группа законов, ее символизирующих, представляет собой

частный случай более фундаментальных законов, принципов, а формализованная в законе закономерность выводима из последних.

Дедуктивно-эвристическое объяснение эмпирических законов, т.е. законов формализованных на базе наблюдений и экспериментов, заключается в применении логико-математических процедур к фактическому знанию, полученному опытно-экспериментальным путем. Это значит, что эмпирический закон (таковы все психолого-педагогические закономерности) дедуктивно вытекает из некоторого теоретического закона (системы законов), выполняющего объясняющую функцию.

На этапе становления синергетики как научной парадигмы возникла проблема "сводимости-несводимости" феноменов, законов живой природы, развития, формирования человека к физико-химическим, биохимическим, психофизиологическим закономерностям. В настоящее время проблема объяснения жизненных процессов биологического развития на физико-химическом языке с использованием математического аппарата в принципе считается решенной (А.И. Берг, Г. Хакен, М. Эйген и другие).

Проиллюстрируем данный тезис на примере многоуровневого объяснения биосоциальных феноменов кооперативного развития, самоорганизации социальных, педагогических систем средствами синергетики. По мнению М.Эйгена, объяснение основных принципов коэволюции, механизмов самоорганизации на молекулярном уровне не требует внесения в физические теории, научные тезаурусы каких-либо изменений, т.е. процессы самоорганизации на молекулярном уровне могут быть описаны на языке синергетики И. Пригожина, Г.Хакена, изучающей физические закономерности коэволюции материальных объектов на макроуровне. Так, "теория Дарвина уже не просто описывает некий исторический путь, но представляет собой выводимый из физики закон, управляющий общими процессами самоорганизации материи" [4, с. 197]. Синергетика как объяснительная модель обоснованно предполагает онтологическую общность физико-химических, биологических и социальных феноменов самоорганизации, теоретического системобразования знаний о живой и неживой природе.

Следовательно, научное объяснение социальных, педагогических явлений, процессов есть динамическое движение мысли с одного уровня описания физико-химических, биолого-химических объектов на другой, межличностный, социальный. С уровня описания, объяснения феноменов физического мира до уровней психического изучения высших психических функций, способствующих адекватному восприятию, пониманию, объяснению, познанию объективного мира; коммуникативной, организационно-управленческой деятельности.

Согласно закону транзитивности, возможна следующая логическая трехуровневая конструкция объяснения биосоциальных феноменов (например, восприятие, понимание человека человеком; воспитание человека как субъекта познания (самопознания); выявление организационно-педагогических условий социального системосозидания) в контексте синергетической парадигмы:

- физика, основываясь на термодинамике открытых нелинейно развивающихся систем, формирует общенаучную картину мира, обладающую

физико-химическими свойствами (парадигма "х" – синергетика);

- биология исследует живую природу (например, антропомерные экосистемы), объясняет коэволюцию как молекулярную самоорганизацию в физических терминах (М. Эйген и другие). Объяснение биофеноменов методами, в терминах естественно-математических, теоретико-информационных наук становится возможным благодаря тому, что эти науки имеют дело с феноменом развития в живой и неживой природе (теория "у" – биофизика. физическая химия, психофизиология и другие);

- естествоиспытателей объединяет универсальный, единый для всех исследовательский, когнитивный аппарат, в основе которого находятся рецептивные, "нервные процессы" (Т. Кун), которые определяют особенности восприятия, переработки, понимания, объяснения полученной информации, управления физико-химическими, психическими законами. По Т. Куну, знание встроено в "нервные процессы", оно передается в процессе обучения, верифицируется посредством многочисленных испытаний, изменяется вследствие того что меняются наши ощущения, представления. Благодаря этому обнаруживается несоответствие "старого" знания с объектом (средой) исследования. Таким образом, ученый, педагог являются объектом (предметом) и субъектом познания (самопознания), составляя целостное единство с объективной реальностью.

Знание, полученное в процессе, результате коэволюционного развития объекта и субъекта познания целесообразно называть антропомерным. Знание становится объективным, приобретает статус научного, если оно представлено в системе с другими научными понятиями, теориями, соответствует процедурам исследования и не противоречит существующей парадигме. "Включение" нового научного знания в существующую научную теорию происходит путем достижения конвенции между дискутирующими научными сообществами. Объективность познания, верифицируемость результатов исследований невозможно без адекватного восприятия, понимания точки зрения другого человека. На основе интерсубъектного понимания формируются научные школы, ученические, трудовые и другие коллективы.

Познаваемость объективного мира, познание человеком своей биосоциальной природы возможно при условии соответствия (или определенного тождества) отражения между структурными, сущностными характеристиками одной системы, отражающий полисистемный биофизический, материальный объективный мир, и когнитивными структурами другой, отражающей системы (субъект познания). Содержанием, предметом изучения становятся различия (отраженное разнообразие), присущие не только объекту, но и субъекту отражения. В теории информации понятие "разнообразие" неотделимо от понятия "информация" (У.Р.Эшби), ее ценности для исследователя.

Для моделирования, объяснения процессов самоорганизации на уровне живой материи М. Эйген ввел понятие ценности информации. Ценность информации связана с целью, целесообразным функционированием структур, изучаемой системы, программой последующего неоднозначного развития (например, модель потребного будущего А. Бандуры). В синергетике понятие ценности информации оказывается тем понятием, вокруг которого в

значительной мере строится вся идея саморазвития. Именно оно связано с нелинейностью развития открытых систем, эвристического развития систем систем живой и неживой природы, дедуктивным объяснением результатов эмпирических исследований, теорий. По мнению М.Эйгена, именно ценность информации является связующим звеном между различными уровнями объяснения феноменов объективного социоприродного мира. Телелогичность объективного и субъективного миров, физической и биосоциальной природ человека позволяющая говорить о единстве функционирования законов мироздания.

Работы И. Пригожина, М. Эйгена, Г. Хакена и других ученых показали принципиальную возможность физико-химического объяснения добиологических, биологических, социальных, педагогических интересубъектных, кооперативных феноменов. Педагогическая синергетика как отрасль педагогического знания, изучающая закономерности самоорганизации антропомерных систем (учебные коллективы, студенческие учебные группы и т.д.) может быть объяснена с позиций биохимических, психофизиологических (особенности восприятия, понимания информации, мыслительных процессов) закономерностей, присущих коэволюционному, взаимообусловленному развитию субъектов совместной деятельности, становлению всего живого (психолого-педагогическая теория "z" — педагогическая синергетика).

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что если теория "x" (парадигма — синергетика) объясняет теорию "y" (теория — биофизика, психофизиология и другие науки), то возможна

теория "z" (теория — педагогическая синергетика), отличная от "x" так и от "y", такая, что "x" объясняет "z", а "z" взаимодополняет "y", теории "z" и "y" взаимобъясняют друг друга. Следовательно, парадигма "x" и теория "z" объясняют друг друга, транзитивны, имеют одно онтологическое, телеологическое, когнитивное основание. Педагогическое явление — интересубъектная самоорганизация объяснено с точки зрения синергетики.

Решение проблемы транзитивности природной и интересубъектной самоорганизации позволит придать научный статус различным отраслям педагогического знания (педагогическая синергетика, педагогическая аксеология и другие), которые выводятся, объясняются из междисциплинарной парадигмы - синергетики

Библиографический список

1. Весна М.А. Педагогическая синергетика. - Курган: Изд-во КГУ. 2001. - 405 с.
2. Весна М.А. Самоорганизация студенческих сообществ с различной целевой направленностью. - Курган: Изд-во КГУ. 2004. - 272 с.
3. Философско-методологические основания системных исследований: Системный анализ и системное моделирование. - М.: Наука, 1983. - 324 с.
4. Эйген М. Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул/Пер. с нем. - М.: Мир, 1973. - 216 с.

ВЕСНА Михаил Алексеевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.08.06 г.
© Весна М.А.

УДК 122/. 129

Е. Н. НАГАПЕТАН

Омский государственный
технический университет

ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ И ЕГО СТРУКТУРА

В статье излагаются положения о «снятии» гносеологической противоположности субъективного и объективного, материального и идеального. С этой целью анализируется понятие долженствования и его структуры. В качестве конкретного анализа берется идеал как структурный элемент долженствования, связанный с целеполаганием и объективацией.

Научный интерес к проблеме долженствования вызван как логикой развития философии, так и определенным состоянием человеческого общества. Эта проблема скрыто, часто в неадекватных терминах, присутствовала на всех этапах становления философской мысли. Представленная в некоторых философских системах как должное («сущее и должное»), она становится объектом изучения в классической немецкой школе, в частности в философии И. Канта. Эта тенденция продолжается до настоящего времени в связи с поисками смысла человеческой жизни, человеческих ценностей и идеала. В ее основе, как правило, лежит представление о человеческой деятельности.

В нашей работе проблема должного и долженствования рассматриваются как тождественные понятия. Их различие, на наш взгляд, возникает лишь в рамках определенных исторических эпох. Там, где речь шла о сущем, как правило, использовалась и его парная категория должного.

Обращение философской мысли к проблеме долженствования обусловлено многими причинами, среди которых наиважнейшая — потребность в поиске истоков культуры, роли и значения в ней человеческой деятельности, поиски смысла жизни и идеала.

В целом же потребность в теоретической разработке данной проблемы всегда выводила их в об-

ласть человеческой деятельности и ценностей. В связи с этим, в статье рассматривается как связь долженствования с деятельностью, так и истоки его возникновения. Долженствование анализируется как социальный феномен, выросший на определенном этапе развития в объект изучения философии. Поэтому основная задача работы — показать, что гносеологическое противоречие между субъективным и объективным, материальным и идеальным снимается в деятельности через долженствование. При этом долженствование рассматривается как необходимый внутренний момент существования деятельности. Для решения этой проблемы исходим из следующего понимания долженствования. Долженствование есть деятельнообразующая система с многообразием структурных элементов, существенной характеристикой которого является целеполагание и объективация. Именно через целеполагание и объективацию проявляется единство объективного и субъективного, материального и идеального.

Механизм преодоления противоречия между природой и духом, объективным и субъективным, материальным и идеальным представлен в анализе структуры долженствования. Сказать, что это противоречие нашло свое разрешение в человеческой деятельности, на наш взгляд, недостаточно, поскольку в большинстве случаев дается чисто внешнее, формальное определение как целесообразной, практически-преобразующей, универсальной, творческом по законам красоты и т. д. Верное, не подлежащее сомнению определение, однако, требует дополнения.

Не в деятельности как таковой, а именно через долженствование в деятельности снимается противоречие между объективным и субъективным, материальным и идеальным, субъектом и объективностью. И синтез осуществляется в целеполагании как форме долженствования.

При выяснении механизма преодоления этого противоречия и возникает необходимость анализа долженствования.

Взяв за основу методологии деятельность, в работе проанализировано становление данного понятия и его структура.

При рассмотрении человеческой деятельности выясняется, что она является основой и причиной возникновения не только социальных связей и отношений, но и долженствования. Можно сказать, что отношение долженствования одно из фундаментальных оснований мира культуры.

Для понимания мира долженствования в философии создана богатая система категорий: цель, целеполагание, ценность, идеал и другие.

Прежде чем долженствование стало объектом изучения философии, оно уже было в неосознанной форме в деятельности и социальных отношениях. В связи с этим в статье рассматриваются истоки формирования долженствования, в качестве которых выступает, на наш взгляд, антропоморфное видение мира, проблема творения и семантический принцип.

Анализ истоков долженствования показал, что без него невозможно социальное функционирование. Уже на раннем этапе люди пытались не только выразить его на практическом уровне, но и руководствоваться им. Таким образом, уже в истоках формируется человеческое представление о том, как должно быть. Объективированная деятельность людей создавала ощущение и веру в то, что в мире

есть некое разумное начало, которому необходимо следовать.

Первыми мыслителями, выразившими долженствование уже на почве философии, были Анаксагор, Платон, Аристотель. На наш взгляд, во всех этих учениях проблема долженствования оказывается хотя и скрытой, но главной, ибо она определяла целостные системы, она присутствовала тогда, когда философы рассуждали о Боге, о смысле жизни, добре и зле. Анализ долженствования продолжили Ф. Бэкон и Р. Декарт. Начав борьбу против схоластики, они выдвинули требование разграничения мира природы и мира культуры, мира сущего и мира должного.

Прямым и непосредственным объектом анализа мир должного, как проблема долженствования, становится в философии И. Канта. Именно он осознал и дал категориальный анализ человеческой деятельности и связал ее с долженствованием. Ему принадлежит мысль о разделении познания как отражения того, что есть и познания как творчества того, чего еще нет, но должно быть. По И. Канту, долженствование выводится из Идеи, связанной с понятием разума, основанного на свободе. Следовательно, основу обязанности, по мнению И. Канта, должно искать не в природе или в обстоятельствах, в которые поставлен человек, а априори, в понятиях чистого разума, выраженных через долженствование. Кантовская концепция долженствования подготавливает теорию деятельности, человека и его ценностей. В его мировоззрении человек предстает как субъект созидательной деятельности, в ходе которой он объективирует свои цели, знания, волю, воображение и т. д. Несмотря на то что долженствование предстает у И. Канта как субъективное, как чисто духовное, его учение — это важная веха историко-философского процесса, ведущая к осознанию того, что личность является подлинным субъектом долженствования.

В отличие от И. Канта, Гегель считал, что нельзя рассматривать объективность и субъективность как прочную, абстрактную противоположность, они, по его мнению, целиком диалектичны.

Человеческие представления о том, каким должен быть мир, оказались ядром марксизма как идеологии.

XX век представлен многообразием концепций. Но, несмотря на это, все они связывают становление долженствования с деятельностью, человеком, ценностями и субъектом.

С целью выявления источников и движущих сил развития долженствования в статье рассматриваются такие категории, как Бытие и Действительность. Рассмотрение категории Действительности позволило нам выстроить логику исследования долженствования. В работе подчеркивается, что без долженствования и субъекта, как его главного элемента, нет деятельности. В конечном счете, Действительность не существует без деятельности, а деятельность без долженствования. Именно в долженствовании проявляется единство объективности и субъекта через целеполагание и объективацию. К тому же, содержание долженствования выступает критерием не только деятельности, а и Действительности в целом.

Таким образом, можно сказать, что по своей сущности долженствование стоит в одном категориальном ряду с Бытием, Действительностью и деятельностью. Как система, она имеет сложную структуру, в которой можно выделить виды и формы.

Одним из первых видов является представление о должном, которое как бы вплетено в деятельность и обслуживает ее. Этот вид долженствования находит свое отражение в таких категориях, как потребность, интерес, цель, целеполагание, оценка, знание, смысл и т. д.

Второй его вид связан с человеческими отношениями. Это сложная система социальных норм, законов, идеалов и др. Если в первом случае имело место отношение субъекта – объекта, то во втором прибавляется субъект – субъект.

Третий вид имеет характер необходимости и предвидения.

Все эти три вида связаны не только с деятельностью, но и потребностями и интересами, выступающими в качестве основного механизма формирования долженствования.

Наконец, четвертым видом долженствования является оценка действительности с позиций должного. Здесь идет сопоставление сущего с идеалом.

Долженствование в человеческой деятельности включает в себя потребность, целесообразность, цель, целеполагание, знания, предмет, субъект и др. Они определенным образом взаимосвязаны, обладают относительной самостоятельностью и существуют в форме целеполагания, где и происходит их синтез, объединение.

В процессе деятельности целеполагание превращается в предмет, где осуществлены человеческие потребности и интересы, цели и средства. Именно в нем представлено единство материального и идеального, субъективного и объективного. Предмет очеловечивается, приобретает ценность как свое общественное свойство.

Особое внимание при анализе долженствования уделяется субъекту, поскольку от него зависят цель, предмет, средство, оценка, идеал и вся система ценностей. При этом подчеркивается мысль о том, что исходными факторами, участвующими в процессе долженствования, выступают цели и потребности. В самой деятельности они присутствуют наряду с интересами, знаниями, системой ценностей, средствами, предметами и др.

Главным элементом долженствования является человек как общественное формирование, как творческая сила, непосредственно связанная с идеалом, ориентированная на него и определяющая им цель.

Таким образом, характеристика деятельности как целесообразной, универсальной, практически-преобразующей, творчества по законам красоты, определяется природой долженствования и его субъектом.

В субъекте, можно сказать, долженствование как возможность, перерастает в Действительность как необходимость. Следовательно, долженствование – это мир субъекта с его потребностями, интересами, целями и т. д. Здесь субъект, как деятельное существо, обладающее сущностными силами, объективирует мир субъективности. Таким образом, субъектом определяется субъективность мира и его объективация. Рассматривая природу субъекта, мы говорим о двух системах должного: одна у него есть, другая должна быть. Размышление о том, каким должно быть мое должное, является моральным самосознанием.

В структуре долженствования наряду с видами нами выделяются и его формы, непосредственно связанные с субъектом и отражающие его моральное самосознание. К ним относятся, например, свобода, совесть, вера и другие ценности. Стержнем,

вокруг которого складывается долженствующая система ценностей, норм, идеалов и др., является совесть. Именно в ней отражается самооценочность и самоценность человека.

Следующей формой долженствования выступает вера, непосредственно связанная в субъекте с идеалом.

Философское осознание личностью себя субъектом долженствования – это момент на пути к свободе.

Во всех этих формах прослеживается определенная связь объективных и субъективных моментов. Объективное долженствование складывается из суммы неких норм, правил, требований и т. д., предъявляемых абстрактному человеку для их выполнения. Когда они становятся внутренней нормой, убеждением, возникает субъективный момент долженствования.

Следовательно, можно сказать, что долженствование есть явление социальное, собирательное, объединяющее большое количество структурных элементов, видов и форм. Центральным элементом является творческий и творящий субъект. Как таковой, он является причиной мира субъективности, который объективируется в предметном мире как результате деятельности. Этот мир субъективности формируется не только в соответствии с потребностями и интересами, но и идеалом как представлением о должном.

Долженствование присутствует во всех видах деятельности, в том числе и эстетической. Специфика последней зависит, в конечном счете, от специфики ее субъекта. Кроме того, эта специфика проявляется и в определении эстетического, которое, с объективной стороны, есть всестороннее, целостное утверждение творческих сил как таковых, как самоцели. С субъективной стороны, бескорыстное, незаинтересованное наслаждение творчеством и его результатами.

Эстетическое понимается нами как эстетическое отношение, как необходимый, внутренний момент деятельности, выступающий в качестве интегрирующего аспекта долженствования, связывающего все его элементы в единую систему. Это определяется спецификой субъекта эстетической деятельности и эстетических отношений: во-первых, это гармоническая целостность, универсальность творческих сил, всесторонность; во-вторых, самоцельность субъекта; в-третьих, наслаждение самим процессом творчества и развитием творческих сил как самоцели. Именно эстетическая деятельность представлена тождеством субъекта и объекта.

Специфика субъекта проявляется и в сопоставлении утилитарного и эстетического в деятельности. Эстетическое есть не просто внешнее дополнение к утилитарному, а оно произрастает из него. Это определяется тем, что утилитарное, как отмечал Гегель, имеет «свое иное» как необходимый, внутренний момент своего существования. И таким внутренним моментом, «иным», является эстетическое, связанное с человеком, его творческим развитием, как самоцелью. Это иное утилитарной деятельности является основой возникновения эстетического идеала. Идеал, следовательно, возникающая на основе практически-преобразующей деятельности, включает в себя и эстетический момент.

В структуре долженствования непосредственно с субъектом связан идеал, как должное. Любой идеал, осознанный или нет, включает в себя человека как

самоценность и самоцель общественного развития. В идеале, также как и в любом другом элементе долженствования, осуществляется синтез объективного и субъективного, который происходит через целеполагание и объективацию.

Субъект, наделенный сознанием и волей, всей совокупностью сущностных сил, учитывая закономерности объективного мира, создает мысленный образ должного, желаемого, совершенного, соответствующего его представлению о ценностях. И здесь субъект проявляет себя в единстве с объективностью как активное, деятельное существо, т.е. происходит объективация его мысленных образов в предметном мире.

Идеал в связи с этим предстает как такое должное, в котором находятся в единстве материальное и идеальное, объективное и субъективное, объект и субъект. Именно в деятельности субъект как творящая сила способен создавать не только реальный мир (Действительность), но и воображаемый мир, возможный и должный. Включенный в Действительность, в предметный мир, идеал является одним из важных и необходимых элементов мира субъективности.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что идеал характеризует содержание общественного прогресса в целом, т.е. всю совокупность материальных и духовных ценностей. Эстетический же идеал выражает в нем меру богатства и целостности развития человеческих творческих сил как таковых, как самоцели.

Рассмотрев долженствование как систему, как необходимый внутренний момент деятельности, приходим к выводу о его значимости для решения многих социальных проблем, таких как потребности и интересы, ценности, цели, идеалы и др.

Через долженствование снимается противоречие основного вопроса философии. И главную роль здесь играет целеполагание, объективация и природа субъекта.

Все это находит свое выражение в любом виде деятельности, в том числе и эстетической.

Библиографический список

1. Дробницкий, О.Г. Проблема нравственности / О.Г. Дробницкий. — М.: Наука, 1977. — 333с.
2. Дубко, Е.Л. Идеал, справедливость, счастье / Е.Л. Дубко, В.А. Титов. — М.: Изд-во МГУ, 1989. — 188с. — ISBN 5-211-00216-4.
3. Кетхулов, Р.Г. Проблема долженствования / Р.Г. Кетхулов. — Тбилиси: Офис-Пресс, 1998. — 120с. — ISBN 99929-000-4.
4. Николов, Л. Структуры человеческой деятельности / Л. Николов. — М.: Прогресс, 1984. — 176с.

НАГАПЕТЯН Елена Николаевна, ассистент, аспирант кафедры философии и СК.

Дата поступления статьи в редакцию: 22.08.06 г.
© Нагапетян Е.Н.

УДК 13+39

С. К. БОСЫНОВ

Северо-Казахстанский областной суд
г. Петропавловск

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Автор рассуждает в статье о духовных ценностях этноса и нации, в которых обязательно присутствуют основы и элементы ценностей общечеловеческой культуры.

Движение и развитие духовных ценностей во времени, в отличие от таковых в пространстве, имеет одномерную характеристику. Но в целом движение и развитие духовных ценностей во времени тесно взаимосвязано с их движением и развитием в пространстве.

Мир человека непрерывно расширяется не только в физическом или интеллектуальном пространстве, когда он устремляется до самых отдаленных планет или наращивает объем информации, — но и во времени. И это расширение во времени тоже должно, на наш взгляд, быть осмыслено аксиологически. Необходим иной, гуманистический, ценностный взгляд на наше отношение ко времени: к прошлому, настоящему, будущему. «Те представления о времени, которые скопились в философии, недостаточно устраивают нас. Ни кантовское вре-

мя как априорная форма сознания, ни субъективное, переживаемое личностью время экзистенциализма, ни локальные «непроницаемые» времена различных культур в традиционной философии истории — не дают нам понимания самого важного смысла существования человека в общечеловеческом, историческом временном потоке», — очень верно указывает Д.Гвишиани /1/.

Проникновение во времени показывает развитие духовных ценностей как бы сквозь различные общественные структуры, эпохи, культуры, словом, по ступеням истории человеческого общества, приобретенную ими специфическую оболочку, облики, разнородные функции и роли. Но главным моментом является то, что они в своем движении способствовали процессу реализации и утверждения высших духовных ценностей.

Эволюции духовных ценностей во времени обусловлены прежде всего структурой и тенденциями самого общества. Раздробленность человечества (дифференциация), формирование племен, этносов, наций, других относительных исторических форм общности людей способствовали релятивизации ценностей вообще и духовных ценностей в частности. И наоборот: сплочение, единение, интеграция членов человеческого рода способствовали тенденции выявления гуманизации общечеловеческих (вечных, высших, абсолютных) ценностей. Эта тенденция к интеграции в настоящее время все энергичнее пробивает себе дорогу в общественном сознании современного человечества и в реальной практике усиливающихся процессов глобализации. Разумеется, этот процесс происходит не без серьезных трудностей и потерь, однако общая тенденция к постепенной интеграции человечества — налицо. Сегодня представители большинства стран мира четко видят глобальные проблемы, но за ними также и глобальные ценности и выделяют среди них ценности духовные в их различных оттенках — гуманистические, религиозные и т.д.

Обусловленность духовных ценностей во времени связана прежде всего с выявлением в них единичного и общего, релятивизации и абсолютизации. В социальном отношении это не что иное, как взаимодействие общечеловеческих и этнических (этнокультурных) духовных ценностей, соотношение национального и общечеловеческого, т.е. всех тех проблем, которые стали актуальными в период демократизации нашего общества.

Новая аксиология призвана влиять посредством духовных ценностей на умонастроение людей с тем, чтобы в мире был не только принят, но и реализован тезис о приоритете общечеловеческих ценностей над всеми другими ценностями, поскольку безопасность одних стран (больших, средних, малых), одних народов не должна обеспечиваться за счет других (как это случилось, к примеру, в результате агрессии США против Ирака). Все это сегодня достижимо лишь постольку, поскольку безопасность может быть только взаимной, всеобщей. Неоспоримость этой логики является очевидной в «ядерную эпоху».

Справедливо указывает в подобной связи П.Г.Чижов: «В определении понятия духовности различными авторами делаются различные акценты. Выделяются такие аспекты духовности, как ее идеальность, продукт работы психики человека во всей ее полноте, ценностное содержание общественного и индивидуального сознания, гуманистическое содержание сознания и деятельности, новаторские идеи, соответствие духовных установок общечеловеческим ценностям, нравственный мир человека и другие <...> Подлинной духовностью могут быть названы только те духовные достижения и установки, которые имеют гуманистическое содержание и несут в себе непреходящие социальные ценности, такие, как истина, добро, справедливость, красота, святость и другие. Такая духовность, действительно, представляет собой инструмент, обеспечивающий связь человека и мира как природного, социального, так и своего собственного на основе согласия и гармонии <...> Наиболее важные духовные ценности имеют общечеловеческое значение, и их философия имеет интернациональную значимость. Но в конкретных обществах, странах, социальных группах духовность функционирует в конкретной национальной форме. Диалектика национального и интернационального

при этом выражается в их взаимообогащении, взаимовлиянии. И этот процесс непрерывен и закономерен» /2/.

Но одной логики, о которой мы упомянули чуть выше, недостаточно. На наш взгляд, должна быть и новая интерпретация этой логики в свете духовных ценностей, которые составляют главную категориальную сеть аксиологии. И в этом проявляется ее гуманистичность. Но логике нужна еще и интуиция — духовно-ценностная интуиция, основанная на чувстве любви к человеку и человечеству, к его духовным ценностям, на чувстве гуманной ответственности за их судьбы. Именно органичное сопряжение логики и духовно-ценностной интуиции, любви к человеку, его ценностям и ценности человека как такового, а также гуманной ответственности за его будущее, во многом предрешают, по нашему мнению, торжество прогресса. Именно с этой стороны выявляется приоритет общечеловеческих ценностей, основанный на неклассической диалогичности логики глобальности и духовных ценностей аксиологии.

В нынешней глобальной ситуации претерпевает качественные изменения шкала ценностей, их иерархия. Наивысшей ценностью в этих условиях должна стать человеческая жизнь, — хотя, к сожалению, ее ценность в реальности резко упала, если вспомнить акты терроризма, многочисленные войны, рост преступности во многих странах и т.д. И все же именно человек, его жизнь обязаны стать высшей ценностью, поскольку именно человек является создателем всех ценностей. Древняя и вечно новая философская идея общечеловечности — «человек есть мера всех вещей», сформулированная почти две с половиной тысячи лет назад, приобрела статус главного императива эпохи: общечеловеческих интересов — уберечь цивилизацию от ядерной, экологической или какой-либо иной катастрофы. Со всей драматичностью встал вопрос о смысле и ценности человеческой жизни, об онтологическом и общественном предназначении человека, о перспективах человека и человеческой цивилизации.

В свете сказанного выявляется еще один исследовательский срез проблемы духовных ценностей, имеющий острейшее практическое и теоретическое значение. Речь идет об этнокультурных ценностях.

Процесс современной глобализации, как известно, чреват унификацией этнических и национальных культур, и эту негативную сторону глобального процесса нельзя обойти молчанием. Одновременно с этим обостряется и ответная реакция на действия глобалистов со стороны представителей локальных культур, разнообразных этносов и этнических групп. Кроме того, осуществляемые сегодня в нашем обществе экономические, политические, социальные реформы, направленные на трансформацию всех сфер общественной жизни, приводят к значительным переменам в способе воспроизводства национального бытия. А это, в свою очередь, определяет характер и содержание национальных духовных ценностей. Рост национального самосознания, результируясь в экономическом, социальном, духовном, культурном прогрессе нации, этноса, рождает стремление переосмыслить с высоты нового знания место и роль духовных ценностей данной этнической или национальной общности. В историческом плане он значительно стимулирует интерес к национальной культурной традиции и тем

самым способствует консолидации. Не исключена и другая возможность, когда на этом фоне может произойти и существенная дифференциация — попытки противопоставления этносов и национальностей, неоправданного возвышения одной нации за счет принижения другой, а следовательно — и национальных ценностей.

Исследования по спектру этих проблем проводятся с большой интенсивностью. Им присущи резкая критичность или выявление новых, неожиданных объективных явлений в этнонациональной сфере и т.д., но тем не менее проблему ни в коей мере нельзя считать изученной полностью. Все это вызывает необходимость рассмотрения ее и с аксиологической точки зрения.

Вопрос о том, духовные ценности какой нации или этноса наиболее выражены в сознании эпохи, зависит не только от субъективных желаний, психологического склада, но и от определенных объективных условий, от многообразия конкретных обстоятельств, социальных и этнокультурных особенностей и их значимости для эпохи в целом. Не обладая гуманистическим потенциалом своих национальных ценностей, более развитая в историческом смысле эпоха может оказаться менее значительной по своему вкладу в мировую культуру и менее благоприятной для продуцирования той или иной формы культуры. В характере преемственности духовных ценностей огромное значение имеют гуманистические основания с осмыслением мировых достижений в контексте этнонационального.

Из этого следует необходимость учитывать специфику нации, совместимость с ее традициями, психологическим складом и т.д. Второе, что из этого следует, — это то, что обеднение и упадок, а тем более разрушение отдельных этнонациональных духовных ценностей и культур, а следовательно, и гуманистического начала в них, происходит вследствие их обособления.

Естественно, острота национальных проблем ориентирует ученых-обществоведов на поиски путей их решения. При этом можно обнаружить, что главное внимание исследователей направлено очень часто на идейные и мировоззренческие моменты вопроса. Последнее очень актуально, однако все недостатки и противоречия невозможно и неправомерно сводить только к ним. В этой ситуации для нас более приемлема та позиция, которая объясняет область этнонациональных, межэтнических и межнациональных отношений сочетанием конкретно-исторических обстоятельств, единством объективных и субъективных факторов. Основываясь на этом, мы предполагаем, что к объективным факторам надо отнести, во-первых, объяснение причин противоречий исходя из принципов социальной справедливости; во-вторых, решение причин противоречий исходя из идеи общечеловеческой, идеи единства (разумеется, не в смысле унификации).

В свою очередь, эта объективная сторона должна дополняться субъективной. К субъективным причинам мы относим такой признак нации, как особенности национальной психологии. Трансляция и усвоение национальной психологии происходит в двух формах: в предметной — (традициях, обычаях, разнообразных видах материальной культуры, произведениях искусства и т.д.) и в отражении определенных отношений, закрепленных в сознании людей (в мыслях, чувствах, связанных с нацио-

нальной гордостью, национальным самосознанием и т.д.). Особо важно при рассмотрении перечисленных моментов избегать догматического представления о них и исходит из закономерного возрастания общих черт в национальной жизни, обогащения национальных ценностей благодаря освоению духовных ценностей других народов, социального и этнического в жизни нации.

Необходимо учитывать еще и такие факторы, как, например, место и роль религии в межнациональных отношениях. В особенности это касается ислама, поскольку фактор разжигания межнациональной розни путем так называемого «исламского терроризма» заставляет глубже и адекватнее постигать сущность такой мощной и авторитетной религии мира, как ислам. Кроме того, роль религии в последние годы возросла в этнонациональной жизни до той степени, когда этничность все более отождествляется с конфессиональной принадлежностью. Недаром ученые-обществоведы все чаще прибегают, говоря о межэтнических взаимодействиях, к термину «этноконфессиональные отношения».

Необходимо также учитывать и фактор национальной памяти, культурного наследия народа. И все эти перечисленные субъективные обстоятельства взаимосвязаны между собой и имеют в то же время свою специфику, свои отличия и т.д., что крайне важно для исследований, проводимых в рамках аксиологической науки.

По нашему мнению, самое серьезное, глубинное значение для аксиологии национальных духовных ценностей имеет только что упомянутая историческая национальная память. Этот феномен коренится и проявляется в различных сферах, а своими истоками он восходит к традициям, обычаям, к национальной психологии, к важнейшим, определяющим событиям национальной жизни и т.д., иными словами — ко всему колоссальному духовному опыту и богатству, накопленному предшествующими поколениями. Не случайно столь серьезное значение руководство Республики Казахстан придает реализации обширной, разветвленной и фундаментальной программы «Культурное наследие».

При этом для аксиологии гуманизма духовных ценностей важна еще и аксиология правды. «Всякое замалчивание или, хуже того, профанация тех или иных периодов в жизни страны создает тенденцию, направленную к цинизму и безверию со стороны ее граждан», — очень верно отмечал в подобной связи аксиологически-нравственную и культурологическую опасность для национальной политики Ю.А. Школенко /3/. Всякое сужение и умалчивание приводит к нигилизму в отношении духовных ценностей народа и человечества, в отношении культуры вообще.

Критерии национального в духовных ценностях позволяют выявить, где ценности, выношенные народом и оправданные историей и имеющие общечеловеческое значение, а где суеверия, предрассудки, реакционные установки и т.п. Понимание духовных ценностей прошлого с национальной точки зрения воспитывает патриотизм и гражданственность, прививает любовь к человеческому роду. Этим и объясняется интерес к древней культуре народов и к их духовным ценностям, к их причастности памяти и истории человеческого рода.

Сегодня сфера действия национальных обычаев и традиций имеет неуклонную тенденцию рас-

ширяться, обретать более широкое звучание, постепенно утрачивая сугубо национальные рамки и одновременно усиливая подлинно национальное гуманистическое содержание. Возьмем, к примеру, казахский обычай «асар» (у узбеков — «хашар», у кыргызов — «ашар»). Даже в других странах — Пакистане, Афганистане и т.д. — этот ритуал имеет подлинно общечеловеческий характер: содержание, оставаясь национальным, переходит в межнациональное и общечеловеческое. В своей основе он содержит принцип «всем народом» строить, помогать, вообще делать все сообща, совместными усилиями.

Местное, национальное, но при этом подлинно самобытное в духовных ценностях, сливается с неразрывной составной частью процесса, называемого прогрессом мировой цивилизации (в лучшем смысле слова «прогресс»), становясь общенациональными духовными ценностями, общечеловеческим достоянием. Так, праздник Наурыз, возрожденный в нашей республике, зарождался когда-то в сфере мусульманской обрядности. Подлинно национальные духовные ценности, обычаи, традиции имеют, если можно так выразиться, более общечеловеческий гуманистический характер, чем те, которые отыскиваются стихийно и объединяются «гибридным» способом.

Видимо, подлинно национальное имеет больше возможностей выступать одновременно и в качестве общечеловеческого. Подлинно национальное всегда является вместе с тем и подлинно общечеловеческим. Следовательно, к духовным ценностям народа и его обычаям, традициям, фольклору, общественной психологии, языку и т.д. надо подходить действительно аксиологически и в связи с конкретным опытом истории.

Именно национальные традиции, обычаи, фольклор являются аксиологическим условием совпадения национального и общечеловеческого, а следовательно, и с гуманистическим, условием проявления одного в другом. Так, например, творчество и мировоззрение Абая несет в себе духовное богатство родного народа и богатство подлинно общечеловеческое, гуманистическое, так как оно связано с древнеказахской культурой, лучшими образцами восточной культуры, с культурой русской и т.д. /4/. При этом Абай знал самое важное — то, что прежде всего перед каждым человеком должно выступать его внутреннее требование «Адам бол!» («Будь человеком!»). Этот страстный призыв был главным лейтмотивом творчества и мировоззрения Абая.

Можно с полной ответственностью утверждать: в этническом, в национальном содержится общечеловеческое при подлинном его понимании. Для аутентичной аксиологии «общечеловеческое» как категория ценностная, по нашему мнению, имеет смысл только в том случае, если теория ценности в общечеловеческом видит три компонента: этносы (нации), их взаимоотношения и их связующее звено — этнонациональные духовные ценности. Достаточно отсутствия или умаления одной из этих составляющих, чтобы перестала существовать такая аксиологическая категория, как «общечеловеческое».

При этом общечеловеческим идеалом является, разумеется, вовсе не унифицированное единообразие, монотонная серость, лишенность красок, а гармония, полифония многокрасочных и разнообразных, многоязычных культур в их расцвете.

Идеи мультикультурализма, если понять их именно в таком ключе, как раз и вбирают в себя лучшее из аксиологической теории. В единстве с подлинной национальной аксиологией эти идеи и принципы способны занять достойное место среди ведущих, основополагающих постулатов современной концепции межэтнических отношений в условиях глобализирующегося мира.

По существу, речь применительно к идее мультикультурализма должна идти о новой понимании единства. Категория «единство» по своей сути отнюдь не есть некое унифицированное целое, совершенно однородное — плоское. Единство, как известно со времен классиков истории философии, — это конкретность, т.е. единство многообразного, причем такое, на котором — как на внутренний стержень — накладываются всевозможные — особенные проявления. Цветущее многообразие имеет своим основанием единство, — но и единство проявляет себя через цветущее многообразие.

Отсюда понятно, что в духовных ценностях этноса и нации с необходимостью должны присутствовать основы и элементы ценностей общечеловеческой культуры, а также то, что общечеловеческая культура в той или иной форме впитывает в себя основы и элементы ценностей этнонациональных культур.

В применении к Республике Казахстан это означает: нашей стране надлежит двигаться в мировое сообщество, стараясь развивать свои национальные ценности. Собственно говоря, в человеческое сообщество возможно органично вписаться только тогда, когда у данной нации есть, что предложить другим, когда у нее имеются интересные, яркие и самобытные этнокультурные ценности. Не случайно президент нашей республики Н.А. Назарбаев в Послании народу Казахстана в феврале 2005 года подчеркивал: необходимо построить общество, где ценятся честь, достоинство и репутация каждого, где присутствуют высокая мораль, этические стандарты и духовные ценности. «Мы выбрали правильный путь <...> Это тот путь, который ведет Казахстан в число развитых и процветающих стран мира» /5/.

Библиографический список

1. Гвишиали Д. Мир на пороге III тысячелетия. История и общество: проблемы развития человека // Сборник тезисов советских философов к XVIII Всемирному философскому конгрессу. - М., 1988. - С.4.
2. Чижов П.Г. Интернациональное и национальное в духовности человека и общества // Общечеловеческое и национальное в философии: II Международная научно-практическая конференция КРСУ (27-28 мая 2004 г.). - Бишкек, 2004. - С.310-312.
3. Школенко Ю.А. Наш дом — биосфера. - М., 1988. - С. 51-57.
4. См. напр.: Есим Г. Хаким Абай. - Алматы: БИМ, 1995.
5. Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации: Послание президента Нурсултана Назарбаева народу Казахстана // Казахстанская правда. 19 февраля 2005 г. - С.3.

БОСЫНОВ Сайыпхан Кожамкулович, главный специалист Северо-Казахстанского областного суда.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.08.06 г.
© Босынов С.К.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

БЫТОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ И ИХ МЕСТО В РУССКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ

УДК 801

С. М. АВЛАСОВИЧ

Омский государственный университет

КОНЦЕПТ «СВЯТОСТЬ» В КАРТИНЕ МИРА ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО

В статье рассматриваются семантическое и ассоциативное поля, связанные с концептом «святость» в картине мира древнерусского агиографа Епифания Премудрого. Материалом исследования послужило Житие Сергия Радонежского. Идиостиль писателя, в частности созданная им система семантических повторов, обуславливают самобытный способ преподнесения и интерпретации феномена святости. В статье также уделяется внимания характерным особенностям стилистической организации Жития.

Епифаний Премудрый – русский писатель времен второго южнославянского влияния – является создателем самых известных, самых продолжительных и витиеватых агиографических произведений нашей древней литературы. Им написаны жития Сергия Радонежского, Стефана Пермского и, по предположениям некоторых ученых, Дмитрия Донского. Творения Епифания получили широкое распространение в среде древнерусской книжности. Они многократно переписывались, включались в те или иные учительные и исторические сборники, переходя из века в век, из одной церковной, княжеской или монастырской библиотеки в другую. Веками читателей привлекала возвышенность и красота, высокая духовность и поэтичность созданных Епифанием житий. Богатый внутренний мир средневекового молитвенника и аскета в сочетании с большим литературным дарованием и необыкновенной чуткостью к слову – вот причина того интереса, который проявляли и

проявляют к Епифанию Премудрому читатели и исследователи его творчества.

В современном литературоведении Епифаний наиболее известен как создатель так называемого «экспрессивно-эмоционального», витиеватого стиля агиографических произведений, как писатель, чье творчество открыло новый этап в истории русского литературного языка и средневековой литературы. «Новым литературным движением» называет Д. С. Лихачев творчество Епифания и его последователей и отмечает, что оно появилось как следствие «нового художественного видения» [1, с. 34]. Рождение епифаниева стиля, обозначенного им самим как «плетение словес», явилось провозвестником смены мировоззренческих парадигм древнерусской культуры, которая претерпела большие изменения в эпоху второго южнославянского влияния. Созданные в русле витиеватой стилистики произведения являются отражением той философской картины мира, которая сформирова-

ровалась в русской средневековой культуре XIV-XV веков. Стиль «плетение словес» — пример так называемого «мировоззренческого стиля» (термин А. Ф. Лосева [2, с. 203]), изучение которого всегда необходимо сопряжено с изучением языковой и философской картины мира писателя.

Рассмотрение языковой картины мира Епифания естественно служит важнейшим этапом реконструкции системы его мировоззрения. Задача настоящего исследования — рассмотреть воплощение одного из основных концептов древнерусского агиографа — концепта святости — в системе семантических повторов в Житии Сергия Радонежского. Литературный прием повтора был выбран для исследования как наиболее характерный для творчества Епифания Премудрого. Именно на повторах и многочисленных варьированиях уже сказанного агиограф строит свой стиль — «плетение словес».

Семантический повтор — это повтор слов, имеющих одинаковые компоненты значения. Излюбленный прием Епифания — нанизывание синонимов, обозначение какого-то лица, предмета или понятия не конкретным словом, а целым рядом слов с тождественной или близкой семантикой. Цепочки синонимов или синонимичных словосочетаний, сближающие стиль агиографии с гимнографическим, особенно характерны для предисловия к Житию и Похвального слова Сергию. Так, например, рассуждая об оставлении мира и избрании Сергием богоугодного жития, автор приводит ряд синонимов, рисуя жизнь по заповедям как «землю **кротку** и **безмлъвну**, землю **тиху** и **безмятежну**, землю **красну** и **исполнь всякого утешения**» [3, с. 308]. Агиограф тем самым создает определенное ассоциативное поле, связанное с идеалом монашеской жизни, то есть со святостью, но не дает четкого определения тому, что такое богоугодное житие, а лишь намекает на основные компоненты значения слова «святость», оставляя синонимический ряд открытым. Подобные цепочки синонимов, семантически или ассоциативно сопряженные с представлениями об идеале иноческой жизни, можно встретить практически на любой странице Жития. Ни одна из них не раскрывает полноты смыслового наполнения концепта святости, а, обрисовывая его с разных сторон, расширяет его семантическое поле. Чем больше читателю говорится о том, что такое святость, тем все менее четким становится ее определение в его представлении. Епифаний выбирает литературный прием повтора как наиболее подходящее средство для достижения эффекта невыразимости.

Разновидность семантического повтора — **корневой повтор**, т. е. повтор в тексте или фрагменте однокоренных слов. На базе корневого повтора могут возникать и разветвляться текстовые словообразовательные гнезда, сквозные для произведения в целом [4, с. 54]. Епифаний Премудрый многократно прибегает к этому художественному средству: «**Бог наш великодатель, и благых податель, и богатых даров Дародавец**» «...**родися от родителя добродну...**» [3, с. 290]. «**Тешится и утешится! Се бо дарова вама Бог тешениа...**» [3, с. 396]. Корневые повторы делают прозу более звучной и поэтичной, заставляя слова эхом звучать в предложении. У Епифания они служат, как правило, средством усиления и утверждения какой-то мысли. Так, например, подчеркивается доброта и благородство Сергия: «**Отрок же предобрий, предобраго родителя сын...**, **иже от родителей добродных и благоверных произыде, добра бо корене добра и**

отрасль расте, добру кореню... **якоже сгг благородный показася, и яко плод благоплодный процвете, бысть отроча добролепно и благопотребно...**» [3, с. 304]. Настойчивое утверждение одного и того же качества через два-три корня (-добр-, -благ-, -род-) максимально концентрирует внимание читателя на этой характеристике Сергия.

В отдельных случаях целый абзац или целая глава Жития пронизаны однокоренными словами, вследствие чего образуется важное для данного фрагмента словообразовательное гнездо с вершиной в определенном слове: «слова», «свет», «дар» и т. п. Так, в первом абзаце Жития многократно встречаются слова с корнем -слав-, чему В. Н. Топоров посвящает отдельную главу своей работы [5]. Аналогичным образом целая глава «О пострижении святого» пронизана различными образованиями с корнем «един», так что вся она подчиняется одной мысли — об уединении: «...**еже единому в пустыни сей жителствовати и единьствовати и безмлъствовати...**» [3, с. 311]; «... и оставляет его [Сергия] въ пустыни **единого безмлъствовати и единьствовати...**» [3, с. 311]; «...**желанием вжелх сего, еже жити ми единому в пустыни. без всякого человека...**» [3, с. 312]; «... **того [Сергия] уединение и дръзновение...**» [3, с. 313]. Остановливая внимание читателя на уединении, агиограф заставляет нас глубоко проникнуть в суть слова «един»: многократное повторение слова должно способствовать уяснению всех его смыслов и формированию устойчивого образа Сергия как отшельника.

Еще одна разновидность семантических повторов — **повтор тропов** (в первую очередь метафор), обладающих общими семантическими компонентами или построенных по одинаковой схеме. Особого внимания в Житии Сергия заслуживают, прежде всего, те тропы, с помощью которых Епифаний описывает преподобного. Автор, изображая Сергия, вводит в текст многочисленные образные выражения, эпитеты, сравнения. При этом каждой главе или совокупности нескольких глав присущи свои повторяющиеся тропы, т. е. в каждой главе Сергий предстает перед нами несколько иначе, чем в предыдущей. Это дает возможность проследить представления агиографа о святости и формировании личности святого.

В предисловии Епифаний чаще всего связывает образ Сергия с понятием дара: «... **должни есмы благодарити Бога о всем, еже дарова нам такова старца свята...**» [3, с. 285]; «**слава Богу о неизреченном Его даре...**» [3, с. 285]; «**поистине велико то [присутствие Сергия] есть нам от Бога даровася...**» [3, с. 286]. Сергий для Епифания — это дар от Бога нашей грешной земле. Завершая главу, автор еще несколько раз повторяет корень -дар-, прибегая в данном случае к корневному повтору и еще раз останавливаясь на той же мысли: «... **Той бо есть Бог наш Великодатель, и благых Податель, и богатых даров Дародавец**» [3, с. 289].

Также в предисловии представление о Сергии связано у Епифания с понятием пользы: «... **то кая потреба толикую и такову пльзу [память о Сергии] въ забытие положити...**» [3, с. 283]; «... **велит в след жития его [Сергия] ходити и от сего примет пльзу**» [4, с. 283] и т. д. Повтор слова «польза», практически всегда сопутствующего в начальных строках Жития упоминанию о Сергии, закрепляется тут же цитатой из Василия Великого, которая получает значение ключевой фразы для предисловия: «... **тайну бо цареву лепо есть тайти, а дела**

Божия проповедати добро есть и полезно...» [3, с. 283]. Интересно, что понятия дара или пользы как средства для начальной обрисовки образа преподобного в последующих главах Жития встречаются со значительно меньшей частотностью.

Для глав, описывающих детство и отрочество святого, характерны эпитеты «благородный», «чудный» или «дивный», «избранный» и особенно «добрый» или «благой»: «Сий **предобрый** и вседоблий отрок...» [3, с. 306]; «**добрый** же отрок достоин бысть даров духовных...» [3, с. 306] и т. д. Автор подчеркивает, что именно доброта является началом святой жизни.

Кроме того, в главах о жизни юного Сергия неоднократно возникает слово «знамение». Агиограф несколько раз подчеркивает, что на Сергия как на избранного от рождения (и еще до рождения) Бог указывает людям с помощью неких чудных событий. Понятия знамения и избранности играют роль ключевых в этой части Жития. Действительно, вся мирская жизнь Сергия пронизана божественными указаниями на будущий славный подвиг. Каждый рассказ о таких «знамениях» автор завершает одной и той же фразой: «...еже и бысть» [3, с. 303, 304, 306, 308], обращая внимание читателя к тому периоду, когда пророческие предзнаменования исполнятся. Фраза «еже и бысть», несколько раз возникающая в начальных главах, звучит как рефрен, выполняя функции организации и поэтизации текста. Кроме того, повтор данного рефрена имеет и скрытую функцию некоего психологического воздействия на читателя. Автор обращает наше внимание не на то, о чем говорится сейчас, а на то, что будет после, во время монашеского жития Сергия, т. е. в тот период жизни, который для автора как монаха обладает несравненно большей ценностью. Автор всегда устремлен к тому, что и случится («еже и бысть») в последующем.

В той части текста, где описывается иноческий и игуменский периоды жизни святого, агиограф для введения образа Сергия использует два эпитета: «блаженный» и «преподобный». Они становятся постоянными для центральных глав произведения и последовательно чередуются друг с другом. Слово «преподобный» возникает, когда говорится о юношеском желании Сергия постричься: «**Сам же преподобный** юноша zelo желаше мнишеского жития» [3, с. 311]. Очевидно, что для автора преподобие и блаженство — неотъемлемые качества иноческой жизни; до монашества — по Епифанию — назвать человека преподобным нельзя. «Добрый» отрок превращается в «преподобного» только после пострига.

Наконец, в Похвальном слове Сергию встречаем большое разнообразие метафорических наименований святого. Похвальное слово, завершающее Житие, довольно продолжительно и отличается особенной риторической благоукрашенностью. Оно заключает в себе похвалу Сергию, описание братской скорби по нему, молитвенные воззвания к нему и к Богу самого автора и примеры молитв к Сергию других людей. Здесь для обрисовки образа главного героя агиограф использует большое количество поэтических иносказаний, которые можно разбить на несколько групп по признакам, переносимым на образ Сергия.

1. Иносказания со световой символикой: «...яко луча, тайно сияющу и блистающу...»; «...яко светило светлое възсия посреди тмы и мрака...»; «яко звезда незаходима...» [4, с. 322]. Тропы, с помощью кото-

рых Сергей изображается как источник света, имеют самую большую частотность у Епифания. В картине мира писателя XV века светоносность является главным качеством святого. Помимо красивого поэтического образа, такие метафоры несут в себе скрытый смысл — намек на сакральное понимание света, которое особенно важно для периода второго южнославянского влияния.

2. Иносказания, связывающие представление о Сергии с понятием благоухания: «...яко кадило благоуханное, ...яко яблоко добровонное, яко шипок благоуханный, ...яко ароматы благоухания, яко миро излианное...» [3, с. 322].

3. Описания внутренней красоты Сергия посредством сравнений с цветами и деревьями: «...яко цвет прекрасный, ...яко сад благоцветущ, ...яко кипарис при водах, яко кедр, иже в Ливане...» [3, с. 322].

4. Сравнение Сергия с драгоценными металлами и камнями, в котором можно еще раз увидеть изображение внутренней красоты и светоносности преподобного: «...яко злато посреди брѣнныя, ...яко измарагд и сапфир пресветлый, ...яко камень честный...» [3, с. 322].

5. Иносказания, общей семой которых является твердость и стойкость: «...яко град нерушим, яко стена неподвижима, яко забрала тверда...» [3, с. 322].

6. Иносказания с общей семой «плодоносность»: «...яко виноград плодоносен, яко гроздь многоплоден, ...яко маслина плодovitа...» [3, с. 322].

7. Представления о Сергии, связанные с понятием сладости: «...яко сладкий источник...» [3, с. 322]; «...кто слыша добрый его и сладкий ответ, не насладися когда сладости словес его...» [3, с. 321].

8. Сергей как тайна, глубоко скрытая от посторонних глаз: «...яко оград заключен..., яко врътоград затворен, яко запечатленный источник..., яко луча, тайно сияющу...» [3, с. 322].

На основании этих наблюдений можно выделить несколько понятий, которые для автора неотделимы от представления о совершенстве: светоносность, благоуханность (ср. с выражением, присущим гимнографии: «...в воню благоухания духовнаго...» [6, с. 19]), красота, драгоценность, твердость, плодоносность, сладость и тайна (понятия расположены в порядке убывающей частотности употребления их в тексте). Епифаний сравнивает Сергия с неким таинственным источником света, благоухания, сладости, стойкости, который приносит благие плоды — так можно резюмировать наблюдение образных средств, к которым прибегает агиограф в Похвальном слове Сергию.

Итак, повтор тропов в повествовании позволяет проследить движение образа Сергия. Традиционно считается, что жанр древнерусского жития предполагает построение достаточно статичной фигуры главного героя. У Епифания же мы видим движение образа преподобного, которое можно представить так:

ПРЕДИСЛОВИЕ: Сергей как дар свыше, данный людям для их пользы;

ГЛАВЫ О МИРСКОЙ ЖИЗНИ СВЯТОГО: Сергей как добрый, чудный, избранный отрок;

ГЛАВЫ О МОНАШЕСТВЕ СВЯТОГО: Сергей как блаженный и преподобный, Сергей-пастырь;

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО: образ Сергия связан с представлениями о свете, благоухании, сладости, красоте, тайне и плодоносности.

Таким образом, рассмотренная нами система семантических повторов в Житии представляет собой тот "пучок" представлений, понятий, знаний,

ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово «святость» и выражаемое им понятие. Мы попытались выявить тот ассоциативный ряд, с которым связан концепт святости в философской картине мира Епифания. Посредством повтора автор акцентирует внимание читателя на этом концепте, но, в русле витиеватой стилистики, не обозначает границ семантического поля слова «святость», а лишь намекает на некоторые компоненты значения. В многословности Епифания сквозит недосказанность, столь характерная для литературы второго южнославянского влияния с ее мистически трепетным отношением к слову. Автор как бы не решается претендовать на отражение полноты какого-то понятия в тексте. Его повторы и синонимические ряды, связанные с интересующим нас концептом – это не ответ на вопрос «что такое святость», а, напротив, постоянное повторение этого вопроса. Житие, помимо задачи сохранения памяти о Сергии, восхваления Сергия, молитвенного обращения к нему, подспудно решает еще одну проблему: на протяжении всего текста оно многократно ставит читателя перед вопросом: что же такое

святость? – и одновременно указывает, что человеческим языком невозможно выразить суть этого явления.

Библиографический список

1. Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. – Л., 1986.
2. Лосев А. Ф. Проблема художественного стиля. – Киев, 1994.
3. Слово о житии преподобного и богоугодного отца нашего Сергия, игумена Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 6. – СПб., 1999.
4. Николаева И. А. Филологический анализ текста. – М., 2003.
5. Топоров В. И. Святость и святыне в русской духовной культуре. – М., 1993. – с. 2.
6. Канонический Молитвослов. – М., 2000.

АВЛАСОВИЧ Светлана Михайловна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.08.06 г.
© Авласович С.М.

УДК 800

Е. Н. БЕЛАЯ

Омский государственный университет

СПОСОБЫ ЯЗЫКОВЫХ И РЕЧЕВЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ЭМОЦИИ «ПЕЧАЛЬ» В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (НА СЛОВАРНОМ И ТЕКСТОВОМ МАТЕРИАЛЕ)

В данной статье рассматриваются способы языковых и речевых репрезентаций базовой эмоции «печаль» в русской и французской языковых картинах мира в когнитивно-семантическом, лингвокультурологическом и прагматилистическом аспектах.

Целью настоящей статьи является когнитивно-семантический, лингвокультурологический и прагматилистический анализ концепта «печаль» в русской и французской языковых картинах мира в сопоставительном аспекте на базе словарного и текстового материала. Рассматривая способы языковых репрезентаций эмоции печали, мы опираемся на гипотезу о существовании языковой картины мира, предельным элементом которой признается концепт.

Концепт эмоции печали – междисциплинарное, эвристическое, ментальное, многомерное, многоаспектное, фреймовое, этнически и культурно обусловленное образование, базирующееся на понятии, образе, оценке, ценности, ассоциации. Концепт печали мы рассматриваем как междисциплинарное, эвристическое образование, поскольку он включает знания психологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, что в описании

семантики эмоции «печаль» вполне оправдано, так как объект этого описания представляет собой ментально-эмоциональный «окультуренный» гештальт. Этнокультурная детерминированность концепта заключается в том, что за каждым языковым знаком стоит фрагмент образа мира данной конкретной культуры, он представляет собой сложное структурно-смысловое образование, вербализованное лексически или фразеологически.

Способы репрезентации эмоции печали мы рассматриваем и в прагматилистическом аспекте. Прагматилистический потенциал речевых и языковых репрезентаций эмоции печали реализуется и выявляется на уровне анализа мемуарного жанра речи. При анализе текстов и фрагментов мемуарного жанра речи обнаруживаются такие его признаки, как субъективность, особый хронолог, обусловленный перспективно-ретроспективным движением мысли

повествователя, концептуальность. Образ реальности создается на основе воспоминаний.

Итак, эмоция печали определяется в филологических словарях как «чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи» [ТС, 1995: 506]; «скорбное, нерадостное, невеселое настроение, чувство» [Petit Larousse, 1980: 944].

Опорным понятием в нашей методике исследования концепта эмоции печали выступает **фрейм**, который представляет собой, согласно И.А. Стернину, «мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении» [2, 2002: 73]. Как видим, фрейм акцентирует расчленяющий подход к изучению хранимой в памяти информации, выделяет, структурирует информацию, конкретизируя ее по мере развертывания фрейма. Концепт «печаль» образует определенный фрейм со следующими **обязательными компонентами**: 1) предикат; 2) субъект; 3) причина и **факультативными компонентами**: оценка, степень интенсивности переживания эмоции, длительность переживания эмоции, внешние телесные симптомы переживания эмоции и поведение субъекта в состоянии грусти/печали.

Рассмотрим ядерный компонент фрейма — **предикат**. Печаль обозначается разными видами предикатов, в первую очередь **глаголами**. «Словарь синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (ССРЯ) представляет синонимический ряд с доминантой «грустить»: *печалиться, унывать, тосковать, кручиниться (народно-поэтич.), тужить, горевать, скорбеть, страдать, испытывать (чувствовать) печаль, грусть*. Все приведенные синонимы имеют свои оттенки значения. Такие глаголы, как *грустить, печалиться, кручиниться*, означают «быть в подавленном состоянии, испытывая какое-либо тягостное, гнетущее чувство». Глаголы *тосковать, хандрить, страдать (разговор.), чувствовать (испытывать) тоску* означают «грустить вследствие неудовлетворенности какого-либо желания, из-за отсутствия кого-либо, чего-либо». Глаголы *горевать, сокрушаться, скорбеть* означают «быть в очень подавленном состоянии, страдая из-за какого-то горя»: *Он долго горевал по своей жене (Шукшин)*. Следует отметить, что глаголы синонимического ряда допускают при себе позиции со значением причины: *Ему грустно потому, что он расстался со своей женой*.

Согласно словарю Nouveau dictionnaire des synonymes в синонимический ряд включены глаголы: *s'attrister, s'affliger, avoir du chagrin, éprouver un chagrin, être triste, se désoler, avoir le cafard, se désespérer, avoir de la peine*. Некоторые синонимы рассматриваемого ряда проявляют тенденцию к нейтрализации своих значений, наблюдается стирание различительных признаков. Есть синонимы, различающиеся по степени интенсивности чувства. Так, например, *avoir cafard* обозначает «хандрить», *avoir de la peine* обозначает «огорчаться, расстраиваться», *se désespérer* обозначает «отчаиваться, впадать в отчаяние», *se désoler* обозначает «сильно огорчаться, сокрушаться». Все члены синонимического ряда допускают при себе позицию со значением причины: *Il s'attriste de la voir partir*.

В русском и французском языках часть глаголов печали могут содержать сему «каузативность». Группу каузативов со значением «причинять кому-либо печаль, огорчение» составляют глаголы: *огор-*

чать, омрачать, угручать, причинять огорчение, приводить в уныние. Словарь Nouveau dictionnaire des synonymes дает ряд каузативных глаголов с семантикой печали: *chagriner, affecter, affliger, attrister, consterner, contrarier, peiner, tracasser, désespérer, tourmenter*. Каузативность может быть выражена посредством словосочетания *faire de la peine, faire du chagrin*.

Второй по объему группой предикатной лексики с семантикой «грусть/печаль» в русском и французском языках являются **прилагательные**. Словарь ССРЯ дает следующий ряд: *грустный, печальный, унылый, невеселый, скучный*. Прилагательные *грустный, печальный* близки по значению, но *печальный* употребляется с более сильным указанием на чувство душевной горечи: *Корго она пела грустные песни, всегда плакала (Горбатов)*. Прилагательное *унылый* означает эмоцию, в которой чувство печали соединяется с подавленностью, безотрадностью: *Горцы запели снова что-то унылое (Тухонов)*. Словарь Nouveau dictionnaire des synonymes дает следующий синонимический ряд прилагательных с семантикой печали: *triste, affligeant, attristant, maussade, funèbre*. Согласно словарю Petit Robert прилагательные *triste, affligeant* обозначают «горестный, печальный, скорбный», прилагательное *maussade* обозначает «унылый, хмурый, тоскливый», например, *Il a un air maussade*.

Следующей группой предикатной лексики со значением «грусть/печаль» в русском и французском языках являются **существительные**. Словарь ССРЯ представляет ряд субстантивных номинаций: *тоска, уныние, печаль, грусть, кручина*. Согласно словарю НОССРЯ, самое неприятное и тяжелое чувство — *тоска*. Она воспринимается как физическая боль, иногда даже как болезнь, например, *Тоска начинается; Тоска утихает; У него тоска (как У него ангина)*. По мнению А. Вежицкой, «тоска — это то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо. А когда объект тоски может быть установлен, это обычно что-то утраченное и сохранившееся лишь в смутных воспоминаниях: ср. тоска по родине, тоска по ушедшим годам молодости. В каком-то смысле всякая тоска могла бы быть метафорически представлена как тоска по небесному отечеству, по утраченному раю [3, 1997: 169-174].

Словарь Nouveau dictionnaire des synonymes представляет ряд субстантивных номинаций с доминантой *tristesse*: *mélancolie, chagrin, deuil, abattement, cafard*. Члены синонимического ряда различаются по градации признака и компонентам причины. Так, например, существительное *mélancolie* обозначает внутреннюю печаль, слово *deuil* обозначает глубокую печаль, скорбь по причине какого-либо несчастья, существительное *tristesse* обозначает грусть, печаль, уныние.

Особый пласт номинаций составляют фразеологические единицы, которые выступают в роли предикатов. «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова дает ряд фразеологических единиц с семантикой грусти/тоски: *сам не свой, гуша болит, брать за гушу, повесить нос*. Внутренняя форма фразеологических единиц с семантикой печали содержит следующие источники культурной интерпретации: 1) слово-символ, например, *гуша болит*, — *гуша* символизирует орган чувств; 2) христианство, например, *чаша страдания*, — *чаша* символизирует полноту страдания. *Нести свой крест*; 3) культурное достояние народа,

музыка, литература, философия, например, *повесить нос на квинту*.

Французско-русский фразеологический словарь под ред. Я.П. Рецкера дает синонимический ряд фразеологических единиц с семантикой печали: *chagrin noir, mettre en deuil, avoir le coeur en deuil, triste comme la mort*. Внутренняя форма фразеологических единиц с семантикой печали содержит такой культурный источник, как, например, образ-эталон: *triste comme une porte, triste comme un bonnet de nuit*. Предметные сравнения, которые содержатся во внутренней форме фразеологических единиц, мало говорят воображению. Французский язык дает эмоциям грусти ироническую оценку. Это национальные, своеобразные фразеологические единицы, которые в большинстве случаев не переводятся на русский язык. По мнению Т. Марузо, «в этих фразеологических единицах проглядывается какая-то стыдливая сдержанность эмоций» [4, 1950: 38].

Во французском языке предикат печаль сочетается с прилагательными цветообозначениями, например, с прилагательным *noir* (черный), которое имеет значение степени интенсивности, например, *chagrin noir*.

Концепт «грусть/печаль» представлен в русских и французских чаремиях, в которых очевидна ярко выраженная отрицательная оценка этой эмоции. Печаль оказывает негативное психолого-физиологическое воздействие на человека; отсюда следует его желание избавиться от нее: *От радости кудри вытюты, в печали секутся. С печали не мрут, а сохнут. Печаль человека не украсит. Печаль не красит, горе не цветет. Cent ans de chagrin ne paient pas un sou de dettes. La mélancolie ne paie pas de dettes. Chagrin portage, chagrin diminué.*

Во фрейм «грусть» входит факультативный компонент «оценка». Согласно словарю НОССРЯ, синонимы (печаль, тоска, грусть, уныние) могут сочетаться с определениями, обозначающими неприятное чувство, но слова *печаль, грусть* вступают в сочетания, обозначающие положительное отношение к этой эмоции: *светлая печаль, грусть, приятная грусть, сладкая грусть*. Во французском языке печаль имеет негативную оценку: *Ses amis essayaient de lui faire oublier sa peine.*

Характерной особенностью предикатов эмоциональных состояний является их способность обозначать **степень интенсивности чувства**, которая является факультативным компонентом фрейма. Согласно словарю НОССРЯ, самые интенсивные состояния – тоска, уныние; грусть – не слишком интенсивное чувство; печаль может быть неинтенсивной, а может так приближаться и к тоске: *Его охватила печаль, самые дорогие образы уже не радовали*. Во французском языке такие номинации эмоций, как *tristesse, chagrin, peine* обозначают «печаль, уныние, грусть», а слова *deuil, cafard* обозначают «глубокую печаль» (это очень сильное переживание печали, горе, скорбь).

Факультативный компонент «степень интенсивности переживания грусти» актуализирует другой компонент «**длительность переживания грусти**». Согласно словарю НОССРЯ, грусть может быть кратковременной и часто лишь слегка затрагивает душу: *Он почувствовал только мимолетную грусть*. Печаль может быть длительнее, устойчивее грусти: *В последнее время он испытывал глубокую печаль*. Тоска считается самой длительной эмоцией. Во французском языке эмоция *deuil* может длиться долго, так как она возникает по причине какого-либо несчастья, смерти кого-либо.

Во фрейм грусти входит также факультативный компонент «**внешние проявления переживания грусти**». В эмоциональном состоянии грусти, печалью лица человека выглядит поблекшим, глаза кажутся тусклыми, взгляд направлен вниз: *Она смотрела прямо перед собой, ничего не видя, как бы забывшись и держа руку Алеши в своей руке (Достоевский)*. В состоянии печали зубы могут быть сведены, подбородок напряжен: *По сдвинутым ее бровям, по губам, по напряженному подбородку можно было понять, что у ней нехорошо на душе (Тургенев)*.

Во французском языке часто используется прилагательное *blème* при описании внешнего вида человека, переживающего печаль, а также печальный взгляд (*un vil triste*), распухшие от слез глаза (*les yeux gonflés*).

Описанный факультативный компонент фрейма «грусть» актуализирует другой факультативный компонент «**поведение человека в состоянии грусти и печали**». Человек в состоянии грусти и печали может совершать действия: 1) опускать (наклонять) голову вниз: *Бабушка подумала о разлуке и сразу понурила головой (Астафьев)*; 2) его характеризует неподвижность, т.е. человек остается в одной и той же позе: *Он сидел неподвижно, плечи его были опущены*; 3) он может плакать от тоски или тяжело вздыхать от печали. Во французском языке наблюдается обозначение тех же, что и в русском языке, действий при описании переживания этой эмоции: 1) плач: *Jeanne a commencé à pleurer*; 2) рухнуть на колени: *Elle s'abattit sur les genoux dans une crise horrible de désespoir*; 3) оцепенение: *Elle demeura abîmée dans une sorte de douleur immobile.*

Следующий обязательный компонент фрейма грусти – **субъект**. Любая грусть или печаль субъектна. Для репрезентации функции субъекта грусти/печали более всего приспособлены деноминативно ориентированные слова: 1) личные местоимения: *Вчера я грустил весь вечер; Il ne voulait pas vous chagriner*; 2) имена собственные: *Алеша грустный и понурый; Jeanne s'attriste de la voir partir*; 3) имена нарицательные: *Душа тоскует и плачет; O! triste, triste était mon vme a cause d' une femme (Verlaine).*

Еще один обязательный компонент фрейма грусти – **причина**. Все синонимы входят в сочетания, указывающие на отсутствие видимой причины эмоции: *беспричинная печаль, тоска, грусть*. Причины переживания печали/тоски трудно объяснить: *В большом и радостном Париже все та же тайная тоска (Цветаева)*. Иногда причина грусти, печали, тоски, уныния может быть выражена эксплицитно: *От любого пустяка он впадает в уныние*. Во французском языке причина печали тоже может быть выражена эксплицитно: *Il est triste depuis la mort de sa femme. Son départ nous chagrine.*

Теперь рассмотрим прагматический потенциал репрезентации эмоции «печаль» на примере **мемуарного жанра речи** на материале русского и французского языков. Основу текстов мемуаров составляет **информативный регистр** (по Г.А. Золотовой):

Моя маленькая сестра Нюта умерла от скарлатины, которая свирепствовала в то время в Одессе. Прожила она всего четыре года, как две капли воды была похожа на меня. Она очень любила меня. Я долго плакала и страдала, память о ней никогда не умрет в моем сердце (М.Г. Савина).

Русское высказывание эксплицитно выражает эмоциональное состояние горя и страдания повествующего субъекта, которое репрезентируется

посредством прямых номинаций. Сравнение *похожа как две капли воды на меня* имплицитно выражает чувство нежности и любви к сестре автора мемуаров.

Je pense, je parle, je travaille et dans le même temps, je reste occupée de toi, mais une certaine distance rend ta présence douce, un peu floue comme ces photos mal mises au point. Ma peine est forte (A. Philipe).

Эмоциональное состояние печали повествующего субъекта выражается эксплицитно, посредством прямой номинации *peine* и прилагательного *forte*, которое обозначает высокую степень интенсивности переживания эмоции.

В мемуарных текстах на фоне информативных регистровых блоков есть описания, представленные в **репродуктивном регистре**. Авторы мемуаров воспроизводят единичные ситуации:

Маруся пришла прощаться с любимым. Она обливалась слезами, сказала, что у нее сердце разрывается при мысли о разлуке с ним, простояла как пень и даже отвернулась от милого (М.Г. Савина).

Эмоциональное состояние печали изображенного субъекта выражается имплицитно. Автор использует метафорические выражения для обозначения внутреннего и внешнего переживания эмоционального состояния глубокой печали. Метафорические и сравнительные обозначения *обливаться слезами, простоять как пень* реализуют значение внешнего переживания печали. Метафорическое обозначение *сердце разрывается* реализует значение внутреннего переживания печали с высокой степенью интенсивности.

1. *Après l'opération un infirmier entra et te proposa de marcher. Tu te levais en deux temps, je te mis tes pantoufles. Ton corps n'en finissait pas, tu flottais dans ton pyjama (A. Philipe).*

2. *Tu t'assis sur la première chaise. Tu gardais la tête penchée, les yeux fixés sur tes genoux, où reposaient tes mains. Nous vîmes ensemble ton alliance trop grande, tu la repoussas en la frottant contre ton pantalon (A. Philipe).*

Во французских высказываниях эмоциональное состояние горечи и душевной боли повествующего субъекта не называется прямо, оно выражается имплицитно. Автор мемуаров вспоминает, как протекала болезнь мужа и как менялась его внешность: *tu flottais dans ton pyjama, ton corps n'en finissait pas, ton alliance trop grande.*

В текстах мемуаров на русском и французском языках встречаются **генеритивные регистры**:

Моя жизнь вне сцены есть сплошное горе (М.Г. Савина).

В русских высказываниях излагаются авторские размышления и подводятся итог прожитой жизни.

La peine et la joie font au même titre partie de la vie. Est-ce cela la sagesse? (Aragon).

Французское высказывание, как и русское, облекается в форму умозаключения, но автор мемуаров добавляет вопросительное предложение эвристического типа. Эвристический вопрос представляет реальный вопрос самому автору.

Итак, концепт печали в русской и французской языковых картинах мира соотносится с ситуацией, образы которой репрезентируются в многокомпонентных структурах. Среди русских синонимов слово «тоска» отражает специфику «русской ментальности». Французские синонимы печали различаются в основном по выражению степени интенсивности переживания этой эмоции. Степень интенсивности печали может обозначаться посредством номинаций цветообозначения. В русских и французских поговорках о грусти, печали ярко выражена отрицательная оценка. Причины переживания грусти, печали, тоски в русской лингвокультуре трудно объяснимы. Причина печали во французском языке обычно выражается эксплицитно. Обозначения печали в текстах мемуарного жанра присутствуют в информативном, репродуктивном и генеритивном регистрах. Эмоция печали репрезентируется эксплицитно или имплицитно, прямыми номинациями или метафорами. Ценностно-культурный смысл слов, фразеологических сочетаний, высказываний о печали (грусти, тоске) заключается в их способности характеризовать богатую палитру очень тонких личностных реакций человека на самые разнообразные события, факты, состояния в сферах внешней и внутренней жизни субъекта переживания. Слово «тоска» относится к безэквивалентной лексике. По словам А. Вежицкой, концепт тоски в русском языке необычайно подробно разработан. Понятие тоски получило огромную литературную разработку. Русские поэты и писатели связывают тоску с Родиной, одиночеством, «русскими просторами».

Библиографический список

1. Золотова Г.А., Онуленко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ, 1998.
2. Полова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2002.
3. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997.
4. Marouzeau J. Aspects du français. P., Masson, 1950.

БЕЛАЯ Елена Николаевна, старший преподаватель кафедры французского языка.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.08.06 г.
© Белая Е.Н.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ДОМАШНЯЯ ВЫПЕЧКА» КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ХЛЕБ» (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ)

В данной статье предпринята попытка выделить и охарактеризовать модели номинации на материале лексико-семантической группы домашняя выпечка, формирующей концепт «хлеб», в говорах Среднего Прииртышья, фиксирующих уровень знания диалектоносителей об объектах данного класса, а также степень значимости рассматриваемых продуктов питания для жизнедеятельности человека.

Совокупность концептов, единиц, аккумулирующих знания о мире, образует упорядоченную концептосферу того или иного народа (А.С. Аихачев). В настоящее время является актуальным изучение языковой объективации концептов, поскольку семантическое пространство языка представляет исследователю достоверные знания о той части концептосферы, которая в нем представлена.

Каждый регион обладает своей историей, этнической и геополитической спецификой, поэтому региональные разновидности языка представляют интерес для исследователей. Диалектная концептосфера, являясь частью концептосферы русского языка, эксплицируется в диалектной языковой картине мира, а «когнитивное описание культурно значимых концептов национального существования предполагает обращение к разным сферам существования, в том числе в диалектной сфере, отражающей речевую народную культуру» [1]. Диалекты привлекают исследователей тем, что представления носителей традиционного слоя диалекта характеризуются стабильностью и устойчивостью; тем, что народные говоры аккумулируют значительный пласт представлений традиционной культуры.

Ввиду малой своей изученности особый интерес вызывают говоры, бытующие на территории Среднего Прииртышья. Средним Прииртышьем принято называть территорию, находящуюся в среднем течении р. Иртыш, на которой расположена Омская область. Проведенные этнографические исследования свидетельствуют об устойчивости традиций в питании русского населения Среднего Прииртышья [2].

В исследуемых говорах для обозначения домашней выпечки используются лексемы, образованные от глагола *стряпать* — *стряпня*, *стряпушка* и *постряпушка*, которые являются общеупотребительными на всей территории Западной Сибири. Лексема *стряпня* в говорах толкуется посредством глагола *печь*: *Стряпня* — все, что испечено для еды. К празднику *стряпни* наготовить всякой можно: стружки, пряники, калачи, печенье, вахли, пышки (Б.-реч. Б.-реч.). *Стряпня* была на свадьбе: печенье, фафли (Тар. Лож.). К празднику, бывало, *стряпни* всякой *напек* (Мур. Окун.). Из творога мы *пекли шаньги* ... К Пасхе *пекли* пасху. Всё *стряпня* называется (Н.Ом. Рад.) [5]. Для родового обозначения печеных изделий в говорах используется

отдельное существительное *стряпанное* и *стряпушка* 'то, что испечено, состряпано', однако контексты свидетельствуют о постепенном сужении значения лексемы *стряпушка*: *Стряпушек* *стряпала*. Это печенье сладкое (Н.Ом. Рад.) [5].

Синонимами для лексемы *стряпушка* в говорах выступают образование от глагола *постряпать*, распространенное повсеместно в сибирских говорах, — *постряпушка* — и ее дериваты — *постряпки*, *постряпухи*: *Постряпали* когда — *постряпки* (Тар. Б.Куч.), *Постряпухи* бабы делают (У.-Иш. Слоб.). *Постряпушки* *стряпали* (Б.-реч. Б.-реч.) [5]. Контексты эксплицируют значение собирательности: *Стряпня* — *настряпаю* *постряпушек*, вот и *стряпня*. *Постряпушки* — это что-нибудь когда поставишь и *стряпашь*: калачики, пирожки [6].

Таким образом, к лексико-семантической группе *домашняя выпечка* относятся лексемы с дифференциальными семами 'небольшого размера', 'приготовленные печением'. Диалектный материал можно разделить на подгруппы, названиями которых служат гипонимы: *шаньга*, *хворост*, *сковродное*.

1. Шаньжки считаются сибирским изделием. Распространенное в районе, населенном народами финно-угорской группы, это мучное изделие с XVII века проникает вместе с архангелогородскими и сольвычегодскими колонистами в Западную Сибирь, где становится очень популярным [7]. Существует несколько версий происхождения лексемы *шаньга*: или от коми *šanga* 'круглая выпечка из ржаной муки', или фин. *sänki* 'жнивье', или марийск. *šänge* 'сухая ветвь куста', или коми *шань* 'хороший' [8].

Коми источник, по мнению С.А. Мызникова, объясняет фиксации лексемы *шаньга* в русских говорах Сибири, поскольку в колонизации Урала и Сибири принимали участие группы коми.

Определение архисемы значения лексемы *шаньга* не совпадает у диалектоносителей и составителей словарей. В словарях архисемой выступает лексема *ватрушка*: *шаньга* 'род *ватрушки*', '*ватрушка* с кашей, с мятым картофелем или с творогом, подсобленная сверху сметаной' [4].

Главным же отличием *шаньги* от *ватрушки* является способ нанесения начинки, *налёвки* ('сметана, простокваша или молоко... для поливания выпекаемых булок, лепёшек, пирогов, шанег' [9]): род *ватрушки*, хлебец ... *облитый* маслом, сметаной', '*ватрушка* с кашей, с мятым картофелем или с творогом, *пособленная* сверху сметаной' [4], 'род

лепешек, не наполненных, а лишь смазанных в середине сметаной, творожной яичной массой смесью' [7], то есть *шанежка намазывается, поливается начинкой*: Шанежка — это такая булочка, а наверху варенье намазано (Кол. Юйск.). Шанежки с творогом или намазные (Мур. Берг.). Пекли шанежки — пирожки с творогом и сметанкой сверху помазаны (Мур. Кач.). Сметаной шаньгу мазали сверху (Мур. Окун.). Бусачки сметаной обольешь и намажешь шаньгу — на лист. Шаньга — маленька булка така, с творогом делали. Тесто со сметаной — помажут. У нас шаньги едят: то пекут с творогом либо с ягодами. Сметаной мазали (Мур. Берг.) [5].

Помимо творога в качестве начинки используются картофель, морковь, ягоды: Шанежки творожны, картовные, морковны (У.-Иш. М.Тава). Если сверху шанежки положить ложечку морковки, то получится морковная шанежка (Кол. Юйск.). А шанежки с ягодок; с сметаной, с творогом — тоже шанежки (Мур. Окун.) [5]. Шаньга картовна, творожна, крупная, с ягодой (У.-Иш. М.Тава). Поешь шаньги, пирожки с клубникой (Кол. Плах.). Шаньги, известно, делали с творогом, картошкой, а то ягоды наберёшь... из свеколки тоже. (Мур. Низ.) [5]. Вышеприведенные примеры иллюстрируют определение жителями лексемы *шаньга* через родовое *пирожок* (актуализируется сема 'начинка') или *булочка* (дифференциальная сема 'круглая (форма)') и употребление ее в одном синонимическом ряду с лексемами *пирожок, булка*: Стряпаю пирожки, шанежки (У.-Иш. Загв.). Шанежка — это такая булочка (Кол. Юйск.). Пирожки, шанежки пекли в русской печке (Тар. Тара). Пирожок с ягодами, сверх накладёшь — шанежка (Мур. Берг.). Пекли шанежки — пирожки с творогом (Мур. Низ.). Шаньга — маленька булка така (Мур. Берг.) [5].

Другим дифференциальным признаком шанек служит вид теста — квашеное/дрожжевое: 'хлебец квашеный' [4], 'особого рода лепешки из дрожжевого ржаного или ржаного-пшеничного и пшеничного теста' [7]. В диалектных высказываниях вид теста имплицитно выражается посредством употребления дрожжевого изделия — хлеба: Хлеб стряпали свой, вот и я щас стряпаю: шанежки, пирожки. (Тар. Екат.). Шаньги стряпаешь из хлеба (У.-Иш. У.-Иш.). Из белого хлеба шанюжки пекли. Шанюжки только из белого хлеба пекли (Б.-реч. Б.-реч.) [5]; [шанька] ну што // сьидобный хлел // эта такой малинький / круглинький // сверху ложут начинку / края маленька пригибают .. а-вот эта и-есть шанька (Черлакский)¹; шаньги стряпала / пекла хлел / а патом сметаной его смазывала (Большереченский). Шанежки различаются у разных народностей: кагда мы жыли в-ашарове / там первае кушанье / шанишки ... а-шанишки у-них были у-казачества в-моди с-груздями / а-у-халлоф если уш ани там стали жыть / с-маркофкай / с-творагам (Черлакский). Шанежки без начинки получают определение с *таким*: шанишки с-начинкай / и-шанишки / как ани гаварили с-такам // ни-с-чем / мазаные (Черлакский). Также отмечается пословичное выражение *ешь, кумушка, последнюю шанежку, я не считая* (Черлакский).

2. Другим распространенным видом выпечки является хворост, появившийся в России в к. XIX - н. XX вв. После Второй мировой войны хворост остается в провинции, часто под другими названиями [7].

Дифференциальной семой служит 'способ приготовления' и 'внешний вид': 'рассыпчатое

печенье из тонких полосок теста, сваренных в масле' [3]. В.И. Даль отмечает сибирское употребление указанной лексемы во множественном числе — *хворосты*. Архаичный диалектный пласт хранит образование от глагола *пряжить* — *пряженец* 'лепешка из квашеного теста, обжаренного в масле' — К Троице испекли *пряженцы* с мамой (Б.реч. Б.-реч.) [5]. Вышедший из употребления глагол *пряжить* (о мучном) 'жарить в масле' [4] заменяется лексемой *варить* — ... розанцы — это тесто в масле *варили* (Сарг. Черн.) Розанцы *варили*, щас хворостом называют (У.-Иш. Пан.) [5].

Слово, служащее названием подгруппы, по мнению В.В. Похлебкина, получило свое название по своему хрустящему эффекту [7]. Вероятно, при номинации, имел место также тот факт, что *хворостом* называют высохшие сучья, на которые похоже данное мучное изделие. Диалектные номинации *хвороста* можно разделить по мотивирующему признаку. К первой группе относятся обозначения, названные по форме изделия: *стружки, розанцы, кудри* и др., во второй группе основным является способ приготовления (тесто перед варкой разрезается на полосы) — *резанцы, резцы* и, вероятно, *ризки*.

Одно из этих наименований фиксируется в словаре В.И. Даля — *розанцы* — с пометой сиб., как производное от *роза* в значении 'пирожное, пряженец, хворост, в виде роз'. Данные словаря сибирских говоров свидетельствуют о распространении данной лексемы и в наше время: Я много стряпала, *розанцы* стряпали, пряники (У.-Иш. У.-Иш.) Пекли блины, *розанцы* — это тесто в масле варили (Сарг. Черн.) *Розанцы* варили, щас хворостом называют (У.Иш. Пан.) Хворост, *розанцы* и сочни — кто как говорит (У.-Иш. М.Тава) [5], Пекли и *розанцы* — сухи таки. Хворост ишо говорят на их. *Розанцы* варят в масле, тесто нарезанное, форост зовут, да хто как назовет [9]; *Розанцы* — их заводят: яйц брут, сливочек. Резец такой, он зубчиками, им режешь — и в масло, и в им варят [6]. Жителям Среднего Прииртышья знакома лексема *розочки*, в которой суффикс *-н(е)ц-* заменен на уменьшительно-ласкательный *-очк-*: Хворост, или *розочки*, мы готовили с муки, молока, яйц: только сецас добавляют коньяк (Мур. Низ.) К празднику *розочки* пекём, в масле варим (Тар. Шкун.) [5].

Хворост получает номинации *кудри* и *кудряши* по сходству с вьющимися волосами, отмеченному В.И. Далем 'родь печенье завитками': Разведут тесто, как на блины, пекут. Разные формы были для них, пышные, высокие. *Кудри* и на свадьбу пекли (Тар. Орл.). *Кудри* из теста в сале пекли (Мур. Берг.). *Кудряши* давно в сале не варили. Печенье, *кудряши*, что за еда, чтобы только червячка заморить (Б.реч. Б.-реч.) [5]. По этому же признаку хворост называют *стружки*, основное значение данной лексемы 'узкий,¹ свернувшийся в завиток, слой дерева, металла' [3]: А в жиру каком-нибудь *стружки* варили. А к празднику стряпни наготовить всякой можно: *стружки, пряники, калачи, печенье, вахли, пышки* в ямчатых сковородах (Б.-реч. Б.-реч.) *Стружки* — хворост по-нонешному (Б.-реч. Такм.) [5].

Во вторую группу номинаций входят образования от глагола *резать* (тесто перед варкой разрезается на полосы) — *резанцы, резцы* и, вероятно, *ризки*: А *резанцы* из кислого теста не делают, слоенки тоже. Счас хворостом зовут, а мы *резцы, резанцы* звали (Б.-реч. Б.-реч.). Шаньги пекли со сметаной и с творогом, формы, *резцы, фафли, пустушки* (Б.реч.

¹ В скобках указывается район записи в Омской области.

Б.-реч.), По-вашему, форост, а по-нашему, *ризки* (Кол. Стр.) [5]. Ср.: в говорах Алтая встречаются номинации с той же производящей основой, но с другим словообразовательным форматом — *резанка, резунцы* [9].

В исследуемых говорах встречаются также образования и от общерусского наименования — *хворостина* и фразеологическое сочетание *хворостные стряпушки*: Хворостины *длины*, в сале варила, да в сумке понесла, вот и приломала всё (Б.-реч. Б.-реч.). Хворостные стряпушки из пшеницы (Кол. Стр.) [5]. В [5] зафиксирована номинация с неясной мотивирующей основой — *репли*: *репли*, их можно тоже всяко сделать, варишь их в жиру, как хворос они (Моск. Волч.).

Приведенные контексты свидетельствуют, что общерусская лексема *хворост* противопоставлена диалектным номинациям, как современная — устаревшим: *По-вашему, форост, а по-нашему ризки*; *Розанцы варили, щас хворост называют*; *Хворост, розанцы и сочень, кто как говорит*; *Счас хворостом зовут, а мы реццы, резанцы, звали*.

3. Для названия лексико-семантической группы *сковородное* выбрана диалектная лексема, означающая 'пища, приготовленная на сковороде' [12]. Данная группа выделяется по признаку 'место приготовления'. Сельские жители толкуют гипероним посредством синонимического ряда: *Сковородно, шаньги стряпали, блины, оладьи* [12]. *Сковордное*: оладьи, блины, все масло едят. Это *сковордное* и сковорода, что на ней жарют, вот оладьи в сале. Вот *сковордное* только и едят, стряпаное из муки, значит; Пирожки пекли, Оладни пекли. Пекли на сковороде, сковородно так и звали [6].

Членами данной группы являются лексемы, архисемой в которых служат 'блин', 'оладья'. В.В. Похлебкин предлагает оладьями считать «такие изделия из пшеничной муки... которые, будучи замешаны на воде или молоке, с большим количеством дрожжей, дают жидкое тесто... Оладьи — чрезвычайно скороспелы, они быстро обжариваются, и именно это является их характерным признаком» [7]. К подгруппе *оладьи* относятся лексема *гранки* со значением 'оладьи из тертого картофеля' [5], 'оладьи, лепешки, приготовленные из сырого картофеля' [9], и ее словообразовательные варианты в говорах — *гранки, грашки, граны*. Диалектоносители толкуют данное изделие через лексему *оладья*: Драники — *оладьи* из картошки (Н.Ом.Н.Ом.). Дранки — *оладьи* из тертого картофеля (Мур. Курн.). Картошку сырую трешь и их *оладышками* делаешь — вот это у нас называется драшки (Кал. Кул.) [5]; (ср. Драники — картошку натрешь и пекешь из неё *оладуки*... [6]). Но в большинстве случаев носители говора обозначают *гранки* и их варианты лексемой *лепешка*: В войну драники — *лепешки* с картошки (Мур. Берг.). Со сметаной ели эти картовны *лепешки*, а у кого своя мода — драниками зовут (Моск. Волч.). Дранки — это картошку сочишь и *лепешки* (Мур. Берг.) [5].

Основными компонентами *граников* выступают картофель и мука: Насочить *картошки, муки* в её добавить — пеки драники. Помню, дед наш пёк (Б.реч. Б.-реч.). Драники стряпали, как жа! Натрешь *картошки*, добавишь яички, *муки*, с одной картошки они расплывутся (Тар. Екат.). *Картошки* натрём, *мучки* насыплем, вот те и дранки (Тар. Шкун.). Да я и счас кода внучатам драники пеку. Их ещё *дрочёны* зовут (Б.реч. Б.-реч.) [5].

Драники производны от глагола *драть* в значении 'тереть картофель' [5]: Картошку *дерут* на тёрке

и пекут *гранки*. Не знаю, раньше любили *гранки*. Бывало, токо знаешь *дерешь* картошку на тёрке. Щас всё есть, дык про *гранки* позабыли. Драники во время войны *драли*, а то и знать не знали. Драники натёртые — *нагнали* [6]. Картовные лепешки также получают название от глагола *тереть* — *тёртики*: знаю што у-нас картофельны делают / картошку трут / вот сырую картошку / патрут и-патом добавляють муки маленька ... *личка* и-фсё пасолят и-патом пекут ... ну кто завёт *тёртики* / кто еатрушки / кто как называит у *каждава* виш пасвоему ... *граниками*: их зовут кто как значит / по-ни тожо фкусные / агобенна када гарячие и-с-малаком (Черлакский);

Самым популярным сковородным оказываются *блины*: у *каждава* из-блины свой рецеит (Черлакский). По размеру различаются *блины* (большие) и *блинчики* (маленькие): *блины* / кто блинчики завёт / кто *блины* / маленькымы пекут, блинчиками зовут / пабольшэ пекут блинами зовут / хто их знает / их тожо пекут и-начиняют / можна с-тварагом / и-с-мясам / са-фсем / на-пшяют патом пекут / сложат их так / конвертикам / абжарят их / тожэ очень *фкусна* ... такие *лахучи* такие *фкусны* (Черлакский); *фсигда* пеклы [блины] ну как делали такое молочко мылы яичек были маслычка трошки бросым розмешаем мучикки и пектём из-пшеничной // не-було ржи тут не-було у-нас // *фсигда* на-празнык так пыроы или *блыны* варепики пельмени фсё што есь // пока *язу* не-було на-палитке пеклы на-сковоротке // или таку русску печку / ф-печке пеклы на-скаваротке // сковоротку намажеш посолеш поставеш (Ново-варшавский).

Метонимически в говорах возникает обозначение теста для блинов — *блины*: да / скаварада спициальная / разводиж *блины* и-паливаиш (Черлакский).

Таким образом, при выделении лексико-семантической группы *домашняя выпечка* мы руководствовались тем, что в исследуемых говорах бытуют лексемы, дифференциальными признаками которых служат 'небольшого размера', 'приготовленные печением'. Нами выделены лексико-семантические группы, объединяющие лексемы со значением 'шаньга', 'хворост', 'сковородное'. При определении *шаньги* используются родовые обозначения *пирог, булка. Шаньга*, по мнению сельских жителей, изделие из *хлеба (сыдобный хлеб)*. При наименовании *шанег* используются или двусоставные номинации с адъективной лексемой (*картовная*), или дополнения с предлогом *с (с ягодами, с таким)*, обозначающие начинку данного изделия. Отличие *шанежки* от ватрушки заключается в способе приготовления — ее намазывают, поливают начинкой сверху (*намазываю сметаной*). В говорах лексико-семантическую группу *сковородное* образуют общенародные единицы (*блины, оладьи, драники*) и диалектные (*драшки, гранки*). Для названия выбра-на диалектная лексема *сковордное*, так как в ней подчеркивается признак 'место приготовления' — *сковорода*. Номинации лексико-семантической группы *хворост* по мотивирующему признаку делятся на две группы: по признаку 'форма' (*стружки, розанцы, розочки, кудри, кудряши*), по признаку 'способ приготовления' (*резанцы, реццы, ризцы*). Ядром лексико-семантической группы являются диалектные лексемы *розанцы, стружки*, являющиеся во всех западносибирских говорах, а также общерусская лексема *хворост*, заменившая другие диалектные обозначения.

Библиографический список

1. Демешкина Т.А. Во что верят и что знают жители сибирского села // Языковая концепция регионального существования человека и этноса. — Барнаул, 2005. — С. 168.
2. Жигунова М.А. Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX века. — Омск, 2004. — С. 133.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1990.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М., 1989
5. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. — Томск, 1992. — Т. 1-3
6. Мотивационный диалектный словарь: говоры Среднего Приобья. — Томск, 1982-1983.

7. Похлебкин В.В. Кулинарный словарь. — М., 2002

8. Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ: Дис...д-ра фил. наук. — СПб., 2003. — С. 279.

9. Словарь русских говоров Алтая. — Барнаул, 1993-1998 — Т. 1-4.

10. Полный словарь сибирского говора. в 4 т. — Томск, 1992-1995 гг.

ЗИНКОВСКАЯ Любовь Сергеевна, ассистент кафедры исторического языкознания.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.08.06 г.
© Зинковская Л.С.

УДК 801

Е. С. САВЕЛЬЕВА

Омский гуманитарный институт

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТОВ «РОДСТВА» И «ДРУЖБЫ»

В статье рассматривается проблема описания концептов «родства» и «дружбы». Автор делает попытку описать эти концепты через представление о внешнем и внутреннем пространстве в языковом сознании.

Пространство выступает одним из основных представлений реальности, с которым сталкивается человек, когда начинает осознавать себя и познавать окружающий мир. Пространство предметно и антропоцентрично, потому что человек-наблюдатель находится в центре. Это может быть привычный, понятный человеку предметный мир, в котором живут его близкие, родные люди; пространство может представляться также как место, не имеющее границ, Вселенная. В самом общем определении «пространство — это среда всего сущего, окружение, в котором все происходит и случается, некая заполненная объектами и людьми «пустота» [1, 26].

В качестве важнейших точек зрения ученые выделяют два варианта осмысления пространства: по Ньютону и по Лейбницу. «Ньютон говорит о геометрическом пространстве именно как о физическом, тогда как Лейбниц считает пространство феноменом познающего мир человека... таким образом, здесь речь идет о разных типах пространств — одном физическом, а другом — ментальном, феноменальном» [1, 9].

Е.С. Яковлева в своей монографии следующим образом интерпретирует два подхода к данному понятию: «<...> ньютоновское пространство является некоторой объективацией идеи пространства, принципиальным отвлечением от фактора восприятия пространства человеком: у Лейбница же пространство «одушевляется» человеческим присутствием, оно трактуется, прочитывается человеком. Ньютоновское пространство принадлежит физике и геометрии; лейбницевское же относится, скорее, к области человеческих представлений о мире, так сказать, «наивной философии» мира» [2, 18-19].

Что касается возможности соотнесения двух подходов к понятию пространства, то важно отме-

тить, что в лингвистических исследованиях оно чаще представляется синкретично: в нём совмещаются и черты физико-геометрического (ньютоновского) пространства и черты «одушевленного» (лейбницевского) пространства. Ср.: А.Талми, разработавший топологический подход к описанию языкового пространства, приводит, к примеру, двадцать параметров, релевантных для анализа пространственных конфигураций, и называет базовые единицы, которыми выступают как геометрические объекты, так и субъекты [3, 277]; Д.Лич использует при описании пространства такие единицы, как «место», «протяженность», «близость», «вертикальность»/«горизонтальность», «север»/«юг», «запад»/«восток», «ориентация», «движение», «виды передвижения», «поза» (положение человека в пространстве) [4, 159-201]. А.Вежицкая добавляет к этому списку «направление», «границы пространства», «силу притяжения» [2, 19]. А.Е. Кибрик, исследуя двигательные значения, группирует их в следующие оппозиции: «приближение vs. удаление», «контактность vs. неконтактность», «ограниченность vs. неограниченность», «отсутствие vs. наличие дополнительного ориентира», «приближение vs. удаление от говорящего», «движение вверх vs. вниз» [5, 114].

Из сказанного следует, что терминологически единой типологии языкового пространства не существует. Однако все эти классификации объединяет стремление отразить различные аспекты понимания пространства, которые касаются разных связей в картине мира. Таким образом, можно говорить о том, что в представленных исследованиях нашли выражение семантические пространственные отношения и были выделены и описаны типы семантических пространств.

Проанализировав материал, мы пришли к выводу, что концепты *родства* и *дружбы* непосредственно ассоциируются в сознании говорящих с категорией пространства. Пространство наряду со временем является основным атрибутом материи, основной формой бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Оно организуется вокруг индивида, ставящего себя в центр микро- и макрокосмоса, и оказывается в основе формирования многих номинаций, относящихся к другим непространственным сферам. Таким образом, и концепты *родства* и *дружбы* могут быть описаны исходя из пространственного представления.

Пространство в структуре рассматриваемых концептов может быть представлено в двух ипостасях: *внешней* и *внутренней*. Используя внешние параметрические характеристики, человек определяет границы межличностных отношений. Как правило, пространственные границы родственных отношений связываются в сознании носителей языка с общей территорией проживания:

Им не нужна никакая другая квартира... Балерий не должен уходить из семьи... если уйдет... — семьи не станет (Халфина «Одиночество», с. 171).

Как следует из данного примера, *квартира* равна *семье* и выход одного члена семьи за пределы этого пространства влечет за собой нарушение целостности семьи.

Интересно отметить, что отношения пространственной близости, общности проживания в некоторых случаях могут даже замещать родственные отношения:

Когда-то они были подружками, еще бы, две одинокие женщины в двухкомнатной квартире, у них было много общего и даже гости бывали общие <...> большое счастье, что у нее такая соседка, как старшая сестра, которая никогда не бросит в тяжелую минуту (Петрушевская. «Месь» Т.2. с.169-170).

На окраине города у Анны Алексеевны была небольшая квартирка. Сама она занимала спальню, а проходную сдала Лидии Павловне. Вскоре они стали жить одной семьей... <...> Всем своим одиноким, истерзанным сердцем привязалась она к чужой доброй старухе, ходила за ней, как не каждая дочь ходит за больной матерью. А потом, когда пришел неизбежный срок, схоронила, оплакала, и родная могила еще крепче привязала ее к новому гнезду (Халфина «Сон без сновидений», с. 215).

Важно отметить, что в данных примерах, помимо стандартных сравнений и устойчивых сочетаний (*жить одной семьей; как не каждая дочь ходит за больной матерью*), на близкие отношения, фактически замещающие родственные, указывают и глагольные лексемы. В частности, глаголы *привязала, привязалась* в данной иллюстрации семантизируют духовное родство, приобретенное через близость (ср.: *привязанность* — чувство близости, основанное на преданности, симпатии к кому-чему-н. [3, 509])

Довольно часто внешнее пространство семьи, родства, близких отношений репрезентируется метафорически и метонимически, причем пространственные метафоры и метонимии достаточно стереотипны: *дом* (=семья), *гнездо*, *лоно*, *стол*, *круг* и *гр.* (ср. предыдущий пример: *привязала ее к новому гнезду*). Начинное место в этом ряду занимает лексема *дом*:

Ко времени ее рождения дом потерял значительную стройность, разросся пристройками, террасами и верандами, отвечая этим ростом на

бурное увеличение семьи... (Улицкая «Медя и ее дети», с.7).

Дом не просто помещение (ср.:...муж вселился обратно в свою семью... (Петрушевская «Васеньки», с.174), это семья (ср.: дом — квартира, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство [6,149]). Таким образом, в понятии дом как бы совмещаются внешнее и внутреннее пространство семьи. Внешнее пространство (например, квартира), а также внутреннее, наполненное духовным началом. Дом — это своеобразная аксиоматическая доминанта, присущая многим культурам, в том числе и русской культуре:

Дом — это как вера. К одним он приходит смело и сразу. Другие обретают его мучительно, через сомнения, страдания и потери, уходят из него, как блудные дети, чтобы вернуться обратно. Обрести и оценить (Токарева «Лошади с крыльями», с.138).

Важно отметить, что в этом смысле *дом* может быть и противопоставлен *квартире* как внутреннее — внешнему:

Егоров вошел в свой дом, а правильнее сказать: квартиру. У него была квартира, а не дом. Дома у него не было (Токарева «Длинный день», с.155).

Как видно из данного примера, человек не имеет внутренней связи, близости со своей семьей, с родными он только проживает на одной площади, в одной квартире, т.е. имеет общее внешнее пространство, но не внутреннее.

С другой стороны, *квартира* может стать *гнездом* (т.е. домом), заполняясь внутренним содержанием, близостью людей, живущих в ней, причем не обязательно между этими людьми должно быть кровное родство. Здесь можно привести уже упомянутый пример:

На окраине города у Анны Алексеевны была небольшая квартирка. Сама она занимала спальню, а проходную сдала Лидии Павловне. Вскоре они стали жить одной семьей... <...> А потом, когда пришел неизбежный срок, схоронила, оплакала, и родная могила еще крепче привязала ее к новому гнезду.

Квартира из обычного помещения (ср.: *квартира — отдельное жилое помещение в доме, с кухней, передней [6, 234]*) через внутреннее сближение чужих людей превращается в *гнездо* для семьи.

В некоторых контекстах метафорический образ «*дом — гнездо*» становится более многоаспектным, поскольку используются все новые элементы структурирования исходной понятийной сферы:

Заберемся мы к папке под крыло и будем себе спать (Халфина. «Мачеха», с.55); *Отсюда проводили в жизнь своих птенцов* (Халфина. «Мои соседи», с.293); *Пришла мать и зажгла свет, и Нора вновь обрела свои 20 лет и свое положение дочери, над которой стоит, раскинувши крылья, родная мать* (Петрушевская. «Свобода». Т.1, с. 158).

Нередко в качестве главных атрибутов внешнего пространства для семейных встреч, сближающих членов семьи, выступают лексемы *стол* (*семейный стол*) или *общая комната* в квартире (*большая комната*).

Этот час драгоценного отдыха за семейным столом был наградой за длинный, утомительный день (Халфина. «Сон без сновидений», с. 217).

И вечерние встречи за семейным столом утратили свою былую прелесть (Халфина. «Сон без сновидений», с. 221).

Жена очнулась, быстро сделала ремонт в материнской комнате и поселилась там с детьми. а

большая комната снова стала местом встреч, бесед и малых праздников, и муж выходил к гостям как отец чудных детей и глава дома (Петрушевская. «Я тебя люблю» Т.2, с.10).

Смысловые наборы, связанные с данными лексемами, носят ритуальный характер, поскольку, как правило, эти пространственные атрибуты связываются в сознании с определенными семейными традициями. Таким образом, являясь, по сути, характеристиками внешнего пространства, понятия *дом, стол, комната* выполняют функцию интегрирования внешнего и внутреннего пространства семьи.

С другой стороны, следует признать, что в сознании носителей языка, безусловно, существует представление о самостоятельном внутреннем пространстве концепта *рогства*. Оно регулирует характер межличностных взаимоотношений. Через внутренние характеристики, через внутреннее пространство человеком определяется прежде всего степень близости между людьми:

Никакой душевной близости там, понимания с полуслова у них не было. Вместе с тем они прекрасно проводили вместе время, окруженные друзьями (Петрушевская. «Сережа» Т.2, с. 63).

В данном примере характеристика внутреннего пространства определяется как синтагматически (при помощи атрибута *душевная близость*), так и парадигматически (ср. *душевная близость* = понимание с полуслова). Причем важно отметить, что в данной иллюстрации четко разграничивается внешнее и внутреннее пространство (ср. общее внешнее пространство: *прекрасно проводили вместе время*, но при этом отсутствие общего внутреннего пространства: *никакой душевной близости не было*).

Как показал дальнейший анализ исследуемого материала, как правило, внутренняя, субъективная близость репрезентируется при помощи довольно устойчивых семантических оппозиций, присущих пространственным характеристикам. Прежде всего таких, как «приближение – удаление», «ограниченность – неограниченность», «контактность – неконтактность» и т.п.

В частности, семантическая оппозиция «**приближение – удаление**» напрямую указывает на степень близости между людьми, а также на динамику развития отношений между ними. Так, в качестве примера реализации данной пространственной оппозиции можно привести следующие иллюстрации:

С тревогой и недоумением присматривалась она к сыну <...> Почему с каждым днем он все дальше уходит от нее? (Халфина. «Игорь», с. 344).

Сын покидает некогда общее с матерью внутреннее пространство. Нарушение внутренней близости передается глагольной лексемой *уходит* (ср.: *уйти – идя, удалиться*; *покинув какое-н. место* [6, 719]). В качестве своеобразного интенсификатора этого действия выступает сравнительная степень наречия *дальше*, а динамика данного процесса подчеркивается при помощи местоимения *все* (ср. *все дальше уходит*).

Аналогичную картину мы наблюдаем и в следующем примере:

Теперь они снова смотрели прямо перед собой, молчали, и со стороны казалось, что еще одно мгновение – и они бросятся друг к другу, чтобы не походить на сидящих больных, однако они с каждой минутой все отдалялись и отдалялись, словно кровати разъезжались в противоположные стороны (Липатов. «Игорь Саввович», с. 257).

Актуализация противоположного полюса данной семантической оппозиции эксплицируется в следующих контекстах:

Они вместе учились в школе <...> Они засыпали, обнимаясь, и вместе росли во сне, и их кости принимали удобные друг для друга изгибы и впадины. Они слились друг в друга. А потом в сыне (Токарева. «Инфузория-туфелька», с. 148).

Процесс сближения представляется также как постепенное действие и передается глагольными лексемами *обнимаясь, слились*. Вместе с тем, интенсивность действия репрезентируется при помощи градации: *вместе учились, засыпали, обнимаясь, слились*. Внешнее пространство сужается и это происходит параллельно с полным сближением во внутреннем пространстве *кости принимали удобные друг для друга впадины, слились друг в друге*. Наконец муж и жена как одно целое претворяются в общем сыне.

Семантическая оппозиция «**ограниченность – неограниченность**» также непосредственно характеризует наличие близости между людьми, она может быть проиллюстрирована следующими примерами:

Он не выносит, когда кто бы то ни было пытается влезть в его внутренний мир. <...> Так и живут они под одной крышей: он – свободный и независимый, со своим неприкосновенным «внутренним миром», и она – притихшая, опустошенная, очень постаревшая, тоже со своим внутренним миром, до которого ее сыну нет никакого дела (Халфина. «Игорь», с. 346).

Общее внешнее пространство (*под одной крышей*), отнюдь не мешает матери и сыну иметь собственный, закрытый, ограниченный внутренний мир (ср. *неприкосновенный внутренний мир; свой внутренний мир; не выносит, когда кто бы то ни было пытается влезть в его внутренний мир*). Сын замыкается в своем внутреннем мире и, покидая пространство матери, не позволяет ей проникать в его внутренний мир. «Неполноценность» внутреннего мира матери определяется лексемой *опустошенная*.

Ограниченность, замкнутость внутреннего мира человека эксплицирована и в следующем примере:

Однако все-таки раньше она была спрятана и загорожена, несмотря на то, что все о ней знали, что ее муж, известный человек, ею пренебрегает и ведет свое собственное, ничем не близкое ей существование (Петрушевская. «Две души». Т.1, с. 288).

В частности, замкнутость внутреннего мира жены репрезентируется глагольными лексемами *спрятана, загорожена*. В свою очередь, ограниченность внутреннего мира мужа определяется как *свое собственное, ничем не близкое ей существование*.

Другая оппозиция подобного рода, которая может быть рассмотрена с точки зрения пространственной характеристики, – «**контактность – неконтактность**»:

Я от нее совсем отдалился последний год. Совсем не любил, только дочку. Не было такого контакта (Петрушевская. «Медея», с. 47).

Отдаление мужа и жены происходит как следствие отсутствия любви (*совсем не любил*) и контакта (*не было такого контакта*).

С родней я не общаюсь. Можно сказать, что я сирота (Улицкая. «Медея и ее дети», с. 55).

В данном примере неконтактность репрезентируется глагольной лексемой с отрицанием *не*

сообщаясь. Такое отсутствие контакта воспринимается героем как сиротство. В данном случае можно говорить о том, что лексема *сирота* служит своеобразным интенсификатором этого состояния.

Безусловно, нами были рассмотрены только некоторые семантические оппозиции, характеризующие внутренний мир межличностных отношений, по-видимому, их гораздо больше. Однако даже рассмотренные оппозиции позволяют сделать вывод о том, что они очень тесно переплетаются на семантическом уровне: они свидетельствуют прежде всего о степени близости между людьми.

Об этом говорит и тот факт, что внешнее и внутреннее пространство представлений о *родстве* и *дружбе* в сознании человека могут иметь различные виды соотношений. Так, например, внешнее и внутреннее пространства могут совпадать в представлении индивидуума. Такое совпадение, в частности, может быть проиллюстрировано уже упоминавшимся в работе примером:

Теперь они снова смотрели прямо перед собой, молчали, и со стороны казалось, что все одно мгновение — и они бросятся друг к другу, чтобы не походить на сидящих больных, однако они с каждой минутой все отдалялись и отдалялись, словно кровати разъезжались в противоположные стороны (Липатов «Игорь Саввович»).

Внутреннее отчуждение между мужем и женой, их отдаление представляется через кажущееся изменение внешнего пространства (использование сравнительного оборота). Ср. также следующий пример:

Чтобы не мозолить ближним глаза, бабушка отсиживалась в своей «отдельной» комнатке... (Халфина. «Сон без сновидений», с. 221).

Бабушка, не имея внутренней связи с молодой семьей, находит место для «спасения» в замкнутом внешнем пространстве — «отдельной» комнатке (ср.: отсидеться — спастись, укрываясь где-н. от кого-н., пережидая что-н. [6, 412]). Отсутствие внутренней связи репрезентируется устойчивым сочетанием *мозолить глаза*. Обособление члена семьи происходит не только на внутреннем, но и на внешнем уровне, это выражается лексемами *«отдельная» комнатка, своя*. Эту мысль иллюстрирует и следующий пример:

А сейчас они спят в разных комнатах и между ними стена — в прямом и переносном смысле. Наташа пожалела, что поехала в лес. Дома можно спрятаться ему — за газеты, ей — за кастрюли (Токарева. «Лошадь с крыльями», с. 92).

Отсутствие общего внешнего и внутреннего пространства между супругами репрезентируется лексемой *стена*, употребленной в прямом значении и метафорически. Даже в общем пространстве дома появляется необходимость отделять свое пространство искусственно (ср.: *ему — за газеты, ей — за кастрюли*).

С другой стороны, внешнее и внутреннее пространство могут и не иметь точек пересечения:

Мы расстались с тобой на каком-то внешнем, поверхностном уровне. А внутренняя связь не прервалась, в глубине мы неразделимы (Токарева. «Система собак», с. 332).

У Гали были все основания считать себя счастливой женщиной. Основания были, а счастья не было. Она заполучила Трофимова территориально, но не могла заполучить его душу и не знала, что для

этого надо делать. Он имела его и не имела одновременно (Токарева. «Не сотвори», с. 372).

Какое несчастье, какая боль жили в двух метрах от него! И так было изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц, а он спал, просыпался, ездил на работу, болел, обедал, и ужинал — существовал в таком мире, где боли и несчастьям жены не было места (Липатов. «Игорь Саввович», с. 257).

Из приведенных примеров следует, что совместное проживание еще не свидетельствует о существовании общего внутреннего пространства, с другой стороны — разрыв внешней связи не нарушает целостности внутреннего пространства (ср.: *заполучила его территориально, но не могла заполучить его душу; расстались на внешнем, поверхностном уровне — внутренняя связь не прервалась*).

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что в сознании человека модель представлений о *родстве* и *дружбе* формируется на основе внутреннего пространства. Представления о межличностных отношениях и, в частности об отношениях *родства* и *дружбы*, формируются в сознании говорящих при помощи понятия *близости*. *Близость*, являясь, по сути, также пространственной характеристикой, выступает в качестве своеобразного регулятора рассматриваемых понятий, позволяющего человеку определить характер отношений с другими людьми.

Библиографический список

1. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия РАН. Сер. лит. и яз. — М., 1997. — № 3. — С. 22-31.
2. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). — М., 1994.
3. Talmy L. How language structures space // Spatial orientation: theory, research, and application. — N.Y.; L., 1983. — P. 225-282.
4. Leech G.N. Towards a semantic description of English. — London; Harlow, 1969.
5. Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. — М., 1970. — С. 110-156.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Екатеринбург. — 1994 г.

Источники

1. Токарева В.С. Перелом: Рассказы. М., 2000.
2. Токарева В.С. Все нормально, все хорошо: Повести и рассказы. М., 2000.
3. Петрушевская А.С. Собрание сочинений: в 5 т. — М., 1996. — Т.1-2.
4. Халфина М.Л. Простые истории: Повести и рассказы. — Новосибирск, 1978.
5. Улицкая Л. Медея и ее дети: Роман. — М., 2005.
6. Липатов В.В. Игорь Саввович: Роман. — М., 1978.

САВЕЛЬЕВА Елена Сергеевна, старший преподаватель кафедры информационных технологий в СМИ и PR социально-гуманитарного факультета ОмГИ, аспирант кафедры русского языка филологического факультета ОмГУ.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.08.06 г.
© Савельева Е.С.

ОТРАЖЕНИЕ ФРАГМЕНТОВ ВОСПРИЯТИЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

УДК 415.6

Т. С. БОРЕЙКО

Омский государственный
педагогический университет

ПРЕДИКАТЫ ТАКТИЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматривается отражение результатов тактильного восприятия в системе языка. Пропозиция тактильного восприятия выражается прежде всего предикатом. Для обозначения ситуации тактильного восприятия заимствуются глаголы из разных семантических групп. Статья посвящена способам обозначения предикатов тактильного восприятия, которые представляют собой семантическое поле.

Осязание — один из основных видов отражения человеком объективной действительности. Кожа реагирует на физические свойства окружающих нас объектов и поверхностей, через неё мы получаем информацию о том, с чем она вступает в непосредственный контакт. Тактильная чувствительность позволяет оценить форму, размеры предмета, свойства поверхности, консистенцию, температуру, положение и перемещение в пространстве. Характер тактильного восприятия (далее ТВ) таков, что оно является в основном сопровождающим жизнедеятельность человека в различных проявлениях. Человек совершает какие-то действия, перемещается в пространстве, воздействует на объекты и одновременно получает сведения о характере их поверхности. В связи с этим обстоятельством в организации пропозиции ТВ участвуют разные группы глаголов: глаголы контактно-направленного действия (*хватать, обнимать*), глаголы физического воздействия (*колоть, щипать, жечь*). Так как осязание связано с движением, ТВ может быть передано предикатами в рамках высказываний,

организующих пропозицию движения (*бежать по колочей траве, войти в холодную воду*), но в данном случае должны быть вербализованы предикативные признаки ТВ.

Принимаемая в качестве исходной пропозиция ТВ сводима к определённому набору компонентов. Обязательными компонентами ситуации ТВ являются субъект, объект, процесс восприятия, к факультативным следует отнести орудие действия, характеристику действия, цель и причину действия, его оценку. Инвариант ситуации ТВ можно представить следующим образом: X воспринимает Y (Z-том). X — субъект восприятия, одушевлённое существо. Y — объект восприятия; всё, что можно осязать. Когда человек осязает что-нибудь, он воспринимает частные аспекты предмета — его фактуру, форму, величину. Но для данного (воспринимаемого осязанием) аспекта предмета в русском языке нет однословного выражения — при том, что есть прилагательные, характеризующие поверхность предмета (гладкий, бархатистый, шероховатый). Z — орган восприятия. Каждое ощущение отличается от

всех других ощущений тем, что его рецепторы не сосредоточены в какой-либо одной, чётко ограниченной определённой сенсорной структуре. Зрение, слух, обоняние, вкус имеют специализированные органы восприятия, то есть части тела, имеющие свои чёткие функции (уши, нос, глаза, язык). В русском языке нет односложного выражения для той части тела, которая осязает. При пассивном восприятии это вся кожная поверхность, при активном осязании — рука. Соматизмы являются синкретичными по синтаксической семантике словоформами: они входят в состав аналитического предиката (*обследовать пальцами, ощущать кожей*), в состав аналитического субъекта восприятия (*щека маршала, его руки*), могут выступать в качестве одного из актантов (*коснулась плечом, пощупала лоб*) или входить в лексическое значение глагола (*целовать* — прикасаться губами). Таким образом, отношения между компонентами ситуации характеризуются пересечением, взаимодействием.

Пропозиция выражается прежде всего предикатом. «Суть предиката состоит в обозначении: оценке статических свойств и динамических проявлений предметов действительности, их отношений друг к другу» [1, с. 10].

Наиболее полное и всестороннее описание предикаты ТВ получают в семантическом поле. В составе поля выделяются ядерные и периферийные компоненты. Ядерные выполняют функции однозначно, они наиболее частотны по сравнению с другими компонентами поля. Граница между ядром и периферией является нечёткой, размытой [2]. Если представить поле в виде сферы, то его единицы будут располагаться слоями на разном удалении от ядра по степени их смысловой близости к общему значению поля, которое наиболее явно представлено в ядре семантического поля и постепенно угасает при удалении к его периферии. Языковые единицы, расположенные на периферии, обладают более сложным, насыщенным содержанием и тесно взаимодействуют с членами смежных полей.

Ядро семантического поля ТВ составляют глаголы физического действия **касаться**, **трогать**, они являются наиболее частотными по употреблению, обладают полной парадигмой видовых значений, развивают семантические дериваты. Приведём ряд примеров с ядерными предикатами ТВ. 1. *Она наклонилась к нему, нежно коснулась его губ (Маринина)*. 2. *Мария осторожно дотронулась до щеки маршала (Паустовский)*. 3. *Ромашов слегка дотронулся робкими вздрагивающими пальцами к её руке (Куприн)*. 4. *Колосья слабо касались моих сапог и рук (Казаков)*. 5. *Председатель дотронулся пальцем до маленькой кнопки, заключённой в столе (Куприн)*. 6. *Густав Иванович до сих пор обожал Анну, как и в первый день супружества, всегда старался сесть около неё, незаметно притронуться к ней (Куприн)*. 7. *Шурочка задумчиво потрогала крючком пробор своих мягких волос (Куприн)*. 8. *Борис легко тронул бока гнедого стремями (Балашов)*. 9. *За столом Никита уселся рядом с Никой. Когда их локти соприкасались, он густо краснел и опускал голову (Дашкова)*.

Глаголы **касаться**, **трогать** обозначают движение, при помощи которого субъект устанавливает контакт с объектом, подвергая его минимальному физическому воздействию. Смысловый инвариант, по мнению Г.Е. Крейдына, можно описать следующим образом: «сделать так, чтобы часть тела (обычно рука) в результате движения пришла в физический

контакт с частью тела адресата или с некоторым материальным объектом» [3, с. 425]. Указанные глаголы оказываются неуместными, если возникновение контакта сопровождается употреблением силы, на что указывают определители адвербиального характера (1, 2, 3, 4). Во всех динамических употреблениях эти глаголы обозначают непродолжительный контакт (1, 2, 3, 5, 8). Остальные дериваты описывают действие как последовательность моментальных действий или как повторяющееся действие (6). Поверхность контакта должна быть меньше всей поверхности субъекта и объекта. Контакт может осуществляться при помощи орудия-посредника. Это может быть часть тела одушевлённого существа (1, 3, 5) или инструмент-посредник (7, 8). Для положения смежного положения в пространстве единственно возможным оказывается глагол **соприкасаться** (9).

Таким образом, можно выделить следующие общие компоненты значения глаголов: 1) непродолжительность контакта; 2) отсутствие силы; 3) ограниченная поверхность контакта; 4) факультативное наличие инструмента-посредника.

Существуют и различия в употреблении этих глаголов. Субъект при глаголе **трогать** может быть только одушевлённым (2, 3, 5, 6, 7, 8). **Касаться** — более универсален, так как допускает два типа субъекта: одушевлённый (1) и неодушевлённый (4). Переходный глагол **трогать** выражает воздействие одушевлённого активного субъекта, направленного на пассивный объект (одушевлённый или неодушевлённый), по его воздействию минимально. Этот глагол описывает контролируемые ситуации. Глагол **касаться** непереходный, он устраняет идею прямого воздействия на объект, устанавливает минимальный физический контакт, нейтрален по признаку «контроль».

Глаголы имеют видовые пары, члены которых одинаково активны в выражении типовой семантики. Во всех высказываниях эти глаголы **касаться**, **трогать** имеют только результативное значение, причём результат возникает мгновенно: не выделяется начало, середина, конец действия. Глаголы обозначают факт скачкообразно, путём «точечного» перехода к новому качеству не только в формах совершенного, но и несовершенного вида.

Группу околоядерных предикатов представляют глаголы с семантически более сложным значением.

1. Глаголь: со значением процесса восприятия

Данная лексико-семантическая группа представлена оппозицией активное, целенаправленное ТВ как стремление к достижению цели — результат активной деятельности органов чувств.

Целенаправленное ТВ обозначается глаголом **щупать**. Этот акциональный глагол обозначает воздействие активного одушевлённого субъекта на пассивный объект. **Щупать** — распознать, обследовать объект со всех сторон путём прикосновения, надавливания руками [4, с. 785]. Приведём ряд примеров с глаголом целенаправленного действия. 1. *Звягинцев странно непослушными пальцами ощупал нагретую солнцем накладку и ствол винтовки (Шолохов)*. 2. *Подолы ног осторожно нащупывают настывшую за ночь гальку (Проскурин)*. 3. *Словно ощупью приблизилась рыба к лодке, щупала что-то в воде чуткими присосками*. 4. *Салёры деловито щупали миноискателями улицы, дома (Галин)*. 5. *В июне появились маленькие шершавые на ощупь пласты (Горбатов)*. **На ощупь**

бязь более грубая ткань, чем ситец (Мальцева). При заболеваниях, вызванных микроклиматом горячих цехов, кожа больного влажная и прохладная на ощупь.

Субъект действия (агенса) при данном предикате может быть выражен именем существительным личным в именительном падеже (1, 4), личным местоимением, сочетанием лексемы лица с лексемой органа восприятия (2). Органом осязания у человека является рука, реже — нога. **Щупать X** — трогать X пальцами, для того чтобы ощутить его [5, с. 7]. Указание на определённую часть тела содержится в том случае, если важна его характеристика (1). В остальных случаях наименование инструмента действия входит в толкование глагола **щупать**. Если речь идёт не о человеке, а о другом живом существе, инструмент осязания обозначается отдельным словом (3). Активное осязание может осуществляться с помощью инструментов, т.е. опосредованно (4). В связи с тем, что система восприятия включает двух основных участников (субъект, объект), существует две серии глаголов, называющих состояние первого и второго актантов ситуации восприятия: **ощупывать** — **быть на ощупь** (5). Такое обозначение предиката ТВ является конверсивом. Подобные конструкции часто используются в информативном регистре, когда факты отвлечены от конкретного хронотопа.

При модификационной деривации производное слово получает некоторое дополнительное значение по сравнению с производящим.

Ощупать — потрогать, пощупать со всех сторон с целью осмотра, обследования: *Архипов быстро и внимательно ощупал пакет. И ручка прощупывалась, и лезвие (Устинова)*. Исходную ситуацию глагола можно описать следующим образом: касаться, трогать пальцами какой-нибудь предмет со всех сторон, анализируя его поверхность с целью обследования объекта: выяснения контура, характеристик качества поверхности.

Нащупать — ощупывая, найти, обнаружить: *Где-то под кирпичами, ещё не видя, он нащупал грубую ткань мешковины, шершавые квадраты стандартных армейских сухарей (Васильев)*. Ситуация, которая описывается данным глаголом: совершать довольно длительное действие, стараясь обнаружить предмет, не доступный прямому восприятию, дотрагиваясь руками, последовательно перебирая встречающиеся на пути предметы, анализируя их форму, структуру, в результате этих действий обнаружить объект.

Прощупать — щупая, исследовать, обнаружить: *«Где вы наблюдаетесь?» - прощупывая дряблую и вздутую шею Веры, осторожно спросила Любовь Ивановна (Улицкая)*. Модель лексического значения данного глагола: постепенно передвигаясь по поверхности объекта, касаясь, надавливая руками, совершать действие какое-то время, тщательно, осторожно, чтобы не причинить боль. Цель действия — обследовать объект, дать ему характеристику, поставить диагноз. Основываясь только на зрительном восприятии, невозможно составить мнение об объекте, нужны дополнительные действия (ТВ). В пассивной конструкции глагол обозначает состояние: *Лена ещё раз обследовала рану. Пуля прощупывалась прямо под кожей (Дашкова)*. Объектный компонент (пуля) приобретает вторичное значение субъекта — носителя процессуального состояния.

Таким образом, модификационная деривация охватывает следующие компоненты лексического

значения: 1) фазы процесса (специально обозначается результат действия: *нащупать*), 2) временная протяжённость (*пощупать* — некоторое время, недолго, *перещупать* — последовательно каждый объект), 3) указание на интенсивность действия (*прощупать* — тщательно обследовать), 4) степень охвата объекта (*ощупать* — обследовать со всех сторон поверхность объекта, *прощупать* — обследовать не только поверхность, но и внутреннюю структуру), 5) актантные модификации (*прощупать* — *прощупываться*, *нащупать* — *нащупываться*).

Близок по значению к глаголу **щупать** глагол **шарить** — исследовать ощупью, обследовать, чтобы обнаружить: 1. *Пальцы мои шарили по сухой, пылающей коже, я постукивал по рёбрам и нёс в себе одну мысль — как его спасти (Булгаков)*; 2. *Елизавета Ивановна запускала руку под салфетку и вышаривала оттуда очередной пряник с запиской (Улицкая)*; 3. *Профессор потянулся к ночному столику, привычно нашарил там очки, оседлал ими нос (Пильняк)*. Предикат обозначает длительное действие (1). В высказывании содержится указание на результат действия (3). В глаголе **вышаривать** (2) отражены следующие аспекты действия: акцентируется внимание на то, что объект находится в закрытом пространстве и не доступен прямому восприятию, действие производится в разных направлениях.

Таким образом, целенаправленное действие, направленное на обнаружение объекта, обозначают глаголы **щупать**, **шарить**. Результат действия, обозначенного указанными глаголами, может быть следующим: найти объект по характерным признакам (*нащупать холодную ручку двери*) или почувствовать поверхность объекта (*подошвы ног ощупывают холодные камни*); исследовать объект, который не доступен прямому восприятию (*ощупать пакет, конверт, карманы*).

Глагол **шарить** употребляется в ситуациях, когда объект не доступен прямому восприятию. Глагол **щупать** возможен в ситуациях, когда объект доступен прямому восприятию, но при этом зрительного восприятия оказывается недостаточно. Чтобы узнать человека, почувствовать его, необходимо и ТВ. Касание в русской культуре — активное вхождение в личную сферу другого человека. Прикосновение к человеку — это установление физического контакта с человеком, его кожей, волосами, одеждой: *Ей хотелось его потрогать, узнать, какой он на ощупь, какая у него щека, какие пальцы или волосы на затылке. Ей представлялось, что он особенный (Устинова)*.

Глагол **щупать** отличается многообразием модификационных значений, с помощью которых обозначается результат, степень интенсивности, протяжённость действия. Глагол **шарить** таким разнообразием не отличается; специально обозначается результат действия (*нашарить*), его протяжённость (*пошарить*).

Результат ТВ представлен глаголами **осязать**, **ощущать**, **чувствовать**.

Осязать — воспринимать осязанием (осязание — ощущение, возникающее при соприкосновении кожи с чем-либо): *Когда мальчик, по своему обыкновению, ощупывал лицо, то осязал своими чуткими пальцами глубокие морщины, впадины щёки и на щеках старческие слёзы (Короленко)*. Глагол **осязать** указывается как базовый предикат ТВ (Ю.Д. Апресян, Л.М. Васильев, Е.В. Урысон). В современном

русском языке это достаточно редкий глагол, он употребляется, главным образом, в переносном значении, сохраняется в качестве термина.

Семантика глаголов **ощущать**, **чувствовать** настолько широка, что они могут в самом общем виде обозначать любую реакцию сознания на какие-либо раздражители, в том числе и реакцию на то, что воспринимается органами чувств [6, с. 169]: *Он лежал на продавленной тахте, чувствуя телом пружины (Грекова); Она обняла его за шею. Ромашов почувствовал щекой податливую упругость её тела (Куприн); Он рванул к столу, протянул руку, с мгновенной радостью почувствовал глянец карты под пальцами (Бондарев)*. Между субъектом и объектом устанавливается контакт (лежал на тахте), субъект производит контактно-направленное действие (обнял). На ТВ указывает косвенный субъект ощущения (тело, щека, пальцы). В качестве объектов выступают существительные, обозначающие осязаемые предметы, которые часть подаются со своими характеризующими признаками (упругость тела, глянец карты).

2. Глаголы контактно-направленного действия

Динамические предикаты, обозначающие механические действия, сингезируют в себе целый комплекс признаков. Значение этих глаголов часто отражает то, как производится действие или протекает процесс. Данная лексико-семантическая группа представлена акциональными глаголами **брать**, **хватать**, **цепляться**, **достать** и др.: *Она взялась рукой за поручень вагончика, приятно нагретый солнцем (Устинова); Его руки жадно обхватили гибкое, податливое тело Варвары (Проскурин); Это ещё хуже - подхватывать скользкую рукоятку вил коленом и вскидывать сено на высокий воз (Бунин)*. Данные глаголы будут обслуживать ситуацию ТВ при обязательном указании на орудие действия. Можно выделить следующие компоненты значения глаголов контактно-направленного действия: большая или меньшая интенсивность действия (схватить – ухватиться, держать – цепляться), направление движения или степень охвата объекта (подхватить, охватить, выхватить, подцепить), результат действия (достать, дотянуться), цель действия (обнять).

3. Лексико-семантическая группа воздействия на объект

Кожная чувствительность подразделяется классической физиологией органов чувств на четыре различных вида. Обычно различают рецепции боли, тепла, холода и прикосновения (давления). Наиболее общее значение «испытывать какое-либо ощущение» имеют глаголы **ощущать**, **чувствовать**. При указании на орган восприятия (части тела человека) эта группа глаголов может обслуживать и ситуацию ТВ: *Он снова ощутил острую, жгучую боль в ступне (Полевой); Эля подошвами почувствовала настоявшееся в валенках тепло – хмель в обуви лежит (Астафьев)*.

Остальные глаголы (саднить, щипать, жечь) имеют более конкретную семантику, связанную с физическими ощущениями.

Лексико-семантическую группу воздействия на объект обслуживают также глаголы **давить**, **жать**, **тереть**, которые обозначают сильное воздействие на объект или деформирующий объект: *Она крепко, до боли, сжала руку командующему (Паустовский); Тесто вымешиваем до тех пор, пока оно не станет*

однородным и густым; Фёдор принялся долбить сапёрной лопаткой ссохшуюся, словно кость, дорожку (Тендряков). Можно выделить следующие компоненты значения глаголов давления на объект: 1) объект давления. Если это неодушевлённый объект, то важна его консистенция: при глаголах **мять**, **месить** возможен объект с мягкой, легко деформирующейся поверхностью (глина, тесто, бумага), при глаголе **долбить** – объект твёрдой консистенции (дерево, лёд); 2) средство осуществления давления: часть тела (пальцы, руки), орудие, инструмент (лопата, палка, вилка); действие-средство (нажимом, налегая); 3) цель действия (сделать мягким, уплотнить, придать нужную форму); 4) качественные характеристики давления; 5) способ воздействия: *сжимать* – давление, *растирать* – давление с движением; 6) направление воздействия: *надавить* – сверху, *прижать* – с одной стороны, *обжать* (тесто) – со всех сторон в несколько приёмов; 7) интенсивность воздействия (*пожать* – сжать, *тереть* – *растирать* – *втирать*).

4. Глаголы перемещения по поверхности объекта

Глаголы **гладить**, **скользить**, **перебирать** обозначают изменение положения в пространстве и содержат указание на характеристику действия (*плавно, легко, со всех сторон*) и орудие действия (*руками, губами, языком*): *Аким сел на нос лодки и погладил её шершавую осиновую щеку (Астафьев); Её руки стали скользить по его волосам, щеке, коже (А.Толстой); Пальцы нежно перебирали её густые шелковистые волосы (Дашкова)*.

Глаголы **идти**, **бежать**, **ползти**, **гулять**, **порхать** содержат указание на скорость движения: *идти*, *гулять* («не очень быстро»), *ползти* («медленно»), *бежать* («быстро»), *порхать* («очень быстро»). Ситуацию ТВ данные глаголы будут обслуживать при указании на орудие действия (рука, пальцы): *Пальцы прошлись по листам, сладострастно чувствуя шероховатость и неровность старой бумаги (Устинова); Зайничий быстро и профессионально пробежал пальцами по ледяному бетону. «Здесь не пройдём» (Устинова); «Щитовидочка увеличена», - шамкал Исаак Вениаминович, гуляя пальцами около Таниного уха (Улицкая); Секретарша как ни в чём не бывало запорхала пальцами по клавишам компьютера (Акунин)*.

Семантика прикосновения может выражаться единицами других, смежных полей, лежащих на периферии данного поля. **Периферия** – вторичные наименования, входящие своими первичными значениями в смежные семантические поля и реализующие семантику данного поля в специфических контекстуальных условиях. Например, ситуация звучания будет включать тактильность, если звук каузируется соприкосновением твёрдых предметов при трении во время движения или какого-нибудь действия: *Хороший песок должен скрипеть между лапками (Дашкова); Я кинулся к книжному шкафу, торопливо стал шелестеть глянцевыми страницами (Булгаков); Половой хотел было улизнуть, но Эраст Петрович хрустнул в кармане купюрой, и молодец замер на месте (Акунин)*. Ситуация звучания предполагает обычно каузатора действия, являющегося причиной звучания тех или иных предметов, однако указание на каузатора не всегда входит в значение глагола, чаще оно пресуппозитивно. К пропозиции ТВ данные предикаты будут относиться, если 1) они содержат указание на орудие действия (*между лапками, под ногами*),

2) объектом являются части тела человека (*по лицу, по телу, по коже*), 3) имплицитно включают сему прикосновения. Указание на каузатора действия может содержаться в самом высказывании: *У неё были жалюзи, приятно шелестевшие, когда до них дотрагивались* (Устинова).

Подведём итоги. В центре поля находится наиболее репрезентативный элемент, который выражает инвариантное значение поля в «общем виде» (*касаться*). Как наиболее абстрактное (а значит, и наиболее бедное семантическими признаками, семантически простое), оно присутствует во всех элементах поля. Околядерные предикаты близки по значению ядерным, но имеют добавочные семы в значении («орудие действия», «интенсивность», «цель действия»), то есть характеризуют ту или иную сторону действия, свойства актанта. При осознании познание материального мира совершается в процессе движения, переходящего в сознательно целенаправленное действие ощущения, действительного познания предмета [7, с. 197]. В качестве предикатов ТВ используются акциональные глаголы (глаголы конкретного физического действия, воздействия, движения) и глаголы восприятия, т.е. обозначение ситуации ТВ притягивает глаголы из разных семантических групп. Особенность данного семантического поля заключается в том, что каждый из представленных секторов не является специализированным для выражения ТВ, кроме, пожалуй, первого сектора. В определённых условиях указанные глаголы могут обслуживать ситуацию ТВ. Внутри каждого сектора наблюдаются различные оппозиции: привативные (логические отношения

включения: *бить* — хлестать, *бить* — шлёпать), эквиполентные (отношения пересечения: *хлестать* — бить чем-нибудь гибким, *шлёпать* — бить чем-нибудь мягким). Кроме того, элементы внутри секторов могут подвергаться различным типовым модификациям (*щупать* — ощупать, нащупать, прощупать, пощупать). Результатом целенаправленных, контактно-направленных и других действий являются различные ощущения субъекта (температурные, болевые и др.), изменение психического состояния субъекта.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — М., 1999.
2. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. — Воронеж, 1985.
3. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. — М., 2004.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1985.
5. Урысон Е.В. Языковая картина мира и обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вopr. языкознания. — 1998. — № 2.
6. Васильев А.М. Семантика русского глагола. — М., 1981.
7. Рубинштейн С.А. Основы общей психологии. — СПб., 2001.

БОРЕЙКО Татьяна Степановна, старший преподаватель кафедры истории русского языка и методики его преподавания.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.08.06 г.
© Бореико Т.С.

УДК 82.09

М. А. БОРОДИНА

Омский государственный университет

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ «Я» ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В ОСМЫСЛЕНИИ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ БЫТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ «ЗАПИСОК ВРАЧА» В.В. ВЕРЕСАЕВА)

Рассматриваются разные ипостаси «я» повествователя, осмысление которых приводит к выделению основных медицинских категорий, таких как человек, здоровье и болезнь, страдание, опыт и привычка, — которые при обобщении претендуют на всеобщность.

Своего рода экспериментом в раннем творчестве В.В. Вересаева явились «Записки врача», представляющие собой соединение документа и эссе, философского размышления и публицистики. В результате у исследователя возникают трудности при анализе данного произведения с точки зрения обычного целостного анализа. По нашему мнению, данный текст необходимо рассматривать и с лингвистической точки зрения, выделяя разные ипостаси «я» повествователя, и с литературоведческой,

обращая внимание на жанр «Записки врача», его подчеркнутую фиксированность житейских и профессиональных событий, осмысление которых дает возможность автору выделить и определить основные понятия бытия, такие как жизнь и смерть, болезнь и страдание, привычка и опыт и т. д.

Если обратиться к произведению, то оно начинается обращением повествователя к читателю, в котором он характеризует и себя, и свои записки, и то, что можно от них ожидать: «Я кончил курс по

медицинском факультете семь лет назад. Из этого читатель может видеть, чего он вправе ждать от моих записок. Записки мои — это не записки старого, опытного врача, подводящего итоги своим долгим наблюдениям и размышлениям, выработавшего определенные ответы на все сложные вопросы врачебной науки, этики и профессии; это также не записки врача-философа, глубоко проникшего в суть науки и вполне овладевшего ею» [1]. Перед нами обычный герой — средний врач, старающийся записывать то, «что слышывал, знакомясь с медициной, чего он ждал от нее и что она ему дала»: первые самостоятельные шаги и впечатления, вынесенные из практики. На особенность главного героя как обыкновенного врача указывает в своем исследовании и Ю.У. Фехт-Бабушкин, и С. Вржосек: «единственным преимуществом своим он считает то обстоятельство, что он еще не стал привычным профессионалом, что для него еще ярки и сильны те впечатления, к которым со временем каждый врач невольно привыкает» [2]. С первых строчек произведения читатель понимает, что перед ним будет разворачиваться история становления врача: от студента до опытного специалиста. В процессе записывания героем своих жизненных наблюдений произойдет взаимодействие воспоминаний, основанных на фактическом материале, и воспоминаний, построенных на философских размышлениях в форме эссе. Герой является обычным человеком обычной профессии, который, так же, как и все, может заболеть. Единственная разница заключается в том, что он отягощен своими впечатлениями, приобретенными в ходе медицинской практики. В связи с этим горести и радости людей воспринимаются им как единое целое, то есть понятие «я» повествователя становится своеобразной формой обобщения.

Начало первой главы представляет собой экспликацию человека, думающего о школе: перед нами краткое описание учебы в гимназии и в университете. Особое внимание обращается на непрактичность образования, что достигается приемом заострения взгляда простака на штампах: «Я учился в гимназии хорошо, но ...науку презирал до глубины души. ...что мне было до того, в каком веке написано «Слово Даниила Заточника», чей сын был Оттон Великий. Развитие мое шло помимо школы, помимо школы приобрелись и интересовавшие меня знания» [3]. Повествователь вынужден принимать общественные нормы поведения и подчиняться им, но он не воспринимает их как образец для подражания, точнее герой отвергает их впоследствии.

В самом начале текста «я» повествователя характеризуется семантической множественностью и постоянно находится в оппозиции со своим противоположным началом. Последовательно описывая годы учебы в гимназии и в университете, касающиеся непосредственно только его самого, главный герой ведет повествование от первого лица в прошедшем времени. Однако когда речь заходит о примерах из врачебной практики, изучения, то меняется и характер обозначения повествователя. авторское «я» дополняется формой «мы», которое сразу же вступает в оппозицию с «они»: «Вскоре после начала клинических занятий в клинику старших курсов был положен огородник, заболевший столбняком. Мы ходили смотреть его. Больной был мужиком» [4]. Таким образом, первая оппозиция, в которую вступают «мы» — это противопоставление «врачи — больные». Фактически уже в начале художественного текста

«я» повествователя резко сужается и перед нами выступает не просто литературный герой, а врач, специалист, способный увидеть не только телесную болезнь, но и духовную. В то же время противопоставление «мы — они» имеет и более широкое значение: «...еще ужаснее было то, как легко **ОНИ** приобретаются, как мало гарантированы от них самый здоровый **человек**», «каждую минуту, на каждом шагу **нас** подстерегают **опасности**; защититься от **них** невозможно, потому что **они** слишком разнообразны: бежать некуда, потому что **они** везде» [4]. Находя повествователя аналитическими способностями и умением размышлять, автор в образе «я» объединяет не только врачей, но и людей вообще, вступающих в оппозицию с «они» или с болезнями. В художественный текст вводятся элементы эссеистического, очеркового произведения, в котором рассматриваются всеобщие вопросы бытия людей, и делается это уже не в прошедшем, а в настоящем времени, так как вопросы здорового организма и больного, болезни в окружающей среде и как естественное состояние человека, способы и методы предотвращения заболевания, — являются актуальными проблемами всего человечества. Другими словами, уже с первой главы в тексте взаимодействуют по меньшей мере два различных жанра: воспоминания и эссе, в которых доминирует обобщающее начало. Причем само воспоминание является в тексте сквозным образом, наделенным отрицательными признаками: «теперь мне **страшно вспомнить**», «мне особенно ярко вспоминается моя первая трахеотомия; это **воспоминание кошмаром** будет стоять передо мной всю жизнь», «в моем воспоминании теперь никак не могут соединиться в одно два образа этого Старикова», «я вспомнил свое вчерашнее состояние, наблюдал теперешнюю разбитость» — и воспринимается героем как кошмар, он испытывает страх перед своей неопытностью и нерешимостью. Все эти рассуждения необходимы для наиболее точного описания эволюции героя, постепенно превращающегося из неуверенного и неопытного студента в зрелого врача.

Особенностью всего произведения являются эпизоды, в которых В.В. Вересаев мастерски соединяет в изображении какого-либо процесса, медицинского, физиологического, биологического, в частности, процесса родов (жуткую картину со стонами, криками, судорожным сведением тела женщины) прием звукописи с детальным описанием картины всего происходящего (форму и содержание).

«Помню хорошо, как сегодня, и первые роды, на которых я присутствовал. Роженица была молодая женщина... Она лежала на спине, с обнаженным **громادным животом, беспомощно уронив руки, с выступившими на лбу капельками пота; когда ее схватывали потуги, она сгибала колени и стискивала зубы, стараясь сдерживать стоны, и все-таки стонала.**

- Ну, ну, сударыня, потерпите немножко! — невозмутимо-спокойным голосом уговаривал ее ассистент.

Ночь была бесконечно длинна. Роженица уж перестала сдерживаться; она стонала на всю палату, всхлипывая, дрожа и заламывая пальцы: **стоны отдавались в коридоре и замирали где-то далеко под сводами.**

Только поздно вечером роды стали подходить к концу. Показалась головка, все тело роженицы ста-

ло судорожно сводиться в отчаянных усилиях вытолкнуть из себя ребенка; ребенок, наконец, вышел; он вышел с громадной кровавой опухолью на левой стороне затылка, с изуродованным, длинным черепом. Роженца лежала в забытии, с надорванной промежностью, плавая в крови.

- Роды были легкие и малоинтересные, - сказал ассистент» [1]. Повествователь использует прием вживания читателя в ситуацию, которого потрясут происходящие события: и вид роженцы, и действия ассистента, и его интонация по поводу легких и неинтересных родов. С одной стороны, мы чувствуем авторское видение событий, у которого внутри все кричит, а с другой, - точка зрения ассистента, показывающая черствое отношение врача вследствие выработавшейся привычки. В.В. Вересаев рассказывает о тяжелых случаях, показывая, что ни в медицине, ни в жизни нет ничего простого. Это необходимо для понимания и обдумывания неоднозначных, сложных эпизодов, в равной степени свойственных жизни обычного человека и опытного врача. Автор рассуждает о том, что каждый должен быть готов к любым трудностям, возникающим в профессии и в действительности.

Отличительной чертой текста является смешение типов повествователя «я», «мы», «ты», а также использование обращений к мнимому адресату, в роли которого может одновременно выступать и читатель, и сам повествователь (как разговор с самим собой): «Пришлось бы всю жизнь, все силы положить на это; но ведь обидно и смешно ставить себе это целью жизни. Притом, все равно ничего не достигнешь даже в том случае, если только для этого и жить. Беречься? Да и как беречься? Мы ничего не знаем, отчего происходят рак, саркома, масса нервных страданий... Как ни берегись, а может быть, через год в это время я уже буду лежать, пораженный *retphigo foliaceo...*» [1]. Перед нами философские размышления героя о здоровье и страданиях человека, в которых «я» повествователя открыто обращается и к самому себе, как бы успокаивая свою сущность, заставляя просто жить дальше, и к читателю, пытаясь вовлечь его в процесс размышления. Таким образом, формы личного местоимения второго лица приближают повествование к диалогу двух разных ипостасей «я», перед нами внешний адресат – читатель и внутренний – сам повествователь. Следует заметить, что профессиональное становление героя описывается в формах прошедшего времени. Рассуждения автора о проблемах человека вообще ведется в формах настоящего и будущего времени. Такой способ ведения рассказа подчеркивает значимость для автора и героя событий, происходящих в настоящем времени, а также актуальность философского осмысления проблем и человеческих законов.

По мере развертывания текста читатель чувствует усиление смысловой значимости оппозиции «мы – они», «врачи – больные». Это происходит, с одной стороны, за счет включения в нее следующего особого понятия для героя – **страдания**. В своей жизни большой того периода времени страдал по трем причинам: от болезни, от осознания себя предметом обучения в исследовании его заболевания и от нравственных переживаний при вскрытии трупа близкого человека. Поэтому **страдание** делает из больного жалкого и несчастного человека-жертву, а из врача – «палача». С другой стороны, усиление значимости противопоставления «врачи – больные» происходит вследствие того, что больными мо-

гут быть и женщины, которым также необходим осмотр у специалиста. На рубеже XIX – XX веков врачами были исключительно мужчины, и пациентам-женщинам приходилось постоянно сталкиваться с нравственно-этической проблемой. Размышляя по этому поводу, автор использует различного рода вводные конструкции (*разумеется, кстати сказать, положим, если рассуждать отвлеченно*), цитирует немецкого гинеколога Гофмейера, иллюстрируя свои рассуждения. Более того, он сужает оппозицию «мы – они» до полового соотношения «мужчины – женщины», сравнивая их переживания в схожих ситуациях. Автор предлагает свой вариант решения этических проблем в медицине, по которому даже студентов надо воспринимать как будущих врачей. Однако он обращает особое внимание на этические нормы, нарушаемые докторами при осмотре женщин. «В живых образах дает писатель почувствовать, указывает С. Вржосек, что значит для девушки быть обнаженной перед десятками слушателей» [2]. В.В. Вересаев сожалеет о том, что на данном этапе невозможно изменить отношение к больному. Объединяясь вместе с читателем («мы» - это уже «я и читатель»), повествователь выводит данную проблему на философский уровень, подчеркивая ее противоречивый характер: «существование медицинской школы – школы гуманнейшей из всех наук – немыслимо без попрания самой элементарной гуманности» [4].

Документальное, публицистическое начало в записке позволяет герою размышлять над такими понятиями, как **человек, жизнь и смерть, страдание, опыт**. Это понятия насущны не только для врага, но и для любого человека. Если понятие **страдания** наделяется в записках отрицательным значением, но стоит рядом с таким понятием, как **милосердие**, то понятие **опыта** расширяется и становится эстетической категорией на протяжении всего повествования. Содержание данного понятия укрупняется от начала к концу записок: это и опыт героя-врача, и опыт человека как личности (имеется в виду духовная жизнь), и опыт общества, которое так же, как врач, «учится на людях». Эстетическая категория становится символом улучшения и преображения жизни, когда в процессе записывания фиксируется эволюция взглядов на окружающую действительность, рассматриваются ошибки разных людей. Все это приводит к осмыслению читателем общественного опыта как одной из важнейших ценностей человеческого существования.

Кроме использования непосредственно фактического материала в чистом виде, для произведения характерно и сочетание, переплетение документального материала с художественным. Например, включая в текст научное описание открытия профессора Петреску, повествователь иллюстрирует его изображением лечения больного. Однако в данном случае представляется не только психологический портрет героя, происходит дополнительное усиление восприятия ситуации за счет зрительного образа рецепта, назначение которого, возможно, повлекло за собой смерть старика-штукатура: «Я перечитывал свой рецепт, – и эти восклицательные знаки смотрели на меня задорно и вызывающе, словно говорили: «Да, давать человеку больше шести десятых грамма наперстянки нельзя, если не хочешь отравить его, – а ты назначаешь количество в тринадцать раз более дозволенного!»» [4]. Образ рецепта, его восклицательные знаки, постоянно встающие перед глазами героя, преследуют его,

приводят к выводу о нецелесообразности использования новых средств лечения. В доказательство своих мыслей он приводит историю применения новых средств, которые при испытании оказывались негодными. Так, герой сообщает ужасные подробности использования этих методов лечения, проведенных профессорами Кохером и Колером, последствиями которых становились идиотизм и моментальная смерть.

Следует сказать, что документальная часть записок, отчасти приближающая их к публицистическому произведению, необходима В.В. Вересаеву для того, чтобы, во-первых, создать представление у читателя о научной стороне медицины. Во-вторых, заставить его задуматься над философской проблематикой этой науки, а, в-третьих, с помощью диалога с читателем попытаться осмыслить дуалистичность принципов бытия. Кроме постановки и размышления над такими понятиями, как жизнь и смерть, здоровье и болезнь, страдание и практика, автор начинает говорить о подходах, применяемых к человеку и, следовательно, об опытах, проводимых на людях. В связи с этим возникают новые проблемы в медицине, связанные с риском, смертью больных, признанием и славой врача. Собственные размышления В.В. Вересаева также характеризуются противоречивостью и двойственностью мысли. Например, когда он говорит о необходимости использования только проверенных средств, то приходит к выводу о том, что медицина тогда остановится в своем развитии. Следствием таких многих неоднозначных рассуждений является двойственная природа всего окружающего, к которой человек должен подходить не с учетом только одной точки зрения. Именно разностороннее восприятие жизни и своей профессиональной деятельности делает полноценным существование человека.

Предлагая на суд читателя различные примеры лечения героем людей, следствием которых стала смерть пациентов, постоянно используется прием вживания читателя в ситуацию и отчуждения в определенный момент повествователя из нее для внутренней (монолог) и внешней (проговаривание) беседы с самим собой: «...но, скажем, диагноз болезни я поставил правильно. Мне нужно ее лечить. Какие гарантии дает мне наука в целесообразности и действительности рекомендуемых ею средств?» [4]. Этот момент выговаривания себе и проговаривания своих ошибок приводит к облегчению души и оправданию перед людьми. Понятие «опыта», в содержательном плане трансформируется на протяжении всего произведения и наделяется дополнительной эстетической и этической характеристиками, включающими не только узконаправленные вопросы, касающиеся человека и медицины, но и отражающие процесс взаимодействия человека и общества. В результате медицина вводится в область искусства и рассматривается не только как наука, но как одно из высших творческих начал: «В настоящее время научиться медицине, то есть врачебному искусству, так же невозможно, как научиться поэзии или искусству сценическому» [4]. Вместе с этим дается определение врачу, его сущности, врачу обычному, ordinarily, в котором нуждается общество, не имеющее возможности ждать, когда появится в медицине свой Л.Н. Толстой или Бетховен. Через латинский афоризм: «Primum non nocere» - («Прежде всего не вредить») - происходит философское осмысление

миссии врача, который должен к каждому больному подходить индивидуально, воспринимая его, прежде всего, как личность, а также работать над собой, совершенствоваться и духовно, и профессионально. Это сложная задача, пишет герой, но именно ее постоянное выполнение может помочь медику избежать ошибок и улучшить отношения между больным и врачом.

Следует отметить, что в своих записках автор прямо указывает читателю на то, как он подбирает фактический материал. В частности, исследуя вопрос живосечения, герой опирается на различные лекции и докладывает исторические справки по этому вопросу, делает выдержки из огромного количества цитат и высказываний ученых и прямо говорит читателю, что: «в подстрочном примечании он найдет еще несколько образчиков антививисекционистской литературы; образчики эти взяты мною из новейших английских летучих листов, тысячами распространяемых в народе антививисекционистами» [4]. Следовательно, вновь можно констатировать факт, что перед нами, с одной стороны, хорошо собранный и сделанный реферат по медицинской теме, а с другой, художественное произведение, основанное на документальном материале и наполненное размышлениями, мыслями, сомнениями и поиском решений (это доказывается наличием таких слов: *да, из предыдущих глав моих записок видно, нужно, впрочем, заметить*). Таким образом, авторское повествование, ведущееся от первого лица, постоянно сменяется формой «мы», в роли которого выступают и врачи, и общество, и повествователь вместе с читателем. Перед нами прием полисемантической «мы», за счет которого достигается широкое обобщение - конкретная проблема превращается в масштабную.

Начав свое повествование от первого лица «я», герой его завершает повествованием «мы», в котором звучит голос и автора, и повествователя, и врачей, и всего общества в целом. Таким образом, для данного произведения характерна не только эволюция и становление главного героя от студента до самостоятельного врача, но и становление мыслящего человека, повествователя, от сомневающегося до уверенного в себе, от форм «я» к формам «мы», в процессе которого происходит осмысление основных понятий медицинской науки, которые одновременно становятся и основными категориями бытия.

Библиографический список

1. Вересаев В.В. Записки врача // Вересаев В.В. Записки врача. На японской войне. — М.: Правда, 1986. — 560 с.
2. Вржосек С. Жизнь и творчество В. Вересаева — Л.: Прибой, 1930. — 228 с.
3. Вересаев В.В. Записки врача // Мир Божий, — 1901. — № 1. — С. 152.
4. Вересаев В.В. Записки врача // Вересаев В.В. Собр. соч.: в 5-ти т. — М.: Правда, 1961. Т. 1. — С. 244-424.

БОРОДИНА Мария Анатольевна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, ассистент кафедры исторического языкознания.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.08.06 г.
© Бородина М.А.

АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЧУВСТВЕННОЙ ТКАНИ ОБРАЗА СОЗНАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА РАССКАЗА В.В. НАБОКОВА «КРАСАВИЦА»)

В статье анализируется текстовая репрезентация чувственной ткани образа на материале художественного текста В.В. Набокова «Красавица». В качестве модели описания структуры образа сознания применяется научная модель «психосемиотического тетраэдра», основанная на исследованиях А.Н. Леонтьева и других психологов. Анализируется взаимосвязь между полюсами структуры образа сознания и их взаимовлияние. Изучается доминирование визуальной репрезентативной системы по текстовым маркерам.

Образ в нашем понимании выступает как образ сознания, мысленный образ. Мысленный образ можно определить как сложное, подвижное, многокомпонентное образование, складывающееся из различных составляющих сознания. Это сенсорно-телесные ощущения, цепочка ассоциаций, выстроенных на различных основаниях, - эмоции, абстрактные значения, звуко-словесная ткань слов и т.д. В данном исследовании в качестве модели описания образа сознания мы используем научную модель «психосемиотического тетраэдра структуры образа сознания» к.п.н. Ф.Е. Василюка, где выделяются полюса, между которыми может быть распределена «подвижная плазма образа».

Структура конкретного образа может тяготеть к разным полюсам, каждый раз изменяясь в зависимости от цели и задачи человека, но наиболее частое использование тех или иных полюсов у разных авторов свидетельствует о более стойкой конфигурации структуры образа, а вслед за ним и сознания. Мы обращаем наше внимание на индивидуально-авторский аспект особенностей образа и исследуем образ как ту ткань, в которой происходит жизнь психики и сознания. Чтобы «уловить» невидимый мысленный образ, мы прибегаем к посредству видимого воплощенного образа и используем его как камертон, чтобы понять, что стоит за ним.

Задача лингвиста — проследить, как образ мира, существующий как объективная психическая реальность (Петухов, Артемьева), отражается в речи и языке.

Данное исследование базируется на психологических теориях структуры сознания. А.Н. Леонтьев выделил три основные образующие сознания: личный смысл, значение (культурное), чувственная ткань [1, с. 138, 148].

С точки зрения А.Н. Леонтьева, чувственная ткань всегда есть некое впечатление, т.е. некий чувственный отпечаток предметного мира, порождаемый в процессе практической деятельности с этим миром. Всегда сохраняя свою изначальную предметную отнесенность, чувственная ткань выполняет функцию придания чувства реальности сознательным образам. Эта образующая сознания рассматривает-

ся как «чувственный состав конкретных образов реальности» [1, с. 133], материал, из которого строится перцептивный образ. Однако сам материал не обладает спонтанной активностью и внутренней осмысленностью, он организуется перцептивной деятельностью, которая придает ему форму и разумность.

Целостный человеческий образ осмыслен, но осмысленность, разумность образа вносится в него значениями, а не чувственностью. Значения и чувственная ткань соединяются в образе, но это достаточно внешнее, не взаимопроникающее соединение: «сами по себе значения лишены чувственности» [1, с. 148], а чувственность лишена имманентной осмысленности и значимости.

Согласно теории А.Н. Леонтьева, чувственная ткань:

1) порождается в практическом взаимодействии с внешним предметным миром как непосредственное впечатление от него;

2) она служит материалом, из которого строятся сознательные предметные («значимые») образы;

3) она выполняет функцию «придания реальности сознательной картине мира» [1, с. 134].

Ф.Е. Василюк, развивая теорию А.Н. Леонтьева, выделил составляющие образа: значение, предмет, личный смысл, знак (слово).

Все это «направляющие» образа. Они, будучи представителями мира культуры, внешнего мира, внутреннего мира личности и мира языка в психическом образе, являются своего рода магнитными полюсами образа. В каждый момент силовые линии внутренней динамики образа могут направляться к одному из этих полюсов. Возникающим при этом доминированием одного из динамических измерений создается особый тип образа.

Пятая особая внутренняя составляющая образа — чувственная ткань. В чувственной ткани может быть усмотрено несколько парадоксальное свойство: она является чем-то единым и в то же время вовсе не гомогенным, а достаточно дифференцированным, сгущаясь вблизи полюсов образа и получая здесь сильные, специфические для каждого полюса характеристики. Вдали же от зон сгущения легко предположить наличие интерференций чувственных тканей, идущих от разных полюсов.

Итак, структура образа сознания в теории В.Ф. Василюка представлена следующими составляющими: предмет, которым является единица внешнего мира; значение, представляющее собой единицу мира культуры; слово как единица мира языка; личностный смысл (мотивы, цели, ценности) как единица внутреннего мира личности и чувственная ткань как единица тела, представитель мира человеческого тела в образе сознания, интегрирующий вышеперечисленные миры в целое образа.

Таким образом, можно утверждать, что каждый из узлов образа представляет собой пограничную сущность, одной стороной обращенную к объективной реальности (внешнего мира, внутреннего мира, языка и культуры), а другой — к непосредственной субъективности. Все же вместе эти узлы задают объем, в котором пульсирует и переливается живой образ. В теории В.Ф. Василюка структура образа представлена в виде тетраэдра, объем которого заполнен чувственной тканью, которая живет и движется в этом пространстве образа. «Психосемиотический тетраэдр» - модель образа сознания [2, с. 18].

В различных ситуациях у различных людей один из полюсов структуры становится доминирующим в сознании, следовательно, возникают разные образы. (Может даже возникать «отщепление» - справедливость = справа + длинный [2, с. 19]).

1. Доминирование полюса предмета — образ замыкается на предмете. Реалистическое искусство (особенно натурализм), где наибольшее внимание уделяется предмету как таковому, противопоставлено в этом смысле аллегорическому искусству (предмет — лишь знак идеи).

2. Чувственная ткань предмета. Сознание может быть направлено на предмет, но в то же время сфокусировано не на самом предмете, а на впечатлении от предмета. Например: иголка — «острая», но может быть «колко дотронутая», лампа — «яркая», но может быть «сплит глаза». В первых реакциях в фокусе сознания — объективное свойство предмета, во вторых — чувственная ткань предмета, субъективное впечатление от него. В образах чувственная ткань предметного содержания становится доминантой всего образа сознания. Такие образы уместно называть импрессионными. В самом деле, ведь импрессионизм основан на тяге к предметному миру, художник любит его, стремится «ощутить» его и передать нам это ощущение, а не сам мир в его объективности и отстраненности.

3. Личностный смысл — слово-для-меня. Эгоцентрические образы свойственны, главным образом, лирике и мемуаристике.

4. Эмоция — личностный смысл всегда эмоционален, а эмоция — осмыслена. В других случаях возникает отщепление, но эмоция может доминировать. Такой пример приведен в статье В.Ф. Василюка: в качестве реакции на слово «ревность» испытуемый рисует молнию. Образы с ярким доминированием аффекта можно рассматривать как экспрессивные. Экспрессионизм как направление искусства дает нам возможность увидеть образы культивирования и культурных фиксаций таких состояний сознания, где вся власть отдается идущему из глубины чувству, и весь мир, все внешние предметные формы появляются лишь в той мере и в том виде (обычно сильно искаженном с точки зрения внешней реальности), чтобы передать мятущуюся, ищущую скорее выкрикаться, чем высказаться, страсть. Весь мир становится означающим по

отношению к означаемому чувству. Чувство из окраски, сигнала, оценки превращается в ядро, корень, семя мира.

5. Значение доминирует в научных образах, знаках, аллегориях, притчах, баснях, где вся форма — лишь средство направить в сторону морали, идеи.

6. Чувственная ткань значения представляет собой актуализацию общекультурных или личностных ассоциаций, например: дом — круг — замкнутость.

7. Слово - доминирование этого полюса можно наблюдать в абстрактном искусстве.

8. Чувственная ткань слова (знака) — звуковые ассоциации ассоциируются в поэзии, см. В.В. Набоков «Весна в Физальтре» - ассоциация Ялта/фиалка, и далее — образ Фиалыты.

В данной статье представлена попытка анализа структуры художественного образа как образа сознания на примере рассказа В.В. Набокова «Красавица»

В современной психологии (Петренко В.Ф., Артемьев Е.Ю.) значение понимается как обобщенная идеальная модель объекта в сознании субъекта, отражающая существенные свойства объекта, выделенные в совокупной общественной деятельности. Значение слова «красавица», представленное в словаре С.И. Ожегова, — «человек с красивой внешностью», — отсылает нас к значению слова «красивый» — то есть «*доставляющий наслаждение взору, приятный внешним видом, гармоничностью, стройностью, прекрасной*». [3, с. 303.] Очевидно, что доминирование зрительной модальности заложено уже в названии рассказа, в чувственной ткани значения слова «красавица». Более того, это слово в своем значении содержит оценочный коннотативный компонент, как правило, номинация «красавица» подразумевает положительную оценку говорящего.

В данном рассказе предметный полюс художественного образа «красавица» представляет русская женщина, попадающая вместе с семьей в эмиграцию. Рассказ может быть условно разделен на две части: период благосостояния, напрямую связанный с Россией и молодостью, и период бедной жизни, связанный с эмиграцией и зрелостью. В первой части рассказа индивидуально-авторские составляющие образа главной героини совпадают с общекультурным представлением о красавице, отраженным в значении слова. Чувственная ткань предметного содержания образа тоже представлена с доминированием зрительной модальности и имеет положительную оценку. Личностный смысл «красота» в первой части включает смыслы «благосостояние», «Родина», «беспечность», которые всегда в прозе В.В. Набокова имеют положительную эмоциональную окраску.

«*Ольга Алексеевна, о которой сейчас будет идти речь, родилась в 1900 году в богатой, беспечной, дворянской семье.*»

Повествователь, от лица которого ведется рассказ о жизни героини, Ольги Алексеевны, описывает ее детство, юность и зрелость очень кратко, в основном обращая внимание на ее внешний вид. «... она с детства слыла красавицей; чистота профиля, выражение сложных губ, шелковистость косы, доходившей до спинной владилки, - все это и в самом деле было очаровательно». Более того, употребление наречия «очаровательно» указывает не только на объективную красоту героини, сколько на субъективную положительную оценку ее повествователем.

Как уже было отмечено, в рассказе противопоставлены два периода жизни героини — в России и в эмиграции. В то же время даётся противопоставление смыслов «богатство» и «бедность», а на уровне чувственной ткани эти смыслы связаны с положительными и отрицательными эмоциями соответственно.

В описании периода до эмиграции, в смысл «красота» включаются смыслы «богатство», «беспечность», «Родина», вся жизнь приятна взгляду.

Положительные эмоции вербально выражены не только через непосредственно эмоциональную лексику, но и через лексику зрительной модальности, эмоционально окрашенную:

*«Нарядно, покойно и весело прошло это детство: луч усадебного солнца на обложке *Bibliothèque Rose*, классический иней петербургских скверов».* Повествователь описывает все то, что видимо. Нет противопоставления между внутренним миром героини, ее внешностью и ее окружением. Детство героини имеет светлый фон. На уровне текста это достигается не прилагательными, а существительными, называющими источники света и цвета, например «луч солнца, иней».

Несмотря на явное доминирование зрительной модальности в чувственной ткани образа красавицы, этот образ все же полимодален. Наряду со зрительно-воспринимаемыми характеристиками, в тексте есть и кинестетические, и аудиальные: шелковистость косы (к.), мягкая грудь (к.), свободно говорила по-французски, очень убедительно картавя (ау.), «Хамы», — грудью выпевала она, лениво и ласково (ау.).

Как в большинстве текстов с доминированием зрительной модальности, большое внимание уделяется глазам, поэтому в образе красавицы глаза играют очень важную роль:

«...такими веселыми глазами, что ее все целовали в глаза...», — повествователь дает и собственное мнение, собственную положительную эмоциональную оценку («веселые»), и мнение окружающих — «все целовали».

«... и как сочувственно при этом улыбались ее чистые глаза, с едва заметными веснушками на тонкой сизоватой коже под ними и вокруг них». Прилагательное «чистые» помимо визуальной характеристики содержит еще и оценочный коннотативный компонент, передает положительное отношение говорящего к предмету речи., то же самое можно сказать и о прилагательном «очаровательный»: *«...красавица с очаровательным разрезом широко расставленных глаз...»*

Таким образом, мы можем говорить о том, что в первой части рассказа повествователь «любуется» героиней, ее красота неразрывно связана с богатством и Родиной. Образ красавицы полимодален, но доминирует все же зрительная модальность. На уровне чувственной ткани личностного смысла «красавица» - положительная эмоция, которая выражается общей эмоциональной окрашенностью этого отрезка текста (главным образом, использование эмоционально-окрашенной лексики: весело, очаровательно, лениво и ласково, нарядно; цвета — светлые и солнечные). Таким образом, в данной части текста создается образ жизни-праздника.

Во второй части рассказа образ Родины превращается в утраченный образ, образ-воспоминание: *«запас таких воспоминаний и составил то единственное приданное, которое оказалось у нее при выходе из России весной 1919 года».*

У героини умирает отец и, ей уже тридцать лет, наступает бедность. Предмет образа — прежний, но чувственная ткань полностью изменяется. Впечатление от предмета, переданное через речь повествователя, теперь не совпадает с общекультурным, универсальным впечатлением от красавицы. Она — «все та же красавица...», но «волосы потеряли лоск, были плохо подстрижены, руки с блестящими, но неряшливыми ногтями были в выпуклых жилках и дрожали от нервности...». Эмоциональный фон рассказа резко меняется на отрицательный, неразрывно связанный со смыслами «бедность», «эмиграция»:

«...теперь, когда такая усталость...»;

«...ненависть сделалась столь привычной, что почти перестала быть грехом...».

Появляется лексика, называющая эмоциональные и физические состояния, универсально считающиеся неприятными и оцениваемые отрицательно.

Состояние героини, а возможно и повествователя, выражено по-прежнему с доминированием зрительной модальности, хотя эмоциональная окраска прямо противоположная окраске в первой части рассказа:

«Но вот жизнь потемнела...»;

«...теперь, когда солнце зашло за трубу...»

Световой тон рассказа меняется на темный. Героиня пытается уйти от действительности: *«заставляла себя не думать о подошвах своих башмаков»; «запрещала себе думать сколько уже там задохлала»*

Хотя в сознании героини и остаются положительно-окрашенные эмоции, но они, как правило, связаны с воспоминанием или воображением:

«...воображая себя богатой, вон в том платье, набросанном при помощи трех — четырех наглых линий, на той палубе, под той пальмой, у балюстрады белой террасы...»;

«... запас таких воспоминаний и составил то единственное приданное, которое оказалось у нее при выходе из России весной 1919 г. ...».

В воспоминаниях появляются светлые тона (у белой террасы).

Но в конце рассказа вновь появляется положительный эмоциональный фон. На уровне сюжета это связано со встречей Ольги Алексеевны с «подругой прежних лет» Верочкой и приглашением на встречу с потенциальным мужем. На уровне чувственной ткани образ красавицы совпадает с тем, что мы видим в первой части. Внешность главной героини изменяется, она «переделана», что выражается глаголами с приставкой пере-: *«она была переодета в верочкино платье, перечесана, перекрашена».* Вместе с внешностью меняется ее восприятие окружающего мира. Вновь появляются светлые, яркие цвета, эмоциональный настрой — положительный: *«...как празднично стреляли половицы веселой дачки, как вспыхивали в зеленом плодovém саду висячие зеркала для остротки птиц...»*, *«яркий августовский день»*, *«луна делала гимнастику на белой стене курятника».*

Таким образом, мы можем утверждать, что положительные эмоции в заключении рассказа передаются главным образом через свет, светлые и яркий тона, тогда как отрицательные эмоции выражены через темные цвета и отсутствие света (см. примеры выше).

Приведенные примеры, позволяют нам говорить о доминировании визуальной репрезентативной системы в чувственной ткани образа.

Значение: <i>красавица</i> – человек приятный внешним видом. субъективность(приятный) заключено уже в названии рассказа.	Чувственная ткань значения: общекультурные ассоциации, приятно смотреть, трогать, слушать – полимодальный образ.
Слово: <i>красавица</i>	Чувственная ткань слова: как правило предполагает доминирование в описании зрительной модальности, эмоциональная окрашенность, положительная, как и в чувственной ткани значения.
Личностный смысл: <i>красавица</i> пересекается со смыслами <i>богатство, Родина, семья и бедность, эмиграция, одиночество, уход от действительности</i>	Чувственная ткань личностного смысла, эмоции: в связи с первыми тремя смыслами – положительные, с последними – отрицательные
Предмет: <i>красавица, женщина, главная героиня, Ольга Алексеевна</i>	Чувственная ткань предметного содержания: Ольга Алексеевна остается «все той же», но впечатление о ней меняется на протяжении рассказа (внешний вид, голос).

Наиболее общие выводы представлены в таблице 1.

Таким образом, на примере рассказа В. Набокова «Красавица» мы можем проследить, что чувственная ткань образа меняется, она динамична, хотя значение и предметная отнесенность остаются теми же. Причиной этого является прежде всего личностное осмысление образа и его эмоциональная оценка, и в зависимости от этого меняется наполнение чувственной ткани, предметного содержания образа.

В чувственной ткани образа красавицы на всех полюсах образа доминирует визуальная репрезентативная система.

Библиографический список

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975.

2. Басилак Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии 1993. – № 5. – С. 16–19.

3. Ожегов С.И., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 81 000 слов и фразеологических выражений. – М.: Азбуковник, 1989. – С. 303.

ГАЛКИНА Татьяна Геннадьевна, аспирантка кафедры русского языка.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.08.06 г.
© Галкина Т.Г.

УДК 801

Т. В. ЛЕБЕДЕВА

Омский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ «ДВИЖЕНИЯ НАЗАД» В ЛИРИКЕ А. АХМАТОВОЙ

Маркированность компонента в паре «движение вперед – движение назад». Способы репрезентации данной маркированности в языке и в индустиле А. Ахматовой. Особенности семантической окраски «движения назад» в ахматовской лирике.

В последнее время в лингвистике значительно возросла актуальность проблем, связанных с концептуализацией такого явления, как движение, осмысляемого в качестве «основного свойства, основного признака жизни» [1]. Движение как сложное, многокомпонентное явление предоставляет исследователям широчайшее поле деятельности, и особенно в области когнитивной лингвистики. Ведь «любое, даже простейшее и чисто материальное действие человека имеет духовное основание – намерение, план, внутренний импульс к действию, мотивы и т.д., а действия, объединяющиеся в деятельность, получают даже развернутое концептуальное обоснование – вплоть до морали и нравственности» [1]. Тем более привлекательна работа

именно с этим понятийным комплексом, т.к. движение, являясь разновидностью действия, входит в основной культурный фонд человека. Вокруг него сформировался определенный концептуальный контекст.

В языковой картине мира концепт «движение» характеризуется следующими признаками: способ, среда, общая направленность и характер движения, среди которых главенствующую роль играет признак «характер движения», позволяющий разделять движения поступательные и движения непоступательные. В данной работе нас интересует именно поступательное движение, под которым мы понимаем направленное движение-перемещение (передвижение). В отличие от него непоступательные ти-

шы движения характерны для «существ и предметов, располагающихся каким-либо образом в пространстве и поэтому несвободных в своем движении» [3].

Поступательное движение-перемещение, описываемое с точки зрения движущегося субъекта, может быть квалифицировано как «движение вперед» либо как «движение назад», при этом правый член оппозиции «вперед/назад» в общезыковой картине мира является маркированным.

Маркированность движения назад поддерживается в языковом сознании целым комплексом культурных факторов, основание которых коренится в первичной форме человеческого мышления — мифе, расценивающим противопоставление движения назад движению вперед как частную реализацию «главной оппозиции», т.е. оппозиции положительного и отрицательного. Важной чертой мифологической картины мира является «символическая классификация явлений внешнего мира, строящаяся на двоичном (бинарном) принципе» [4]. При этом все ряды противопоставленных признаков могут быть взаимозаменяемы, так как они являются не чем иным, как более конкретной символизацией «главной оппозиции», «основного противопоставления». «Главным противопоставлением, теснейшим образом связанным с прагматическими целями коллектива, являются различие положительного и отрицательного (благоприятного/неблагоприятного) по отношению к коллективу и человеку» [5].

В мифологической картине мира движение назад получает отрицательную оценку, поскольку оно связано с преодолением отрицательного пространства (пространство, лежащее за спиной человека, по мифологическим представлениям, относится к области Хаоса) и вступает в противоречие с однолинейным движением времени.

В поэтическом идиолекте Ахматовой аналогичная пара противопоставленных друг другу признаков обнаруживает сходные свойства, т.е. движение назад является маркированным членом оппозиции и реализуется в ахматовском идиолекте с помощью набора специализированных языковых средств.

Количественно ситуации движения вперед значительно превосходят противоположные ситуации. В то же время языковая репрезентация движения назад более специализирована. Среди лексических средств особенно частотны члены словообразовательных парадигм глаголов «возвратиться», «вернуться» — около тридцати словоупотреблений: «Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь Пушистый кот...» («Я научилась просто, мудро жить...»); «Сентябрь, печаль и холода, А возвращенье невозможно...» (Последнее письмо); «Муж мой, вернувшись, спокойно сказал...» (Сероглазый король); «И песней я не скличу вас, слезами не верну» («И вот одна осталась я...»). Употребление наречий «назад» и «обратно» представлено в единичных случаях: «О, я была уверена, что ты придешь назад» (Белой ночью); «Вот и иди мне обратно к воротам...» (Что нам разлука? Лихая забава...).

Ахматова отдает предпочтение описательным способом обозначения движения назад. В ряде случаев она использует однокоренное прилагательное к наречию «обратно», которое прямо указывает на вовлеченность субъекта в движение назад: «Боль я знаю нестерпимую, стыд обратного пути...» («Я и плакала и каялась...»). Но чаще указание на движение, обратное предыдущему, заключено не в одной лексеме, а извлекается из целого контекста. При этом ситуация возвращения обнару-

живается по косвенным признакам, среди которых наиболее характерным является идентификация исходного пункта движения: «Я не была здесь лет семьсот, Но ничего не изменилось... Все так же льется Божья милость С непререкаемых высот, И так же ветер носит зерна, И ту же песню мать поет» (Луна в зените. 6).

Однако в ахматовской картине мира движение вперед не противопоставлено движению назад как сугубо положительное сугубо отрицательному. Помимо этого из ряда аномальных, исключительных событий Ахматова переводит движение назад в ряд обыденных и привычных действий: «В ремешках пенал и книги были, Возвращалась я домой из школы» («В ремешках пенал и книги были...»); «Что он? — то с гор возвращается стадо?» («Так отлетают темные души...»). Эффект усиливается за счет сближения обратного движения и движения по кругу. Это сближение стирает негативную оценку, закрепленную за движением назад. В.Н. Топоров неслучайно называет круговое движение «правильным». Круговое движение «профанично, буднично, естественно» [6].

Одновременно с этим отсутствует представление об однолинейности времени. Поскольку круговое движение естественно для всего ахматовского мира и для всех его составляющих, то и время может «возвращаться»: «И если вернется та ночь и к тебе...» (Из цикла «Ташкентские страницы»).

Пространственные характеристики, влияющие на особенности движения назад, нерелевантны для поэтической картины мира Ахматовой. Если контекст содержит указания на пространство, лежащее за спиной движущегося субъекта, то нельзя однозначно классифицировать его как дурное, злое: «И праведник шел за посланником Бога, Огромный и светлый, по черной горе. Но громко жене говорила тревога: Не поздно, ты можешь еще посмотреть. На красные башни родного Содома, На площадь, где пела, на двор, где пряла, На окна пустыне высокого дома, Где милому мужу детей родила. <...> (Логова жена). В данном примере мы, наоборот, можем наблюдать, как по мере описания оставленного позади Содома накапливаются его положительные характеристики, которые для лирической героини связаны с ее привычной будничной жизнью («пела», «пряла»), с родственными отношениями («родной», «детей родила»), с любовью («милому мужу»), с центром ее личного мира — домом. То есть в поэтическом мире Ахматовой отсутствует априорное представление и об «области Хаоса», лежащей за спиной движущегося субъекта.

Чаще всего описание движения по обратному пути вообще отсутствует, и мы не можем судить о характере пространства, преодолеваемом субъектом для достижения исходного. Из этого можно заключить, что в контексте ситуации движения назад (возвращения) для Ахматовой концептуально значимо взаимодействие субъекта не с пространством и временем, а с крайними точками его пути, в связи с чем возвращение, как экстремальная ситуация, является наиболее удобным «механизмом», с помощью которого можно раскрыть психологическую связь субъекта с тем или иным местом. Ситуация возвращения предполагает, что субъект уже определил свое отношение к месту или человеку, в направлении которого он движется, но читателю оно не известно. И вот по мере развития лирического сюжета это отношение и проявляется, и проверяется одновременно.

Как правило, место, вызывающее у субъекта желание вернуться, оценивается им положительно и наоборот: «...Отпустила я на волю В Благовещенье его. Да вернулся голубь сизый...» («Выбрала сама я долю»); «Верно, тот, кого ждешь, не вернется. И последние сроки прошли» («Целый день провела у окошка...»). Передать желание субъекта вернуться или не возвращаться можно и не включая его непосредственно в ситуацию движения назад. Знаками в таком случае служат лексемы, указывающие на движения, связанные с возвращением, такие как «оглянуться», «глядеть назад»: «Этот, уходя не оглянувшись...» (Данте); «Не знали мы, что скоро В тоске предельной поглядим назад» (Тот голос, с тишиной великой споря...); «Все ушли, и никто не вернулся, Только верный обету любви, Мой последний, лишь ты оглянулся...» (Из заветной тетради. 9).

Движение назад в поэтическом мире Ахматовой не концептуализируется как пагубное или как неправильное, то же происходит и с пространством, лежащим за спиной субъекта. Таким образом, члены бинарной оппозиции «вперед/назад» не противопоставлены друг другу как отрицательное и положительное. Однако то, что движение назад и в мифологической, и в языковой картине мира является маркированным членом оппозиции, способствует возникновению у него особого статуса и в поэтической картине мира Ахматовой. Благодаря маркированности движение назад воспринимается носителем языка как специфическая ситуация и в поэтическом тексте, вследствие чего для Ахматовой движение назад является наиболее удобной ситуацией, в контексте которой можно в самом ярком виде выявить мир человеческих отношений (по-

скольку она сразу притягивает к себе внимание читателя).

Для построения собственной поэтической картины мира Ахматова использует существующие в коллективном языковом сознании связи и отношения, нередко подкрепленные и культурной традицией, но при этом она придает им новую концептуальную нагрузку, как в примере с бинарной оппозицией «вперед/назад», функционирование которой в ахматовском поэтическом мире лишь внешне схоже с общечеловеческой картиной мира.

Библиографический список

1. Логический аспект знака Явиев динамического мира. - Дубна, 1999.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. - М., 1997. С. 269.
3. Ибрагимова В.А. Семантика русского глагола. Лексика движения. - Уфа, 1988. - С. 167.
4. Иванов В.В. Бинарные символическая классификация // В.В. Иванов. Избранные труды по семиотике и истории культуры. - М., 1999. - Т.1. - С. 516.
5. Иванов В.В., Телерон В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. - М., 1965. - С. 63.
6. Телерон В.Н. Об одном из парадоксов движения // Концепт движения в языке и культуре. - М., 1996. - С. 23.

ЛЕБЕДЕВА Татьяна Владимировна, ассистент кафедры исторического языкознания филологического факультета

Дата поступления статьи в редакцию: 15.08.06 г.
© Лебедева Т.В.

УДК 17.022-801

О. Г. ЛЕЩИНСКАЯ

Омский государственный университет

ПОЛЕ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ЯЗЫКЕ ГОРОДА

Статья представляет собой краткий обзор лексики зрительного восприятия языка города. Автор обобщает понятия «поля» слова и лексико-семантической группы. В статье анализируются объекты зрительного восприятия.

Ситуация восприятия привлекает внимание психологов и лингвистов. В последние годы в лингвистической науке появилось достаточно большое количество исследований, рассматривающих представление различных сенсорных систем в языке. Ситуация восприятия изучается на разных уровнях языка: лексическом, синтаксическом, словообразовательном. Однако в настоящее время исследователями изучается представление различных сенсорных систем в литературном языке, а также языке художественной литературы. Многие исследования посвящены выявлению ведущей модальности восприятия какого-либо конкретного автора — А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В. Набокова.

Между тем, в современной науке за последние десятилетия возрос интерес к языку города, включающему в себя некодифицированные единицы — разговорные, просторечные, жаргонные и диалектные. Е.А. Земская отмечает: «Язык города является мощным лингвистическим объектом, дающим уникальные материалы для разных отраслей языкознания — социолингвистики, теоретического языкознания, теории коммуникации, прагмалингвистики, а кроме того, и для исследования проблемы «язык и культура»» [2, с. 242].

Предметом данного исследования является лексика зрительного восприятия, используемая в языке города. Выбор предмета обусловлен причинами, названными выше. Здесь мы попытаемся определить

границы семантического поля зрительного восприятия, а также описать его состав и структуру в языке города.

Исследование осуществлено на материале «Словаря современного города» под ред. Б.И. Осипова, а также «Словаря городского просторечия» А.А. Юнаковской.

Термином «поле» принято обозначать «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединённых общностью содержания... и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [4, с. 381]. Таким общим содержанием, объединяющим группу лексических единиц, может быть понятие, тема, ситуация (например, какая-либо сфера человеческой деятельности) и т.д. [3, с. 26, 30].

Мы полагаем, что общим содержанием, объединяющим лексемы внутри поля восприятия, может являться модальность восприятия. Тогда можно говорить о поле зрительного, слухового, тактильного, обонятельного и вкусового восприятия.

Внутри поля зрительного восприятия можно выделить следующие лексико-семантические группы:

1. Лексика, относящаяся к субъекту восприятия.
2. Лексика, характеризующая объект восприятия.

Внутри первой лексико-семантической группы можно выделить:

1. Лексикой, обозначающую процесс восприятия субъектом какого-либо объекта: *глазеть, лупиться, зырить, лялить глаза, уставиться, вылупить зенки, выпучить шары* и др.

2. Лексикой, характеризующую способность субъекта к зрительному восприятию. Данная группа лексических единиц малочисленна. К ней относятся слова, характеризующие хорошо или слабо развитую способность человека к зрительному восприятию. Ср.: *зрячий* – «обладающий хорошим зрением»; *секатый* – «слабовидящий».

С рассмотренной нами группой лексических единиц тесно связаны соматизмы – наименования органов зрения, с помощью которых субъект воспринимает окружающий мир. Просторечная и жаргонная лексика отличаются богатым разнообразием слов, обозначающих органы зрения (в «Словаре современного города» и их насчитывается около 30): *гляделки, бульки, зенки, бибики, буркалы, лупики, лупасики, моргалки, караулки, полты, штифты и т.д.* Объяснить данное явление можно, пожалуй, тем, что с помощью глаз осуществляется не только распознавание каких-либо фрагментов окружающего мира, но и невербальное общение, в процессе которого один из собеседников может получить информацию о чувствах, переживаниях, настроении и эмоциональном состоянии другого. Поэтому часто в ситуациях общения употребляются сочетания типа *лялить буркалы, вылупить зенки* и др.

Кроме лексических единиц, относящихся к субъекту зрительного восприятия, в языке города так же, как и в литературном языке, имеются лексемы, характеризующие объект зрительного восприятия. Среди них можно выделить следующие лексико-семантические группы:

1. Цвет: *ржавый* – «рыжий, цвета ржавчины», *какавый* – «цвет какао», *жабий* – «зелёный».

2. Размер: *гэцэльный, масенький, махолький, огромедный, огромтяущий*.

3. Пространственные характеристики, среди которых выделяются:

А. Положение предмета в пространстве: *влёжку* – «в горизонтальном положении», *висеть* –

«оставаться неподвижным в воздухе долгое время (о птицах, насекомых, самолётах и т.п.)».

Б. Перемещение объекта в пространстве: *шнырять, мотыляться, маячить, мельтешить*.

Отметим, что в литературном языке пространственные характеристики объекта отражены более полно, чем в языке города. В языке города нет лексических единиц типа *стоять, сидеть, справа, слева, близко*. Для обозначения пространственных характеристик используется преимущественно нейтральная общеупотребительная лексика.

4. Эстетическая оценка какого-либо объекта. В данную группу входят лексемы, синонимичные литературным *красивый* и *безобразный*: *баский, красявый, мазёвый, некультяпистый, стрёмный, страшной, страхолюдный*.

5. В литературном языке выделяется лексика со значением формы: *круглый, квадратный, плоский и др.* В языке города данная лексико-семантическая группа не представлена. Подобные слова есть в литературном языке и не нуждаются в синонимах.

В особую группу входят лексические единицы, обозначающие внешность человека. Они могут входить в семантическое поле человек. Но мы будем рассматривать их в поле зрительного восприятия, поскольку они обозначают зрительно воспринимаемые признаки человека: рост, телосложение, ухоженность или неухоженность, внешнюю привлекательность или непривлекательность. Внешний облик человека в языке города характеризуется с помощью лексем типа *амбал, бугай, здоровяк, гылда, жлоб, пигалица, маломерок, живот, жиртрест, булка, глиста, вешалка, доска, плоскодонка и др.*

Итак, мы выделили основные лексико-семантические группы внутри поля зрительного восприятия. Рассмотрим теперь структуру поля, выделим ядро, околоядерную часть и периферию.

Принято считать, что ядром поля являются лексемы, имеющие в своём составе только общий семантический признак, объединяющий все лексические единицы, входящие в состав поля. К периферии поля относят такие слова, которые имеют более сложную семантику, а также различные коннотации. Однако, если говорить о языке города, то критерий наличия коннотаций не подходит для выделения ядра и периферии поля. Мы уже говорили, что данная разновидность языка включает в себя жаргон и просторечие, которые, как отмечено исследователями, имеют свою специфику. С одной стороны, они обладают такими свойствами, как экспрессивность, эмотивность и оценочность. С другой стороны, они могут употребляться в нейтральных контекстах. (Гуц).

Если в состав поля входят лексемы, объединённые между собой одной общей модальностью – модальностью зрительного восприятия – тогда ядром можно считать слова, обозначающие процесс восприятия в чистом виде (*глазеть, зырить, галиться* и др.). Кроме того, ядром поля можно считать соматизмы, поскольку они обозначают органы, без которых процесс восприятия неосуществим.

Внутри поля можно выделить околоядерную часть. Во-первых, околоядерными можно считать лексемы, обозначающие такой процесс восприятия, который осуществляется не ради самого восприятия, а с определённой целью, например, с целью поиска или наблюдения. Осуществление такой цели предполагает процесс, в котором задействованы, кроме зрения, другие психические функции, в частности внимание. Семантику целенаправленности имеют

глагольные лексемы типа: *нюхать* – «искать что-либо, высматривать», *казелить* – «подсматривать за кем-либо, следить», *просекать* – «наблюдать, замечать». Эти и подобные им слова мы будем относить к околядерной части поля, поскольку они имеют более сложную семантику, чем единицы, которые обозначают процесс восприятия в чистом виде.

Во-вторых, околядерными можно считать единицы, которые обозначают зрительно воспринимаемые признаки объекта. Аргументировать данное положение можно тем, что характеристика объекта по каким-либо признакам, например, по признаку размера, сопряжена с процессом восприятия. Характеристика формы, размера или положения объекта в пространстве без восприятия невозможна.

Мы выделили ядро и околядерную часть поля зрительного восприятия. Какие же лексические единицы окажутся на периферии поля?

В языке города так же, как и в литературном языке, слова со значением зрительного восприятия могут выступать в качестве производящей базы для наименований различных явлений действительности. В результате лексической деривации (которая часто осложняется словообразовательной) возникают наименования предметов по зрительно воспринимаемым признакам, а также лексические единицы, обозначающие психические состояния, эмоции, поступки, отношения и др. Ср.: *чёрный* – «представитель кавказской национальности», *чернуха* – «негативный материал в СМИ». Подобные лексические единицы, образованные от слов и основ со значением зрительного восприятия для наименования различных явлений и предметов, оказываются на периферии поля. Они взаимодействуют с другими полями, например, с полем эмоций (Ср.: *мрачно* – «плохо, тоскливо», *пасмурный* – «грустный»).

Итак, мы видим, что в составе поля зрительного восприятия в языке города выделяются те же лекси-

ко-семантические группы, что и в литературном языке. Однако состав и структура поля во многом определяются спецификой некодифицированных единиц. Исследователями отмечено, что они отражают «эмоционально-экспрессивное восприятие мира» и «отмечают отклонения от нормативных параметров явления...» [7, с. 38]. Поэтому в языке города нет специальных единиц, обозначающих такие зрительно воспринимаемые признаки объекта, которые для данного объекта являются нормой и не предполагают эмоционального или оценочного отношения. Нейтральные явления характеризуются с помощью нейтральной лексики, имеющейся в литературном языке.

Библиографический список

1. Гущ В.И. Репрезентация образов сознания подростка некодифицированными языковыми знаками: психолингвистический аспект. – Омск, 2005.
2. Земская Е.А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. Языки славянской культуры. – М., 2004.
3. Кузина О.А. Семантические и ассоциативные поля туриста как отражение фрагментов языкового сознания и языковой картины мира русских, немцев и американцев. – Барнаул, 2006.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
5. Словарь современного города. Под ред. Б.И. Осипова. – Омск
6. Шунаева О.А., Юнаковская А.А. Просторечное слово как объект лингвистического исследования: словообразовательный аспект // Филологический ежегодник. – Вып. 3. – Омск, 2000.
7. Юнаковская А.А. Омское городское просторечие: фразеология. Словарь. – Омск, 2004.

Лещинская Ольга Георгиевна, аспирантка кафедры русского языка.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.08.06 г.
© Лещинская О.Г.

Книжная полка

Чуринов Н.М. *Совершенство и свобода*. 3-е изд., доп. - Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. - 712 с.,

В монографии доказывается, что научное познание развертывается на базе двух основных проектов науки: западного, софистского проекта, следующего принципу свободы (свободы воли) ученого, и восполняющего принцип совершенства Аристотеля альтернативного проекта науки. Каждый проект науки осуществляется в соответствии со своей моделью мира, своей совокупностью стандартов теоретизирования и определенным типом научной рациональности. Вопреки сложившейся традиции противопоставления друг другу коллективистского и индивидуалистического типов общества проводится концепция их различения, раскрывается необходимость изучения каждого типа общества в системе адекватного ему проекта науки.

Автор показывает, что древнерусские теоретики, а также их достойные преемники среди русских ученых последующих поколений, сделали всесторонне обоснованный выбор, защищая и развивая аристотелевские идеалы научного познания.

Книга предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей гуманитарных специальностей, научных работников и всех тех, кто интересуется судьбами современной науки.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ РОДСТВА В НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Статья посвящена проблеме речевого лексико-семантического варьирования слов, называющих родственников. Материалом для анализа послужили записи разговорной речи жителей г. Омска.

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) наименований родства народно-разговорной речи (НРР) имеет определённую структуру. Ядром ЛСГ является собственно система терминов родства, организованная по принципу терминологического поля. Каждый из этих терминов образует или потенциально готов образовать семантическую микро-систему парадигматического характера, члены которой являются стилистически или эмоционально-экспрессивно маркированными синонимами по отношению к этому доминирующему термину (ближайшая периферия). Более далёкую периферию составляют омонимичные ряды, расширение которых происходит путём семантического словообразования. Допустимая вариативность лексических единиц определяется действием принципа коммуникативной необходимости, то есть значимостью той или иной единицы для общения. При этом развитие ЛСГ происходит именно вследствие вариативности. Ф. П. Филин: «Вариативность — одно из важнейших условий развития языка, поскольку через изменение соотношений между вариантами происходят многие сдвиги на всех языковых уровнях» [1].

Вопросы вариантности языковых единиц рассматриваются в работах В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого, О.С. Ахмановой, Ф.П. Филина, Р.П. Рогожниковой, В.Н. Немченко и др., которые различно трактуют понятие вариантов. Основное различие концепций вариантности заключается в признании или непризнании возможности семантического варьирования какой-либо лексической единицы.

Лексико-семантическое варьирование слова определяется как речевое семное варьирование, не изменяющее набор концептуальных и коннотативных сем, оно связано с возможностями коммуникативной конкретизации отдельных сем, реализаций ассоциативных признаков (В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, Э.В. Кузнецова, Л.А. Новиков, И. А. Стернин, А. А. Уфимцева, А. Н. Чудинов).

Семное варьирование — «приспособление значения-компетенции к коммуникативным условиям конкретного речевого акта, выражающееся в образовании тех или иных актуальных смыслов» (И. А. Стернин) [2], иначе говоря, семное варьирование подразумевает актуализацию какого-либо семантического признака при сохранении общей семантической структуры слова (концептуальных и коннотативных сем), следовательно, его языковое лексическое значение остаётся неизменным.

Регулярное семное варьирование существительных со значением родства литературного языка частично рассмотрено в работе Н.В. Багичевой,

предложившей классификацию *моделей семного варьирования*, которые понимаются как «типичное соотношение системного лексического значения слова и его актуального смысла, служащее образцом для речевого варьирования семантики других слов» [3]. При исследовании модели определяется её семантическая база (круг слов, способных к однотипной речевой модификации семантики) и формула семантического преобразования, включающая компонент, объединяющий семантику всех охватываемых моделью слов, и компонент, объединяющий все соответствующие актуальные смыслы. При параллельном акцентировании нескольких семантических признаков выделяют в рамках одной модели *варианты модели*.

Подобную классификацию можно создать и для наименований родства НРР. Актуализироваться в процессе коммуникации могут как основные семы (гиперсемы и дифференциальные семы), так и факультативные, в первую очередь ассоциативного характера. В соответствии с этим модели семного варьирования делятся на следующие группы.

1) Модели с акцентированием обязательного признака («родство», «кровное/некровное родство», «прямое/боковое родство», «пол», «поколение», «родитель/рождённый» и др.).

1) **Актуализация ядра в целом** предполагает такое употребление наименования родства, при котором все компоненты его семной структуры оказываются значимыми; это типовое употребление, которое можно назвать базовым инвариантом: «У меня есть сын, есть дочь, я должен быть с ними», «На сестриной свадьбе меня называли только шурином, и всё», «Нужно иметь двоих детей. Вот я буду и тещей, и свекровью, а у внуков будут если не родные, то уж двоюродные братья и сестры». Часто эта модель в НРР дополняется избыточным определением родной, подчёркивающим актуальность именно таких родственных отношений: «Ну, если уж родной отец против, тогда не поедем», «И это говорит родная жена!».

2) **Актуализация семы «родство»** в чистом виде возможна только у наименований *родственник/родственница*, не дифференцирующих степень родства (так что можно сказать, что у них тоже актуализируется ядро в целом). При таком употреблении важен сам факт наличия родственных связей: «Родственникам нужно помогать». Во всех остальных наименованиях при актуализации семы «родство» одновременно ослабевают дифференцирующие признаки: «Тут звонили. К тебе приехал шурином из деревни. Или деверь? В общем, род-

ственник», «Ты ж мне кум, какое-то родство-то есть, если покопаться!». По такой модели могут употребляться только наименования дальнего родства и свойства. Такой же эффект актуализации гиперсеммы «родство» и ослабления дифференциальных наблюдается в описательных многочисленных наименованиях: «Он мне *двоюродный брат первой жены моего племянника*, или нет, вру — *дядя первой жены*, что ли...».

3) **Актуализация дифференциальных признаков** (одного или нескольких) происходит чаще всего вследствие речевого противопоставления, скрытого или явного, двух наименований, различающихся этими признаками: «Он мне не *отец*, а *отчим*» («кровное родство» — «юридическое родство»); «Какой *отчим*! Он муж матери, а мне никто» («личное родство» — «опосредованное родство»); «Какой у тебя славный малыш! *Сын?* — *Дочь!*» («мужской пол» — «женский пол»); «Этот дом ещё *дед* строил» («предшествующее поколение»), «Пока *невеста*, но уже порядок навела» («будущее партнёрство в браке»). По этой модели могут актуализироваться и семантические признаки, которые отсутствуют в структуре традиционных терминов. «Она ему... *жена* такая, с *хозяйщица*» («зарегистрированный брак» — «незарегистрированный брак»).

Актуализация дифференциальных сем часто сопровождается одновременной актуализацией ассоциативных сем, например, актуализация признака «мужской пол» у слова *сын* часто совмещается с актуализацией признака «наследник», «продолжатель рода», а признака «женский пол» у слова *дочь* с признаком «заботливая»: «*Дочь* рожаешь для себя, а *сына* для людей»; «Роди мне ребёнка. *Сына*, а то фамилия пропадёт».

2. **Модели с акцентированием ассоциативных признаков** («самое дорогое в жизни», «духовная близость», «забота», «взаимозабота», «опека», «защита», «возраст» и т. д.). Например: «Как я уеду? У меня *бабушка*. Куда её?» (актуализируется признак «возраст (пожилой)» и «нуждающийся в заботе»); «Теперь вспомнил, что у него сын, *папаша* хренов» (актуализируется сема в модельном виде «обязанный заботиться» с отрицанием, которое создаётся модификационным суффиксом, контекстом и интонацией); «Он мой *отец*, потому что меня вырастил и выучил, а что гены у него другие — меня не волнует» (актуализируется признак «заботящийся» при нейтрализации признака «кровное/юридическое родство»).

Классификацию моделей варьирования наименований родства в НРР следует дополнить для наименований с модификационными суффиксами, создающими оценку, входящую в лексическое значение как обязательный компонент.

3. **Модели с акцентированием обязательного коннотативного признака** (положительная и отрицательная оценка). При таком употреблении наименований, в семантической структуре которых присутствуют обязательные коннотативные семы, актуализируют иногда именно их. Например: «Ты спроси у бати. — У *пахана*? Он тут не рубит» (отрицательная оценка); «Где *сеструха* твоя? — Моя *сестрёнка* скоро придёт» (положительная оценка, ласковость слова *сестрёнка* в противовес нейтральному для собеседника, но воспринятому как отрицательное, грубое *сеструха*); «*Братик* пока не вырос, я ему был и папа, и мама» (у слова *братик* актуализируются признак «младший возраст» и положительная оценка), сравним: «*Братик* придет

завтра. — У тебя есть младший брат? — Он старший, но я зову его только *братик*» (актуализируется только положительная оценка); «Я на *бабку* не отзываюсь, только на *бабулю!*» (актуализируются в противопоставлении отрицательная и положительная оценка).

Несмотря на то, что при семном варьировании основной набор сем должен сохраняться, возможно выделить модели с нейтрализацией одной из сем дифференцирующего характера. Нейтрализация какой-либо семы означает не полный вывод её из семантической структуры, но лишь перемещение на периферию, поскольку в сознании говорящего этот семантический признак всё же сохраняется, т. е. языковое значение слова остаётся неизменным.

4. **Модели с нейтрализацией одного из дифференциальных признаков.** Нейтрализация дифференциального признака в чистом виде встречается при замещающем употреблении наименований, противопоставленных по одному дифференциальному признаку. Именно этот дифференциальный признак перемещается на периферию семантической структуры.

Нейтрализация дифференциального признака приводит к употреблению термина кровного родства вместо существующего термина свойства: *мать* вместо *свекровь*, *отец* вместо *свёкор*. В быту существует традиция приравнивания свойственного родства к кровно родственному. Это находит отражение в диалектных словарях, но не фиксируется в словарях литературного языка. У слов *мать*, *отец*, *мама*, *папа*, *тятя*, *батя* и т. д. значений «свекровь» и «свёкор» в словарях литературного языка не отмечено. Это явление свойственно только НРР. Сравним:

ТЯТЕНЬКА, - и, м. 1. То же, что тата (отец). - Тятенькой звали отца (Тар. Соуск.). 2. Свёкор. - Мы свёкра звали тятенька, а свекровку — маменька (У.-Иш. Пап.). [СГСП, III, 252] [4]

ТЯТЕНЬКА, - и, м. — Ласк. и уважит. То же, что тятя. См. **ТЯТЯ**, - и, м. Прост. и обл. Отец. — А твой тятя что делал? — Тятя — это кто? — Отец, — али не знаешь? (М. Горький). [МАС, IV, 441] [5]

При этом речь идёт не о возникновении в современной разговорной речи семантических дериватов *мама* (*мамочка* и т. д.) «свекровь», *отец* (*батя*, *папа*, *тятя* и т. д.) «свёкор», а именно о лексико-семантическом варьировании, т. е. семная структура наименования остаётся неизменной, но дифференциальный признак «кровное родство» перемещается на периферию. Дифференциальный признак «родство по браку», находящийся в отношениях дизъюнкции с признаком «кровное родство», не появляется. Т. е. факт кровного родства становится незначимым. Возникает это варьирование вследствие замещающей функции самого денотата по принципу «после перехода в новую семью мать мужа замещает мою родную мать, поэтому её называю *мама*». Таким образом, языковое значение слова *мама* остаётся прежним.

В современном обществе традиция перехода женщины после свадьбы в семью мужа утрачена, т. е. не происходит замещения кровных родственников. Вследствие этого разрушается языковая традиция обращения к родителям мужа *мама* и *папа*, городская молодёжь обычно называет родителей супруга по имени и отчеству. Например, последовательно противопоставляются наименования родства и свойства в высказываниях: «*Свекровь* просит называть её *мама*, а я не могу», «*Свёкор* сердится,

что я его по имени-отчеству зову, говорит: «Как в школе», а я ему: «У меня свой папа есть». В некоторых случаях обращения *мама* и *папа* относятся не только к родителям мужа со стороны невестки, но и к родителям жены со стороны зятя, что не является характерным для патриархальной семьи, и в диалектных словарях значений «тёща» у слова *мама* (*мать*, *мамочка* и т. д.) или «тесть» у слова *отец* (*батя*, *папа*, *тятя* и т. д.) не зафиксировано. Например: «Дима [муж] моей маме говорит: «Вы, мама, не вмешивайтесь, мы разберёмся». А я ему: «Ты чё как в деревне?». Т. е. такое употребление характеризует переходный этап от патриархальной семьи к современной, этап равноудалённости молодой семьи от родителей с той и с другой стороны при сохранении традиционных патриархальных обращений. Сохранение подобных обращений поддерживается существованием особой модели семантического словообразования, при которой термины родства используются как обращения к посторонним людям, не родственникам.

К этой же модели нейтрализации можно отнести употребление слов *отец* вместо *отчим*, *мачеха* вместо *мать*, в которых нейтрализуется признак «родство по брачной связи одного из родителей», по той же причине замещения одного человека другим. Такое употребление также вполне традиционно: «Я его с детства *отцом* зову, пусть и не родной». Отметим, что такое употребление свойственно только при осознании личного родства (чаще при отсутствии кровного родителя, который замещается родственником по браку с другим родителем), в противоположных случаях употребляются *мачеха* / *жена отца* или *отчим* / *муж матери*.

Относительно слов *пасынок* и *падчерица* следует отметить, что они не употребляются в быту вообще, за исключением случаев, когда необходимо подчеркнуть отсутствие кровного родства, т. е. их употребление всегда связано с актуализацией признака «родство по браку с одним из родителей». При отсутствии актуализации такие наименования не нужны, и они последовательно заменяются наименованиями *сын* и *дочь* (или их синонимами) с нейтральным признаком «кровное родство». Аналогично используются термины *сводный брат* / *сводная сестра*, *единокровный*, *единоутробный брат* / *единокровная*, *единоутробная сестра*, противопоставленные терминам (*полнородный брат* / *полнородная сестра*). Приёмные родители в речи всегда называются просто *мамой* и *папой*, а приёмные дети — *сын* и *дочь*, т. е. признак «юридическое / кровное родство» нейтрализуется постоянно, остаётся важным только для документов юридического или медицинского характера.

Нейтрализация дифференциальных признаков с одновременной актуализацией ассоциативного признака встречается у широко употребляемых наименований с такими ассоциативными признаками, которые являются общими для большинства говорящих на данном языке, т. е. практически входят в ядро значения. Например, *мама* и *папа* актуализируют признак «забота» с одновременной нейтрализацией дифференциальных признаков «пол», «свойство родителя», «родство в первом поколении» и т. д. (практически всего ядра): «Братик пока не вырос, я ему был и *папа*, и *мама*». Такое речевое варьирование наиболее близко подходит к семантическому словообразованию.

Дополнительно необходимо рассмотреть два случая, которые также частично относятся к ре-

чевому варьированию на основе нейтрализации дифференциального признака и могут быть определены как «приближение родства».

Во-первых, это традиция употребления терминов кровного родства в пределах терминологии свойства, что является одной из базовых семантических особенностей этих слов. Например, дядя, тётя, дедушка, бабушка, племянник, племянница мужчины называются *дядей*, *тётей*, *дедушкой*, *бабушкой*, племянником, племянницей для его жены, при этом они нуждаются в уточнении «по мужу». Но в НРР чаще всего дифференциальный признак «по мужу» опускается: «Племянница в институт поступила, пока у нас поживёт. — А чего её Верка [сестра первой собеседницы] из дома выгнала? — Другая племянница. Мужа. Из деревни».

Во-вторых, в НРР часто не называется степень родства, т. е. двоюродные (троюродные и т. д.) братья/сёстры, дяди/тёти и племянники называются просто *брат*, *сестра*, *дядя*, *тётя*, *племянник*, *племянница* без уточнения, в каком поколении: «Поехал я в лагерь, а ещё дядька с теткой решили отправить со мной брата, чтоб я за ним смотрел» (опускается признак «во втором поколении»).

Две названные особенности употребления возникают, вероятно, в результате действия принципа экономии речевых средств, поскольку для наименования родственников по мужу/жене и для наименования родственников второго/третьего поколения используют описательные термины. Базовый компонент этого описательного термина остаётся, а остальные, дифференцирующие, опускаются: «племянница по мужу — племянница», «двоюродный брат — брат». Т. о. речь идёт не о лексико-семантическом варьировании наименований племянница или брат, а об омонимии разных терминов племянница и племянница по мужу, брат и двоюродный брат, один из которых представлен в своём основном виде, а другой — в сокращённом вследствие экономии речевых средств варианте. Усечённые варианты описательных терминов родства типа двоюродный брат — брат составляют отдельную группу, в которой формальная вариативность (полный — усечённый вариант) внешне похожа на лексико-семантическое варьирование по модели «приближение родства» типа ЛСВ 1 брат «родной брат» - ЛСВ 2 брат «двоюродный брат», но таковым не является. Безусловно, в усечённых вариантах нейтрализуется семантический признак, заявленный в опущенной части, этот признак перемещается на периферию структуры, может быть при необходимости восстановлен. Семантический признак, находящийся в отношениях дизъюнкции с нейтральным, не возникает, например, у усечённого варианта брат «двоюродный брат», признак «во втором поколении», реализующийся в пропущенной части двоюродный, перемещается на периферию, но признака «в первом поколении», как у термина брат «брат» не появляется. Возникающая омонимия создаёт определённые трудности для восприятия, которые должны быть устранены контекстом. Т. о., полные и усечённые варианты описательных терминов родства с нейтрализацией каких-либо семантических признаков объединяют две стороны варьирования: формальную и лексико-семантическую.

5. Модели с утратой релятивности и со смещением/изменением центра релятивности. Релятивность является неотъемлемым семантическим признаком терминов родства, однако речевое варьирование допускает утрату этого признака,

термин родства в этом случае употребляется как наименование человека, указывающее, что он имеет тех или иных родственников или потенциально может их иметь.

Традиционное лексико-семантическое варьирование, которое можно охарактеризовать как исчезновение релятивности, в русском литературном языке проявляется в устойчивой модели. В словаре литературного языка такое употребление зафиксировано как оттенок значения у двух терминов:

МАТЬ, -ери, ж. 1. Женщина по отношению к рождённым ею детям // Женщина, имеющая или имевшая детей. *Она не так давно стала матерью.* (МАС, II, 238) [5]

ОТЕЦ, отца, м. 1. Мужчина по отношению к своим детям // Мужчина, имеющий или имевший детей. *Он стал отцом.* (МАС, II, 677) [5]

В НРР речи такое употребление частотно и охватывает и другие наименования: *мама, папа, бабушка, дедушка, бабка, дед, реже дядя, тётя, свекровь и тёща.* «Идёт молодая мамочка с коляской», «А молодые отцы лучше б не возмущались, а объединились бы для строительства детской площадки», «Какие внуки? Мне ещё рано становиться бабушкой», «Прикинь я теперь тётя. Сестрица постаралась», «Я буду и свекровью, и тётцей [говорящая имеет сына и дочь, которые когда-либо вступят в брак]».

Утрата релятивности также затрагивает термины *невеста* и *жених*. В словаре зафиксированы оттенки в значении:

НЕВЕСТА, -ы, ж. Девушка или женщина, вступающая в брак, имеющая жениха. // О девушке, женщине, намеревающейся выйти замуж. *Разборчивая невеста.* (МАС, II, 426) [5]

ЖЕНИХ, -а, м. Мужчина, имеющий невесту, будущий муж невесты. // О холостом мужчине, намеревающемся жениться и ищущем невесту. *Видный жених.* (МАС, I, 477) [5]

По сути, эти оттенки значений не что иное, как употребление термина родства безотносительно какого-либо объекта.

Модели со смещением/изменением центра релятивности достаточно часто встречаются в разговорной речи. При таком варьировании релятивность остаётся, но говорящий употребляет наименования родства не относительно себя, а относительно другого объекта, который принимается за точку отсчёта.

Чаще всего такое варьирование возникает в силу детоцентричности современной семьи и затрагивает наименования *мать, отец, бабушка, дедушка* и их синонимы. Например, после рождения ребёнка

родители обращаются друг к другу *папа* и *мама*, хотя папа и мама они для ребёнка, а друг для друга — муж и жена. Приведём пример из рассказа женщины своей подруге: «Наш *папа* [речь идёт о муже] много работает... Он не может ехать с нами». Или муж говорит жене: «*Мама*, ужинать давай! [ребёнка дома нет]». То же касается бабушки и дедушки [ребёнок при разговоре не присутствует]: «Ты, *бабушка*, шевелись, сейчас гости будут»; «Нам сегодня нужно к *дедушке* заехать». Частично это явление зафиксировано в диалектных словарях:

ОТЕЦ, -тца, м. Обращение женщины к мужу, отцу её детей. — *Мама говорит: «Отец, гостей встречай!»* (СГСП, II, 238) [4]

Таким образом, слова-наименования родства, как двусторонние единицы, подвержены не только формальному, но и лексико-семантическому варьированию. Лексико-семантическое варьирование не сводится только к актуализации отдельных концептуальных, коннотативных и ассоциативных сем, но включает также модели нейтрализации некоторых сем (перемещения на периферию структуры) и утраты релятивности. Смещение центра релятивности значения можно рассматривать как специфическую модель лексико-семантического варьирования в НРР. Основной набор сем остаётся в целом неизменным, меняется лишь их значимость, что не нарушает тождества слова.

Библиографический список

1. Филин Ф. П. О слове и варианте слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. — М.-Л.: АН СССР, 1963. — С. 120-121.
2. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1985. — С. 106.
3. Багичева Н. В. Регулярное варьирование семантики существительных, обозначающих отношения родства: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1995. — С. 17.
4. СГСП - Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / Под ред. Г.А. Садретдиновой. — Томск, 1992 — 1993. — Вып. 1 — 3.
5. МАС - Словарь современного русского языка: В 4-х томах / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 1985 - 1988.

НИКОЛЕНКО Ольга Юрьевна, ассистент кафедры истории русского языка и методики его преподавания.

Дата поступления статьи в редакцию: 16.08.06 г.
© Николаенко О.Ю.

Информация

Премия Правительства Российской Федерации 2006 года в области образования присуждена авторскому коллективу Государственного университета управления (Москва) за разработку комплекта учебников, учебных пособий и методических разработок по циклу специальных дисциплин государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования специальности "Управление персоналом": д.э.н., проф., чл.-корр. РАН, президенту ГУУ, засл. деятелю науки РФ Поршневу А.Г.; к.э.н., проф., засл. работнику высшей школы РФ Старостину Ю.А.; д.э.н., проф. Свистунову В. М.; д.э.н., проф., засл. деятелю науки РФ (руководитель авторского коллектива) Кибанову А.Я.; к.э.н., проф., Почетному работнику высшего профессионального образования РФ Баткаевой И.А.; д.э.н., проф. Захарову Д. К.; к.э.н., проф. Ивановской Л. В.; к.э.н., доц., Коновалову В.Г.; д.э.н., проф. Мамед-заде Гасану АЗАД оглы; к.э.н., доц. Митрофановой Е.А.

За создание учебника для образовательных учреждений высшего профессионального образования "Курс социально-экономической статистики" - д.э.н., проф. Ефимовой М.Р.

МЕРНОСТЬ БЫТИЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Статья представляет результаты лингвокультурологического исследования градуального фрагмента картины мира, который включает всю совокупность объектов, имеющих качественно-количественные характеристики. Материалом служат парадигматические ряды, в которые входят лексемы "мера", "мерить", а также фразеологические единицы с этими словами. Сопоставление языковых и научных смыслов, связанных с понятием "мера", выявляет аксиологические особенности наивных представлений.

В русском языке вербализованы представления о неоднородности семантического пространства признака. Это пространство, ограниченное полюсами-оппозитивами, имеет градуальный характер. При восприятии объекта мы одновременно определяем степень проявления каждого из его разнообразных свойств, соотнося воспринятое с существующей в сознании шкалой градации данного качества. Так как, с одной стороны, в мире существует множество объектов, обладающих качественными характеристиками и способных быть измеренными, а с другой, язык располагает значительным репертуаром средств выражения соответствующей семантики, можно говорить о существовании градуального фрагмента языковой картины мира. Одним из ключевых концептов этого фрагмента является концепт меры. Действительно, определить, насколько то или иное качество проявлено в воспринимаемом объекте, возможно только при наличии представлений о некоторых ориентирах измерения. Таким ориентиром и можно считать меру. В настоящей очерке предпринята попытка сформулировать некоторые представления о мере, существующие в русской языковой картине мира, и сопоставить эти представления с тезисами научной картины мира. Эмпирическим материалом исследования являются некоторые парадигматические ряды, включающие слова "мерить", "мера", и фразеологические обороты, содержащие эти лексемы.

Мера

Осмысление понятия меры неоднократно происходило в рамках философских концепций. Так, по Аристотелю, мера — это середина между "слишком много и слишком мало", гармония. Таким образом, мера приобретает положительный аксиологический знак, а несоответствие ей оценивается негативно: и Аристотель, и Платон полагали, что только умеренное (а не безмерное, беспредельное) можно отнести к категории прекрасного. Определяющим принцип меры был и для образа жизни греков: "прекрасна надлежащая мера во всем" [1].

Гегель отмечал универсальный характер меры, которую можно использовать при сопоставлении любых предметов, так как она выражает их абстрактную, одностороннюю общность. Кроме того, именно мера позволяет объекту сохранять сущность: основной функцией меры Гегель считал выражение качественного количества, фиксирующего своеобразие предмета [2].

В современной философии мера рассматривается как определитель свойств и качеств вещей, своеобразия и продуктивности человеческой личности. Что касается современного образа жизни, то он характеризуется действием разнонаправленных тенденций: подчинения мере и её преодоления [2].

Идея меры-гармонии свойственна и поэтическому сознанию. В стихотворении Зинаиды Гиппиус очевидны переключки с философскими концепциями.

Всегда чего-нибудь нет, -
Чего-нибудь слишком много...
На всё как бы есть ответ,
Но без последнего слога.

Свершится ли что — не так,
Некстати, непрочно, зыбко;
И каждый неверен знак,
В решенье каждом ошибка.

Змеится луна в воде, -
Но лжёт, золотясь, дорога...
Ущерб — перехлест везде.
А мера... только у Бога.

Таким образом, мера - а) золотая середина, позволяющая объекту сохранить самое себя; б) универсальный критерий определения сущности объекта; в) аксиологический принцип мировосприятия.

Отражает ли подобные представления о мере русский язык? В толковых словарях русского языка отмечаются следующие значения слова "мера" (производное от "мерить"): 1) единица измерения; 2) предел, в котором осуществляется, проявляется что-нибудь; 3) средство для осуществления чего-либо; 4) русская народная единица ёмкости сыпучих тел. Актуальным для нашего исследования является ЛСВ-2 — "предел, в котором осуществляется, проявляется что-нибудь". С одной стороны, несомненно сходство такого толкования и философского тезиса о мере как об определителе сущности объекта. С другой стороны, заметно, что "мера-2" не маркируется как оценочная лексема, в то время как для философских и поэтических концепций аксиологический аспект является значимым. Однако это противоречие снимается при обращении к фразеологическим единицам, включающим слово "мера". Фразеологические словари фиксируют обороты, которые можно разделить на следующие группы:

• фразеологизмы, в которых отмечается соответствие мере:

В меру — столько, сколько нужно.

В полной мере — вполне.

Знать меру (совесть) — проявлять умеренность в чём-либо, состысливость, скромность.

Чувство меры — понимание должных границ, должной степени в проявлении чего-либо, в каких-либо действиях.

• фразеологизмы, в которых отмечается несоответствие мере:

Без меры — 1) в большом количестве; 2) в сильной степени, безмерно.

Сверх всякой меры, через меру, не в меру — больше, чем нужно.

Названные фразеологизмы выражают оценочное отношение к мере, существующее в русском языковом сознании: *нечто соответствует мере, и это хорошо — нечто не соответствует мере, и это плохо*. Семантический анализ идиом позволяет выявить некоторые ассоциативные смыслы, связываемые в русском языковом сознании с понятием меры.

1. Количественная интерпретация меры.

Обороты "в меру", "в полной мере", с одной стороны, и "сверх всякой меры", "не в меру", "через меру", "без меры", с другой, актуализируют идею количественного характера меры. Мера — это *столько, сколько нужно, не больше и не меньше* (ср. определение Аристотеля). Показательно, что автономия задана значениями "столько, сколько нужно" и "больше, чем нужно", идея недостаточного количества в данном случае не выражена. Важно и то, что обороты типа "сверх меры" имеют отрицательную коннотацию в отличие от многочисленных случаев, когда полюс качества, выражающий большую степень проявления, является средоточием положительных оценок (см.: глупый — умный, некрасивый — красивый и подоб.). Таким образом, формируется особая шкала градации — оценки. Полюсы заданы значениями "мера" — "больше, чем мера", которые одновременно противопоставлены друг другу как плюс минусу. Такая шкала относится к аксиологическому типу: полярные проявления признака связаны отношением "норма - не норма", соответственно, один полюс шкалы символизирует норму, второй - отклонение от неё. Совпадение нормы с положительным полюсом шкалы оценочного обусловлено спецификой идеализированной модели мира, из которой удалены отрицательные явления. Сопоставляя действительность с идеализированными представлениями о ней, человек называет хорошим то, что соответствует идеализированной модели мира, плохим - то, что не соответствует. Таким образом, обыденные, массовые представления о норме базируются не на усреднённом уровне качества, а на положительных величинах: нормально быть добрым, честным, благородным, отзывчивым и проч. [3].

Количественная интерпретация меры заложена и в семантике производных. Так, слова *безмерный* "очень большой, огромный", *чрезмерный* "слишком большой, превосходящий всякую меру", *непомерный* "значительно превышающий меру, чрезвычайный" включают сему "количество", обозначают количественное превосходство над мерой и так же, как и рассмотренные идиомы, тяготеют к отрицательному полюсу шкалы оценок (выражения типа "безмерное счастье", "безмерная любовь" приобретают выразительность именно благодаря некоторой несочетаемости лексем).

Таким образом, мера — это "правильное" количество, которое оценивается позитивно, превышение количественных показателей, напротив, объект негативных оценок.

2. Этическая интерпретация меры.

Обращают на себя внимание идиомы "чувство меры" и "знать меру (совесть)". В структуре значения фразеологизма "чувство меры" значимым является компонент "должное", относящийся к сфере этических смыслов. А. Д. Шмелев трактует долг как "изначально существующий внутренний голос, указывающий человеку, как ему следует поступить", "напоминающий о должном", "высшая инстанция, которая определяет поведение человека" [4]. Понятие долга в этических представлениях носителей русского языка соотносится с понятием совести. Связи "мера — совесть" эксплицирована во фразеологизме "знать меру (совесть)", в котором соответствующие лексемы выступают как вариативные компоненты, что свидетельствует об их близости в бытовой этике. Е. В. Урысон толкует значение слова "совесть" следующим образом: "способность человека оценивать с нравственной точки зрения свои действия, а также мысли и чувства и глубоко переживать, если они не соответствуют нравственным нормам, вследствие чего менять свои действия, мысли и чувства так, чтобы они этим нормам соответствовали". Совесть, следовательно, является органом этической оценки, главным мерило человеческой жизни [5].

Итак, в русской языковой картине мира понятие меры имеет выход в этическую сферу, сближаясь с понятиями долга и совести. Ощущение меры — одна из внутренних нравственно-интеллектуальных способностей человека; достаточное развитие этой способности оценивается в языковом сознании положительно.

Помимо фразеологизмов, обозначающих соответствие — несоответствие мере, в русском языке можно выделить группу единиц, репрезентирующих общие свойства меры:

В меру (по мере) сил — насколько позволяют силы, возможности;

По меньшей мере — не меньше, чем; самое малое;

По мере — соответственно чему-либо, в зависимости от чего-либо;

По мере того как — в соответствии с тем, как; в то время как;

По мере возможности — насколько возможно, по мере сил.

В этих выражениях вербализуются представления о мере-интервале ("по меньшей мере"), о мере-ограничителе ("в меру сил"), о мере-критерии ("по мере").

Рамки, границы, пределы

Слово "мера" входит в синонимический ряд "мера, предел, рамка, граница, грань", объединённый на основании архисемы "крайняя степень проявления чего-нибудь". Обратимся к фразеологическим оборотам, включающим лексемы "предел", "грань", "граница", "рамка".

На грани — о крайнем пределе, за которым начинается, может последовать что-либо другое;

На пределе — в крайней степени напряжения, раздражения;

Выйти за пределы (за границы) — преступить установленные нормы, превысить дозволенное;

Держать себя в рамках — вести себя сдержанно, не позволять себе ничего лишнего.

Фразеологизмы эксплицируют представление о том, что мера — это некая очерченная область, за пределами которой начинаются необратимые качественно-количественные изменения. Аналогичное суждение о мере свойственно и науке: "Мера является интервалом, "рамкой", в которых вещь или система остаются сами собой" [2]. Фразеологизмы можно условно объединить в пары на базе смысла "направленность движения". Так, фразеологизм "держаться в рамках" обозначает нахождение в области меры. Традиционные расширители — лексемы "разумное", "приличие" — содержат рациональную мелиоративную оценку. Идиома "выйти за пределы", напротив, обозначает движение из области меры и, имея те же расширители, используется как средство негативной оценки. Вторую пару составляют идиомы "на пределе" и "на грани", которые на первый взгляд кажутся семантически тождественными, но в действительности представляют взгляд с противоположных позиций, о чём свидетельствует сочетаемость оборотов. Так, фразеологизм "на грани" сочетается со словами "безумие", "война", "фарс" и подоб., которые называют отрицательно оцениваемое отсутствие меры. Фразеологизм "на пределе" регулярно сочетается со словами типа "сила", "возможность", "дозволенное", обозначающими сферу меры.

Итак, в сознании носителей русского языка заложено представление о том, что следует соблюдать меру. Вновь мы видим и количественную, и этическую интерпретацию феномена. В последнем случае можно выявить некоторые смежные понятия — такие, как "правило", "норма", "приличие", "разум", "дозволенное". Такое окружение свидетельствует об интеллектуально-моральной составляющей меры.

Опасности измерения

При выявлении соразмерности объектов могут возникнуть некоторые трудности. Анализ фразеологических единиц с лексемой "мерить" позволяет назвать эти случаи. Заметим, что природа затруднений определяется природой самой меры.

1. Использование недифференцированного критерия.

Ученые отмечают, что меру можно использовать при сопоставлении любых объектов, имеющих некоторые общие параметры. Однако именно это несомненное достоинство меры является в наивном сознании поводом для критики. Рассмотрим группу фразеологизмов, объединённых смыслом "производить оценку без учёта индивидуальных особенностей объекта". К этой группе можно отнести, во-первых, фразеологизмы с глаголом "мерить":

Мерить всех на один аршин — подходить с одинаковыми требованиями, без различий.

Мерить обыкновенным (общим) аршином — рассматривать как рядовое, обычное явление.

Во-вторых, в группу входят синонимичные идиомы, включающие в состав слова со значением "инструмент измерения":

Под один ранжир — поставить в одинаковое положение, зачислить в одну категорию, пренебрегая индивидуальными отличиями.

Стричь под одну гребёнку — уравнивать всех в каком-либо отношении, ставить на один уровень.

Все эти фразеологизмы обозначают одну ситуацию: разные объекты сравниваются, при этом их индивидуальные особенности игнорируются. Результаты подобных измерений оцениваются в русском языковом сознании негативно. Заметим, что для

русской языковой картины мира вообще свойственно негативное отношение к тому, что (а особенно — кто) не выделяется, ничем не отличается от других. Так, для прилагательных синонимического ряда "средний" ("средний", "посредственный", "заурядный", "бесцветный", "серый", "рядовой" и проч.) характерен сдвиг к отрицательному полюсу шкалы оценок. Анализ высказываний о человеке, содержащих субстантивные сочетания с названными прилагательными или синонимичные фразеологизмы, позволил заключить, что обыкновенность, посредственность, заурядность, серость, бесцветность как доминирующие черты морального облика человека и его образа жизни оцениваются в русской культуре негативно [6]. В русской литературе сформировалась традиция при описании среднего человека "обращать обыденное в необычное", то есть переносить акценты со множества нормативных качеств на незаурядные, "подтверждаемые чудачествами и странными привычками" [7]. Таким образом, человек, не отличающийся от других, положительных эмоций не вызывает. В этой связи естественно, что такое измерение, в результате которого у объекта не обнаружено никаких отличительных особенностей, также оценивается негативно. Мерить всех на один аршин и стричь под одну гребёнку — значит видеть только однотипное, однообразное. Такой подход лишает мир ярких — разных — красок, что, несомненно, плохо.

Итак, привлекательное для науки свойство меры служить универсальным средством сравнения в наивной картине мира приобретает иное осмысление. Попытка оценить объекты без учёта их индивидуальных особенностей оценивается негативно. Особенно ярко такое восприятие проявляется в сфере аксиологических смыслов.

2. Использование субъективного критерия.

Процедура градуирования невозможна без такого компонента, как градуирующий субъект. При работе с точными величинами субъект использует меру-этalon, имеющую абсолютно объективный характер. Однако в некоторых случаях точность результатов вызывает сомнения. Суть претензий заключается в том, что мера оказывается чересчур субъективной. Приведём некоторые фразеологические обороты русского языка, описывающие такую ситуацию:

Мерить на свой аршин — судить односторонне, со своей точки зрения.

Смотреть со своей колокольни — судить о чём-либо только со своей узкой, ограниченной точки зрения.

Учёные неоднократно отмечали, что любая шкала градации имеет субъективно-объективный характер. В описанных фразеологизмами случаях компонент "градуирующий субъект" подавляет компонент "градулируемый объект": значимость приобретают не свойства объекта, а позиция субъекта. Оценочные коннотации названных идиом позволяют предположить, что результаты измерения, проведённого с предпочтением субъективного критерия, кажутся носителем русского языка неверными и оцениваются негативно.

Подведём некоторые итоги.

1. Понятие меры актуально как для научного, так и для обыденного сознания. Представления о мере, свойственные русскому языковому сознанию, могут быть извлечены, в частности, из семантики соответствующих лексических и фразеологических единиц.

2. Для русской языковой картины мира характерны количественная и интеллектуально-моральная интерпретация меры. Важно, что в обоих случаях соответствие мере маркируется как некий ценностный ориентир. Понятие меры сближается с понятиями количества, нормы, эталона, правила, предела.

3. В русском языке номинированы различные ситуации градуирования признаков конкретного объекта. Преобладание субъективного начала и безразличие к отличительным признакам объекта оценивается носителями русского языка отрицательно.

Библиографический список

1. Словарь античности. — М., 1989.
2. Кемеров В. Е. Мера // Современный философский словарь. — М., 2004. — С. 382-383.
3. Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте — Дис. ... д. филол. н. — СПб., 1999. — С. 195.
4. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. — М., 2002. — С. 458-459.
5. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. — М., 2003. — С. 34-37.

6. Федяева Н. Д. Языковой образ среднего человека в аспекте когнитивных категорий дуальности, градуальности, оценки, нормы (на лексическом и текстовом материале современного русского языка). — Дис. ... к. филол. н. — Омск, 2003.

7. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М., 1999. — С. 88.

Лексикографические источники:

1. Александрова Э. В. Словарь синонимов русского языка. — М., 2005.
2. Ожегов С. И. Шведило Е. Ю. Словарь русского языка. — М., 2001.
3. Словарь синонимов русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой. — М., 2001.
4. Тихонов А. П. Словообразовательный словарь русского языка: Р 2 т. — М., 2003.
5. Фразеологический словарь русского языка. Сост. А. П. Тихонов, А. Е. Ломов, Л. А. Ломова. — М., 2003.

ФЕДЯЕВА Наталья Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.08.06 г.
© Федяева Н. Д.

УДК 4-53+413.0

Н. Н. ЩЕРБАКОВА

Омский государственный педагогический университет

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С МОДИФИКАЦИОННЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ «ЖЕНСКОСТИ» И СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ В РУССКОМ ПРОСТОРЕЧИИ XVIII ВЕКА

В статье рассматриваются просторечные существительные с модификационными значениями «женскости» и субъективной оценки; устанавливается связь словообразовательной структуры и значения слова; выявляется роль экстралингвистических факторов в развитии деривационных процессов.

Известно, что образование нового слова всегда связано с различными комбинациями изменений лексического и грамматического значения в паре производящее — производное. Исследуя возможные сочетания подобных изменений, Е. С. Кубрякова выделила следующие виды преобразований: 1) чистая транспозиция, при которой не изменяется лексическое значение слова, происходит только изменение части речи (*он приехал — его приезд*); 2) транспозиция, осложнённая изменением лексического значения (*отцовский взгляд*); 3) модификация, при которой часть речи не меняется, но происходит изменение лексического значения (*вата — ватник*); 4) мутация, при которой различие между производящим и производным чисто грамматическое (*лётчик — лётчица*) [1].

Несколько иной подход к термину «модификационное значение» обнаруживается в «Русской грамматике», где два последних преобразования объединены и носят название модификации 2]. При этом существительными с модификационным значением названы слова со значением невзрослости, женскости, подобия, собирательности, единичности, субъективно-оценочной характеристики, стилистической модификации. Представляется, что такой подход к термину более удачен, так как почти во всех этих случаях слова всё же меняют лексическое значение, поскольку соотносятся с разными денотатами. Исключение составляют лишь слова с признаками стилистических изменений, все различия между которыми связаны только со сферой употребления. Однако и в этих случаях денотативное

значение сопровождается появлением коннотации, что также свидетельствует об изменении семантической структуры слова.

Анализ просторечных и простонародных образований, отмеченных источниками XVIII века [3], позволит увидеть, что группа существительных с модификационным значением представлена значительным количеством образований в двух группах слов: это, во-первых, существительные со значением «женскости», и, во-вторых, существительные со значением субъективной оценки. В количественном отношении указанные слова составляют 97 % от общего числа существительных с модификационными значениями. Все остальные случаи (подобия, собирательности, единичности) встречаются реже.

Существительные со значением «женскости» образуются от основ существительных мужского рода, как мотивированных (чаще), так и немотивированных (реже) при помощи нескольких суффиксальных морфем. Наибольшее количество образований связано с такой морфемой, как *-j-*: *грохотун* – *грохотунья* – «кто громко, оглушительно смеётся», *лепетун* – *лепетунья* – «болтунья», *летун* – *летунья* – «кто быстро ходит», *лытун* – *лытунья* – «гуляка», *кропотун* – *кропотунья* – «ворчунья», *мигун* – *мигунья*, *пузан* – *пузанья*, *рыскун* – *рыскунья* – «непоседа», *ревун* – *реву́нья* – «громкоголосая». Нужно отметить, что стилистическая сниженность всех подобных образований наследуется от мотивирующей основы. Если последняя относится к группе нейтральной лексики, то у производного слова никакой сниженной окраски не наблюдается, как, например, в парах *игрун* – *игрунья*, *моргун* – *моргунья*, *попрыгун* – *попрыгунья* и под.

Для образования существительных со значением «женскости» используется и такой суффикс, как *-к(а)*: *баламут* – *баламутка*, *грамотей* – *грамотейка*, *зубоскал* – *зубоскалка*, *колотырь* – *колотырка* – «человек, склонный к разным проискам», *негодяй* – *негодяйка*, *паршивец* – *паршивка* – «кто неопратно ведёт себя», *поганец* – *поганка* – «кто осквернился нечистотою»; *штукарь* – *штукарка* – «выдумщица».

Гораздо реже используются такие морфы, как *-н(я)*: *барич* – *барышня* (с чередованием гласных и согласных звуков) и нулевой суффикс: *ротозей* – *ротозея*, *кум* – *кума*, *барин* – *барыня*.

Особый интерес представляют образования, созданные при помощи суффиксов *-иц(а)*, *-ниц(а)*, *-щиц(а)*: *кляузник*–*кляузница*; *кутейник* – *кутейница* – «о представителях церковного клира, шутил.»; *амурщик* – «любитель ухаживать за женщинами, волокита» – *амурщица* – «кокетка»; *бесстыдник* – *бесстыдница*; *беспутник* – *беспутница*; *греховодник* – *греховодница*; *кормилец* – *кормилица*; *паршивец* – *паршивица*; *смутник* – *смутница* – «клеветница». В словарях XVIII века указанные пары слов фиксируются в одной словарной статье, при этом существительное женского рода всегда подаётся после существительного мужского рода, что свидетельствует о направлении словообразовательного процесса, аналогичного современному: т. е. существительные женского рода воспринимаются как слова, образованные от основ соответствующих существительных мужского рода. Однако обращение к истории данного словообразовательного типа позволяет увидеть, что первоначально не все они создавались от субстантивных основ. Так, Ж. Ж. Варбот [4], рассматривая однокоренные слова склонений на *°о* и *°а*, говорит о наличии следующих парадигма-

тических связей суффиксов: *бивыць* – *бивыца* (от *бити*); *чырныць* – *чырница* (от *чырны*) и т. д. Возвращаясь к перечисленным выше существительным с модификационным значением «женскости», можно увидеть, что образования типа *бесстыдник* – *бесстыдница*; *беспутник* – *беспутница*, *кляузник* – *кляузница*, *кутейник* – *кутейница* вполне могли бы создаваться от зафиксированных словарями адъективных основ *бесстыдный*, *беспутный*, *кляузный*, *кутейный*, а впоследствии произошло изменение их словообразовательных связей. В то же время прилагательных вроде *греховодный*, *кормилый* в языке XVIII века и в более ранние периоды его развития не обнаруживаем, т. е. пары слов *греховодник* – *греховодница*; *кормилец* – *кормилица* иллюстрируют более позднее направление словообразовательного процесса, проявляющееся в словообразовательных цепочках типа: *грех* > *греховодник* > *греховодница*; *корм* > *кормить* > *кормилец* > *кормилица*. Аналогичное явление наблюдается и в паре *амурщик* > *амурщица*, которая является звеном словообразовательной цепочки *амур* > *амурщик* > *амурщица*. Совершенно очевидно, что, если бы не произошло изменений в направлении словообразовательного процесса, оба слова восходили бы к основе существительного *амур*. Поиски причин указанных выше изменений в составе словообразовательных цепочек, по-видимому, не могут исключать такого экстралингвистического фактора, как положение женщины в обществе, восприятие её социальной роли носителями языка. Древние словообразовательные связи показывают, что женщина воспринималась носителем каких-либо качеств наряду с мужчиной. Об этом свидетельствует использование единой мотивирующей основы в образованиях вроде указанных выше *чырнец*, *чырница*. Позже в связи с возникновением представления о женщине как о «ребре Адама» были созданы не только новые словообразовательные цепочки, но и переосмыслены прежние. Так, «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова [5] указанные выше пары слов типа *чернец* – *черница* поданы в следующей цепочке: *черный* > *чернец* > *черница* (т. 2, с. 367), *стыд* > *бесстыдный* > *бесстыдник* > *бесстыдница* (т. 2, с. 190), *путный* > *беспутный* > *беспутник* > *беспутница* (т. 1, с. 847–848) и т. д. В XVIII веке подобное переосмысление было уже свершившимся, установившимся фактом. Нужно сказать, что во многом эти изменения поддерживались и словообразовательными цепочками, содержащими другие суффиксальные морфемы, например, указанные выше *-к(а)*, *-овк(а)*, *-ух(а)* и др., которые исконно использовались для образования существительных женского рода от основ мужского рода.

Аналогичные процессы наблюдаются также в парах слов типа *подлец* > *подлянка*, *паршивец* > *паршивка*, *поганец* > *поганка* – «кто осквернился нечистотою». По-видимому, ранее существительные из указанных пар создавались на базе основ прилагательных *подлый*, *паршивый*, *поганый*.

Таким образом, исследование словообразовательных особенностей в диахронии позволяет заметить некоторые социолингвистические процессы, на первый взгляд совершенно не связанные с грамматическим строем языка.

В языке XVIII века, как и в современном русском языке, наблюдаются существительные, называющие женщину по профессиональной деятельности мужа, реже – по особенностям занятий самой женщины.

Такие существительные образуются при помощи суффикса *-их(а)*: *кузнечиха* - «жена Кузнецова», *купчиха* - «жена купца», *портниха* - «швея». Подобные существительные не имеют в словарях XVIII века никаких помет, в то время как в современном русском языке многие из них имеют ограничения в употреблении, связанные со сниженной стилистической характеристикой. Так, слова *сторожиха*, *старшиниха*, *пономариха*, *швейцариха*, *столяриха*, *старостиха*, *полковничиха* и некоторые другие имеют в словарях современного русского языка помету *прост*. Очевидно, данный факт свидетельствует об оттеснении словообразовательной модели на периферию словообразовательной системы языка. Это обстоятельство усиливается ещё и за счёт того, что значительное количество подобных образований устарело. Кроме того, наблюдаются случаи, когда слово вступало в конкуренцию с другими существительными, имевшими то же значение, но созданными по другим словообразовательным моделям, что для XVIII века было обычным явлением. Так, в языке XVIII столетия наблюдаются такие дублиеты, как *пономариха* - *пономарица*, *полковничиха* - *полковница*. Это также способствовало переходу одного из существительных в стилистически маркированный слой лексики. Однако в случаях, когда подобное существительное не имело дублета, оно вполне могло сохраниться в языке без стилистической сниженности, как это наблюдается, например, в случае с существительным *купчиха*. В то же время упомянутое существительное *кузнечиха* получило с течением времени помету *просторечное*.

Проведённый анализ использования суффикса *-их(а)* показывает, что он, по-видимому, был оттеснён на стилистическую периферию именно в период формирования языка русской нации. Предпочтение при образовании существительных со значением «женскости» стало отдаваться другим суффиксам, например, *-к(а)*, *-иц(а)*. Хотя попытки «реанимации» суффикса предпринимались позже, в начале XX века, когда он стал использоваться для обозначения женщин по профессии. Эта активизация суффикса была вызвана к жизни экстралингвистическими факторами. Н. А. Янко-Триницкая [6] отмечает: «Так велика была потребность и желание назвать утверждающую себя как полноправного гражданина женщину отдельным словом, что оживает и активизируется даже такой суффикс, как *-их(а)*, и с его помощью возникают некоторые слова (которые позже были заменены более удачными либо утратились без всякой замены и без всякого ущерба для языка), например: *наробразиха*, *завнаробразиха*, *старшиха*, *сыпариха*, *токариха*, *члениха*, *нэпачиха*, *шкрябиха*, *шпиониha* и т. п.»

Что касается существительных со значением субъективной оценки, то при их образовании наблюдается гораздо больший набор суффиксальных морфем, при этом большая часть моделей (67%) связана с образованием существительных с уменьшительным значением. С этой целью используются основа существительного и следующие суффиксальные морфемы: *-атк(о)*: *дитя* - *дитятко*; *-ек*: *гайташек* - «гайтан», *круглевик* - *круглевничек* - «монета достоинством в один рубль», *-ец*: *амбарец*, *жбанец*; *-еньк(а)*: *маменька*, *матенька*, *круговица* - *круговелька* - «окружность», *батенька*, *кузовенька* - «плетёная корзина»; *-енц(о)*: *мужиченцо* (ср. *мужик*); *-ик*: *дубчик* - «прут», *жгутик*, *карапузик*, *крыжик*, *кубарик* - «игрушка-волчок»; *-иц(а)*: *вещица* - «о чём-л.

особенно ценном, драгоценности, редкости»; «любопытное событие» (ср. *вещь*); *-к(а)*: *бедняжка*, *беднячекка*, *беляночка*, *взяточка*, *девчоночка*, *детника*, *крошка*, *крошечка*, *лачужка*, *полтиняжка*, *кудряшки*; *-ок*: *барышок*, *вахлячок* - «шишка, желвак, воддырь», «нарост на дереве», *говорок* - «болтун, пустомеля», *грешок*, *мужичок*, *паренёк*; *-онк*, *-оньк*: *глазёнки*, *газёньки*, *девчонка*, *мужичонко*, *клячонка*; *-очк* - : *девочка*, *деточки*, *сер. дочка*; *-ушк*: *бедушка*, *батюшка*, *глазушки*, *девушка*, *детинушка*, *кручднушка*; *-чик*: *жбанчик*, *жгутик*, *зипунчик*, *дворянчик* (ср. *дворянин*).

Обычно значение уменьшительности сопровождается оттенком ласкательности. Однако так бывает не всегда. Так, слова *мотишка*, *мужичонка*, *мужиченко*, *полтиняжка*, *мальчишка*, *детинишка* имеют в словарях XVIII столетия помету *уничжижительное*.

Существует модель, которая в просторечии связана главным образом с образованием существительных уменьшительно-уничжижительного плана, она предполагает использование суффикса *-ишк*: ср.: *ам(п)бар* - *ам(п)барышка* - «старый амбар», *грех* - *грехишки*, *гуня* - *гунишка* - «одежонка», *дети* - *детишки*, *зипун* - *зипунишко*, *любовь* - *любовишка*, *мальчик* - *мальчишка*, *мот* - *мотишка*, *парень* - *парнишка*, *парнишко*, *бутор* - *буторишко* - «домашние вещи, пожитки», *дворянин* - *дворянчишко*.

Значительно реже образуются существительные с увеличительным значением. Для их создания используются суффиксы *-ин(а)*: *мужичина*; *образина* «лицо непригожее, дурное»; *-ищ* - : *болванище*, *барышище*, *глазищи*, *лащица* - «продолговатое пятно на чём-л.», *мастерище* - «великий знаток в чём-л.», *пузо* - *пузище*; *-ыщд(а)*: *гура* - *дурында*.

Просторечный характер указанных образований главным образом наследуется от производящей основы. Лишь в единичных случаях суффикс может несколько изменить степень сниженности слова. Так, слово *бабик* фиксируется с пометой *простонародное*, тогда как существительное *баба*, от основы которого оно образовано, отмечено как *просторечное*. Существительное *батя* отмечается как *простонародное*. Ту же помету сохраняет образование *батенька*, в то же время существительные *батька*, *батько*, *батюшка* отмечены словарями как *просторечные*.

Случаи, когда суффикс создаёт просторечное или простонародное слово от нейтральной основы, тоже нередки: *бедушка*, *глазёнки*, *газёньки*, *глазушки*, *лебёдушка*, *дворянчик*, *дворянчишко*, *детишки*, *деточки*, *мальчишка*, *мальчуга*, *мотишка*, *вещица*, *голодуха*, *девушка*, *девка*, *девуля*, *мотыга* - «мот», *полтиняга*.

Все указанные образования созданы при помощи суффиксальных морфем общеславянского происхождения, которые всегда обнаруживали продуктивность в словообразовательной системе восточнославянских языков. Нужно отметить, что их продуктивность не угасла и доныне, они активно используются в говорах, просторечии, а также в разговорном стиле русского литературного языка. В книжных стилях они не отличаются ни продуктивностью, ни регулярностью, что связано прежде всего с некоторыми особенностями формирования русского литературного языка, в частности с влиянием старославянской, т. е. южнославянской словообразовательной системы, для которой некоторые из указанных морфем (например, суффиксы с элементами *-х(а)*, *-г(а)*) не были

продуктивными [7]. Очевидно это обстоятельство повлияло на дальнейшую стилистическую судьбу суффиксов.

Таким образом, анализируемый материал позволяет увидеть неустойчивое состояние словообразовательной системы: с одной стороны, большая часть суффиксальных образований демонстрирует тесную связь окраски производящей основы и производного слова; с другой стороны, появляются существительные, которые демонстрируют отсутствие подобных совпадений. При этом средством, выражающим оценку, а также показателем отнесения слова к просторечной или простонародной лексике является именно суффикс. Однако нужно отметить, что использование суффиксальной морфемы в указанной функции для XVIII века имеет вид тенденции, формирующейся, складывающейся закономерности. В словарях отмечено немало существительных со значением субъективной оценки, образованных указанными выше морфемами, которые не сопровождаются пометами *просторечное* или *простонародное*: *амбаришка*, *басище*, *верёвочка*, *взяточка*, *витушечка*, *вихорок*, *вихорочек*, *вишенка*, *воришко*, *ворик*, *ворище*, *ворушка*, *воровочка*, *дворишко*, *дворенко*, *дворок*, *дворище*, *мастерище*, *плутишка*, *плутище*, *плутец*, *плутяга*, *серёдочка* и т. д.

Следует также отметить, что среди существительных с модификационным значением немало дублетов, т. е. слов, не имеющих различий ни в значении, ни в окраске: *барышишка* - *барышок*; *бедняжка* - *беднячек*; *белянка* - *беляночка* - «белокурая, белолицая женщина»; *девка* - *девчина* - *девчонка* - *девуля* - *девушка* - *девчонка*; *детинка* - *детинушка* - *детинишка*; *деточки* - *детушки* - *детушки*; *ласица* - *ласина* - «продолговатое пятно»; *лебёдка* - *лебёдушка*; *лепетунья* - *лепетуха*; *мотыга* - *мотишка* - «мот»; *полтиняга* - *полтиняжка*;

паршивица - *паршивка* и т. д. Напомним, что речь идёт о дублетах внутри группы слов со сниженной характеристикой. Если же рассматривать весь словарный состав языка, то количество дублетов неизбежно увеличится. Всё это создаёт базу для последующей стилистической дифференциации лексики, для отбора речевых средств.

Библиографический список

1. Кубрякова Е.С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. - М.: Наука, 1980. - С. 121.
2. Русская грамматика: В 2-х тт. - Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. - М.: Наука, 1982. - С. 200 - 218.
3. Словарь Академии Российской: В 6-ти тт. - СПб.: Имп. Акад. Наук, 1789 - 1784; Словарь русского языка XVIII века / Отв. ред. Ю.А. Сорокин. - М.: Наука, 1984 - 2000. - Вып. 1 - 11.
4. Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. - М.: Наука, 1969. - С. 118-119.
5. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х тт. - М.: Русский язык, 1985.
6. Янко-Триницкая Н.А. Наименование лиц женского пола существительными женского и мужского рода // Развитие словообразования современного русского языка. - М.: Наука, 1966. - С. 180.
7. Леков И. Значение на грамматическите словообразователни и лексикални данни за класификацията на славянските езици, от съвременен гледище // Славянская филология. - М.: АН СССР, 1958. - Вып. 2. - С. 64-98.

ЩЕРБАКОВА Наталья Николаевна, доцент, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой истории русского языка и методики его преподавания.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.08.06 г.
© Щербакова Н.Н.

УДК 801

С. П. ЯЧМЕНЁВА

Филиал Омского государственного педагогического университета в г. Таре

ФУНКЦИИ АРГОТИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (XIX в.)

В статье рассматриваются функции арготизмов в художественных текстах XIX в., описываются экстралингвистические факторы, определяющие функции арготизмов в художественных текстах указанного периода.

Общеизвестно, что литературный язык и язык художественной литературы не тождественные, не взаимозаменяемые понятия. Последний выходит за пределы собственно литературного языка. «Язык художественной литературы со свойственной ему установкой на выражение, — писал В.В. Виноградов, — имеет законное право на деформацию, нарушение общелитературных языковых норм» [1, с. 4]. Словом, то, что признается недопустимым в общем языковом употреблении, в художественной литературе может использоваться как средство высокой выразительности.

«Вопрос о «правильности» языка в художественном тексте (например, о допустимости просторечия, диалектизмов, арготизмов, как и профессионализмов, канцеляризмов и т.п.) просто не важен: для писателя все, что есть в общепрофессиональном языке, — это все средства изображения и выражения, при этом выбор конкретной «краски» диктуется не оглядкой на языковую нормативность, а художественной целесообразностью, эстетической мотивированностью. Как в литературе нет запретных тем, так в языке художественной литературы нет запретных слов» [1, с. 33].

В силу этого писатели часто используют лексические средства, находящиеся за пределами кодифицированного литературного языка, ограниченные рамками какой-либо узкой сферы: территориальной, профессиональной, социальной. Естественно поэтому, что когда писатель обращается к жизни общественного «дна» — преступного субэтмоса, — на страницах его произведений начинают появляться арготические слова и выражения.

Для того, чтобы определить, какие функции выполняют арготизмы в текстовом пространстве художественной речи, а также выяснить, как меняется функциональная нагрузка арготизмов в художественном тексте с 60-х годов XIX века по наши дни, необходимо ответить прежде всего на вопрос: каковы были функции арготизмов в русской литературе в начале указанного периода?

Наблюдения показывают, что можно выделить как минимум четыре функции арготизмов в структуре художественного текста:

1. Арготизмы употребляются писателями для создания колорита изображаемой среды.

2. Арготизмы выступают как речевые черты представителей социальных групп и служат средством речевой характеристики героя, поскольку язык героя во всей его характерности один из основных строительных материалов, используемых художником слова. Именно поэтому он позволяет писателю создать выпуклый психологический и социальный портрет.

Как средство речевой характеристики арготизмы прежде всего представлены в речи отрицательных персонажей. Правда, нужно помнить, что на основе одной арготизации речи трудно создать отрицательный образ. Симпатии/антипатии читателей к тому или иному герою отнюдь не прямо пропорциональны количеству его высказываний и степени концентрации в них лексем арго.

3. Арготизмы используются для выражения отношения (в подавляющем большинстве случаев негативного) к изображаемому — другими словами, являются средством авторской оценки.

4. Арготизмы служат целям создания комического, однако в этой функции употребление арготизмов отмечается только в современной литературе.

Необходимо отметить тот факт, что в художественном тексте функции арготизмов зачастую как бы наслаиваются друг на друга. Подчас один и тот же арготизм является, например, и средством речевой характеристики, и средством создания комического, однако исследовать их можно и обособленно.

Рассмотрим далее функции арготизмов в художественных текстах 60-х годов XIX в.

Выбор начальной границы этого временного отрезка обусловлен тем, что нам не удалось найти более раннего применения арготизмов в художественной литературе. Это обусловлено целым рядом экстралингвистических факторов. Тем не менее, анализ произведений различных периодов, думается, может дать объективные результаты для определения тенденции употребления арготизмов в художественном тексте.

В художественной литературе XIX века арготизмы встречаются лишь в двух произведениях, написанных в 60-е годы, — «Записки из Мертвого дома» (1860—1862 г.г.) Ф.М. Достоевского и «Петербургские трущобы» (1864—1867 г.г.) В.В. Крестовского. В других произведениях этого периода арготизмы, в нашем понимании этого слова, не

употребляются. Мы не случайно добавили в наше понимание, поскольку, если исходить из определения арго как синонима термину «жаргон», то в этом случае можно расширить список текстов для анализа (см. хотя бы «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского, в которых находит отражение бурсадский жаргон).

Написанные приблизительно в одно и то же время и связанные с традицией «физиологического очерка» в литературе, «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского и «Петербургские трущобы» В.В. Крестовского значительно отличаются в плане использования арготизмов.

Ф.М. Достоевский в «Записках из Мертвого дома» арготизмы не использует довольно редко. Говоря о своеобразии данного произведения, А. Лейфер замечает: «Здесь нет ни сюжета, ни вымысла; идет свободное повествование, в котором конкретные картины которые перемежаются с рассуждениями на общие темы, тон из спокойного становится страстно-обличительным. Рисуются нравы тюрьмы, а в то же время чет вполне, казалось бы, возможного в данном случае обилия каторжного жаргона» [2, с. 436]. Мы это связали, прежде всего, с тем, что целеустановкой автора при написании «Записок из Мертвого дома», видимо, было желание сосредоточить внимание читателя на внутреннем мире арестантов, на истоках преступлений, поэтому языковая действительность отодвигается на задний план.

Анализ показывает, что к арготическим образованиям Достоевский прибегает, в основном, в том случае, если для какого-то предмета или явления, свойственного только данной среде, нет соответствующей номинации в литературном языке. Следовательно, арготизмы автор использует в целях заполнения номинационных лакун. Подтверждением сказанного, думается, можно считать тот факт, что употребление автором того или иного арготизма, как правило, сопровождается раскрытием его значения, которое носит по преимуществу описательный характер.

Это можно проиллюстрировать следующими примерами из произведения:

*Кучка гуляк засела в уголку на корточках перед разостланным ковром за карты. Почти в каждой казарме был такой арестант, который держал у себя аршинный хуленький коврик, свечку и до невероятности засаленные, жирные карты. Все это вместе называлось **майдан**.*

*Во всякой казарме по положению был один арестант, выбранный артелью для прислуги в казарме. Он назывался **парашником** и не ходил на работу. Его занятие состояло в наблюдении за чистотой казармы, в мытье и в скоблении нар и полов, в приносе и выносе ночного ушата и в доставлении свежей воды в два ведра — утром для умывания, а днем для питья.*

Кроме того, подобное употребление связано и со стремлением избежать нагромождений в случае обращения в дальнейшем к той же реалии. Так, с приведенными выше словами *майдан* и *парашник* мы сталкиваемся в последующем еще несколько раз, и если бы автор каждый раз пытался обойтись некомпактными в этом отношении средствами литературного языка (описательными конструкциями), это осложнило бы восприятие текста и быстро утомило читателей.

Таким образом, употребляя в ограниченном количестве арготизмы, Достоевский тем самым решает проблему рационального использования языковых средств.

Иные функции арготизмов в произведении В.В. Крестовского «Петербургские труппы».

В.В. Крестовский в рамках художественного произведения пытался детально исследовать и описать все стороны жизни социального «дна», что трудно представить без раскрытия языковых особенностей людей описываемой среды. Всесторонний анализ обуславливает и тематическое разнообразие задействованных автором арготизмов. Отметим и то, что фактический материал В.В. Крестовского значителен по объему и вполне достоверен.

Арготизмы в произведении Крестовского, как удалось заметить, выполняют следующие функции:

1) употребляются для создания колорита изображаемой среды, для более достоверного описания быта и нравов преступников:

Патер и не подозревал, что в сем бренном и грешном мире существуют некие инструменты, «перьями» и «фомками» у мошенников называемые, а в просторечии известные под общепринятым именем отмычек и ломиков, с благодетельной помощью которых всякая дверь растворяется бесшумно и беспрепятственно.

2) выступают как речевые черты представителей преступных групп и служат средством речевой характеристики героя:

- *Значит, скуп наго? — озабоченно спрашивают мазурики, ибо этот вопрос, весьма близко касающийся их сердца и карманных интересов.*

- *Ну и что же ты? Маху не дал!*

- *Еще б те маху! Шмеля срубил да выначил скуржанную лоханку! — самодовольно похваляется мазурик.*

Кроме всего прочего, арготизмы интересуют писателя не только как одно из средств изображения, но и как относительно самостоятельный объект исследования. Безусловно, именно этим можно объяснить обилие используемых автором арготизмов в тексте и развернутых сносок, в которых зачастую не только дается семантика арготизмов, но и размышления писателя об этимологических корнях многих лексем «воровского» жаргона, а в ряде случаев приводятся синонимические ряды, в которые входит арготизм, послуживший основанием для сноски. В подтверждение своих слов приведем несколько примеров из произведения со сносками автора:

Ершовцы же в Александрийском театре не столько искусством артистов пленялись, сколько рыболовному промыслу себя посвящали — «удили камбалы и двуглазым спуску не давали».

Сноска: Камбала — лорнет, двуглазая — бинокль. У некоторых воров, отправляющихся по вечерам в театр с специальной целью — воровать бинокли и лорнеты, промысел этот называется «рыболовным»; причиной этого эпитета, конечно, послужила камбала. Впрочем, можно предположить, что название *рыболовный промысел* не есть общепринятое. Автор, по крайней мере, слышал его только раз и то совершенно случайно — и на этом основывает свое последнее предположение.

- **Амба!** — повторил серьезным тоном чиновник, как бы преисполняясь особенным уважением к той бумаге, которую он держал в руках. — **Амба!**.. так вот как! **В домухе опатрулено.**

Сноска: Амба — убить, собственно означает удар или — еще ближе — то движение, которое делает рука, нанося удар. Под словом амба исключительно подразумевается удар насмерть, наносимый сразу и

с такой силой, чтобы жертва, даже и не вскрикнув, падала мертвою. Собственно же убить — значит приткнуть, зарезать — освежать скотинку (свежилица), освежаем — зарежем. Язык, как видите, довольно образный и выразительный. Домуха — дом; опатрулить — обобрать или вообще обделать подходящее дело в доме, в квартире.

Иногда явно ощущается перегруженность диалогов лексемами арго:

- *Просто, братцы, страсть! Вечор было совсем таки влопался, да спасибо, мазурик со стороны каплюжника дождевиком — тем только и отвертелся! А Гришутка — совсем облопался, поминай как звали! Стал было хрять в другую сторону, да лих, вишь ты, не стремил, опосля так с фараоном справились; а тут стрела подоспела вдогонку — ну и конец! Теперь потеет; гляди, к дяде на поруки попадет, коли хоровод не выручит.*

Нередко и в словах автора наблюдается на сравнительно тесном текстовом пространстве большое скопление арготизмов:

Всем, например, собравшимся в «марушьем углу» мазурикам хорошо известно, что Пров Викулыч занимается спуркой, все они именно собрались сюда не за чем иным, как только пропурить ему натырненное.

Такая плотная концентрация арготизмов в пределах небольшого текстового фрагмента свидетельствует о том, что иногда автор — сознательно или несознательно — использует арготизмы в качестве экспрессивного средства. Это также видно из следующего примера, где соседствуют противопоставленные в стилистическом отношении лексемы:

Пров Викулыч, по всей справедливости, мог носить титул патриарха мазов.

Большинство «труппных» эпизодов Крестовский построил на диалогах. Герои раскрываются через слово. Конечно, существенно, что романист так обильно вводит воровской жаргон. Но, пожалуй, убеждает не столько бытовая, так сказать, этнографическая точность речи того или иного персонажа, а живость интонации, естественность словесного жеста. Объективное очерковое повествование порой плавно переходит в «сказ». Тогда «слышим», как о мире «голодных» рассказывает не сторонний наблюдатель, а один из «них», обитателей трупп.

Итак, как видим, в произведениях XIX века ведущей функцией арготизмов является функция образительная, то есть арготизмы употребляются здесь как предмет изображения (употребляемые кем-то и характеризующие кого-то). Тем не менее, уже в это время намечается использование арготизмов в экспрессивной функции.

Использование арготизмов в указанных функциях обусловлено, вероятно, экстралингвистическими причинами. На наш взгляд, на протяжении времени меняются функции самой литературы, что, в частности, сказывается в предпочтении писателями тех или иных средств. Выбор этих средств, в свою очередь, обусловлен как выбором темы текста, так и аспектом освещения этой темы. Разное время ставит перед литературой различные задачи, это определяется теми идеями, которые владеют умами общества в данный исторический момент. В 60-е гг. XIX в. функция литературы — прежде всего просветительская, воспитательная. Это время характеризуется общим тяготением к синтезу и синкретизму высокого с низким. Не случайно про-

должает господствовать «физиологический» очерк в литературе. Некоторые писатели обратили свой взор в сторону социального «дна». Именно тогда интеллигенция — а это были в основном представители дворянства, поскольку «проницаемость» классов была практически нулевой — заинтересовывается, наконец, не своими внутренними проблемами, а жизнью иных социальных слоев. Социальные низы читающей публикой — той же самой интеллигенцией — воспринимаются как нечто экзотическое. Особый интерес, на наш взгляд, тема эта вызывает ещё и потому, что эта «экзотика» находится здесь, рядом, и чем необычнее — или тяжелее — эта жизнь, протекающая параллельно с жизнью читателя, тем больше стремление узнать о ней расценивается как нечто благородное, возвышенное. Интерес к подробностям жизни «упиженных и оскорбленных» понимается в ту пору как сочувствие к ним. Однако при всей своей демократичности читающая публика не могла быть готова к резкой демократизации языка: это были люди, воспитанные на уважении к норме, не допус-

кающие проявления грубости не только в публичном, но и в личном общении. Вот почему В. Крестовский — и Ф. Достоевский тоже — вынужден вводить аргоизмы в текст с различными оговорками, объяснять читающей аудитории необходимость такого включения. Причин он указывает по крайней мере две: во-первых, стремление к фактологической точности, наиболее адекватной передаче подробностей быта и нравов определённого социального класса, во-вторых, необходимость научного изучения этого пласта лексики.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. — М.: Наука, 1980. — 360 с.
2. Лейфер А.Э. «Воспитание Достоевского» и другие очерки. — Омск, 1996. — 216 с.

Ячменёва Светлана Петровна, старший преподаватель кафедры русского языка.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.08.06 г.
© Ячменёва С.П.

Календарь научных мероприятий

IV Всероссийская научно-практическая конференция PR-технологии в информационном обществе 30-31 марта 2007 года

Организаторы: Федеральное агентство по образованию, Государственная дума Российской Федерации, Центр социально-консервативной политики и Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Рабочий язык конференции: русский.

Тематика

- Public Relations в становлении гражданского общества
- PR в государственных и политических структурах
- Эволюция политических технологий в современной России
- Роль СМИ в формировании информационного пространства России
- Роль средств PR в противодействии проявлениям экстремизма
- Теория и практика современных социальных технологий
- Коммуникации в информационном обществе
- PR в информационном и технологическом бизнесе
- Корпоративные коммуникации и корпоративная культура
- Формирование коммуникативной компетентности PR-специалистов
- Репутационный менеджмент. Брэнддинг: российская специфика
- PR в Интернете
- Политический PR в сети Интернет
- Взаимодействие онлайн и оффлайн PR-кампаний

Формат конференции предусматривает пленарное заседание, «круглые столы», лекции и мастер-классы. К открытию конференции планируется издание сборника материалов. Участие в конференции бесплатное. Электронная версия сборника материалов будет размещена на сайте конференции в свободном доступе.

Материалы к публикации принимаются до 15 января 2007 г.

Узнать всё о требованиях к оформлению материалов и заполнить форму заявки участника можно на нашем сайте <http://www.prpro.spb.ru/prconf/>

Адрес: 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, СПбГПУ, Главное здание, Гуманитарный факультет, кафедра политологии, помещение 206. Тел / факс: (812) 591 65 33 <http://www.prpro.spb.ru/prconf>
e-mail: paulow@prpro.spb.ru

РЕЧЕВАЯ СПЕЦИФИКА ЖАНРОВ

УДК 801

Е. А. АБРОСИМОВА

Омский государственный университет

БАРДОВСКАЯ ПЕСНЯ В КОНТЕКСТЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПЕСЕННЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

В данной статье фрагменты картины мира бардовской песни рассматриваются в сравнении с фрагментами картин мира других противопоставленных официальной идеологии песенных жанров; делаются выводы о том, что при сходстве моделей мира протестных жанров система ценностей, воплощенная в авторской песне, отличается большей целостностью и гармоничностью.

Тоталитарный язык, будучи выражением советской идеологии, как известно, породил множество вариантов «языковой самообороны» (А. Вежбицка). При этом, как показала история, наибольший резонанс нашли не злободневные тексты, в которых явно и резко критиковался советский режим, а так называемые альтернативные, выражающие скрытый протест, предлагающие иную систему ценностей. Одним из таких особенно полюбившихся людям «протестных» жанров стала бардовская песня. Появившись в 60-е годы (во времена хрущевской «оттепели»), она, как отмечают исследователи, получила всеобщее признание и массовую популярность [1].

При этом, как известно, бардовская песня далеко не единственное альтернативное песенное направление, существовавшее во время тоталитарного строя: так, одновременно с ней широкое распространение получили блатные и рок-песни. Особый интерес носителей протестного сознания к песенным жанрам, по-видимому, объясняется двумя

причинами: во-первых, песня традиционно является удобной формой воздействия, доступной массовой аудитории [2], а во-вторых, именно песенный жанр - официальная массовая песня - стал одним из основных символов советского строя, так как сконцентрировал в себе все основные черты идеологии [3]. Поэтому неудивительно, что во времена хрущевской «оттепели» оппозицию советской массовой песне составили сразу несколько песенных направлений, образовав своеобразный протестный песенный дискурс.

Как нам кажется, среди других альтернативных направлений бардовская песня осталась наиболее востребованной и до настоящего времени, хотя в ней практически отсутствуют такие типичные средства привлечения внимания, как запретные темы, театрализованное шоу, костюмы, особая техника и интонация исполнения, а также необычный язык (сложные метафоры, бранные выражения, неожиданное деление на строфы).

Почему же, несмотря на то что бардовская песня не располагает арсеналом воздействия массовых видов искусств (которым во многом обладают рок-искусство и блатная песня), она получила такую популярность в эпоху «оттепели»? Ответ на этот вопрос, по-видимому, следует искать не столько в прагматике, сколько в семантике жанра, в содержании, выражаемом бардовской песней.

Как известно, исследование системы ценностей, лежащих в основе произведения, в лингвистических работах традиционно связано с описанием поэтической картины мира [4]. **Языковая картина мира** определяется лингвистами как совокупность мировоззренческих установок, знаний о мире [5]. В работах Е.С. Яковлевой (1994), Н.В. Черемисиной (1995), Н.А. Кузьминой (1999), З.И. Резановой (2002) отмечается множественность моделей мира, коррелирующая с множеством типов языковой личности.

Поэтическая картина мира понимается нами как «поэтическая альтернатива миру действительному, физическому, это образ мира, смоделированный сквозь призму сознания художника как результат его духовной активности» [6].

На наш взгляд, специфика поэтической картины мира бардовской песни более явно может быть определена в сравнении с другими альтернативными жанрами — блатной песней и рок-поэзией. При этом в качестве символа тоталитарного мироустройства, оппозицию которому составили перечисленные песенные направления, рассматривается советская массовая песня.

Для анализа были взяты такие основополагающие, базовые категории модели мира, как **пространство, время и персонаж**.

При сопоставлении **пространственно-временной организации протестных жанров** становится очевидным **оппозитивное устройство** хронотопов.

Так, в **бардовской песне** представлено два мира, противополоственных друг другу, как полюсы. Конституирующий признак **мира**, — **чужое**. Мир, несет отрицательный заряд; это обычное, «официальное» место нахождения героя, те место и время, которые героя не устраивают, но в которых по разным причинам он вынужден существовать: *черные города* (Ю. Визбор), *городов асфальтовые страны* (А. Городницкий). Второй мир (**мир₂**) — полная противоположность первому. В нем герой ощущает себя счастливым, туда он постоянно стремится: *я сердце оставил в Фанских горах...где гребень высок, где багряные скалы* (Ю. Визбор); *в потоках льющейся воды я чувствую родство такое и столько свежего покоя, что знаю — вот мой поводырь* (Е. Клячкин).

Пространственно-временную организацию **блатной песни**, на наш взгляд, можно представить в виде **трех топосов**, два из которых могут быть отнесены к «своему» для героя (**родительский дом, дом любимой женщины**): *А где-то, за галью щемящей, / Девчонка в общаге осталась* (Народная) и **место увеселения: пантовый ресторан, где гуляют урки** (Народная), а один — **место заключения**: *Колыма* (Лесоповал), *Воркута* (Народная), *Север* (Народная) — к «чужому».

В картине мира **рок-песен** можно выделить **два пространственно-временных измерения**: **мир, «свой» для героя**, но недостижимый, как правило, соотношенный с прошедшим временем: *туда, где все легко, туда, где все молча* (Аквариум); *где-то в забытых странах / Цветут на лесных полянах / Цветы твоих ушедших весен* (Воскресенье) и «чужой» мир, не

имеющий четкой временной характеристики: *твое жилище — проклятый дом* (Крематорий), *В джунглях кирпичных смотреть надо в оба, / Чтоб кто-то случайно тебя не смолот* (Пикник).

В картине мира **советской песни** существует лишь «свое» пространство и время при отсутствии «чужого»: *Цветут луга, шумят колосья хлеба, / И все для нас растет страна моя* (Как высоко над нами наше небо! (Сл. С. Михалкова, муз. И. Ковнера), *Здесь все для нас цветет* (Гимн Москве (сл. А. Коваленкова, муз. В. Мурадели).

Говоря о прототипических моделях мира рассматриваемых жанров, можно сделать вывод о том, что в картине мира бардовской песни представлена **циклическая модель времени** (миры сменяют друг друга вместе со сменой природных циклов — сезонов, времени суток): *Зима, зима, снега, ветра. / И, значит, завтра в путь пора, / Не потому, что снег кружит, / А потому, что лед бежит* (А. Крупп). В блатной песне — **линейная модель времени** (герой последовательно оказывается в разных топосах): *ушел из дома...по бульварам шумных городов* (Народная). В картине мира рок-песни отражена модель времени, сходная с **библейской** (время делится на то, которое было «до потопа» и «после потопа»); герой живет в новом, «чужом» времени, а «свое» безвозвратно разрушено, потеряно: *фрегат твоей мечты раздавили льды давным-давно, песочный город, построенный мной, давным-давно смыт волной* (Крематорий). В картине мира советской песни, по-видимому, находит свое выражение типичная для тоталитарного текста марксовская модель развития истории и общества «**по спирали**»: один «рай» сменяет другой, повторяя его в более совершенном виде, поэтому герои советской песни ждут нового «витка», готовятся к «светлому будущему»: *будет людям счастье, счастье на века; солнце жизни новой на земле зажжем* (Марш коммунистических бригад, сл. А. Харитонова, муз. А. Новикова).

Таким образом, модели мира альтернативных жанров основаны на древних мифологических системах, построенных на оппозициях, тогда как хронотоп советской песни демонстрирует отсутствие противопоставлений и, по-видимому, восходит к более поздним представлениям о пространстве и времени.

Персонажи протестных жанров также имеют общие черты: блатная, рок и бардовская песни характеризуются представлением о «**своих**» и «**чужих**» героях.

В **бардовской песне**, по нашему наблюдению, образы «**своих**» персонажей, с одной стороны, воплощают идею любви, единения с близкими друзьями: *кто-то очень близкий тебе тихонько скажет: / Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались* (О. Митяев), а с другой — отражают особенность человека (создается образ героя-чудака): *Вот идет по свету человек-чудак, / Сам себе печально улыбаясь. / В голове его какой-нибудь пустык, / С сердцем, видно, что-нибудь не так* (В. Милаев). Образы «**чужих**» персонажей, ассоциированные с миром, воплощают идею отсутствия индивидуальности: *Люди сосланы делами, люди едут за деньгами* (Ю. Кукин).

В **блатной песне** «свои» герои — это, как правило, преступники и их страдающие родственники: *веселая шпана не скучает никогда; на погоду нам чихать, / И пойдем по переулкам приключения искать* (Лесоповал), *С протянутой рукой у папер-*

ти стояла, грожа от холода в лохмотьях без пальто. ... А мать больная в неопленном подвале. Болит у матери истерзанная грудь. (Народная). «Чужие» персонажи блатной песни – представители власти (охранники, судьи, прокуроры): *строгий надзиратель* (Народная), *озверевший чекист* (Народная), *старшинский крик и мат* (Народная).

Герои **рок-поэзии** практически всегда находятся в состоянии борьбы с «чужим» миром: *Мы вырвем столбы, мы отменим границы* (Крематорий). Маркерами этого «чужого» мира являются персонажи, типаж которых объединены признаками **уродство и агрессия, насилие**: *так и лезут в глаза исключительные уроды* (Воскресенье), *ко мне подходят люди с намерением разбить мне нос* (Аквариум).

Герои **советской массовой песни** - это всегда «свои» герои: *народ ликует и поет* (Родина любимая моя (сл. А. Достала, муз. С. Туликова), *дорогой смелых, дорогой отважных / Мы вместе с тобою, мой друг, полетим* (Мечты юных космонавтов (сл. В.Крючкова, муз. В.Локтева).

При этом герой **бардовской песни** имеет цель, к которой он движется, преодолевая испытания, и может осуществить переход из мира₁ в мир₂ по собственной воле в соответствии с природными циклами: *Вот якорь поднят, птиц звенящий караван / в который раз меня зовет и манит, / И ухажу я в беспредельный океан, / Растаяв тенью в утреннем тумане* (Ю. Кукин). В **блатной песне** герой не управляет собой, он переносится из топоса в топос не по своей воле, а **по воле случая**: *меня засосала тюремная тряпина* (Народная). Герой **рок-поэзии** также более динамичен, чем в бардовской песне: он предпринимает **активные действия**, чтобы преодолеть не устраивающие его место и время, хотя осознает, что это невозможно: *Он пробовал на прочность этот мир каждый миг – / Мир оказался прочней* (Машина Времени). Цель героя **советской массовой песни** – абстрактное, идеальное будущее, на пути к которому практически **нет преград**: *все добудем, поймем и откроем* (Марш веселых ребят (сл. Лебедева-Кумача, муз. И.Дунаевского).

Таким образом, в картинах мира исследованных жанров существуют «свои» и «чужие» герои, пространство и время. Бардовская, блатная песни и рок-поэзия предлагают альтернативные тоталитарному мироустройству ценности: тихое единение в кругу близких друзей (*И кто-то очень близкий тебе тихонько скажет: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались»*), веселая разгульная жизнь (*Пройдемся по Арбату, заглянем в кабаки; А по ночам Таганка и Тверская, гостиница «Россия», «Интурист»*), рефлексия о разрушенной мечте (*Фрегат твоей мечты раздавили льды давным-давно*). Однако тот факт, что четкое обозначение категорий «своего» и «чужого», собственно, и является основным признаком любого протестного текста, очевиден и вряд ли требует особых доказательств.

На наш взгляд, интересно другое: при сходном устройстве картин мира рассмотренных жанров бардовская песня при этом лишена внешних средств привлечения внимания и воздействия, которыми обладают блатная и рок-песни, однако по своей популярности она не уступает другим альтернативным текстам.

Нам представляется, что система ценностей, воплощенная в поэтическом мире авторской песни, отличается большей целостностью и гармоничностью. Ведь по своей сути бардовская песня о

простых человеческих истинах: в отличие от рока и блатной песни в ней нет нарушения извечных оппозиций добра и зла. Так, в рок-поэзии и блатной песне присутствуют, например, образы таких «своих» героев, как преступник, убийца, самоубийца, демолический персонаж: *я весь забрызган кровью, я атаман разбойничьей семьи* (Народная); *я тоже когда-то был самоубийцей, я тоже лежал в окровавленной ванне* (Агата Кристи). Эти герои, по-видимому, не могут быть восприняты массовым сознанием как символы «своего»: как известно, фольклорно-литературная традиция соотносит со «своим» исконно положительные понятия - добро, красоту, счастье. Герои бардовской песни - верные искренние друзья и добрые чудаки: *В нашей связке друзья и любимые... / и разрезать нет сил нам самим ее* (А. Крупп), *я – старый волшебник из доброй, но маленькой сказки. / Мне трудно работать в столице обмана и зла* (И. Жук).

При этом бардовская песня практически всегда оптимистична (*тебя спасут твои друзья, со мной не пропадешь*), чего не скажешь о других рассмотренных направлениях (*убили парня молодого, я тоже лежал в окровавленной ванне*). Бардовская песня творит свой, особый миф, в котором «идеальное» место достижимо, так как находится в реальном мире (*Кольский полуостров, Домбай*), а «идеальное» время наступает в соответствии с циклами природы (*весна, лето*). В блатной песне, как говорилось выше, герой не управляет собой, подчиняясь судьбе, а в рок-поэзии «свой» мир безвозвратно потерян.

Характерной чертой картины мира бардовской песни, по нашему наблюдению, является также эвфемистическое неназывание отрицательного. Так, «свои» персонажи часто называются по имени (*Сергея Санин, Герга*), а «идеальный» мир обозначается как конкретное географическое место (*Домбай, Эверест*), тогда как номинации «чужого» встречаются гораздо реже. В рок-песнях ситуация обратная: гораздо больше обозначений получает враждебный, негативный для героя мир. Поэтический мир блатной песни может быть представлен как своеобразная борьба «своих» и «чужих», в которой нет явного победителя.

По-видимому, традиционное, общепринятое понимание добра и зла, отраженное в картине мира бардовской песни, все же оказывает большее влияние на адресата, чем стереотипные внешние средства воздействия других альтернативных жанров при искаженных вечных ценностях.

Библиографический список

1. Лорес Ю. Место авторской песни в системе искусств 2000, http://www.ksp-msk.ru/page_38.html.
2. Норман Б.Ю. Лингвистика каждого дня. М., 2004.
3. Гюнтер Х. Поющая Родина (Советская массовая песня как выражение архетипа матери) // Вопросы литературы, 1997, №4. С. 47-61.
4. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
5. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М., 1994.
6. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург – Омск, 1999.

АБРОСИМОВА Екатерина Алексеевна, аспирант кафедры стилистики и языка массовых коммуникаций филологического университета.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.08.06 г.
© Абросимова Е.А.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВРАЧЕЙ - УЧАСТНИКОВ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ПРОГРАММ

Статья посвящена коммуникативным стратегиям участников медицинских научно-популярных программ. Репертуар коммуникативных стратегий определяется прагматической целью общения: убедить целевую аудиторию в необходимости сохранять здоровье и вести здоровый образ жизни.

Речевое воздействие — это воздействие на человека при помощи речи и сопровождающие речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели. При вербальном воздействии важно, в какой форме выражается мысль, в «каких словах», в какой последовательности приводятся те или иные факты. Для вербального речевого воздействия существенны как выбор языковых средств, так и, естественно, само содержание речи — ее смысл, приводимая аргументация, расположение элементов текста относительно друг друга, использование приемов речевого воздействия.

Правильно построенное речевое воздействие обеспечивает эффективность общения. Эффективное речевое воздействие — такое, которое позволяет говорящему достичь поставленной цели и сохранить баланс отношений с собеседником (коммуникативное равновесие), т. е. остаться с ним в нормальных отношениях. Эффективное вербальное речевое воздействие предполагает адекватное использование правил и приемов общения с учетом того, с какими собеседниками, в каких коммуникативных ситуациях ведется общение, какова цель общения в данном случае. Задача речевого воздействия заключается в изменении поведения или мнения собеседника либо собеседников в необходимом говорящему направлении. По мнению И. А. Стернина, существуют следующие основные способы речевого воздействия: доказывание, убеждение, уговаривание, кляпчение, внушение, просьба, приказ, принуждение. [1:10-12]

Как известно, текст создается ради того, чтобы объективировать мысль автора, воплотить его творческий замысел, передать знания и представления о человеке и мире, вынести эти представления за пределы авторского сознания и сделать их достоянием других людей. Важнейшими составляющими структуры речемыслительной деятельности наряду с текстом являются автор (адресант текста), читатель (адресат), сама отображаемая действительность, знания о которой передаются в тексте, и языковая система, из которой автор выбирает языковые средства, позволяющие ему адекватно воплотить свой творческий замысел. Данное исследование проводится в русле прагматического направления изучения текста в рамках антропоцентрического подхода, где текст рассматривается как сложный речевой акт, который осуществляется с определенными интенциями.

Цель работы — проследить, каким образом осуществляется речевое воздействие в медицинском дискурсе в СМИ.

Предметом исследования являются коммуникативные стратегии в дискурсе медицинских работников - участников научно-популярных программ.

Выбор адресантом речевого сообщения языковых средств с их речевыми потенциями, акцентов и оттенков в их использовании служит инструментом воздействия на адресата.

Тексты с элементами медицинского дискурса могут иметь самую широкую зрительскую аудиторию, поскольку жизнь и здоровье являются одними из высших ценностей человека. Вопросы сохранения и укрепления здоровья населения, пропаганда здорового образа жизни становятся в последнее время одними из приоритетных в государственной социальной политике. Таким образом, телевидение и другие средства массовой информации служат средством формирования общественного мнения в вопросах сохранения и укрепления здоровья. Тяжелые заболевания накладывают отпечаток на психическое состояние пациентов и не позволяют выработать позитивную систему ценностей. Задача врача-ведущего, таким образом, заключается и в социальной реабилитации пациентов, создании с помощью телевидения эмоционального настроя, способствующего выздоровлению.

Среди составляющих эффективного коммуникативного воздействия особенно важна речь, поскольку вся информация доносится до слушателя посредством языка. При этом необходимо находить такую форму выражения, которая была бы убедительна именно для того, кого убеждаешь. Задача ведущего осложняется тем, что целевая аудитория подобных программ весьма разнообразна, что требует от него высокого уровня коммуникативной компетенции. Описываемая коммуникативная ситуация предполагает воздействие на сознание путем выстраивания рациональной аргументации (убеждение), воздействие на сознание через эмоциональную сферу, воздействие на подсознание (суггестию). Целью воздействия является организация деятельности группы людей (объекта воздействия), а результатом — реальное достигнутое изменение деятельности объекта воздействия (формирование образа здорового человека и системы мер, направленных на сохранение и укрепление здоровья).

Наиболее часто в научно-популярных медицинских программах воздействие осуществляется посредством убеждения. Социальный фактор предполагает учет в аргументативном дискурсе статуса и социальной роли как адресанта, так и адресата. Исходя из специфики речевой ситуации произ-

водится выбор языковых средств для реализации основной коммуникативной цели аргументативного дискурса — убеждения адресата.

- Непростой вопрос: может, следует отказаться от вакцинации?

- Многие страны, такие, как США, отказались.

Такой подход уместен в странах с хорошей эпидемической ситуацией. В России в связи с высоким риском заболевания он может привести к неоправданным последствиям: могут развиваться тяжелые формы туберкулеза у детей.

- Как быть пациенту, если сильно болят глаза, а из-за важных предстоящих событий нет возможности обратиться к офтальмологу?

- Главный принцип в подобной ситуации: не навреди! Необходимо купировать подобное состояние, но все-таки обратиться к специалисту: длительное самолечение может привести к тому, что симптомы будут смазаны и появятся осложнения. («Здоровье», 2006)

Одним из основных условий диалогового общения является исходный (хотя бы небольшой) разрыв в знаниях (пресуппозициях). То есть если партнеры не будут сообщать друг другу новую (точнее, неизвестную) информацию по предмету диалога, а начнут обмениваться общеизвестными истинами, то диалог не состоится. Более того, не состоится общение вообще как речевая коммуникация. Достаточная информативность диалога достигается не только за счет новизны сообщаемой информации, но и при помощи языковых средств, подчеркивающих новый аспект в восприятии общеизвестной информации.

Мир не видел такого препарата!

Хочется сказать всем женщинам: свет в конце тоннеля есть! Диагноз «рак молочной железы» не является сегодня приговором! («Здоровье», 2006)

Эффективное вербальное речевое воздействие предполагает адекватное использование правил и приемов общения с учетом того, с какими собеседниками, в каких коммуникативных ситуациях ведется общение, какова цель общения в данной коммуникативной ситуации. Выбор ведущим языковых средств с их речевыми потенциями служит инструментом воздействия на зрителя.

Сфера выражения эмоций и эмоционального давления требует соответствующих языковых средств, к числу которых относится и метафора. Любая метафора может использоваться как с точки зрения использования модели действительности, так и с точки зрения эмоционального воздействия. Концептуальные метафоры служат орудием осмысления и понимания какой-либо более абстрактной сферы в терминах и концептах более известной, конкретной сферы.

В большинстве случаев метафорические модели медицинского дискурса являются амбиоконцептуальными, т. е. участвуют в репрезентации и концепта «здоровье/норма», и концепта «болезнь/патология». [4:22] Одной из наиболее частотных метафорических моделей медицинского дискурса является метафорическая модель «Война», в рамках которой происходит осмысление внеязыковой реальности. Данная метафорическая модель представляет концепт войны с врагом, которого необходимо уничтожить. Организму приходится вести борьбу. Поэтому метафорическая модель «Война» сменяется метафорической моделью взаимодействия, кооперации, борьбы, так как здоровье — это борьба с существующим или потенциальным заболеванием.

Гимнастику надо делать после инсульта! Бороться! Нельзя опускать руки! Нужно биться, биться, биться! Сопротивляться надо!

Осуществлению эффективного речевого воздействия способствуют тактики «Апелляция к тяжелым последствиям» и «Апелляция к авторитету»:

Самолечение опасно тем, что может привести к кератиту - отслоению сетчатки, а это, в свою очередь, опасно полной потерей зрения (слепотой).

Наш гость — главный человек по гриппу в стране, директор Института гриппа академик Киселев.

У нас в гостях — центральная клиническая больница Академии наук. («Здоровье», 2006)

Языковые средства выражения коммуникативной интенции обусловлены способностью врача к эмпатии — способности встать на точку зрения другого, вчувствоваться в мир его отношений и оценок.

Онкологи считают, что современное лечение требует современного обследования. При любых стадиях обследования бесплатно. Я надеюсь, что такая ситуация с обследованием существует во всех городах. Передача ваша очень актуальна, так как появилась возможность лечиться дорогостоящими препаратами за счет государства. («Здоровье», 2006)

Цель — информировать население о возможности получения высокотехнологичной медицинской помощи.

Вероятно, эмпатия помогает в выборе оптимального средства выражения, наиболее пригодного для понимания коммуникативным партнером, в приспособлении высказывания к дискурсу и адресату.

Научно-популярные медицинские программы, посвященные вопросам здоровья, помимо собственно медицинского дискурса содержат элементы рекламного дискурса. В этом случае воздействующий агент находит в рекламируемом товаре (лекарственном препарате) то, что удовлетворяет глубинную потребность представителя целевой группы (сохранение и укрепление здоровья). Рекламный дискурс в медицине способствует коммуникационным связям в обществе, содействует улучшению качества жизни.

Мир станет ярче с препаратом «Систейн» от «Алкон». «Систейн» - капли комфорта для ваших глаз. («Здоровье», 2006)

Артрофоон хорошо переносится пациентами и может применяться длительно. Препарат оказывает медленное, но фундаментальное действие. («Медицинское обозрение», 2006)

Применительно к рекламному дискурсу медики используют ценностно ориентированные стратегии, позволяющие усилить восприятие положительных свойств рекламируемого объекта, а также оптимизирующие стратегии, направленные на оптимизацию воздействия рекламного сообщения [5: 45].

Таким образом, репертуар коммуникативных стратегий врачей - участников научно-популярных медицинских программ определяется прагматической целью общения: убеждением коллективного адресата — зрителя в необходимости сохранения и поддержания здорового образа жизни.

Библиографический список

1. Астафурова Т.Н. Типология коммуникативных стратегий в научных парадигмах // Лингводидактические проблемы межкультурной коммуникации: Сб. науч. ст. к 20-летию кафедры английской филологии ВолГУ. — Волгоград, 2003. — С.15-25

2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Монография. — Омск: Омск. Гос. ун-т, 1999. — 285 с.

3. Мартыненко Н.Г., Еремеева Е.А. Языковые стратегии воздействия на телезрителя, с. 186-187// Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 30 мая- 2 июня 2006 г./ Редактор Е.Ф. Тарасов. — Калуга: ИП Кошелев (Издательство «Эйдос»). — 366 с. 167-168

4. Мишланова С.Л. Метафора в медицинском дискурсе. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. — 160с.

5. Олянич А.В. Презентация в рекламном дискурсе (коммуникативные стратегии и тактики)// Проблемы языка и речи в современном лингвистическом пространстве: Межвуз. сб.

науч.ст./ сост. Л.Г.Фомиченко и др.; ВолГУ; Каф. английской филологии. — Изд-во ВолГУ, 2005. — 148 с. - С.39-53

6. Стернин И.А. Практическая риторика: Учеб. пособие для студ. высш. уч. заведений. — М.:Издательский центр «Академия», 2003. — 272 с.

АКАЕВА Элеонора Вячеславовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета иностранных языков.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.06.06 г.
© Акаева Э.В.

УДК 801

Е. Ю. БЕЛКИНА

Самский государственный университет

ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Данная статья посвящена экспериментальному исследованию восприятия художественного текста как формированию читательской проекции текста. Эксперимент в форме тестирования на материале художественных произведений, объединенных единой эмоционально-смысловой доминантой, проводился в русле современной психолингвистики с учетом исследований в области литературоведения, психологии, библиопсихологии.

Восприятие художественного текста, как справедливо отмечает Залевская А.А., является процессом, который реализуется при взаимодействии осознаваемого, вербализуемого и не поддающегося вербализации, сам по себе он не доступен для прямого наблюдения, о его ходе можно только строить гипотезы на основании выводимых на «табло сознания» промежуточных и конечных результатов этого сложного и многоступенчатого процесса [4, с. 336].

Результаты исследований показывают, что научный анализ текстов значительно отличается от «анализа», который проводится читателем. Читатель как носитель обыденного сознания относится к художественным произведениям, оценивает и хранит их в памяти по своим законам. Восприятие не является пассивным копированием воздействия извне; это живой творческий процесс познания, интенциональный характер которого дает возможность трактовать его через перцептивные действия сличения воспринимаемых объектов с хранящимися в памяти индивида прежними их отображениями и описаниями для принятия решения для их опознания.

Сущность восприятия текста — в создании у реципиента «образа текста», его индивидуальной проекции. Залевская А.А. под проекцией текста понимает «ментальное образование (концепт текста, смысл текста как цельность/целостность), продукт

процесса смыслового восприятия текста реципиентом, в той или иной мере приближающийся к авторскому варианту проекции текста» [4, с. 325]. Сорокин Ю.А. говорит также о «совокупности психических и когнитивных образов», наборов когнитивных и эмоционов», на которые в основном ориентируется реципиент текста [8, с. 2].

С целью выявления особенностей восприятия художественных текстов, объединенных на основании общей эмоционально-смысловой доминанты, лежащей в основе порождения и восприятия текста, был проведен эксперимент (на основе романа братьев Стругацких «Хромая судьба» и повести В. Набокова «Соглядатай», объединенных такой эмоционально-смысловой доминантой, как концепт тоски). Для исследования были выбраны 2 группы испытуемых: студенты (30 человек) и взрослые (20 человек).

Тест включает 2 текста без указания авторства (первый текст в каждом тесте принадлежит братьям Стругацким, а второй — В. Набокову) и 7 заданий. Каждый заполненный тест можно рассматривать как индивидуальную читательскую проекцию воспринимаемого текста.

В подобранных отрывках с явной актуализацией концепта тоски пропущено по одному слову. В первом тесте это слова, напрямую отсылающие к исследуемой эмоционально-смысловой доминанте:

текст № 1 – «тоска», текст № 2 – «уныние». Во втором тесте пропущены слова, обозначающие ощущения главного героя и качества внешнего мира, определяющие мировосприятие героя в текстах с такой эмоционально-смысловой доминантой, как «тоска»: текст №1 – «дождь», текст №2 – «холодно». Задание восстановить текст, вставив пропущенную лексему, предполагало: 1). проверить совпадение эмоционально-смысловой доминанты, определенной исследователем и реципиентами; 2). определить способ и характер восприятия реципиентами основной смысловой стратегии автора.

Тест устроен таким образом, чтобы исследовать три сферы восприятия: смысловую, эмоциональную и ассоциативную. Задание «Подчеркните слова, являющиеся, по вашему мнению, ключевыми в тексте» выявляет смысловую рецепцию. Ключевые слова оказывают влияние на первоначальную читательскую проекцию текста, видоизменяя ее при взаимодействии уязвляемого со словом индивидуального знания и того отрезка выводящего знания, который затрагивается непосредственно воспринимаемым контекстом.

Задание охарактеризовать текст рядом прилагательных и рядом существительных направлено на выявление соответственно эмоционального и ассоциативного уровня рецепции художественного текста. Восприятие произведения искусства невозможно без эмоционально-эмпатического «вхождения» в текст, сопереживания, соучастия. Репрезентированная в тексте доминантная эмоция регулирует характер восприятия, направляет содержательно разнообразные ассоциации реципиента, возникающие при восприятии художественного текста на понимание этой доминанты. Ассоциативные связи реципиентов определяются, как правило, культурой во всем ее многообразии – всеми знаниями, опытом, но при этом таким опытом, в котором реципиент не отдает себе отчета.

Задание написать ассоциации, вызванные каждым текстом, безусловно, перекликается с предыдущим. Но здесь предполагалось выяснить уже план художественно-смыслового обобщения, подводящего итог перцепции и создающего личностную концепцию художественного текста.

Попытка реципиентов установить авторство предъявляемых текстов направлена на выявление т. н. «горизонта ожиданий». Проще говоря, исследовалось, что читатель «ожидает» от В. Набокова, а что – от Стругацких. Художественный эффект при этом рассматривается как результат соединения (чаще всего конфликтного) авторской программы воздействия с восприятием, осуществляемым на базе горизонта читательских ожиданий.

Задание «Кто из этих авторов вам ближе?» предполагало выяснить зависимость восприятия от личного читательского отношения реципиентов к творчеству данных авторов, от их вкусов и т. д. Цель такой деятельности испытуемых, как оценка своего отношения к каждому из авторов по десятибалльной шкале, – конкретизация результатов предыдущего задания.

В завершающей части теста испытуемые оставляют свои личные данные: возраст, пол, образование (или факультет), хобби. Возраст – необходимая характеристика для определения как интеллектуального развития, так и личного жизненного (и читательского) опыта. Образование (факультет) и хобби представляют сферу деятельности и интересы, которые реципиенты проецируют на объект восприятия.

Такова в общих чертах структура теста, далее – о результатах.

Выстраивая проекцию художественного текста на смысловом уровне, реципиент, как правило, выбирает из него опорные элементы (слова и словосочетания), непосредственно связанные с его темой, ее возможным развертыванием и т. д. Список слов, выделенных взрослыми реципиентами в качестве ключевых, компактнее списка слов, которые являются ключевыми для студентов. По большому счету, у взрослых компактность реакций на ключевые слова и должна быть высокой. Это объясняется устойчивостью всей концептосистемы в целом, а также устойчивостью структур отдельных концептов (фрагментов знаний о мире), обусловленной опытом чтения художественных текстов, опытом осознания определенных проблем и т. д. У студентов подвижность в этом отношении также вполне закономерна. В этом возрасте (20 – 22 года) у индивида проявляется отсутствие четкости связей между отдельными участками концептосистемы, а также четкости структурирования определенных компонентов в определенных концептах. При этом необходимо отметить несовершенство набора механизмов рефлексии по поводу воспринимаемого. Все это обусловлено недостатком личного жизненного (и читательского) опыта и возрастными психологическими особенностями (в силу которых, например, слова «я» и «человек» подчеркиваются как ключевые студентами в два раза чаще, чем взрослыми реципиентами).

С заданием на восстановление текста гораздо успешнее справляются взрослые реципиенты. Воспринимая поврежденный текст, реципиенты восстанавливают его, предлагая свои варианты. Как правило, варианты читателей бывают или близки пропущенным элементам, или шире их по объему. В тексте братьев Стругацких (тест №1) пропущена лексема «тоска». 6 из 20 взрослых реципиентов абсолютно точно определили основную смысловую стратегию автора, вставив слово «тоска». Остальные испытуемые использовали для восстановления текста лексемы, входящие в семантические группы «Ощущения главного героя и качества реального мира»: «пустота», «безысходность», «холод», «страдания», «боль» и т. д. Среди студентов только 2 реципиента из 30 заполнили пропуск лексемой «тоска». Большая часть вставленных студентами слов, входящих в семантические группы «Ощущения главного героя и качества реального мира», относятся к группе «Губительность», точнее, к ее подгруппам «Смерть» («смерть», «могила», «крематорий», «морг») и «Болезнь» («больной без сознания», «больничные каталки», «боль», «страдания»).

Текст Стругацких во втором тесте точно восстанавливается 9 взрослыми реципиентами (из 20) лексемой «дождь». Лишь 4 из 30 студентов были так близки к оригиналу. 6 студентов сочли, что «всем этим безраздельно владеет человек», несмотря на то, что текст заканчивается такими словами: «...а людей на улицах нет, человек – незваный гость на этих улицах, и дождь его не жалует». Подобную неадекватность восприятия испытуемых студентов можно объяснить возрастными психологическими особенностями – в центре индивидуальной концептуальной системы молодых людей обычно находится концепт «человек» (или «я»). Восстановление текста лексемами «древесина», «город» также можно считать неточным (всего – 8 случаев неадекватного восприятия). Важно, что взрослые

реципиенты вообще не допускают таких явных неточностей в определении основной смысловой стратегии автора.

Результаты, полученные при анализе лексем, которыми восстанавливаются тексты В. Набокова, дают ту же картину и полностью подтверждают сделанный ранее вывод.

При анализе результатов задания «Охарактеризуйте текст рядом прилагательных» бросилась в глаза явная несочетаемость многих прилагательных со словом «текст» (*опустошенный, несчастный, мокрый, одинокий* и т. д.). В ходе более детального исследования выяснилось, что полученные характеристики распределяются по трем основным группам:

1. характеристика текста:

а) по содержанию (*тоскливый, депрессивный, трагичный, глубокий, психологический, фантастический* и т. д.);

б) по форме (*вычурный, красивый, гармоничный, эстетичный* и т. д.).

2. характеристика главного героя (*умный, несчастный, больной, одинокий, обиженный* и т. д.).

3. характеристика ощущений главного героя (*опустошенный, отчужденный, холодный* и т. д.).

Первые два пункта представляются достаточно очевидными и не требуют особых доказательств. А для подтверждения гипотезы, включенной в третий пункт, все прилагательные, указанные реципиентами, были распределены по семантическим группам «Ощущения главного героя и качества реального мира» (а именно «Враждебность», «Чуждость», «Губительность», «Абсурд», «Холод», «Страх, тревожность», «Стеснение, несвобода», «Фатализм, обреченность», «Одиночество», «Незащищенность, ранимость», «Неуютность», «Раздражение, тошнота», «Усталость, опустошение»). В результате полученные в ходе эксперимента прилагательные разделились по следующим группам:

а) семантические группы «Ощущения главного героя и качества реального мира»;

б) группа прилагательных, характеризующих текст по форме и по содержанию (+ группа «Тоска», в которую вошли характеристики с явной актуализацией доминантной эмоции текста);

в) группа «Разное», включающая прилагательные, не вошедшие в первые две группы.

При подсчете данных выяснилось, что первая группа, как у взрослых реципиентов, так и у студентов, — самая значительная (студенты: от 52,1% до 64,2%; взрослые: от 41% до 61% от общего числа прилагательных). Причем взрослые реципиенты и испытуемые студенты часто актуализировали различные ощущения в одних и тех же текстах. Например, воспринимая текст братьев Стругацких в первом тесте, взрослые акцентировали внимание на ощущениях, вызванных абсурдностью реального мира (группа «Абсурд» — самая многочисленная), а в тестах студентов на первое место выходит побочная семантическая группа «Сумерки». Во втором тесте текст Стругацких вызвал более или менее единодушный отклик. Самой многочисленной у взрослых оказалась группа «Неуютность», а на втором месте — характеристика текста по цвету — «серый». В студенческих тестах примерно та же картина, только «серый» — на первом месте. В тексте В. Набокова (тест №1) как студенты, так и взрослые реципиенты актуализировали «Опустошение» и «Одиночество». Во втором тесте наибольшее число прилагательных, которыми студенты харак-

теризовали набокровский текст, попало в группу «Неуютность», а взрослые больше склонялись к ощущениям, вызванным холодом реального мира (неуютность в том числе). Но тем не менее большинство прилагательных, которыми реципиенты характеризуют тексты, входят в семантические группы «Ощущения главного героя». И значит, из этого можно сделать вывод о том, что проекция реципиентами ощущений главного героя на себя — основа восприятия художественного текста.

Следующая по численности — вторая группа. Она составляет: у студентов от 19% до 27,8%, у взрослых от 23,7% до 46,2% от общего числа прилагательных. Необходимо отметить такую особенность эмоционального восприятия текста взрослыми реципиентами, как отсутствие характеристики художественного текста по форме. В тестах испытуемых студентов встречаются прилагательные, характеризующие формальную организацию текста: *вычурный, нагроможденный, гармоничный, красивый, эстетичный* и т. д. Но они составляют не более 3% от общего числа прилагательных. Более того, накладывает свой отпечаток и тот факт, что испытуемые студенты обучаются на филологическом факультете. Если бы исследование проводилось среди студентов другого факультета, то, возможно, не было бы и этих 6%. Т. о., при восприятии формальная сторона художественного текста не актуальна для взрослых и практически не затрагивается студентами.

Что касается группы «Тоска», то она представлена в тестах взрослых реципиентов шире более чем в 3 раза. Следовательно, можно сделать вывод, что взрослые гораздо острее и четче определяют доминантную эмоцию художественного текста независимо от их образования, сферы деятельности, увлечений, т. е. всего того, что может быть включено в систему знаний индивида.

Группа «Разное» включает по большей части эмоции периферийные. Система эмоций и соотношение ведущей (доминантной) и производных эмоций имеет всегда индивидуальную структуру, поскольку возникает на базе уникальной концептуальной сферы индивида. Эта группа представлена в основном прилагательными, характеризующими текст по цвету (черно-белая гамма: *черный, серый, белый*) и прилагательными, отсылающими к индивидуальной бессознательной сфере воспринимающего субъекта. Рассмотрение сугубо личностных производных эмоций не входит в задачи данного исследования.

Если отвлечься от распределения полученных в ходе эксперимента прилагательных по группам и обратить внимание на общие количественные показатели, то необходимо отметить следующую особенность. Соотношение общего числа прилагательных, характеризующих тексты братьев Стругацких и тексты В. Набокова, таково:

		Тексты Стругацких	Тексты Набокова
Студенты:	тест №1	79	76
	тест №2	94	63
Взрослые:	тест №1	43	39
	тест №2	59	39

На тексты, принадлежащие братьям Стругацким, как в первом, так и во втором тесте, приходится

большее количество характеризующих их прилагательных, чем на тексты, принадлежащие В. Набокову. Напрашивается вывод, что тексты Стругацких вызывают больший эмоциональный отклик у реципиентов независимо от возраста. Возможно, это подтверждает мнение о том, что В. Набоков считается более элитарным писателем, а произведения братьев Стругацких находят отклик у более широкого круга читателей.

Следует также обратить внимание на общий список наиболее частотных существительных и прилагательных, характеризующих соответствующие тексты. В тестах взрослых реципиентов одними из самых частотных существительных и прилагательных являются «тоска» и «тоскливо». А прилагательные «серый» и «мокрый» – абсолютные лидеры как у студентов, так и у взрослых. Вообще, семантический компонент «вода» чрезвычайно актуален для восприятия текстов с такой эмоционально-смысловой доминантой, как тоска. На эту особенность указывал и В. П. Белянин [2, с. 111]. В данном случае помимо такой характеристики текста, как «мокрый», наиболее часто встречаются прилагательные «сырой», существительные «дождь», «сырость», «вода», «лужа».

Задание «Ассоциации, вызванные текстом», было рассчитано на более развернутые и образные ассоциации. Полученные результаты были распределены по двум основным группам:

1. конкретные ассоциации («осень», «полутюрьма-полупсихбольница», «бездомный нищий в супермаркете», «бедный сумасшедший художник», «морозящий дождь», «Петербург во время дождя», «бесконечные коридоры», «опущенные глаза», «кровь», «Моцарт», «Христос» и т.д.);

2. отвлеченные ассоциации («тоска», «грусть», «уныние», «безысходность», «бесцельность существования», «холод», «страх», «тошнота», «страдания», «экзистенциальная отчужденность», «трагичность существования», «разочарованность в жизни» и т.д.).

Выяснилось, что у взрослых реципиентов, в отличие от студентов, отвлеченные ассоциации преобладают над конкретными. Так же, как и в предыдущих заданиях, взрослые четче определяют эмоционально-смысловую доминанту (т.е. общее число ассоциаций типа «тоска», «грусть», «печаль», «тоскливый город», «очень тоскливо» и т.д. выше, чем в тестах студентов). Более того, взрослые реципиенты, в силу своего жизненного опыта, в качестве ассоциаций, вызванных представленными текстами, часто приводят личные воспоминания, возвращаются в прошлое: «как я лежал в реанимации», «воспоминания о больницах», «возвращение к себе, в детство», «депрессия, я знаю, что это такое...».

В тестах студентов больше конкретных ассоциаций, а также ассоциаций, выраженных категорией состояния: «мне холодно», «скучно», «сонно», «жарко» и т.д. Разница ассоциаций, например «тоска» и «тоскливо», в том, что в данном случае «тоскливо» именно реципиенту, а ассоциация «тоска» более отвлеченная и не соотносимая с субъектом. Т.е. ассоциации, выраженные категорией состояния, можно расценивать как более личностные, более проецированные на внутренний мир реципиента, «пропущенные» через свое «Я». У студентов, в силу возрастных психологических особенностей, свое «Я» (или «человек») обычно занимает центральное место в индивидуальной концептуальной системе.

Поэтому для описания ассоциаций студенты используют не столько отвлеченные понятия, не столько обращение к личному жизненному опыту, как взрослые, сколько резервы своего внутреннего мира, своего «Я» в данный конкретный момент.

Этот факт подтверждается и наличием в тестах студентов динамических и волевых ассоциаций (среди подавляющего большинства статических), субъектом действия в которых выступает реципиент. Динамические ассоциации: «я сочувствую»; «...лорой я чувствую себя так же, как герой в тексте»; «я чувствую, как все давит на меня»; «кажется, ты один в этом мире». Волевые ассоциации: «хочется забиться куда-нибудь»; «хочется спрятаться от этого мира».

Таким образом, восприятие художественного текста на ассоциативном уровне в первую очередь зависит также от возрастных психологических особенностей реципиента.

Задание установить авторство предложенных отрывков было направлено на выявление горизонта ожиданий, а также литературного чутья в целом. Разумеется, ожидалось разногласия, особенно во втором тесте, где тексты достаточно схожи стилистически. А во втором тесте были явные «подсказки» на уровне содержания (В. Набоков, например, не стал бы писать про «коньячок с Кавказа» и т.д.). Но полученные результаты несколько отличались от предполагаемых. Итак, ошиблись в установлении авторства:

	Студенты (30 человек)	Взрослые (20 человек)
тест №1	13	3
тест №2	11	1

Реципиенты, в основном студенты (филологи!), неверно устанавливают авторство именно в первом тесте. Возможно, ожидая от братьев Стругацких фантастики на содержательном уровне, испытуемые реагируют на набоковскую фразу «движение земного шара». 20% студентов подчеркнули ее как ключевую в тексте В. Набокова (чего не сделал ни один из взрослых реципиентов). Следовательно, литературное чутье более развито у взрослых, независимо от образования, сферы деятельности и т.д.

Задание «Кто из этих авторов вам ближе?» предполагало выявить зависимость восприятия художественного текста от литературных пристрастий реципиентов. Студенты-филологи в большинстве своем отдают предпочтение В. Набокову (Набоков ближе 19 испытуемым из 30, Стругацкие – 7, ни тот, ни другой – 4 реципиентам). Средний балл по десятибалльной шкале: В. Набоков – 7,7, братья Стругацкие – 4,7. Произведения В. Набокова ближе в основном по стилю: «по качеству текста, по стилю», «нравится стиль», «хорошо передает человеческие ощущения, которые переживает каждый в какой-то момент жизни» и т.д. Реже встречаются критерии в плане содержания произведений: «вопросы, которые поднимает автор, актуальны для меня», «его размышления мне понятнее и ближе» и т.д. Братья Стругацкие же ближе реципиентам именно по содержанию: «люблю фантастику», «Стругацкие поднимают серьезные философские проблемы, которые близки мне», «по идеологическим критериям». Такое соотношение вполне закономерно, поскольку В. Набоков по праву считается художником формы, а не содержания.

Несколько иначе распределяются предпочтения взрослых реципиентов: Набоков ближе 7 испытуемым из 20, Стругацкие — тоже 7, ни тот, ни другой — 6 реципиентам. Средний балл по десятибалльной шкале: В. Набоков — 6, братья Стругацкие — 6,1. Набокова также предпочитают именно по стилю: «изысканнее, богаче, глубже», «тоньше, изысканнее». Критерии в плане содержания характеризуют эмоциональный уровень: «близок мне по ощущениям», «отражает мой внутренний мир» и т.д. Подобные ответы вызваны не только особой воздейственностью текстов как художественных произведений, но и совпадением коннотативных структур текста с эмоциональными структурами личности читателя. Для взрослых реципиентов, отдавших свое предпочтение братьям Стругацким, также гораздо актуальнее содержательная сторона их произведений: «глубина идейного содержания произведений», «позиция автора», «люблю умную фантастику», «в книгах необычный взгляд на стандартные вещи и явления».

Наблюдается тенденция большего эмоционального отклика (число прилагательных, характеризующих текст, выше) на художественный текст, принадлежащий автору, более близкому для реципиента. Хотя испытуемые студенты, в маг.се своей предпочитают В. Набокова, больше прилагательных приводят, характеризуя тексты братьев Стругацких. Но это противоречие можно объяснить тем, что они часто ошибаются в плане установления авторства. При этом нельзя исключать такой субъективный фактор, как возможное стремление студентов причислить себя к ряду «элитарных» читателей (т.е. к поклонникам творчества В. Набокова) в силу своей завышенной самооценки.

Основные выводы:

- Основной восприятия художественного текста является проекция реципиентом ощущений главного героя на себя.

- Художественные тексты, принадлежащие бр. Стругацким, при восприятии находят больший эмоциональный отклик у реципиентов, независимо от возраста, сферы деятельности, образования, увлечений и т.д.

- Формальная организация художественного текста практически не актуализируется реципиентами на уровне сознания. Художественный текст как объект анализа выступает, прежде всего, как организованное эмоционально-смысловое целое, а его формальная структура и объединяемые ею компоненты текста служат лишь опорой при выявлении этого эмоционально-смыслового целого и оперирования с ним.

- Четкость и точность в определении эмоционально-смысловой доминанты художественного текста при его восприятии у студентов в целом значительно ниже, чем у взрослых реципиентов, что объясняется: 1). возрастными психологическими особенностями; 2). общей незрелостью всех психических процессов (в том числе); 3). недостатком личного жизненного и читательского опыта.

Библиографический список

1. Белянин В.П. Экспериментальное исследование психолингвистических закономерностей смыслового восприятия текста. М., 1983.
2. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. М., 2000.
3. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 2000.
4. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избр. тр. М., 2005.
5. Леонтьев А.А. Восприятие текста как психологический процесс // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. Киев, 1979.
6. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 2005.
7. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. М., 1977.
8. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1988.

БЕЛКИНА Елена Юрьевна, аспирантка кафедры русского языка.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.08.06 г.
© Белкина Е.Ю.

Календарь научных мероприятий

II Международная очно-заочная научная конференция

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

15-16 мая 2007 г.

Организаторы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий (г. Омск).

Адрес: 644077, г. Омск, просп. Мира, 55а

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ТЕКСТ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В настоящей статье эпистолярный текст рассматривается в коммуникативно-прагматическом аспекте, выявляется специфика эпистолярного поведения языковой личности на примере писем представителей русской интеллигенции XX века.

Изучение писем в отечественной лингвистике имеет свои тенденции. Исследованию подвергались разные стороны эпистолярных текстов: история письма, динамика развития эпистолярия, структура эпистолярного текста, его жанрово-стилистические особенности, функционирование лексических и фразеологических единиц (С.И. Гиндин, С.А. Катаржина, Н.С. Баланчик, О.П. Фесенко, О.Н. Седова и другие).

В связи с утвердившимися в последнее время принципами антропоцентризма все чаще в поле зрения ученых попадает языковая личность автора как субъекта, определяющего коммуникативные, языковые, когнитивные и иные особенности текстов, функционирующих в разных сферах человеческого общения. И эпистолярный текст в этом отношении представляет собой интересный материал для исследования. Однако изучению эпистолярия в данном аспекте языковеды уделяют незначительное внимание (можно отметить работы Н.И. Белуповой, Т.Н. Кабановой). Цель данной статьи — рассмотреть некоторые коммуникативные особенности поведения языковой личности в рамках эпистолярного общения, материалом для исследования послужили письма Б. Пастернака и Б. Зайцева. (Актуальность обращения к письмам русской творческой интеллигенции обуславливается падением уровня эпистолярной культуры, особенно проявляющимся в наши дни.)

Возникнув в глубокой древности, письма вызвали интерес на протяжении различных исторических эпох, имея определенные особенности в каждой из них, — античные теории письма, приближающиеся к риторике, литературная эпистолярная традиция Средневековья, Возрождения, эпохи классицизма и т.д. В 19 веке эпистолярный постепенно отделяется от художественной литературы, становясь «жанром жизни».

И письмо не как жанр художественной литературы, а как феномен лично ориентированного общения характеризуется высокой эксплицитной антропоцентричностью, оно онтологически близко дневнику, зачастую выступая как исповедальная попытка разобраться в своем внутреннем, скрытом мире. Переписка — это зеркало жизни и отношений. Есть вещи, смысл которых невозможно передать в разговоре, сказать словами — так они глубоки.

Слово написанное гораздо жестче, чем слово сказанное, и именно эта «жесткость» заставляет пишущего думать не только над каждым (или почти каждым) словом — основные идеи письма, его план, вся конструкция становится предметом внимания,

что мы и можем увидеть на примере исследуемого материала.

Тактичность как косвенная стратегия самопрезентации

В эпистолярии, как уже было отмечено, автор очень ярко проявляется как личность, в том числе и коммуникативная. Чувство такта, или тактичность, является одной из составляющих коммуникативного портрета личности. Ситуации, когда говорящий (пишущий) может нанести вред собеседнику (смутить, оскорбить, обидеть), потенциально конфликтны. Степень осознанности этого факта и поиски языковых выражений, позволяющих «сохранить лицо» адресата, свидетельствуют об уровне тактичности автора.

Высказывание критических суждений всегда сопряжено с опасностью обидеть партнера по коммуникации. Чтобы избежать этого, говорящие применяют различные приемы речевого маневрирования. Тем более это важно для эпистолярной коммуникации, где пишущий не видит реакции адресата и не может своевременно исправить возможные отрицательные последствия своих слов.

Наиболее эффективной следует считать тактику, при которой признается релевантность проблемы для обоих коммуникантов, но говорящий делает акцент на позитивном отношении к партнеру, а в ряде случаев осуществляет смещение «ответственности за проблему» на самого себя [1:3].

Подобный тип речевого поведения характерен для критических высказываний Бориса Пастернака:

Я склоняюсь перед нешуточностью и суровостью Вашей судьбы и перед свежестью Ваших загадок..., доказательства которых во множестве рассыпаны в Ваших книжках. И я просто не знаю, как мне говорить о Ваших недостатках, потому что это не изъяны Вашей личной природы, а виноваты примеры, которым Вы следовали..., виновато влияние и, в первую голову, моё [В. Шаламову].

Ваша сильная сторона..., Ваша слабая сторона... Не сердитесь на меня. Я верю в Ваше будущее [В. Шаламову].

В большинстве случаев критические высказывания Пастернака представляют собой не самоцель, а реализуют особый стратегический замысел — стимулировать творчество, воодушевить адресата. Отсюда похвала является обязательным предварительным условием критики. С этой же целью используются дружеские советы, самоуничижительные характеристики.

Еще одной тактикой, подсказанной в плане внимания к адресату, является упрек. Исходя из одного из толкований глагола «упрекать», это речевое действие связано с негативной оценкой поведения партнера и в этом смысле близко к критике. С другой стороны, одним из существенных условий упрека является стремление говорящего сохранить добрые отношения с адресатом:

Что же ты никогда не пишешь, Оля? Так ли я черен и виноват перед тобой, что я не заслуживаю и доброго слова! [Пастернак - Фрейдгенберг].

Отчего ты об этом ничего не написала? Но я, наверное, все путаю от старости или проспал часть февраля, и у меня всё перемешалось... [Пастернак - Фрейдгенберг].

Дорогой Иван, давно о тебе ничего не знаю. Да и сам, правда, давно не писал [Зайцев - Новикову].

Как видим, даже в ситуации упрека Борис Пастернак и Борис Зайцев в некоторой степени смекают «ответственность за проблему» на себя.

Тактичность автора проявляется также в способах формулирования просьбы. Показателем такта может являться учет говорящим права адресата отказать в просьбе:

Дорогая Аля!.. если исполнение моей просьбы не сопряжено для тебя с какими бы то ни было бытовыми неудобствами, отправь её [рукопись], пожалуйста, по почте... [Пастернак - Эфрон].

Если у тебя есть знакомства с кем-нибудь из групп, близко стоящих к театру... , сделай милость, напони... Если это сопряжено для тебя с какой-нибудь неловкостью или трудом, если нет путей, забудь и прости [Пастернак - Фрейдгенберг].

Георгий, если это представляет для тебя какие-нибудь трудности - не делай [Зайцев - Чулкову].

О деликатности автора свидетельствует обозначение своих коммуникативных намерений как «большой просьбы», «огромной просьбы», что, по сути, также выражает признание говорящим права на отказ адресата.

У меня к тебе большая просьба... [Пастернак - Цветаевой].

А у меня к вам огромная просьба... [Пастернак - Горькому].

Тактичность Бориса Пастернака проявляется и в использовании им именно внешнего выражения тактики просьбы в ситуации, когда он далеко не просит, а, наоборот, предлагает деньги нуждающимся тете и сестре Фрейдгенберг:

Но ведь я к вам с большой просьбой... Вы оказали бы мне серьёзнейшую услугу, и я не знал бы, как за неё благодарить, если бы вы согласились разругой на перевод от меня... Неужели вы меня оттолкнете? Тогда я просто не понимаю, для чего мне зарабатывать...

Тактичность пишущего, проявляемая в различных речевых тактиках, не только реализует положительную косвенную самоподачу, но и способствует позитивному общению коммуникантов.

Тактика извинения во вступительной части письма

Эпистолярная коммуникация предполагает тот факт, что общение не является непосредственным, оно «разорвано» во времени и пространстве, и подразумевается, что ответ будет получен через некоторый промежуток времени. Но зачастую какие-либо внеязыковые обстоятельства делают этот разрыв еще более длительным, и регулярная коммуникация задерживается или прерывается на

некоторое время. В исследуемых текстах это представлено довольно часто. Чтобы эффективно возобновить процесс коммуникации и положительно настроить адресата, адресант вводит в инициальный дискурс такую речевую тактику, как извинение. В анализируемых письмах наблюдаются типичные коммуникативные ходы извинения: а) признание вины; б) объяснение обстоятельств проступка. Они могут быть как объективными - автор не писал по каким-либо внешним причинам, так и субъективными - автор не отвечал в силу особенностей своей личности. Но следует заметить, что в исследуемых нами письмах преобладают именно первые:

Дорогой Александр Серафимович. Простите, что долго не отвечал - был очень занят рассказом [Зайцев - Серафимовичу].

Дорогой Владимир Сергеевич, простите великодушно, что не ответил, хотелось написать, когда что-либо будет [Зайцев - Диролобову].

Дорогая моя Оля, не удивляйся, что я не пишу тебе. Ужасно много кругом дел, народу, забот... [Пастернак - Фрейдгенберг].

Субъективные причины менее многочисленны, они могут касаться личных качеств автора, его способности писать письма:

Дорогой Осип Игоревич, очень извиняюсь перед Вами за долгое молчание - виною тому моя забывчивость и неаккуратность [Зайцев - Дымову].

Дорогой Георгий Иванович, простите, что отвлекаю не сразу - мне приходится теперь писать довольно много, а я пишу довольно трудно [Зайцев - Чулкову].

Отчего я не пишу тебе? Вследствие, главным образом, лежащего в основе свинства [Пастернак - Фрейдгенберг].

Можно заметить, что очень часто в ситуации извинения автор письма следует следующей схеме: вначале он непосредственно извиняется (используются соответствующие перформативные глаголы), а затем говорит о причинах задержки письма. Но нам встретилась и несколько другая форма: автор сначала осведомляется о делах адресата, потом говорит о внешних причинах своего молчания, эксплицитно этот факт не выражая, далее пишет о своем намерении написать, и лишь затем идет некоторое признание своей вины за счет уверения в искренности своих слов:

Как ты, Олюшка? Как Ваше здоровье, тетя Ася? Дикая жизнь, ни минуты свободной! Давно вам собираюсь написать, и еще больше хотел бы о вас узнать. Не сердитесь на меня, честное слово, не вру [Пастернак - Фрейдгенберг].

На наш взгляд, этот прием, используемый в ситуации извинения, несколько сглаживает вину адресанта и представляет его в более выгодном свете.

В вышеприведенных примерах видим, что в основном сигнализирует о коммуникативной задаче пишущего эксплицитное употребление перформативов, причем зачастую положительный эффект от их употребления усиливается за счет дополнительных лексических средств: *очень извиняюсь, умоляю - простите великодушно, ради Бога извините* и так далее.

Тактика просьбы в заключительной части письма

Завершающая часть письма обычно включает в себя не только традиционные формулы прощания (*Всего доброго, с лучшими чувствами, крепко жму вашу руку, обнимаю и целую* и тому подобное), но и

стимуляцию ответа (в котором, естественно, заинтересован адресант), в большинстве своем представляющую речевую тактику просьбы. Она может реализовываться через побудительные предложения, в которых воплощается смысл «просьба». По мнению Формановской, предложения этого типа обладают иллокутивной силой воздействия на адресата и призваны вызвать его реакцию в виде действия [2:69]. Более того, просьба как определенное коммуникативное намерение имеет побудительный характер, следовательно, она всегда обращена на «ты» адресата, будущее действие которого мыслится как потенциальное. Среди выражений просьбы есть такие, которые содержат глагольные лексемы в форме императива. Такая форма выражения особенно характерна для Б.Пастернака, например:

Напиши про себя и про свою работу [Фрейдгенберг].

Прошу тебя, ответь поскорее [Фрейдгенберг].

Напишите непременно, как и что у вас [Фрейдгенберг].

Напиши, когда все получишь [Эфрон].

Вышеприведенные конструкции отражают побудительную ситуацию, включающую двух участников, адресанта и адресата, причем они обозначают волеизъявление адресанта относительно выполнения действия, названного глаголом. Иначе говоря, формой императива адресант пробует повлиять на поведение адресата таким образом, чтобы названное в предложении действие осуществилось. Предложения этого типа напоминают перформативные высказывания: «Я прошу тебя + инфинитив» и выражают общий смысл «просьба». Важно при этом отметить, что оба лица являются не только участниками письменного акта, но одновременно и единственными лицами, затронутыми содержанием высказывания: адресант «возлагает» действие на адресата [3:61].

Но более эффективной в достижении желаемого результата (получении ответа) данная речевая тактика представляется в следующем случае: автор письма в ситуации просьбы использует такие коммуникативные ходы, как:

а) апелляция к чувствам, отношениям между адресантом и адресатом:

Если любишь, напиши о себе... [Пастернак - Фрейдгенберг].

Если любишь и ценишь - пиши... [Пастернак - Фрейдгенберг].

б) сообщение о собственных положительных эмоциях, которые возникнут при получении ответа:

Мне будет очень приятно, если напишете несколько строк [Зайцев - И.А. Бунину].

Если напишешь, буду очень рад [Зайцев - И.А. Новикову].

Буду очень рад, если напишешь о себе несколько строк [Зайцев - Бунину].

Работаешь ли сейчас? И что? Не ленись, дорогой Иван, очень приятно получить от тебе вести, о Москве... [Зайцев - Новикову]

в) апелляция к качеству партнера. Нужно отметить, что здесь мы видим «отрицательную реализацию» этого коммуникативного хода, которая «базируется на манипулятивном воздействии» (О.С.Иссерс), при котором пишущий добивается у объекта чувства стыда за негативные качества,

которые могут быть ему приписаны (в нашем случае это лень):

Напишите, если не лень, о себе, как себя чувствуете, как живете [Зайцев - Назаровой].

Если не лень, напишите о себе, какой Вы, занимаетесь ли только литературой, или еще чем [Зайцев - Домбровскому].

Напишите, если не лень, пару слов о себе [Зайцев - Бунину].

Примечательно, что для Зайцева основной прием стимуляции адресата – скрытый упрек в потенциальной лени. Возможно, это является отражением собственных представлений об усилиях, необходимых для написания письма.

Что касается формы выражения просьбы, то, как можно заметить, преобладает прямая просьба, эксплицируемая соответствующими иллокутивными глаголами. Из слов речевого этикета наиболее частотными являются слова, усиливающие просительность высказывания. В высказываниях, где просьба выражена только глаголом в повелительной форме, слово *пожалуйста* занимает преимущественно инициальную позицию:

Пожалуйста, напиши, как живете... [Пастернак - Фрейдгенберг].

Пожалуйста, напишите как можно быстрее... [Зайцев - Некрасову].

Преобладание прямой просьбы объясняется опять-таки спецификой эпистолярной коммуникации. Пишущий совершенно обоснованно предполагает, что прямая форма выражения просьбы будет иметь больший эффект, нежели намек или косвенная просьба.

Таким образом, эпистолярное общение, будучи межличностным, выводит исследователя на проблему реализации личностного начала, эпистолярный является ценнейшим материалом для разнообразных лингвистических исследований. А эпистолярный текст по степени самораскрытия личности вполне может претендовать на самостоятельную онтогносеологическую роль.

Библиографический список

1. Иссерс О.С. Коммуникативный портрет языковой личности (на материале писем Сергея Довлатова) [рукопись].
2. Формановская Н.И. Способ выражения просьбы в русском языке (прагматический подход) // Русский язык за рубежом. 1984. № 6.
3. Ксажек Э. Отражение речевого воздействия на адресата в эпистолярных текстах // Текст: Узоры ковra: Сб. статей научно-методического семинара «TEXTUS». Вып. 4. 4.1. Общие проблемы исследования текста / Под ред. К.Э. Штайн. СПб. - Ставрополь, 1999.

Источники речевого материала

4. Переписка Бориса Пастернака. М., 1990.
5. Пастернак Б.А. Пожизненная привязанность: Переписка с О. Фрейдгенберг. М., 2000.
6. Зайцев Б.К. Собрание сочинений: Т. 10 (доп.). Письма 1901 - 1922 гг. Статьи. Рецензии. М., 2001. Т. 11 (доп.). Письма 1923- 1971 гг. М., 2001.

ИВАНОВА Елена Александровна, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.08.06 г.
© Иванова Е.А.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ И СПОСОБЫ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ «ТЕАТРАЛЬНАЯ РЕЦЕНЗИЯ»

В настоящей статье проведен анализ способов и средств выражения оценочных значений в речевом жанре «театральная рецензия». В статье исследуются полюсы положительной и отрицательной оценки, выявляются специфические черты в организации оценочного поля в текстах театральной рецензии. Рассматриваются структурные (композиционные) и семантические особенности выражения аксиологических значений, анализируется соотношение имплицитного и эксплицитного начал в выражении оценочных значений, использование говорящим прямых и косвенных способов.

В данной статье рассматривается специфика выражения оценки в критическом жанре «театральная рецензия». Источником материала послужили около 200 текстов театральных рецензий, опубликованных в центральных и омских периодических изданиях («Театр», «Театральная жизнь», «Петербургский театральный журнал», «Омск театральный», «Литературный Омск», «Театральный развезд», «Театраль», «Омская муза»). Изучение жанра театральной рецензии содержит на сегодняшний день достаточно большие лакуны. Если рецензию как жанр научной речи начали изучать ученые (Пермь), то театральная рецензия как жанр остается на периферии внимания ученых. Мы полагаем, что оценка имеет полевую организацию, так как все оценки логически распределяются по двум полюсам: полюс положительной оценки и полюс отрицательной оценки. Нашей задачей будет выявление аксиологических особенностей каждого полюса и их взаимодействие. Коммуникативная цель театральной рецензии — оценка спектакля, оценочное отношение к нему. Дополнительной коммуникативной интенцией в текстах театральных рецензий является изложение содержания рецензируемого произведения (спектакля). Мы полагаем, что оценочное отношение определяет дополнительную интенцию — изложение содержания рецензируемого произведения, поэтому наша задача — показать эту детерминированность. Мы выделяем два основных способа выражения аксиологических значений в жанре театральной рецензии: 1) имплицитный способ, 2) эксплицитный способ. В свою очередь, эксплицитный способ включает прямой и косвенный способы. Прямой способ предполагает выражение оценки, которое воспринимается однозначно со знаком «плюс» или «минус». Косвенный способ не выражает оценку прямо, оценочное значение выражено комбинацией разных непрямых средств (вопросы, пожелания, советы и т.д.).

Анализ исследовательского материала позволяет говорить о том, что жанр «театральная рецензия» представляет собой контаминацию вербального выражения чувств и эмоций рецензента, информации об увиденном на сцене и выражение рациональной оценки по поводу спектакля. В норме данные интенционные составляющие тесно перепле-

тены между собой, в результате чего оказывается невозможным их разграничение.

Большую часть жанра театральной рецензии составляет изложение того, что рецензент увидел на сцене (т.е., рецензент «идет» за действием спектакля). Причем каждый рецензент описывает увиденное по-своему (отсюда преобладание индивидуального начала в текстах данного жанра). По тому, как автор рецензии излагает ход событий театрального действия, мы можем наблюдать его оценочное отношение к спектаклю.

Жанр театральной рецензии, кроме аксиологического аспекта, включает интерпретацию рецензируемого произведения, в данном случае спектакля. Интересно то, что по сути своей спектакль тоже является режиссерской интерпретацией первичного текста, то есть художественного произведения. В результате получается, что жанр театральной рецензии своего рода интерпретация об интерпретации. Такого рода отношения осложняют структуру текстов театральной рецензии, осложняют и структуру оценки, в частности объект оценки, который, в свою очередь, включает не только оценку спектакля, но и художественного произведения, по которому он поставлен. Кстати сказать, осложняется структура театральной рецензии может за счет того, что рецензент иногда предлагает свою интерпретацию художественного произведения. Тогда образуются еще более сложные отношения: режиссерская интерпретация художественного произведения — интерпретация рецензентом режиссерской постановки — интерпретация рецензентом художественного произведения. Такие отношения не имеют место в других критических жанрах и являются дифференциальным признаком данного жанра.

В театральной рецензии способы выражения аксиологических значений имеют специфические черты, в отличие от других критических жанров. Это связано со многими причинами: и с природой жанра, и со спецификой стиля (тяготение к художественно-публицистическому), и со специальной подготовкой рецензента, сведущего в театральном действии и посвященного в него, и с особенностями адресата, и с театром вообще (как особой областью искусства). Нормы оценки в театральной рецензии абсолютно нетождественны, к примеру, нормам оценки в научной рецензии. У рецензента театраль-

ной рецензии есть свои эталоны, которые связаны, прежде всего, с искусством вообще, с историей развития театра, театральными направлениями и школами, с эстетическим и творческим потенциалом. Поэтому в театральных рецензиях часто встречаем отсылки к академическим театральным образцам: «К тому же актриса читает текст в том стиле, который был разработан... в «Школе грамматического искусства», предполагающем активную позицию актера в отношении авторского слова (членение фразы, инверсии в предложении и т.д.), хотя в авторском тексте нет ни одного знака препинания, ни одного намека на возможное использование таких приемов» (В. Золотухин Музыкальные паузы режиссера Васильева // Театральная жизнь. — 2003. — № 4-5. — с.26).

Часто в контексте положительной оценки рецензент говорит о том, что в рецензируемом произведении используются приемы отнюдь не новые, но они творчески обыгрываются. То есть стандартами нормативной положительной оценки являются творческие способности, а также своеобразное использование сложившихся традиционных форм (опора на традиции всегда поддерживается, плюс сюда же добавляется творческий аспект). Так же положительно оценивается найденное режиссером современное звучание классического произведения: «...Но с помощью четко и жестко прочерченной режиссерской мысли они оказываются максимально приближенными к сегодняшнему дню, к сегодняшним войнам, к сегодняшнему ощущению молодого человека...» (Н. Старосельская Долги наши // Театральная жизнь. — 2004. — № 3. — с.58).

Интересно заметить, что данный контекст положительной оценки имеет свое симметричное отражение в рамках отрицательной оценки. Рецензентом осуждается несвоеобразность, повторение чужого и несоблюдение традиций: «В новом спектакле Волчек повторила не только чужие штампы, собранные с бору по сосенке. Декорации, костюмы, некоторые мизансцены унаследованы этими «Тремя сестрами» от старой постановки Волчек» (Г. Ситковский Вечерний клуб 9/11 // Театр. — 2001. — № 7).

Одним из самых употребительных способов выражения положительной оценки в театральной рецензии является описание рецензентом реакции зрителей на постановку. Однозначная позитивная реакция зрителей — это бурные овации, то есть аплодисменты. Нередко маркером восторженного зрительского восприятия являются слезы, о которых упоминает чуть ли не каждый второй театральный критик, естественно, в радиусе положительной оценки (хотя семантика лексемы «слезы» имеет больше негативную коннотацию). Получается, что практически все рецензии, изобилующие лексемами «аплодисменты» и «слезы», делают именно их эталонами положительной нормативной оценки. Необходимо заметить, что для автора подобных рецензий актуальней и востребованней является категория перцептивности (чувственного восприятия объекта), дающая основания для вынесения определенных оценок.

Часто в театральной рецензии положительная оценка апеллирует к таким показателям, как уникальность, единичность, нестандартность, нестереотипность (данные лексемы частотны в текстах рецензий): «Спектакль Някрошюса тем, на мой взгляд, и уникален, что органично совмещает в

себе как музыкальную, так и поэтическую составляющую, определяющим в которой является метафора» (В. Золотухин Невечный сад // Театральная жизнь. — 2004. — № 1-2. — с.4). Здесь делается акцент на то, что театр все-таки явление не массовое, театральное действие — это таинство для посвященных.

Наиболее показательный и часто используемый способ выражения положительной оценки в театральной рецензии представлен с помощью образных средств (тропов): «Среди чеховских героинь часто встречаются молодые женщины, которые любят подойти к буфету и украдкой, не закусывая, опрокинуть рюмку водки. Писатель им явно симпатизирует. Спектакль — словно такой глоток: обжигающе горький, согревающий до озноба, вселяющий тоску» (Д. Макбет умер. Да здравствует Макдуф // Театр. — 2001. — № 1).

Среди разнообразия образных средств авторы рецензии выбирают именно метафоры, нередко отдают предпочтение гиперболе. В текстах театральных рецензий встречаются явления, основанные на противопоставлении и очень близкие к аксиоме: «Легкая комедия, как вначале называл ее сам автор, была поставлена как тяжелая драма» (В. Гульченко Мужество любви // Театральная жизнь. — 2005. — № 2. — с.37). Регулярным способом выражения положительной оценки в текстах театральной рецензии (что характеризует только данный жанр) является ассоциация, образ (то, с чем сравнивается). В таком случае ассоциация, образ представляет собой некое позитивное явление для автора рецензии и его адресатов. В следующем примере театральный интерьер сравнивается с морским побережьем: «Войдя в зал, вы окунетесь в глубокий, ясный, синий-синий ультрамарин, сядете в кресла под высокий полотняный полосатый тент, чтобы «не напекло», и на полтора часа расстанетесь с обыденностью, как расстаетесь с ней, когда из пасмурных наших широт удастся выбраться к морю, песку, крикам чаек» (Д. Морозов Макбет умер. Да здравствует Макдуф // Театр. — 2001. — № 1). Пример недвусмысленно, хотя и косвенно, показывает, что рецензируемый спектакль вызывает положительные, приятные ассоциации, т. е. здесь представлено оценочное значение со знаком плюс (эксплицируется смысл: для северянина море не может быть неприятным).

Одним из косвенных способов выражения позитивного отношения рецензента является соответствие анализируемой постановки первоисточнику. Рецензент пытается найти своего рода гармонию между спектаклем и художественным произведением, по которому он поставлен: «...Эту структуру придумал именно Шекспир, в его комедии действует актерская труппа, и волшебник Пэк сочиняет роли влюбленным, как в театре. Режиссер строит свою постановку строго, последовательно именно в этой логике... Эстетика Шекспира не нарушена ни психологизмом, ни романтизацией» (Н. Песочинский Коршунювский сон в шекспировскую ночь // Театральная жизнь. — 2000. — № 10. — с.59).

Зачастую эталоном положительной оценки спектакля становится театральная премия (допустим, «Чайка»), а эталоном одобрительной оценки актера — звание заслуженного или народного. Наблюдения показывают, что для мотивированности своих оценок и для достижения перлокутивного эффекта рецензент в контексте положительной оценки всег-

да подчеркивает титулованность артистов и премированность спектакля. Иногда в рецензиях встречается такой маркер положительной оценки, как стоймость театральной постановки; чем она выше, тем лучше спектакль (так как дает возможность использования всех современных постановочных эффектов).

Анализируемый материал располагает такими примерами положительной оценки, как оценочные номинации. В основном рецензент положительно номинирует режиссера: *«художник, мастер, творец и т.д.»*.

Обратимся к особенностям выражения отрицательных аксиологических значений.

Одним из способов выражения отрицательной оценки является выражение непонимания, неясности: *«...поэтому так до конца и не ясно, кто тут истинный победитель и в чью же пользу счет три: ноль»* (А. Левинский Три: ноль // Театральная жизнь. — 2003. - №6. — с.21). В контексте отрицательной оценки находится выражение неоправданности зрительских ожиданий и надежд, что характерно только для жанра театральной рецензии. Спецификой только этого жанра является отрицательная оценка игры актеров, которые по законам театрального искусства должны вживаться в роль. Когда рецензент не наблюдает соблюдения законов театра, то спектакль получает негативную характеристику: *«Актеры ИГРАЮТ роли, не проживают и не переживают. Даже зонги они исполняют, как Брехт велел. И все-таки это не театр «отстранения», это просто СЫГРАННЫЙ спектакль»* (Н. Бадя Великорусский маразм, или Все, что угодно // Театральная жизнь. — 2004. - №3. — с. 10).

Необходимо отметить, что театральный рецензия не лишена композиционных фрагментов, построенных по схеме: «+, но —» или «—, но +». Данные композиционные фрагменты используются автором рецензии с намерением «не обидеть» создателей спектакля, т. е. в этических целях. В следующих примерах маркерами такого композиционного приема являются конструкции «несмотря на то что», «однако»: *«Несмотря на то что Назаров вполне убедительно играет редкий переход от высшего блаженства к болезненной ревности, его Отелло все-таки похож на одержимого фанатика», «Идея «двух» пространств — внешнего «исторического» и внутреннего «частного» - не просто удачна для постановки «Турбиных», она имманентна и конгенитальна в булгаковской пьесе. Однако используется эта идея непоследовательно и небрежно»* (О. Сорочкина «Дни Турбиных» // Театр. — 2000. - №4).

Этические соображения приводят автора к невозможности выразить отрицательную оценку в такой же степени эмоционально, как положительную. Хотя отрицательная оценка в данном жанре (этим принципиально отличается от других оценочных жанров, например, от научной рецензии) иногда может выражаться весьма категорично, эксплицитно: *«Получилось нечто бесстыдное, весьма приблизительное и неловко имитирующее «как бы ту жизнь», «А вышла — сомнительная огулающая попса, положенная на такой идиотский текст, что даже стыдно делалось»; «Новые «Три сестры» - абсолютно незвездный спектакль»* (Е. Тропп // Театр. — 2000. — №4; Атака воплями // Жизнь. — 2002. — 29 окт. — с.44). Повторимся: данный жанр располагает своими эталонами положительной и отрицательной оценки (звездный, стильный).

Надо заметить, что экспрессивная оценка в контексте отрицательного значения обладает большой иллокутивной силой. Цель таких оценочных высказываний — оказать как можно большее влияние на адресата. В текстах театральных рецензий встречаем примеры таких иллокутивных смыслов:

1. апелляции рецензента к читателю (потенциальному зрителю) с целью дать совет не посещать отрицательно оцениваемый спектакль;

2. апелляции рецензента к создателям спектакля и актерскому составу с целью привлечения их внимания к отрицательной оценке.

Практически аксиомой является то, что гедонистическая оценка, напрямую соотносящаяся с радостью и удовольствием, используется в положительном полюсе оценочной шкалы. В нашем случае ее употребление можно найти в контексте негативной оценки: *«Добавьте сюда же скромные вокальные данные, и картина будет смотреться еще безрадостней... Безрадостную картину посылать стуживает оркестр»* (М. Мудрик Конспект сезона. — Омск, 2003. — с.26-27). Жанр театральной рецензии позволяет выражать негативное отношение эксплицитно, хотя и в косвенной форме, в частности с помощью лексем во вторичном значении. К полюсу отрицательной оценки относятся вопросительные предложения, выражающие негативную оценку говорящего (автора рецензии) к какому-либо аспекту объекта спектакля (также в жанре научной рецензии): *«Конечно, этот беспорядок можно и не заметить. Но хочется понять: специально ли сделано так, чтобы героям было тесно за столом?»*. С целью смягчения отрицательной оценки в рецензиях часто используется сослагательное наклонение: *«Думается все-таки, что пьеса могла бы быть поставлена убедительнее»* (М. Мудрик Конспект сезона. — Омск, 2003. — с.27). Для этого же рецензент дает советы и выражает свои пожелания. Встречаются случаи, когда рецензент, выражая негативную оценку, пытается утешить объект оценки, проявить сочувствие, сопереживание. Целью такого рода контекстов является демонстрация солидарности с объектом оценки, психологическое «поглаживание», призванное улучшить эмоциональный фон: *«Жаль, конечно, однако утверждать на этом основании, что первый блин вышел у Северного театра комом, все равно не приходится. В его «Анне Снегиной» столько свежести, столько удачи, что о недочетах думаешь уже потом, когда представление завершилось. В конце концов, минусы литературной композиции — дело поправимое, а вот встреча с такими молодыми и так много уже сегодня обещающими артистами — это действительно праздник»* (М. Мудрик Конспект сезона. — Омск, 2003. — с.102).

Анализируя способы выражения аксиологических значений в театральной рецензии, мы установили, что отрицательная оценка, как правило, не мотивируется. Хотя есть немногочисленные исключения. Одним из таких исключений является то, что рецензент пытается мотивировать свою оценку, делая отсылки к другим рецензиям, критикам, мнениям, таким образом заручаясь поддержкой других (подразумевается смысл: «я не один так думаю»): *«Премьера вызвала много разнородных откликов — аналитично-концепционных, недомысленных, иронических, раздраженных...»; «В рецензиях на «Ангажемент» порой поминается «провал»*

«Чайки» на Александринской сцене в 1896 году...»: «Последний концерт Алисы в стране чудес»...будет рассмотрен в рецензиях как очередной трогательный сплав ностальгических ассоциаций» (Г. Лапкина Театр о театре и немного о нас с вами // Театральная жизнь. — 2004. - №6. — с.44-45; Н. Плунгян Погребничко как скиф // Театральная жизнь. — 2003. - №6. — с.22). Иногда мотивируя свое негативное отношение, рецензент в целях смягчения своей оценки пытается найти какие-то оправдывающие моменты: «Нельзя не учитывать также, что в Омске нет ни консерватории, ни хореографического училища, питомцы которых могли бы на должном уровне играть спектакль детского репертуара» (М. Мудрик Конспект сезона. — Омск, 2003. - с.30)

В зоне отрицательных оценочных значений наблюдаем случаи употребления сниженных оценочных прилагательных, по своему значению очень близких литоте: «вульгарный, скандальный, идиотский, бредовый, наплевательский, жалкий, скучный и т.д.».

Специальным косвенным средством выражения неудовлетворительных аксиологических значений в театральной рецензии являются отрицательные конструкции типа «не + глагол», нередко обозначающие недостаток чего-либо: «Но на смелое «осовременивание» тоже не отважились»; «...кроме органики и умения быть очаровательной, для Чехова нужно что-то еще, и у нее этого не нашлось»; «Но, к сожалению, в сотканной Криефом ткани осталось немало лакун. К примеру, не решена сцена пира у Макбета или вся последняя картина. То ли не хватило времени, то ли в тех эпизодах, что не работают напрямую на основную концепцию, режиссерская фантазия пробуксовывает» (Д. Морозов Макбет умер // Театр. — 2001. - №1). Как известно, употребление отрицательной частицы часто является приемом эвфемизации (см. словарные статьи «Эвфемизм», «Литота» в кн.: Т.Г. Хазареров, Л.С. Ширинина. Общая риторика: Курс лекций и словарь риторических фигур.-Ростов-на-Дону, 1994).

Несмотря на тенденцию к смягчению отрицательной оценки, встречаются тексты, в которых авторы допускают иронию, издевку. Подобные оценки практически невозможно выразить прямо. В следующем примере средством создания иронии является вводное слово «так сказать»: «Первые «Три сестры» XXI века, так сказать» (Г. Ситковский Вечерний клуб 9/II // Театр. — 2001. -№7).

Наблюдения над жанром театральной рецензии позволили нам сделать следующие выводы. Нормы

оценки театральной рецензии связаны с традициями и законами театрального искусства и нетождественны нормам, к примеру, научной рецензии. Способы выражения положительных и отрицательных аксиологических значений включают широкое использование образных средств, из которых основными являются метафора, гипербола, аксюморон, литота. Они являются дифференциальными признаками жанра. Одна из особенностей выражения оценки в данном жанре состоит в том, что в количественном отношении преобладают эмоциональные аксиологические значения. Специфику данного жанра составляет наличие экспрессивного отношения рецензента к рецензируемому произведению, это отношение обладает большой перлокутивной силой. Часто рецензент, выражая оценку, исходит из ассоциативного, образного восприятия мира, опираясь на способности читателя воспринимать мир ассоциативно. Анализ текстов позволяет констатировать довольно характерную для жанра немотивированность оценочных значений. И положительные, и отрицательные аксиологические значения в текстах театральных рецензий представлены в основном эксплицитно, хотя и в косвенной форме (косвенные способы опираются в основном на образные средства выражения оценки). В данном жанре высока степень категоричности и субъективности оценки.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. — М., 1988
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. — М., 1985
3. Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. — М., 1988
4. Ивин А.А. Основания логики оценок. — М., 1970
5. Золотова Г.А. О категории оценки в русском языке // Русский язык в школе. — 1980. — №2. — с.84-88
6. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: Автореферат д.ф.н. — М., 1996

КОБЗЕЕВА Оксана Валерьевна, аспирант 3 курса филологического факультета Омского государственного университета, преподаватель кафедры иностранных языков Сибирской автомобильно-дорожной академии.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.08.06 г.
© Кобзеева О.В.

Книжная полка

Быкова А.Г. Государственно-правовое регулирование производства и продажи алкоголя в Российской империи в XIX — начале XX в.: монография. — Омск: Омский юридический институт, 2006. — 272 с.
ISBN5-988065-038-5

В монографии анализируется процесс государственно-правового регулирования производства и продажи алкоголя в Российской империи в период казенной продажи вина 1817-1827 гг., откупной системы в 1817-1846 гг., акцизно-откупного комиссионерства в 1846-1863 гг., акцизной системы в 1863-1894/1904 гг., казенной винной монополии в 1895/1904-1814 гг. Книга, основанная на богатом фактическом материале, извлеченном из архивов и периодической печати, Полного собрания законов Российской империи, будет интересна специалистам: историкам, юристам, политологам.

ОБРАЗ ЦАРСКОГО СЕЛА КАК ОТРАЖЕНИЕ МИФА О В ЗОЛОТОМ ВЕКЕ В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА

В статье на примере лирики А. С. Пушкина рассматривается взаимосвязь «усадебного мифа» русской культуры с мифом о XVIII веке. Автор считает, что для поэта в образе Царского Села сконцентрированы все смыслы унаследованного им мифа о «золотом веке» русской истории.

В современных исследованиях русская дворянская усадьба понимается как символ русской национальной культуры, как ее опора, корневая система. Благодаря своей необычной духовной наполненности она занимает важное место в иерархии художественных образов. В последнее время актуальным становится рассмотрение произведений русских классиков XVIII-XIX в.в. как вербально-художественного воплощения заложенного в родовой дворянской усадьбе духовного микрокосма.

«Усадебная мифология», в которой «ясно высказались общие представления русской культуры о человеческих ценностях, о судьбе личности, о чувстве природы как важнейшем свойстве национального менталитета» [1], тесно связана с мифом о «золотом веке» русской истории.

«Золотой» XVIII век является одним из центральных и смыслообразующих образов в творчестве А.С. Пушкина. Он становится предметом пристального внимания поэта в его обширном документально-эпистолярном наследии, организует историко-культурный контекст его художественной прозы, наиболее отчетливо реализуясь в поэзии, где унаследован и претворен «ренессансный бытийный масштаб русского века Петра и Екатерины» [2, с. 266]. Преобразованный из собственно исторического в чудесное, сакральное, мифологическое, он творится не с помощью «реального» XVIII века, а с помощью его лирико-магического «текста», сложившегося в общих чертах к началу XIX столетия.

В поэтическом творчестве Пушкина миф о «золотом веке» вполне определенно маркирован как век екатерининского Царского Села с ее олицетворенной сущностью — фигурой императрицы Екатерины II. «Екатерининская» эпоха является «идеальным хронотопом», на который ориентировались поэт и его современники и через который стремились объяснить свой век как оставшийся в прошлом идеал современности [3].

Образ Царского Села предельно значим в духовной биографии Пушкина, во многом предопределяя его мироощущение. Именно в «Садах Лицея», в великолепной дворцовой усадьбе произошло его первое соприкосновение с «временами златыми».

Само расположение Лицея на территории Царско-сельской резиденции предполагало приобщение его воспитанников к культурному мифу эпохи просвещения, согласно которому русский монарх мыслился demiургом, строящим новый разумный

мир. Этот миф локализовался в пространстве Аркадии, гармонии микро- и макрокосма [4, с. 657-679]. В России роль земного сада-идея исторически принадлежала Царскому Селу.

В «аркадиях» Царского Села природа выступала сферой единения — переживания личного прошлого, воспоминания о невозможных утратах. Их символами становились атрибуты смерти, составлявшие содержание парковой идиллии: мавзолеи, урны, надгробия и мемориальные стелы с благодарностью умершим. Они и были основными локусами и смыслами переживания природы. «Сочувствие» природе оказывается меланхолией, то есть ностальгическим переживанием невозвратимого прошлого [2, с. 162-163]. «Поэзия Пушкина лицейского периода полностью соответствовала вкусам новых «литературно-мемориальных парков своего времени» [5].

Образцом подобного восприятия прошлого сквозь призму личных переживаний являются первые юношеские «Воспоминания в Царском Селе» (1814). Они показательны именно своей неоригинальностью, воспроизведением «общих мест» лирики рубежа XVIII-XIX веков. Это касается и одического стиля, и обилия мифологических имен, и уподобления людей богам, и в целом героизации и сакрализации образа «золотого века» русской империи. Такое обращение к недавнему культу государственности было характерно для России начала XIX века. Оно лежит в основе интерпретации Пушкиным и фигуры царицы, и типа екатерининского вельможи, создавая тем самым своего рода амбивалентный миф [6].

В «Воспоминаниях...» Пушкин-лицеист, еще находящийся внутри Царско-сельского («екатерининского») пространства и времени, не дистанцируется от него, не сталкивает два века в полемике, но ищет тождества прошлого с настоящим. Современность для него является восприимчивой и продолжательницей героического прошлого. Образ «екатерининской» эпохи осмысливается как «громкий век военных споров, свидетель славы россиян» [7], который при всей своей условности воссоздает культурно-бытийный миф, становится знаковым, возникающим в памяти поколений и оттого — «незабвенный». В этом смысле «новый век» мыслится тождественным ему: «узрел и брани новые, и ужасы войны» (I, 61).

Царское Село как воплощение мифа о «екатерининской» эпохе в настоящем лишено своей олицетворенной царственной сущности — фигуры

«великой жены». Для Пушкина утрата «Элизиумом полнощным» олицетворенности равнозначна его исчезновению. Так, в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814) «возрев вокруг себя, со вздохом росс вещает: // «Исчезло все, великой нет!» (I, 61), а незавершенное «Мне жаль великия жены...» (1824) заканчивается словами:

«Россия, бедная держава,
Твоя удувленная слава
С Екатериной умерла» (II, 303).

После событий 1825 г. современная поэту Россия перестала являться духовным и бытийным продолжением Царского Села — Аркадии екатерининского века. Пушкин осознал и выразил этот разрыв в словах лицеистам:

Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село» (II, 279).

История стала безвременьем, «а-историей», лишенной витальности и способности к творчеству. Утраченный век становится личным прошлым поэта, и исторический опыт сливается с его личным переживанием [2, с.8-9]. В последних строках первой — элегической — части стихотворения «Деревня» погружение в воспоминания вызывает у поэта в памяти параллель с лицейским прошлым, когда

«Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
Я пеньем оглашал *приют забав и лени*
И царкосельские *хранительные сени*» (II, 1, 168).

Возможность поэтического творчества вызывает у автора в памяти Царское Село, отражая миф о XVIII веке, стремление поэтов пушкинской эпохи к праматеринской природе, сокрытой в «золотом веке» русской истории. Отсюда и эпитет «хранительные».

Возвращаясь во вторых «Воспоминаниях в Царском Селе» (1829) «блудным сыном» в «родимую обитель» (III, 189), Пушкин тем самым делает шаг к возвращению в Аркадию екатерининского века и в сам этот век. Эти же мотивы в стихах 1830-го года: «Царкосельская статуя», «К вельможе». Прошлое переходит в невидимое пространство и становится таинственным источником сознания лирического субъекта. Оно может быть заново обретоено путем интуитивного «вчувствования», «воспоминания» внутри усадебного пространства.

Так, в оде «К вельможе», посвященной князю Б.Н. Юсупову — колоритнейшей фигуре XVIII в., «ступив за твой порог, / Я вдруг переносюсь во дни Екатерины» (III, 219). Мир усадьбы здесь предельно функционален. Исторически родовое имение Юсупова — Архангельское — являло собой образец универсального сочетания «родового гнезда», роскошной резиденции аристократа и кабинета просвещенного дворянина. Пушкин противопоставляет традиционному типу вельможи своего Юсупова, парадоксально смещая акценты с человека XVIII века на обстановку его жилища — «книгохранилище, кумиры, и картины, и стройные сады».

Усадебное пространство в сознании поэта и его современников связано с XVIII веком, ибо он является праматеринской основой русской культуры. Неслучайно, что в наследственном Михайловском Пушкин ассоциирует свое изгнание с опальным именем знаменитого предка Арапа Ганнибалы.

В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой арап... (II, 1, 288)

Именно в пространстве родовой усадьбы, сравнивая себя с известным предком, не менее извест-

ный потомок приходит к осознанию глубинной связи личной истории своей семьи с историей государства, с «золотым веком». Именно там, «позабыв Елисаветы и двор и пышные обеты», по мнению Пушкина, возможно возвращение к своим истокам, к «естественности».

Ориентирование на «екатерининскую» эпоху как на «идеальный хронотоп», как на этико-эстетический эталон репрезентировано в «Послании цензору» (1822). Понимая, что знаменитый екатерининский «Наказ» был лишь законодательной фикцией, Пушкин, тем не менее, ставит его в пример современному цензору, так как этот юридический документ входит в мифосферу и выполняет мифологическую функцию, будучи атрибутом монархии, устанавливающей всеобщую справедливость и создающей гармонию мира [3, с.668]. Разумность установлений прошлого подтверждается в тексте стихотворения примерами, когда, следуя справедливому закону, «...сатирик превосходный / Не вежество казнил в комедии пародной» (II, 238). Образ «екатерининской» эпохи характеризуется неограниченной свободой творчества: «никому из них цензура не мешала». В отличие от «Воспоминаний...», в данном стихотворении миф о «золотом веке» оппозиционен пушкинской современности: «признайся, в наши дни с тобой не так легко б разделились они» (II, 238), и оттого «на святой Руси... не видим книг доселе» (II, 238). В «Послании цензору» начинает звучать тема трагического несовпадения и противопоставления благодатного и витального прошлого и мертвого, «нетворящего и нетворческого» настоящего. «Свое» — витальное, творческое — пространство прошлого безвозвратно утеряно.

Во «Втором послании к цензору» (1824), ставшем откликом на политические события, (избрание А.С. Шишкова главой Цензурного комитета), поэт полон оптимистических надежд на счастливое будущее, на справедливость. Он «приятно удивлен» переменам в цензуре, считая это «важной новостью» для России¹. «Хлаг наших дней» противопоставляется славе «осиротевших» екатерининских времен, но этот разрыв осмысливается как пережитый, ушедший в прошлое: «перемена несчастного правленья» завершила «мрачную годину». Для Пушкина здесь с понятием «золотой век» связан идеал, обращенный не к прошлому, а к будущему. Таким образом, в обоих «Посланиях к Цензору» миф о счастливой Аркадии становится средством воспитания.

Русская усадьба, являясь частью культуры столичной, аристократической, одновременно принадлежала к провинциальной культуре. Это выразилось в сочетании городских черт (удобство, роскошь) со специфической деревенской свободой. В загородных императорских резиденциях, в том числе и Царкосельской, публичная и частная сфера были взаимоориентированы и слитны воедино, также не существовало дифференциации между сценической и несценической частью бытия. В самом названии усадьбы русских царей заключено гармоничное соединение внешнего, государственного с интимным, камерным: Царское Село².

В стихотворении «Мне жаль великия жены...» (1824) анекдотически-парадоксальный принцип культуры екатерининского века — синкретизм государственного и личного — реализуется на лексическом, стилистическом и смысловом уровнях. Миф о «золотом веке», запечатленный в царкосельском пространстве, осуществляется через про-

фанатию сакрального сюжета о царице. Екатерина II, олицетворение этого мифа, одновременно предстает и в образе богини («Минерва, Аониды»), и простой смертной («старушка милая»). Смешиваются одичевший «высокий» и «низкий» разговорный стили. В нарочито архаичной манере Пушкин говорит о государственных делах императрицы – «дым войны и дым Парнасского кадила» (I, 303), что приравнивает ее к богам. Но чем ближе поэт к описанию домашних, интимных дел царицы, тем более прибегает он к легкости разговорного стиля, не гнушаясь «низкими» предметами: «беседы мудрые вела», «чай пила», «жила приятно и немного блудно», «Вольтеру первый друг была» (смешение отношенческой жизни государственной – «Вольтеру» – и частной – «друг»), «наказ писала, флоты жгла». В один ряд умышленно включены общественное и личное, используется игра слов («судно» в значении «корабль» и в значении «сосуд для оправления естественных потребностей организма»). В стихотворении подчеркивается разумное устройство «земной Аркады» в «аллеях Царского Села», содружества власти и совести, иноземности и русской душевности.

Подводя итоги, отметим, что в лирике Пушкина «золотой век», а для поэта это по преимуществу «екатерининский век», приобретает черты гармонии, разумного соединения космоса и хаоса, войны и мира, публичного и приватного. В образе Царского Села сконцентрированы все смыслы унаследованного Пушкиным мифа о «золотом веке» русской истории. Неслучайно местом разрешения всех бытийных проблем в повести «Капитанская дочка» выступает Царское Село, а финал ее помечен, как и стихотворение «Была пора...», датой «19 октября 1836 г.», когда Пушкин отмечал последнюю в своей жизни лицейскую годовщину [2, с.10-11].

Библиографический список

1. Стернин Г.Ю. Усадьба в поэтике русской культуры // Русская усадьба: Сб. ОИРУ. Вып. 1(17), 1994. С.51
2. Иваницкий А.И. Исторические смыслы потустороннего у Пушкина. К проблеме онтологии петербургской цивилизации. М., 1998.
3. Аллатова Т.А. Царское Село в стихотворениях Г.Р. Державина и А.С. Пушкина (к проблеме существования «екатерининского» стиля в русской литературе рубежа XVII-XIX веков) // Творчество Г.Р. Державина: проблемы изучения и преподавания. Тамбов, 1993. С. 99-101.
4. Живов В.М. Государственный миф в эпоху просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. М., 1996. Т.IV (XVIII - начало XIX века).

5. Лихачев Д.С. О садах // Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. А., 1987. Т.3. С. 512 и след.

6. Байко М.Н. Авторские миры в русской культуре первой половины XIX в. СПб., 2005. С. 11.

7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. М., 1994-1997. Т. I, с.61. Далее цитаты из сочинений А.С. Пушкина даются в тексте статьи в круглых скобках с указанием номера тома и страницы.

Примечания

1. Интересно в этом смысле письмо Пушкина П.П. Вяземскому от 25 января 1825 года, где поэт дает свою трактовку политическим событиям и замечает по поводу своих дифирамбов недавнему другу-архаисту: «Так Арзамасец говорит ныне о доде Шинкове, возврата allgi (другие времена – лат.)» (XIII, 136). Финальная фраза письма четко дифференцирует время на «свое» и «уж».

2. Тем не менее, любой статус императорских усадеб требовал четкой дифференциации поведенческих стилей внутри них. Так, история их существования отмечена периодами «столичности» и «провинциальности», которые совпадали с присутствием и отсутствием императорского двора на их территории. Не делая этот факт предметом осмысления в лирике, Пушкин очень точно характеризует его в эпистолярном наследии. В письме к П.А. Плагневу, датированном приблизительно 14 апреля 1831 года, поэт мечтает «остановиться в Царском Селе... Лето и осень таким образом провел бы я в усидчивой вдохновительном... А дома, вероятно, ныне там недорого: гусаров нет, двора нет <...> Петербург под боком – жизнь дешёвая...» (XIV, 158). Лето мечту «жить потихоньку без тещи, без экипажа, следовательно, без больших расходов и без сплетен» (XIV, 168), Пушкин ориентировался на одну из культурных моделей, заключенных в царскосельском лакусе, – провинциальную, интимную, домашнюю. Отсюда сравнение, употребленное в письме к П.В. Нащокину (11 июня 1831 г.): «Мы здесь живем тихо и весело, *будто в глуши черевенской*» (XIV, 174). Как известно, из-за холеры идилия продлилась недолго, и уже через месяц Пушкин напишет в очередном письме П.А. Плагневу, очень четко уловив переход Царского Села от одной культурно-стилевой и поведенческой модели жизни к другой: «Двор приехал, и Царское Село закипело и *превратилось в столицу*» (XIV, 189).

КОЛЯГИНА Татьяна Юрьевна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.08.06 г.
© Колягина Т.Ю.

Книжная полка

Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право. Учебное пособие. - 2-е изд. - СПб.: Юридический Центр Пресс, 2005. - 723 с.

Учебник подготовлен в Институте государства и права Российской академии наук в соответствии с программой учебного курса и стандартами высшего юридического образования ведущими специалистами в области информационного права. Предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, рекомендуется для подготовки специалистов с высшим образованием по техническим и экономическим специальностям со специализацией в информационной сфере.

АРГУМЕНТАТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТАВНОГО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Автор предлагает для филологического анализа медиатекста выявлять механизмы взаимодействия отдельного текста с другими текстами в определенной среде их функционирования.

Исследования текстов массовой информации (политической публицистики, PR и рекламных текстов и т.п.) составляют существенный пласт в современной теории языка и речи. Показательной является разработка теории и методов медиалингвистики с ключевой концепцией медиатекста, которая позволяет «рассматривать тексты массовой информации как целостное многоуровневое явление, существующее в неразрывной связи вербальных и медиахарактеристик. В рамках медиа лингвистики тексты массовой информации изучаются с самых разных точек зрения: типологического описания, функциональной стилистики, медиаформата, синтагматических особенностей, а также с позиции когнитивного и прагмалингвистического подходов» [1, с. 2].

Одно из перспективных направлений изучения текста массовых коммуникаций, на наш взгляд, связано с решением проблемы выявления механизмов и принципов взаимодействия отдельного текста с другими текстами, составляющими среду его функционирования.

Материалом исследования выбраны газетные рекламные тексты о риэлторских услугах в г. Барнауле. Данный выбор обусловлен рядом факторов, среди которых — незначительная разработанность темы, но при этом широкая представленность материала и его доступность для всестороннего филологического анализа. Решение жилищного вопроса, являясь сегодня острой и приоритетной социальной проблемой-задачей, в значительной степени зависит от качества построения коммуникации между участниками рынка услуг по недвижимости. В г. Барнауле главным источником информации о рынке риэлторских услуг является газетный рекламный текст. «Недвижимость», по терминологии Т.Г. Добросклонской, можно причислить к числу востребованных «медиатопиков», то есть тематической доминанте, устойчивой, регулярно освещаемой теме в средствах массовой информации [1, с. 9].

Особенностью газетных рекламных текстов риэлторских услуг можно отметить тенденцию функционирования их в составном тексте. То есть самостоятельные отдельные тексты, представляя собой взаимосвязанную аргументацию к единому тезису, образуют составной текст. На фоне общего перемещения фокуса интересов теории текста с «отдельно взятого текста на текст в его связи с человеком, в текстовом окружении, на совокупность текстов» [2, с. 151], обращаемся к вопросу о связях и отношениях между отдельными текстами, а также к

проблеме изучения средств обеспечения целостности и связности текста составного. Согласно М.М. Бахтину, высказывания (у нас: тексты) обнаруживают диалогические отношения друг с другом на основе смысловой конвергенции: общности темы, проблемы, точки зрения и т.п. [3]. Можно добавить к этому «внешнее сходство текстов» и, главное, «единство коммуникативного задания» [4, с. 15]. Так, в качестве конституирующих признаков составного газетного рекламного текста предлагается рассматривать единство цели адресанта, общность целевой аудитории, проблемной ситуации, тезиса и кооперативность в его аргументировании. Таким образом, целостность составного текста может быть обеспечена логическими отношениями компонентов аргументативной структуры, таких, как спорное положение, тезисы, аргументы. Склонны полагать, что построение составного текста в соответствии с этапами развертывания аргументативной структуры организует разрозненные тексты в единое связанное целое.

Проблема связности составного газетного рекламного текста относится к плану синтактики и подразумевает анализ разных типов связей, объединяющих тексты в сложные образования и обеспечивающих аргументации последовательность изложения, соподчиненность, согласованность всех компонентов.

Аргументация к тезису адресанта рекламного сообщения может иметь структуру, которая в большей или меньшей степени является сложной. Во многих случаях одной аргументацией невозможно устранить все прогнозируемые или предполагаемые сомнения аудитории. Поэтому автор, как правило, выдвигает две или более аргументации, взятые в совокупности. Сложность аргументации зависит от действия факторов, связанных с ситуацией коммуникации: целей, потребностей и ожиданий субъектов аргументативного акта (адресанта и адресата), специфики предмета речи, контекста и т.д. Например, тезис о надёжности агентства недвижимости требует более развёрнутой и всесторонней аргументации, чем тезис о привлекательности типовой (серийной) квартиры.

Классификация аргументаций, предложенная Ф.Х. ван Беммерен и Р. Гроотендорст, представлена посредством дихотомии сложной и множественной аргументаций. При этом сложная аргументация включает сложную сочинительную и сложную подчинительную аргументации [5].

Во множественной аргументации отдельные аргументы являются альтернативными средствами

убеждения общего тезиса. Например, аргументация агентства недвижимости «Барнаул риэлтер» включает следующие аргументы: «Готовые и строящиеся дома под 15 % годовых до 27 лет» и «Нам 5 лет!». Так, убеждение целым рядом аргументов выглядит сильнее. В то же время создается впечатление, что автор аргументации, не определившись, что является его уникальным торговым предложением, предлагает очередной аргумент в надежде, что он будет более успешным.

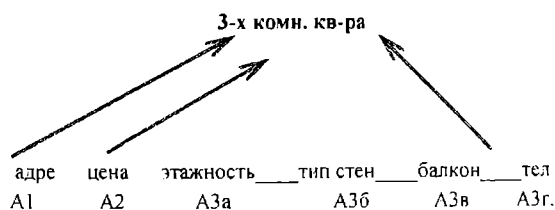
Множественная аргументация может быть схематично представлена следующим образом:

где Т - тезис, А - единичная аргументация. Множественная аргументация состоит минимум из двух отдельных аргументаций, последовательность которых обозначена цифровыми индексами.

По способу соединения отдельных аргументаций в сложную Ф.Х. Ван Еемерен и Р. Гроотендорст наряду с множественной аргументацией выделяют сочинительную сложную и подчинительную сложную аргументации. Причем исследователи называют на проблемность дифференциации множественной и сочинительной аргументаций: «... часто трудно определить, имеем ли мы дело с сочинительной или множественной аргументацией» [5, 76]. Решение этой проблемы мы находим в формулировке общей характеристики синтаксической сочинительной связи. В частности, в следующем положении: «компоненты сочинительной конструкции всегда однородны (функционально, лексико-синтаксически и др.)» [6]. Так, например, в стандартном объявлении о продаже квартиры информация о «технических параметрах» недвижимости (сантехника, тип стен, перекрытия и пр.) содержит однородные сведения и поэтому соединена сочинительной связью. Такие аргументы как стоимость жилья, готовность документации и пр. не являются однородными по признаку «технические параметры», поэтому составляют множественную аргументацию.

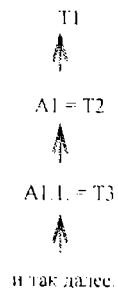
В следующей схеме объявления содержится множественная и сложная сочинительная аргументации:

где отдельные аргументы с сочинительной связью объединены пунктиром; множественная аргументация показана стрелками.

В подчинительной сложной аргументации, в отличие от сочинительной сложной аргументации, где отдельные аргументы соотносятся непосредственно с тезисом-1, первая отдельная аргументация также соотносится непосредственно с тезисом-1, а вторая - с первой аргументацией, которая, в свою очередь, служит тезисом-2 и так далее.

Ниже представлена схема подчинительной сложной аргументации:

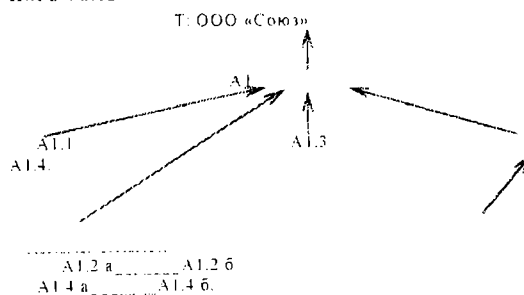
Например, в составном тексте агентства недвижимости «Союз»: А1: «Оформление ипотеки»; А1.1.: «Оформление ипотеки без поручителей» и т.д.

Подчинительная сложная аргументация целесообразна в ситуации, когда адресант полагает, что какая-либо отдельная аргументация не будет принята немедленно, поэтому что она сама нуждается в защите. Подкрепление аргументации приводит к более или менее длинным цепочкам «вертикально связанных» отдельных аргументаций. Повторяемость подчинения приводит к субаргументации, субсубаргументации и так далее [5].

Субаргументация в поддержку отдельной аргументации, относящейся к первичной аргументации, может состоять как из одной отдельной субаргументации, так и из множественной или сложной сочинительной. В аргументативной практике встречаются все виды сочетания аргументативных структур. Возможности варьирования аргументативной структуры, т.е. разрывания и сокращения аргументации, реализации её в разных газетных рекламных жанрах (объявление, фото-объявление, прайсовая строка, модуль, статья и др.), позволяют адресанту проявлять максимальную гибкость в разрешении проблемной коммуникативной ситуации и удовлетворении коммуникативных потребностей аудитории [7].

Например, газетный рекламный модуль («рамка») в некоторых случаях представлен на полосе или полосах газеты как часть составного текста, то есть один адресант размещает сразу несколько однотипных модулей. Так, структура составного рекламного сообщения агентства недвижимости «Союз» включает восемь модулей одинакового размера, размещенных на полосе в два ряда непосредственно друг за другом, где четвертый модуль дублирует первый, восьмой - второй, пятый - третий (с различием в одном номере телефона), седьмой - шестой. Таким образом, составной текст состоит из четырех вариантов разных модулей с их дублированием в неупорядоченной последовательности. Все модули построены по общей модели (сверху вниз): название агентства недвижимости - перечень предоставляемых им услуг (здесь: в количестве трех пунктов, причем третий пункт акцентирован сменой цвета фона - с черного на белый) - адресные реквизиты агентства недвижимости.

Общая схема аргументации составного модульного текста:

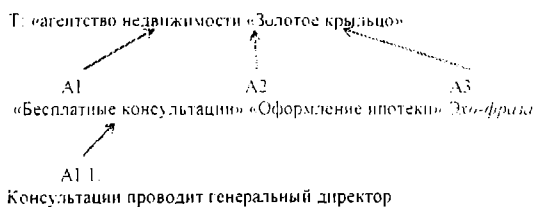
где Т — соотносится с тезисом аргументации, А1.1, А1.2 (А1.2.а и А1.2.б), и А1.3, А1.4 составляют четырехсоставную сложную подчинительную аргументацию к А1, в совокупности составляя множественную аргументацию. Связки А1.2.а - А1.2.б и А1.4.а - А1.4.б представляют собой сочинительную аргументацию, причем А1.4.а - А1.4.б находится в подчинительной связи с А1.4. Содержание аргументации следующее: А1: «покупка, продажа, обмен квартир, домов», А1.1: «услуги адвоката», А1.2.а: «бесплатные консультации», А1.2.б: «юридическая консультация», А1.3: «срочный выкуп квартир», А1.4: «оформление ипотеки», А1.4.а: «оформление ипотеки без поручителей», А1.4.б: «кредит «молодая семья»».

Другая форма сложной структуры составного газетного рекламного текста построена по схеме рекламной кампании в газетном номере. Д. Георгиев определяет газетную кампанию как «публикацию большого числа материалов в течение определенного периода, связанных общей темой и обладающих известной целенаправленностью. Начало, развитие, завершение, общая тема и ясная цель - существенные признаки кампании. Этим она отличается от других ... материалов, связанных единой темой, но не имеющих определенных границ и конечной цели» [8, 86]. По аналогии добавим к этому явление публикации нескольких материалов в одном номере газеты одновременно, принадлежащих одному адресанту и организованных по модели: начало, развитие, конец.

Составной текст газетной кампании агентства недвижимости «Золотое крыльцо» («Из рук в руки» № 13 (304)) включает три рекламных модуля, размещенных в рубрике «Недвижимость». Модуль-1 размещен в начале рубрики, модуль-2 в середине и модуль-3 на последней полосе рубрики, содержащей модульную рекламу. Модуль-1 крупнее двух остальных модулей кампании и имеет следующее содержание: название — «агентство недвижимости «Золотое крыльцо» (фирменный логотип), предложение — «бесплатные консультации по жилищному законодательству» с крупной фотографией генерального директора (имеется комментарий). А также адресные реквизиты: один номер телефона и один адрес. В модуле-2 указано: название — «агентство недвижимости «Золотое крыльцо» (фирменный логотип), предложение — «оформление ипотеки». В реквизитах три номера телефона и два адреса.

Модуль-3 крупнее модуля-2, но меньше модуля-1. В его содержании не эксплицировано указание конкретного предложения (услуги). Обозначены название — крупный логотип «агентство недвижимости «Золотое крыльцо», два адреса и три номера телефона.

Общая схема аргументации представленной кампании выглядит следующим образом:

Согласно схеме газетная кампания агентства недвижимости «Золотое крыльцо» представляет

собой множественную аргументацию с подчинительной связью в первой цепи. При этом каждая отдельная аргументация выражена отдельным текстом, выполняющим индивидуальную функцию. Так, модуль-1 ориентирован на привлечение читательского внимания к рекламному сообщению. Размещение фотографии конкретного сотрудника (директора) в газетной модульной рекламе риторских услуг является редким ходом для г. Барнаула, поэтому привлечение внимания таким образом может быть удачным. Модуль-2 призван заинтересовать читателя конкретным актуальным предложением по оформлению ипотеки. Назначение модуля-3 можно сформулировать как «эхо-фраза», то есть: «окончание вербального текста через повторение или интерпретированное другим образом основное обращение или аргумент, с помощью отдельного выражения, слогана или только торговой марки» [9, с. 124]. В данном случае эхо-фраза, представляя собой отдельный текст, выражена логотипом агентства с адресными реквизитами.

Разрабатываемые приемы и методы аргументативно-синтаксического анализа составного текста убеждающей коммуникации могут быть применены по отношению к таким объектам, как текст текстов рубрики или номера газеты в целом, текст всех рекламных сообщений отдельного адресанта в синхронном и диахронном аспектах, а также составной текст всех рекламных текстов по популярным медиатопикам: «Недвижимость», «Медицина» или «Магия», например.

Таким образом, в настоящей статье представлены основания для развития такого аспекта филологического анализа медиатекста, как аргументативно-синтаксическое исследование средств обеспечения целостности и связности коммуникативной единицы, большей, чем текст.

Библиографический список

1. Добросклонская Т.Г. Теория и методы медиалингвистики (на материале английского языка). Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2000.
2. Основы теории текста: Учебное пособие / Под общ. ред. А.А. Чувакина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
4. Лазарева Э.А. Системно-стилистические характеристики газеты. Екатеринбург, 1993.
5. Еемерсен ван Ф.Х., Гроотендарст Р. Аргументация, коммуникация и ошибки. Амстердамский университет. Перевод с английского. Санкт-Петербург: «Васильевский остров», 1992.
6. Еемерсен ван Ф.Х., Гроотендарст Р. Аргументация, коммуникация и ошибки. Амстердамский университет. Перевод с английского. Санкт-Петербург: «Васильевский остров», 1992.
7. Мышкина Н.Л. Динамико-системное исследование смысла текста. Изд-во Краснояр. ун-та, 1991.
8. Георгиев Д. Режиссура газеты. М., 1979.
9. Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы. М., 1995.

МАНЯНИН Павел Андреевич, аспирант кафедры теории коммуникации, риторики и русского языка.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.08.06 г.
© Манянин П.А.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

УДК 800

Е. В. ГЕРДТ

Омский государственный университет

ПЕРЕДАЧА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ)

В данной статье рассматривается методика и принципы сопоставления одноуровневых единиц английского и русского языков, связанных с полем времени. Также выявляется ряд безэквивалентных единиц, формирующих национально-специфичную образность в разных языковых системах.

Данная статья написана в русле лингвокультурологических исследований. Предметом лингвокультурологии является изучение культурной семантики языковых знаков, которая формируется при взаимодействии языка и культуры. В лингвистике сформировалось лингвострановедение, основоположниками которого в нашей стране стали Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров. Эти ученые создали лингвострановедческую теорию слова. Школа лингвокультурологии, созданная в Российском университете дружбы народов В.В. Воробьевым, В.М. Шаклеиным, развивает их концепцию.

В центре мира находится человек, которому нужно как-то обозначить себя в окружающем мире. Поэтому через философские категории происходит восприятие и самоопределение человека. Закрепленность времени так же, как и пространственная организация окружающей действитель-

ности, очень важна для человека. Ученые вслед за А.Я. Гуревичем пишут о том, что наряду с такими понятиями, как «пространство», «измерение», «причина», «время» принадлежит к «определяющим категориям человеческого сознания». В данном исследовании рассматривается переживаемое, «проживаемое» время жизни (lived time). «Время жизни» можно отнести к сфере самосознания человека, это одна из основных «форм постижения» окружающего мира. Понятия, в которых описывается «время жизни», апеллируют к человеку, являют собой некую «наивную» философию времени [8].

М.М. Бахтин писал в работе, посвященной творчеству И. Гете («Время и пространство в произведениях Гете»): «Исключительно острый взгляд у него (Гете) был на все видимые приметы времени человеческой жизни — от каждодневного бытового времени, измеряемого солнцем и бытовым порядком человеческого дня, и до времени целой человечес-

кой жизни — возрастов и эпох становления человека» [1; 216].

Таким образом, М.М. Бахтин выделял несколько типов времени: «бытовое, каждодневное» время, «биографическое» время (по возрасту), «историческое» (эпохальное видение мира). Для данной работы очень важен подход, предложенный М.М. Бахтиным, так как он может помочь определиться с базовыми понятиями. Как уже было сказано, можно создать классификацию типов времени по «деятельности» человека. Предлагается аксиологический подход к данной категории. Исследова М.М. Бахтиным выделяется «малый» цикл (каждодневный) и «большой» цикл. В связи с данной классификацией в нашей статье описывается и анализируется фразеологический и лексический фонд темпоральных единиц английского и русского языков, связанный с «малым» циклом (приемом пищи) и «большим» циклом (периодами в жизни человека).

В научной литературе существует методика сопоставления единиц разных языков. Непременное условие правильного перевода — анализ одноуровневых единиц. Поскольку в работе идет сравнение исследуемого материала английского и русского языков, необходимо определить принцип сопоставления данных единиц в разных языках. В научной литературе лексические единицы сравниваются на основе ПВ и ПС. Выделяются следующие типовые соотношения.

1. Полная эквивалентность (ПВ и ПС эквивалентны, равнозначны). Здесь совпадают и значения фразеологизмов, и значения составляющих слов, и использованный образ.

2. Частичная эквивалентность (ПВ и ПС частично совпадают). Считается целесообразным разделить эту категорию на 2 подвиды: А) Частичная эквивалентность — II (ПВ и ПС семантически тождественны) совпадают значения выражений, знаковый образ, но не совпадают детали образа; Б) Частичная эквивалентность — I (в ПВ не совпадают ни по одному из элементов, но отражают одну и ту же реальность и построены на использовании одного и того же образа).

3. Безэквивалентность (ПВ здесь не играет определяющей роли). Этот тип можно тоже разделить на 2 подвиды: А) Безэквивалентность — II (обозначения специфических для данной культуры явлений (гармошка, бить челом), образов, которые являются продуктом кумулятивной (накопительной) функции языка и могут рассматриваться как вместилище фоновых знаний, то есть знаний, имеющихся в сознании говорящих.) (термин Е. М. Верещагина, В.Г. Костомарова); Б) Безэквивалентность — I (так называемые лакуны — «белые пятна на семантической карте языка», отсутствие в языке слов и значений, выраженных в других языках).

Определенный интерес представляет область безэквивалентных темпоральных единиц. Рассмотрение данных двух иностранных языков с учетом устройства лексического и фразеологического фонда, восприятия мира и его отражения в языке позволяет сделать некоторые выводы.

При анализе лексических единиц, связанных с «малым» гастрономическим циклом, было установлено, что традиционные номинации времени приема пищи у англичан и у русских совпадают: завтрак (breakfast) — обед (dinner) — ужин (supper). Другое дело, что наблюдаются различия, связанные с укладом жизни данных народов, с определенными правилами приема пищи. Как известно, для челове-

ка актуально деление дня на промежутки по времени принятия пищи. Причем то, что характерно для русских, — это один завтрак и ужин до захода солнца. Англичане вообще свято соблюдают установленные правила в еде. Утром — первый завтрак (breakfast), в час дня — второй завтрак (lunch), в 17.00 — чай (five o'clock tea), в 19.00-20.00 — обед (dinner). Ужинать (supper) англичане не любят, но данная форма приема пищи возможна ночью. Эта пунктуальность в еде и времени строго соблюдается, создавая размеренный режим жизни и работы. Когда в слова в разных языках вкладывается различное содержание, следует говорить о фоновой лексике. Слова, отличающиеся лексическими фонами от эквивалентных иноязычных слов, называются фоновыми [3]. Таким образом, можно сделать вывод, что названную выше лексику можно причислить к фоновой. У островных жителей существует ряд «альтернативных» форм: brunch (от breakfast + lunch, поздний плотный завтрак), elevenses («завтрак в 11 часов», «перекус»), high tea («большой чай», ранний ужин с чаем). Причем некоторые периоды связаны с принятием определенной пищи. Например, выделяется два вида завтрака: continental breakfast — «континентальный завтрак», легкий утренний завтрак; обычно кофе с булочкой и конфитюром, и English breakfast — «английский завтрак», плотный утренний завтрак с горячим блюдом — яичницей с беконом, овсяной кашей. Нужно отметить, что в России меню для завтрака более разнообразно по количеству блюд и совершенно не ограничено, оно варьируется в разных социальных группах. Определенный интерес представляет, что все альтернативные формы, которые были перечислены, являются безэквивалентными (brunch поздний плотный завтрак, elevenses «завтрак в 11 часов», «перекус», high tea «большой чай», ранний ужин с чаем), так как таких реалий не встречается в России.

При внимательном рассмотрении можно заметить, что при обозначении дня (breakfast первый завтрак — lunch второй завтрак — dinner обед — five o'clock tea пятнадцаточасовой чай — supper ужин) временные рамки для принятия пищи смещены по сравнению с приемом пищи у русских (завтрак — обед — полдник — ужин).

Нужно отметить, что день как временная единица имеет большое значение для представителей и того, и другого народа, так как она связана с их образом жизни. Интересен тот факт, что распорядок дня англичан определяется временем приема пищи, день у них строго регламентирован. А у русских же относительно свободно располагаются периоды приема пищи и не ограничивается выбор блюд. Это связано, в первую очередь, с тем, что англичане традиционны и консервативны, русские свободолюбивы и не ограничивают себя рамками.

Наряду с «малым» циклом в работе рассматриваются наиболее важные периоды в жизни человека: рождение, ранняя молодость — совершеннолетие — брачный возраст — детородный период — зрелость — гармония — старость — смерть.

Общей для русской и английской культуры является табуированная лексика: при обозначении беременности, рождения, смерти, периода зрелости у женщин. Несмотря на универсальность данной категории, наблюдается ряд особенностей в реализации единиц. В каждой тематической группе выделяется ряд безэквивалентных единиц.

В английской языковой картине мира в семантической подгруппе «рождение — ранняя молодость»

выделяется ряд безэквивалентных выражений, обладающих иной образностью, нежели ФЕ в русской языковой картине мира (an unlicked cub — «невылизанный детеныш», желторотый юнец, молоко на губах не обсохло; between grass and hay — «между травой и сеном», в юношеском возрасте и др.). В этой подгруппе выявляется специфический период «возраст ответственности» (age of discretion). Можно предположить, что стадия созревания, взросления у англичан наступает раньше. Это связано с большей самостоятельностью, независимостью данного народа.

В следующей подгруппе («совершеннолетие») в английской лингвокультуре представлена разветвленная система синонимов, обозначающих вступление во взрослую жизнь (age of majority — «возраст большинства», совершеннолетие; full age — «полный возраст», совершеннолетие; lawful age — «законный возраст», совершеннолетие). Это также связано с такими чертами английского народа, как самостоятельность и независимость. Некоторые выражения юридически зафиксированы. В русской языковой картине мира на данном этапе в выражениях отражено получение социального статуса. Важной вехой для мужчин является служба в армии («призывной возраст»).

Анализ собранного материала по подгруппе «брачный возраст» показал, что у русских большой акцент делается на этнографическом и культурологическом аспекте («расплетать косу», «продавать блины»). При этом внимание уделяется проведению самого ритуала. Для англичан важно исполнение супружеского долга: в языке осуждается непрохождение данного периода, неисполнение детородной функции женщиной (lead the apes in hell — «умереть старой девой»). Также в английском языке имеются номинации старых дев, что подтверждает неодобрение данного явления обществом (a bachelor girl «холостячка», an unappropriated blessing «невостребованное сокровище», an old maid «старая дева»).

Для обозначения «детородного» периода в английском языке характерна меньшая степень эвфемизации, чем в русской картине мира. («happy event» «счастливое, благословенное событие», рождение ребенка, «in the pudding club» «в пудинговом клубе», в положении, «in a family way» «на пути к семье», «в (интересном) положении», «на сносях», «быть тяжелым»).

Для обозначения зрелого периода в русской лингвокультуре представлена дробная периодизация женского возраста («бальзаковский возраст», «опасный возраст», «45 — баба ягодка опять»). Некоторые выражения имеют ироническую окраску. У англичан имеется только одно выражение, восполняющее данный женский период («of certain age» — «определенного возраста»). Это связано с тактичностью, этикетностью жителей Великобритании.

Специфическим для английской культуры является период мирной, спокойной жизни. Можно заметить, что для англичан это осуществимая мечта (have a good (long) innings — «пожелание хорошей долгой подачи», счастливая мирная жизнь; a bed of down — «постель из пуха», безмятежное существование, a bed of roses — «постель из роз», легкая, счастливая жизнь; halcyon days — «дни зимородка», счастливая пора). Для русских же это недостижимый идеал. Поэтому выражения этой группы приобретают иронический оттенок или отрицательную оценку (не жизнь, а малина; молочные реки, ки-

сельные берега). Для русских этот период в принципе невозможен («покой нам только снится»).

Для англосаксонской культуры характерно уважение к пожилым людям. Это отражено в языке. Закрепление в языковом сознании народа с помощью трансляций в пространстве и времени ведет к образованию цветowych этноэидем, которые являются элементами национальной картины мира. Такой этноэидемой можно считать зеленый цвет в английской культуре применительно именно к жизненным этапам. Можно сказать, что выделяется специфический период для обозначения «второй молодости» («green old age» — бодрая старость). В русской картине мира зеленый означает «несопытный по молодости» («молодежь зелено», «зеленый юнец», «зеленая молодежь»). Таким образом, для английской лингвокультуры специфической этноэидемой, отражающей различные номинации возраста, выступает зеленый цвет. В русской картине мира старость в своем значении в качестве составляющих имеет как уважение, так и неодобрение, пренебрежение. Это может быть причиной использования в этой подгруппе грубой лексики («старый хрыч», «старая перечница» и т.д.)

Завершение жизни («смерть») в английской культуре ассоциируется с «западом» (to go west), рай — с «удачной охотой» (happy hunting), могила с образом «маргариток» (under the daisies). Следует отметить, что в английском языке для обозначения этого периода используется менее грубая лексика, чем в русском (ср. «drop off the hooks» — «отбросить крючки», «отдать концы»; «kick the bucket» «ударить по балке, на которую подвешивают туши убитых животных», «загнуться»; «дать дуба», «отбросить копыта», «сыграть в ящик», «кондрашка хватила» и др.)

Общепризнано, что во фразеологических единицах наиболее ярко выступает национальная специфика, особенно в безэквивалентных выражениях. Несопоставимости фразеологических фондов в разных языках объясняется тем, что речемыслительная деятельность человека работает избирательно, она вычленила из бесконечного множества признаков и явлений окружающей среды лишь те, которые соответствуют характеру, образу жизни, сознанию народа, говорящего на том или ином языке.

Итак, анализ данного материала показывает, что для английской культуры ключевым является понятие «happy» — «счастливый». Оно определяет их систему ценностей, мировосприятие, отражает позитивный настрой на некоторые явления жизни. Собранный материал подтверждает, что восприятие человека может зависеть от ментальных структур, способов мышления (конкретность / абстрактность), особенностей коммуникативного поведения (степени этикетности / неэтикетности) и сложившегося в культуре отношения к категории «время». В результате их пересечения формируется своя система «времени жизни» человека.

Сопоставление темпорального фразеологического и лексического фонда английского и русского языков показывает, что при совпадении ПВ и ПС в этих языках наблюдаются и несовпадения (14%). Это подтверждают уже полученные данные на примере других языков (немецкого, корейского).

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. 1986
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980

3. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного, М., 1983
4. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка, М., 1996
5. *Маслова В. А.* Лингвокультурология, М., 2001
6. Семантическая общность национальных языковых систем, Воронеж, 1986
7. Семантическая специфика национальных языковых систем, Воронеж, 1985

8. *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия), М., 1994.

ГЕРДТ Елена Валерьевна, аспирант кафедры исторического языкознания.

Дата поступления статьи в редакцию: 16.08.06 г.
© Гердт Е.В.

УДК 801

Н. А. КОРОВИНА

Омский государственный университет

СМЫСЛОВОЕ И ЭМОТИВНОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОГНИТИВНОЙ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ КАТЕГОРИИ ЕДИНИЧНОСТИ И МНОЖЕСТВЕННОСТИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье проводится реконструкция концептов «один/одинокий» по результатам экспериментов. Целью исследования является выявление особенностей концептуализации данного феномена в русской языковой картине мира.

Исследуя особенности поведения числа в составе ФЕ и причины частотности его употребления в пословицах и поговорках, можно заметить особый «магический» характер чисел. Число в составе пословиц имеет псевдоточный характер, и эта особенность связана с обобщенностью и символичностью самого числа. Если применить утверждение Ю.С. Степанова о концепте, существующем в ментальном мире человека не в виде четких понятий, а в виде «пучка» представлений, понятий, эмоций и ассоциаций, которые сопровождают слово к количественной категории единичности и множественности, то эти «пучки» представлений есть семантические (или стилистические, морфологические) варианты отражения любого количества. Поэтому русский язык так богат синонимическими рядами (ср.: *один в поле не воин; артельно воюешь, а в одиночку горюешь; венца не сломишь, а прутья по одному все переломаеть*). Таким образом, для отражения количества в сознании человека существует определенный набор средств, который он выбирает в зависимости от ситуации и своего отношения к происходящему.

Полиморфность мыслительной категории количества объясняется тем, что данная категория отражает многоплановые по природе и способам познания виды реальной количественной определенности объектов бытия. Анализ семантического поля количества и компонентов языковых количественных значений интересовал нас не только в рамках изучения когнитивно-психологических

механизмов отражения конкретного количества познающим субъектом. Но дальнейшее изучение данной количественной категории предполагалось вести на основе положений психолингвистического подхода. Предложенный концептуальный анализ — исходящее из психолингвистического понимания концепта лингвистическое моделирование. Его основой является понимание концепта в качестве конструируемой исследователем величины [1, с. 38-43]. В ходе исследования языкового материала, содержащего количественные высказывания или высказывания с количественным значением или оценкой концепта ОДИН, нас заинтересовал тот факт, что реализация данного смысла выходит далеко за рамки области количества. Концентрируясь только на описании понятий числа, цифры, счета и представлений о количественной оценке, мы могли бы упустить из виду более объемный фрагмент действительности. Существовала опасность оставить за пределами исследования ряд других концептов, актуализирующих данный фрагмент картины мира, который мы обозначили как 1) *находящийся вне социальных объединений*; 2) *находящийся в недоступном другом пространстве*.

Языковые выражения с количественной семантикой или количественной оценкой выступают своего рода языковыми формами фиксации человеческого знания о количественной стороне окружающего мира. Выявление смысловой и эмотивной структуры концептов единичности и множественности потребовало определить общий ядерный

смысла, который можно было рассматривать во всех смысловых компонентах нашего концептуального поля. За исходную величину решено было принять когнитивную количественную категорию *один*, играющую роль базового концепта. Совокупность полученных нами в результате лексико-семантического эксперимента и ассоциативного эксперимента полей дает возможность реконструировать концепты «один/одинокий», их концептуальные пространства и, в конечном счете, концептуальное поле. Здесь важно было учесть все стороны проявления языкового сознания: конвенциональные смыслы, этнические особенности, субъективное, личностное «переживание» исследуемого понятия. Попытаться выстроить не однолинейные структурные схемы концептов, лишённые несоответствий и даже противоречий, а смоделировать такие конструкции — концепты, наполнение которых благодаря «естественным погрешностям», лакунам в количественном, смысловом, эмоциональном планах получилось бы многостороннее и многогранное.

Сама природа концептов «помогала» нам в этом. Одиночество, которое, как правило, не относят к числу базовых эмоций, тем не менее представляет особый интерес с точки зрения исследования сложной системы отношений человека к окружающему его миру и, следовательно, отражения этой системы в использовании им языка. Анализ материалов толковых словарей представлял нам некоторые общие данные о семантическом содержании слов-ярлыков исследуемых концептов. Что же реально стоит за этими словами в сознании носителя русского языка, и как эти представления и переживания будут проявляться в полученных в ходе эксперимента дефинициях и ассоциациях, каким образом проявится эмоционально-чувственное отношение к явлениям, называемым оцениваемыми словами? [2, с. 78].

Чтобы выявить особенности концептуализации *одинокого человека* в разных языковых картинах мира, был проведен ряд экспериментов: интерпретативный, ассоциативный, а также методика заканчивания предложения. Испытуемыми стали 210 студентов ОМГУ. Возраст респондентов варьируется в пределах от 17 до 22 лет. Согласно нашей гипотезе семантика языковых единиц должна была пересекаться со смыслами, полученными в ходе лингвистического моделирования концептов на материале словарных дефиниций, ФЕ, паремий. А также предполагалось, что субъективные смыслы должны дополнить реконструкцию концепта новыми, не отраженными в существующих текстовых и литературных источниках смысловыми компонентами. Результаты выполнения этого задания оказались интересными в нескольких отношениях. Во-первых, представления участников эксперимента о том, что означает данное слово, значительно отличается от общепринятого словарной дефиниции этого слова. Субъективные смыслы оказались шире, полнее словарных дефиниций. Во-вторых, прослеживается еще одна тенденция — передать значение слова с помощью описания образа, ситуации, представления и т.п. В таких случаях, как правило, наличие эмоционально-чувственного содержания этого образа не вызывает сомнения, поскольку, кроме отчетливо выраженного положительного или отрицательного отношения автора толкования к описываемому им явлению, в нем явно ощущается связь с миром эмоций, а иногда эти эмоции и оценки прямо названы в дефиниции [2, с. 75].

Респондентам было предложено ответить на вопрос: *что для вас...один, одинокий?* Напомним, что по данным словаря п/р Евгеньевой (МАС), *одинокий* — это: 1) Находящийся, пребывающий где-либо отдельно от других; 2) Не имеющий семьи, родственников, близких; 3) Проходящий, протекающий без семьи, родных, близких, исполненный одиночества; 4) Предназначенный для одного человека (устар.).

Одинокий человек для испытуемых нашей референтной группы — юношеского возраста — это человек *без друзей* (32). в некоторых случаях упоминают *друзей и близких* (4). Закономерное лидерство данной категории человеческого бытия среди прочих особенно актуально в юношеском возрасте, когда формируется круг общения молодого человека и приобретаются друзья. *Но ты можешь иметь много друзей, но при этом чувствовать себя одиноком* (1). Здесь, вероятно, акцентируется смысл истинной дружбы, а не поверхностных приятельских отношений. Обобщая данные, нужно сказать, что в большинстве толкований имеет место предикация. В основном испытуемые описывают состояние *одинокого человека*, а не дают ему дефиницию. Многие называют *одинокого человека* *нелюбимым* (10), причем совсем не уточняется, кто должен его любить: муж/жена, любовник/любовница. Только 4 ответа предполагали *отсутствие семьи*. Подобное определение отражается и в словаре: как человек, не имеющий семьи. Смысл «СЕМЬЯ» многочисленно объективируется в пословицах об *одиночках VS семейных людях*, в них прописывается ценность именно семейных отношений между мужем и семьей. Нельзя утверждать однозначно, и я высказываю лишь субъективное мнение, по причине столь невыраженного семейного смысла в толкованиях можно объяснить отчасти возрастом респондентов: не секрет, что в настоящее время так называемый *marriage gap* (среднестатистический возраст вступления в брак) увеличился. Но причиной также вполне может явиться ослабление статуса института брака и семьи: наличие любви не всегда означает наличие семьи.

Следующие смыслы являются частотными, но в словарях они не представлены: *грустный* (15), *замкнутый* (17), *несчастный* (17), *беспомощный*, *беззащитный*, *не имеет поддержки*, *не к кому обратиться в трудную минуту* (9); *ненужный никому* (9), *брошенный*, *покинутый всеми* (8). И хотя прилагательные нельзя назвать синонимичными по своей семантике, все они свидетельствуют о пессимистичном и обреченном взгляде русских людей на свое одинокое состояние, о негативном эмоционально-чувственном отношении к описываемому явлению и нежелании «примерять» его на себя. Концепт представлен в основном отрицательными характеристиками, эмоционально-оценочной семантикой. Смысл «лишение» выражается на языковом уровне с помощью предлога *без*, отрицательной частицей *не*, префиксов *без-/бес-*, *не-*, отрицательных местоимений *никто*, *никому*. Пять респондентов указывают на отсутствие общения и возможности обмена мыслями и чувствами: *без общения* (5); *тебя не понимают* (5). Актуальными являются также социальные причины одиночества, когда человек оказывается изолированным от общества: *оторванный от общества; остального мира; человек не находит свое место в обществе* (4).

Но для небольшой группы испытуемых подобное состояние довольно комфортно, и человек добровольно отгораживается от внешнего мира: *инди-*

видуальность, личность (2); нашедший счастье и гармонию в себе (2); ему никто не нужен (но ошибочно) (1); хочет привлечь внимание и жалость (1); это не плохо, но иногда тоскливо (1); не хочет найти друзей (1), интроверт (1), невеселый (1), не хочет общаться (1), отшельник (2), погружен в самого себя (14), жестокий (1), абсолютный эгоист (1). Очевиден страх остаться одиноким, не нужным никому: изгой (1); беда, бедняга, горе (2); загнанный в угол, неприкаянная душа (2).

Методика заканчивания предложения заключалась в том, что испытуемым предлагалось закончить начатые экспериментаторами предложения, синтаксические структуры которых напоминали пословицы. Их задачей было обозначить тот образ или ситуацию, когда они чувствовали бы себя не одинокими. Мы намеренно не стали направлять эксперимент, ограничивая выбор лексических средств, тем самым желая получить антонимичные концепты, репрезентируемые как количественными категориями, так и разнообразными семантическими выражениями. Вопрос звучал так: *Где... кто, что, сколько, там я не один?* По строению это предложение соответствует пословице: *где два, там не один; где дружно, там не грузно*. Таким образом, мы должны были определить по численному составу и понятийному содержанию противоположный концепт «не один». Итак, полученные реакции можно условно разделить на группы:

1) конкретные количественные показатели: *10 человек (2)*;

2) количественные оценки, которые сводились к обобщающей форме «неопределенно много»: *много (40), несколько (2), безграничное количество (1)*;

3) этические категории и ценности: *друзья (35), лучший хороший друг (24), вдвоем (19), семья (19), много людей, народу (16), компания, группа (9), весь мир (7), любимый человек, вторая половина (7), толпа (7), весело (5), близкие люди (4), коллектив (4), общество (4), дружная компания (3), все (2), праздник (1), добро (1), будущий муж (1), книги (1), мама (1), поддержка (1), понимание (2), родные и друзья (1)*;

4) ассоциативные реакции: *один цветок на поляне сиротливый, а несколько — душистый букет (1); один в поле не воин (1); один как все (1); один месяц, а вокруг миллион звезд (1); с тобой (1), шумно (1)*;

5) попытка дать толкование, приближающееся по объему к тексту: *количество не важно, так как оно не отражает качество (1); не один — значит заниматься важным делом (1); не одна, когда есть семья, любимый человек и близкая подруга (1); один стоит двух, пятерых, десяти (1); в толпе я один, а вдвоем нет (1); не одна, когда я влюблена (1); где Я, там я не один (1); есть с кем поговорить (1); когда я уверена в своих друзьях (1), я не одна со своими мыслями (1); я один — индивидуальность, мы — коллектив (1), я один, а другие люди вместе (1); я один, а нас вместе много и мы команда (1)*.

Судя по ответам, первостепенным для респондентов оказывается все же не количественная сторона концепта, хотя лексемы *много* и *двое* относятся к категориям-квантификаторам и обширно представлены в ответах. Большинство респондентов определили *друзей (35)*, *лучшего друга (24)* и *семью (19)*, *любимого человека (7)* в качестве тех жизненных и нравственных категорий, которые представляют для них наибольшую ценность. Многие испытуемые называют обобщенный образ *всего мира, всех, общества, народа, компании, группы, коллектива, толпы*.

В данном случае проявляется восприятие субъектом объективной меры единичности/множественности, т.е. он пытается детерминировать отношения человек — люди или я — другие. Концепт коллектив был зарегистрирован только в четырех случаях. Для молодых людей ближе и понятнее являются понятия *компания, друзья, команда*, т.е. ближайший круг общения молодых людей. Все остальные составляют так называемый дальний круг, который обозначается как некая безликая масса людей, или даже более презрительно — толпа: *в толпе я один*. В современном обществе сегодня актуальна проблема социальной разобщенности, дискредитации понятия социума, сплоченного государства, общественных организаций. Разобщение может происходить на этнической, национальной, религиозной почве. Поэтому совсем не случайно респонденты отразили в своих ответах только актуальные для них ценности семьи и близких друзей. Хочется верить, что размышления молодых людей о значимости коллектива стали бы первым шагом к объединению всего общества: *все вместе мы — коллектив; я — один, но вместе мы — команда*.

Для установления реального содержания концепта одинокий был проведен ассоциативный эксперимент, который позволял нам конструировать модель концепта на основе полученных ассоциаций. Полученные реакции ассоциативного эксперимента мы также представили как элементы концепта: понятие, предметное представление, эмоция/оценка, индивидуальные ассоциации. В целом описываемый концепт ассоциирован отрицательными эмоциями и оценками: *несчастный (23), тоска (17), грустный (21), скука (9), печаль (5), слезы (1), депрессия (1)*. Можно охарактеризовать одинокого человека как *злого (1), мрачного (1), унылого (1)*. На наш взгляд, важное в этих реакциях — оценка такого положения вещей: *это плохо (2), горе (1)*. Можно высказать мысль о том, что одиночество — это крайнее проявление *несчастья, горя, когда ты потерян, страдаешь от отсутствия других людей (3)*. Ты в *страхе (1), отчаянии (1), обиде (2)* живешь на свете, и нет надежды на других (3). Очень сильные по накалу эмоций лексемы *безнадежность (3), безысходность (2), отчаянность (1)* говорят нам о максимальной степени страданий. Если распределить эмоции по шкале нарастания, то ее можно представить следующим образом: *скучно - грустно - печально - уныло - плохо - тоскливо - мрачно - страх - несчастье - горе - страдание - трагедия - отчаяние - безнадежность — безысходность*.

Понятийная составляющая часть концепта реализовывалась на ассоциативном уровне в основной предикацией, которая выражает чувства. Так, в сознании русского человека одинокий человек — *это не нужный никому (7), непонимание (4), необщительный (3), отстраненный от общества (2), совсем один (5), тот, у которого нет друзей (8), нет близких (2), без пары (1), без обязательств (1), не связан ничем (1), расхождением (1)*.

Актуализируется смысл «потребность в ком-то». Это могут быть целые коллективы: окружающий мир, общество или ближайший круг человека: его семья, близкие, друзья. На первый план выходят межличностные, не пространственные отношения. Прежде всего концептуализируется негативное внутреннее состояние человека и его потребность в понимании, своей необходимости другим людям, а не внешние проявления жизни одинокого человека. Хотя в нескольких реакциях они присутствуют: *ушед-*

ший от людей (1), стоящий отдельно (1). Глаголы, коррелирующие со словом-стимулом *чувствовать, остаться*, также из эмоционально-чувственной области.

На вербальном уровне проявляется интенсификация человеком своего одинокого состояния: *совсем один; ни одного нет рядом; не связан ничем; никому не нужен*. Достигается это путем «напигетания экспрессии»: выбором отрицательных местоимений, частиц, на словообразовательном уровне выражается префиксально: *без-/бес-, не-*. Частотные маркеры: *один, одного* прямо эксплицируют описываемый концепт, тем самым происходит абсолютизация понятия. Слово сочетание *совсем один* — попытка гиперболизировать одинокое состояние, максимально передать ощущение абсолютного одиночества. Одиноким у многих респондентов ассоциируется с объектами, т.е. репрезентируется предметное содержание концепта: *мужчина (5), женщина (1)*. Лишь двое респондентов признали себя одинокими и ответили личным местоимением «я».

Многие представители отряда животных и птиц послужили прообразами одиночек: *волк (10), голубь (4), орел (1)*. Любопытно, что волки проживают обычно стаями, но в людском сознании прочно закрепился романтический образ волка-одиночки, вызывающий уважение и одновременно страх. Определенную долю дефиниций составляет представление об объектах природы, обитающих и произрастающих одиноко либо: *зверь, тополь, одинокая береза, дуб, одинокий лист, сосна*. Ассоциации основаны на олицетворении предметов природы с *одиноким человеком*. Персонификация, наделение человеческими качествами объектов окружающего нас мира особенно характерно проявляется в стихотворениях, песнях, сказках русского народа (ср.: лермонтовские образы старого утеса, дубового листа, сосны, песенный образ стоящей в поле одинокой березы, волк-одиночка — любимый персонаж русских фольклорных сказаний).

Возникшие на слово-стимул одинокий реакции на 22 процента составили ассоциативную область концепта. Присутствуют слова-реакции ощущения и восприятия: *холод (2), серый (4), темнота (1), тишина (1). Смерть (2) и старость (3)* связывают с одиночеством: *одиноким старик, одинокая пожилая женщина*. Нередко под конец жизни человек остается неволевым не только обществом, но зачастую и собственной семьей. Двое респондентов назвали причиной одиночества *бедность*, прозвучало также предположение об *алкогольной зависимости (1)*. Что в данном случае является первопричиной: моральное, материальное падение человека становится основанием для исключения его из коллектива, или же отсутствие со стороны общества помощи и внимания ведет к образованию социального и личного вакуума индивида, что нередко приводит к пьянству и нищете? Некоторые реакции указывают на отношения человек — пространство: *город (1), безлюдный дом (1), мир (1), толла (1)*. Сегодня одиночество — одна из самых острых проблем нашего общества. Современный социум вынужден вести быстрый темп жизни, а дефицит времени, постоянная занятость порождают общество одиноких людей.

Значительное количество реакций, составивших область представлений описываемого концепта, можно классифицировать как группу лексем, рисующих портрет одинокого человека: *брошенный, покинутый (10), замкнутый (8), свободный (5),*

беспомощный (3), отвергнутый (3), забытый (3), интроверт (3), забитый, закомплексованный (2), изгой (2), странный (2), отвергнутый (1), самостоятельный (1), отшельник (1), неудачник (1), спешный (1), скупой (1), безработный (1), грубый (1). Создается в целом образ отрицательного героя, за исключением тех реакций, которые, напротив, утверждают, что свободный и успешный человек всегда одинок. Представления связаны с *предательством (1), прошлым (1), чужой семьей (1), проблемой (1)*.

Для сопоставления данных, полученных нами в ассоциативном и интерпретативном экспериментах, мы обобщили данные частотного распределения слов-реакций и дефиниций на каждое слово-стимул, построили концептуальные поля; выделили ядро и периферию. В обобщенное определение вошли наиболее частотные значения, что свидетельствует о значительной доле совпадений и пересечений личностных смыслов и позволяет смоделировать коллективный портрет современного одинокого человека. Итак, для современных молодых людей *одиноким* человек представляется *замкнутым, погруженным в себя, у которого нет друзей и близких, ему не к кому обратиться за помощью, его не понимают, не принимают в общество, он чувствует свою ненужность, от этого он страдает от отсутствия общения, поэтому он грустный, несчастный, брошенный и покинутый всеми*. Безусловно, такой человек вызывает у нас различные оценки его поведения: *жалость, сочувствие*, у кого-то одинокие люди могут вызвать отрицательные эмоции: *эгоист, неудачник, такие люди стремятся привлечь к себе внимание*. Полученные реакции интерпретативного эксперимента мы представили как элементы концепта. Эксперимент выявил, что в подавляющем большинстве отражен понятийный компонент концепта *одиноким* (62%). На эмоционально-оценочном уровне он реализован в 71 ответе (33%). Предметное представление составило (5%). Такое соотношение объясняется заданной пропозицией типа *Х есть У*, которая предполагает, «навязывает» индивиду определенный тип построения оформления своих мыслей.

Кроме того, ассоциативный эксперимент в совокупности с семантическим дал более точную информацию о современном составе значения слова. По данным эксперимента на закаливание предложения оказалось, что одно и то же начало предложения выражения может иметь разные продолжения и содержать разные личностные смыслы при наличии общего для пословиц данной группы переносного смысла. Результаты позволили определить степень знакомства испытуемых с описываемым фрагментом действительности и закономерности построения речевых высказываний, служат лучшему пониманию механизмов синтаксической организации речи и допустимых вариантов языковых конструкций.

Созданные нами поля были представлены в виде традиционной психолингвистической схемы концепта — лингвистической модели. Ее структурные компоненты были подвергнуты анализу, была попытка не только описать обнаруженные связи и отношения внутри поля, но и объяснить выявленные факты с позиций современного языкознания.

Библиографический список

1. Залевская А.А. Языковое сознание и описательная модель языка // Методология современной психолингвистики. М., Барнаул, 2003, с. 35-49.

УДК 801

И. Г. ОКОНЕШНИКОВА

Омский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ ПОЛИСЕНСОРНОСТИ (ПОЛИМОДАЛЬНОСТИ) АВТОРСКОГО ВОСПРИЯТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье показано влияние модусов восприятия в авторской репрезентативной системе на подбор лексико-семантических единиц и синтаксических конструкций в произведении.

Говоря о сенсорике восприятия человека, следует помнить, что ощущение и восприятие являются чувственным отображением объективной реальности, существующей независимо от сознания, на основе воздействия ее на органы чувств. Но восприятие есть осознание чувственно данного предмета или явления, а ощущение - отражение отдельного чувственного качества или недифференцированные и неопредмеченные впечатления от окружающего [1].

Залевская А.А. утверждает [2], что человек воспринимает мир с разных "входов": "внешних" (вербально-слуховой, вербально-зрительный и разнообразные невербальные сенсорные - через восприятие предметов, действий, их изображений, через слуховые, вкусовые, тактильные модальности) и "внутренних" (от интенций, концептов). Это значит, что система восприятия состоит из частных подсистем: зрительной, слуховой, вкусовой, обонятельной и осязательной. И психологи, и лингвисты, намечающие исследование данного фрагмента образа мира, отмечают иерархический характер компонентов этой системы: слух и зрение традиционно считаются основными перцепциями в жизнедеятельности человека.

В образе мира проявляется взаимосвязь и взаимовлияние разных подсистем восприятия; при этом язык, являясь важным средством познания, оперируя которым человек осуществляет когнитивные преобразования в процессах отражения сознанием объективной реальности [3], демонстрирует высокую степень диффузности в интерпретации разных видов восприятия. Так, запахи мы слышим (- Слышишь, дымком потянуло?), ощущаем на вкус (горький, кислый, сладкий, едкий), на вес (тяжелые и легкие запахи), оцениваем их температурные характеристики (теплые и холодные); звуки воспринима-

ем акустически (высокие, низкие, громкие, тихие, короткие, длинные), ощущаем их вес (тяжелые, легкие) и цвет (цветомузыка). Кроме того, можно привести примеры по преимуществу обонятельного (например, в повести П. Зюскинда «Парфюмер»), или зрительного, или звукового образов мира разных языковых личностей [4].

По словам психологов и лингвистов, вся воспринимаемая человеком информация кодируется одновременно через зрение, слух, обоняние, осязание, пережитые чувства и эмоции. Согласно данному положению выделяется ряд модусов, которые соответствуют каналам поступления информации, т. е. модусы зрения, слуха, обоняния, осязания; модус чувств и эмоций, модус функционального назначения. Все модусы тесно связаны между собой и взаимодействуют, а также являются такой целостностью, которая подчиняется единым логическим законам сочетаемости когнитивных единиц в процессе мышления.

Восприятие окружающего мира с помощью зрения, слуха, обоняния, осязания сопровождается переживанием эмоций, которые «вплавляются» в воспринимаемую информацию. Чувства и эмоции являются результатом отношения человека к тому, что его окружает. В.И. Шаховский убедительно доказывает (при этом не разделяя понятия чувства и эмоции), что «эмоции имеют как собственно физиологические (природные), так и оценочные (что является результатом их осмысления, осознания) параметры» (Шаховский, 1987:38). Следовательно, модус чувств и эмоций является рычагом, управляющим процессом категоризации, и одновременно мотивационным регулятором поведения.

Наибольшее внимание исследователей за последнее время привлекла модальность внутреннего опы-

та человека в рамках нейролингвистического программирования, согласно которому восприятие внутреннего опыта можно разделить на три основные модальности: визуальную, когда человек перерабатывает свой внутренний опыт с помощью зрительного анализатора; аудиальную, когда внутренний опыт перерабатывается с помощью слухового анализатора; кинестетическую - через осязательные, тактильные, тепловые ощущения.

В жизни используются все модальности. Но предполагается, что у каждого человека существует ведущая модальность (ведущая репрезентативная система), которой он пользуется чаще всего: визуальная, аудиальная или кинестетическая.

Ведущую модальность можно определить по частоте использования в речи слов-предикатов, к ней относящихся. Кроме того, любая система имеет пропозицию воплощения модусов восприятия, т.е. пропозицию зрительного, слухового, тактильного восприятия. При этом один и тот же субъект может также использовать несколько модальностей для выражения разных смыслов [5].

Данные изменения происходят вследствие таких физиологических процессов, как адаптация (приспособление органа к воздействию раздражителю) и явление контраста, под влиянием которого ощущение обостряется. Благодаря тому, что ощущения не сразу достигают назначения и не сразу исчезают после прекращения раздражения, происходит слияние отдельных ощущений в единое целое.

Дифференциация и специализация рецепторов не исключают их взаимодействия. На данном взаимодействии основан метод сенсбилизации одних органов чувств путем действия на другие органы чувств раздражениями. Взаимосвязь ощущений проявляется в так называемой синестезии. Синестезия (от греч. *synaisthesis* - совместное чувство, одновременное ощущение) — феномен восприятия, состоящий в том, что впечатление, соответствующее данному раздражителю и специфичное для данного органа чувств, сопровождается другим, дополнительным ощущением или образом, при этом часто таким, которое характерно для другой модальности. Типичный пример синестезии — «цветной слух», равно как и звуковые переживания при восприятии цвета [6].

По мнению Галева Б.М. [7], синестезия есть проявление метафорического мышления, которое базируется на механизме ассоциаций. Метафоры, как уже давно установлено, генетически основаны на «ассоциациях по сходству», в синестезии эта же связь формируется по «сходству» разномодальных явлений, причем сходство может быть либо по содержанию (смыслу, эмоциональному воздействию) - пример из Бальмонта, либо по форме (структуре, гештальту) - пример из Горького [8].

Синестезия позволяет А.И. Бордовской [9] предположить, что, в принципе, механизм синестезии, обеспечивая связь концептов в концептуальном пространстве, лежит в основе образования любой метафоры. Собственно же синестетическая метафора как разновидность метафоры представляет собой реакцию языка на межчувственные ассоциации, возникающие в человеческом мозге в результате обработки информации, получаемой от различных органов чувств.

Каждый мыслящий человек обладает «субъективным кодом», и экспериментально доказано, что возможно совмещение двух операций по переработке одновременно поступающей разно-

смысловой и разнокодовой информации, а также совмещение двух и более операций при переработке одновременно поступающей однокодовой (вербальной) информации, если совмещаемые сообщения адресуются разным (зрительному и слуховому или тактильному и слуховому) анализаторам.

Идея параллельности переработки информации человеком по разным каналам, а также интегрирование полученных результатов с помощью единого кода получила в современной науке широкое распространение, поскольку познавательная деятельность человека в большинстве случаев опирается более чем на одну модальность, и в случае нарушения зрительного или слухового канала знаковое поведение будет основано на тактильных, обонятельных или вкусовых ощущениях. Данное положение не может не отражаться в авторской системе восприятия мира, а также в его литературных творениях.

Говоря о специфике авторского мышления и его системе восприятия, необходимо отметить, что вся воспринимаемая им информация передается одновременно через сенсорные каналы поступления информации, т.е. модусы восприятия. При этом в тексте каждого автора присутствует ведущая репрезентативная система наряду с другими модальностями для создания характерных художественных образов, что позволяет автору манипулировать вниманием и восприятием читателя с целью передачи большей степени экспрессивности и подлинности событий и персонажей.

Современный писатель Росс Кинг в романах «*Domino*» и «*Michelangelo and the Pope's Ceiling*» создает персонажи художников разных эпох: живописца Котли (18 век) и скульптора Микеланджело (16 век). Очевидно, что ведущей репрезентативной системой автора является зрительная модальность, что объясняет высокий процент содержания в текстах прилагательных цвета, метафор и образных сравнений, лексики зрительной пропозиции. В книгах приводится множество портретных зарисовок и фрагментов описания природного ландшафта, интерьера, костюмов героев в виде отдельно запечатленных фотографических картин, передающих восприятие окружающего мира глазами автора через его персонажей. При этом автор намеренно использует сочетание разных модусов для передачи образа живописца, предлагая читателю богатую палитру цветовых окказионализмов (*the colour of gooseberry wine, custard-skin, boiled beetroot complexion*), глаголов изображения (*paint, capture the face, display, portray, show, present*), зрительного восприятия (*glimpse, gaze, catch the eye, see, spot, glance*), сопровождаемых ощущениями запаха (*sweaty chairman, pungent spices of perfume*), слуховыми (*rattle of his gown, clatter, clucking of her tongue, languid voice*) и тактильными ощущениями (*rough skin, wrinkled, texture of the shrivelled skin*). При создании образа скульптора автор использует цветовую характеристику для описания мрамора и палитры мастера (*Carrere marble, snow-white*), в предикативной лексике доминируют глаголы зрительного и тактильного восприятия (*envision, clutter, touch, stab, construct, sculpt, illustrate*), единицы передачи массивности сооружений (*tremendous, enormous, impulsive, ambitious, freestanding*) и их фактуры (*smooth surface, thickness of roughly three-quarters*), характеризующие профессионального скульптора. Более того, с целью передачи особенностей «скульптурной» живописи творца автор приводит очень ма-

до названий пигментов (morellone, bianco sangiovanpi, lime-green, azurite), используемых для написания картин, компенсируя это значительным количеством эпитетов и словосочетаний (muscular nudes in frantic but graceful gyrations, athletic posturing, anatomically exact knots of muscle, the brute visual force of Michelangelo's naked titans), а также глаголов созидания (to foreshorten, to jackknife the pose, to strike a pose, to establish the body), более предпочтительных для скульптуры, чем для живописи, придающих особую экспрессивность сценам с массивными «изваяниями» человеческих тел.

Модусы восприятия, представленные в авторской репрезентативной системе, определяют подбор лексико-семантических единиц, а зачастую и синтаксических конструкций, описывающих авторское сознание в речевом произведении.

Библиографический список

1. Рубинштейн С.А. Основы общей психологии. - Питер, 2004.
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. - М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. -382 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М.: УРРС, 2004.

4. Трипольская Т.А. Система восприятия и ее языковое воплощение (обонятельная картина мира). www. 96.ru.

5. Аржанников В.А. Исследование соотношения модальностей в различных культурах. Философия человека и психология. Русский Христианский гуманитарный институт, 2000.

6. Большая советская энциклопедия. М, 2001.

7. Галеев Б.А. Что такое синестезия. Мифы и реальность. The problem of synaesthesia in the arts. - Languages of design, 1993, ?1.

8. Галеев Б.А. Синестезия - не аномалия, а форма вербального мышления. Материалы международной конференции "Language, Vision and Music", авг. 1999.

9. Бардовская А.И. Средства номинации синестетических сообщений (на материале английских и русских художественных текстов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. - Тверь, 2005.

ОКОНЕШНИКОВА Ирина Геннадьевна, преподаватель кафедры иностранных языков факультета иностранных языков.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.08.06 г.
© Оконешникова И.Г.

УДК 800

А. А. ПЕНЬКОВ

Омский государственный университет

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ ЭВФЕМИЗМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ ДЖ. К. ДЖЕРОМА «ТРОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ»)

В настоящей статье анализируются и сравниваются на предмет адекватности два художественных перевода некоторых эвфемизмов, выборочно взятых из английской юмористической повести.

В каждом языке есть слова, которых инстинктивно или намеренно избегают, поскольку они считаются говорящими либо грубыми, либо постыдными. Поэтому часто используются заменители таких слов – эвфемизмы. Кроме того, в литературе эвфемизмы могут служить ярким стилистическим приёмом. Одна из задач переводчика – как можно точнее передать стиль оригинала, адекватно отражая в переводе все стилистические приёмы подлинника. В этой статье мы сопоставим два перевода некоторых эвфемизмов из повести Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» и определим, какой из переводов является наиболее адекватным. Для анализа мы выбрали «классический» перевод М. Донского и недавно появившийся перевод В.Ф. и Н.Н. Лавровых. При работе мы будем пользоваться типологией трансформаций, разработанной В.Н. Комиссаровым.

George fancied that, if it had not been for the restraining influence of the sweet woman at his side, the young man might have given way to violent language [1:128].

Перевод М. Донского:

Джордж считал, что, если бы не облагораживающее влияние любимой женщины, молодой человек дал бы волю языку [2:65].

Английский эвфемизм «to give way to (violent) language» - to use obscene words/ использование obscene лексик [3] - является традиционным и имеет соответствующий русский эквивалент «дать волю языку». Поэтому, исходя из устоявшейся формы русского эвфемизма, М. Донской прибегает к трансформации опущения, добиваясь тем самым аутентичности звучания перевода.

Перевод Лавровых:

Джордж даже не сомневался в том, что юноша не удержался бы от непарламентских выражений,

если бы не сдерживающий фактор в лице любимой женщины [4:173].

При переводе В.Ф. и Н.Н. Лавровы также пытаются сохранить эвфемизм, но традиционному английскому эвфемизму переводчики подыскивают нетрадиционное, не успевшее как следует прижиться на русской почве соответствие. Это, скорее всего, связано с тем, что В.Ф. и Н.Н. Лавровы выполняли свой перевод относительно недавно (2002 г.) и хотели его несколько «осовременить». Такое решение мы находим не вполне удачным, поскольку в данном случае меняется стиль и настроение оригинала. Формой выбранного русского соответствия продиктована использованная переводчиками трансформация конкретизации: они заменяют английское слово «language» - a system of communication by written or spoken words, which is used by the people of a particular country or area/письменная или устная система коммуникации, используемая людьми определённой страны или региона [3] - русским словом «выражения» - сочетания слов, часто употребляющихся в речи [5]. В.Ф. и Н.Н. Лавровы используют такую лексико-грамматическую трансформацию, как антонимический перевод «не удержался бы от». На наш взгляд, данная трансформация не совсем удачна, поскольку в русском варианте появляются целых три частицы «не», которые вкупе со словом «непарламентских» утяжеляют всё предложение. Существует мнение, что выражение мысли через отрицание характерно больше для английского менталитета, нежели для русского.

Mrs. P. used to come up and say she was very sorry – for herself, she liked to hear him – but the lady upstairs was in a very delicate state, and the doctor was afraid it might injure the child [1:211].

Перевод М. Донского:

Миссис Попитс неизменно являлась к нему и говорила, что ей очень жаль, - потому что она лично любит слушать Джорджа, - но наверху живёт леги, и она в интересном положении, и доктор опасается гибельных последствий для ребёнка [2:107].

М. Донской передаёт английское прилагательное «delicate» - easily damaged or broken/хрупкий, легко ломаемый [3] - русским прилагательным «интересный» - возбуждающий интерес; занимательный; любопытный [5], хотя семантические поля этих слов не пересекаются. Подобная лексико-семантическая замена продиктована в данном случае существованием в языке перевода устоявшегося эвфемизма «быть в интересном положении». Отметим, что Джером, добавляя в традиционный эвфемизм наречие «very», создаёт комический эффект. На наш взгляд, перевод М. Донского был бы выигрышнее, если бы он также добавил наречие «очень».

Перевод Лавровых:

Миссис П. взяла обыкновение тотчас же являться к нему и объяснять, что ей крайне неловко говорить об этом, поскольку лично она обожает слушать Джорджа, но наверху проживает леги, готовящаяся стать матерью и пребывающая в настоящий момент в деликатном положении, и доктор опасается вредных последствий для здоровья носимого под сердцем ребёнка [4:276].

Переводчики неоправданно используют грамматическую трансформацию добавления. В результате перевод избыточен совершенно ненужными: «тотчас же», «готовящаяся стать матерью», «в настоящий момент». В тексте оригинала Джером для создания комического эффекта использует традиционный эвфемизм «to be in a very delicate

state», который стандартно переводится как «находиться в интересном положении». Но Лавровым по каким-то причинам данный вариант не понравился и они предложили свой: «пребывать в деликатном положении». Перед нами яркий пример неоправданного буквализма. Но дальше переводчики допускают ещё один промах, добавив в русский текст выражение: «леги, готовящаяся стать матерью». В итоге получается тавтология вкупе с фонетической неуклюжестью и чрезмерной жеманностью.

Harris's language used to be enough to unnerve any man; added to which, Montmorency would sit and howl steadily, right through the performance [1:211].

Перевод М. Донского:

Харрис комментировал его игру в выражениях, которые могли бы ещё раздражить кого угодно. Вдобавок Монморанси всякий раз усаживался рядом и сопровождал исполнение заунывным воем [2:106].

На лексическом уровне удачным является решение переводчика передать английский оборот «to unnerve any man» русским «обескуражить кого угодно». Составив дефиниции ядерных элементов словосочетаний «to unnerve» - to upset or frighten someone so that they lose their confidence or their ability to think clearly/вывести кого либо из себя, напугать, лишить уверенности в себе, а также способности ясно мыслить [3] и «обескуражить» - привести в состояние растерянности, озадачить [5], мы видим, что они синонимичны. В итоге переводчику удаётся адекватно передать и содержание, и авторский стиль оригинала.

Перевод Лавровых:

Во-первых, Харрис всякий раз интерпретировал его экзерсисы в таких выражениях, каковые напрочь отбили бы охоту музицировать и у более опытных музыкантов; во-вторых, поддувал масла в огонь и наш Монморанси, который всякий раз усаживался поближе к банжо и начинал сопровождать бренчание Джорджа решительно невыносимым воем [4:275].

Нетрудно заметить, что Н.Ф. и Н.Н. Лавровы практически заново переписывают авторский текст, о чём явно свидетельствуют многочисленные и неоправданные добавления («во-первых», «всякий раз интерпретировал его экзерсисы, каковые напрочь бы отбили охоту музицировать»). Кроме того, их перевод не выдержан в едином стиле: ср. сочетание таких устаревших слов, как «музицировать» - играть на музыкальном инструменте, «экзерсисы» - упражнения для развития, совершенствования техники исполнения танца, музыки [5] и просторечного выражения «отбить охоту».

In the present instance, going back to the liver pill circular, I had the symptoms, beyond any mistake, the chief among them being a general disinclination to work of any kind [1:14].

Перевод М. Донского:

В данном случае у меня были все признаки болезни печени (...), включая главный симптом: «апатия и непреодолимое отвращение ко всякого рода труду» [2:6].

При переводе данного эвфемизма Джером прибегает к двум трансформациям: опущению («general») и добавлению («непреодолимое отвращение»). На наш взгляд, перевод М. Донского был бы точнее и мягче, если бы он оставил только слово «апатия», потому что данное слово наиболее полно как в смысловом, так и стилистическом плане отражает значение выражения «a general disinclination».

Добавив в текст перевода «непреодолимое отвлечение», М. Донской тем самым «огрубляет» авторский эвфемизм.

Перевод Лавровых:

(...) главные симптомы были, что называется, налицо: «общая вялость, повышенная утомляемость, устойчивое отвращение к разного рода труду» [4:11].

Лавровы так же, как и М. Донской, используют в своём переводе добавление: «повышенная утомляемость» и «устойчивое отвращение». В итоге эвфемизм «a general disinclination» неоправданно превращается в три эвфемизма. На наш взгляд, было бы логичнее оставить только один вариант: общая вялость. Предлагаемый вариант Лавровых к тому же перегружен современными медицинскими терминами, которые отсутствуют в оригинале.

Таким образом, проведя сопоставительный анализ переводов М. Донского и В.Ф. и Н.Н. Лавровых, мы пришли к заключению, что проще всего обстоит дело с переводом традиционных эвфемизмов. В данном случае переводчик просто подыскивает соответствующий эквивалент в языке перевода. Ситуация осложняется тогда, когда приходится иметь дело с оригинальными авторскими эвфемизмами; ведь важно передать не только план содержания, но и особенный стиль автора. Тут в распоряжении у переводчика имеется весь набор лексических, грамматических и лексико-грамматических трансформаций. Помимо этого мы убедились в том, что структура русского предложения в большинстве случаев не соответствует английской, а также не

совпадают структуры семантических полей. При переводе эвфемизмов чаще всего используются грамматические трансформации добавления и опущения. Адекватным переводом можно признать перевод М. Донского. Практически всегда ему удаётся сохранить и тождество информации, и своеобразный стиль автора. Перевод Лавровых нам кажется неудовлетворительным. Переводчики «украшают» авторский текст словами и выражениями, которых изначально нет в оригинале. Кроме того, их перевод перегружен выражениями искусственно-книжного характера («пребывать в настоящий момент», «деликатный», «фактор»). Очень часто переводчикам не удаётся правильно передать авторские эвфемизмы.

Библиографический список

1. Jerome K. Jerome Three Men in a Boat. Москва, 2004.
2. Донской М. Трое в лодке, не считая собаки. Москва, 1984.
3. Longman Advanced American Dictionary. Barcelona, 2000.
4. Лавров Н. Н., Лаврова В. Ф. Трое в лодке (не говоря о собаке). Ростов-на-Дону, 2002.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Москва, 1997.

ПЕНЬКОВ Антон Александрович, аспирант кафедры исторического языкознания филологического факультета.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.08.06 г.
© Пеньков А.А.

УДК 159.443

А. В. ПОМОГАЛОВ

Омский государственный университет

ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Данная статья раскрывает понятие девиантного поведения в призме современных психологических исследований, а также выводит характеристики девиантной личности, основные психологические параметры девиантного подростка, понятие «нормы» в сравнении с отклонением (девиацией) и признаки «группы риска». Статья акцентирует внимание на девиации среди подростков и указывает на основные причины переходного возраста.

Систему поступков, отклоняющихся от общепринятой или подразумеваемой нормы, — психического здоровья, права, культуры, морали — называют девиантным поведением [И.С.Кон, 1989].

Девиантное поведение проявляется в следующих формах: злоупотребление алкоголем и наркотиками (аддиктивное поведение), курение; агрессивное, суицидальное и противоправное (делинквентное) поведение, проживание в особой субкультуре (например, в религиозной секте). Девиантное поведение может проявляться в структуре любой

деятельности и, как правило, препятствует ее эффективности.

Девиантное поведение подразделяется на две большие категории. Во-первых, это поведение, отклоняющееся от норм психического здоровья. Во-вторых, это антисоциальное поведение, нарушающее какие-то социальные и культурные нормы.

А.А. Реан выявил следующие характеристики центральных образований девиантной личности:

1. Доминирующая система отношений к другим.

Негативная. Отношение настороженности, конкуренции, неприятия, ожидания враждебности.

2. Доминирующая система отношений к себе.

Самооценка может быть любой: как неадекватно завышенной, так и неадекватно заниженной. Однако имеется интеракционный конфликт самооценки конфликт между самооценкой и оценкой социума.

3. Доминирующая система отношений к труду.

Негативная. Отношение пренебрежения, незначимости, неприятия, отвержения. Труд считается атрибутом неудачников и "слабаков".

4. Шкала ценностей.

Контрнормативные, негативные, асоциальные, эгоцентричные.

5. Социальные установки.

Агрессивность, физическое насилие как норма, контрнормативность как стиль поведения, как позитивная характеристика личности. Предполагается скрытая асоциальность большинства членов общества, негативизм в отношении официальных властей [Реан А.А., Коломинский Я.Л., 1999].

Подростковый и юношеский возраст представляет собой группу повышенного риска для возникновения и обострения каких-либо отклонений в силу биосоциопсихологических особенностей возраста.

И.С. Кон выделяет три основные причины «трудности» переходного возраста:

1) перестройка гормональных процессов и Я-концепции;

2) пограничность (маргинальность) и неопределенность социального положения подростков;

3) противоречия в механизмах социального контроля: детские формы контроля (соблюдение внешних норм и послушание) уже не действуют, а взрослые способы (самоконтроль и самодисциплина) еще не сложились.

Ю.А. Клейбергом было разработано содержание основных психологических параметров девиантного подростка:

1) Социально-психологические особенности среды воспитания, обучения и развития. Это объективные характеристики положения подростка в различных системах значимых для него социальных отношений:

а) в системе социально-экономических отношений (материальная обеспеченность, социально-бытовые условия т.д.);

б) в системе внутрисемейных отношений (тип семьи, ее состав, характер деятельности членов семьи и т.д.);

с) в системе внутригрупповых отношений со сверстниками (социальный статус в группе, предписанные роли, наличие друзей и т.д.).

2) Особенности познавательной деятельности подростка:

а) соотношение уровня умственного развития подростка и возрастной нормы;

б) соотношение уровня развития когнитивных процессов и психолого-педагогических требований;

с) индивидуальные особенности познавательной деятельности подростка (интеллектуальная активность, вербализм, шизоидность, интеллектуальная пассивность и т.д.);

д) умственная работоспособность и темп умственной деятельности.

3) Особенности мотивационно-личностной сферы:

а) наличие учебной мотивации и ее конкретное содержание;

б) ведущий тип мотивационной регуляции деятельности — достижение успеха, избегание неудач;

с) конфликтность мотивационной сферы (личностная тревожность, наличие прогнорочивых мотивов);

д) наличие выраженных личностных акцентуаций.

4) Особенности отношений подростка к миру и к самому себе. Включает в себя восприятие и эмоциональную оценку подростком важнейших систем отношений — со сверстниками, в семье, со значимыми взрослыми; отношение к различным видам деятельности, к себе.

5) Особенности поведения девиантного подростка в ситуациях социально-психологического взаимодействия:

а) характерологические особенности поведения и общения, обусловленные психодинамическими свойствами нервной системы (повышенная энергетика, высокая саморегуляция, медлительность, импульсивность, инертность и т.д.);

б) поведенческие особенности, свидетельствующие о социально-психологической дезадаптации девиантного подростка (уход от деятельности, нарушение общения со сверстниками и взрослыми, низкая социальная нормативность поведения, депрессивность, эмоциональная незрелость, невротические проявления и др.)

Подростки и юноши с девиантным поведением относятся к группе социального риска.

Общие признаки «группы риска» [С.А. Кулаков, 1996]:

1. В поведенческой сфере, при общении: эгоцентризм, избегание решения проблем, нестабильность отношений с окружающими, преимущественно одиотипный способ реагирования на трудности, неуверенность в себе, высокий уровень претензий при отсутствии критической оценки своих возможностей, склонность к обвинениям.

2. В аффективной сфере: эмоциональная лабильность, низкая фрустрационная толерантность и быстрое возникновение тревоги и депрессии, появление социофобий, агрессивность.

3. Искажения мотивационно-потребностной сферы: блокировка потребности в защищенности, самоутверждении, свободе, принадлежности, временной перспективе.

4. Наличие когнитивных искажений, усиливающих дисгармонию личности, «аффективная логика»: формирование выводов при отсутствии свидетельства в его поддержку, например: «я-неудачник»; построение заключения, основанного на деталях, вырванных из контекста: «меня в школе никто не любит, т. к. я плохо учусь»; построение глобального вывода, основанного на одном изолированном факте: «абсолютное мышление», проживание опыта в категориях: «все или ничего», «белое или черное»; ориентация на слишком жесткие нормы и требования, перфекционизм, нетерпеливость; отнесение внешних событий к собственной личности при отсутствии аргументов для такой связи: «эта реплика не случайна, она относится ко мне»; преувеличение негативных событий и минимизация позитивных, неприятие позитивной «обратной связи».

Понятие «девиантное поведение» тесно связано с категорией «нормы». Самым расхожим для многих психологов остается понятие «норма» как, во-первых, что-то среднее, устоявшееся, не выделяющееся из массы, и, во-вторых, как что-то наиболее

приспособленное к окружающей среде. Исходя из данного понимания категории «норма», недевиантным является только конформное поведение. Это так называемый статистически-адаптационный подход, в соответствии с которым выделяют признаки нормальной здоровой личности:

- интерес к внешнему миру;
- наличие смысла жизни, определенной жизненной философии, которая упорядочивает, систематизирует опыт человека;
- существование иерархии ценностей;
- способность юмористически окрашивать действительность;
- целостность личности, адекватность ее реакций на изменения обстоятельств, сбалансированность основных нервных процессов (возбуждения и торможения), уравновешенность корковой и подкорковой деятельности.
- способность к установлению душевных контактов с окружающими;
- соответствие поведения человека нормам и традициям, установленным в обществе; подчинение общественным целям, выбор законных средств для достижения личных целей и ряд других признаков. [Н.И.Швецова, 2002].

К атрибутивным характеристикам социальных норм, по мнению большинства авторов исследований нормативного поведения, относятся:

- императивность, обязательность для каждого члена группы;

- полезность, общественная необходимость;
- соблюдение норм членами группы;
- эталонность норм;
- объективность характера и основы норм. [В.А. Дерючева, 2003].

Библиографический список

1. Кон И.С. Психология юношеского возраста. М.: Просвещение, 1989. — 476 с.
2. Реан А.А., Коломинский Я.А. Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер Ком, 1999. — 416 с.
3. Клейберг Ю.А. Психология девиантного (отклоняющегося) поведения // Вопросы психологии. — 1998. — № 5. — С. 141- 145.
4. Швецова Н.И. Развитие самосознания у подростков с девиантным поведением [Электронный ресурс]: Дис. канд. психол. наук: 19.00.07 - М.: РГБ, 2002 (Из фондов Российской Государственной библиотеки, стр. 31- 41 <http://diss.rsl.ru/diss/02/0000/020000475.pdf>)
5. Дерючева В.А. Социально-психологические особенности диагностики и коррекции кризисных состояний личности подростка [Электронный ресурс]: Дис. канд. психол. наук: 19.00.05.-М. РГБ, 2003 С 14, <http://diss.rsl.ru/diss/03/0714/030714011.pdf>

ПОМОГАЛОВ Алексей Викторович, аспирант кафедры русского языка.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.08.06 г.
© Помогалов А.В.

УДК Ш 143

М. Х. РАХИМБЕРГЕНОВА

Омский государственный университет

ЭТНИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ

В современном обществе остро стоит вопрос этнических меньшинств. Мы попытались проследить языковое отражение этого процесса в российской прессе последних лет. Небезынтересно было наблюдать за позицией авторов и их манерой выражать собственное отношение к проблеме.

Тема этнических меньшинств всегда была присутствующей картиной мира, и реакция общества на любое проявление напряженности этого вопроса моментально находило отражение в языке. В современной лингвистике вопросы этнических номинаций рассматриваются с разных позиций.

Так, например, Л. П. Крысин ставит вопрос о том, в чем состоит лингвистический аспект изучения этностереотипов, которые понимаются как «стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или в собственный этнос». Ответить на данный вопрос предлагается путем рассмотрения двух подходов, связанных между собой. При первом подходе учитываются условия формирования этностереотипов, при втором - выделяются языковые единицы как средства обозначения этнических стереотипов [4: 458].

Ван Дейк пытается определить, как люди «воспринимают, понимают и запоминают этнические столкновения и как информация о встречах с представителями этнических меньшинств «воспроизводится» в речи». [2: 162]

Культурные различия обсуждаются и отражаются в прессе, предполагая разделение адресатов на «своих» и «чужих». С точки зрения Э.В. Чепкиной, «реализация коммуникативной установки на общение между людьми, принадлежащими одной культуре, может быть интересна «чужому» адресату. Доброжелательное внимание журналиста к «чужому», к другой культуре может быть интересно «своим» [4: 481-485].

Таким образом очевидно, что проблема межэтнических отношений и её языковое отражение имеет достаточное освещение в современной

научной литературе, в том числе и западной (Т.А. Ван Дейк., З. Бауман, О. Йокояма).

Однако, являясь динамичной сферой жизни, межэтнические отношения формируются на каждом этапе развития общества по-разному и находят свое языковое выражение.

Нашей целью было проследить, каким образом на страницах современных российских газет создается образ этнического «чужого». Нам также хотелось пролить свет на процессы, благодаря которым возможно определить позицию автора по отношению к этому образу.

Материал нашего исследования составляют статьи таких общероссийских газетных изданий, как «Аргументы и факты», «Российская газета», «Труд», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда». Тематика статей определялась согласно теории макроструктур по заголовкам и вводкам (leads), где субъективно обобщается остальная часть сообщения. Выбор составил 70 статей.

Те изменения, которые претерпевает информационный компонент современных СМИ, не могут не отражаться на культуре общества. В рамках современного общества «сосуществуют разные жизненные стили, разные культурные формы: присущие образу жизни отдельных социальных групп. В таком обществе складывается сложная система взаимодействия различных культурных стилей» [3: 474]. Как следствие исчезновения единого культурного образца для повседневной жизни остро встает вопрос о терпимости к культурным и, соответственно, этническим различиям.

Культурные различия — один из способов структурирования оппозиции «свои (мы) — чужие (они)», имеющей фундаментальное значение в коммуникации, в том числе в журналистском дискурсе. З. Бауман замечает, что «мы» и «они» — это не определения двух отдельных групп людей, а «названия различия между двумя совершенно разными отношениями: эмоциональной привязанностью и антипатией, доверием и подозрительностью, безопасностью и страхом, общительностью и неуживчивостью» [1: 47].

В газетном тексте подобная оппозиция «строится по схеме: мы — журналист и его гипотетический адресат (позиция которого структурно задана самим текстом) — «свои люди», представители одной культуры; они — чужие в том или ином смысле» [3:476]. Сопоставление чаще строится на концепции двух стратегий убеждения Ранка Х. — «игры на повышение» и «игры на понижение». Авторы в этих случаях следуют четырём методам убеждения, предлагаемым Ранком. С одной стороны, убеждение строится путем интенсификации слабых сторон «чужих» и сильных сторон «своих»:

К нам же едет работать совсем другой «контингент» - без образования, без профессии, часто без знания русского языка (15).

Африканцы — у тех менталитет свой. Отрабатывают нормально, но с головой плоховато (13).

На фоне бывших азиатских республик, откуда к нам и валит основной поток иммигрантов, мы развитая и притягательная страна (15).

С другой стороны, автор принижает сильные стороны «чужих» и слабые стороны «своих»:

Отчего люди идут в ваххабиты? В основном по вине власти. Из-за коррупции, бюрократизма. Ладно, в России от безысходности начинают пить. Но мы-то горцы, у нас так не принято. И человек начинает думать, как бы отомстить этой влас-

ти, а тут рядом как раз оказывается опытный боевик. Поддержит, утешит, обласкает (21).

Выбирая ту или иную информацию, автор несомненно учитывает, что у читателя имеются релевантные представления о «положении дел в реальном мире». Ведь когда человек сталкивается с новой ситуацией (или существенно меняет точку зрения на прежнюю задачу), он извлекает из памяти определенную структуру (фрейм). Это может быть так называемая модель ситуации, хранящаяся в эпизодической памяти. Она представляет собой «структуру, организующую информацию с некоторой ранее встречавшейся ситуацией» [2:275].

Модели этнических ситуаций играют весьма заметную роль как в организации этнических убеждений и мнений в памяти человека, так и в их выражении в речевом общении. Такие модели зачастую характеризуются предубежденностью. Негативный образ «чужих», как утверждает Чепкина Э. В., с этнической точки зрения имеет типичные способы развертывания в современном журналистском тексте.

Образ «чужих» может также строиться на уровне легко эксплицируемых культурных знаков. Это могут быть образцы самобытных культурных ритуалов: *сидят на корточках, как у них принято (19)*; особенностей внешнего вида: *бородатые личности (3)*, *городные хохлушки (18)*, *смуглолицый кадет (7)*; поведения: *атаман представляется эдаким лихим воякой с шашкой наголо (1)*, ... *как бы навербовать трудолюбивых, не пьющих на работе китайцев (4)*. Здесь журналисты используют языковые средства, которые можно интерпретировать как средства обозначения этнических стереотипов [3:459].

Немецкие мужчины уж очень рациональны и скупы на эмоции и чувства — это совсем не похоже на любовь (24).

Стереотипичные пресуппозиции выявляются объединением разных национальностей в ряды и дизъюнкции. В отличие от описания конкретных референтов во всех таких случаях мы вслед за О. Йокояма имеем дело со стереотипами в наиболее чистом виде [3: 468].

Чаще всего упоминались (на вопрос об антипатиях) выходцы с Кавказа (кавказцы в целом, чеченцы, армяне, азербайджанцы, грузины и т. д.) и гораздо реже — цыгане и выходцы из Средней Азии (14).

В арсенале авторов публикаций имеются и речевые маркеры иной речи. Существует целая традиция вторичного отражения особенностей русской речи нерусских. Особый интерес представляют случаи, «когда использование той или иной единицы определенным образом коррелирует с какими-то чертами характера, приписываемыми соответствующему этническому и языковому меньшинству» [4: 3].

Это могут быть просто слова, из лексического значения которых понятно, о каком народе, нации идет речь: *тикать за кордон (25)*, *законы шариата (19)*, *горилка, цукерки, Рада (18)*, *хинкали, шейх* или диахроническое *исстари заведено в казачьих куренях (6)*.

Для оценки степени толерантного отношения к отдельному персонажу или целой культурной группе важно и то, какие культурно значимые детали отбирает журналист, и то, в каком ситуативном и оценочном контексте эти детали подаются: *Что касается национальных особенностей, то тяжело*

с латиноамериканскими игроками – очень избалованные (13).

Анализ показывает, что ведущими лексическими средствами, используемыми журналистами, являются этнонимы, причём названия крупных этносов, или этнических общностей, или макроэтнонимы, например: *европейцы, американцы, китайцы, арабы* имеют большую частотность, чем обозначения небольших этнических групп, или микроэтнонимы, например: *чеченцы, цыгане, кубанские казаки, «латинос», алжирцы, марокканцы, пуштуны, хорваты*.

Встречаются также и неофициальные этнонимы, прозвища. Украинцев, например, называют безобидным *гарны хлопцы* (2), афганцы нередко ассоциируются с *талибами* (3).

Можно констатировать употребление этнонимов, соотносящихся с названиями страны или области, занимаемым этносом: *крымчане, египтяне, центрально-азиатские союзники, палестинцы, среднеазиатская паства, тибетцы, татарстанец, саратовские журналисты*. Подобного рода этнонимы принято называть этнопонимами. Такие номинации возникают при необходимости уточнить происхождение так называемых «чужих»: *«выходцы из Африки, люди с темным цветом кожи, приехавшие в Россию»* (14), *«выходцы из Средней Азии»* (21), *Иорданский монарх, северокорейский диктатор* (9), *бельгийский националист, израильский лидер* (26).

Указание на нерусскость чаще всего даётся эксплицитно: *немецкий менталитет* (24), *хохлашки-продавцы* (18), *китайское нашествие* (4), но встречаются и косвенные указания: *«гости с юга»* (22), *люди «с восточным акцентом», гастарбайтеры* (15), *чужаки* (21), *наши соседи, «иногородцы»* (22), *чурбаны, чурки* (12), *нелегалы* (18) или официальное *«представители некоторых национальных групп»* (23).

Некоторые люди, по мнению Баумана, особенно склонны «воспринимать мир в резких, непримиримых противопоставлениях (оппозициях) и с ожесточением отвергать всякого, кто действительно, по их мнению, отличается от них. Такая установка проявляется в расистских отношениях и действиях или — более обобщенно — в ксенофобии — ненависти ко всему «чужому». [1: 48]. Так, М. Леонтьев комментирует письмо читателя о волнениях в Париже:

То, что происходило во Франции, - не выпускающие пара, а маразм. Франция — большая страна. ... в стране, где главный праздник — взятие Бастилии (на мой взгляд, национальное умопомрачение), ничего другого и быть не может. Это гнилые революционные ценности. ... Россия не должна брать пример с этого скотства. Это не наш случай. ... Наш народ — в силу известных исторических обстоятельств — меньше всего походит на толпу зажавшихся прикурков (20).

Для освещения таких «деликатных» тем, как этнические меньшинства, авторы используют стратегию «позитивной самопрезентации». Так, автор может контролировать семантику производимых им высказываний. Он может опускать или, наоборот, добавлять какую-либо информацию. Все эти действия нацелены на «управление умозаключениями», производимыми адресатом, информации относительно социальной позиции автора [1: 280].

Однако непохожесть не всегда порождает неприятие. У этносов, живущих на территории России, есть многовековой опыт мирного соседства:

С ребятами из России наши хлопцы (белорусские борцы на поясах) находят общий язык без проблем. Почему? Так ведь разговариваем на родном и для нас языке — русском. Уж кому-кому, а нам толмачи не нужны! (17)

Вообще, тема славянских народов занимает в прессе особое место. Употребление «единащего» *славянское братство* (2) напоминает о едином корне двух народов. Общие когда-то язык и культура, казалось бы, должны приводить к взаимопониманию между двумя народами, без которого толерантность и терпимость невозможны.

В условиях глобализации всё очевидней проявляется общая тенденция угасания славянской солидарности. «Фактор крови» играет всё меньшую роль. Всё большее значение приобретает национальный интерес. (2)

Таким образом, можно определить, что образ представителя «чужого» этноса строится автором путем описания внешности, указания на культурные признаки (традиции, поведение) и использования речевых маркеров. Довольно распространенным и, на наш взгляд, успешным является «игра на повышение или понижение». Среди языковых средств, используемых авторами газетных статей, основным средством этнической номинации являются этнонимы, эксплицитно и имплицитно указывающие на интенцию автора. Кроме того, наблюдения показали, что при повествовании автора от своего лица какая-либо оценка, как правило, отсутствует, но путем выбора позиции героя своего повествования автор может выразить как расположенность, так и далеко не доброжелательное отношение к представителям того или иного этноса.

Источники

1. Атаман велел: «Рожайте!» Труд, 25 января 2006 г.
2. ... а табачок и сало врозь «Аргументы и факты» № 6, 2006 г.
3. Афганский облом. «АиФ» № 12, 2006.
4. Без китайской стены «МК» в Омске, 29 марта — 5 апреля 2006.
5. Бунт французский и нижегородский «Аргументы и факты» № 12, 2006 г.
6. Для чего казаков зовут в Чечню? «Аргументы и факты» № 13, 2006
7. Жизнь пролетела, как метеор Труд, 29 марта 2006 г.
8. Индийского ламу привезли в Омск вне очереди «Аргументы и факты в Омске» № 9, 2006
9. Иран вооружил себя термоядерным синтезом Российская газета № 75, 12 апреля 2006г.
10. Иран под прицелом «Аргументы и факты» № 12, 2006.
11. Кочуйте откуда! «Аргументы и факты» № 13, 2006 г.
12. Ку-клукс-клан белых ночей «Аргументы и факты» № 22, 2006.
13. Легионеры обнаглели? «Аргументы и факты» № 39, 2005
14. Любовь на расстоянии Российская газета № 85, 22 апреля 2006 г.
15. Мигранты: быть или не быть? «Аргументы и факты» № 15, 2006
16. Минск в объятиях друзей и врагов «Аргументы и факты» № 40. 2005
17. Нам толмачи ни к чему! Российская газета № 15, 27 апреля 2006 г.
18. Сало и горилка объявлены в России вне закона Комсомольская правда, 31 янв. 2006 г.
19. Солдат и смертница «МК» в Омске, 29 марта — 5 апреля 2006.
20. ... с чего бесятся французы? «Аргументы и факты» № 15, 2006.

21. Уехать, чтобы вернуться Российская газета № 75, 12 апреля 2006 г.
22. Чикаго с кавказским акцентом «МК», 3 — 10 мая 2006.
23. Что будет с «Родиной»? «Аргументы и факты» № 5, 2006 г.
24. Чужая родина Российская газета № 116, 2 июня 2006
25. Юлия Тимошенко намерена судиться с Россией Комсомольская правда, 31 марта 2006 г.
26. Янки поедут домой Российская газета № 101, 16 мая 2006 г.

Библиографический список

1. Бауман З. Мыслить социологически: Учеб. пособие / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова; Ин-т "Открытое о-во". - М.: Аспект-Пресс, 1996. - 255 с.
2. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. \ Сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.

3. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. \ Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 550 с.

4. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. «Неисконная русская речь» в восприятии русских. // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Артюнова, И. Б. Левонтина. М., 1999.

РАХИМБЕРГЕНОВА Майра Хаджимуратовна, аспирант, преподаватель кафедры иностранных языков факультета иностранных языков.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.08.06 г.
© Рахимбергенова М.Х.

УДК 028:4:378:792

Т. В. ШКАЙДЕРОВА

Омский государственный университет

«ТОТАЛИТАРНЫЙ ЯЗЫК»: СПЕЦИФИКА, ФУНКЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Предметом статьи является «тоталитарный язык», рассматриваются некоторые спорные вопросы, связанные с определением природы данного феномена, описываются его функции.

О «языке власти», механизмах манипулирования сознанием и о речевой агрессии написано множество работ. В рамках данной проблематики анализируется использование языка в тоталитарном обществе. Особенности этого языка, связываемого с эпохой партийной диктатуры, фиксируются в работах как отечественных лингвистов (Земская 1991; Кронгауз 1993; Крысин 1994; Купина 1995...), так и зарубежных (Seriot 1985; 1993; 1999...; Weis 1986; Clovinski 1991; Corten 1992...). Несмотря на то, что этот феномен имеет более чем полувековую традицию изучения, данная тема до сих пор актуальна.

В российской науке это, в первую очередь, связано с тем, что «советское» прошлое переживает вторую волну осмысления: негативизм уступил место рационализму. Думаем, что именно рациональной является точка зрения, согласно которой лингвистические основы «новояза» не новы для русского языка, т.е., не являются уродливым порождением Совдепии, а появились раньше (и не только в России) и продолжают существовать и в современном политическом дискурсе (ср. современные номинации «русояз», «украяз», «постновояз»). Исходя из этой пресуппозиции (неразрывности советской (языковой традиции) и современной политики (языковой), некоторые исследователи полагают, что как в СССР, так и в современной России применяются мифологические технологии управления массовым сознанием. Поэтому советская мифология представляет интерес для исследователей многих отраслей совре-

менного научного знания. Так, в конце XX века появилось новое научное течение — *политическая мифология*, изучающее взаимосвязи мифологического восприятия с политическим мышлением и практикой, опыт создания целостных мифов в ситуации доминирования определенной культурологической среды (например, бывшего СССР). Появляются также интересные работы исследователей PR-технологий и рекламы (Б.Л. Борисов, Г.Г. Почепцов, Д.Я. Райгородский), лингвокультурологов (И. Черепанова), политологов (С.Г. Кара-Мурза), лингвистов и психолингвистов (И.Е. Ким, А.М. Цуладзе, С.В. Ермаков, Е.В. Осетрова...), которые при описании политического дискурса и этнических представлений о власти и властных отношениях, коллективного бессознательного обращаются к наследию социалистического общества. Иными словами, при описании взаимоотношений языка и идеологии («языка власти») в качестве иллюстраций или ссылок, как правило, упоминается тоталитарный дискурс.

Как известно, легитимизация идеологии осуществляется открытым распространением способов мышления и мировоззрения, которые ориентируют сознание людей таким образом, что они принимают текущий порядок, текущее понимание их роли в обществе, того, что должно и чего не должно быть. Одним из основных способов такого распространения выступают СМИ.

Исходя из этого, вторым аргументом актуальности изучения советского тоталитарного языка и мышления послужила связь с теорией массовой

коммуникации. Тот факт, что различные аспекты деятельности СМИ привлекают внимание исследователей из многих областей науки (от политологов до лингвистов), не является случайным. На современном этапе развития человечества неуклонно возрастает роль медиакommunikации в познании все более усложняющейся реальности. СМИ не просто передают – принимают информацию, но и являются тем самым каналом, посредством которого определяются культурные приоритеты и задаются новые смыслы и ценности. По мнению Сержа Московичи, средства коммуникации в обществе являются определяющим элементом, они меняют природу групп, регулируют взаимодействие групп или субъекта с новой для него средой, деятельностью, создают модель реальности современного человека [1: 256].

Наша работа («Идеологическая языковая картина мира: субъекты, время и пространство») развивается в рамках проблемы «дискурс, идеология, СМИ», предметом исследования являются фрагменты идеологической картины мира «советской эпохи», объективируемые и эксплицируемые в лексике, фразеологии и грамматике.

В качестве единицы анализа выступает газетный заголовок. Материал наблюдения отбирался путем сплошной выборки (20-40 гг.), квотной – (40-80 гг.). Его объем составляет более 2000 единиц. Выбор газетного заголовка в качестве единицы наблюдения позволил нам выделить универсальные стереотипные смыслы, «идеологемы» (Н.А. Купина), которые служат базой для языковых механизмов «идеологической индокринации» (В.Г. Костомаров). Это связано с тем, что газетный заголовок занимает сильную позицию в газетном дискурсе и, помимо номинативной и информативной функций, выполняет и прагматическую: оказывает воздействие на интеллект и эмоции адресата-получателя информации [2: 7]. При этом адресат понимается нами как носитель особого типа общественного сознания – «сознания масс» (Б.А. Грушин).

Цель нашей работы состоит в описании 1) стереотипов сознания масс через их языковые маркеры в газетном дискурсе 20-80 гг., 2) а также механизма создания идеологического (манипулирующего) текста. **Задачи:** 1) реконструировать фрагменты ЯКМ, манифестирующие представления советского человека о времени, пространстве... 2) проанализировать фрагменты политического дискурса (время, пространство, субъекты) в когнитивном, социолингвистическом и семантическом аспектах; 3) «выстроить» эволюцию советского тоталитарного дискурса; 4) выявить параметры характеристики концептов дискурса, системность концептов, их иерархические, синтагматические и парадигматические отношения

В данной статье помимо обоснования актуальности темы мы хотим остановиться на некоторых вопросах изучения тоталитарного языка.

Границы понятия

До сих пор дискуссионным остается вопрос о природе тоталитарного языка («деревянного языка», «langue de bois», «языка лжи», «powotowa», «partei-jargon», «новояз»...).

Вероятно, первым в научный обиход термин «тоталитарный язык» ввел Жан-Пьер Фай, французский философ и писатель (Langages totalitaires, Paris, 1972; Theorie du recit, Paris, 1972), определяя этим понятием «своеобразный код», «псевдоязык» разви-

вающегося немецкого и итальянского фашизма. (Цит. по [3]). При номинации русского языка советской эпохи используют разные термины («сталинский народный язык», «официоз», «язык тоталитарного общества», «советский «новояз», «советский язык», «язык советского общества», «тоталитарный язык», «ритуальный язык», «деревянный язык», «язык лжи», «политизированный советский язык», «язык тоталитаризма», «политизированный язык Совдепии», «жаргон власти», «язык пропаганды», «советский дискурс», «дискурс власти» и др.). Даже в рамках одной работы наблюдается синонимическое (квазисинонимическое) номинационное разнообразие. Например, в работах А.А. Ворожбитовой и ее коллег: «идиодискурс», «язык дискурс», «макро-дискурс», «дискурс-доминанта», «антитезисный дискурс-универсум», «советский официолект», «советский дискурс» [4].

Но, как справедливо отмечает А.Д. Васильев, наиболее предпочтительным оказывается слово новояз. [5: 48]

Как известно, это понятие стало термином после перевода на русский язык антиутопии Джорджа Оруэлла «1984 год», изданной в 1948 г. «Новояз, официальный язык Океании, был разработан для того, чтобы обслуживать идеологию англсоца, или английского социализма... Новояз должен был не только обеспечить знаковыми средствами мировоззрение и мыслительную деятельность приверженцев англсоца, но и сделать невозможными любые иные течения мысли... Лексика была сконструирована так, чтобы точно, а зачастую и весьма тонко выразить любое дозволенное значение, нужное члену партии, а кроме того, отсеять все остальные значения, равно как и возможности прийти к ним окольными путями. Это достигалось изобретением новых слов, но в основном исключением слов нежелательных и очищением оставшихся от неортодоксальных значений - по возможности от всех побочных значений...» [6: 200-201].

«Новояз» не был изобретением Оруэлла. Прототипами могут служить System of Basic English и «язык телетайпа» [7: 364], «ранние представления об идеальном языке», например, Г.В. Лейбница, в «Новых опытах о человеческом разуме» (1704 г.), рассуждавшего о «несовершенстве слов» из-за их многозначности и расплывчатости и неточности семантики. Э. Кабе в утопическом романе описал язык икарийцев «в высшей степени правильный и простой...», где все слова имеют совершенно определенное значение» (Цит. по [5: 288]).

В качестве рабочих определений мы используем термины «новояз» (в силу его распространенности) и «тоталитарный язык».

В данной работе «новояз» («тоталитарный язык») рассматривается не как самостоятельная «lingua sovietica», заменяющая или существующая параллельно с национальным русским языком, а как «обозначение ощутимых изменений в существующей языковой системе» [8: 305], как «квазизык» (М. Гловиньский), который «хотя ... и имеет черты функционального стиля (отбор элементов, из которых складывается стиль: репертуар форм, определенная фразеология, отчетливое предпочтение в выборе лексики) и родился в политической публицистике, он атакует и другие сферы языка, стремится подчинить их себе, становится образцом более широкого общения и претендует на универсальность» [9: 9-10]. «Термин «квазизык» верно отражает основные черты новояза, подчеркивая его «ненастоящность»

(как бы — квази-) и претензии на универсальность» [10: 24].

Н.А. Купина и М. А. Кронгауз употребляют схожие термины (соответственно: «тоталитарный язык советской эпохи» и «русский советский язык»), но разводят их лингвистически. Так, Н.А. Купина использует понятие «сверхтекста», определяемое как «совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся целью модальной установкой, достаточная определенными позициями адресанта и адресата, особыми критериями нормального и аномального» [11: 53].

М.А. Кронгауз считает тоталитарный язык «именно отдельным и самостоятельным языком» [12: 132]. В качестве контраргумента приведем высказывание Э.И. Хан-Пира: «не имея своей фонетической и грамматической системы, это явление не может быть названо языком. Это лексико-семантическая система, социолект, классовый жаргон. В отличие от всех прочих социолектов он: 1) официальный и насаждавшийся, 2) проникший в официально-деловой и научный стили литературного языка» [13: 16-17].

Есть и более категоричные лингвистические трактовки тоталитарного языка как абсолютно ритуализированного, ничего не сообщающего квазиязыка, «зауми» (Штайн К.Э.)

Таким образом, одним из распространенных определений ТЯ признается следующее: *тоталитарный язык* — это квазиязык (своего рода система идеологем, средство отражения и формирования идеологизированного сознания «советского человека»), претендующий на универсальность, характеризующийся «высокой степенью клишированности, эвфемистичностью, нарушением основных постулатов общения, применяемое с целью лингвистического манипулирования, ритуализованное использование языка, десемантизация не только отдельных слов, но и больших отрезков дискурса» [10: 23]. «Клише новояза, как правило, ориентированы либо на абстрактный, условный референт, либо на референт, отсутствующий в действительности» [10: 23]. Приведем лишь одну цитату, характеризующую тоталитарный язык как систему языковых средств, создающих «грандиозную симуляцию чего-то, что должно именоваться развитым социализмом» (Э. Маркштайн): «В Москве на Ленинском проспекте, на одном из больших домов, мимо которых я проезжал каждый день, висел лозунг: «*Выше зная социалистического соревнования за дальнейшее повышение качества*». Я старался понять, что это значит. Некто держит знамя — полотнище на длинной палке. Это полотнище надо поднять еще выше. На самом деле, однако, речь не об этом. Речь идет о социалистическом соревновании. В действительности никакого соревнования нет, просто кто-то где-то работает. Хотя качество этой работы высокое, его надо сделать еще выше. Но добиться этого тем способом, который рекомендован, то есть поднимая знамя соревнования, невозможно, так как не существует ни соревнования, ни знамени. Фраза, составленная грамматически правильно, напоминает сложный арифметический пример с дробями и многочленами: вы долго решаете его, и получается ноль» [14].

Данное видение ТЯ не противоречит нашим представлениям о рассматриваемом феномене, но некоторые положения можно уточнить, обратившись к теории дискурса и политической коммуникации.

В современной лингвистике существует два основных подхода, изучающих политическую коммуникацию и, в частности, природу языка пропагандистского воздействия. Первый связан с описанием риторических и манипуляционных методов и приемов, воздействующих на сферу эмоций реципиента. Такую исследовательскую позицию занимает дескриптивный лингвистический подход (Alkinson 1984, Баранов, Гаршин 1986, Михальская 1996...). Второй подход: критический (когнитивный), который исходит из признания онтологической неразрывности, взаимозависимости и взаимовлияния социальных явлений (например, идеологии и политики и их вербализации, изучает проблему использования языка в идеологических целях через анализ когнитивных структур (R. Fowler, B. Hodge, G. Leess, G. Trew, J.L. Mey, T.A. van Dijk). Как нам кажется, для изучения тоталитарного языка продуктивнее будет синтез этих подходов. Определяя идеологию как систему ценностно ориентированных взглядов, политических предубеждений, которые реализуются в вербальном поведении (например, при использовании эвфемизмов, ярлыков, стереотипов, политических терминов, лексического полтора, перифраза, параллельных синтаксических конструкций и метафоры и т.п.), мы обращаемся к мотивации подобных стратегий и тактик, апеллируем к ментальным схемам. Сфера, где соединяются лингвистические и экстралингвистические факторы, вербальные и невербальные семиотические системы, получила в современной науке название «дискурса». Вслед за Е. Шейгал мы понимаем дискурс как систему коммуникации, имеющую реальное и потенциальное измерения. При этом реальное измерение связано с текущей речевой деятельностью (реальной жизнью и реальным временем), а также с возникающими в результате этой деятельности речевыми текстами, взятыми во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. Потенциальное измерение соотносится с семиотическим пространством, включающим вербальные и невербальные знаки, а также тезаурусом прецедентных высказываний и текстов [15: 12-13]. Образным выражением такого понимания служит афоризм М. Фуко, в котором дискурс есть синтез «уже-сказанного» и «никогда-не-сказанного» [16: 27]. Вписывая тоталитарный язык СССР в систему координат «языка в употреблении», мы интерпретируем его как «дискурсивную формацию» (П. Серю), представляющую собой «систему ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции» [17: 550]. Т.е. мы анализируем советский идеологический дискурс через экспликацию его виртуального измерения (реальное недоступно), в которое включены созданные ранее тексты, составляющие не только материал для «цитирования», но и социально-исторический фон дискурса, часть его когнитивной базы [15: 14]. Обращение к дискурсу и дискурс-анализу позволило рассматривать «новояз» как целенаправленное социальное действие, обеспечивающее взаимодействие индивидов в социуме и протекание когнитивных процессов, анализировать регуляцию деятельности «субъекта идеологии» (А. Альтюссер) посредством языка в форме активации (побуждение к действию), интердикции (запрет), дестабилизации (рассогласование, нарушение деятельности) [18]. Говоря о дестабилизации, мы имеем в виду свойство поли-

тического дискурса удваивать социальную реальность, создавать реальную инстанцию и ее образ, характеризующийся завуалированностью и неясностью [19]. На это свойство указывает и Е. Шейгал, констатируя в политическом дискурсе наличие двух противоположных тенденций – к понятийной точности и к смысловой неопределенности. Смысловая неопределенность рассматривается как важнейший инструмент манипулирования сознанием реципиентов, реализующий ряд стратегий, таких, как стратегия вуалирования нежелательной информации и стратегия мистификации, связанная с сокрытием истины и сознательным введением в заблуждение. К средствам создания и поддержания смысловой неопределенности в политическом дискурсе Е.И. Шейгал относит не только специфические номинативные единицы, но и такие речевые акты, как прогнозы, предположения, выражение сомнения, намеки, слухи и пр. Смысловая неопределенность предопределяет эзотеричность как одно из характерных свойств политического дискурса и стимулирует прогностическую деятельность реципиентов [15: 116].

Сопоставляя тоталитарный язык (язык власти) и советский идеологический дискурс (политический дискурс), мы вновь возвращаемся к вопросу о лингвистическом статусе данного явления. Существует 3 точки зрения: 1) Язык политики = специфическая форма + специфическое содержание. «Политический язык – это особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических решений...» [20: 6]; 2) Язык политики = неспецифическая форма + специфическое содержание + социальный контекст: «То, что обычно имеется в виду под «языком политики» в норме, не выходит за рамки грамматических...и лексических норм соответствующих идиотэтических («национальных») языков», поэтому предметом анализа в данном случае является идиополитический дискурс, «своеобразие того, что, как, кому и о чем говорит тот или иной субъект» [21]. 3) Язык политики = неспецифическая форма + специфическое содержание.

Ю.С. Степанов определяет ТЯ как «особое использование языка, в данном случае русского, для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии», которое активизирует некоторые черты языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики [22: 723]. Справедливо замечание Е.И. Шейгал о том, что частотное употребление некоторых грамматических форм и конструкций не дает оснований говорить о наличии у того или иного подъязыка «особой грамматики». Такие особенности грамматики политического дискурса, как, например, тенденция к устранению лица при помощи номинализованных конструкций-девербатов и безагенса пассива [23], инклюзивное использование местоимений *мы*, *наш*, наблюдаются и в иных видах коммуникации [15: 20]. При этом хотелось бы не согласиться с цитируемым автором в разведении понятий «язык политики» (специальный подъязык, характеризуемый терминологией и риторикой политической деятельности, где политики выступают в своей профессиональной роли) и «политический язык» (специфическое использование общенародного языка как средства убеждения и контроля, или, иными словами, это язык, применяемый в манипулятивных целях). В этом разведении мы видим некор-

ректный разрыв между средствами языка и функцией. Кроме того, считаем, что в бытовом, рекламном, педагогическом и другом общении следует говорить не об использовании «политического языка» в целях манипуляции, а об использовании языка как инструмента воздействия, и в том числе манипуляции (ср. с понятием «инструментов власти» Р. Блакара). К тому же при использовании термина «язык политики» для именованного сегмента коммуникации, для обозначения подъязыка необходимо признать широкий понятийный контекст, а следовательно, невозможность четкого дифференцирования этого явления (как, впрочем, и языка газеты, языка рекламы) от такого термина, как «язык власти». Мы отдаем предпочтение широкому понятию «язык власти» (Р. Руммвейт, К.Э. Штайн, Р.М. Блакар), в которое включаем и «язык политики», и «язык рекламы», и «язык пропаганды».... Основная цель языка власти состоит в том, чтобы «не убеждать, а контролировать, не передавать информацию, а скрывать ее или исказить, не побуждать к размышлению, а препятствовать ему» [24]. При этом мы не отрицаем теоретическую значимость термина «язык политики».

В заключение уточним базовые понятия. В данной работе принимается широкое определение дискурса, сформулированное В.В. Богдановым: *дискурс – это родовое понятие по отношению к терминам *речь* и *текст*, его видовым составляющим, т.е. дискурс – это все, что говорится и пишется, речевая деятельность и языковой материал* (в понимании Л.В. Щербы) одновременно [25: 90]. Такая трактовка не противоречит определению дискурса Е. Шейгал, приведенному выше. Анализ дискурса – это междисциплинарная область знания, объединяющая социально-культурные и когнитивно-психологические аспекты языкового анализа. Для нашей работы значимо понятие «институционального дискурса», который «сводится к образцам вербального поведения, сложившимся в обществе применительно к закрепленным сферам общения» [26: 190-191].

Суммируя вышеизложенное, мы определяем ТЯ как институциональный статусно-ориентированный дискурс, который сводится к образцам вербального поведения, верифицированным в сфере политической коммуникации, а поэтому имеющим ярко выраженный идеологический характер. Отметим, что советский политический идеологизированный дискурс, первоначально обслуживавший сферу односторонней политической коммуникации (партия - народ), благодаря социальной ситуации и, в частности, опосредованности средствами массовой информации, смог проникнуть во все сферы коммуникации. При этом мы подчеркиваем особую роль СМИ как универсального агента политической коммуникации, значение которого не сводимо к функции технического средства (см. иное [15: 25]). СМИ в той или иной мере осуществляют социально-преобразующую репрезентацию реальности в языке, а значит и в идеологии общества, закрепляя в своей повседневной практике новые варианты словоупотребления. Идеология формируется и постоянно воспроизводится в процессе текстовой деятельности СМИ. Благодаря этому политическая и социальная информация, облеченная в вербальную форму и передаваемая по каналам массовой коммуникации, является важнейшим ресурсом управления обществом. Если бы не была столь велика роль

СМИ, то и не было бы феномена ТЯ и репрезентируемой им большевистско-коммунистической идеологии.

Функции

В определении функций тоталитарного языка исследователи единодушны. В качестве основной называют **суггестивную функцию**, «**функцию идеологических предписаний**» [11: 4, 43]. Новояз, являясь энкратическим языком (Р. Барт), используется как средство лингвистического манипулирования, целью которого служит задание идеологических ценностных ориентиров (идеологем), «координат» (пространства, времени, субъекта...) виртуальной реальности. «Тоталитарный язык служит не только «руководством к восприятию социальной действительности» (Сепир, 1934:71) — он членит эту действительность на идеологические сферы и вырабатывает примитивные принципы оценки» (Цит. по [11: 43]). Иными словами, тоталитарный язык деформирует языковую картину мира в нужном для политической власти направлении [11].

Под идеологемой мы вслед за Н.А. Купиной понимаем «мировоззренческую установку (предписание), облеченную в языковую форму» [11: 43], «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологической» [11: 183]. Ис этих позиций вслед за цитируемым автором рассматриваем тоталитарный язык как «сверхтекст идеологем»: «Тоталитарный язык организован системно» и «располагает своим словарем, который можно представить в виде блоков идеологем», которые, в свою очередь, «поддерживаются прецедентными текстами из так называемых первоисточников»; на их базе «формируются мифы тоталитарной эпохи. Сверхтекст мифологем моделирует пространство, время, идеологически обобщенную точку зрения, структурирует и коннотирует объекты нового ментального мира, задает направления манипуляциям языковым сознанием» [11: 138].

Принципиальным для нашей работы является положение о гетерогенности, внутренней диалогичности данной сверхсистемной структуры. Здесь мы придерживаемся позиций П. Серии и не согласны с мнением Н.А. Купиной об относительной закрытости сверхтекста, поскольку, как мы уже отмечали, лингвистические основы «новояза» не новы для русского языка и продолжают существовать и в современном политическом дискурсе.

Из первой функции логично вытекает вторая: конструирование языковой реальности, «**креативная**» (Б.Ю. Норман), «**функция создания иллюзий**» (А.Соломник). Благодаря относительной независимости языка в совокупности «человек — реальность — знаковая система» язык может создать иллюзорную действительность, подменяя ею реальный мир. По мнению Б.Ю. Нормана, язык через креативную функцию творит действительность: «Многие «образцово-социалистические» явления (НЭП, ГОЭЛРО, субботник, ударничество, спецраспределитель, перестройка) появились сначала на бумаге как словесные конструкты. Вообще вся история утопического социализма — яркое подтверждение креативной функции языка» [26: 30]. Следствием такой функции является фантомность сознания, складывающаяся из фантомов значений, «не имеющих никаких «означаемых», не укоренен-

ных ни в какой реальности, кроме их собственной — мира самореферентных знаков» (Baudrillard 1981) (Цит. по [15: 53]). В работе Б.Ю. Нормана подобные самореферентные знаки получили название «лексических фантомов», недепотативной лексики. В их составе он выделяет: мифологические, литературные, концептуальные (терминологические ошибки в научных концепциях) и идеологические фантомы, в которых отрыв денотативного компонента обусловлен идеологией, социальной утопией, поддержанием социальных иллюзий [27: 53]. При этом исследователь отмечает, что «социализм в СССР, который 70 лет строился (и «был построен»), в значительной мере был социализмом на бумаге. Он обслуживался огромным количеством слов-призраков, за которыми в реальной жизни ничего не стояло (либо стояла их полная противоположность), например: *свобода, равенство, социальная справедливость, остров Свободы, союз нерушимый республик свободных*» [27: 56]. Подобные фантомы, слова-призраки, выступали конструктором иллюзорной, второй реальности.

С креативной функцией тесно связана «**магическая**» сближающая ТЯ с религиозным дискурсом по фидеистическому отношению к слову [15], в основе которого лежит иррациональность, опора на подсознание, а также по ритуальному использованию языка. К проявлению магической функции относят табуизированные замены или эвфемизмы (Н.Б. Мечковская). Г.А. Ключарев отмечает: «Старшему поколению в нашей стране хорошо известен опыт произвольного изъятия из обращения целого рода понятий, таких, например, как *донос, сострадание, Бог, достоинство, доверие, честь* и насаждения новых типа *коллективизация, враг народа, пролетарская культура, классовый подход, социалистический реализм*» [28: 215]. В целом соглашаясь с Г.А. Ключаревым, отметим, однако, что в нашем материале встретились многие слова из приведенного автором первого списка.

Магическая функция закрепляется в ритуальных практиках: «Ловкое применение магического слова — это еще не все. Чтобы оно имело максимальный эффект, новое слово нужно подкрепить новым ритуалом» [29: 206]. Примеров этому положению советская действительность предоставила достаточно (например, майские демонстрации). Еще одно проявление магической функции мы находим в ритуальном восприятии Вождя, сверхъестественного субъекта: «Магические речевые акты имеют по сути своей двух адресатов — реального участника священнодействия, для которого слушание имеет значение соучастия в магии, и формального, сверхъестественного адресата, для которого бессмысленно характеризовать цель участия в общении. Между прочим, именно участие сверхъестественного адресата в речевом акте нередко беспокоит других участников, поскольку они не получают подтверждения наличия контакта: Он (господь Бог, Сталин или президент), кажется им, не знает о чем-то, происходящем на этом свете, а наши сообщения (молитвы, письма или послания) до Него не доходят, и потому от Него требуют чуда как выявления связи» [29: 32].

Итак, к специфическим функциям ТЯ можно отнести: 1) функцию идеологических предписаний, 2) креативную, 3) магическую. Конечно же, это не полный список, но все остальные не являются обязательными и выступают в роли модификаторов («дезориентации, обмана, устрашения, мифотвор-

чества, демагогии» [30: 17]. При этом мы оставляем за рамками нашего анализа видение ТЯ в качестве «следствия террора» и «причины тотального террора нового порядка» [31: 69], символа социального эксперимента и эффективный инструмент для его успешного завершения [32: 65].

Библиографический список

1. Московичи С. Век толпы. – М., 1996.
2. Ляшун С.В. Лексико-семантические особенности современного газетного заголовка. Автореф. дис. к.ф.н., М., 1999
3. Маркушатайн Э. Советский язык и русские писатели. <http://www.auditorium.ru/>.
4. Ворожбитова А.А. Тоталитарный дискурс советского периода: опыт лингвориторической интерпретации// Текст. Узоры ковра. Актуальные проблемы исследования разных типов текста. СПб., Ставрополь, 1999.
5. Васильев А.Д. От «новояза» - к «постновоязу» (о некоторых чертах современного телевизионного дискурса) <http://cjes.ru>
6. Оруэлл Дж. 1984 // Оруэлл Джордж. "1984" и эссе разных лет. М., 1989.
7. Чаликова В. Комментарии // Оруэлл Дж. "1984" и эссе разных лет. М., 1989.
8. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб., 1999.
9. Clovinski M. Nowotowa po polski. Warszawa, 1991/
10. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996.
11. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург, 1995.
12. Михеев А.В. Язык тоталитарного общества // Вестник Академии наук СССР. 1991. № 8.
13. Хан-Пира Э.И. Советский тоталитаризм и русский язык // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Ч. 1. Минск, 1994/
14. Хазанов Б. Будем лопать пустоту. Радиоэссе на станции «Свобода», Мюнхен, май 1992.
15. Шейгал Е. Семиотика политического дискурса. М., 2004.
16. Фуко М. Археология знания: Пер. с фр. Киев, 1996.
17. Серю П. Анализ дискурса во французской школе// Семиотика: Антология/ Сост. Ю.С. Степанов. М., 2001
18. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М., 1998
19. Базылев В.Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса// Политический дискурс в России – 2. М., 1998.
20. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991
21. Паршин П.Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики// www/elections.ru. Архив 2 марта 1999.
22. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М, 1997.
23. Рижинашвили И.У. Лингвистические механизмы тенденциозного представления событий в англо-американской периодике: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 1994
24. Язык и стиль буржуазной пропаганды. М., 1987
25. Макаров М.А. Основы теории дискурса. М., 2003
26. Карасик В.И. Структура институционального дискурса// Проблема речевой коммуникации. Саратов, 2000.
27. Норман Б.Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии // Язык и культура. Доклады. Киев, 1994.
28. Ключарев Г.А. Языковая реальность и политический имидж// Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 3. М, 1995
29. Кассирер Э. Техника современных политических мифов// Антология культурологической мысли. М., 1996
30. Супрун А.Е. Лекции по теории речевой деятельности Минск, 1996
31. Трубачев О.Н. В поисках единства. Изд. 2-е. М., 1997.
32. Гусейнов Г.Ч. Ложь как состояние сознания. // Вопросы философии, 1989. № 11

ШКАЙДЕРОВА Татьяна Викторовна, аспирант, преподаватель кафедры стилистики и языка массовых коммуникаций филологического факультета.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.08.06 г.
© Шкайдерова Т.В.

Книжная полка

Голиченко О.Г. Национальная инновационная система России: состояние и пути развития. - М.: Наука, 2006. (Серия "Экономическая наука современной России").

Моделирование межрегиональных и межотраслевых взаимодействий: Сборник статей / Под ред. Т.С.Онучак. Выпуск 2. - М.: ЦЭМИ РАН, 2006. - 128 с.

Стратегическое планирование и развитие предприятий: Тезисы докладов и сообщений Седьмого всероссийского симпозиума. Москва, 11-12 апреля 2006 г.; в 3-х частях. / Под ред. профессора Г.Б. Клейнера. - М.: ЦЭМИ РАН, 2006. - 769 с.

Системное моделирование социально-экономических процессов: Труды 28-й Международной научной школы-семинара, Нижний Новгород, 6-10 октября 2005 г.; в 2-х частях. / Под ред. д.э.н. В.Г. Гребенникова, д.э.н. Р.М. Качалова, к.э.н. И.Н. Щепиной. - М.: ЦЭМИ РАН, 2006. - 375 с.

Теория и практика эффективного функционирования российских предприятий: Сборник трудов молодых ученых / Под ред. проф. Н.Е. Егоровой. - Выпуск 4. - М.: ЦЭМИ РАН, 2006. - 183 с.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ В АСПЕКТЕ АНАЛИЗА ДИАЛЕКТНОГО ТЕКСТА

Цель статьи – выявить особенности языкового сознания носителей русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Для этого были проанализированы тексты, созданные носителями региональной разновидности языка. Исследования выявили, что языковое сознание овнешняется при помощи языкового материала, который имеет свои особенности. Эти особенности обуславливаются различными факторами.

Человек выражает свои мысли, эмоции, чувства при помощи языка, поэтому только при подробном изучении данного феномена наука сможет ответить на многие вопросы: как язык существует в человеке, как связаны язык и мышление, как взаимодействуют язык и сознание, как человек воспринимает мир при помощи языка и др.

Цель данной статьи – выявить связь языка и сознания носителей русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья, узнать основные особенности данного феномена.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что данные говоры сформировались в XVII – XVIII веках. Район Среднего Прииртышья – поселения по среднему Иртышу (от устья Ишима) и его притокам: Аёву, Оше, Таре [1].

На данной территории «происходили этногенез русских и их этноэволюция, при этом наблюдалась этническая ассимиляция местного населения (халты, манси, разрозненные тюркские племена). Первоначально жители северных районов селились в таежных местностях, а переселенцы из степной и лесостепной зоны – в южных районах Прииртышья, что должно сформировать свои понятия о ландшафте, климате, явлениях природы, а также свои типы поведения и характера» [2].

Современное диалектное членение совпадает с границами первых очагов русского населения, возникших вдоль рек, так как реки играли огромную роль в объединении населения. Занимая большую территорию, русские старожильческие говоры Среднего Прииртышья характеризуются значительной общностью на грамматическом и лексико-семантическом уровнях [1].

Термин «языковое сознание» объединяет в себе две стороны одного явления, то есть «сознание – психический феномен нематериальной природы (его нельзя измерить по пространственным признакам, нельзя услышать, посмотреть на него) и материальный феномен произносимой или записываемой речи, а также физиологический процесс формирования вербальных языковых связей» [3].

Выявить полностью содержание языкового сознания носителей региональной разновидности языка в том виде, в котором оно существует, невозможно. Поэтому при исследовании мы можем лишь

опираться на представление о том, что «явления реаль той действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений, и образ мира меняется от одной культуры к другой» [4].

В связи с этим необходимо вспомнить «психосемиотический тетраэдр» Ф.Е. Василюка, который является одним из вариантов описания связи сознания, смысла, значения. «Психосемиотический тетраэдр» состоит из значения, предметного содержания, личностного смысла, знака (слова), чувственной ткани. Значение, предмет, личностный смысл, знак (слово) – это так называемые «направляющие». Они являются своего рода магнитными полюсами, а чувственная ткань рассматривается как внутренняя «составляющая», которая связывает воедино «направляющие» [5].

Таким образом, в рамках антропоцентрического подхода необходимо анализировать язык как один из психических процессов. При этом следует признать, что тексты также служат одним из средств проявления этих психических процессов, так как являются речевыми произведениями, реализующими цели, мотивы говорящего. Они передают определенный набор смыслов, через которые становится возможным восстановить концептуализированный опыт индивида.

В данной работе мы рассматривали тексты, которые были созданы носителями русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Чрезвычайно важна в них роль слова. Поскольку именно оно отражает особенности текста и функционирует «в качестве средства фиксации продуктов для самого себя и для общения с окружающими» [6]. Слово для данных текстов имеет принципиальное значение еще и потому, что речевые произведения, о которых идет речь, были порождены в ситуации естественной речевой коммуникации «для других» и записаны лингвистами. Это устные речевые произведения, созданные «по случаю» и не рассчитанные на «длительное хранение».

Слово для человека является неким звеном, благодаря которому на разных уровнях общения вы-

страивается какой-нибудь фрагмент событий. Для индивида актуально, с кем он говорит, когда говорит, о чем говорит, то есть речь его выстраивается по принципу «кто мой собеседник — где я говорю — о чем я говорю», что и определяет особенности текста.

В русских старожильческих говорах Среднего Прииртышья слово в большей степени, чем в системе литературного языка, является средством передачи оценочных категорий, так как при помощи слова носитель региональной разновидности языка выражает свое отношение к происходящему, к окружающей действительности. Он оценивает происходящие явления, опираясь на испытываемые эмоции. Оценка и эмоции взаимосвязаны и находят свое отражение в лексике.

Но необходимо отметить, что в говорах Среднего Прииртышья оценку репрезентируют не только лексические единицы, но и все высказывания. Отличительной чертой таких способов передачи оценки (в сравнении с высказываниями в литературном узусе) является принадлежность их к определенным речевым жанрам. Последние являются коммуникативными единицами, имеют знаковое выражение.

Как известно, в основу речевых жанров кладутся суждения человека о мире, «делая речевой жанр высказываниями, цель которых — выразить отношение говорящего к окружающей действительности при помощи лексических и грамматических средств по установленным когнитивным и прагматическим канонам» [7].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что один и тот же языковой материал, по А.А. Залевской, служит основой для его изучения в двух направлениях, поскольку следует вести речь о двух различных продуктах.

1) «Процессы переработки и упорядочения речевого опыта индивида, которые протекают по законам психической деятельности и под контролем социума (и шире — культуры), имеют своим результатом систему концептов и стратегий пользования ими как функциональными ориентирами и опорами» [6]. Это означает, что мыслительная деятельность индивида овнешняется по законам психической деятельности, при этом используются разнообразные языковые средства, стереотипные мыслительные структуры воплощаются в стереотипных знаках, индивидуально-субъектные — в особом наборе системных языковых средств.

Прежде всего, индивид (в нашем случае это носитель русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья) перерабатывает информацию по законам психической деятельности. Данная информация приобретает субъективность, так как он всегда оценивает любое явление, и выражается с помощью языковых знаков, составляющих систему региональной разновидности языка.

В процессе речевой деятельности продуктом является индивидуальным образом организованный языковой материал, например тексты, которые в смысловом отношении представляют собой открытую динамическую систему, имеют лексические и синтаксические особенности.

Тексты могут быть расценены как непрерывный выход на индивидуальные образы мира «через вырабатываемые по законам психической деятельности перцептивно-когнитивно-аффективно обусловленные образы сознания» [6]. При этом образы чужого сознания, например, создателя текста и его реципиента, осознаются лишь частично и

включены во внутренний контекст разнообразного опыта познания индивида. Образ сознания — это психоментальная величина, которую мы можем смоделировать при помощи лексических единиц. Лексическая единица является достоянием индивида, формируется на базе разных смысловых полей.

Таким образом, первый продукт представляет собой систему смысловых полей, сформировавшихся в процессе речемыслительной деятельности индивида.

2) Процесс исследования языкового материала под воздействием метаязыковой деятельности ученого, вследствие чего продуктом является описательная модель языка, которая представляет собой систему конструкций.

Лингвист, анализируя и систематизируя языковой материал (тексты), стремится к объективности. Он полностью осознает изучаемый материал, при этом тексты являются стабильной системой, то есть не испытывают влияния извне. Ученый «опирается на языковую картину мира, которая выводится из значения языковых единиц путем логико-рационального анализа текстов и словарных дефиниций (первичного и вторичного языкового материала)» [6].

Следовательно, второй продукт представляет собой систему научных концепций, взглядов, в которой в качестве единицы выступают конструкции. При этом конструкции являются инструментом описания.

Итак, рассматривая взаимодействие первого и второго направлений, мы можем отметить, что через все составляющие второго направления (систему научных взглядов, концепций) лингвист переходит к первому, в котором исследуется языковой материал, на основе которого выявляются особенности языкового сознания носителей русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья:

— субъективность, то есть отражение индивидуальной точки зрения по отношению к окружающей действительности. Субъективность отображается не только в оценочной лексике, которая обширно представлена в изучаемых говорах, но и в эмоциях, которые испытывает человек;

— влияние точки зрения собеседника или его присутствия на речь носителей русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья.

Носитель русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья осознает и дифференцирует собеседников по принципу «свой — чужой». Если собеседник из той же деревни, то носитель региональной разновидности языка не проводит грань между своей речью и литературной, если же собеседник незнаком, то носитель говора начинает разграничивать свою речь и литературную, при этом поясняет слова, характерные для говора;

— динамичность языковой системы. Исследуемые говоры являются динамической языковой системой, так как постоянно испытывают влияние со стороны литературной речи, просторечия, жаргона, и языковое сознание их носителей находится всегда в развитии;

— у каждого человека есть индивидуальный образ мира, проявляющийся через образы сознания. Чувственная ткань — это единица тела в образе сознания, которая состоит из единиц мира культуры (значение), единиц внутреннего мира личности (личностный смысл), единиц мира языка (знак) [5].

Особенности языкового сознания носителей русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья заключаются в отношении человека к миру и

к самому себе, которое опосредовано всеобщими формами общественно-исторической деятельности людей и которое овнешняется при помощи языка.

На исследуемой территории это региолект, то есть особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, но при этом развиваются новые особенности. Эти особенности проявляются, прежде всего, на лексическом уровне, потому что именно на данном уровне отражается языковой опыт носителя языка.

В слове реализуются чувства, мысли носителя региональной разновидности языка, а также оценка окружающего мира. Оценка — это явление, связанное с психическим состоянием человека, то есть человек неосознанно оценивает окружающую действительность, выражая свое отношение к чему-либо в лексике.

Необходимо отметить, что лексический уровень региональной разновидности языка испытывает значительное влияние со стороны просторечия. Например, *охредь, крутой, шатень, большеротый, отсобачить, угробить, чекануться, алкаш, пьяница, назюзюкаться и др.*

Многие фразеологические единицы, присущие региолекту, также являются просторечными и содержат оценку. Например, *назюзюкаться в сиську, по три рубля и в школу не поидем, рыло задрать, шею переест, тянуть волюнку, половина дурака, чугунок пустой, распустишь губы и др.*

Богатство словарного состава региональной разновидности языка проявляется в передаче языковой традиции другим поколениям, в активном употреблении синонимов и антонимов. Например, синонимический ряд, характеризующий глупого человека: *гундук-гундуком, как малый малайка, как пень горелый, коломенский талалай, на печке заблудиться, не хватает в голове, неполный умом, половина дурака*; синонимический ряд, называющий умного человека: *войти в ум, все дома, в толку, взять в толк, ухо с глазом да редька с квасом и др.*

Лексический и фразеологический уровни являются основой высказываний. Высказывания, несмотря на ситуативность в речи, характеризуются относительной устойчивостью, которая проявляется на смысловом и структурном уровнях. Сознание человека, с одной стороны, отражает мир, существующий объективно, а с другой стороны, в сознании отражаются отношения между миром и человеком, то есть субъективный аспект.

Кубрякова Е.С. отмечает, что «если правильно, то язык кодирует мир, то следует уточнить и то, какой именно «мир» он кодирует — мир «как он есть» или мир нашей психики, мир, данный нам и постигаемый нами в прямом его непосредственном восприятии, или же пропущенный через наше сознание и каким-то образом уже препарированный мозгом, рассудком, интеллектом» [8].

То есть для того, чтобы полно проанализировать связь языка и сознания, мы должны рассмотреть объективную и субъективную сторону семантики высказывания.

Для рассмотрения объективной семантики высказывания необходимо вновь обратиться к понятию пропозиции. Структура пропозиции обусловливается особенностями отражаемого объекта, поэтому любой семантический тип высказывания обладает своей пропозитивной структурой. «Эта структура, получая воплощение на вербальном уровне, обладает свойством варьировать по многим параметрам: по количеству компонентов про-

позиции, по условиям их лексического замещения, по степени эксплицированности, по коммуникативной значимости элементов пропозиции» [9].

Основным способом оформления пропозиции в русских старожильческих говорах Среднего Прииртышья является предикативная конструкция, а начальная единица анализа — элементарное высказывание, которое может быть включено в другие высказывания.

Мы проанализировали высказывания и выявили семантические модели, которые чаще всего встречались в данных говорах.

- 1) Семантическая модель «X какой (именной предикат)»;
- 2) Семантическая модель «X есть кто-то (что-то)»;
- 3) Семантическая модель «X что делает / X что делает как»;
- 4) Семантическая модель «У X есть (нет) что-то (чего-то)».

Семантическим моделям «X какой (именной предикат)» и «X есть кто-то (что-то)» свойственна логическая пропозиция, а двум другим моделям «X что делает / X что делает как» и «У X есть (нет) что-то (чего-то)» характерны как логическая, так и событийная пропозиции.

Таким образом, объективная сторона семантики формализуется на уровне пропозиций, которые, в свою очередь, соответствуют определенным семантическим моделям.

Субъективная сторона семантики проявляется в модусе, который представляет собой «субъективные значения, исходящие от говорящего» [10].

Речь региональной разновидности языка представляет собой источник для исследования модусных смыслов, потому что отображает разнообразные ситуации общения. В данной работе особое внимание уделяется анализу речевых жанров, так как именно они являются основной модусной категорией, которые определяют такие семантические смыслы высказывания, как:

— персуазивность — это оценка говорящим объективного содержания предложения со стороны его достоверности — недостоверности, выражение уверенного или неуверенного знания;

— целеустановка — это выражение коммуникативного задания говорящего, того, намерен ли он только передать заключенную в предложении информацию собеседнику или имеет целью узнать у него нечто по поводу передаваемого;

— авторизация — указывает на источник излагаемой информации» [10].

Итак, основная модусная категория, свойственная русским старожильческим говорам Среднего Прииртышья, — речевой жанр. С помощью речевого жанра мы можем составить портрет человека, описать его, проследить его жизненный путь.

Необходимо рассмотреть более подробно речевые жанры, проявляющиеся в русских старожильческих говорах Среднего Прииртышья: портретирование, описание, воспоминание.

В фокус портретирования человека попадают такие характеристики, как внешний вид (рост, возраст), умственные способности, отношение к труду, физическое состояние, семейное положение, финансовое положение и т.д. Это определяет основной смысл создания высказывания. Причем портрету человека как речевому жанру присущи три семантические модели: «X какой (именной предикат)», «X есть кто-то (что-то)», «X предикат + как Y».

Таким образом, портретирование человека как речевой жанр дает возможность узнать человека более подробно, дать ему оценку со стороны говорящего (оценивающего). Интересен тот факт, что при данном речевом жанре чаще всего оцениваемый человек не участвует в общении.

Мы полагаем, что портретирование человека – это речевой жанр, в основе которого лежит коммуникативное намерение говорящего охарактеризовать кого-либо на основе детального перечисления физических и психологических признаков, свойственных характеризируемому человеку.

Разновидностью речевого жанра «портретирование человека» является «описание». Отличие «описания» от «портретирования человека» заключается в том, что «описание» очерчивает общее психическое и физическое состояние человека.

Описание – это речевой жанр, в основе которого лежит коммуникативное намерение говорящего описать подробно, со всех сторон, общее психологическое и физическое состояние человека.

Таким образом, цель описания дать полное общее представление о человеке, которое реализуется в семантических моделях «X какой (именной предикат)», «X предикат + как Y».

Особого внимания требует, по нашему мнению, речевой жанр «воспоминание», так как он является важнейшим средством сохранения и передачи культурных традиций. Основная особенность речевого жанра «воспоминание» заключается в том, что тема воспоминания задается путем наводящих вопросов. Например, на вопрос: «Расскажите, как раньше жили и как сейчас живут в деревне?» можно услышать о трудовых днях людей, о покое, об отношении к работе, о жизни в деревне, об отношениях между людьми, то есть рассказывающий описывает, как правило, свою жизнь.

Таким образом, можно говорить о том, что жанр «воспоминания» поликонцептуален, если подходить к нему с позиций выявления доминантных концептов.

Другая модусная категория (персуазивность) в региолекте пересекается с авторизацией и оценочностью. В целом субъективная семантика высказываний представляет собой целостное отражение окружающего мира.

Таким образом, языковое сознание носителей русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья овнешняется при помощи лексических и фразеологических единиц, высказываний и речевых жанров.

Языковой материал имеет свои особенности. Эти особенности обуславливаются различными фак-

торами. Если непосредственный деятельностный опыт человек получает в условиях постоянного или практически постоянного проживания в определенном регионе, имеющем свои географические, экономические, культурные черты, то вся система образов сознания будет его отражать. Если для данного региона распространенной является конкретная разновидность нелитературного языка, то эта система образов сознания как перцептивно-когнитивно-аффективных образований будет связана именно с единицами этого языка.

Библиографический список

1. Садретдинова Г.А. История заселения русскими Западной Сибири в связи с изучением сибирских старожильческих говоров // Диалектологические и историко-лингвистические проблемы: Сб. науч. трудов памяти профессора Г.А. Садретдиновой / Под ред. О.И. Блиновой, М.А. Харламовой. – Омск, 1999.
2. Юнаковская А.А. К вопросу об описании народного сознания и его элементов (на материале Среднего Прииртышья) // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 1 – 3 июня 2000 г. М., 2000.
3. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира. Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000.
4. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира. Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000.
5. Васильев Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии, 1993, №5. С. 5 – 19.
6. Залевская А.А. Языковое сознание и описательная модель языка // Методология современной психолингвистики: Сборник статей. – Москва; Барнаул, 2003.
7. Баранов А.Г. Когнитивность текста (к проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997.
8. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
9. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск, 2000.
10. Белошанкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1989.

ШТЕХМАН Елена Александровна, ассистент кафедры русского языка филологического факультета.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.08.06 г.
© Штехман Е.А.

Книжная полка

Малахова Н.Г.

Деньги. Кредит. Банки: Конспект лекций: Учебное пособие. - М.: ПРИОР, 2005. - 97 с.

Настоящим изданием мы продолжаем серию «Конспект лекций. В помощь студенту», в которую входят лучшие конспекты лекций по дисциплинам, изучаемым в гуманитарных вузах. Материал приведен в соответствии с учебной программой курса «Деньги. Кредит. Банки». Используя данную книгу при подготовке к сдаче экзамена, студенты смогут в предельно сжатые сроки систематизировать и конкретизировать знания, приобретенные в процессе изучения этой дисциплины; сосредоточить свое внимание на основных понятиях, их признаках и особенностях; сформулировать примерную структуру (план) ответов на возможные экзаменационные вопросы.

Данная книга не является альтернативой учебникам для получения фундаментальных знаний, но служит пособием для успешной сдачи экзаменов.

МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОЖАНИНА КАК ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОСПРИЯТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ г. ОМСКА)

В данной статье предлагается к рассмотрению «городское мировосприятие», иерархия ценностей современного горожанина.

В речи имеют отражение как позитивные, так и негативные установки традиционного поведения.

В русистике существует уже ряд работ, в которых рассматриваются ключевые идеи русской языковой картины мира, т.е. основные представления об устройстве мира (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелев, Е.С. Яковлева и др.). В них анализируется механизм соотношения языковых единиц с внеязыковой действительностью. Однако современные направления предлагают чаще всего абстрактную языковую модель мира русских.

Параллельно в русистике разрабатывается теория речевых культур (Н.И. Толстой, О.Б. Сиретина и др.), в которой выделены основные закономерности функционирования той или иной культуры и способы ее репрезентации в речи определенной группы носителей.

Тема «мировосприятие современного горожанина» только начинает разрабатываться. На материале конкретного сибирского города предлагается рассмотреть «сеть» важнейших понятий, отражающих «жизнесберегающие» технологии. Модель поведения варьируется в зависимости от принадлежности к той или иной городской культуре.

Одной из форм организации жизни человека является город. В современных условиях это не просто тип поселения или занятий, а образ жизни с определенным бытом, производством и общественным укладом (А.А. Сванидзе).

Исследование города возможно в современной науке с различных точек зрения. Возможен и культурологический подход. Определенный интерес представляет анализ основополагающих понятий, отражающих коллективное (стереотипное) представление о человеке в окружающем мире жителей города.

Культурное пространство, его понятийная модель и языковой быт г.Омска складывается в течение 290 лет. Первоначально это был «город военных» с преобладанием мужского населения, а затем формируется тип многопрофильного «техногенного города». Это город с очень высоким уровнем урбанизации (68% жителей области — городское население). При этом это «старый» город (индекс старения составляет более 40%). Это город с преобладанием женского населения. Причем женщин 60 лет и старше в два раза больше, чем мужчин, а 70 лет и старше — в три раза, что не может не сказаться на типе сознания тех или иных групп населения, а также на способах восприятия окружающего мира.

Рассмотрение системы ценностей жителей конкретного города возможно на основе линг-

вистических данных. Анализ собираемой с 1987 г. картотеки (более 130 тыс.ед.) и созданного на его основе «Словаря современного города» (2003) позволяет говорить о том, что формируется определенное «городское мировосприятие», в основе которого находится массовая городская культура. При этом наблюдается сосуществование ряда подкультур: это нейтральная городская культура, просторечная культура, нейтральная молодежная культура, интерсоциальная (переходная) культура, массовая «уличная» культура, вульгарная молодежная культура, маргинальная городская культура (т.п. underground), полудиалектная культура, культура воровского аргю, детская субкультура, субкультура военных и «новых русских» и т.п. с набором устойчивых показателей на различных уровнях. При их классификации учитывается такой признак, как **основа культуры**. Это **саморегулируемая система** или **ведомая (корректируемая) извне система**. Наибольший интерес представляет саморазвивающаяся, «непилотируемая» сфера мегаполисной культуры.

Взаимоотношения горожан на бытовом уровне регулируются определенными правилами, сложившимися в результате формирования условий существования человека, закономерностей отношений с другими людьми в различных «средах», в социуме. Это поведенческая система, организующая жизнедеятельность человека, в основе которой лежит устоявшееся отношение человека к тому или иному явлению (это т.н. ценность).

Можно предложить схему наиболее значимых для человека понятий (аксиологическую систему), а также схему отступлений от них, т.е. антиценностных установок.

Первый уровень можно определять как **«эгоцентрический»**: индивида волнуют (прежде всего) явления, касающиеся его биологического функционирования. **ЖИЗНЬ** — это высшее личностное благо, которое зависит от **ЗДОРОВЬЯ** и **ДОЛГОЛЕТИЯ**. Высшей ценностью для человека можно считать **ТРУД**, т.к. он обеспечивает саму жизнь, здоровье и долголетие. При этом **БОГАТСТВО** не является целью (не воспринимается безусловным добром). Важные позитивные качества (**СКРОМНОСТЬ**, **КРОТОСТЬ**, **СМИРЕНИЕ**) способствуют сохранению здоровья и обеспечивают долголетие, так как определяют внутренние биологические процессы. **РАДОСТЬ** и **ВЕСЕЛЬЕ** также способствуют улучшению биологических процессов. При этом можно отметить «земную» ориентацию уста-

БАЗОВЫЕ МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ	АНТИЦЕННОСТИ
Позитивные установки	Негативные установки
I. Витальные ценности (природные):	
ЖИЗНЬ	СМЕРТЬ / РАННЯЯ СМЕРТЬ (это зло, которому помогают)
ДОЛГОЛЕТИЕ и ЗДОРОВЬЕ (это высшие личностные блага)	БОЛЕЗНИ

«Я» - мир	
ТРУДОЛЮБИЕ (высшая ценность)	ЛЕНЬ
ДОСТАТОК	БЕДНОСТЬ
ПРАВДИВОСТЬ	ЛОЖЬ
КРОТОСТЬ	ГОРДЫНЯ
СМИРЕНИЕ	СТРОПТИВОСТЬ
ВЕСЕЛЬЕ / РАДОСТЬ	ПЕЧАЛЬ / ГОРЕ
II. Социальные ценности	
Семейно-родовые ценности :	
ДОМ	НЕ-ДОМ
СЕМЬЯ («большая» и «малая»)	ОДИНОЧЕСТВО
«Я» в мире своих людей	
РАЗМЕРЕННОСТЬ	РАСПУТСТВО
ЗДРАВОМЫСЛИЕ	ЛЕГКОМЫСЛИЕ
ВЕРНОСТЬ	НЕВЕРНОСТЬ (плохого мужа)
УМЕНИЯ	НИКЧЕМНОСТЬ (жены)

«Я» и «Мы» : «Я» в мире чужих людей:	
ПРИЗНАНИЕ	ОТВЕРЖЕННОСТЬ
МИЛОСЕРДИЕ	БЕЗРАЗЛИЧИЕ
СОСТРАДАНИЕ (бескорыстие и помощь нуждающимся)	НАСИЛИЕ (алчность и корыстолюбие)
III. Общественные ценности :	
«Я в обществе»	
ТЕРПЕНИЕ	НЕТЕРПЕНИЕ
СДЕРЖАННОСТЬ	НЕСДЕРЖАННОСТЬ
СКРОМНОСТЬ	РАСПУЩЕННОСТЬ

«Я в государстве»	
МОЛЧАЛИВОСТЬ	БОЛТЛИВОСТЬ
ПОСЛУШАНИЕ	НЕПОСЛУШАНИЕ
ПОКОРНОСТЬ	НЕПОКОРНОСТЬ

новок человека, а не «потустороннюю». Данные ценности обеспечивают функционирование внутренней системы (мира) индивида.

Второй уровень можно называть **«индивидуально-личностным»**. Человек выделяет важные для него личностные (социальные) отношения, его интересы обращены к ДОМУ, СЕМЬЕ, родне («своим»), соседям. У человека должен быть ДОМ, а в нем СЕМЬЯ («малая» и «большая») со своим устройством. Соблюдение распорядка в семье также способствует долголетию. Сформировалась определенная семейная этика, основанная на семейной солидарности, взаимопомощи.

Для общения с людьми как совокупной форме совместной деятельности нужно ПРИЗНАНИЕ (ощущение себя «своим» в «окололичностной» среде), а также определенная «связь» с другими через такие понятия, как МИЛОСЕРДИЕ и СОСТРАДАНИЕ. Данные ценности регулируют взаимодействие человека с окружающими его людьми.

Третий уровень является **социально-личностным** (общественным). При этом под обществом понимается «определенная совокупность отношений и форм самой практической деятельности, система социальных отношений» (И.Дзялошинский). «Удобным» для общества является человек «тихий», который должен быть всегда ТЕРПЕЛИВ, СДЕРЖАН, СКРОМЕН, владеть эмоциями. Определяющей установкой на данном уровне можно считать МОЛЧАЛИВОЕ приятие, одобрение данного (существующего) устройства общества, которое должно базироваться на ПОСЛУШАНИИ, ПОКОРНОСТИ. Данные ценности могут обеспечить сохранение индивида, его личностной сферы в социуме.

Первый уровень можно отнести к «внутреннему миру» (индивидуальному), второй – к «переходному миру» (лично-социальному), третий – «внешнему» миру человека. Вне предложенного понимания основных ценностей находится т.н. «духовный мир» человека («воображаемый мир»), а точнее, познанная и отраженная объективная реальность. При этом индивид знакомится с окружающим его миром, осваивая часть его, оценивает тем или иным способом, определяя иерархию ценностей. Создается особый тип организованных человеческих знаний, формирующий учение о моральных ценностях и моральных нормах. Это моральная этика, которая является вторичной по отношению к моральным ценностям. При этом человек является как основной мерой, так и основанием для сравнения.

Иерархия ценностей зависит от ряда показателей: от возраста, способности ориентироваться в окружающем мире, от ощущения себя в этом мире, личностных показателей, социальной принадлежности и способов категоризации и т.п. Так, опрос жителей города среднего и старшего возраста показал, что для них важны такие понятия, как *жизнь, здоровье, дом, семья, друзья, работа, деньги* и т.д. Для омского подростка это *дружба, общение, веселье, «кайф», секс* (лица противоположного пола), а *дом, семья, родители, школа* находятся на периферии его речевого мира (Е.Н. Гуц). Ассоциативный эксперимент показал, что для детей на первом месте находится *мама* (семья), затем *дом* («своя» территория), *книжка, игрушка* и т.п. Определенную роль играет и национальная принадлежность, отражающая традиционные представления в восприятии и оценке окружающего мира. Анализ языкового материала обиходно-бытовой речи г. Омска показал:

город фильтрует, анализирует наиболее важные для человека понятия, а затем их номинирует, привнося ту или иную оценку в зависимости от степени важности для данного подтипа культуры.

Важное место имеет в жизни любого человека «свое» пространство – ДОМ, в котором находится СЕМЬЯ. Эти понятия между собой связаны, а также пересекаются в значении. ДОМ противопоставит внешнему миру, это обжитое пространство, это жилище. Важной характеристикой ДОМА является способ его организации: можно говорить о «принципе ковчега» и «принципе коттеджа». В первом случае в доме проживают «свои» люди, связанные кровными узами. Это чаще всего «большая семья», в которой люди объединяются общими интересами. Во втором случае это строго организованное пространство, ориентированное на западные образцы (ранее это была английская усадьба, особняк), чаще всего в данном случае наблюдается «малая семья». В широком смысле можно говорить об образе обжитого пространства. Более традиционными являются «большая семья» и «открытый дом». ДОМ строится для СЕМЬИ, поэтому другим его значением является «семейство», «семья», «хозяева с домашними» (т.е. «род», «поколение»).

Под СЕМЬЕЙ понимается совокупность близких родственников, живущих вместе. Также это ячейка общества, т.к. в ней происходит воспитание и социализация детей, что обеспечивает непрерывность социальных институтов. Семья обладает определенной организацией («*Почитай отца и мать*», «*Мужчина должен быть мужем хорошей жены и отцом нескольких детей*», «*Жена добрая, трудолюбивая, молчаливая – венец мужу своему*» и т.п.).

В СЕМЬЕ происходит переход от ощущения «я» к ощущению «мы». МИЛОСЕРДИЕ и СОСТРАДАНИЕ к другому возникают в кругу родственников и распространяются на «внешний мир». Также выживаемость человека в нем зависит от выполнения таких поведенческих установок, как ТЕРПЕНИЕ, СДЕРЖАННОСТЬ, СКРОМНОСТЬ. В речи горожан имеет многократное отражение невыполнение данных «требований» человеком в социуме и обществе.

В СЕМЬЕ и во «внешнем мире» происходит переход от «я» к «не-я» («я – другое»). Первоначально это наблюдается в кругу родных и близких людей. Возможно как гармоничное сосуществование, так и «семейный конфликт». Причем как с существованием в данной ситуации партнером, так и с воображаемым. Затем осваиваются «получужие» (соседи, коллеги), «чужие». Для общения с ними должна быть «связь» с другими (т.н. «братское отношение», «солидарность»). Точкой отсчета является понятие «я сам», «как я сам себя переживаю». При восприятии других возможно два подхода: а) «другие такие же, как и я», б) «другие не такие же, как и я». В первом случае наблюдается «эстетическое» восприятие «другого», в т.ч. и при обращении (Голуба, Дорогуша, Милая, Уважаемые и т.п.). Во втором случае – «антиэстетическое» восприятие «другого» (как в целом человека, так и его частей) (*Алеша алюминиевый, Бесстыжие глаза, Муха навозная, Пим сибирский, Старая калоша (Кочерыжка, Перечница)* и т.п.). Это позволяет говорить об «экспрессивном антиэстетизме» (подробнее см. работы М.М. Бахтина). В «зоне неприятия» находится и «человек болтливый» (*Балаболка, Баламут, Ботало, Звонарь, Мелево, Помело, Трепач,*

Трепло, Баба базарная, Баламут баламутом), «человек нетерпеливый» (Ноги вперед головы, Шило в одном месте и т.п.) и т.п.

Анализ языкового материала обиходно-бытовой речи г. Омска показал, что от замужней женщины ожидается «хорошее» поведение, а также стандартная («средняя») внешность. При этом весьма слабо представлены единицы с положительной характеристикой (Пава «спокойная женщина», Хирхириха «умелая женщина», Стряпуха «хорошо готовящая женщина» и т.п.). Отступление от «нормы» (нарушение «семейной этики») имеет многократное отражение в речи (Шалапутка «женщина, не любящая вести домашнее хозяйство», Кукушка «беззаботная мать», Кобра, Мегера, Пила, Редька и т.п. «своенравная, злая жена», Выдра, Грымза, Мыра и т.п. «женщина с плохим характером», Халда «ленивая женщина», Балаболка, Мелево и т.п. «болтливая женщина», Девка, Кошка, Лярва, Профура, Швабра «женщина легкого поведения» и т.п.). При этом отрицательно оцениваются как женщина, целиком посвятившая себя семье (Домашняя курица, квочка), так и одинокая женщина (Вековуха, Ключка, Моля гардеробная «старая дева», Брошенка, Обиженка, Одиночка, Разведенка «разведенная женщина»). Наиболее устойчивым можно считать «семейный» стереотип: женщина должна быть при муже. Причем женщина, поддерживающая длительные отношения с женатым мужчиной, характеризуется как Двоюродная жена, Боковушка, Подсердечница и т.п. Для мужчины предпочтительны такие качества, как мужественность, сила, активность, смелость, практичность, лидерство, решительность, негибкость поведения, постоянство во взглядах, логичность и т.п. Увлечение женщинами, выпивка, курение в речи (чаще всего) только порицается, а не воспринимается как серьезное нарушение предписываемых традиционных правил. Однако неприятие вызывает мужчина, который является бездельником, постоянно пьющим (Алкаш, Бухарь, Выпивоха, Запивоха, Кельдырь, Кирюшник, Лакаш, Синявка и т.п.), безмерно увлекающийся женщинами (Бабник, Блудень, Кот, Сквозняк, Охальник и т.п.).

Связывает человека с другими совместный ТРУД. Однако отношение к данной жизненной необходимости двояко: 1) Трудиться должны все, 2) Работать много – это плохо (Вкалывать, Вламывать, Елачить, Ишачить, Кайлить, Ломать, Лопатить, Трубить, Харлачить, Вламывать как лошадь, Гнуть горб (спину, хребет), От работы кони дохнуть и т.п.). Плохо работающий и ленивый человек активно порицается: Лайдак, Лежебока, Лежень, Сачок, Сидень, Трутень, Филон и т.п. Много работающий человек характеризуется как Ишак, Пчелка, Работяга и т.п. При этом ТРУД не является самоцелью, он нужен как самому человеку, так и окружающим. А ТРУДОЛЮБИЕ можно считать мерой оценки отношения человека к труду и одной из базовых ценностей.

Связывает человека с ТРУДОМ, а также определяет его позицию во «внешнем мире» такое понятие, как ДЕНЬГИ, формирующее оппозицию БЕДНОСТЬ – БОГАТСТВО. В сознании горожан сформировалось «тройственное» отношение к деньгам (Не жили богато – нечего начинать, Бедность не порок – Лишняя копейка должна быть (в доме) – Нахапаться не могут, Все гребут да гребут под себя и т.п.). Богатство не было в русской культуре

одной из главных ценностей (в т.ч. и в религиозной системе), особенно осуждался недостаток, нажитый нечестным путем. Порицались люди, которые копили деньги ради денег (Гамзить деньгу, Жопиться, Зашибать деньгу, Класть в кубышку, Набивать кубышку, Складывать копейку к копейке и т.п.). А сам человек, трепетно относящийся к деньгам, имеет такую характеристику, как Жадюга, Жаднюга последний, Жила, Жмот, Притырок, Сквалыга, Скупердяй и т.п. Нищета имела порицание в том случае, если вызвана нерадивостью, ленью, пьянством. (При этом отмечалось, что не следует зарекаться от тюрьмы и от сумы.) Создание сферы частного бизнеса, получение «легких денег» отразилось в речи: появились «отрицательные» единицы, отражающие новое для русского человека отношение к материальным благам, формирующее «социальную маску» (Бритоголовые, Деловье, Красномордые, Круглоголовые, Крутые (Как ведро шурупов), Мафиоза, Мордатые и т.п. «бизнесмены», «деловые люди»). При рассмотрении понятия ДОСТАТОК видно, что проследит формирование «новой» зоны в его структуре.

Ряд примеров, отражающих важные для человека моральные ценности, не закончен, его можно значительно расширить. Тем не менее определенные закономерности можно проследить. Прежде всего, следует говорить о городском типе мировосприятия, имеющем устойчивую «сетку понятий». Особенностью бытовой базовой системы ценностей является императивность (обязательность исполнения), а отступление от нее, нарушения правил поведения имеют многократное отражение. Важно отметить, что в зависимости от типа городской культуры степень императивности того или иного уровня в типах городских культур различна, т.е. наблюдается определенная вариативность.

Анализ собранного материала позволяет говорить о том, что горожанин существует в определенном концептуальном пространстве, созданном на основе базовых ценностей, корректируемом национально-традиционными правилами. При этом в речи существует табу на актуализацию тех или иных базовых понятий (ЖИЗНЬ, РОЖДЕНИЕ, ЛЮБОВЬ, СЕКС и т.п.), в т.ч. и основного. Однако в случае употребления понятие ЖИЗНЬ человека трактуется как часть общей судьбы как малого, так и большого коллектива. Остальные базовые моральные ценности связаны с этим основополагающим понятием в той или иной форме. Чаще всего положительные установки «просматриваются» на основе порицания отступлений от них. Языковая форма аксиологических установок зависит от восприятия объекта действительности в «своей» или «чужой» зоне, от ощущения человека в этом мире, сложившегося словарного фонда и т.п.

Исследования моделей поведения, отражающих мировосприятие жителей современного города, со временем позволят создать «схему понятий» горожанина в полном объеме.

ЮНАКОВСКАЯ Алла Анатольевна, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры исторического языкознания.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.08.06 г.
© Юнаковская А.А.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882

С. М. АВЛАСОВИЧ

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ И РОЛЬ АМПЛИФИКАЦИИ В АГИОГРАФИИ ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО

В статье рассматривается проблема литературных источников агиографии русского средневекового писателя Епифания Премудрого, в частности, исследуются традиции приема амплификации, являющегося основным в стилистической организации текстов Епифания.

Епифаний Премудрый, русский писатель-агиограф XV века, автор жизнеописаний Сергия Радонежского, Стефана Пермского и, по предположениям некоторых ученых, князя Димитрия Донского, известен науке как создатель литературного стиля «плетение словес». Произведения Епифания отличаются ярким, витиеватым стилем и открывают собою эпоху господства этого стиля в литературе и искусстве Древней Руси.

Самой характерной особенностью «плетения», или «извития словес», как обозначает сам автор характер своего письма, является литературный прием амплификации. Амплификация, по мнению О.Ф. Коноваловой, дала Епифанию Премудрому возможность наиболее полно воплотить важнейший для него стилистический принцип, сформулированный им самим: «от словес похваление събираа, и приобретаа, и приплетаа» [1, С. 73].

Суть литературного приема амплификации заключается в замедлении повествования за счет развития какой-либо одной темы на определенном отрезке текста. Как правило, это касается наиболее важных в данный момент для автора проблем или идей. Для этого он использует разного рода перечисления, синонимические ряды, наизывание цитат, вводит в текст цепочки эпитетов и метафор. Какой-либо наиболее значимый поступок главного героя может быть подтвержден у Епифания более чем двадцатью цитатами из Библии, говорящими об одном и том же. «Събираа, и приобретаа, и приплетаа похваление», агиограф, кажется, готов бесконечно описывать какое-то одно явление, оставляя на время общий ход повествования, будто забывая о нем.

Амплификации посвящены многочисленные литературоведческие исследования. Она всегда привлекала и привлекает интерес ученых. Что

побуждает агиографа к бесконечным замедлениям текста? В чем причина его стилистической «цветистости», как называли витиеватый стиль современники Епифания? Для подтверждения правомерности того или иного поступка вполне было бы достаточно одной или двух библейских цитат. Для чего же Епифаний приводит их более двадцати? Природа амплификации остается невыясненной, и настоящая статья предлагает один из вариантов ответа на вопрос о причине введения амплификации в текст агиографического произведения и источниках этой литературной традиции.

Создавая жития, Епифаний Премудрый во многом следовал писательским методам русских, византийских и южнославянских агиографов и риторов, то есть проповедников. Стилистическое родство с проповедью стало отличительной особенностью южнославянской агиографии XIV-XV веков. О связи епифаниева стиля с ораторскими произведениями Киевской Руси неоднократно говорилось в исследованиях литературоведов и лингвистов. Известно, что в «Словах» Кирилла Туровского и митрополита Илариона Киевского амплификация, так же как в агиографии Епифания, играет важную роль. Так, И. П. Еремин считает риторическую амплификацию основой стилистического строя «Слов» Кирилла Туровского [2, С. 51], а Д. С. Лихачев указывает на стилистическое сходство епифаниевых текстов с гомилетикой Илариона и Кирилла как на национальные русские черты в агиографии XV века [3, С. 50]. Синонимические перечисления, цитатные ряды, цепочки эпитетов и метафор, а также ритмизация речи — все это свойственно как агиографии Епифания, так и гомилетике Киевской Руси. Эти параллели позволили ученым говорить о стремлении Епифания уподобить свои произведения церковной проповеди, сделать их наиболее доступными и легкими для запоминания. О. Ф. Коновалова пишет: «...песмотря на усложненность, ученость, насыщенность цитатами текста Жития Стефана Пермского, писатель явно заботится о доступности своего произведения. Так, цитатные потоки в нужный автору момент прерываются, он как бы дает отдых слушателю, переключает его внимание на другую тему. Скопление цитат всегда предполагает упрощенный синтаксис, наконец, этой же цели служит и особая ритмичность прозы у Епифания Премудрого. Ритм речи облегчает восприятие мыслей автора, выраженных нагнетанием огромного количества библейских цитат, сохраняя при этом авторскую задачу. Ритмическое звучание облегчает слушание, вместе с тем создает особое расположение духа, некую поэтичность, лиричность, задушевность» [1, С. 79].

Предположение о том, что гомилетика Илариона и Кирилла является литературным источником для Епифания, заставляет обратиться к произведениям торжественного красноречия в поисках причины возникновения амплификации в этих текстах.

Ораторы Киевской Руси, используя прием амплификации, следовали более древним проповедникам, таким, как, например, Иоанн Златоуст или Ефрем Сирийский, произведения которых получили широкое распространение в русской книжной среде. Проповеди названных риторов, как правило, представляют собой толкования на тот или иной сюжет Священного Писания. Причем текст проповеди обычно выстраивается как пересказ известного события библейской или евангельской истории, но с добавлениями авторских ремарок, довольно пространных, занимающих порой не одну

страницу. Так, первая фраза книги Бытия «В начале сотвори Бог небо и землю» у Иоанна Златоуста становится темой для отдельной проповеди [4]. Многократно повторяя одну эту фразу, варьируя ее, рассматривая с разных сторон, оратор то углубляется в согреологические рассуждения, то снова возвращается к исходной библейской цитате. Перед нами не ход повествования, не движение вперед, а как бы своеобразный словесный танец на одном месте. Другой пример: толкуя притчу о Богаче и Лазаре, Иоанн Златоуст вводит в текст так много рассуждений и догадок о перенесенных Лазарем страданиях, так подробно описывает испытанный им голод, холод и зной и приводит возможные реплики страдальца, что короткая притча становится пространным повествованием в интерпретации проповедника [5]. То же явление наблюдается практически во всех проповедях ранних христианских ораторов. Можно предположить, что введение в текст различных подробностей, бесконечное кружение вокруг одной и той же мысли призвано приблизить слушателя, насколько это возможно, к событию священной истории, погрузить его в мир Ветхого или Нового Заветов. Автор проповеди предлагает нам пожить в библейском времени и пространстве. Замедление повествования — это преодоление быстро текущего настоящего времени. Значимость же евангельского сюжета настолько велика, что одно краткое событие, даже выраженное всего одной фразой, можно интерпретировать и описывать бесконечно.

По тому же принципу остановки внимания на особенно важных событиях строятся все богослужебные тексты. Особенно хорошо это прослеживается в службах на господские или богородичные праздники. Так, например, в службе Благовещению канон построен как длинный диалог Архангела Гавриила и Марии. Этот диалог включает в себя воспевание чистоты Марии, восхваление Божия промысла, цитаты из Ветхого Завета с пояснениями пророчеств о непорочном зачатии, предсказания об искупительной жертве Христа, и так далее, то есть представляет собой пространный гимнографический текст с вкраплениями догматического и экзегетического характера [6]. В Новом Завете мы не найдем ничего подобного: Евангелие описывает произошедшее событие кратко, и разговор Марии с Гавриилом заключается всего в паре фраз. Очевидно, гимнограф, составлявший службу, используя прием амплификации, преследует вполне определенную цель: помедлить, пожить какое-то время евангельской жизнью, стать свидетелем встречи Архангела и Богородицы, замереть перед этим чудом как перед иконой. Амплификация необходима гимнографу не только как способ раскрытия глубины евангельского события, но и как средство создания особой атмосферы и молитвенного настроения у слушателей. Главной целью богослужения является совершение молитвы, поэтому на нее и ориентируется гимнограф, используя те или иные литературные приемы. Характерно, что именно амплификация стала наиболее подходящим способом организации богослужебного текста.

Не может ли гомилетика, используя одно и то же средство построения речи, что и гимнография, преследовать ту же самую цель? «Слова» ораторов Киевской Руси тесно связаны с богослужебными текстами; произносимые в середине службы или по окончании ее, они естественно могли восприниматься как составная часть богослужения, переключаясь

с ним тематически и стилистически. Обратимся к «Слову о снятии Тела Христова с Креста» Кирилла Туровского и сравним его с соответствующим гимнографическим текстом – одной из стихир Страстной седмицы.

«Слово» Кирилла Туровского:

«Въпияше же Иосиф, глаголя сице: Солнце незаходяй, Христе, Творче всех и тварем Господи! Како пречистемъ прикоснуся теле твоемъ, неприкосновѣнну Ти сущу небесным силам, служащимъ Ти страшно! Кацемъ же плащаницами обию Тя, повивающаго мглою землю и небо облакы покрывающаго! Или каковы воня възлею на Твое святое Тело, ему же дары съ вонями пьрсѣстии принесшеи цесари... Кыя ли надгробныя песни исходу Твоему възпою... Како ли въ моемъ худемъ положю Тя гробе, небесный круг утвердившаго словомъ...» [7, С. 83].

Стихира Страстной седмицы:

«Тебе, одеющагося светомъ, яко ризою, снем Иосифъ съ древа съ Никодимомъ и... рыдая глаголаше: ...како погребу Тя, Боже мой, или какую плащаницею обию? Коима ли рукама прикоснуся нетленному Твоему Телу, или кия песни възпою Твоему исходу, Щедре?...» [8, С. 289].

Мы видим, что богослужебный текст несколько распространяет евангельское повествование о снятии с Креста, а Кирилл Туровский, в свою очередь, расширяет текст стихир, вводя ее интерпретацию в свое «Слово». В произведениях Кирилла можно найти цитаты из самых разных гимнографических произведений. Оратор искусно переплетает их между собой, вводя текст одной стихирой внутри другой, соединяя их фрагменты и дополняя пересказом евангельского сюжета и авторскими словами. Перед нами не просто проповедь, слово, обращенное к пастве, а естественное продолжение богослужения, предложенный слушателю текст для совместной молитвы. Таким образом, непосредственным литературным источником древнерусской гомилетики помимо Священного Писания и произведений ранних христианских ораторов, является гимнография, и речи проповедников наследуют от богослужебных произведений не только особенности стилистики, но и ориентацию на молитву, создание молитвенного настроения. Главным литературным приемом для достижения особой, молитвенной интонации как в гимнографии, так и в гомилетике является амплификация.

Вернемся к агиографии Епифания Премудрого. Отделенный от ораторов Киевской Руси несколькими веками, он во многом следует их традициям. Его жития, помимо многочисленных цитат из Библии, о которых уже говорилось, содержат большое количество гимнографических фрагментов. Да и сами цитаты из Священного Писания, как это было доказано исследователем Ф. Вигзелл, берутся Епифанием из числа тех, которые звучат во время церковной службы [9, С. 232-243]. Так, в Житии Стефана Пермского епископа, благословляющий святого на подвиг проповеди, произносит длинную речь, которая, в стиле «плетения словес», является мозаичным соединением различных фрагментов из Нового Завета, псалтири и гимнографических текстов, искусно соединенных между собой. Рассмотрим небольшой отрывок этой речи:

«Поиди, чадо, с миром и буди схраняем Божьею благодатью. Благодать бо Господа нашего Иисусъ Христа, Сына Божия, Егоже благовестити тщишися, и любы Бога Отца и община Святаго Духа да будет

всегда с тобою и ныне и присно и во вѣки вѣком аминь» [10, С. 80].

Сравним с возгласом священника на Литургии:

«Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога Отца, и причастие Святаго Духа буди со всеми вами!» [8, С. 50].

Как и в случае со «Словами» Кирилла Туровского, мы можем увидеть в этом отрывке Жития распространенную цитату из литургического текста. И хотя в данном случае предпринятое Епифанием распространение невелико, но сам род заимствования и принцип замедления повествования остается тем же, что и в гомилетике Кирилла.

Аналогичным образом многие реплики Стефана Пермского представляют собой переплетение используемых в богослужении библейских цитат, стихир и литургических возгласов. Например, перед отправлением в Пермь Стефан молится так:

«Боже и Господи! Иже премудрости Наставниче и смысла Давче, несмысленнымъ Наказателю и нищимъ Защитителю, утверди в разумѣ сердце мое и дай же ми слово, Отчее Слово, да Тя прославляю во вѣки вѣком аминь» [10, С. 184].

Сравним с песнопением из службы на изгнание Адамово:

«Премудрости Наставниче, смысла Подателю, немудрыхъ Наказателю и нищихъ Защитителю, утверди, вразуми сердце мое, Владыко! Ты даждь ми слово, Отчее Слово, се бо устне мои не възбраню во еже звати Тебе: Милостиве, помилуй мя падшаго» [8, С. 245].

То же можно сказать и о Житии Сергия Радонежского, с тем лишь отличием, что в нем амплификацию чаще составляют интерпретации цитат из молитвословий и святоотеческих произведений, предназначенных для келейного чтения. Здесь автор, как правило, прибегает к текстам акафистов, канонов, житиям древних агиографов, ссылаясь на такую специфически монашескую литературу, как «Лествица». В Житии же Стефана Пермского Епифаний в большинстве случаев цитирует апостольские послания или литургические тексты. Такое распределение не случайно: Стефан совершает апостольский подвиг, поэтому рассказ о нем должен напоминать об апостольских временах; Сергий же ведет отшельническую жизнь, поэтому тихие интонации уединенного чтения наиболее подходят для стиля этого Жития. Но в стилистике и того, и другого произведения на первое место выступает прием амплификации, как организующий принцип, задающий особый, замедленный ритм и создающий атмосферу, близкую к медитативной.

Как можно видеть в приведенных отрывках из Жития Стефана Пермского, для Епифания характерна некоторая неточность при цитировании, и в этом агиограф также перекликается с произведениями торжественного красноречия. Ф. Вигзелл указывает на изменение библейских текстов у Епифания как на признак цитирования по памяти [9, С. 241]. «Ввиду исключительного почета, которым окружалась Библия в Древней Руси, такое заключение несколько удивительно...», — отмечает исследователь [9, С. 242]. То же можно сказать и о вольных интерпретациях гимнографических цитат. Агиограф как будто живет в библейском или богослужебном времени и пространстве, мыслит теми категориями и теми словами, которые впитывает, слушая богослужение изо дня в день. Из Жития Сергия Радонежского мы узнаем, что в Троицком монастыре братия ежедневно семь раз в день

собиралась в храме для совершения службы: «...по реченному «Седмижды днем хвалих Тя о судьбах првды Твоя»» [11, С.310]. По этому распоряжению должен был жить и Епифаний, много лет проведший в лавре преподобного Сергия. Все дневные дела и даже ночное время черемезались богослужением. Тексты, которые читались или пелись во время него, естественно входили в образ мысли и в речь молящихся. Возможно, Епифаний уже не воспринимал все приводимые им цитаты как заимствования, многие из них органично влились в его индивидуальный способ словесного выражения, стали элементами его картины мира. Можно предположить, что агиограф привыкая к ритму, метафорике, символике богослужебных произведений, к амплификации как главному принципу организации сакрального текста, сознательно, а отчасти и невольно, подчиняет созданные им жития этим хорошо знакомым ему правилам повествования. При этом целью его является то же, что было целью Кирилла Туровского, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина. К этой же цели стремился сочинитель Псалтири и — любой гимнограф, составитель храмовой службы. Главной задачей для всех перечисленных авторов является создание молитвенного настроя, побуждение к непрестанной молитве.

Мысль о непрестанной молитве пронизывает все произведения Епифания, и это неудивительно: он творит в эпоху победы исихазма — учения об «умном делании» и достижении обожения через него. Следовательно, все литературные приемы, способствующие созданию молитвенных интонаций в произведении, особенно важны для агиографа. Главным из этих приемов должна быть признана амплификация, берущая начало в гимнографии, унаследованная гомилетикой и ставшая основой стиля «плетение словес» в агиографии XIV-XV веков.

УДК 82.09

Н. П. ДЕМЕНКОВА

Омский государственный педагогический университет

КОНЦЕПТ СУДЬБЫ В ЛИРИКЕ А. БЛОКА

В статье проведён анализ лирических текстов А. Блока, позволяющий выявить следующие закономерности в онтологических установках автора: в мире, лишенном Божественного начала, господствует Судьба. И эта Судьба есть Смерть, неотвратимый Рок, вступающая в сражение с которым герой обрекает себя на поражение. Именно этот концепт судьбы и ложится в основу художественного мира.

Концепт судьбы играет большую роль в традиционных культурах прошлого и настоящего, он связан с ценностными ориентациями, религиозными установками и менталитетом человека на протяжении всего его существования. Человечество, начиная с древнейших времен и вплоть до наших дней, стремится понять, что же такое судьба.

С.С. Аверинцев дает ей следующее определение: «Судьба, в мифологии, в иррационалистических философских системах, а также в обыденном сознании, неразумная и непостижимая предопределенность событий и поступков человека... Идея

Библиографический список

1. Коновалова О.Ф. Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 37. СПб., 1983. — С. 73-80.
2. Еремин И. П. Ораторское искусство Кирилла Туровского // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 18. Л., 1962. С. 51-63.
3. Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. — С. 7-56.
4. Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого беседы на книгу Бытия. В 2-х т., Т. 1. СПб., 1898.
5. К. Иванова. Цикл великопостных гомилий в гомилиарии Михаповича // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 33. СПб., 1979. — С. 218-244.
6. Канон Благовещению Пресвятой Богородицы // Праздничный канонник. Праздники Господские и Богородичные. М. — СПб., 2000. — С. 131-143.
7. Кирилл Туровский. Слово на снятие Тела Христова с Креста // Сокровища древнерусской литературы. Красносельские Древней Руси. М., 1987. — С. 80-85.
8. Православный богослужебный сборник. М., 1991.
9. Вигzell Ф. Цитаты из книг Священного Писания в сочинениях Епифания Премудрого // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 26. Л., 1971. — С. 232-243.
10. Святитель Стефан Пермский: к 600-летию со дня преставления. СПб., 1995.
11. Слово о житии преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., 1999.

АВЛАСОВИЧ Светлана Михайловна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.05.06 г.
© Авласович С.М.

берг и многие другие. В данной работе мы выделили два ключевых для европейской культурной традиции концепта судьбы. Оба эти концепта восходят к античности.

1. Судьба — Ананке как всеобщая необходимость и Судьба — Немезида как Суд — Возмездие. Это судьба вечная, она знает и судит прошлое и определяет будущее, сохраняя глубинную взаимосвязь между двумя этими временными категориями. Она властвует не только над человеком, но и над богами. Именно эта судьба, судьба — Рок лежит в основании космогонического мироустройства.

2. Судьба — Тихе, Фортуна как случай, удача. Мгновенное возвышение. Данный концепт судьбы был распространен как в римской культуре, так и в европейскую эпоху Возрождения. Эта судьба появляется и исчезает в одно мгновение. Не зная ни прошлого, ни будущего. Фортуна — хозяйка мира, уничтожившая представление о непреложности существующего нравственного закона и не давшая вместо него нового. Именно поэтому для человека становится возможна борьба с ней. Ведь он от Бога, значит, сильнее ее. Этой борьбой, предвкушением победы и был поглощен человек-титан эпохи Возрождения. Макиавели писал в «Государе»: «...я полагаю, что натиск лучше, чем осторожность, ибо Фортуна — женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать — таким она поддается скорее, чем тем, кто холодно берется за дело. Поэтому она, как женщина, подруга молодых, ибо они не так осмотрительны и более отважны»[2].

Именно эти два представления о судьбе попеременно сменяли друг друга вплоть до Нового времени. С развитием естественнонаучного мировоззрения категория судьбы постепенно утрачивает свое онтологическое значение, переходя в сферу обыденного сознания, где продолжают действовать две основные модели представлений о судьбе, сформировавшиеся еще в мифологическом сознании:

«От судьбы не уйдешь».

«Человек — хозяин своей судьбы».

Своеобразное возрождение онтологических аспектов понятия Судьбы происходит в начале XX века, в момент зарождения новой эпохи и творения нового «мифа о мире», но происходит оно в особой сфере: сфере художественного осмысления действительности, где каждый автор творит свой собственный мир, вернее миф о мире.

И в авторском мифе А.Блока категория судьбы становится ключевой.

Существенным представляется определить концепт судьбы, лежащий в основе авторского мифа, через отношение к ней лирического героя.

В представлении людей Судьба очень редко обретает персонифицированный образ (исключениями являются античные Мойры и Парки), чаще человек сталкивается с ее знаками или атрибутами. В культурной традиции существует ряд обозначающих Судьбу символов, к которому обращается и Блок в своей трилогии «вочеловечения». Это мотивы пути, пряжи, доли, чаши, факела, корабля и т.д. Этот метафорический комплекс проходит через два тома лирической трилогии и концентрируется в циклах «Снежная Маска» и «Фаина». Остановимся на некоторых из них.

С образом выбора и исполнения судьбы связан образ дороги, который является основным в творчестве Блока. В первом томе лирический герой находится в ситуации выбора жизненного пути, который определит его дальнейшую судьбу. Лири-

ческий герой направляет свой путь к пространству Вечной Жизни. Овладение этим пространством означает встречу с Прекрасной Дамой: «Я шел к блаженству. Путь блеснул // Росы вечерней красным светом...» («Я шел к блаженству...», I, с. 20), [3].

Но дальше лирический герой начинает ощущать дорогу уже как испытание: «Дорога моя тяжела, далека, // В недвижном томлении лес...» («Лениво и тяжело плывут облака...», I, с. 37).

Он, как сказочный герой, покидает привычное место своего обитания и идет к намеченной цели (к Прекрасной Даме). Но, как и в сказке, дорога, по которой он идет, приводит его к перепутью. Название последнего цикла первого тома «Распутья» является прямым указанием на возможность разного пути. Возникает мотив самостоятельного выбора собственной судьбы. Лирический герой оказывается на перекрестке, где — налево — смерть, направо — жизнь, но он не знает, как их различить. В первых изданиях сборника этот раздел назывался «Перекресток». Общеизвестна ключевая роль перекрестка как выбора между жизнью и смертью. Более того, перекресток является переходом из царства жизни в царство смерти. И лирический герой Блока избирает иной, противоположный изначально заданному направлению путь.

Крест, символика которого лежит в основе перекрестка, является, кроме направления в горизонтальном пространстве, связью между небом и землей, адом и раем. Он структурирует мир не только по горизонтали, но и задает направление свободного выбора по вертикали. И если в «Стихах о Прекрасной Даме» путь героя лежал вверх, по вертикали, он искал терем Прекрасной Дамы на высокой горе: «Отдых напрасен. Дорога крута // Вечер прекрасен. Стучу в ворота...» («Вступление», I, с. 74), то теперь, стоя на распутье (стихотворение «На перекрестке»), лирический герой, как солнце, обращается «...к иным горизонтам, // к иным временам...» («Пузыри земли», II, с. 8).

У героя возникает необходимость самостоятельного выбора пути, своей судьбы. Только от того, какой путь, какую дорогу он изберет сам, зависит его дальнейшая судьба. В этой ситуации выбор лирического героя становится роковым, так как совершается он в тот момент, когда герой не способен отличить добро от зла, истину от лжи, так как в пространстве перекрестка характерно смешение всех ценностей. Здесь силы добра и зла равны между собой и неразличаемы героем, а отказавшись от путеводительницы, он предоставлен самому себе.

Чем ближе лирический герой к перепутью, тем больше он впадает в ситуацию неразличения. Если в первом томе он проводит черту между Прекрасной Дамой и той, кого он определяет как Другую, то есть он их еще различает: «...Ты — другая, немая, безлика, // Притаилась, колдуешь в тиши...» («Будет день — и свершится великое...», I, с. 142), то на перепутье он их перестает различать, они для него сливаются в один образ, лишенный и лика, и имени. Последнее существенно, так как имя определяет лицо и суть вещи. В то же время лик характерен для образа Прекрасной Дамы, ее образ иконописен. Другая же является ее антиподом:

...Кто Ты, зельями ночными
Опоившая меня?
Кто Ты, Женственное Имя
В нимбе красного огня?

«Ночь», II, с. 48.

Этот отрывок ярко показывает нераздельность, а точнее, неразличимость двух сущностей, персонифи-

фицированных в лирике Блока как София и ее антипод.

Лирический герой обращается к героине с заглавной буквы («Ты»), что было характерно для его обращения к Прекрасной Даме. Между тем колдовство, зелье, мотив ошаривания связан с образом Другой, а не Прекрасной Дамы.

И в этой ситуации неразличения лирический герой вступает в inferнальное пространство неизвестной ему Другой, которая затем преобразуется в Снежную Маску, а после приобретает имя Фаина.

Таким образом определяет свою судьбу в финале первого тома лирический герой Блока. На первый взгляд, он действует самостоятельно. Но, с нашей точки зрения, его выбор санкционирован самой Прекрасной Дамой. Именно она направляет лирического героя к перекрестку: «...Ты говорила: «Приду, - / Жди на распутьи — вдали // Людных и ярких дорог...» («Жду я холодного дня...», I, с. 140).

Выбранная лирическим героем «иная дорога» не отменяет семантики дороги как пути к Прекрасной Даме, заданной в начале первого тома. Это не есть измена Прекрасной Даме, Вечной Женственности, Софии, но это личный, индивидуальный путь лирического героя к ней:

Ты смотришь, тихая, строгая,
В глаза прошедшей мечте.
Избрал иную дорогу я, -
Иду, - и песни не те...
Вот скоро вечер придвинется,
И ночь — навстречу судьбе:
Тогда мой путь опрокинется
И я возвращусь к Тебе.

«Когда святого забвенья...», I, с. 196.

Мотив опрокинутости пути раскрывает амбивалентность данной метафоры. Он связан, прежде всего, с двумя персонификациями в трилогии Блока: Прекрасной Дамой и Судьбой, которая во втором томе приобретает имя Фаины.

В этом же стихотворении заложено основание для сопоставления этих двух сущностей: сам лирический герой воспринимает их как начала, способные заменить друг друга: оставив Прекрасную Даму, он идет «навстречу судьбе».

Следующим знаком судьбы в художественном мире А. Блока становится кубок — чаша. Это один из древнейших атрибутов судьбы, как личной, так и судьбы всего человечества.

Широко распространены народные пословицы и поговорки: «Дом как полная чаша», «Дом чаша чашей», «Какову чашу другому налил, такову и самому пить», «Не твоя чаша, не тебе и пить», «Чаша жизни». Владимир Даль дает следующий ряд метафор: «пить горькую чашу, мыкать горе, бедовать» [4].

В Новом Завете используется метафора чаши как жизненного пути и истины во время молитвы Иисуса Христа в Гефсиманском саду: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 22:39).

Выражение «испить чашу до дна» означает прожить жизнь, реализовать промысел Божий. У Блока же вместо чаши выступает кубок:

Я пришел к ней с горьким весельем
Осушить мой кубок до дна

«Крыльцо Ее словно паперть...», I, с. 299.

Кубок в большей степени связан с мотивом пира, гуляния, разгульного праздника. У Блока веселье лирического героя «горькое», безнадежное, после него нет блаженного опьянения. Его опьянение

папоминает вызов чаше причастия. Как известно, чаша связана с темой евхаристии.

«По учению церкви православной, католической и армяно-григорианской, в евхаристии хлеб и вино преосуществляются в истинное тело и кровь Христовы. В молитве: «Сотвори... хлеб сей честное тело Христа Твоего, а еже в чаше сей — честную кровь Христа Твоего, преломив Духом Твоим святым, аминь» [5].

Евхаристия является внутренним путеводителем человека в жизни. Между тем лирический герой Блока отказывается от причастия:

Кубок-факел брошу в купол синий -
Расплеснется млечный путь...

«Шлейф, забрызганный звездами...», II, с. 105.

Мотив антипричастия, отказа от жизни заложен еще в лирике, предваряющей появление Прекрасной Дамы, в цикле «Ante Lucem»:

Боюсь, что в кубке расплеснется
Мое вино.

А между тем — кругом молчанье,
Мой кубок пуст.

«31 декабря 1900г.», I, с. 73.

В этих строках заложено все, что ожидает лирического героя.

Испитие вина, причастие — это соединение с Прекрасной Дамой, с Софией, Премудростью Божией. В Библии, в книге Притчей Соломоновых, Премудрость во время обустройства своего дома говорит людям: «Идите, ешьте хлеб мой, и пейте вино, мною растворенное, оставьте неразумие и живите и ходите путем разума...» (Прит. 8: 5-9).

Ожидая встречи с Прекрасной Дамой, лирический герой боится расплескать свое вино, так как хочет испить его до последней капли. Судьба же его другая, поэтому и «кубок пуст». Ему не суждена встреча с Прекрасной Дамой. Он должен повстречать Другую:

Вмешалась в безумную давку
С расплеснутой чашей вина
На Звере Багряном — Жена.

«Неведимка», II, с. 170.

Это образ великой блудницы из «Откровения Иоанна Богослова»: «С нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле» (Откр. 17: 2). Она предстает «на Звере Багряном» и держит в руке своей золотую чашу, «наполненную мерзостями и нечистотою блудодеяния ее» (Откр. 17: 4). Именно этот «кубок долгой страстной ночи» испытывает лирический герой в стихотворении «Крылья» раздела «Снежная маска».

Чаша жизни становится губительной чашей, вино Премудрости Божией — отравленным вином. Эта смена обусловлена трансформацией онтологических ориентаций Блока: мира света, мира Прекрасной Дамы миром тьмы, Другой — миром, управляемым Судьбой.

Герой не волен изменить то, что предназначено свыше, не волен изменить свой путь, испить другую чашу, избежать своей доли — участи.

Итак, двумя основными онтологическими категориями, организующими авторский миф Блока, являются София (Прекрасная Дамы) и Судьба (Фаина). По его представлению, они вместе представляют динамическую целостность Бытия, являются выражением двух ипостасей Мировой Души (основы Мира).

София — это идеальное начало Бытия, просветляющее (преобразующее) реальность, неизменное пребывание души в самой себе.

Судьба – действенное начало Бытия, ее функция – возмездие, разрушение старого, косного, всего, что утратило «свет».

В авторском мифе Блока эти две категории не существуют друг без друга, хоть никогда и не встречаются «лицом к лицу». Взаимосвязанность этих двух начал объясняется сознанием лирического героя и тем типом мироустройства, который он выбирает. Анализ лирического текста вскрывает двойственное отношение лирического героя к категории Судьбы: с одной стороны, он пытается смоделировать ренессансное мироустройство и занять в нем место хозяина Судьбы, с другой – он создает образ неминуемого античного Рока, который ему неподвластен. Рассматриваемый нами метафорический комплекс Судьбы обнажает следующую закономерность в онтологических установках автора: в мире, лишенном Божественного начала, господствует Судьба. И эта Судьба есть Смерть, неотвратимый Рок, вступая в сражение с которым герой обречен на поражение. Именно этот

концепт судьбы и ложится в основу художественного мира Блока.

Библиографический список

1. Аверинцев С.С. Судьба // Философский энциклопедический словарь. - М., 1989. С. 635.
2. Макиавелли Н. Избранные сочинения. - М., 1982. С. 375.
3. Цит. по: Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. - М., 1962.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. - М., 1989. Т. 1, с. 585.
5. Библийская энциклопедия. - М., 1991. С. 523.

ДЕМЕНКОВА Надежда Павловна, аспирант кафедры новейшей отечественной литературы, ассистент кафедры философии и социальных коммуникаций ОмГПУ.

Дата поступления статьи в редакцию: 31.05.06 г.
© Деменкова Н.П.

УДК 008

В. И. ХОМЯКОВ

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

К ИСТОРИИ РУССКО-КАЗАХСКИХ СВЯЗЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА П.ВАСИЛЬЕВА)

В статье на примере русских писателей, в частности П. Васильева, показано, как русская литература способствовала развитию и взаимообогащению культурных связей между Казахстаном и Россией.

В.И. Вернадский справедливо отмечал, что «Россия по своей истории, по своему этническому составу и по своей природе – страна не только европейская, но и азиатская. Мы являемся как бы представителями двух континентов, корни действующих в нашей стране духовных сил уходят не только в глубь европейского, но и в глубь азиатского былого. [...] Для нас, в отличие от западных европейцев, возрождение Азии, т.е. возобновление ее интенсивного участия в мировой жизни человечества, не есть чуждый, сторонний процесс, – это есть наше возрождение. [...] С этой точки зрения необходимо более точное знакомство и более тесное общение России с жизнью Азии. И в этом направлении должна сознательно идти наша государственная деятельность, этими стремлениями должна определяться государственная политика. Одной из первых и главнейших задач ее должно являться участие России и русских в культурном и духовном подъеме Азии, культурное наше сближение с азиатами» [3, с. 561-562].

Обращаясь к проблеме русско-казахских связей, следует подчеркнуть, что развитию и взаимообогащению культурных связей между Казахстаном и Россией во многом способствовала русская литература. Казахские мотивы прослеживаются в творчестве многих русских классиков, начиная с

Пушкина и Достоевского и заканчивая современными писателями. Как известно, Пушкин, собирая материалы по истории пугачевского бунта, побывал в казахских степях, а также посетил город, носящий ныне имя Уральск и расположенный на западной границе Казахстана. Это обстоятельство способствовало возникновению интереса к личности и творчеству русского поэта на востоке. Можно сказать, что Пушкин вписался в новый этнос с его самобытной культурной традицией.

Значительное место в жизни и творчестве Достоевского занимала его связь с казахской землей и многолетняя дружба с Чоканом Валихановым, оставившая глубокий след в духовном мире писателя. Эта дружба не просто поддержала Достоевского в трудное время, не только помогла его возрождению. Знакомство с нравственным и духовным обликом молодого казаха, в несколько лет ставшего ученым с европейским именем, позволило Достоевскому утвердиться в убеждении о равенстве рас и наций. Позднее в «Дневнике писателя» он отмечал: «Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, т.е. самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. [...] Мы убедимся тогда, что настоящее социальное слово несет в себе не кто иной как народ наш, что в идее его, в духе его заключается живая

потребность всеединения человеческого, всеединение уже с полным уважением к национальным личностям и к сохранению их, к сохранению полной свободы людей и с указанием, в чем именно эта свобода и заключается, — единение любви, *гарантированного* (выделено автором. — В.Х.) уже делом, живым примером, потребностью на деле истинного братства...» [5, с. 23].

Евразийская основа русско-казахских отношений еще в начале XX столетия интересовала ученых. Так, А. Е. Александров считал, что «просвещение родилось на Востоке, озарило Запад и теперь снова пробирается на Восток, где было заглушено» [Цит. по: 1, с. 10]. К казахской теме обращались Д. Фурманов, И. Шуфов, А. Сорокин, Вс. Иванов, Н. Анов, Ф. Березовский, С. Марков, К. Урманов, Л. Мартынов и др.

Уже к началу 1920-х гг. выявляются два направления в подходе к казахстанской тематике: созерцательное отношение к историческому прошлому казахского народа, стремление идеализации старины в традиционно-романтическом плане, и прогрессивное восприятие и освещение всего, что связано с жизнью казахов. В 1930-е гг. многие поэты (А. Безыменский, Вс. Рождественский, Б. Ручьев) часто приезжают в Казахстан, переводят на русский язык поэзию Абая, создают поэтические произведения, связанные с казахстанской темой. Но все же это нельзя назвать органичным вхождением в культуру Востока. Установки Васильева явно отличались полемикой с закоподателями восточной темы в советской литературе (П. Павленко. «Путешествие в Туркменистан» (1932), Н. Тихонов. «Кочевники» (1926), В. Луговской. «Большевикам пустыни и весны» (1931)).

Среди непосредственных предшественников Васильева в разработке русско-казахской темы следует назвать Г. Гребенщикова. Как и Васильев, Гребенщиков был связан с Казахстаном как по месту рождения, так и по своим мировоззренческим установкам. Его имя было популярно в Сибири и Казахстане в 1910-1920-е гг., но затем писатель покинул Россию и до конца своих дней находился за рубежом. Он проявил себя как талантливый писатель, этнограф, переводчик. Известно, что в начале XX в. Гребенщиков перевел на русский язык поэму ссыльного польского поэта Г. Зелинского «Киргиз» (1842). В тот же период Гребенщиков пишет ряд этнографических очерков, но лучшим его произведением является повесть «Ханство Батырбека» (1912). Повесть интересна тем, что автор подробно рассказывает о жизни степного аула, но главным действующим лицом у писателя является степь. Произведение отличается хорошим знанием писателем казахского фольклора, умением проникать в психологию людей, создавать яркие и запоминающиеся пейзажные образы. Автор подробно останавливается на описании драматических событий, с которыми столкнулись его герои.

В отличие от многих писателей, обращавшихся к казахской теме попутно, Васильев был «вписан» в восточную культуру как по месту своего рождения, так и по национально-психическим признакам. Евразийство Васильева было не теорией, а сутью самой жизни. Не случайно его часто называли «русским азиатом». Васильевская поэзия сочетает в себе две культуры, два начала: Восток и Запад. Его в равной степени интересовала судьба казахского народа и судьба отдельной человеческой личности (что наиболее ярко проявится в поэме «Соляной

бунт»). С. Шевченко писал: «С ним в нашу поэзию пришла Азия, веселая и мужественная, звонкая и яркая, гостеприимная и жестокая. Васильев привел в русскую поэзию небывалый до него регион — казахско-казахские степи, над которыми прочно висит казахстанское небо. Но не просто войти в горячий азиатский мир васильевской поэзии: нужно слиться с этим миром, который окружал поэта, нужно стать его частью» [11, с. 47]. У Васильева своего рода «евразийский пейзаж», если уместно использовать здесь это выражение.

Многие стихи и поэмы Васильева представляют своеобразную мастерскую освоения русским поэтом иной цивилизации, обладающей своим внутренним строем и отношением к жизни, принципиально другими, чем в европейской и русской культуре. Тема Востока, образы и мотивы казахской культуры сопровождали Васильева на всем протяжении творчества — и в этом сказалось переплетение многих стимулов — от общей ориентальной тенденции поэтов 1920-1930-х гг. до обстоятельств личной биографии поэта. Причем этот интерес приобрел очертания, которые теперь принято называть онтологическими. Васильева начал интересоваться тип культуры Востока и тип культуры России, и в связи с этим — характер человека той и другой культуры. Вопрос этот имел совсем не отвлеченный и огнюдь не только эстетический смысл.

Культурное пространство поэзии Васильева многослойно и организуется культурой Западной Сибири (провинция) и Казахстана (Восток), но дополняется воздействием культуры центра (Запад). Закрепление этих результатов в поэзии Васильева создает сложную картину мира.

Как сказал казахский поэт Б.Канатпьянов, «настоящие стихи не имеют географической прописки. Их звучание не замыкается на каком-нибудь районе, области, республике. Родившись однажды, они по принципу цепной реакции поэзии распространяются по стране и миру. Но их внутреннее содержание всегда заполнено энергией и той сутью, которые характерны для жизни и родины поэта. С появлением П. Васильева [...] впервые в оригинале, минуя переводческие издержки, в русскую советскую поэзию вторглись образы казахской степи. И вместе с ними сама Азия» [Цит. по: 11, с. 71-72].

По мнению А. Хвалина: «Предназначение Павла Васильева заключалось, обобщенно говоря, в том, чтобы «с Востока» сказать слово о судьбах России». Ведь наряду с культурно-философским интересом к Востоку, наряду с «государственной» линией в решении «восточного вопроса» существовала линия народная, связанная с преданиями о поисках легендарного «Беловодья», «Белой Индии». Это цельно сочеталось с крепким стоянием казачества в православной вере. Ею были пронизаны быт, нравы, обычаи — с ней рождались, женились и умирали» [10, с. 161].

Не будет преувеличением сказать, что едва ли не с колыбели вошла в сознание будущего поэта как данность мироздания великая казахская степь. Природа казахстанского Прииртышья становится центром многих васильевских произведений. Степные просторы окружали его в Сындыктаве, Атбасаре, Павлодаре. Юношей он побывал в каркаралинских степях, видел степи Арала и Семипалатинска. Необыкновенная впечатлительность натуры, рано пробудившаяся потребность воплотить в яркую художественную картину впечатления

бытия оставили в душе поэта неисчерпаемый запас образов. Степь присутствует в его стихах и поэмах в таком постоянстве, что образ её можно считать одним из ключевых. Не случайно он называет степь «родительницей».

В казахской литературе есть имя, мимо которого вряд ли мог пройти Васильев. Речь идет о великом сыне казахской степи — Абае. У казахского поэта есть стихотворение, с которым перекликается «Охота с беркутами» П. Васильева [8, с. 196-197]. Исследователи творчества Абая говорят о несовершенстве его переводов на русский язык, настолько многомерен и многозначен стих поэта. В качестве примера можно привести стихотворение, которое дословно звучит «Беркутчи выходит на охоту после первой пороши», а в стихотворном переводе С. Липкина «Всадник с беркутом скачет в ранних снегах». В этом стихотворении Абая степь и картина охоты предстают в неразрывном единстве. Кульминацией является сцена схватки беркута с лисой, приобретающей особую выразительность благодаря развернутым поэтическим сравнениям, когда битва животных в воображении поэта сравнивается с поединком двух богатырей.

При внимательном прочтении произведений Васильева можно установить удивительную особенность его мировосприятия: поэт смотрит на мир и воспринимает его глазами степняка. Работая над стихотворениями и поэмами, Васильев активно обращается к освоению народно-поэтических традиций, причем как русских, так и казахских. Васильев в большей степени, чем другие русские поэты, осуществляет сложное творческое перевоплощение непосредственно в восточного певца, акына, сохраняя образно-стилистический колорит источника («Песни киргиз-казаков» 1929-1931; «Стихи Мухана Башметова», 1932). Исследователь Косенко точно заметил, что Васильев успешно передает ритмику казахского стиха. «Интуитивно поэт понял, что значительно позже было научно установлено: основным ритмическим элементом казахской силлабики является постоянный слого-раздел, четкое разграничение в каждой строке нескольких групп слов, каждая в три-четыре слога» [6, с. 58]. Для русского художника включить традиционный образ восточной поэзии в свою национально-образную систему — значит слить в едином речевом потоке не столько художественные приемы и образы двух литератур, сколько образ мышления и чувствования народов.

Примером может служить «Песня о Серке» (1929-1932). Перед нами история о джигите Серке, легендарном казахском певце, герое фольклорных произведений, и его неверной возлюбленной. Художественная мысль поэта разрешается через образы героев, яркие эпитеты и метафоры, несущие на себе следы восточной поэтики. Вспомним описание героини «белой и плавной, как гусь», с глазами, «как ночь», с бровями тоньше, «чем стрела». Но нрав у не был как у тарантула, «старого, мохнатого, жалящего ни за что». В противоположность девушке дается образ Серке, который имел «сердце, стучащее нараспев» (то есть душу), «пояс, украшенный серебром», «длинную дудку, готовую запеть, да еще большую любовь».

В образной системе Васильева большое место занимает конь. Коню в степи принадлежит особое место. Бесчисленные табуны коней были неотъемлемой частью кочевого быта казахов. Джигитовка, байга, кокпар были излюбленными народными

зрелищами. Знало толк в конях и иртышское казачество. Конь был заветным героем казахских и казачьих песен. И. Джансугуров в поэме «Кулагер» создает образ богатырского коня, прибегая при этом к сравнениям, свойственным казахскому фольклору.

Васильев также с детства проникся трепетной любовью к коню. Конь для казака — это не просто рабочая лошадь. «Огромная роль коня в казачьей культуре прослеживается в ее глубинных пластах. Жизненный цикл казака, сопровождаемый ритуалами от пострижения до погребения, весь маркирован его продуцирующей и охранительной функцией. Конь выступал непременным атрибутом полноценного воина-казака» [7, с. 224]. Образ коня раскрывается в таких васильевских стихотворениях, как «Ярмарка в Куяндах» (1930), «Конь» (1930), «Каменотес» (1933). В образе коня у Васильева могут выступать и совершенно отвлеченные явления: с конем он сравнивает ветер, дождь: «Ветер скачет по стране, и пыль гоняется из-под копыт», «дождь на траве обожженных копытами затанцевал». Ведь нельзя более точно передать движение ветра, чем бег коня с развевающейся гривой, и невозможно воспроизвести стук дождевых капель, если не сравнивать его с цоканьем лошадиных копыт. Экспрессивный образ коня автор создает в стихотворении «Тройка» (1933). Рассматривая образ коня, следует отметить, что его символика изначально двойственна. С одной стороны, в художественном мире Васильева конь обладает спектром значений, выражающих идею «низкого» в пространственном, социальном, эстетическом планах (рабочее животное).

Правда, в отличие крестьянских поэтов, например, Есенина, у которого образ коня являлся неотъемлемой частью крестьянского патриархального быта, образ коня в поэзии Васильева несет другие эстетические функции, что связано как с казачьей ментальностью поэта, так и с его обращением к мировидению восточного человека. Г. Гачев тонко заметил: «Конь — космос кочевника, его единство, божество, увешанное всеми атрибутами бытия и мироздания. [...] Конь везде выступает как аристократ в иерархии животных. И более отвлеченные понятия выражаются через коня. [...] Конь — это верхняя часть космоса. [...] Все остальные животные земны, к ней тяготеют, в нее глядят. Конь — глядит вперед и вверх (грива = крылья) и отрывается от земли, преодолевает притяжение и взлетает. А вместе с ним и человек. Человек верхом — уже член неба, верха мира: от земли и ее тяготений он уже освобожден, опосредован конем» [4, с. 67-68]. Новаторство и своеобразие Васильева проявилось в том, что, создавая образ коня в бытовом пространстве (дом, ярмарка, скачки), он наделяет его художественно философским содержанием. Кроме того, с образом коня связаны богатейшие фольклорные, мифологические, литературные традиции, которые также учитываются Васильевым. Так, характерное для Есенина противопоставление природы и цивилизации находит свое воплощение в стихотворении Васильева «Конь» («Замело станицу снегом...», 1932).

Образ степного края в поэзии Васильева был бы неполон без Иртыша. Действие большинства стихотворений и поэм Васильева разворачивается на берегах Иртыша. Образ этой реки присутствует в стихах и поэмах Васильева то как воспоминание, то как олицетворение вечно изменяющейся жизни, ее радостей и печалей. Можно назвать такие произ-

ведения, как «Там, где течет Иртыш» (1927), «По Иртышу» (1927), «Водник» (1928), «Пароход» (1928), «Иртыш» (1933-1934) и др. В последнем стихотворении поэт обращается к реке как к другу: «Мы встретились. Я чалки не отдам, / Я сердца вновь вручу тебе удары... [2, с. 194]. Судьба лирического героя стихотворения неразрывно слита с судьбой реки. Он просит помощи у реки, ибо в старину считали, что река несет очищение, избавление от грехов. Образ Иртыша связан с миром детства, с преданиями, сказками, услышанными в прошлом. Иртыш для поэта — это и воплощение первозданной негрозности природного естества, и символ богатства и пробуждения родного края. С Иртышом связаны и воспоминания о первой любви. Использование метафорического ряда: «позолоченный взгляд», «зноем зацелованные руки», «волос могучий перекат» вписывает героиню в то же степное и речное пространство.

Все увиденное западало в память, обжигало душу, чтобы потом с помощью необычайно сильного таланта и яркого воображения возникнуть в словесных красках, звуках и ритмах стихотворений и поэм. Азия многолика, и той, которую изобразил Васильев, никто до него не открывал.

Можно сказать, что вместе с Васильевым к нам пришла «мужественная Азия», ее образы, традиции, нравы, характеры. И русская культура органично приняла в свое лоно «русского азиата». Более того, она ждала его. И не будет преувеличением сказать, что предназначение Васильева заключалось в том, чтобы с «Востока» сказать свое слово о судьбе и предназначении России. Справедливо высказывание дочери поэта Н.П. Фурман-Васильевой, что главным в евразийстве Васильева является объединительная идея, «объединится в одну семью, невзирая на различия национальных культур и религий» [9, с. 28].

Библиографический список

1. Ананьева, С.В. Евразийский аспект русско-казахских литературных связей конца XX века // Единение культур в творчестве казахстанских писателей XX века (к 20-летию памяти Павла Васильева). — Павлодар: ПГУ, 2002. — С. 7-12.

2. Васильев, П.Н. Стихотворения и поэмы. — Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд. 1968. — 632 с.

3. Вернадский, В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой России // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. — М.: Айрис-пресс, 2003. — С. 553-567.

4. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. — М.: Сов. писатель, 1988. — 497 с. С. 67-68.

5. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч.: В 18 т. Т. 12. «Дневник писателя» (1877, 1880-1881). — М.: Воскресенье, 2004. — 464 с.

6. Косенко, П.П. На земле золотой и яростной. Повесть о Павле Васильеве // Косенко, П.П. Свеча Дон-Кихота. Повести-биографии и литературные портреты. — Алма-Ата: Жазушы, 1973. — С. 5.94.

7. Матвеев, О.В. «Справа» в исторической картине мира кубанского казачества // Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 420-летию Сибирского казачьего войска (г. Омск, 17-18 декабря 2002 г.). Омск: изд-во ОмГПУ, 2003. — С. 223-229.

8. Мерц, З.С. Великие сыновья великой степи // Единение культур в творчестве казахстанских писателей XX века (к 20-летию памяти Павла Васильева). Материалы международной научно-практической конф. Павлодар: ПГУ, 2002. — С. 193-199.

9. Фурман-Васильева, Н.П. Объединительная идея в творчестве Павла Васильева // Павел Васильев в контексте русской и мировой культуры. — Павлодар: НПФ «ЭКО». 2004. — С. 26-32.

10. Хвалин, А. Русский азиат // Литературная учеба. — 1990. — № 4. — С. 158-163.

11. Шевченко, С. «Будет вам помилование, люди...» Повесть о Павле Васильеве. Павлодар: НПФ «ЭКО», 1999. — 235 с.

ХОМЯКОВ Валерий Иванович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века и журналистики.

Дата поступления статьи в редакцию: 27.06.06 г.
© Хомяков В.И.

Конкурсы

XV конкурс на соискание премии Европейской комиссии "Lorenzo Natali Prize"

Lorenzo Natali Prize 2006 - это конкурс на соискание премии среди журналистов печатных и Интернет изданий, проживающих и работающих на территории Европы (страны-участницы ЕС, страны Центральной и Восточной Европы, страны Средиземноморья), Африки, Арабских стран - Ирана - Израиля, Азии, стран Тихого океана, Латинской Америки и стран Карибского бассейна.

В конкурсе могут принимать участие журналисты, чьи публикации посвящены теме демократии и прав человека в развивающихся странах. Каждый участник вправе предоставить на рассмотрение одну статью, опубликованную в период с 1 сентября 2005 года по 31 декабря 2006 года.

Работа должна быть представлена на одном из 20 официальных языков ЕС.

Все лауреаты будут приглашены для награждения Европейской комиссией в Брюссель. Победители получат ценные призы и денежное вознаграждение. Призовой фонд премии составляет 50 000 евро.

Размеры премий:

- 1 премия - 5000 евро;
- 2 премия - 2500 евро;
- 3 премия - 1500 евро.

За лучшую из опубликованных статей независимо от региона победитель получает 5000 евро. Для того чтобы принять участие в конкурсе, необходимо заполнить on-line форму на сайте конкурса **до 31 января 2007 года** и предоставить электронную версию статьи. Подробная информация доступна на сайте конкурса.

Контакт: Tel: +33 1 40 04 99 33. Fax: +33 1 34 29 44 77

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 414.81

М. В. БАТЮШКИНА

Омский государственный
педагогический университет

ФИКСИРОВАННОСТЬ, РАЗНОМЕСТНОСТЬ, ПОДВИЖНОСТЬ — ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ)

Актуальность рассматриваемого вопроса определяется социальным значением проблемы акцентологических норм и вариантов, а также уровнем исследования основных свойств ударения. В нетрадиционном понимании предстаёт понятие фиксированного ударения. Автор статьи предлагает такой вариант подачи материала, который может быть использован в процессе обучения словесному ударению.

Материалы статьи могут быть полезными для тех, кто интересуется вопросами акцентологии и культуры речи.

Русское словесное ударение обладает тремя главными свойствами: оно фиксировано, разноместно и подвижно. Данные свойства могут быть рассмотрены в трёх аспектах: при словоизменении, словообразовании и формообразовании. Ограничиваясь рамками данной статьи, проиллюстрируем особенности свойств ударения на материале словоизменения.

Практически во всех словах современного русского языка ударение фиксировано (или устойчиво) на каком-то определённом слого, например, в существительном *любовь* ударение стоит на втором слого и его нельзя перенести на первый слог; в существительном *проводник* ударение стоит на последнем, третьем, слого

и его нельзя произвольно переносить на 1-й или 2-й слого. Наречие *снизу* произносится с ударением на первом слого, а наречие *иначе* - с ударением на втором слого. В таком виде данные слова употребляются в речи, включены в состав словарей. Произвольное изменение ударения говорящим может быть воспринято слушающим либо в качестве акцентологической ошибки, либо в качестве акцентологической игры (следует отметить, что грань между первым и вторым практически отсутствует). Как правило, любые трансформации акцентологического облика слова коммуницирующими сторонами воспринимаются отрицательно и не включаются в систему норм языка.

В сознании людей существует статически организованная система представлений о языке и образующих его элементах, поэтому ударение в словах нельзя произвольно менять, поскольку акцент в слове для каждого человека фиксирован (только в этом случае означаемое соответствует означающему). Существование всякого слова обеспечивается наличием, во-первых, самостоятельного значения и, во-вторых, самостоятельного звукового выражения. Важная роль в последнем принадлежит фиксированному ударению, которое, в конечном счете, способствует наиболее оптимальной реализации коммуникативных задач.

Если язык представляет собой системное явление, то речь — коммуникативное. Язык — статическая система представлений, а речь есть динамическая система преобразований одних представлений в другие. Поэтому причину и следствие языковых изменений следует искать в непостоянстве речи, в минимальных отклонениях, остающихся незамеченными при их возникновении. Доказательством этого являются результаты диахронических исследований языка. Со временем меняется произношение и акцентологический облик слов, что свидетельствует о смене фиксированности ударения.

Ударение изменяется постепенно, в какой-то период наблюдается сосуществование старого (уходящего) и нового (входящего) акцентологических вариантов. Например:

«...Вот закипит, вот *тотчас* загорится...»

(Крылов, Синица)

«...Когда ж намерен ты правленью мне вручить,
То я *тотчас* начну зверей учить
Вить гнёзды...»

(Крылов, Воспитание льва)

При наличии в языке слов с двояким ударением, как правило, одни говорящие употребляют в речи старый вариант, другие предпочитают слово с новым вариантом. Затем слово начинают употреблять с наиболее распространенным ударением, а менее распространенный акцентологический вариант устаревает.

Смена фиксированности ударения, как правило, имеет стилистическое обоснование. Жизнь и деятельность человека обусловлены интегрирующим или дифференцирующим характером взаимодействия с обществом. Потенциальными источниками акцентного варьирования являются социальная изоляция, временная принадлежность к какой-либо группе, миграция, изменение общественного и/или профессионального статуса.

Если говорящий произносит «журавель» вместо «журавль», «свекла» вместо «свёкла», «случай» вместо «случай» — то, вероятнее всего, он принадлежит к группе людей, живущих на одной территории, то есть является носителем определённого территориального диалекта. Например, некоторые жители Республики Саха (Якутия) называют свою республику Якутия, с ударением на предпоследнем слоге. В словарях к таким вариантам даётся соответствующая стилистическая помета — диал. (т.е. диалектное).

Особенности, присущие группе людей, связанных профессиональной общностью называют профессиональными. Например, шахтёры говорят добыча вместо добыча, лётчики говорят шасси вместо шасси. В речи юристов встречаются варианты осуждено, возбуждено с ударением на втором слоге. Моряки говорят компас, ветра вместо общепринятых нормой компас, ветры. В словарях такие слова сопро-

вождаются пометами проф. (т.е. профессиональное) или спец. (т.е. специальное).

Многие слова из жаргонов деклассированных элементов активно пополняют область литературного языка. Вместе с ними получает распространение и своеобразное ударение данного пласта лексики, например:

«...вы были уличной шпаной,
чтоб стать убийцами, ворами...»

(Б.Рыжий, Прощание с друзьями)

Нейтральному стилю речи более свойствен нормированный вариант ударения (например, шофёры), эмоционально окрашенной речи, просторечию, жаргону, аргю — ненормированный вариант (например, шофера).

Нарушение фиксированности ударения может быть связано с влиянием норм предшествующих эпох (музыка, молодец, девица, шелковый и т.д.), в поэтической речи часто обусловлено ритмическим рисунком, рифмой или спецификой передаваемой информацией:

«...но не божественные лики,
а лица урок, продавщиц
даввали повод для музыки
моей, для шелеста страниц...»

(Б.Рыжий, Я жил как все)

Вариативное ударение приемлемо для общества в целом. Однако для каждого говорящего акцентологическая вариативность недопустима — в его речи ударение должно быть фиксировано, упорядочено. Если в начале речи человек начал употреблять слово с определённым ударением (например, одновременно), то в продолжении своего выступления он не имеет права переходить на другой акцентологический вариант этого слова (например, одновременно).

В современном русском языке существует большое количество слов с колебаниями ударения. Вариантные пары могут быть как равноправными (акцентологические дублеты), так и неравноправными. В словарных списках равноправные варианты соединяются союзом «и» или над словом указываются два знака ударения над гласными (например, искристый и искристый, волнам и волнам, джинсовый и джинсовый, перстней, община, пиццерия, порты (гавань)). Неравноправные варианты являются вполне допустимыми с точки зрения современной литературной нормы, однако предпочтение отдаётся одному из вариантов пары, например: творог и творог, одновременно и одновременно.

От свойства фиксированности ударения следует отличать свойство разноместности ударения. Если фиксированность можно соотносить с нормами ударения и вариативностью, то разноместность — с местом ударения в слове. Характеристика по месту может быть названа локальностью.

В некоторых языках ударными могут быть только определённые слоги. В таких языках ударение закреплено за определённым местом в слове, поэтому говорят, что оно закреплено или одноместно. Так, во французском языке всегда выделяется ударением последний слог слова. Более того, французы произносят целую фразу «на одном дыхании», выделяя ударением последний слог. Например, *Bonjour, mon ami!* — Здравствуй, мой друг!; *continuez* — продолжайте; *je t'aime* — я тебя люблю.

В качестве примера языка с одноместным акцентом можно привести польский: в нём всегда ударен предпоследний слог. Например, *deśka* — доска,

drewniany – деревянный, *siatkowka* – волейбол и т.д. Сопоставим равные по значению и частично по звучанию слова современного русского языка и современного польский язык, ещё раз подчеркнув, что польского языка всегда отмечает предпоследний слог слова, то есть характеризуется одноместностью: *золото* – *złoto*, *облако* – *obłok*, *комар* – *ko'mar*, *отец* – *ojciec*, *сестра* – *sio'stra*, *староста* – *staro'sta*, *свобода* – *swobo'da*, *писать* – *pisac*.

В русских разных словах ударные слоги могут находиться на разных местах, поэтому говорят, что русское ударение свободно или разноместно. Свободное ударение может падать на любой слог слова, поскольку ни за одним из них оно не закреплено. Например: *дождик* – ударение на первом слоге, *космический* – ударение на втором слоге, *крокодил* – ударение на третьем слоге, *фотографировать* – ударение на четвертом слоге и т.д.

Многосложные слова могут иметь два и более акцента, причем одно ударение главное (основное), а остальные – второстепенные (ослабленные, побочные). Главное ударение обозначается знаком *акут* (´), а ослабленное ударение – знаком *гравис* (˘). Побочное ударение, как правило, находится ближе к началу слова, а основное – в середине или к концу слова, например, *газопровод*, *месторождение*.

Разноместность русского акцента при словоизменении не предполагает каких-либо правил постановки ударения на определённых слогах, в зависимости от каких-то факторов.

Хотя русское ударение разноместно, то есть может характеризовать любой слог слова, на основании анализа 9000 слов отметим тенденцию его центричности. Поэтому, для развития лингвистической интуиции обучаемых русскому словесному ударению, можно давать сведения о том, что наиболее частотными в современном русском языке являются словесные структуры с одним или двумя предупредительными слогами и одним заударным. Среди трехсложных и четырехсложных слов чаще всего встречаются структуры с ударением на предпоследнем слоге, а среди пяти-, шести-, семисложных – на третьем слоге от конца слова.

Локальность как характеристику ударения по месту в слове, рассматривают не только в связи с делением слова на слоги, но и на морфемы. По поводу того, характеристикой какого элемента является русское ударение, И.А. Бодуэн де Куртенэ высказал следующее предположение: хотя в исполнении ударяются слоги и фонемы, с психической стороны ударение отмечает не произносительно – слуховые части слов, а морфемы. Например, *берега*, *стада*, *города* – акцентирована конечная морфема, флексия *a*; *голова*, *борозду*, *молодость* – акцентирована первая гласная фонема <o> как компонент главной морфемы, корня и т.д. Вообще, по мнению ученого, в языковом мышлении русского человека морфологизирована оппозиция ударности и безударности [1].

Ударными в русском языке могут быть в основном корни, суффиксы и флексии. В связи с закрепленностью ударения за определенной морфемой, говорят о корневом, суффиксальном, флексийном, а также префиксальном ударении [3].

Наиболее активными, с акцентной точки зрения, морфемами являются корень (для имен существительных) и суффикс (для глаголов). Акцентную активность корня объясняют семантическим весом, поскольку, как правило, корень образует смысловый центр слова. Акцентную активность суффикса видят в его словообразовательных свойствах. Суффикс часто не только сам

несёт на себе ударение, но и предопределяет ударность предшествующей морфемы. Данные вопросы рассматривает словообразовательная акцентология.

Русское фиксированное и разноместное словесное ударение помогает различать слова, идентичные по графической оболочке, но различные по семантике – графические омонимы (омографы). Например: *броня* (закрепление лица или предмета за кем-н.) и *броня* (защитная обивка); *кредит* (правовая сторона бухгалтерского учёта) и *кредит* (предоставление ценностей в залог); *орган* (часть организма; учреждение) и *орган* (музыкальный инструмент); *провидение* (предвидение) и *провидение* (религиозное понятие) и т.д.

Данные свойства выполняют свои функции и при различении форм разных слов – грамматических омонимом (омоформов) – слов, совпадающих в звучании и написании лишь в отдельных грамматических формах. Сравните: *жалею* (нареч.) и *молча* (гепр.); *лица* (сущ.) и *лица* (гепр.); *дорогой* (нареч.) и *дорогой* (прил.); *жила* (сущ.) и *жила* (глагол); *икры* (мышцы ног) и *икры* (нет рыбы икры); *потом* (нареч.) и *потом* (форма тв.п. сущ.) и т.д.

Следует подчеркнуть, что омографы и омоформы – это слова, отличающиеся не только ударением, но и произношением звуков, хотя у них сходный состав фонем.

Как правило, омографы и омонимы, являясь частью разных семантических сфер, не встречаются в одном контексте. Однако включение их в один текст используется для придания экспрессивности. Один из наиболее распространенных приемов, строящихся на использовании омонимии, – каламбур как средство создания юмора и сатиры. Проиллюстрируем сказанное несколькими примерами:

*Скорей, сестра, на рыб взгляни,
Попались на крючок они.
В ведерко руку окуни,
Не бойся: это окуни.*

*Пересохла глина,
Рассердилась Нина,
Не мука, а мука –
поварам наука!*

*На двери замка
Ни замка.
Живёт щегол здесь – первый щегол,
И утром белка
Из белка
Ему сбивает гоголь-моголь.*

(Я.Козловский)

Поскольку на письме ударением выделяются слоги в словах только в некоторых учебных текстах, для правильного прочтения идентичных по своим формальным признакам слов и словоформ необходимо понимать их значение (из контекста).

Фиксированность и разноместность ударения характеризуют все слова русского языка. Третье свойство ударения – подвижность – признак небольшой, но довольно распространенной группы слов. Подвижность ударения при словоизменении рассматривается по отношению к морфемам, или, точнее, по отношению к основе и флексии слов.

В словоизменении словоформы с ударением на основе (неконечное ударение) противопоставляются словоформам с ударением на флексии (конечное ударение). О подвижности ударения при словоизменении говорят в том случае, если при изменении слова (склонении, спряжении) ударение перемещается с основы

на флексию или, наоборот, с флексии на основу. Например, *голова́* – *голова́*, *голове́*, *голова́*, *голово́й*, *голово́* (ед.ч.); *головы́* – *голов*, *голова́м*, *голова́*, *голова́* (мн.ч.). Однако в большинстве слов ударение при словоизменении неподвижно и падает либо на основу, либо на флексию. Например, *абитуриэ́нт* – *абитуриэ́нта*, *абитуриэ́нту*, *абитуриэ́нта*, *абитуриэ́нтом*, *абитуриэ́нте* (ед.ч.); *абитуриэ́нты* – *абитуриэ́нтов*, *абитуриэ́нтам*, *абитуриэ́нтов*, *абитуриэ́нтами*, *абитуриэ́нтах* (мн.ч.); *берегово́й* – *берегово́го*, *берегово́му*, *берегово́й*, *берегово́ым*, *берегово́м* (м.р.); *берегова́я* – *берегово́й*, *берегово́й*, *берегову́ю*, *берегово́й*, *берегово́й* (ж.р.); *берегово́е* – *берегово́го*, *берегово́му*, *берегово́е*, *берегово́ым*, *берегово́м* (ср.р.); *береговые́* – *берегово́ых*, *берегово́ым*, *берегово́ые*, *берегово́ыми*, *берегово́ых* (мн.ч.).

Подвижности ударения противопоставлена акцентологическая неподвижность. Все слова русского языка, как односложные, так и многосложные, с точки зрения возможности перемещения ударения, могут быть отнесены к одной из трёх групп:

I) с неподвижным ударением на основе во всех словоформах;

II) с неподвижным ударением на флексии во всех словоформах;

III) с различными комбинациями ударения в словоформах.

Наиболее многочисленна первая группа слов – с неподвижным ударением на основе. В эту группу также входят слова, в которых ударение, оставаясь связанным с основой, в процессе изменения слова переходит с одного слога основы на другой, не выходя за её пределы: *де́рево* – *дерева́*, *ко́лос* – *коло́сья*, *озе́ро* – *озе́ра* и т.д.

Акцентуация слов различных частей речи подчиняется определённым закономерностям, благодаря чему учёными выделяются именные и глагольные типы ударения [2], [3], [4], [5]. Основными типами ударения, охватывающими подавляющее большинство слов, являются в именах:

а) с неподвижным ударением на основе – *зда́ние*, *первы́й*, *наш*, *э́тот*, *сто́лько*, *двенадца́ть*;

в) с неподвижным ударением на флексии – *сто́л*, *горо́дской*, *я*, *то́т*, *о́н*, *пя́ть*, *тридцать*;

с) с ударением на основе в ед. числе – на флексии во мн. числе – *са́д*, *облако́*, *море́*;

д) с ударением на флексии в ед. числе – на основе во мн. числе – *величи́на*, *ви́но*, *ремесло́*;

в глаголах:

а) с неподвижным ударением на основе – *бесе́довать*, *лая́ть*, *бри́ть*, *вымы́ть*;

в) с ударением на основе в 1-м лице ед. числе настоящего времени – на окончании в остальных формах – *верте́ться*, *моло́ть*, *боро́ться*;

с) на флексии в настоящем времени и в ж. роде прошедшего времени – на основе в остальных формах – *проспа́ть*, *ли́ть*, *кла́сть*, *пережи́ть*.

Свойство подвижности русского словесного ударения отмечено ещё и тем, что ударение может переходить со знаменательных слов на служебные, чаще всего предлоги, например: *на́ ночь*, *на́ зиму*, *на́ пол*, *за́ ночь* и др. В таких случаях знаменательные слова выступают в роли безударных проклитик. Такое перемещение допустимо в настоящее время, было распространённым и в прошлом, о чём свидетельствуют многие поэтические произведения:

«...Ветер по́ морю гуляет

И кораблик подгоняет...»

(А.С. Пушкин, Сказка о царе Салтане)

*«...Свечерело. Дро́жь в коня́х,
Сту́жа злее на́ ночь;
Заворо́чался в саня́х
Миха́йло Ива́ныч...»*

(Н.А. Некрасов, Генерал Топтыгин)

*«...Стало на́ небе́ темне́ть;
Возду́х нача́л холоде́ть...»*

(П.П. Ершов, Конёк-горбунок)

*«...Обо́ мне, пла́вучем о́строве,
(По́ небу – не по́ вода́м!)
Души́, ду́ши! – бы́ть вам се́страми,
Не любви́ницами – вам!...»*

(М. Цветаева, Попытка ревности)

*«Буде́шь за́ море́ отга́на,
спряче́шься у но́чи в но́ре, -
я в тебя́ вце́лую сквозь туманы́ Лондо́на
огненные́ губы́ фонарей...»*

(В. Маяковский, Флейта - позвоночник)

*«...Неужели́ жи́ть? Как э́то странно –
за́ ночь жи́ть так просто́ разу́читься...»*

(Б. Рыжий, Пробуждение)

Перенос ударения на предлог может иметь смысло-различительное значение, информацию о котором получить либо из контекста, либо из специальных словарей. Например: *на́ дом* (*домой*) – *на до́м* (*на зда́ние*); *по́ миру́ ходи́ть* (*нищенствова́ть*) – *по ми́ру ходи́ть* (*путешествова́ть*) – *по́ миру́ пу́стить* (*разори́ть*).

Перенос ударения на предлог часто имеет либо книжный, либо разговорный (просторечный) оттенок. В поэтических произведениях допускается перенос ударения с главного слова на предлог для соблюдения ритмического рисунка и рифмы.

Следует признать как вывод, что фиксированность, разноместность, подвижность – это взаимосвязанные свойства русского словесного ударения при словоизменении, которые обусловлены самой сущностью языка, его непрерывным, медленным развитием, характером изменения образующих его явлений и фактов.

Библиографический список

1. Бодуэн де Куртэнз И. А. Избранные труды по общему языкознанию, т.2. – М.: «Изд-во Акад. Наук СССР», 1963. – 391 с.
2. Дыбо В.А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М.: Изд-во «Наука», 1981. – 272 с.
3. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Изд-во «Наука», 1967. – 370 с.
4. Редькин В.А. Акцентология современного русского литературного языка / М.: Просвещение, 1971 – 224 с.
5. Федянина Н.А. Ударение в современном русском языке. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1982 – 304 с.

БАТЮШКИНА Марина Владимировна, очная аспирантура по специальности «Теория и методика обучения и воспитания» (русский язык).

Дата поступления статьи в редакцию: 04.08.2006 г.

© Батюшкина М.В.

ПОРЯДОК СЛЕДОВАНИЯ ГЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ г. ТОБОЛЬСКА КОНЦА XVIII ВЕКА

Статья посвящена анализу порядка следования главных членов простого предложения деловых текстов г. Тобольска конца XVIII в. Исследование прямого и обратного порядка, а также контактного и дискантного расположения главных членов позволяет создать объективную картину состояния и уровня нормирования синтаксической системы русского языка на периферии в период формирования русской нации.

Скорописные деловые тексты г. Тобольска второй половины XVIII века, хранящиеся в государственном архиве, архива ГУТО «Тобольский архив в городе Тобольске» содержат богатые сведения о многоплановой жизни жителей главного города Сибири и являются широким полем для исследования разных сторон формирующегося русского литературного языка на отдаленной от центра территории.

Порядок слов - это один из интересных вопросов русской литературной речи XVIII века. С ним соотносится вопрос о составе и протяженности предложения, о длине периода, когда в начале XIX века представители новой художественной литературы говорили о «старом слоге», то они прежде всего обвиняли его «... в запутанности расстановки слов и в затрудненном движении мысли» [Виноградов, 1975: 112]. Нас интересует порядок слов в деловой письменности XVIII века, а деловая письменность этого времени пока еще изучена мало. По этому поводу В.В.Виноградов заметил: «Любопытно, что даже те историки русского языка, которые расширяют объем понятия «литературный язык», включая в него и разновидности деловой речи, с его второй четверти, обычно уже не следят за историей применения канцелярско-деловых стилей речи» [Виноградов, 1958: 29].

Исследования языка деловой письменности в основном относятся к советскому периоду. А.А.Шахматов одним из первых оценил значимость делового языка при изучении новгородских и двинских грамот.

В конце XVIII-начале XIX века можно говорить о сложении современной синтаксической системы в области простого предложения. Становится более четким порядок слов, связь между членами предложения, осложнение простого предложения, типы неполных и односоставных предложений. Большую ценность для изучения деловой письменности конца XVIII века приобретает материалы местных архивов.

В составе фондов архива г. Тобольска - указы, прошения, доношения, репорты, жалобы, реестры, списки; сообщения, оправдания, описи, приходно-расходные книги, указы, квитанции, счета, расписки, протоколы и документы других жанров судебного делопроизводства города конца XVIII в.

Исследуемые документы - это тексты, содержащие информацию о жизнедеятельности крупнейших судебных и правоохранительных заведений города, а именно: Тобольского верхнего надворного суда (И-363), Тобольская палата гражданского суда (И-361), Тобольской верховной расправы (И-365), Тобольс-

кой нижней расправы (И-368), Тобольского уездного суда (И-373), отражающие уровень развития делового языка второй половины XVIII в.

Все анализируемые документы представляют собой тексты двух разновидностей: 1) официальные, достаточно строго нормированные из центральных канцелярий, но принятые в г. Тобольске и записанные местными писцами (указы, законы, распорядительные документы, репорты, судебные акты и др.); 2) документы текущего местного делопроизводства, представленные также многообразными жанрами (прошения, доношения, объяснения, жалобы, требования, оправдания и др.). Разница между первой и второй разновидностями заключается в неодинаковой текстологической значимости отдельных синтаксических конструкций.

В основном это судебные дела о взимании штрафа с крестьян и казаков, о краже денег, лошадей, имущества; о продаже хуторов земельных участков, лавок; о недоимках, уплате оброчных денег, долгов; об убийствах, оскорблениях; о бежавших крестьян и казаков; о противозаконных действиях разных должностных лиц, а также «расспросные речи о том, как заключены есть в Тобольском уездном суде», указы из казенных палат, списки и реестры, описи имущества осужденных, прошения о помиловании, отказные книги. Каждая из деловых бумаг обладает своеобразным содержанием и известной стандартностью оформления (одинаковые зачины и концовки - в зависимости от жанра, определенный набор устойчивых словосочетаний и оборотов). Внешне строго стандартизированная форма большинства документов не препятствовала проникновению в них живой разговорной речи. Протоколы допросов, судебные дела и документы крестьян, казаков и мещан (жалобы, прошения, доношения, допросы) почти полностью лишены канцелярских штампов за исключением начала и конца, которые в основном сохранялись неизменными, представляют огромную ценность, т.к. отражают живую разговорную речь последней трети XVIII века.

В XVIII веке выделяются две проблемы, затруднявшие словорасположение: сильно развитая грамматическая омонимия и практика расположения слов безотносительно к актуальному членению. Если в современном языке предложение начинается с существительного в винительном падеже, обозначающего объект, то оно является темой или особой акцентуруемой частью темы, в тексте же XVIII века оно могло быть и темой, и ремой, и частью глагольного

словосочетания, входящего в состав темы и ремы, то есть в языке XVIII века одна и та же синтаксическая конструкция использовалась для выражения разного содержания.

Итак, представляется сложная картина - отсутствие определенных норм словорасположения, с одной стороны, и власть шаблонов, сковывающая свободу словорасположения, не позволявшая сознательно приспосабливать во всех случаях порядок слов к динамике речи — с другой. В зависимости от характера текста изменялись соотношения этих сторов. В деловой речи, например, где отсутствовала эстетическая установка, сильнее ощущалась власть однообразных книжных схем словорасположения. Но и это утверждение неправильно по отношению ко всем жанрам деловой письменности. Памятники деловой письменности требуют дифференцированного подхода к документам разного жанра. «Характерной чертой словорасположения описываемой эпохи было отсутствие устойчивых норм, сочетающееся с усиленной властью моды, с господством синтаксических шаблонов и штампов» [Ковтунова, 1973: 93].

В начале XVIII века функциональные разновидности не характеризовались единством стиля. В.В.Виноградов писал «о смешении стилей» и контекстов», о «...хаотических противоречиях в литературном языке, его «хаотической бессистемности», об «отсутствии твердых признаков жанра и стиля» [Виноградов, 1958: 191].

Перед пишущим открывались две возможности расположения слов: следование громоздким, книжным, лишенным гибкости синтаксическим шаблонам и непосредственное отражение порядка слов устной речи. Чаще всего в одном тексте осуществлялись обе возможности, контраст стилистически разнородных и основанных на разных структурных принципах особенностей словорасположения был отличительной чертой текстов начала XVIII века. Эта особенность сохранилась и в судебных документах г. Тобольска второй половины XVIII века: Бьет челом тобольского уездного казначейства губернского регистраторъ Григорий Васильевъ сынъ Выоотинъ тобольской второй нижней расправы на губернского жь регистратора Якова Петрова сына Иконникова (И-361-1-87-56); Прошлою 1784-го года в осеннее время шоль я по деревне... (И-363-1-87-121).

В первой трети XVIII века в связи с ломоносовской теорией трех стилей наметилась стилистическая дифференциация в сфере словорасположения, которая сводилась к следующему: 1) книжные конструкции (с постпозицией глагола-сказуемого) были обязательны в высоком стиле, но употреблялись и за его пределами; 2) книжным чертам в расположении слов были противопоставлены нейтральные (с препозицией глагола-сказуемого по отношению к подлежащему), которые употреблялись во всех сферах речи. «В области синтаксиса литературного языка нормализация была сосредоточена на формах высокого стиля... в среднем и простом слоге присутствовало смешение синтаксических форм просторечия с отражениями латинско-немецкого синтаксиса, шедшими из церковнославянского языка и официально-канцелярского слога» [Виноградов, 1958: 111]. К середине XVIII века активизируются книжные черты порядка слов, заметно стремление к освобождению литературного языка от синтаксических форм разговорной речи. В «новом слоге» Карамзина порядок слов становится более приспособленным к выражению смысловых связей в тексте. А.С.Пушкин, противопоставляя язык Карамзина языку Ломоносова, писал:

«Однообразные и стеснительные формы, в кои он (Ломоносов) отливал свои мысли, дают его прозе ход утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславянская, полулатинская... К счастью, Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова» [Пушкин, ПСС, т. 3, 1995: 324].

Карамзин в целом осуществил принцип соответствия порядка слов в предложении его актуальному членению, описываемая эпоха представляет собой длительный переход от двух типов литературного языка - книжно-славянского и народно-литературного - к одному языку с тремя стилистическими обособленными разветвлениями. «...XVIII век получил в наследие от предшествующей эпохи различавшиеся варианты словорасположения, восходящее к двум типам литературного языка, - книжно-славянский и народно-литературный» [Лосева, 1980: 366].

Второй тип дал собственно русские, стилистические нейтральные варианты словорасположения, исправляемые и примыкающие члены после управляющих в глагольных и именных словосочетаниях, спрягаемые формы глагола перед инфинитивом и связка перед именной частью в составных сказуемых, постпозиция глагола - сказуемого по отношению к подлежащему в перечисленных предложениях, препозиция качественных прилагательных, контактное расположение синтаксически связанных членов предложения. Варианты с книжной высокой окраской являются препозиция глагола-сказуемого в предложениях, а также постановка управляемых и примыкающих членов перед управляющими, спрягаемых форм глагола после инфинитива, постпозиция качественных прилагательных, различные типы дислокации и препозиции актуализируемых членов. «Для письменности требовавшей среднего рода глаголий, - утверждает И.И. Ковтунова, - начиная с петровской эпохи, было характерно немотивированное (не оправданное стилистическим заданием) сочетание стилистически разнородных средств» [по: Лосева, 1980: 369].

Контактное расположение подлежащего и сказуемого достаточно частотно в исследуемом материале: Сие дело начелось сперва го рапорту посланному а тобольской нижней земской судъ Каннской слободы крестьянского старосты Лушникова (И-361-1-87-121); Означенная же бывшая на омете ево Рязанова соль хранилась въ трехъ анбарахъ за общими того господина Юрлова и ево Рязанова печатыга (И-363-1-53-22); К сему рапорту вместо крестьянского старосты Тимофея Евдокимова по ево приказу руку приложил пищикъ Иванъ Новохрещинъ (И-368-1-87-121).

Дискантное расположение подлежащего и сказуемого не менее частотно. Оно отмечено и при препозиции подлежащего, и при препозиции сказуемого: К оной девке Анне Шеманцевой по многу расъ похаживаль здешняго питейного дому сиделець Василей Давыдовъ (И-373-1-53-22); С 1 по 8-е число сего кода выехало для торгоа товарами на здешний меновой дворъ бухарцевъ 19, ташкенцевъ 2 и пр. (И-365-1-87-121); А дети ихъ обратно въ челябинский нижний земской судъ для уволения ихъ въ свои дома посылаются (И-363-1-5-22); Крестьянская жена Настасья Савельева детей своихъ не до пускала и ниподакимъ видомъ и предлогомъ въ домъ свои (И-365-1-8-121).

В 70 предложениях из 100 наблюдается препозиция подлежащего, то есть 65% исследуемых предложений - предложения с прямым порядком следования главных членов (П-С): Той слободы крестьяне Александръ Панкратовъ и Мамонтъ Звонаревъ представили к нему пойманныхъ помянутого села в питейном

доме неведомо каких двух человек (И-368-1-38-327); Лекарский ученик Фома Воронов прошлого года в октябре месяце в квартиру дьячка Капустина неоднократно ходил не по своему изволу (И-361-1-62-11); В сенник на гумно к ним он не приходил (И-373-1-53-27); Он за масла и прочим вещей у ево потерявших не заплотил обещанной пудь муки прошений (И-368-1-38-327); Башкирец Кусянберда для дачи следуемого по оному делу на допрось доказательства явился (И-365-1-38-72); По приходе моем в день жена моя об оном мне сказала (И-363-1-87-56); Оной сержантъ ему за вино и другие питья много денег задолжал (И-368-1-87-128); Крепостная дворовая девка жени ево Лукерья Антонова дочь неведано худы отлучилась (И-363-1-38-27); Две пушки стоят, при реке Узельке по течение вниз (И-368-1-22-63); Сей крестьяне имеют перочинные ножи (И-363-1-53-12); В доме отца ево вместе с таможенными 1733 года генваря 23 дня в селенинской посадкой членъ Василей Гуревъ послалъ сию запись (И-361-1-87-121).

Можно заметить, что всегда в препозиции за небольшим исключением стоит подлежащее, выраженное местоимением 1 и 3 лица, реже 2 лица. Чаще стоят в постпозиции подлежащие, выраженные указательным местоимением, или имевшие при себе определение, которое выражено указательным местоимением.

Предложение, в которых подлежащее, выраженное личным местоимением стоит в постпозиции по отношению к сказуемому, отражают разговорную речь. Исследование показывает, что в предложениях с препозицией подлежащего подлежащее выражено личными местоимениями (я, онъ, она, оне). Это составляет 44% от общего количества: Он ее топтал ногами смертельно и едва не умертвил (И-365-1-22-12); На 4-е число сего месяца въ ночи онъ услышав шумъ у двора Марьи Малышевой изъ дому своего пришелъ (И-363-1-53-27); Они на меня показали напрасно (И-368-1-38-23).

Нами отмечены предложения, в которых указательные местоимения являются подлежащим или определением. Здесь имеет место препозиция подлежащего: Се подписана... (И-363-1-53-22); Сеи крестяне имѣють перочинные ножи (И-368-1-22-63); Тотъ де крикъ услышанъ былъ казахомъ (И-361-1-87-121).

Предложения с постпозицией подлежащего, выраженного личным местоимением, составляют 26% и носят явно разговорный характер: Поехали мы все обратно домой (И-3681—38-23); Объявил я об оном своему старшине (И-373-1-89-121).

Поскольку прямой порядок слов можно считать нормой для делового языка XVIII в., обратимся к примерам с обратным порядком слов (30% от всех предложений) и осмыслим их с точки зрения причин, обуславливавших данный порядок слов.

Предложения, с обратным порядком слов четко разбиваются на две группы: 1) сказуемое на первом месте и 2) подлежащее в абсолютном конце.

Среди предложений со сказуемым на первом месте отметим большую группу, имеющую начальное клише деловой речи. Глагол в абсолютном начале таких предложений позволяет сразу же выразить суть вопроса, характер деловой бумаги: приказ, указ, купчая, поношение, жалоба, рапорт, прошение и др.: Доносить уфимскаго наместничества Тюменской округи Картабынской волости команды старшина Ялтырь Тархановъ Таймасоовъ (И-368-1-38-27); Получено предложение заседателя от Коловского заседателя (И-368-1-22-63); Приносил жалобу башкирец, акымбет рыеаев (И-373-1-11-39); Бьет челом таболского уездного казначейства губернской ре-

гистраторъ Григорий Васильевъ сынъ Высотинъ (И-368-1-38-27).

Следующая группа бумаг - это документы, оканчиваются подписью. Часто в качестве сказуемого, стоящего в препозиции по отношению к подлежащему, используются канцелярские штампы типа «руку приложил», «бумагу свою приложил». Имя, должность человека, постелившего под документом свою подпись, оказывается в абсолютном конце, на эти слова падает логическое ударение. Гем самым предложение выполняет свою информативную функцию - указывает имя подписавшегося, его должность.

Слова, обозначающие должность и имя подписавшегося, являются ремой. Рема следует за темой: К сему выбору вместо посадских людей руку приложил Гуляев Иван Петровъ сынъ (И-363-1-53-27), Вместо старости ево прозбой подписалъ отставной сержантъ Степанъ Громовъ (И-361-1-89-121); Допросы проводил заседатель (И-368-1-23-67); Посему клятвенному обещанию присягаи казачья... (И-363-1-53-22).

Среди предложений со сказуемым на первом месте особую группу составляют предложения, отражающие живую разговорную речь. Такие предложения возможны в «распросных речах»: Убегъ онъ въ домъ ево в деревню Кипельскую... (И-365-1-87-126); Видели это здоровою люди... (И-368-1-87-121); Хвораль онъ тяжело... (И-368-1-22-12); Приехал к нам в деревню Оренбургского 4-го полевого баталиона поручикъ... (И-363-1-53-22); И побегли все по улице... (И-365-1-87-121).

После второстепенных членов, актуализированных в тексте, это самый распространенный случай. Во многих юридических формулировках на первый план выдвинуты обстоятельства (чаще времени и места) или дополнения: В сундуке лежит шапка круглая казачья (И-368-1-38-27); А лошадь сию виделъ нашъ татарский часовой за валом крепостнымъ (И-369-1-38-27); Того года въ ноябре жилъ онъ Ларионъ Шелкуновъ въ Озерномъ редуте (И-363-1-53-22); Напередъ сего два дня полезъ оной Каревъ въ подыгребокъ къ себе в онбаре (И-368-22-63-12); Назадъ тому летъ петнадцать за кражу лошадей безъ всякого де наказания сосланъ былъ на поселение в городъ Тобольскъ (И-368-1-38-27); Минувшего октября 30 числа услышал онъ крикъ крестьянина Семена Гореванова (И-363-1-53-22); Из роту и носу течет крофь (И-368-1-38-7).

Подлежащее в абсолютном конце увеличивает его смысловую нагрузку: Была дана оная ставка... (И-368-1-22-63); В воскресную мирскую кантору помимо от него объявление (И-373-1-38-327).

Изучение рукописных документов деловой письменности XVIII в. показывает, что численно преобладают предложения с прямым порядком слов. Обратный порядок не является нарушением построения предложений. Он всегда мотивирован (начальное клише, канцелярские штампы «отражение разговорной речи, юридические формулировки и пр.). Постановка подлежащего в абсолютном конце предложений не является чем-то ипородным, привнесенным извне и не может считаться признаком европеизации нашего языка. Такое расположение главных членов предложения свойственно русскому языку и вызвано особыми причинами (увеличение смысловой нагрузки подлежащего).

Памятники письменности, хранящиеся в местных архивах, представляют, несомненно, большую ценность для исследователя-лингвиста, так как анализ их языковых особенностей позволит создать объективную картину состояния и уровня нормирования русского языка на периферии в период формирования русской нации.

Источники

- I. Фонд № И 363 Тобольский верхний надворный суд (1765-1796 гг.);
- II. Фонд № И 361 Тобольская палата гражданского суда (1789-1797 гг.);
- III. Фонд № И № 365 Тобольская верхняя расправа (1786-1797 гг.);
- IV. Фонд № И 368 Тобольская нижняя расправа (1790-1792 гг.);
- V. Фонд № И 373 Тобольский уездный суд (1797-1821 гг.).

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса / В.В. Виноградов. - М., 1958. - 400 с.
2. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // В.В. Виноградов. Избр. труды. - М., 1975. - 320 с.
3. Владимирова О.В. Из наблюдений над расположением сказуемого в простом предложении (по данным Курганской

деловой письменности XVIII века) / О.В. Владимирова // Актуальные проблемы филологии: Сборник материалов научно-практической конференции. - Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 1999. - С. 26-28.

4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. / Г.А. Золотова. - М.: Наука, 1982. - 366 с.
5. Ковтунова И.И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII - первой трети XIX в. - М., 1973. - 226.
6. Лосева Л.М. Как строится текст. / Л.М. Лосева - М.: Высшая школа, 1980.
7. Пушкин А.С. ПСС в 10 т. / А.С. Пушкин. - М.: Наука. - Т. 3, 1995. - 324 с.

ВЫХРЫСТЮК Маргарита Степановна, кандидат фил. наук, доцент, докторант Челябинского ГПУ.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.08.2006 г.
© Выхростюк М.С.

УДК 803.0 + 371

Н. В. КОЖАНОВА

Лингвистический институт
Барнаульского государственного
педагогического университета

ОПИСАТЕЛЬНЫЕ НОМИНАЦИИ В СИСТЕМЕ НОМЕНКЛАТУРНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы словообразования в сфере наименований лиц по профессии в немецком языке. Анализу подвергаются наиболее распространенные описательные номинации: рассматриваются структурные особенности разных типов описательных номинаций, сопоставляются их функциональные характеристики. Результаты данного исследования могут быть использованы на занятиях немецкого языка при изучении способов словообразования.

Организация лексики любого языка характеризуется не только соотношением реально существующих словарных единиц, но и возможностями их различного преобразования с целью называния всего того, что представляется необходимым языковому коллективу. Использование имеющегося в языке слова с новой референтной отнесенностью или создание на его базе нового наименования предопределяются существующими в системе языка связями и ограничениями (Шмелев 1982: 24).

Чтобы обозначить что-либо новое, могут быть использованы словообразовательные средства, которыми располагает данный язык. Это может быть осуществлено либо с помощью заимствованного слова или переосмысления уже существующего в языке слова (Гак 1977: 47).

Удельный вес каждого из таких способов номинации определяется совокупным влиянием множества различных факторов, немаловажную роль среди которых играют не только тип языка и особенности его структуры, но и ономаσιологические категории,

которые охватывают разные словообразовательные модели. Это можно наблюдать на примере наименований лиц по профессии (далее НЛП) в немецком языке, которые представляют собой достаточно гетерогенный пласт лексики.

Универсальным средством при образовании новых номинаций является применение суффиксального способа, но присущие значительной части словообразовательных аффиксов многозначность и семантическая «перегруженность» производящих основ в известной степени ограничивают действие этого способа словообразования. Стремление к экспрессивности, разрушению языкового стандарта постоянно приводит к созданию двучленных и многочленных обозначений.

В немецком языке существует способ названия предмета посредством его описания, т.е. создание составных наименований, основанных на устойчивом употреблении сочетаний слов. Возникновение наименований с помощью этого способа номинации не является в наши дни чем-то принципиально новым. Однако именно в наши дни в связи со стремительно

возрастающими потребностями общества в разных номинациях роль такого рода наименований определенно возросла. Этим и обусловлен выбор данного способа образования новых слов в предлагаемой статье. Фактическим материалом послужили 347 НЛП, представленные в реестре государственно-признанных профессий ФРГ от 01.10.2003. Среди общего количества НЛП в указанном списке, доля описательных наименований представляет собой 20 %, что выражается в 69 наименованиях.

Акты номинации характеризуются стремлением к введению или обозначениям с «пределной» (в соответствии с возможностями языка) мотивированностью, или же, напротив, таких обозначений, которые с точки зрения существующих в языке отношений оказываются полностью немотивированными. В этом можно увидеть одну из причин широкого распространения составных наименований в немецком языке (Шмелев 1982: 34).

Увеличение удельного веса составных обозначений в словарном составе языка не может не влиять на некоторые особенности его семантической структуры. Являясь следствием стремления к точной дифференциации сходных предметов и явлений, многие из подобных обозначений в то же время отражают одну из общих тенденций развития языка - тенденцию к регулярности. В семантическом плане эта тенденция проявляется в образовании устойчивых наименований (слов или «составных наименований») с симметричным распределением дифференциальных семантических признаков, т.е. образующих завершенную и иерархически организованную лексико-семантическую парадигму. Таким образом, в сфере номинации происходит постоянное взаимодействие между двумя диалектически противоположными тенденциями. С одной стороны, наблюдается стремление закрепить новые понятия при помощи новых однословных обозначений. Это увеличивает общее количество лексических единиц в языке, усложняет лексико-семантическую парадигматику, увеличивает ее прерывистость и асимметричность, а с другой - постоянно возникают устойчивые описательные обозначения новых понятий - они не увеличивают общего числа лексических единиц, но противоречат принципу: единое понятие - единое обозначение, и соответственно утяжеляют синтагматические отношения в языке, т.к. нарушают общие закономерности сочетания отдельных понятий при помощи свободного соединения соответствующих обозначений: *Elektroniker für Betriebstechnik/ Elektronikerin für Betriebstechnik*.

Всякое сочетание отдельных слов - это в принципе сочетание отдельных смыслов. Этот принцип всегда действует в языке и определяет основы его функционирования как средства общения, как средства передачи информации. Этот принцип в то же время является правилом, которое «подтверждается исключениями», причем многочисленными и постоянно вновь заявляющими о себе. Но это все же является правилом, и именно подтверждаемым исключениями, потому что последние никогда не переходят определенный предел. Язык как бы устанавливает известное равновесие между воздействием парадигматических и воздействием синтагматических множеств, ограничивая чрезмерную экспансию как тех, так и других (Шмелев 1982: 35).

Основой в структуре описательных наименований выступают так называемые доминанты и уточнители (Моисеев 1968: 18). Доминанты описательных наименований «наследуются» от однословных и ком-

плексных НЛП и формально совпадают с ними. Доминантными словами часто выступают «обобщенные» профессиональные названия. В исследуемом фактическом материале в качестве таких доминант выступают:

Elektroniker/Elektronikerin, например: *Elektroniker/in für Gebäude- und Infrastruktursysteme*, *Elektroniker/in für luftfahrttechnische Systeme*, *Elektroniker/in für Maschinen und Antriebstechnik* и другие;

Fachangestellter/Fachangestellte: *Fachangestellte/r für Arbeitsförderung*, *Fachangestellte/r für Bäderbetriebe*, *Fachangestellte/r für Bürokommunikation* и другие;

Fachkraft: *Fachkraft für Brief- und Frachtverkehr*, *Fachkraft für Lagerlogistik*, *Fachkraft im Gastgewerbe* и другие;

Kaufmann, Kauffrau: *Kaufmann/Kauffrau im Gesundheitswesen*, *Kaufmann/Kauffrau in der Grundstücks- und Wohnungswirtschaft*, *Kaufmann/Kauffrau im Groß- und Außenhandel* и другие;

Textilmaschinenführer/Textilmaschinenführerin: *Textilmaschinenführer/in Maschinenindustrie*, *Textilmaschinenführer/in Veredlung*, *Textilmaschinenführer/in Weberei* и другие;

Textilmechaniker/Textilmechanikerin: *Textilmechaniker/in Bandweberei*, *Textilmechaniker/in Spinnerie*, *Textilmechaniker/in Tuftung* и другие;

Verfahrensmechaniker/Verfahrensmechanikerin: *Verfahrensmechaniker/in für Beschichtungstechnik*, *Verfahrensmechaniker/in für Brillenoptik*, *Verfahrensmechaniker/in in der Steine- und Erdenindustrie* и другие.

Специфической частью описательных наименований являются также уточнители. По грамматической форме можно выделить следующие типы уточнителей:

1) описательные наименования с предложными уточнителями (56 наименований), например: *Elektroniker für Automatisierungstechnik/ Elektronikerin für Automatisierungstechnik*, *Verfahrensmechaniker in der Hütten- und Halbzeugindustrie/ Verfahrensmechanikerin in der Hütten- und Halbzeugindustrie* и другие;

2) описательные наименования с беспредложными уточнителями (12 наименований), например: *Verfahrensmechaniker/ Verfahrensmechanikerin Glastechnik*, *Textilmaschinenführer/ Textilmaschinenführerin Maschinenindustrie* и другие;

3) описательные наименования с адъективными уточнителями (8 наименований), например: *Technischer Zeichner/Technische Zeichnerin*, *Pharmazeutisch - kaufmännischer Angestellter/ Pharmazeutisch - kaufmännische Angestellte* и другие;

4) описательные наименования с генитивными уточнителями (3 наименования), например: *Betriebswirtschaftler des Gewerbes/ Betriebswirtschaftlerin des Gewerbes*, *Fachmann/Fachfrau der biologisch - dynamischen Landwirtschaft* и другие.

Следует заметить, что если доминанты в исследуемом материале представлены одним словом, то уточнители, напротив, могут быть:

1) однословными, например: *Fachmann/Fachfrau für Systemgastronomie* и другие;

2) комплексными, например: *Kaufmann/Kauffrau im Eisenbahn- und Straßenverkehr* и другие;

3) распространенными, например: *Kaufmann/Kauffrau für Audiovisuelle Medien* и другие;

4) однородными, например: *Elektroniker für Geräte und Systeme/ Elektronikerin für Geräte und Systeme* и другие.

Неоднословные, составные наименования широко употребляются в последнее время наряду с однословными НЛП, обслуживая все разветвленные профес-

сии. Развитие экономики привело к тому, что возникло и возникает огромное количество профессий в этой области. Перечень этих профессий со специальными и квалификациями достигает десятков тысяч позиций. Вместе с этим растет и число наименований (Воронцова 1982: 262-263). Поэтому возникает необходимость обозначить численно небольшое количество наименований с широким профессиональным значением и использование их в составе словосочетаний, что могут обеспечить описательные НЛП.

Как считают специалисты, в последние десятилетия тенденция к специализации сменилась своим антагонистом - тенденцией к универсализму (Воронцова 1982: 263). Эти две тенденции все время сменяют друг друга в ходе любого эволюционного процесса. Специализация, достигнув определенной критической величины, становится тормозом для дальнейшего развития. Начинается процесс вычленения того общего, которое заключено в любом проявлении специализации. Это общее и становится базой для тенденции к универсализму. То есть можно говорить о начале интеграции профессии.

Следует заметить, что в научной литературе иногда содержится осуждение описательных наименований. Считается, что в языке достаточно однословных номинаций. Но в качестве возражения служит тот факт, что соответствующие однословные композиты слишком длинны и не слишком ясны. Ср.: Musikinstrumenten-mechaniker - Mechaniker für Musikinstrumente.

В настоящее время и в дальнейшем, видимо, все большее распространение будут получать «обобщенные» наименования, созданные путем лексической специализации, доминантным словом которых могут быть наименование профессии, связанной с тенденцией к интеграции. Подобные названия рассматриваются как способные «перекрыть» терминологическую дробность традиционных профессиональных наименований.

Библиографический список

1. Шмелев Д.Н. Введение. В кн.: Способы номинации в современном русском языке - М.: Наука, 1982. - С. 24-35.
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. - М.: Международные отношения, 1977. - 264 с.
3. Моисеев А.И. Наименование лиц по профессии в современном русском языке (структурно-семантическая характеристика). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. - Л., 1968. - 27 с.
4. Воронцова В.Л. Наименования лиц по профессии. В кн.: Способы номинации в современном русском языке. - М.: Наука, 1982. - С. 254-271.

КОЖАНОВА Наталья Викторовна, аспирант кафедры германской филологии Лингвистического института Барнаульского государственного педагогического университета.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.08.2006 г.
© Кожанова Н.В.

УДК 800:316.356.2

О. Ю. НИКОЛЕНКО

Омский государственный педагогический университет

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ИМЁН РОДСТВА КАК ТЕРМИНОВ

Члены лексико-семантической группы наименований родства современного русского языка в лингвистической литературе традиционно обозначаются как термины родства. В настоящей статье члены данной группы анализируются в соответствии с критериями понятия "термин", на основании сравнительного анализа разграничиваются наименования родства и термины родства общественных наук.

Термины являются обширной частью лексики современных языков и играют важную роль в их развитии. Слова «термин», «терминология», «терминосистема» употребляются в лингвистике в самых разных и часто неопределённых значениях. Наряду с терминами науки, искусства, техники, выделяют термины родства, оценочные, бытовые. Безусловно, лингвистически это разные явления. Поэтому возникает закономерный вопрос: является ли устойчивое сочетание термины родства определённой данью традиции или это термины в строгом смысле слова?

Многообразие дефиниций в лингвистике понятия «термин» связано в первую очередь с определением места терминологии в лексической системе русского языка. Все их можно свести к двум основным мнениям. Согласно первому, терминология рассматривается как

самостоятельный пласт литературной лексики. Согласно второму, терминология выводится за пределы лексики литературного языка и определяется как отдельно стоящая. Обе точки зрения исчерпывающе описаны в работе В.П. Даниленко [3; 3-12]. При этом обе точки зрения схожи в том, что «термины представляют собой группу слов, во многом отличную от других слов литературного языка, и в языке существует бинарное противопоставление термин — нетермин» [7; 76].

Граница между членами оппозиции термин — нетермин проводится на основании различных критериев функционального характера. Наиболее интересной и важной представляется точка зрения В.В. Виноградова, который в качестве главной особенности термина выделяет дефинитивную функцию. «Слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, то есть

или является средством чёткого обозначения, и тогда оно — простой знак, или средством логического определения, тогда оно — научный термин» [2; 12-13]. Таким образом, термин не называет понятие, но понятие ему приписывается. В словарях термины не толкуются, а логически определяются, то есть даётся краткое описание дифференциальных свойств называемого объекта. Если неизвестно определение, то неизвестен и сам термин, и никакие ассоциации и системные связи слов не помогут. Именно это объясняет моносемичность в пределах своего терминологического поля любого термина и отсутствие у него синонимов (но не исключает наличие вариантов и дублетов).

Моносемичность терминов в пределах своего терминологического поля как признак истинного термина нуждается в уточнении. По мнению большинства терминоведов, истинный термин принципиально лишён возможности иметь или развивать даже какие-либо оттенки значения, так как в пределах одной терминологической системы одна звуковая форма должна точно соответствовать только одному значению, иначе теряется сам смысл дефиниции. Поэтому для обозначения какого-либо нового научного понятия предпочтительнее создать новый отличный по звучанию термин, в противном случае будут необходимы постоянные уточнения, в каком конкретно значении употреблена эта единица. Но при этом термин является лингвистическим знаком, и, по закону асимметричного дуализма, может выразить, какое-либо новое понятие. Однако развитие вторичного значения у термина может быть вызвано только необходимостью метафорически наименовать что-либо за пределами терминологической системы. Проблема тождества слова решается в лингвистике в том числе и на основании единства синтагматических и парадигматических системных связей единиц. Поскольку в этом случае новая единица употребляется уже в другой сфере, то, по сути, появляется новое слово-омоним, семантическая деривация, выводящая новую единицу за пределы терминосистемы, где она образует новые системные связи. Совпадение терминов разных наук по звучанию (например, нейтрализация в лингвистике и в химии) также является примером омонимии. Поэтому понятие моносемичность в терминоведении следует понимать скорее как отсутствие семантической деривации и, следовательно, омонимии в пределах одной терминосистемы. В этом смысле любое слово-нетермин также может считаться принципиально однозначным, так как вновь возникшее значение обычно выводит новую единицу за пределы старого семантического поля, то есть возникает омонимия, но не полисемия. Например, отец в значении «основатель чего-либо» выходит за пределы лексико-семантической группы терминов родства и образует новые системные отношения, то есть является семантическим дериватом от слова отец в значении «мужчина по отношению к своим детям». Таким образом, разработка теории моносемичности термина в некотором смысле подтверждает теорию семантического словообразования, изложенную в работах В.М. Маркова, Б.И. Осипова и других представителей казанской лингвистической школы [9 и 11]. Исходя из вышесказанного, нельзя, по-видимому, считать моносемичность критерием, отличающим термин от нетермина.

Вслед за В.В. Виноградовым и О.С. Ахмановой определяет термин как «слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое) для точного выражения специальных понятий и обозначения спе-

циальных предметов» [1; 474]. Но при этом ею выделяются и термины родства: «Термины родства - англ. kinship terms, terms of relationship. Слова, называющие людей, состоящих в тех или иных родственных отношениях с другими людьми. П.: рус. отец, мать, брат, сестра» [1; 474].

Это определение является безусловно верным применительно к терминам родства, используемым именно в строго научном, терминологическом значении в этнографии, социологии, юриспруденции и т.п., то есть в специальной (научной) сфере. Однако имена родства в первую очередь употребляются в бытовой сфере, где являются прямым наименованием родственников, и у большинства носителей языка не соотносятся с научной сферой. Большинство исследователей терминологии (В.П. Даниленко, Л.А. Каланадзе, Д.С. Гринёв) сходятся в том, что, кроме языка науки, «терминология в своей прямой функции никакой другой сфере языка, кроме научной, не принадлежит и принадлежать не может» [5; 14]. Д.С. Гринёв: «Термин — номинативная специальная лексическая единица специального языка, приемлемая для точного наименования специальных понятий» [6; 50]. Таким образом, если рассмотреть имена родства в связи с тем, что сущность термина — приписываемая ему дефиниция и употребление в специальной (научной) сфере, то терминами как таковыми они не являются, поскольку выполняют номинативную функцию в бытовой сфере.

Решение другого спорного в терминоведении вопроса — о вхождении терминов в общелитературный язык («в языке существуют общеизвестные и общепотребительные термины» или «в общем языке нет терминов как языковых знаков, а есть слова, которые являются по происхождению терминами» [3; 6]) — не может прояснить ситуацию, т. к. имена родства имели противоположную историю: возникшие как прямые номинации в глубокой древности, они впоследствии превратились в термины общественных наук. Поэтому можно предположить, что существует две отдельные категориальные группы слов, дублирующие друг друга: бытовые наименования родства и восходящие к ним терминосистемы общественных наук. При внимательном анализе терминосистемы общественных наук и сравнении её с бытовыми наименованиями выясняется, что полного дублирования нет. Не все бытовые наименования участвуют в образовании юридической терминологии родства. Так, отсутствуют слова дядя, тётя, тещя, свёкор, свекровь, зять, невестка/сноха, деверь, шури́н, золовка, свояченица, свояк в юридических документах (например, Гражданский кодекс РФ), вместо них используются аналитические термины брат/сестра родителя, родители супруга, брат/сестра мужа, брат/сестра жены и т. д. Система юридических терминов родства по сути оперирует несколькими нерасчлнёнными терминами, создавая на их основе новые аналитические термины. В этнографии, напротив, состав терминологии родственных отношений может быть расширен за счёт уточнения возраста, поколения, племенной принадлежности, типа системы родства или особенностей быта, например, термин прима́к обозначает не просто зятя — мужа женщины по отношению к её родителям, но только того, который после женитьбы поселяется в доме тещи и тещи [4]. В генеалогии сохранены многие ещё древнерусские термины, помогающие восстановить генеалогическое древо по старым документам: дедич «прямой потомок родного деда», великий дядя «брат деда», дщерич «сын сестры, племянник по сестре» и др. В социологии и демографии акцент переносится не на уточнение конкретного родства, а на принад-

лежность к поколению, и потому используются самые общие термины кровного родства мать, отец, сын, дочь, бабушка/дедушка (чаще даже без указания на половую принадлежность: предыдущее поколение), внук/внучка (также в основном без дифференциации половой принадлежности) и термины партнёрства в браке муж и жена (супруги). Все остальные родственники именуются прочими. При этом у используемых терминов могут появиться новые дифференциальные семантические признаки (например, «партнёр в моногамном браке») [5]. Таким образом, наименования родства общелитературного языка являются основой для научных терминосистем, но при этом остаются отдельной группой слов. Что же позволило использовать данную группу почти целиком как основу терминологической системы?

Ответ на этот вопрос, видимо, должен быть обоснован тем, что у терминов существует вторая важная особенность: термины являются членами определённой строгой системы. «Систематичность терминов, строгая зависимость единиц внутри терминологии — вот главная характеристическая черта этого разряда слов» [7; 79]. В каждой определённой области знаний терминология представляет собой исчислимую и замкнутую систему. Нельзя изменить часть этой системы, не изменив других частей и не вызвав общей перегруппировки терминов. С этой точки зрения представляется важной теория терминологического поля, разработанная А.А. Реформатским [10]. Поле для термина — это терминология данной области знаний. Вне этого поля термин теряет свою характеристику термина. Терминологическое поле идиоматично для каждой терминологии и покрывает всю систему понятий данной науки. Термин всегда занимает строго определённое место в структуре данного терминологического поля, он предельно парадигматичен. То есть все элементы (термины) терминологического поля противопоставлены друг другу, а в совокупности составляют полное содержание данной области знаний.

Подобные поля, идентичные по принципам организации терминологическим полям науки и техники, существуют и в общелитературном языке. Их немного, и среди них наиболее яркий пример — как раз наименования родства. Они потому и называются традиционно терминами, что составляют строгую систему, «матрицу», все элементы которой строго противопоставлены друг другу по определённым дифференциальным признакам и в совокупности покрывают собой всю систему понятий данной области. Особенно заметной системной организацией терминов родства становится при компонентном анализе лексического значения каждого наименования, состоящего из комбинации семантических признаков, представленных в основном двучленными оппозициями «женский пол - мужской пол», «кровное родство - некровное родство», «предок - потомок» и т. д. [8 и 12]. Следствием строгой системной организации является, в том числе, и постепенное замещение в языке нерасчлennных терминов расчлennными, например: золовка - сестра мужа, свояченица - сестра жены и т. д. (по такому пути и пошли терминосистемы общественных наук). В таких наименованиях более чётко видна симметричная противопоставленность терминов по какому-либо семантическому признаку. Безусловно, системная организованность терминов родства является прямым отражением того, что сами называемые понятия в реальной действительности организуются в некую упорядоченную систему.

Кроме системности, имена родства обладают и другими характерными чертами терминов, а именно: у

них отсутствует экспрессия, и они являются стилистически нейтральными в пределах своего терминологического поля. В словарях современного русского языка у терминов родства не зафиксировано никаких помет, указывающих на стилистическую или экспрессивную окраску. Поскольку термины родства часто употребляются в разговорной речи, то тенденция к возникновению экспрессии, характерная для бытового языка, выражается в появлении у термина экспрессивного синонима, например: мать — мама — мамуля — мамочка — мамка и т. д. В этом отличие терминов родства от истинных терминов. При этом такой синоним всегда осознаётся носителем языка как вторичный и не замещает самого термина в системе. Поэтому слова типа мама, папа, тётка и т. п. (с пометами разг.), находясь внутри группы наименований родства, в саму систему терминов родства не входят.

Таким образом, можно сделать вывод: так называемые термины родства не являются терминами в узком смысле этого слова, они принадлежат к общелитературной лексике, но системная организация этой лексико-семантической группы, сходная с системой организации истинных терминов, позволяет условно называть их именно терминами; исходная системность данной группы, возникшая как непосредственное отражение системности самих понятий отношений родства, послужила основанием для создания на её базе истинных терминосистем общественных наук; термины родства моносемичны (не имеют семантических дериватов), стилистически нейтральны и не обладают экспрессией внутри терминологического поля, но легко образуют новые внесистемные отношения в связи с частотностью своего употребления и под влиянием экстралингвистических факторов.

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966.
2. Виноградов В. В. Русский язык. — М.-Л., 1947.
3. Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. — М., 1977.
4. Дзибель Г. В. Поколение, возраст и пол в системах терминов родства: Опыт ист.-типол. исслед. : Дис. канд. ист. наук : 07.00.07. — 1997.
5. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. — СПб.: Петрополис, 1998.
6. Гринёв Д. С. Введение в терминоведение. — М., 1993.
7. Капанадзе Л. А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. — М., 1965.
8. Ломтев Т. П. Конструктивное построение смысла имён с помощью комбинаторской методики (термины родства в русском языке) // НДВШ «Филологические науки», 1964, № 2.
9. Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке. — Ижевск, 1981.
10. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология? — М., 1959.
11. Семантическая деривация и её взаимодействие с морфемной: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Б. И. Осипов. — Омск: ОмГУ, 2003. — 136с.
12. Червоткина О. Ю. Попытка описания отношений родства по горизонтали по комбинаторской методике // Славянские чтения. Вып.2. — Омск: ОГПИ, 1993. — С.115-117.

НИКОЛЕНКО Ольга Юрьевна, старший преподаватель кафедры истории русского языка и методики его преподавания.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.08.2006 г.
© Николенко О.Ю.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 78.072.2

О. Е. ШЕЛУДЯКОВА

Уральская государственная
консерватория им. М. П. Мусоргского

ПРЕТВОРЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ИМПРОВИЗАЦИОННОСТИ В МЕЛОДИКЕ ПОЗДНЕГО РОМАНТИЗМА

Исследование посвящено искусству импровизации и особенностям ее реализации в мелодике позднего романтизма. В статье рассматриваются история и пути развития импровизационных жанров. Адресовано музыковедам и историкам.

Импровизация и композиция являются двумя имманентными началами и отражают фундаментальные парадигматические основания искусства: «спонтанно-импровизационное и преднамеренно-композиционное, являющихся нам в их встречном предстоянии, неразрывном сопряжении и вечном взаимодействии» [1, с. 72]. Одно начало, как справедливо указывал К. Сакс, выражало органично-естественный поток энергии, идущий из глубин естества человека, а другое выявляло стремление внести в этот поток строй, закон и порядок. Многим стилям, в том числе позднему романтизму, присущи предельно острая и выявленная оппозиция импровизационного и композиционного начал, которая во многом проявлялась в резких жанрово-стилевых и эстетических сломах, и вместе с тем их напряженнейшее взаимодействие.

Под импровизацией (Improvisation - от латинского *improvisus*, непредвиденный, неожиданный, внезапный) часто подразумевают метод творчества, пред-

полагающий создание произведения в процессе свободного фантазирования, экспромтом. В импровизации нет разделения функций сочинителя и исполнителя; они образуют органическое единство и осуществляются одновременно. Однако, безусловно, данная точка зрения требует как минимум уточнений. Более подробному уяснению данного феномена и посвящена статья.

Предварительно оговорим, что речь в данном случае будет идти не *об импровизации как таковой, а о ее моделировании средствами музыкальной композиции*. Подобно тому, как публичная импровизация моделирует музыкальное произведение (ведь ценность импровизации часто определяется и художественным уровнем высказывания, и яркостью тематизма, и степенью его проработанности, и завершенностью целого, т.е. свойствами композиции¹), музыкальное и литературное сочинение моделируют импровизационность. Для спонтанного высказывания необычайно важна подготовленность,

мастерское владение языковыми средствами, позволяющие достигнуть даже в сиюминутном творческом процессе уровня высокого искусства.

Модель же может оперировать лишь отдельными составляющими «оригинала», не заимствуя всех ее свойств. Тем не менее это вовсе не снимает сформулированную антитезу. Ведь создание иллюзии импровизационности также требует прекрасного «владения предметом», знания всех его тонкостей. И поскольку многие композиторы позднего романтизма (Ф. Лист, С. Франк, А. Брукнер, С. Рахманинов) были прекрасными исполнителями-импровизаторами, в таком блистательном выявлении импровизационного начала в музыке не было ничего удивительного.

Импровизация имеет древнейшее происхождение и охватывает собой широчайший круг явлений культуры — от кажущегося «примитива» до сложнейших явлений высочайшего профессионализма. Назовем лишь некоторые из них. Значительную роль импровизация играла в профессиональной культуре Западной Европы. На первых этапах (после 800 г. н.э.) необходимым являлось умение расшифровывать и сочетать между собой невмы в процессе исполнения. Поскольку одной из основных задач музыкальной письменности являлась унификация музыкальной памяти певцов, требовалось не проявить индивидуальность расшифровки, а наиболее точно приблизиться к зашифрованному напеву.

В трактатах XI века упоминается об импровизации как альтернативе сочинению музыки на бумаге. Данное противопоставление было актуально и значительно позднее. Так, в трактатах И. Тинкториса (*Liber de arte contrapuncti*, 1477) и А. Коклико (*Compendium musices*, 1552) о двух видах практики — устной и письменной — были выработаны термины, отражающие эти понятия: *super librum cantare — res facta*, *contrapunctus mente — contrapunctus scriptus*, *contrapunctus absolute — contrapunctus compositus* (у И. Тинкториса), *contrapunctus — compositio* (у А. Коклико).

В эпоху Барокко существовали понятия фуга *licentia* и фуга *ricercata*, обозначающие не только нормативность написания фуги, но и происхождение — письменное и импровизационное.

С древнейших времен у различных народов развивалась культура фольклорной стихотворной и певческой импровизации. Достаточно напомнить о роли в мировой культуре древнегреческих аэдр, западноевропейских шпильманов, русских сказителей, украинских кобзарей, казахских и киргизских акын и др. Во многих народных танцах в стремлении показать силу и удачу, импровизаторы выходят за пределы круга устойчивых танцевальных движений. Часто словесными импровизациями сопровождаются синкретические фольклорные игры.

Множество импровизационных традиций было накоплено в театре: это и древнеримская «комедия ателлан», и итальянская *commedia dell'arte*, и «театр марионеток», и русский «Петрушка», и творчество балаганных увеселителей «раешников», и «балаганных дедов», разыгрывавшиеся без заранее написанного текста, на основе лишь в общих чертах составленного плана. Такие представления носили характер экспромта на основе ранее определенной фабулы и характеров-масок. Таким образом, на первый план выходила находчивость, умение быстро приспособить мелодии, шутки, диалоги к соответствующему моменту.

Иной аспект импровизации подчеркивали философы античности. Во времена Платона импровизатором считался всякий поэт, который, по мнению древних, в минуты вдохновения — особого состояния психики, объясняемого вселением в поэта «демона» духа, — импровизировал свои произведения без какой-либо предварительной подготовки; он вещал, как вещал пророк. Особым видом «священного» безумия считали творческий процесс романтики. Для них поэт был жителем нездешнего мира. Переносясь в свой мир, поэт создавал уже готовые произведения. Импровизационное произведение после обработки якобы только теряло в своих художественных достоинствах. После романтиков и символисты утверждали, что поэтическое творчество — это сплошная импровизация. Импровизаторами считали Горация и Овидия, Свифта и В. Скотта, Вольтера и Дидро, *m-me de Сталь* и Ламартина, О. де Бальзака, де Виньи, В. Гюго, Дюма-отца, П. Меримэ, Т. Готье, И. Гёте и Ф. Шиллера, Э. Гофмана, А. Тика и А. Мицкевича².

В начале XX столетия значительный интерес к импровизации возник и в русском и западноевропейском театре. Это было связано со стремлением активизировать в актере творческое начало и приобщить театр к истокам народной культуры, во многом основанной на импровизации, что импровизация как метод использовалась в учебно-воспитательной работе с актерами у К. Станиславского, немного позднее в театре А. Таирова и В. Мейерхольда. Одновременно достигло расцвета поразительное по яркости и своеобразию импровизационное искусство Айседоры Дункан. Названные примеры можно было бы умножить.

Композиторы, поэты, драматурги романтической эпохи особенно трепетно относились к импровизации и устной речи. В ней они видели отпечаток творческой свободы, блеск гениального ума. Сочинения такого рода должны были не создаваться мучительным трудом, а быть сотворены божественной силой. Им надлежало быть записанными, как бы уроненными на обрывки бумаги. И потому они интересуют в наибольшей степени только в сам момент творения, а записанное сочинение (как уже осуществленный речевой акт) теряет привлекательность³. Во многих случаях сами поэты и музыканты романтической эпохи (Э. Гофман, А. Мицкевич, *m-me de Сталь*, Ф. Шиллер, Дж. Байрон) поддерживали и распространяли легенды об импровизационном характере своего творчества, однако исследования их творческого процесса легко опровергают миф о поэте-импровизаторе, витающем в момент творческого озарения в мире творческих грез. Известно много фактов о том, как лорд Байрон работал над сымпровизированными стихами, подвергая их значительному сокращению и тщательной коррекции. Аналогичным образом поступали и композиторы, рассматривая импровизацию как первоначальный материал для будущего произведения. Напомню только два симптоматичных высказывания Иоганнеса Брамса: «Когда к Вам [Брамс обращается к Г. Йеннеру] приходит идея, то идите с ней гулять, тогда Вы увидите, что то, что Вы считали окончательной мыслью, на самом деле было лишь подходом к ней <...> Когда меня посещает музыкальная идея, то я не спешу ее сразу записывать на бумагу, а долго жду, пока она созреет» [2, с. 325]. При этом иллюзия сиюминутности искреннего излияния, творческой свободы должна была оставаться полной.

При этом в эпоху романтизма особенно тонко чувствовался «зазор» между воображаемой грезой и воплощенным творением, между речением сердца и запечатленными на бумаге словами и звуками. Тютчевское «мысль изреченная есть ложь» очень точно отражает невозможность художественного творения в полной мере отразить мыслимые образы. В этом смысле импровизация создавала иллюзию приближения к взаимному пониманию за счет сиюминутности и особой поэтической ауры, соединяющей участников импровизационного высказывания.

Приверженность к творческому полету и сиюминутным озарениям нашла отражение и в выборе жанров романтической эпохи. Экспромт, музыкальный момент, фантазия, прелюдия, листок из альбома самими названиями, не говоря уже о романтически-поэтической их трактовке, подчеркивают творческую свободу и импровизационность. В некоторых жанрах (фантазия, прелюдия) сохранилась и «генетическая память» об импровизационном прошлом, в других («листок из альбома», «музыкальный момент») достаточно выражено дневниковое, исповедальное начало, тяготение к предельной искренности и сиюминутности высказывания. Особо следует выделить жанр экспромта, в котором наглядно выражена и сиюминутность, спонтанность творческого акта, и авторская инициатива его создателя.

Кратко перечислим свойства, которыми обладает импровизация. основополагающим фактором импровизации является **устная форма бытования**. Как известно устная, речь отличается особыми языковыми средствами: в их числе стилевая свобода, сочетание бытовых устных и письменных лексем, преобладание диалогичности и суггестии. Это связано с тем, что устная речь (и импровизация как один из ее видов) рассчитана на реакцию слушателя, общение с которым может значительно воздействовать на ход высказывания. Живая устная речь особенно ясно отражает сиюминутность момента.

В позднеромантическую эпоху происходит заметная экспансия письменной речи в устную. Устная речь поднимается до уровня письменной и во многом содержит свойства замаскированной письменной речи, т.к. произнесенным оказывается то, что предварительно создано в голове или на бумаге [3, с.108]. Таким образом, статус устной речи значительно повышается. Импровизация оказывается культивируемым видом творчества, перемещается по справедливой мысли Ю. Лотмана «с периферии культуры в ее центре» [3, с. 117].

Весьма важным для импровизации становится **отсутствие текста** и, соответственно, невозможность точного повторения высказывания. Безусловно, сказанное на первый взгляд противоречит идеалам позднеромантической эпохи, столь точной и изобретательной в фиксации замысла, столь требовательной к исполнительской интерпретации в выполнении мельчайших авторских указаний. Однако в этом нет взаимоисключающего противоречия, скорее наоборот попытка еще одного синтеза. В исследуемую эпоху в музыкальном тексте отражается процесс импровизации, обретения темы, мелодической идеи в процессе постоянного варьирования. Таким образом, **текст парадоксально запечатлевает дотекстовые формы существования музыки**.

В ряде исследований литературоведов-фольклористов (например, П. Богатырев) показывается

теснейшая связь между импровизацией и вариантностью. «Импровизируя и создавая новые варианты, заменяя одно слово другим» [4, с. 417] народные сказители складывали все новые былины и песни, сказы и лубки. Аналогичным образом развитие по многим мелодиях позднего романтизма осуществляется как процесс постепенного рождения интонационной идеи и ее «уточнения» в процессе варьирования. И сам принцип варьирования сочетает в себе логическую процедуру вычленения интонационного ядра и обновления «периферии» и эффект неожиданной новизны. Позднеромантическая стилизация импровизации акцентирует поэтическую волюность, сиюминутную непредсказуемость, и при этом во многом ориентируется на клише¹. В качестве типовых могут быть не только отдельные мотивы, синтагмы, целостные мелодии, многоголосные высказывания, но и фактурные приемы, способы развертывания, гармонические обороты, типовые структурные ячейки.

Особой проблемой импровизации является способность импровизатора мгновенно ассимилировать чужую идею о-своить и при-своить материал заданный извне. Напомним слова Чарского из «Египетских ночей» А. Гюшкена: «Чужая мысль чуть коснулась нашего слуха и уже стала вашей собственностью, как будто вы с нею поспали, деляли, развивали ее беспрестанно» [5, с.220]. Умение сфокусировать творческие силы для выполнения кем то поставленной задачи, способность воспринять продиктованную волю как собственную насущную потребность является для импровизации обязательным условием.

Импровизация — это всегда диалог «своего» и «чужого» слова, авторской воли и «творческого заказа». Именно в этом, порой в драматическом конфликте трагической несовместимости, а подчас и глубоком духовном родстве душ и рождается феномен экспромтной позднеромантической речи.

Весьма важной является и способность одновременно сочетать замысел и его осуществление, мгновенно выбирать цели и их осуществление, так что «непредвиденное» рождается на наших глазах. Удивительное свойство импровизации заключается в том, что в наиболее высоких формах она может породить «чудесную **инверсию**, когда реализация как бы предшествует намерению, когда рука как бы сама ведет мысль, и созданное фиксируется, подхватывается и оценивается автором лишь постфактум. Больше того, именно эта инверсия часто становится свидетельством подлинного взлета творческой энергии человека... импровизация как творчество самородное и сиюминутное («здесь и сейчас»), как творчество «на лету и ненароком» (Тютчев), как творчество «навзрыд» (Пастернак), как «мгновенная удача ума» (Ахмадулина) подарила нам немало истинных шедевров» [6].

Таким образом, рождение чуда импровизации происходит тогда, когда не автор руководит музыкальным высказыванием, а оно изливается свободно, как бы не завися от воли творца и лишь потом, может быть осознано. В этом удивительная красота творческого процесса, когда стадии осознания и творческого воплощения меняются местами. В литературном наследии композиторов исследуемой эпохи часто можно встретить упоминание о том как то или иное высказывание начинало развиваться по собственным законам, казалось бы независимым даже от самого автора. Приведем лишь одно высказывание Г. Малера: «Собственно говоря, я хотел

Рис. 1. П. Чайковский. «Франческа да Римини», рассказ Франчески

написать только симфоническую юмореску, а у меня вышла симфония нормальных размеров» [7, с.492].

Импровизация имеет симультанный характер, сочетая в себе воплощение идей, рождение новых дополнительных нюансов, реализацию мгновенно возникающих импульсов и процедуры логического анализа. В позднеромантической музыке эффект сиюминутности возникает достаточно часто. В позднеромантической музыке моделируются и основные стадии творческого процесса — поиск темы, вариантная работа над материалом, как поиск наилучшего облика темы, внезапное озарение, «священное безумие» (Ф. Шлегель), спонтанное рождение новых смыслов уже известных «слов» и т.д.

Названные качества в значительной степени свойственны позднеромантической мелодике. Живое общение в процессе интонирования, отражение особенностей живой устной речи (ораторской, проповеднической, дружеского излияния и прочее), значимость суггестии как «направленности на восприятие» (Б. Асафьев) становятся стилевыми нормами эпохи.

Одним из наиболее важных свойств импровизационности является усиление роли авторского начала. С одной стороны, импровизация воспринимается как форма проявления таланта творца, и в этом качестве она обязательно входила в перечень испытаний и творческих обязанностей музыкантов многих эпох. Именно импровизация позволяла композитору сделать экспромт похожим на заданный стиль, и, напротив, выявить свойства индивидуальности музыканта.

С другой стороны, слияние автора и исполнителя в одном лице, несомненно, усиливает возможность самораскрытия автора, и, следовательно, увеличивает степень воздействия на слушателя. Кроме того, именно импровизация позволяет художнику избежать довлеющих рамок правил, раскрепостить фантазию, что позволяет высказать несказанное, потаенное, сокровенное. Да и сама ситуация пуб-

личного творчества несет в себе особенно возбуждающий импульс, и, как следствие, повышает суггестивное воздействие музыки. Немаловажно и то, что состояние творческого восторга, порыва, которое в идеале испытывает автор-импровизатор, сообщается слушателю и особенно мощно побуждает к эмоциональному переживанию, порой рождая иллюзию наличия творческих сил у самих свидетелей импровизационного акта⁵.

Принципиально важным для создания эффекта импровизационности момента является внимание к самому ходу развертывания мысли, ощущения, состояния. Процессуальное начало является для позднеромантической мелодики всеобъемлющим, т.к. проявляется и в постоянных модуляциях от одного типа мелодики, фактуры к другому, в мерцании светотеней внутренней жизни речи, в настойчивом стремлении к ускользающим переходам и тонким смешениям. Позднеромантическое высказывание являет собой увлекательнейший процесс обретения мысли, ее становления и роста, акт познания внутренних свойств героя и, через него, автора. Именно поэтому музыкальная речь исследуемой эпохи редко отливадается в привычные формы и границы, совершенство итоговой конструкции оказывается менее ценным, чем захватывающий процесс рождения высказывания. Обоснованными в данном контексте становятся частые смены масштабных синтаксических единиц, типов деления доли, интонационных моделей. Нерегулярное структурное развертывание ощущается как предельная свобода высказывания, которая оправдывает и кажущиеся «швы» и подчеркивает моменты интонационных стыков.

В качестве примера к приведенным рассуждениям приведем рассказ Франчески из симфонической фантазии П.Чайковского «Франческа да Римини». Сам жанр рассказа подразумевает свободу речевого потока и его зависимость от реакции слушателя. Неудивительно, что в данной мелодии запечатлено

множество признаков импровизации. В мелодии обращает на себя внимание значительная свобода, яркая эмоциональная подача, интонация «от первого лица». Это удивительно экспрессивное, «горячее» звучание, отличающееся высокой плотностью, глубоким напряженным внутренним порывом. Структура таких мелодий лишена жесткости и предсказуемости. Напротив, она поражает гибкостью, пластичностью, как бы растворенностью в общем мелодическом потоке (рис. 1).

Ярко выражено процессуальное начало: мелодия организована как непрерывный речевой акт с вариантной взаимосвязью всех компонентов. Последняя часто употребляется как уточнение интонационной модели через интонационное обострение, секвенцирование, интервальное варьирование. Сложность и тонкость вариантной техники побуждает к восприятию «рассказа» как в высшей степени органичного речевого акта, в котором допустимы «заторы», «перескакивания».

Импровизационное искусство во многом опирается на **виртуозное начало**. Исполнители-импровизаторы стремились продемонстрировать не только своеобразие интерпретации традиционных тем и образов, но в первую очередь блестящую технику, виртуозные приемы, недоступные другим мастерам. Поэтому в импровизациях достаточно часто использовались пассажи, фиоритуры, технически сложные общие формы движения, а каденции становились для исполнителей одним из главных экзаменов на совершенное владение голосом или инструментом.

Отпечаток подобной трактовки сохраняется и в романтических экспромтах, прелюдиях, музыкальных моментах, изобилующих гаммаобразными пассажами и арпеджио, сложными мелодическими и гармоническими фигурациями. Достаточно часто в романтических сочинениях используется и эффект прелюдирования, когда в процессе музыкального изложения постепенно рождаются элементы будущей темы. Так, в Музыкальном моменте h-moll С. Рахманинова тема рождается как бы из звуковой «магмы»; первоначально кристаллизуется лишь отдельные ее мотивы-вспышки, из которых постепенно вырастает целостное высказывание.

В этих случаях возникает ощущение сиюминутного рождения музыкальной мысли из мельчайших интонационных «атомов». Однако чисто виртуозный блеск не заслоняет главного — импровизационные по внутреннему содержанию фрагменты в первую очередь позволяют воспринять своеобразие индивидуальности композитора, особенностей его мироощущения и духовного устроения.

В позднеромантической мелодике, способах ее структурного развития оказывается удивительно много неожиданного сходства и с джазовой, и в особенности, блюзовой импровизацией⁶. Приведем слова В. Конен, адресованные блюзовой импровизации, но вполне точные и по отношению к мелосу позднего романтизма: «Благодаря ему [чуду импровизации на тему. — О. Ш.] музыкальная речь преобразуется в чудо неиссякаемого разнообразия и постоянного обновления через сочетание закрепленной первоначальной конструктивной ячейки с постоянным тончайшим варьированием отдельных выразительных элементов» [8, с.33].

В мелодике используется ограниченное число устойчивых мелодико-интервальных структур, постоянно повторяющихся в разных высказывани-

ях. В процессе импровизации многие мелодические формулы обнаруживают большую контекстуальную подвижность, появляясь в различном гармоническом окружении. При этом многие мелодические структуры являются интонационными вариантами одной и той же обобщенной модели. На основе мельчайших мотивов, их комбинаций возникают развернутые клишированные мелодические обороты. Некоторые формулы связаны с устойчивой аппликатурой, что объясняется воздействием исполнительской техники авторов.

Весьма важным для позднеромантической импровизации становится и ее трактовка в контексте лирического типа высказывания. Напомним, что исторически ярче всего импровизационность была выражена в публичных выступлениях, проповедях и ораторских речах. В истории музыки наибольшее распространение импровизация получила в народных былинах и сказках, религиозных песнопениях, которые можно отнести к лирике. Лирическая же трактовка сиюминутной речи позволяет высказыванию запечатлеть особую тонкость душевных движений и при этом обладать удивительной психологической достоверностью.

Рассмотрим названные свойства моделируемой импровизации на примере «Рапсодии на тему Паганини» Рахманинова. И сам жанр, во многом сохранивший отпечаток устного сказывания, и его воплощение оказываются весьма характерными для импровизации. Существенен и выбор «персонажа», мистического скрипача, одаренного необыкновенным исполнительским мастерством, волшебным даром в акте свободного творчества возбуждать души людей. Именно в духе позднеромантической импровизации решена и сама рапсодия, осуществляющая постепенный неоднократный модуляционный переход от стиля к стилю.

Каждая вариация является этапом в цепи неожиданных метаморфоз, рожденных прихотливой фантазией, воспаленным до болезненности воображением. Непредсказуемость, вольность ощущаются в последовании вариаций, в их кажущейся нелогичности, в выборе средств, многие из которых были для своей эпохи подлинным открытием.

Вместе с тем хрестоматийная тема каприза Паганини послужила основанием изощреннейшей мотивно-тематической работы. Заложенный в самом оригинале метод работы на основе интонационного клише получил блестящую разработку в вариационном цикле. Фактурные и структурные ячейки, секвенционно перемещаемые гармонические обороты, мотивы-клише — все это становится звеньями одной цепи развития, парадоксально сочетающего высочайшую заданность и не менее удивительную свободу, что и позволяет придать столько разнообразия комбинаторной работе.

Важна и виртуозность, свойственная как стилю «оригинала», так и языку самого Рахманинова. Уникальное техническое мастерство Паганини-Рахманинова, предельная свобода выражения проявляются и в сложной пассажной технике, и в щедро рассыпанных в «Рапсодии» каденциях. Именно яркая фигуративная техника позволяет неоднократно использовать яркий прием перехода тематического рельефа в фон и наоборот, постепенного рождения темы из звуковой ткани и последующего в ней растворения. Феноменальная исполнительская одаренность автора позволяла столь свежо и непродуказанно одухотворять заданную схему, расцвечивать ее все новыми искрами творческого

вдохновения. Нельзя не отметить и зримые выражения импровизационности: нерегулярное деление доли на 8, 11 звуков, построение трехчетвертного такта из четырех, пяти нерегулярных ритмических групп, и постепенный переход к фактически невыписанному метру (например, в вариациях XI, XXII). Ремарки *a capriccio*, *perdendo*, *rubato*, неоднократно появляющиеся в партитуре, довершают картину.

Таким образом, моделируемая импровизация отличается мастерски созданной иллюзией случайности. Высказывание такого рода окрашено высокой степенью авторской свободы и инициативы. Преобладает речь от первого лица и мощное суггестивное воздействие на аудиторию. Процессуальное начало приводит к усилению единого тока движения и, как следствие, частот меньшей упорядоченности. Возможными становятся «швы», связки, «перескакивание», что может связываться и с воплощением признаков устной речи. Опора на клише, вариантный метод работы сочетаются с неожиданными яркими находками и фантазийностью.

Важнейшие свойства импровизационности выявляются и в связи с проблемой двух эстетик культуры (Ю. Лотман) — эстетикой тождества, когда прекрасным признается подобное ранее существовавшему, и эстетикой противопоставления, когда прекрасным является вновь обретенное. Импровизационность подчеркивает момент новшества, связанного с авторской индивидуальностью, и вместе с тем, безусловно, опирается на целый набор клише, общепринятого музыкального «словаря», общепринятой «грамматики». Очевидно, что именно такое сочетание в наибольшей степени отвечало эстетике позднеромантической эпохи, с ее культом Автора-Творца, стремлением к переинтонированию существующих моделей.

Антиномия произведение-композиция во многом коннотирует с дихотомиями изменение — постоянное, непрерывное — дискретное, естественное — искусственное, хаотическое — упорядоченное, эмоциональное — рациональное, аффектированное — сдержанное. Импровизация раскрывается достаточно ярко и в сопоставлении с другими явлениями. Так, частой становится пара импровизация — остроумие. Действительно, часто именно остроумный ход мысли, сопоставление, идея, фраза придают прелесть спонтанному высказыванию. Важное качество экспромта раскрывается и в паре импровизация — мастерство. И хотя данные свойства являются не абсолютными качествами импровизации, а скорее векторами ее направленности, значимость данных пар весьма велика. Поразительно, что в quasi-импровизациях поздних романтиков достигнут подлинный синтез указанных начал, который, вероятнее всего, и являлся одним из творческих идеалов эпохи.

Романтическая импровизация рассматривалась как один из способов прорыва к бессознательному, сверхъестественному, абсолютно духовному. В этом смысле моделируемая импровизация была не только абсолютной формой проявления творческого гения, но и возможностью выразить глас Бога, Творца, а художник рассматривался как медиум, устами которых свидетельствовал Дух. Такая импровизация согласуется с эстетикой отголоска «бесконечного в конечном», выражаемой в романтизме часто также и через фрагмент⁷. А поэт становится человеком, которым владеет свободная стихия языка, его речь

Новалис уподобляет пророческой⁸. Следовательно, это особый тип художника, который отличается не только изобретательностью, инициативой, но и особой остротой реакции, особой тонкостью ощущения мира и чуткостью взаимодействия с публикой.

Примечания

1. В рецензиях романтической эпохи часто подчеркивалось, что импровизации Ф. Листа и Н. Паганини ни в чем не уступали лучшим сочинениям эпохи.

2. Об импровизации последнего сохранилось много рассказов. Уже в студенческие годы он импровизировал стихи, обыкновенно слушая музыку, которая настраивала его на импровизацию. Много импровизировал он, сидя в вилленской тюрьме; впоследствии он поражал своим импровизаторским дарованием в Москве, Петербурге, Берлине, Париже.

3. Возможно, в этом причина столь частой для романтиков смены отношений к своим сочинениям. Напомним лишь, как Чайковский был влюблен в каждое свое сочинение в момент его создания и признавал его замечательным, удачным, а порой и гениальным. Однако спустя непродолжительное время взгляд на сочинение резко менялся. Так происходило едва ли не с каждым его сочинением.

4. Напомним, что широкое распространение в музыкальном искусстве получила импровизация на основе неум, крюков, мелизмов, позднее генерал-баса и т.п.

5. Напомним, что аналогичное явление существует и в театральном искусстве, когда талантливый артист-импровизатор не только заражает творческим горением своих партнеров, но и побуждает к соучастию зрительный зал.

6. На это впервые обратила внимание В. Конен, а теоретическое рассмотрение данной параллели осуществлено в диссертационном исследовании М. Ермолова.

7. Напомним, что текст в культуре романтизма часто представлен как фрагмент, обрывок, иногда находка, побуждающая к разгадыванию смысла.

8. Проблема импровизационности во многом связана и с явлениями проповедничества, диалога.

Библиографический список

1. Sachs K. The wellsprings of music / Kurt Sachs, Jaap Kunst (Hrsg.). — The Hague, Nijhoff, 1962. — XI, 228 s.
2. Роговой С. Письма Иоганнеса Брамса / С. Роговой. — М.: Композитор, 2003. — 635 с.
3. Лотман Ю. К функции устной речи в культурном быту пушкинской эпохи / Ю. Лотман // Семiotика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика II. Ученые записки Тартуского гос. университета. В.481. — Тарту, 1979. — С. 107-120.
4. Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства / П. Г. Богатырев. — М.: Искусство, 1971. — 544 с.
5. Пушкин А. Египетские ночи. Сочинения в 3-х томах / А. Пушкин. — М., 1987. — Т.3: Проза. — С.217-229.
6. Руин Б. О психологии импровизации / Б. Руин // Психология процессов художественного творчества: сб.ст. — Л.: Наука, 1980. — С.45-57.
7. Малер Г. Письма. Воспоминания / Сост., вст. статья и прим. И. Барсовой / Перевод с нем. С. Ошерова. — Изд-е 2-е. — М.: Музыка, 1964. — 635 с.
8. Конен В. Д. Блюзы и XX век / В. Конен. — М.: Музыка, 1980. — 81 с.

ШЕЛУДЯКОВА Оксана Евгеньевна, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры теории музыки.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.08.06 г.
© Шелудякова О.Е.

ОСОБЕННОСТИ МУЗЫКАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА «STABAT MATER»

На основании проведенных исследований впервые составлен словарь музыкально-риторических фигур, наиболее характерных для поэмы «Stabat Mater». Словарь будет полезен как профессиональным музыкантам, так и широкому кругу любителей музыки.

Изучение семантики музыкального языка — одна из неисчерпаемых проблем музыковедения, особенно если речь идет о литургических сочинениях, созданных на канонические тексты. Библейский сюжет поэмы — Мария, оплакивающая распятого Иисуса, — становится со временем обобщенным символом **Матери, потерявшей сына**. Этот образ понятен человеку независимо от его конфессиональной или национальной принадлежности. Свое поэтическое воплощение он нашел в поэме францисканского монаха Якопоне да Тоди «Stabat Mater dolorosa» — **Стояла Мать скорбящая**. Созданная семь веков назад — в 1306 году — она не только не утратила своей актуальности, но, напротив, явилась для многих композиторов откровением, возможностью через уникальный поэтический текст выразить личные чувства и переживания. Символично, что именно в наш беспокойный век появляется все больше сочинений на текст «Stabat Mater»: в период с 1900 по 1999 год создано более ста пятидесяти опусов, около тридцати сочинений на текст Stabat Mater появилось только за пять лет XXI века. Для сравнения: в XVII и XIX вв. суммарно создано всего чуть более ста произведений.

Для духовной хоровой музыки, безусловно, весьма существенным является учение о музыкально-риторических фигурах, развивающееся в немецких музыкально-теоретических трактатах XVI–XVII веков. Проблемой риторики в музыкальном искусстве Барокко занимались О. Захарова [1], М. Лобанова [2, 3]. В их трудах подчеркивается, что ораторское и проповедническое искусство были для музыкантов того времени образцом творчества, именно в направленности эмоционального воздействия сказывались общность риторики и музыки. Фигура как особенно яркий, выделяющийся из прочих языковых средств прием, давала возможность воспринять образительные или эмоциональные ассоциации, выстроить целое как риторическую диспозицию. Фигурами могли стать особый вид звуковысотной линии, ритмическая группа, аккорд, поведение диссонансов и т.д.

Существующая на сегодняшний момент музыковедческая литература, посвященная данным проблемам, несмотря на настоящий всплеск интереса к духовному искусству, наблюдающийся в последнее время, весьма немногочисленна и оставляет пространство для специального изучения данных произведений. Изучив музыкальный язык многих десятков сочинений на текст поэмы, автор попытался создать глоссарий наиболее употребительных интонационных формул, вошедших в лексикон «Stabat Mater». Доказательством безусловной связи культовой музыки с учением о риторике выступают как партитуры эпохи Барокко и Классицизма, так

и многочисленные образцы, созданные современными авторами.

Из более ста музыкально-риторических фигур, описанных в трактатах XVII века, не все вошли в сочинения на текст поэмы. Условием жизнестойкости тех или иных фигур стала способность «наиболее удачно передавать «вечные» чувства человека и быть направленными на восприятие человека всех времен» [4]. Речь далее пойдет именно о наиболее универсальных и типичных образцах музыкальной риторики, составивших **музыкальный лексикон «Stabat Mater»**.

Наличие ярких образов в поэтическом тексте поэмы предлагает на выбор композитору широкий диапазон интонационных формул. Отдельные ключевые слова и выражения влекут за собой целый комплекс музыкально-риторических фигур. Например, слово *dolorosa* — скорбящая — обладает своим кругом устойчивых интонационных знаков, зачастую оно выражается синтезом трех семантических фигур: *amplificatio*, *catabasis*, *passus durisculus*, либо их различным сочетанием.

Наряду с традиционными формулами, органично вошедшими в лексикон «Stabat Mater», поэтический текст вызвал к жизни специфическую музыкальную интонацию, напрямую связанную со словом *stabal* — *стояла*. Интонационно она выражается репетицией первых звуков мелодии в сочетании с синлабическим складом. Не обнаружив адекватного символа в существующих описаниях, автор позволил себе обозначить данный оборот латинским словом **statio** — **стояние**. Подтверждением правомерности обозначения данной интонационной формулы в устойчивую семантическую фигуру высугает частота использования данного оборота в качестве начальных тем в партитурах «Stabat Mater» от XVI до XXI веков, наглядно представленная следующими примерами: Грегор Айхингер (1597) (рис. 1), Антонин Дворжак (1877) (рис. 2), Франсис Пуленк (1950) (рис. 3), Годфрид Девреесе (1965), (рис. 4), Виейра Амарал (1989) (рис. 5), Аарон Гарбер (2000) (рис. 6).

Еще одной характерной для музыкального языка «Stabat Mater» стала фигура *supspiratio*, тесно связанная с фразой *emisit spiritum* — *испустил дух*. Введение пауз, разбивающих слова, вызывает у слушателей почти зримый образ Иисуса, испускающего последний вздох. Яркие примеры такого интонирования мы впервые находим у Джованни Перголези (1736) (рис. 7), затем этот прием стали использовать Йозеф Гайдн (1767) (рис. 8), Джузеппе Верди (1898) (рис. 9), Имант Раминьш (1979) (рис. 10) и многие другие композиторы. Кроме того, в представленном примере Й. Гайдна фигура вдоха усилена интонацией *lamento* — малой секундой, добавляющей стопуцию интонации в последний вздох

S I

Sta - bat Ma - ter

Рис. 1. Г. Айхингер. «Stabat Mater»

T

Sta-bat Ma-ter

Рис. 2. А. Дворжак. «Stabat Mater», № 1

B

Sta - bat Ma-ter

Рис. 3. Ф. Пуленк. «Stabat Mater», № 1

S

Sta-bat Ma - ter,

Рис. 4. Г. Девреесе. «Stabat Mater»

S
A

Sta - bat

T
B

Рис. 5. А. Виейра. «Stabat Mater», № 1

B

Sta-bat Ma-ter,

Рис. 6. А. Гарбер. «Stabat Mater»

S

dum e - mi - sit spi - ri-tum

Рис. 7. Дж. Перголези. «Stabat Mater», № 6

T

dum e - mi - sit dum e - mi - sit

Рис. 8. Й. Гайдн. «Stabat Mater», № 6

S

dum e - mi - sit spi - ri - tum.

Рис. 9. Дж. Верди. «Stabat Mater»

S

Dum e - mi - sit spi - ri - tum.

Рис. 10. И. Раминьш. «Stabat Mater»

Largo

mo - ri - e - tur

Рис. 11. Дж. Перголези. «Stabat Mater», № 12

Рис. 12. Дж. Россини. «Stabat Mater», № 1

Рис. 13. Н. Пуччини. «Stabat Mater»

Рис. 14. А. Вивальди. «Stabat Mater», № 1

Рис. 15. Ф. Тума. «Stabat Mater», № 1

Рис. 16. Дж. Россини. «Stabat Mater», № 5

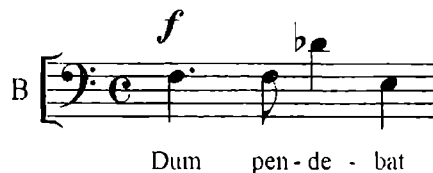

Рис. 17. Ф. Пуленк. «Stabat Mater», № 1

Христа. В примерах Дж. Перголези и Дж. Верди интонация вдоха (*suspiratio*) сопровождается нисходящим хроматическим движением, фигурой *passus duriusculus*, которая сама по себе заслуживает более пристального рассмотрения. Генезис интонации скорби связан с «безусловными» доречевыми истоками» [5]. Она находит применение в музыке любых жанров и стилей, но наиболее тесно связана с вербальными выражениями смерти, печали, страдания, страха. Поскольку текст поэмы «Stabat Mater» изобилует трагическими образами, широкое применение фигуры *passus duriusculus* в музыкальном языке поэмы вполне объяснимо. В подтверждение сказанного можно привести следующие примеры:

- Джованни Перголези (1736), *moriatur* – умер (рис. 11);
- Джоаккино Россини (1837), *dum penebat Filius* – пока страдал Сын (рис. 12);
- Норберт Росо (1957), *plangere* – рыдать (рис. 13).

В контексте поэмы хроматический ход связан со следующими словами и словосочетаниями: *dolorosa* (скорбящая), *penebat* (страдал), *fleret* (зарыдал), *moriatur* (умрет), *emisit spiritum* (испускал дух), *plagas* (раны), *plangere* (рыдать).

Закономерно, что самой универсальной в лексиконе «Stabat Mater» стала интонация восходящей

малой сексты (*exclamatio*), корни которой уходят в глубину веков. Этот мотив можно обнаружить в музыке академической, народной, популярной. Естественно, поэма «Stabat Mater» дает неиссякаемые возможности для претворения интонации малой сексты. Невозможно в рамках статьи процитировать все наиболее выразительные варианты воплощения данной интонации, поэтому поставим задачу иначе: проследим связь малой сексты с поэтическим текстом в соотношении фигура-слово. Конечно, есть определенная вариативность в использовании семантических оборотов. Все названные слова являются лишь наиболее часто употребляемыми, но отнюдь не жестко связанными с фигурой *exclamatio*: *lacrimosa* (слезный), *o quam* (о как), *moriatur* (умрет), *mortem* (смерти), *dolentem* (страждущую), *benedicta* (благословенна), *plagas* (раны), *amorem* (любимый), *desolatum* (покинутым), *penebat* (страдал), *sancta* (святая).

Проиллюстрировать эту фигуру можно следующими примерами: А. Вивальди (1727) (рис. 14); Ф. Тума (1750), (рис. 15); Дж. Россини (1837) (рис. 16); Ф. Пуленк (1950) (рис. 17).

Суммируя сказанное, представляем список наиболее употребительных интонационных формул «Stabat Mater»:

- *anabasis* (восхождение) – восходящее движение мелодии;

- *amplificatio* (распространение) – выразительные распевы-украшения;
- *aposiopesis* (умолчание) – пауза во всех голосах; генеральная пауза;
- *catabasis* (нисхождение) – нисходящее движение мелодии;
- *circulatio* (круг) – кругообразное движение мелодии;
- *exlamatio* (восклицание) – восходящий скачок, часто на малую сексту;
- *gradatio* (усиление) – постепенно восходящее секвенционное движение;
- *interrogatio* (вопрос) – восходящий ход мелодии, чаще на секунду, в конце построения;
- *suspīratio* (вдох) или *tnesis* (рассечение) – введение одной или более пауз, прерывающих мелодию, нередко разбивающих в вокальной музыке слоги слов;
- *palilogia* (повтор) – повторение мелодического оборота в том же голосе и на той же высоте;
- *passus duriusculus* (жестковатый ход) – восходящее или нисходящее движение мелодии по полутонам);
- *saltus duriusculus* (жестковатый скачок) – скачок на уменьшенный интервал, чаще тритон, септиму;
- *tirata* (протяжение; выстрел) – гаммообразное диатоническое восходящее или нисходящее движение мелодии, как правило, в быстром темпе;
- *hyperbole* (преувеличение) – выход за верхнюю границу нотного стана;
- *hypobole* (преуменьшение) – выход за нижнюю границу нотного стана;

- *statio* (стояние) – повторение первого звука мелодии.

Несомненную ценность данная работа представляет для исполнителей вокальной и хоровой музыки. Умение правильно использовать музыкально-риторические фигуры даст им возможность приблизить исполнение к аутентичной манере.

Библиографический список

1. Захарова О. И. Риторика и западноевропейская музыка XVII - первой половины XVIII века: принципы, приемы / О. И. Захарова. – М.: Музыка, 1983. – 77 с. – (Вопросы истории, теории, методики).
2. Лобанова М. Н. Западноевропейское музыкальное барокко: проблемы эстетики и поэтики / М. Н. Лобанова. – М.: Музыка, 1994. – 320 с.: нот. — ISBN 5-7140-0393-4.
3. Лобанова М. Н. Принцип репрезентации в поэтике барокко / М. Н. Лобанова // Контекст. – М.: Наука, 1989. – С. 208-246.
4. Алексеева Л. Об оценке песенной мелодии // Критика и музыковедение: сборник статей и материалов: вып. 2. – Л.: Музыка, 1980. – С. 72.
5. Васина-Гроссман В. А. Музыка и поэтическое слово: Интонация. Композиция / В. А. Васина-Гроссман. – М.: Музыка, 1972. – С. 31.

КУШПИЛЕВА Марина Юрьевна, старший преподаватель кафедры хорового дирижирования.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.08.06 г.
© Кушпилева М.Ю.

Книжная полка

Культурология: Курс лекций. Учебное пособие / Радугин А.А., ред. - М.: Библионика, 2005. - 303 с.

Пособие написано в соответствии с «Государственными требованиями (Федеральный компонент) к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки выпускников высшей школы по циклу «Общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины». В нем рассматривается сущность и предназначение культуры: основные школы, концепции и направления в культурологии, история мировой и отечественной культуры, сохранение мирового и национального культурного наследия.

Предназначено в качестве учебного пособия для студентов вузов, техникумов, учащихся колледжей, гимназий, старших классов школ.

Никитич Л.А. Культурология: Теория, философия, история культуры: Учебник для вузов. - М.: ЮНИТИ, 2005. - 560 с.

В учебнике дано систематическое и развернутое изложение культурологии, объединяющее теорию, философию и историю культуры. Понятийный аппарат и дополнительная информация, даваемая во вставках-врезках, делают изложение материала доступным и интересным.

Для студентов вузов, а также читателей, интересующихся вопросами культурологии и историей искусства.

Суперека С.В. Культурология: Учебный минимум для экзамена и зачета. Учебное пособие. - М.: Юриспруденция, 2005. - 28 с.

Учебный минимум для сдачи экзамена и зачета.

ЭКОНОМИКА, ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 33.009.12

Е. Г. ГОРШКОВ

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

СВОБОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕХНОПАРКОВ

Статья посвящена вопросам формирования свободных экономических зон для формирования технологических парков на территории Сибири. Новизна предложений по созданию сибирских технопарков на основе СЭЗ обоснована мировой практикой, подтверждена теорией инновационного менеджмента. Методология формирования свободных экономических зон выступает как необходимое условие организации деятельности технопарков и может быть применена в реальном секторе экономики Омской области.

Наиболее эффективное объединение и развитие интеллектуального и технического потенциала территории - технопарков - отмечается при их учреждении в специальных экономических зонах (СЭЗ). В последнее время СЭЗ получили широкое распространение в мировой экономической практике, в том числе свободные производственные зоны; зоны экономического благоприятствования; свободные промышленные зоны; предпринимательские зоны; зоны совместного предпринимательства; зоны технико-экономического развития; зоны развития новой и высокой технологии; технико-внедренческие зоны; научно-промышленные парки.

Первоначально определим понятие свободной экономической зоны.

СЭЗ – это определенная законодательством часть суверенной территории страны. Находится под национальной юрисдикцией страны принимающей программы развития указанной местности и обусловлено особой направленностью на достижение определенной цели. Характеризуется финансовыми и экономическими льготами, определенными нормативными документами, которые предоставлены государственными органами власти и особой таможенной системой ввоза и вывоза товаров и услуг, осуществляемой на данной территории.

Активное включение все большего числа стран мира в международное географическое разделение труда, их вращение в мирохозяйственные связи,

реализация ими основных принципов открытости экономики, доминирование экспортной специализации привели к возникновению и широкому распространению такой новой формы организации производства, как свободная экономическая зона (СЭЗ). Главная цель создания СЭЗ заключается именно в более глубоком включении национальных хозяйств в международное географическое разделение труда. Другие цели – насыщение внутреннего рынка высококачественной продукцией, внедрение в отечественное производство новейших научно-технических разработок, увеличение занятости, решение проблем региональной политики путем создания "полюсов роста" и т. д.

Свободные экономические зоны в мировой практике являются важным механизмом как для иностранных инвесторов, где они получают льготные условия для ведения определенных видов бизнеса, где экспериментально отрабатываются новая концепция бизнеса и в контролируемом виде происходит открытие рынка. Рассмотрим вкратце роль таких зон в мировой экономике, льготные условия, предоставляемые иностранным инвесторам, их недостатки, покажем, как извлечь максимальную выгоду от условий, предоставляемых этими зонами. Также определим возможности для адаптации практики создания СЭЗ на территории РФ в целях формирования системы технопарков.

Свободная экономическая зона должна иметь под собой экономическую основу для обеспечения условий инновационной деятельности и дальнейшей реализации ее в технопарках. Выделим основные цели создания СЭЗ с точки зрения мировой практики [1]:

- 1) привлечение иностранного капитала, передовой техники и технологии, овладение опытом управления, подготовка национальных кадров;
- 2) увеличение экспортной валютной выручки; эффективное использование природных ресурсов;
- 3) стимулирование развития экономики страны в целом, передача передовой зарубежной технологии и опыта управления во внутренние районы страны;
- 4) обеспечение ускоренного развития тех регионов, где находятся специальные зоны.

Кроме того, необходимо учесть дополнительные экономические стимулы, такие как благоприятное географическое положение, недорогая, но квалифицированная рабочая сила и правильный инвестиционный климат. В этой связи для сибирских регионов можно установить дополнительные цели СЭЗ, связанные с геополитическим расположением территории:

- развитие выбранной специализации СЭЗ;
- открытое распространение научно-технической информации, полученной в результате деятельности СЭЗ;
- формирование и развитие правовой базы деятельности СЭЗ.

Таким образом, названные дополнительные цели являются определяющими факторами для создания региональных технопарков.

На формирование мирового опыта развития СЭЗ оказали благоприятное воздействие объективные факторы: квалифицированная рабочая сила; низкие издержки производства продукции; благоприятное географическое положение; юридические гарантии для иностранного капитала; экономические льготы; приток ресурсов со всей страны для развития специальных экономических зон.

Главными особенностями СЭЗ являются [5]:

- 1) самостоятельное экономическое развитие на основе принципов рыночного регулирования;
- 2) привлечение иностранных инвестиций;
- 3) главный современный отраслевой приоритет – промышленность;
- 4) экспортная ориентация производства, широкое привлечение импортного сырья.

Как можно заметить, уже в формулировках особенностей СЭЗ заложен инновационный характер, следовательно, свободные экономические зоны являются фундаментом создания технопарков как инновационных центров.

В современных российских экономических условиях можно выделить еще одну экономическую особенность СЭЗ – привлечение собственных капиталов. В связи со специализацией сибирского региона на нефтехимии и нефтепереработке из-за поступлений в страну денежных потоков от продажи нефтепродуктов, возможно перенаправление их в СЭЗ для развития инновационных проектов и разработки новых технологий в этой сфере. Указанные причины являются предпосылкой для создания технопарков нефтехимического комплекса.

Организационно-функциональная структура СЭЗ в мире достаточно многообразна. В современной практике существует до 26 разновидностей СЭЗ [2]:

- беспошлинные торговые зоны;
- таможенные свободные зоны;
- зоны свободной торговли;
- внешнеторговые зоны;
- беспошлинные экспортно-производственные зоны;
- свободные экспортные зоны;
- свободные экспортно-производственные зоны;
- экспортно-производственные зоны;
- свободные экономические зоны;
- свободные производственные зоны;
- зоны экономического благоприятствования;
- свободные промышленные зоны;
- предпринимательские зоны;
- зоны совместного предпринимательства;
- зоны технико-экономического развития;
- зоны развития новой и высокой технологии;
- технико-внедренческие зоны;
- научно-промышленные парки;
- промышленные экспортно-ориентированные зоны;
- оффшорные центры;
- международные оффшорные финансовые центры;
- свободные банковские зоны;
- эколого-экономические регионы;
- открытые районы;
- туристические центры.

Для Сибирского региона России характерно развитие наукоемких технологий таких экономических сферах, как нефтехимия, нефтепереработка, цветная металлургия, электроэнергетика, машиностроение и приборостроение для нужд военно-промышленного комплекса, в которых достигнут уровень лучших мировых технологий. В целях создания технопарков определим, что для Сибири более приемлемые варианты СЭЗ: свободные экспортно-производственные зоны; экспортно-производственные зоны; свободные экономические зоны; свободные производственные зоны; зоны экономического благоприятствования; свободные промышленные зоны; свободные производственные

зоны; зоны экономического благоприятствования; свободные промышленные зоны; предпринимательские зоны; зоны совместного предпринимательства; зоны технико-экономического развития; зоны развития новой и высокой технологии; технико-внедренческие зоны; научно-промышленные парки; промышленные экспортно-ориентированные зоны.

Свободные экономические зоны являются важным инструментом инвестирования бизнеса в мире. Различные виды СЭЗ выступают в качестве стимулов для иностранных инвесторов и для понимания приоритетов развития национальной экономики на местном уровне. Таким образом, СЭЗ проявляет приспособляемость к изменениям экономических условий, которая характерна для развития региональных технопарков. Инвестиционные зоны и в дальнейшем будут играть жизненно важную роль в развитии мировой экономики.

Принимая во внимание вышеизложенное, необходимо оценить современную национальную инвестиционную политику в контексте возможности организации деятельности технопарков России. Инвестиции зарубежных партнеров рассмотрены с точки зрения возможных дополнительных источников финансирования интеллектуально-производственных комплексов — технопарков. Проанализируем принципы размещения национальных капиталов на примере инвестиционного взаимодействия России и КНР.

В современных условиях в Китайской Народной Республике ставится цель расширения инвестиционного взаимодействия с Российской Федерацией. Правительством КНР предлагается инвестировать в российскую экономику к 2020 году 12 млрд долл. В 2005 году была разработана и начата реализация 82 новых инвестиционных проектов, в то время как в 2004 году было 52 аналогичных проекта. Общий объем реализуемых с участием китайского капитала инвестиционных проектов достигло 657, и в сумме составило около 320 млн долл. Общая сумма накопленных контрактных инвестиций определяется примерно в 1 млрд долл.

В настоящее время значительная часть имеющихся китайских инвестиций сосредоточена на Дальнем Востоке. Однако имеются предпосылки расширения взаимодействия КНР и России из-за повышения интереса Китая к потенциалу Сибирского региона, в том числе и по причине развития на территории Сибири интеллектуально-промышленных комплексов.

У китайских инвесторов имеются опасения в отношении инвестиционного климата России, достаточности гарантий по защите своих капиталовложений. Китайская сторона неоднократно ставила вопрос о необходимости подписания между Россией и Китаем соглашения по взаимной защите инвестиций, а также разработки программы льгот для инвестиционных проектов. Таким образом, экономические основы создания СЭЗ и дальнейшее

формирование на их основе технопарков Сибири подтверждено реальным взаимодействием потенциалов РФ и КНР.

Серьезным препятствием увеличения объема привлекаемых инвестиций из КНР также является недостаток информации о возможных проектах сотрудничества в различных российских регионах [4]. В этой связи акцентируется внимание на необходимости открытости распространения научно-технической информации, полученной в результате деятельности СЭЗ и технопарков в этих зонах.

Увеличился приток российского капитала в китайскую экономику. Объемы российских капиталовложений по своим размерам сопоставимы с китайскими инвестициями в Российскую экономику. В течение 2005 года в Китае было утверждено 162 проекта с объемом контрактных российских инвестиций на сумму 258 млн долл., из которых около 32 млн долл. были реализованы. Общий же объем накопленных российских инвестиций определяется в размере 540 млн долл.

Стороны считают, что инвестиционное сотрудничество является неперенным результатом развития двусторонних экономических отношений, создание СЭЗ на определенном этапе может способствовать реализации крупных инновационных проектов, ускорить развертывание экономического сотрудничества [3].

Таким образом, новизна предложений по созданию сибирских технопарков на основе СЭЗ обоснована мировой практикой, закреплена нормативными документами, подтверждена теорией инновационного менеджмента. Методология формирования свободных экономических зон выступает как необходимое условие организации деятельности технопарков и может быть применена в реальном секторе экономики Омской области.

Библиографический список

1. Баранов М. Специальные экономические зоны / М. Баранов // <http://www.investments.com.ua/stat/click.php/>.
2. Данько Т.П., Округ З.М. Свободные экономические зоны: Учебное пособие / Т.П. Данько, З.М. Округ. - М.: ИНФРА-М, 1998.
3. Ли Цзяньминь. Китай как инвестор российской экономики / Цзяньминь Ли // ЭКО. - 2005. - №9. - С.105-111.
4. Лю Цзайци. Внешняя политика КНР и перспективы российско-китайских отношений / Цзайци Лю // Мировая экономика и международные отношения. - 2004. - №9. - С. 84-90
5. Урбанов М. Обзор инвестиционных зон Китая / М. Урбанов // <http://www.chinadata.ru>.

ГОРШКОВ Евгений Геннадьевич, старший преподаватель кафедры "Экономика, налоги и налогообложение".

Дата поступления статьи в редакцию: 06.06.06 г.
© Горшков Е.Г.

Книжная полка

Голиченко О.Г. Национальная инновационная система России: состояние и пути развития. - М.: Наука, 2006. (Серия "Экономическая наука современной России").

ФОРМИРОВАНИЕ ПОТРЕБНОСТИ В КАДРАХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ И СПЕЦИАЛИСТОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье рассмотрены особенности формирования потребности в руководителях и специалистах сельскохозяйственных организаций, проведен анализ системы кадрового обеспечения Алтайского края. На основе исследования предложены методические подходы к определению потребности в кадрах: мониторинг кадрового обеспечения; индикативное кадровое планирование; метод, сочетающий процессный и факторный подходы.

В настоящее время вопросам кадрового обеспечения сельскохозяйственных организаций на всех уровнях государственной власти и местного самоуправления уделяется повышенное внимание. На федеральном и региональном уровнях разрабатываются законы, постановления, программы, предусматривающие содействие улучшению обеспеченности и качественного состава кадров сельскохозяйственных организаций и создание условий их достижения. Проблемы кадрового обеспечения являются одним из сдерживающих факторов стабилизации и развития сельскохозяйственного производства. На наш взгляд, это обусловлено отсутствием четкой взаимосвязи между потребностью в руководителях и специалистах и их подготовкой в системе аграрного образования региона, недостаточной работой по привлечению и закреплению кадров, кадровому планированию развития территории. Показатели кадрового обеспечения снижают и нерациональное использование кадрового потенциала.

Решая проблемы кадрового обеспечения, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на то, что кадры руководителей и специалистов играют приоритетную роль в повышении эффективности общественного сектора экономики, который в условиях сельских поселений представлен в большей мере сельскохозяйственным производством.

Особенности сельскохозяйственного труда проецируются на процесс определения потребности в кадрах сельскохозяйственных организаций. К особенностям определения текущей и перспективной потребности в кадрах сельскохозяйственных организаций, прежде всего, относятся: биологические особенности производства (сферой приложения труда является земля и живые организмы); сезонность производства продукции; территориальная распродоточенность объектов управления: низкая территориальная и профессиональная мобильность кадров; занятость в личном подсобном хозяйстве. На процесс определения потребности в кадрах влияет множество других факторов. Исходя из того, что процесс кадрового планирования происходит в условиях изменяющейся внешней и внутренней среды и, учитывая особенности сельскохоз-

ственного труда, нами предложена группировка факторов, влияющих на данный процесс (табл. 1).

Факторы, влияющие на определение потребности в кадрах представлены двумя группами: внутрисредовые и внешнесредовые. В свою очередь внешнесредовые факторы включают факторы прямого и косвенного воздействия, а внутрисредовые включают ресурсные, производственные и организационно-управленческие.

Анализ региональной системы кадрового обеспечения на примере Алтайского края, являющегося крупнейшим аграрным регионом страны и имеющего развитую систему аграрного образования, показал, что тенденции кадрового обеспечения в последние годы являются в большинстве своем отрицательными. В последние годы наблюдается уменьшение абсолютных и относительных показателей кадрового обеспечения. За последние 5 лет численность руководителей и специалистов сократилась на треть. Ежегодно из сферы сельскохозяйственного производства выбывает около 1500 руководителей и специалистов. Сокращение численности руководителей и специалистов обусловлено сокращением размеров производства и числа предприятий в целом. Но темпы сокращения должностей руководителей и специалистов превышают темпы сокращения других ресурсов производства (сельскохозяйственных угодий, поголовья скота, численности работников предприятий). За период с 2000 по 2005 годы численность специалистов в расчете на единицу площади сократилась на 18%, в расчете на 100 работников численность специалистов сократилась на 5%, что связано с более высокими темпами сокращения численности работников по сравнению с сокращением численности специалистов.

На наш взгляд, показатель обеспеченности кадрами (как отношение фактически работающих к штатной численности) не в полной мере отражает представление об укомплектованности предприятий кадрами, а лишь отражает, насколько заполнены штатные должности, количество которых сокращается ежегодно на 150-200 мест. Как следствие, увеличивается нагрузка на руководителей и специалистов. Если в 2000 г. на 10 000 га сельскохозяйственных угодий приходилось 27 специалистов, то в

Факторы, влияющие на определение потребности в кадрах руководителей и специалистов и их профессионально-квалификационную структуру

Таблица 1

Внешнесредовые факторы		
прямого воздействия		косвенного воздействия
Региональные особенности (политика, традиции) Поставщики (их наличие, объемы поставок, номенклатура поставок) Потребители (спрос, покупательная способность, месторасположение) Конкуренты (маркетинговая стратегия, кадровая политика) Рынок образовательных услуг Рынок рабочей силы Регулирующие органы и службы Биологические и природно-климатические (сезонность производства, период воспроизводства технологических процессов, и др)		Уровень социально-экономического развития района, региона, страны Законодательное регулирование деятельности сельскохозяйственных предприятий, в т.ч. кадрового обеспечения Политика Технический и технологический прогресс Международная обстановка Социо-культурные факторы
Внутрисредовые факторы		
ресурсные	организационно-управленческие	производственные
Обеспеченность трудовыми, финансовыми, материальными, земельными ресурсами	Цели и стратегия организации Функциональный характер Территориальная рассредоточенность объектов управления Формы организации труда Автоматизация и компьютеризация процесса управления Организация коммуникационных процессов Сложившиеся обеспеченность и профессиональную квалификационную структуру кадров управления Кадровая стратегия Организационная культура	Обеспеченность кадрами основного производства, в вспомогательных и обслуживающих процессах Объемы производства Ассортимент продукции Технология Специализация общая и внутриотраслевая Уровень механизации и автоматизации процессов Уровень производительности труда Характер нововведений

Таблица 2

Учет факторов, влияющих на планирование потребности в кадрах в зависимости от уровня разработки планов

Факторы	Уровень планирования		
	Сельскохозяйственная организация	Муниципальный район	Субъект РФ - регион
Внутрисредовые			
Ресурсные	+	+	+
Организационно-управленческие	+	в общем виде	
Производственные	+		
Внешнесредовые			
Прямого воздействия	для разработки кадровой политики	+	для разработки мероприятий, направлений
Косвенного воздействия		в общем виде	

+ - факторы, используемые для планирования количественной потребности

2005 г. — 20. В 2000 г. на 1 сельскохозяйственное предприятие приходилось в среднем 5 главных специалистов и 13 специалистов среднего звена, а в 2005 г. — соответственно, 4 и 10. Темпы сокращения численности специалистов превышают темпы сокращения размеров производства, увеличивая нагрузки на специалистов.

Качественным показателем, характеризующим кадровое обеспечение, является образовательный уровень руководителей и специалистов. В анализируемом периоде наметилась незначительная, но положительная тенденция повышения доли руководителей и специалистов с высшим образованием в их общей численности. Если в 2000 г. 27% от общей численности руководителей и специалистов было с высшим образованием, то в 2005 г. этот показатель составил 31%. В то же время среди руководителей предприятий 21% имеют среднее профессиональное образование, 4% — практики. Имеют высшее обра-

зование только половина заместителей руководителей, чуть более половины главных специалистов, и только каждый пятый специалист и руководитель среднего звена.

В Алтайском крае сложилась ситуация, когда при сохранившейся и развивающейся системе аграрного образования практически разрушена кадровая работа на всех уровнях управления сельскохозяйственным производством, что порождает противоречивое явление: при увеличении объемов подготовки и переподготовки специалистов в сельскохозяйственных предприятиях края наблюдается уменьшение численности кадров и ухудшение их качественного состава. На рис. 1 представлена информация о соотношении потребности, подготовки и трудоустройства специалистов высшей квалификации.

Основной заказ и спрос на кадры руководителей и специалистов в ближайшей перспективе будут

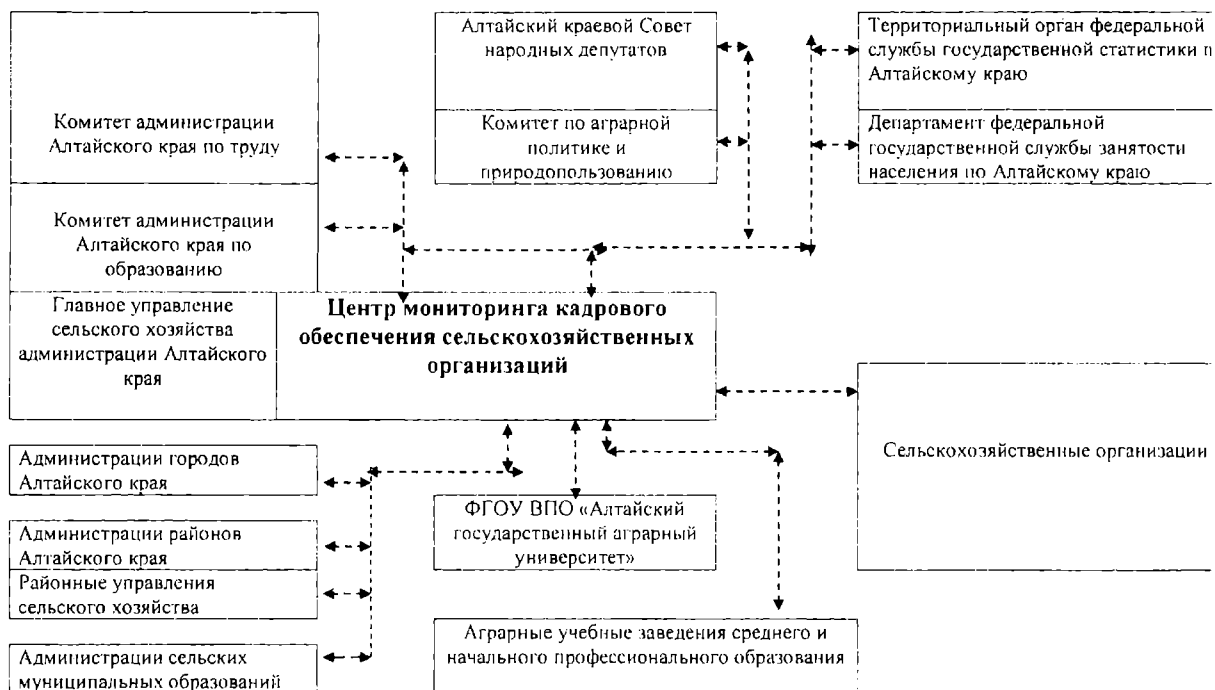
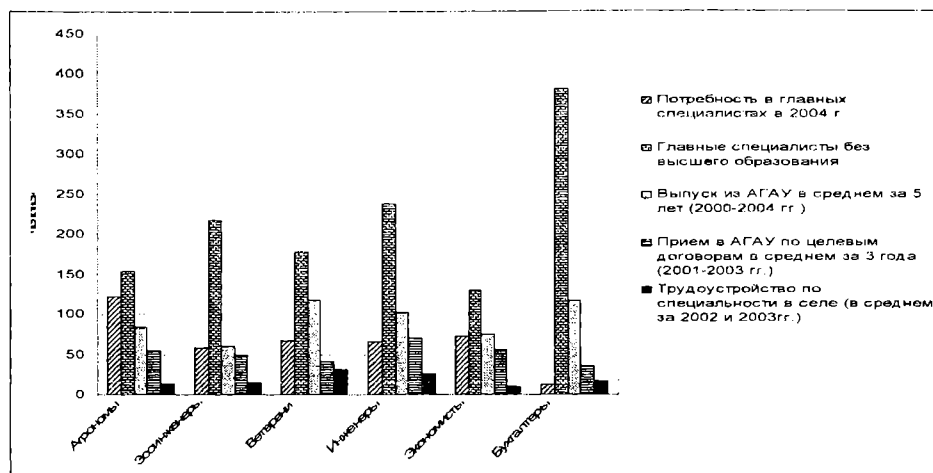

Рис. 2. Модель мониторинга кадрового обеспечения сельскохозяйственных предприятий Алтайского края

продолжать определять сельскохозяйственные организации. Анализ сложившегося положения в системе кадрового обеспечения сельскохозяйственных организаций Алтайского края говорит о недостаточной обоснованности применяемых подходов к определению реальной потребности в управленческих кадрах.

Все это подтверждает необходимость и важность разработки методических подходов к формированию потребности в кадрах руководителей и специалистов сельскохозяйственных организаций с учетом развития сельскохозяйственного производства и региональных особенностей.

На основании проведенного анализа и в качестве направлений совершенствования формирования потребности сельскохозяйственных организаций региона в кадрах руководителей и специалистов нами предлагается:

1) мониторинг кадрового обеспечения сельскохозяйственного производства региона. Разработка мероприятий по достижению должного уровня кадрового обеспечения сельскохозяйственных организаций региона возможна только при наличии

объективной информации о функционировании и развитии всех ее элементов. Это предполагает создание и функционирование регионального центра мониторинга кадрового обеспечения сельскохозяйственных организаций. Мониторинг кадрового обеспечения предполагает сбор и анализ информации о состоянии процесса формирования, распределения, перераспределения кадров на уровне предприятия, отрасли, региона. Изучение функций, осуществляемых различными организациями, службами и органами в области кадрового обеспечения, выявил дублирование или отсутствие некоторых функций, отсутствие единого координирующего центра. На основе общих представлений о мониторинге нами обоснованы алгоритм и модель мониторинга кадрового обеспечения сельскохозяйственного производства Алтайского края (рис.2). Создание центра мониторинга кадрового обеспечения сельскохозяйственных организаций Алтайского края предполагается на базе Главного управления сельского хозяйства Алтайского края и Алтайского государственного аграрного университета;

2) формирование кадровой потребности региона на основе применения принципов индикативного планирования. На основании прогнозных показателей развития сельскохозяйственного производства в Алтайском крае представляется возможным определение потребности в кадрах руководителей и специалистов. Индикаторы кадрового обеспечения предлагаем определять, используя метод бенчмаркинга. Полученные в результате бенчмаркинга результаты могут служить основой для разработки индикативных показателей кадрового планирования на уровне муниципального образования и региона. Разработанный индикативный план потребности региона в специалистах сельскохозяйственного профиля позволит аграрным учебным заведениям края планировать направления, объемы и структуру подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов. Составление планов потребности в специалистах может осуществляться на разных уровнях планирования: на уровне организации, на уровне муниципального образования. Рекомендуем при планировании потребности в кадрах использовать разные группы факторов (табл. 1) в зависимости от уровня планирования (табл. 2).

Так, например, при разработке программ, концепций, стратегий развития кадрового потенциала сельскохозяйственного производства рекомендуем ресурсный потенциал сельскохозяйственного производства использовать для определения количественных показателей потребности, а факторы внешней среды использовать для разработки концепции развития кадрового потенциала региона;

3) в качестве альтернативы предыдущим подходам мы предлагаем методику, сочетающую в себе элементы процессного и факторного подходов к определению потребности сельскохозяйственных организаций в кадрах руководителей и специалистов. Суть методического подхода заключается в следующем, этап 1-м этапе выделить в каждой организации бизнес-процессы (производство молока, производство пшеницы, производство шерсти, производство продукции переработки молока и т.д.).

Далее определить количественные параметры факторов, влияющих на численность руководителей и специалистов каждого бизнес-процесса (численность рабочих, территориальная рассредоточенность объектов управления, объемы производства и т.д.)

На следующем этапе нужно определить состав и количественные параметры вспомогательных и обслуживающих процессов (транспортное, ремонтное обслуживание, механизация и автоматизация процессов и т.д.).

Далее следует определить состав и объем работ по общеорганизационным процессам и управленческим функциям (планирование, управление персоналом, управление финансами и др.).

Заключительным этапом будет определение общего объема работ по функциям и процессам и принятие решения о способах обеспечения потребности в руководителях и специалистах сельскохозяйственной организации.

Планирование потребности в кадрах и ее обеспечения требует учета государственной политики в отношении развития агропромышленного комплекса. Реализация мер приоритетного национального проекта «Развитие АПК» потребует повышения обеспеченности сельскохозяйственного производства специалистами в области технологии производства и переработки продукции, зооинженерии, ветеринарии, маркетинга, менеджмента и др., повышения образовательного уровня руководителей и специалистов.

Предложенные методические подходы могут быть положены в основу разработки программ и планов развития кадрового потенциала как составной части программ социально-экономического развития региона.

НАЗАРКИНА Юлия Николаевна, старший преподаватель кафедры менеджмента и правоведения.

Дата поступления статьи в редакцию: 02.06.06 г.
© Назаркина Ю.Н.

Книжная полка

Елгин В. В., Зинаидова Т. И., Середа Т. Е. Управление затратами газодобывающего предприятия: проблемы и пути решения. - Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2006. -80 с.

Монография посвящена актуальной проблеме управления затратами газодобывающего предприятия, имеющего свою, отличную от других промышленных предприятий производственную специфику. Рассмотрено управление издержками как фактор повышения конкурентоспособности предприятия; проведен анализ требований к системам норм и нормативов управления затратами, мотивации, к комплексу средств автоматизации управления затратами. Дана характеристика системы управления затратами; рассмотрены процесс, этапы и техники управления затратами. На основе оценок резервов экономии издержек ООО «Надымгазпром» определены потенциально эффективные направления экономии затрат газодобывающего предприятия, указаны конкретные ее сегменты, даны оценки недополученной прибыли в связи с сокращением масштабов добычи газа. Рассмотрен опыт управления производством и издержками в газовой промышленности США. Отдельно проанализированы геополитические последствия, прежде всего для России (особенно ЯНАО), увеличения импортного спроса на газ со стороны США. Осуществлен сравнительный анализ некоторых затрат и результатов производственной деятельности ООО «Надымгазпром» и газодобывающих компаний, работающих в канадской провинции Британская Колумбия.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ВОПРОСОВ ИННОВАЦИОННОГО МЕНЕДЖМЕНТА В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Показано значение инновационного менеджмента в современных экономических условиях с точки зрения известных современных экономистов, а также проанализирован опыт промышленно развитых стран. А именно, показана возросшая роль инновационного менеджмента в условиях конкуренции. Последнее раскрыто через понятия «основная квалификация» и «основные способности» с указанием на роль инноваций различных типов при реализации основных корпоративных стратегий.

С точки зрения функциональной классификации менеджмента организации инновационный менеджмент представляет собой одну из разновидностей функционального менеджмента, непосредственным объектом которого выступают инновационные процессы предприятия. Инновационный процесс представляет собой подготовку, осуществление и распространение новаций и состоит из взаимосвязанных фаз, образующих единое, комплексное целое (рис. 1). Иначе — это процесс доведения новаций до инноваций. Новация (от лат. *povation* — изменение, обновление) — новшество (НВ), предлагаемое к внедрению: новое теоретическое знание, новый метод, принцип и т.д. Инновация — нововведение (НВД), т.е. конкретный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке,

нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности.

Основные вопросы инновационного менеджмента можно обозначить как:

- управление научными исследованиями и опытно-конструкторскими работами (НИОКР), включая целый спектр вопросов научно-технического прогнозирования;
- формирование технологической стратегии предприятия (определение, развитие и использование технологических компетенций, т.е. специфических навыков и умений, которыми обладают компании);
- разработка стратегии продукта (определение направлений развития существующего ассортимента и внедрение новых конкурентоспособных продуктов);

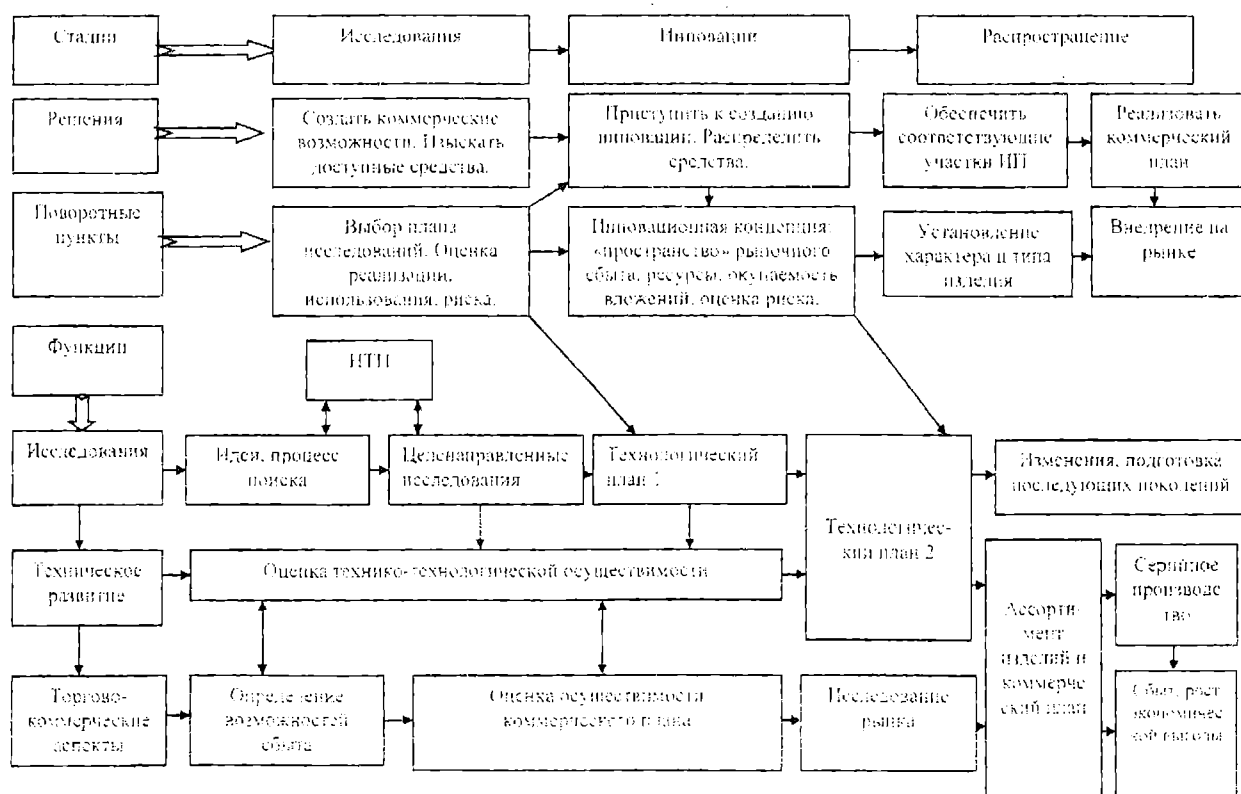

Рис. 1. Модель взаимодействия элементов инновационного процесса

– организация инновационных процессов на предприятии, в том числе структурное оформление инновационной сферы в виде создания специализированных подразделений, например, локализация инновационных проектов в рамках венчурного предприятия;

– источники финансирования инноваций на предприятиях;

– маркетинг наукоемкой продукции;

– специфические проблемы управления творческими коллективами работников;

– управление инновационными проектами;

– особенности внешних и внутренних коммуникаций между субъектами инновационной деятельности.

В современных условиях существует зависимость между конкурентоспособностью компаний и интенсивностью их инновационной деятельности. Развитие инновационной сферы приобретает особую важность, т.к. именно в этой сфере происходит превращение научно-технического продукта, базирующегося на результатах фундаментальных и прикладных исследований, в рыночный товар с новыми потребительскими свойствами. Возрастание роли инновационного менеджмента в конкурентных условиях подчеркивается многими экономистами.

П. Друкер: «Бизнес имеет только две основные функции маркетинг и инновации. Маркетинг и инновации производят результат – все остальное затраты. Но инновации в области маркетинга также важны. Поэтому можно считать, что бизнес имеет только одну базовую функцию – инновации. В конечном счете, цель бизнеса – инновации, которые будучи правильно нацеленными, создают благосостояние в широком смысле этого слова».

Х. Малгрэм: «Управление компанией должно осуществляться таким образом, чтобы быстрая адаптация к новым условиям стала образом жизни на всех уровнях экономической деятельности».

Д. Эбшайр: «Недостаточные производственные инвестиции и вложение в НИОКР, слабая кооперация между менеджментом и персоналом, чрезмерное государственное регулирование и ориентация руководителей на выработку краткосрочной стратегии имели своим результатом ослабление конкурентных позиций США».

Те страны, которые оказались более восприимчивы к инновациям, обеспечили гигантский рост производительности труда и уровня жизни населения /1/. За 110 лет (1870 – 1979 гг.) средний доход на душу населения в 16-ти ведущих странах мира (Европа и Северная Америка) вырос на 730 %, производительность труда – на 230% и объем экспорта – на 96 500 %. Довольно успешно эти страны развиваются и после 1979 г., пройдя индустриальную стадию экономики и войдя таким образом в постиндустриальную (информационную) стадию. Среди этих стран есть лидеры – «G-7»: США, Канада, Япония, Великобритания, Германия, Италия, Франция. Эти семь стран к 1993 г. обладали 80,4% мировой компьютерной техники, обеспечивали 90,5% объемов высокотехнологичного производства и концентрировали 87% из 3,9 млн патентов, зарегистрированных в мире.

На протяжении последних десятилетий инновационный характер экономики западных стран обеспечил высокую эффективность многих отраслей, включая такую консервативную как сельское хозяйство. В Нидерландах, например, урожайность

зерновых достигает 88 центнеров с гектара (в России – около 14 центнеров с гектара).

Смена характера экономики – довольно длительный процесс. Точку перехода можно обозначить, сравнивая затраты на осуществление инвестиций двух типов:

– затраты на приобретение традиционных для индустриальной эпохи средств производства: машины, оборудование, приборы и т.п. для промышленности, сельского хозяйства, строительства, сферы услуг;

– затраты на покупку оборудования и постиндустриальной эпохи, связанного с информационными технологиями.

Д. Нейсбит считает, что ключевой признак окончания индустриальной эпохи в Америке имелся в 1956 г., когда впервые в истории количество «белых воротничков» на технических должностях, на постах менеджеров и клерков превысило количество «синих воротничков» – рабочих.

К 2000 г. рыночная капитализация компании Microsoft достигала невероятных размеров – 500 млрд долл. Для сравнения: в середине 1999 г. рыночная капитализация металлургической отрасли, включая металлургические комбинаты, золотодобывающие шахты, предприятия по добыче медной руды и другие компании по добыче полезных ископаемых, составила всего 320 млрд долл., или 60% рыночной капитализации Microsoft. В середине 2002 г. капитализация компании Microsoft составила 269,9 млрд долл. (последствия давления государства на эту компанию по антимонопольным соображениям, а также общесистемного кризиса американской экономики начала 2000-х гг.) – это был относительно успешный успех, но компания Microsoft опять стала компанией №1 в мире.

Экономика становится все более интеллектуальной и менее материальной. Компании индустриального типа утрачивают свои экономические позиции. В начале 70-х гг. около 20% ВВП США обеспечивали 500 компаний. В конце 90-х гг. они производили всего несколько %, а их экспорт составлял 7%. В то же время 50% экспорта обеспечивали компании с численностью персонала 19 человек и менее. К этому времени 15 из 20 самых богатых людей США принадлежали к новым компаниям, неизвестным еще 30 лет назад.

Новая экономика оказала влияние и на структуру фондового рынка. К концу 90-х гг. на сектор информационных технологий приходится около 20 % акционерного капитала США, 18 % – Великобритании, 14 % – Швеции, 11 % – Германии, 8 % – Японии. Экспорт высоких технологий составил: в США – 44 %, Великобритании – 41 %, Швеции – 34 %, Германии – 26 %, Японии – 38 %. Инновационную модель экономики, основанную на знаниях, можно представить следующим образом (рис. 2) /2/.

Обладание новыми знаниями зачастую становится конкурентным преимуществом владельцев (изобретателей, инновационных фирм, научных институтов и других экономических агентов). Основная квалификация и основные способности фирмы являются потенциальными ресурсами, которые, если они должным образом развиты, могут поддерживать конкурентное преимущество фирмы.

Основная квалификация определяется сочетанием уникальных технологий, которое позволяет получить товары высокой привлекательности, представляющие трудность для воспроизведения

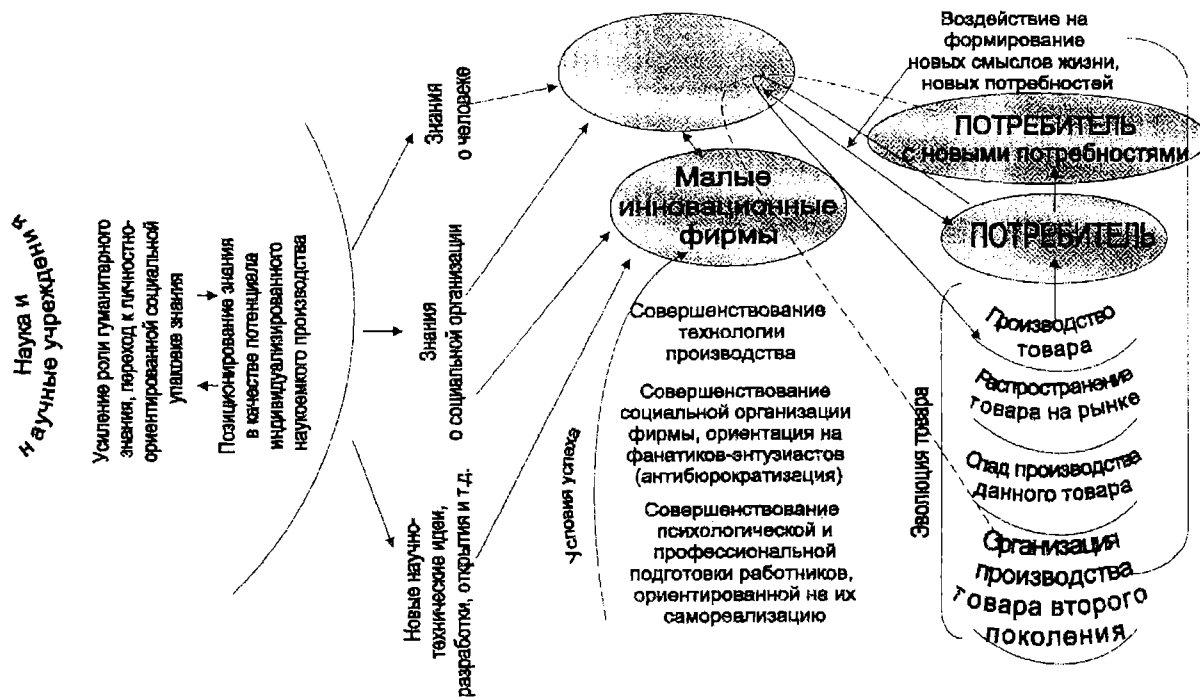

Рис. 2. Вариант модели экономики инновационного типа

конкурентами. Фирма Canon, например, обладает высокой квалификацией в точной механике, тонкой оптике и микроэлектронике. Каждый новый товар, который разрабатывает эта фирма, создается с использованием одной из этих особенностей.

Основные способности представляют собой сочетание организационных действий и технологии, благодаря которому фирма создает себе конкретное преимущество за счет снижения стоимости товара или повышения его дифференциации. Основные способности фокусируются на развитии ряда действий, которые являются ключевыми. Цепочки ценностей могут помочь установить, какие именно виды деятельности включаются в эти организационные процессы. Цепочки ценностей – это полезное средство для идентификации видов деятельности, которые компания выполняет, чтобы достичь конкурентного преимущества. Это цепочка из главных видов деятельности, которые фирма, как правило, должна осуществлять, чтобы создать в конце концов нечто, представляющее ценность для покупателей. Маржа образуется из разницы между полной ценой созданного для покупателей товара и полной стоимостью тех видов деятельности фирмы, благодаря которым эта цена получена. Фирмы-конкуренты сильно различаются между собой по способности эффективно выполнять перечисленные виды деятельности. Одной из главных причин возникновения различий является несовпадение ресурсов фирм. Чем больше видов деятельности реально используются в цепочке ценностей фирмы, чтобы снизить стоимость или обеспечить дифференциацию товаров, либо чем больше необычных или уникальных сочетаний видов деятельности используется, тем труднее все это скопировать. Требуется время для того, чтобы другая компания ввела и развила у себя виды деятельности, аналогичные имеющимся у конкурента, и может оказаться очень непросто скоординировать их эффективно.

Сталкиваясь с конкуренцией, фирмы отрасли получают мощный побудительный стимул вводить инновации, потому что инновации могут моди-

фицировать конкурентную динамику отрасли в их пользу весьма и весьма существенно. Любая инновация в пределах фирмы, которая понижает себестоимость товара или увеличивает возможности его дифференциации содействует усилению конкурентных преимуществ фирмы. Причем фирма с большей вероятностью получит конкурентное преимущество, если она сумеет организовать разработку инновационного проекта самостоятельно, т.е. в пределах фирмы, а не приобретет готовые решения извне.

Фирма может использовать инновацию, чтобы получить конкурентное преимущество в трех основных направлениях. Во-первых, инновация может влиять на структурную привлекательность отрасли промышленности или ее сегментов, в которых конкурирует фирма, путем благоприятного изменения одного или более детерминантов структуры промышленности. Например, новая технология может упростить производство или обслуживание продукции компании, таким образом, изменяя относительную ценовую силу покупателей или поставщиков компании или увеличивая привлекательность продукции компании в сравнении с продуктами-заменителями. Во-вторых, инновация может влиять на цену изделия или дифференциацию путем изменения видов деятельности в цепочке ценностей компании. В-третьих, фирмы могут использовать похожие или связанные друг с другом инновации для диверсификации в новые сегменты промышленности или использовать общие основные знания и практические навыки для расширения технологической базы компании.

Последовательное использование инноваций в любом из перечисленных направлений укрепляет их как ресурсы. Это к вопросу о том, что на предприятиях должна быть четко сформулированная инновационная стратегия как часть корпоративной стратегии. Инновационную стратегию можно определить как /3/ целенаправленный процесс разработки и реализации управленческих решений, направленных на создание и развитие продуктовых и технологических инноваций. Покажем роль

Тип инновации	Вид стратегии			
	Лидерство в издержках	Дифференциация	Фокусирование на издержках	Фокусирование на дифференциации
Продуктовые	Развитие продукта, направленное на снижение его стоимости, например, путем ресурсосбережения	Развитие продукта, направленное на повышение его качества, добавление функций и т.д.	Развитие продукта, направленное на снижение издержек при обслуживании конкретного сегмента	Разработка продукта, нацеленная на улучшение специализации при обслуживании конкретного сегмента
Процессные	Улучшение процесса с целью уменьшения расхода материала и трудовых затрат, а также увеличения преимуществ крупных экономических объектов	Развитие процесса, направленное на улучшение параметров, которые повышают ценность продукта для покупателя	Развитие процесса, направленное на снижение стоимости обслуживания сегмента	Развитие процесса, направленное на повышение ценности продукта для покупателей сегмента

последних при реализации основных корпоративных стратегий (табл. 1).

В современных условиях несбалансированного развития рыночной инфраструктуры основные участники инновационного процесса – научные организации и производственные компании – вынуждены брать на себя выполнение функций инфраструктуры, что не всегда экономически оправданно.

Библиографический список

1. Яковлева Е.В. Интеллектуальная собственность: история, право, экономика, управление: Монография. - Омск: Изд-во ОмГТУ, 2006. - 200 с.

2. Наука - инновационное предпринимательство в современном обществе: социокультурный подход / А.А. Гордиенко. - Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. - 225 с.

3. Маркова В.Д., Кузнецова С.А. Маркетинг инноваций. Научно-практическое издание. - Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. - 109 с.

ЯКОВАЛВА Елена Владимировна, кандидат технических наук, доцент кафедры «Менеджмент».

Дата поступления статьи в редакцию: 17.05.06 г.
© Яковлева Е.В.

Книжная полка

Цепов Г.В. Акционерные общества: теория и практика. Учебное пособие. - М.: Проспект, 2006. - 200 с.

Пособие посвящено вопросам и проблемам организации и деятельности акционерных обществ в России. Приведен авторский анализ законодательства РФ об акционерных обществах, а также особенности его применения, что позволило выработать практические советы, незаменимые при разрешении наиболее сложных и распространенных правовых проблем в сфере деятельности акционерных обществ.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов, а также практикующих юристов, юрисконсультов организаций, работников органов исполнительной власти и всех, кто заинтересован в эффективной деятельности акционерных обществ.

Попов В.М., Ляпунов С.И., Криночкин И.Ю. и др. Бизнес-план инвестиционного проекта предпринимателя: Учебное пособие. - М.: КноРус, 2005. - 480 с.

Рассматриваются условия осуществления бизнеса, социально-психологические факторы предпринимательства, вопросы разработки и реализации инвестиционного бизнес-плана предпринимателя. Описаны конкурентные программные продукты, используемые в бизнесе. Особое внимание уделяется разработке и реализации бизнес-планов. Анализируется феномен сопротивления инновациям. Рассматривается роль конфликтов и компромиссов в деловом планировании.

Для студентов, аспирантов и преподавателей вузов, слушателей системы послевузовского образования, предпринимателей.

СЕРВИС НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В статье ставится проблема изучения железнодорожного сервиса как важного фактора влияния железнодорожного транспорта на модернизационные процессы в России, и в Сибири в частности, на рубеже XIX — XX веков. Особое внимание обращается на основные положения теории модернизации, раскрывается понятие «сервисное обслуживание на железнодорожном транспорте», рассматриваются пути и формы влияния железнодорожного сервиса на потребителей, отмечаются причины, снижающие качество и эффективность железнодорожного сервиса.

«Человечество встретило XX век целым рядом выдающихся культурных завоеваний. Среди этих подвигов человеческого ума и труда одно из выдающихся мест занимает проведение Великого Сибирского пути вдоль самого большого материка земного шара. Совершить этот великий культурный подвиг выпало на долю России» — так, в 1904 году известный публицист П. Вольногорский начинал очередной выпуск серии «По белу снегу» [1, с.5]. Сегодня, в свете современных тенденций изучения исторического наследия нашей страны, Транссиб предстает уже не просто как величайшее достижение инженерной мысли и труда. Историки отмечают, что именно строительство железной дороги положило начало модернизации Сибири [14, с. 201]. При этом под «модернизацией» подразумевается не просто процесс перехода от аграрного общества к индустриальному, а чрезвычайно сложное и многомерное явление.

Теоретически среди наиболее существенных признаков модернизации выделяют: 1) возникновение современной личности, которая принимает изменение как норму, гражданские и политические права как атрибут человека, рыночную экономику и частную собственность как необходимые условия, обеспечивающие нормальное функционирование общества и государства на основе разума и науки; 2) утверждение светской системы ценностей, в которой индивидуализм является «массовым ощущением», «второй религией»; 3) малая демократическая семья с полным равенством супругов, родителей и детей как единственная форма семейной жизни; 4) индустриальный и урбанистический образ жизни, основанный на функциональной специализации институтов и людей (имеется в виду разделение труда, профессионализация, бюрократизация управления и т. д.); 5) гражданское общество; 6) правовое государство; 7) полная централизация и интеграция политической, экономической и культурной сфер, или уровней общества на единых основаниях: верховенстве закона, открытости, гласности, публичности и конкуренции; 8) рыночная экономика, основанная на конкуренции и частной собственности; 9) складывание нации не только на основе языка, религии и территории, но и как совокупности людей, объединенных согласно их воле, идентифицирующих себя с целым и осознающих

свое единство [11, с.304-305]. Ф.Х. Кессиди, противопоставляя модернизированное общество традиционному, отмечал, что «отличительными чертами традиционного общества считаются статичность и цикличность, воспроизводство одних и тех же форм жизни, быта и мышления, недооценка фактора времени», а для модернизированного общества, напротив, характерен динамичный режим бытия, ориентированный на получение все более и более новой информации, инициатива и предприимчивость личности [7, с.90].

Основные положения концепции модернизации сегодня очень часто используются в качестве теоретической основы исторических исследований. В нашей стране интерес к ней объясняется надеждами на ее познавательную эффективность при изучении той конкретной политической, экономической и социокультурной трансформации, которая началась в России с конца 80-х годов XX века. Перспективность подхода связана также с комплексным исследованием социально-экономической сферы, политических процессов, социокультурного фактора. При этом особое значение приобретает изучение региональной истории, что позволяет проанализировать специфику российской идентичности во всех ее проявлениях, выявить особенности модернизационных процессов, характерные для разных регионов России.

В западноевропейских странах процесс модернизации начинался в XVII веке, особенно интенсивно происходил в 1770-1870 годы (причем если до 1848 года общества как бы колебались между старыми и новыми, то с 1870 процесс модернизации стал необратимым) и завершился в начале XX века. Модернизация в этих странах являлась результатом разрешения внутренних противоречий и поэтому была органичной, почти одновременно она охватывала все сферы жизни общественной жизни. К началу XX века в этих странах в основном сформировались все вышеуказанные ее признаки.

Россию же в рамках теории модернизации традиционно относят к государствам второго эшелона капиталистического развития. Несмотря на то что у нее были собственные экономические и культурные предпосылки развития рыночных отношений и индустриального производства, капитализм здесь развивался в

значительной степени под сильным давлением опыта других стран, путем догоняющей модернизации. В истории России выделяют несколько этапов модернизации: первый связан с петровскими преобразованиями, второй с либеральными реформами второй половины XIX века, третий с так называемой «советской модернизацией» и последний, продолжающийся сейчас, связан с полной трансформацией бывшего социалистического общества.

Неотъемлемой частью модернизированного общества практически сразу становится инфраструктура. Возрастающие потребности капиталистической экономики превращают XIX век в век паровой машины и железной дороги. Перемещение грузов и людей на большие расстояния за сравнительно небольшой промежуток времени не просто выгодно, но и существенно убыстряет темп жизни человека. Потребности железной дороги как капиталистического предприятия по оказанию транспортных услуг, приводят к развитию новых отраслей промышленности и науки, созданию новых рабочих мест, ускоряют формирование социокультурного пространства регионов и стран в целом.

В России особенно рельефно модернизирующее влияние железной дороги на окружающее ее экономическое, социальное, и культурное пространство проявилось в Сибири на рубеже XIX – XX веков. Во всеподданнейшей записке от 16 августа 1890 года И.А. Вышнеградский отмечал, что «целью осуществления Сибирского железнодорожного пути ... в том, чтоб доставить самой Сибири возможность идти по пути правильного экономического развития и поставить эту обширную окраину, богато одаренную природою, но лишенную удобных путей сообщения, по возможности, в те же условия, в которых ныне находится Европейская Россия» [16, с. 186].

Одним из главных результатов влияния железной дороги на экономическое пространство региона становится транслируемый ею на местные рынки спрос на тот или иной товар, а значит стимуляция развития производств различных видов сельскохозяйственной и промышленной продукции. Кроме того, фиксируется прямая связь между функционированием железной дороги и появлением в Сибири крупной биржевой торговли и системы коммерческого кредита [10, с. 81–82]. Среди непосредственных результатов В.Н. Казимиров выделяет прекращение транзитного движения по сибирским гужевым дорогам и Московскому тракту, практически полное отмирание отраслей хозяйства, обслуживающих конные перевозки, исчезновение большинства постоялых дворов и кабаков [6, с. 98]. В социальном отношении именно с железной дорогой связывается появление в Сибири пролетариата как основного представителя нового, модернизированного общества. Что касается формирования железной дорогой новых культурных норм и стереотипов, то этой проблеме внимание стало уделяться только в последнее время в связи с постоянно укрепляющимися позициями социокультурного подхода к изучению истории. Исследователи выделяют появление стереотипа «утилизации времени» [8, с. 31], рассматривают влияние железнодорожных вокзалов на социокультурное пространство городов [12, с. 114]. Транссибирскую магистраль рассматривают как фактор, формирующий художественно – эстетический облик населенных пунктов [3, с. 7] и их социокультурный ландшафт [2, с. 120]. Интересно, что чаще всего сама железная дорога понимается только как экономическое

предприятие, а в расчет принимаются опосредованные результаты ее деятельности (на рубеже веков отмечали, что «косвенное влияние дороги на быт велико») [5, с. 318]. Сами же формы и методы взаимодействия железной дороги с окружающей средой и социокультурным пространством остаются практически неисследованными до сих пор.

Между тем непосредственный контакт железной дороги и общества происходит именно в момент реализации железной дорогой своего главного предназначения – оказания транспортной услуги. Для успешного осуществления этой миссии создается целый комплекс условий, организация которых носит название «сервисного обслуживания». Именно сервисная деятельность является тем самым механизмом, с помощью которого железная дорога модернизирует окружающее пространство.

Индустриальное общество – это не просто общество с развитой промышленностью, это еще и общество потребления. Навыки потребительства такие же неотъемлемые его черты, как и развитое производство. А сами услуги, по сути своей, всегда являлись необходимой частью любой экономики – и не только капиталистической. История сервиса (системы обслуживания) ведет свое начало с момента разделения труда. И чем больше это разделение, тем больше население нуждается в предоставлении самых разнообразных услуг. Однако в условиях многоукладной экономики, когда одновременно сосуществуют различные виды хозяйствования (в том числе и натуральные его формы, и полукрепостнические, и капиталистические) вряд ли возможно создание и развитие индустрии услуг. Россия рубежа XIX – XX веков была государством, где разнообразные формы сервисного обслуживания могли существовать только в пределах крупных городов. Там, где сосредоточивалось более – менее состоятельное население могли существовать хорошие рестораны, гостиницы, парикмахерские с достойным качеством обслуживания. В небольших городках и сельских поселениях, как правило, учреждения сервиса или отсутствовали, или предоставляли услуги крайне низкого качества (что вполне устраивало население, жившее преимущественно натуральным хозяйством), а у населения практически отсутствовала культура потребления услуг.

Пришедшая в Сибирь железная дорога предложила потребителям своих услуг современные технологии в сфере обслуживания и массу новых форм, адекватных модернизированному обществу и заставила население Сибири, так или иначе, приспособиться к новым условиям. Начался переход от традиционных к модернизационным формам развития. Так, принцип классности, на основании которого строилась работа с пассажирами, предполагал разные возможности потребителей оплачивать сервис разного уровня, а значит получать неодинаковые по широте и детализации наборы услуг, предусматривающие использование разного оборудования и материалов. Например, пассажирские вагоны на Сибирской железной дороге были I, II, III и IV классов – по степени обустройства. И пассажирский поезд обычно составлялся из вагонов различных типов и классов. Залы ожидания тоже были предназначены для пассажиров разных классов. Приобретенный билет давал пассажиру возможность пользоваться доступным ему лично уровнем комфорта, вне зависимости от социальной принадлежности. Таким образом, функционирующая в условиях сложной социальной структуры железная дорога стала одним из факторов демократизации общественных отношений.

Существовали на дороге и механизмы, позволяющие влиять на повышение правовой культуры граждан. На каждой пассажирской и товарной станции на видном месте находилась книга жалоб, прошнурованная и за надеждающей печатью. В книгу заносились жалобы при обнаружении не порядка или нарушения железнодорожных правил служащими дороги. По каждой из них проводилось подробное расследование с привлечением свидетелей и ответственных должностных лиц. О последствиях разбирательства клиент, написавший жалобу, обязательно уведомлялся. Кроме того, защитить свои интересы клиент мог в суде. Выдержки из российских законов, касающиеся прав и обязанностей пассажиров на железных дорогах, вывешивались на видных местах на всех станциях Сибирской железной дороги.

Управление дороги очень чутко реагировало на общественное мнение. В канцелярии велись специальные дела, в которые собирались все опубликованные в сибирских газетах («Сибирская жизнь», «Восточное обозрение», «Енисей» и т.п.) заметки, касающиеся железной дороги. Публикации в благожелательном тоне просто подшивались, а по тем, которые носили негативный характер, фиксировали недостатки и просчеты в работе железной дороги, проводилось внутреннее служебное расследование и принимались меры. О его результатах начальник железной дороги обязательно уведомлял редакцию той газеты, в которой была опубликована заметка. В целом реакция на газетные публикации говорит не просто о стремлении Управления железной дороги оперативно разрешать возникающие проблемы и о формировании механизма обратной связи с потребителями железнодорожных услуг, но и об активном участии общественности в становлении системы сервисного железнодорожного обслуживания.

Принципиально важными основами взаимоотношений железной дороги с партнерами и клиентами являлись свободная конкуренция и доступность. Так, права на поставку различных материалов для железной дороги и на выполнение дополнительных работ (ремонт зданий и сооружений, организация буфетов и т.п.) коммерсанты получали только на основании результатов открытого и доступного конкурса. Личные связи и «честное купеческое слово», значимость которых все еще была велика в Сибири, на железной дороге не имели значения. Кроме того, при организации своей работы, Управление железной дороги активно взаимодействовало с представителями местных предпринимательских кругов. Создавались общественные комитеты с участием представителей от железной дороги по распределению вагонов — ледников для перевозки сливочного масла и вагонов для перевозки сибирского зерна и т.п.

Свою роль в становлении деловой культуры сыграл и начавшийся формироваться в этот период стереотип «утилизации времени». Установив постоянное расписание движения поездов и небольшие интервалы между ними, железная дорога заставила деловых людей Сибири подстраиваться под свой ритм, убыстряя таким образом темп жизни.

Между тем на рубеже XIX - XX веков основной тенденцией продолжающегося в России процесса модернизации стало развитие преобразований в русле имперской модели. Эта модель характеризуется выборочным заимствованием технологических, главным образом, военно-промышленных достижений более развитых стран в обмен на вывоз сырья и сырьевых продуктов, ужесточением эксплуатации собственного народа дуборужазными, архаическими методами и

растущей бюрократизацией управления. Кроме того, при безраздельной доминанте государства, в значительной степени подавляющей общественную самостоятельность, модернизационные преобразования шли главным образом сверху вниз, не получая обратного импульса [15, с. 15]. Эти обстоятельства отразились на деятельности Сибирской железной дороги и даже некоторым образом снизили ее влияние на социокультурное пространство Сибири.

Существенную роль при этом сыграла казенная форма собственности. Министерство путей сообщения, управляя железнодорожной сетью Российской империи, использовало в основном директивные методы. Их распространение и форма свидетельствовали о том, что государство вмешивалось буквально во все. Так, контролировалось не просто качество предоставляемой услуги, но и разрабатывались детальнейшие инструкции, регламентирующие все мелочи: от интерьеров вагонов и вокзалов и до поведения каждого должностного лица. У Управления дорог практически отсутствовало право автономно принимать более — менее важные решения. Современники отмечали, что «вредным последствием казенной формы хозяйства является почти полная невозможность фактически достигнуть заинтересованности личного состава в успехах дела, то есть невозможность проведения одного из наиболее здоровых принципов коммерческих предприятий» и именно это обстоятельство «отравляло весь организм живого предприятия» [9, с. 98]. Незаинтересованность персонала железной дороги в качестве предоставляемой услуги не просто приводила к снижению качества и культуры сервисного обслуживания, но и замедляла процессы преобразования окружающего железную дорогу социокультурного пространства.

Характерной чертой работы железнодорожного транспорта в этот период становится прямое заимствование технических новинок и принципов их эксплуатации у иностранцев. Объяснялось это тем, что «необходимость возможно широкого насаждения рельсовых путей в обширнейшей стране, при скудости условий для развития собственных технических сил и организаторских талантов, — дадут всегда оправдание такого рода позаимствований, не однократно произведенных у иностранцев, ранее нас обзаведшихся железными дорогами и успешших, поэтому, довести их состояние во многом до значительного превосходства» [4, с. 353]. На рубеже веков на страницах журнала «Инженер» резко возрастает количество публикаций, авторы которых знакомят читателей с опытом железнодорожного хозяйствования в США, Пруссии, Англии, Франции и дают рекомендации по его использованию в российских условиях. Один из авторов, И. Рихтер, выражая всеобщий настрой, резюмирует: «Россия вовсе не нуждается в отыскании новых формул железнодорожного хозяйства, а лишь в разумном их применении, сообразно своим способностям, таких приемов коммерческой и технической эксплуатации, которые давно уже выработаны практикою железных дорог по ту и другую стороны Атлантики» [13, с. 482]. Между тем такое отношение к вопросу в определенной степени сковывало личную инициативу работников отечественного железнодорожного транспорта. А по отношению к Сибирской железной дороге данный опыт был мало применим, так как ни у одного европейского государства не было наработок в области эксплуатации такой протяженной и сложной трассы, а железные дороги США заведомо действовали в совершенно ином экономическом и социокультурном пространстве.

Большой отпечаток на деятельность железной дороги наложила высокая скорость освоения обширных пространств Сибири и Дальнего Востока. Являясь современным капиталистическим предприятием, Сибирская железная дорога несла финансовые потери из-за большого количества льготных пассажиров (в основном переселенцев и воинских чинов — с 1900 по 1909 год от 63 до 75 % от общего числа пассажиров). При перевозке грузов по сниженным правительством тарифам она так же была вынуждена поступаться своими финансовыми интересами. Это приводило к значительной перегруппировке денежных средств и снижало общий уровень качества и культуры обслуживания клиентов [17, с. 89].

Тем не менее Сибирская железная дорога постоянно проявляла себя как фактор модернизации не только экономики, но и социокультурного пространства Сибири. Находясь в ситуации постоянного и непосредственного контакта с потребителями своей услуги, с течением времени она не только сформировала у населения региона культуру потребления транспортной железнодорожной услуги, но и на долгое время стала основным ретранслятором норм и ценностей нового, капиталистического общества.

Библиографический список

1. Вольногорский П. По белу свету. Выпуск 2. Великий путь. М., Издание К.И. Тихомирова. 1904.
2. Гайдамакин А.В., Хроменкова Т.Н. К вопросу о роли Транссиба в формировании социокультурного ландшафта городов Западной Сибири (1920 — 1930-е гг.) // Проблемы культуры городов России: Материалы пятого всероссийского научного — практического семинара / Отв. ред. Д.А. Алисов. - Омск: Издательский дом «Наука». - 2004. - С. 118 — 123.
3. Гаранина Л.С. Влияние Транссибирской магистрали на планировочное развитие и художественно-эстетическое формирование населенных пунктов / Транссиб и научно-технический прогресс на железнодорожном транспорте. Тезисы докладов научно-технической конференции. Ч. III. Новосибирск, 1991. С. 7 - 8.
4. Глинка О. Большая или малая сеть железных дорог под одним управлением? // Инженер. 1901. № 11. С. 353.

5. Из Лондона на Дальний Восток по железной дороге // Инженер. 1897. №7. С. 318.

6. Казимиров В.Н. Великий Сибирский путь. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство. — 1984. — 144 с.

7. Кессиди Ф.Х. О парадоксе России // Вопросы философии. - 2000. - № 6. - С.87 - 91.

8. Киселев А.Г. К вопросу о ритме городской жизни // Проблемы культуры городов России: Материалы Пятого всероссийского научно-практического семинара / Отв. ред. Д.А. Алисов. - Омск: Издательский дом «Наука». - 2004. - С. 23 -- 31.

9. Лавров А. О коренных недостатках в организации железнодорожного дела в России // Вестник Омской железной дороги. - 1917. - №11. - С. 98.

10. Любимов А.А. Развитие индустриального транспорта в Среднем Прииртышье 90-е гг. XIX в. — 1914 г. Диссертация на соискание уч. степ. канд. ист. наук. - Омск. - 2000. — 184 с.

11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX веков). Т.2. - СПб.: Издательство «Дмитрий Булакин». - 1999. — 503 с.

12. Назимова В.Ш. Вокзал как символ крупного социалистического города (на примере Новосибирска) // Проблемы культуры городов России: Материалы Пятого всероссийского научно-практического семинара / Отв. ред. Д.А. Алисов. - Омск: Издательский дом «Наука». - 2004. - С. 114 — 117.

13. Организация коммерческой части движения на американских железных дорогах // Инженер. - 1893. - №11. - С. 481 - 490.

14. Очерки истории города Омска. Т. 1. Дореволюционный Омск. Под ред. А.П. Толочко. Омск. - 1997. - 560 с.

15. Российская модернизация: проблемы и перспективы. (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. - № 7. - С.1- 25.

16. Сибирская железная дорога // Инженер. - 1896. - №4. - С. 186.

17. Справочно-статистический отдел. Сибирская железная дорога // Журнал Общества сибирских инженеров. - 1912. - №3. С. 88 — 91.

ФАЛИЛЕЕВА Галина Александровна, аспирант кафедры «История, философия, культурология».

Дата поступления статьи в редакцию: 01.08.2006 г.

© Фалилеева Г.А.

Книжная полка

Гомбоев Б.О. Аграрное землепользование Внутренней Азии / Отв. ред. А.К. Тулохонов, Ю.П. Михайлов; Рос. акад. наук, Байкальский ин-т природопользования. - Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. - 228 с.

В монографии приведен сравнительный анализ природных, культурных и административных условий во Внутренней Азии и их влияния на систему ведения животноводства, что открывает возможность оценки разнообразия реформ, происходящих в регионе на территории трех государств — России, КНР и Монголии. Анализ проведен с учетом эволюции аграрного землепользования в регионе. На основании изучения природных особенностей и социально-экономической организации животноводческого хозяйства в регионе определены закономерности эволюции аграрного землепользования во Внутренней Азии и его формы, соответствующие естественному развитию степного комплекса при новом политическом статусе государственных образований. Книга рассчитана на географов, историков, этнографов, экологов.

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТНЫХ НАЛОГОВ И СБОРОВ (НА ПРИМЕРЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОПЫТА 1920-Х ГОДОВ)

В статье рассматривается система местных налогов и сборов, прослеживается ее эволюция. Делается вывод, что на протяжении исследуемого периода число местных налогов и сборов значительно сократилось, что вызвало повышение доли регулирующих доходов в местных бюджетах.

Местные налоги и сборы, направленные на обложение объектов, остающихся вне сферы воздействия государственных налогов, должны играть важную роль в наполнении доходной части местных бюджетов. Современное налоговое и бюджетное законодательство Российской Федерации ограничивает число местных налогов, из которых только два — налог на имущество физических лиц и земельный налог — потенциально могут обеспечить сколько-либо существенные поступления в местные бюджеты. В настоящее время основные доходы местных бюджетов формируются не за счет собственных источников, а за счет регулирующих доходов, что, безусловно, ограничивает самостоятельность местного самоуправления. Сложившаяся структура местных доходов не является уникальным явлением, аналогичным образом она строилась в 1920-е годы, в тот период современной отечественной истории, когда декларировалась значительная самостоятельность местных органов власти, и немало делалось для укрепления местных бюджетов.

Местные налоги и сборы, практика их раскладки и изъятия имеют давнюю отечественную историческую традицию. Они применялись в Российской империи для финансирования органов земского и городского самоуправления, сохранялись в период правления Временного правительства в 1917 г., предусматривались и советским законодательством. В начале 1920-х годов была восстановлена система государственных прямых денежных налогов, включающая три основных налога: единый сельскохозяйственный налог, которым облагались крестьянские хозяйства; промысловый налог, под действие которого попадали все торговые и промышленные предприятия; подоходный налог, распространявшийся на личные доходы граждан, выше определенного уровня. От этих налогов полагались отчисления в местные бюджеты.

Одновременно вводились местные налоги и сборы, причем вопрос, какие налоги следует относить к государственным, а какие к местным вызвал оживленную дискуссию. Изучение иностранных финансовых систем свидетельствовало, что крупное значение имеют два местных налога — поземельный налог в сельских местностях и обложение домов и земельных участков в городах. [1]

Однако в условиях советском государстве эти налоги не могли составить финансовую основу местных бюджетов. Поземельный налог отсутствовал, а обложение городских недвижимостей (построек и земельных участков) при твердых нормах квартирной платы имело ничтожное значение. [2] Абсолютно нецелесообразным считался и перевод в ранг мес-

тных государственных налогов. Таким образом, наиболее значимые в финансовом отношении налоги оставались государственными, а под местное обложение попадали второстепенные объекты.

В условиях советского государства, построенного на централизованных началах, установление перечня местных налогов и сборов находилось в исключительной компетенции сначала республиканских законодательных органов, а после образования СССР — в совместном ведении Союза ССР и республик. Местным Советам передавалось право, руководствуясь представленным перечнем, вводить на подведомственной территории, наиболее целесообразные, с их точки зрения, налоги и сборы.

В советском законодательстве периода нэпа местные налоги и сборы впервые были упомянуты в декрете от 22 августа 1921 г., а первый их перечень составлен в декрете от 10 декабря 1921 г. Специально регламентации налоговых поступлений в местные бюджеты был посвящен декрет от 29 марта 1922 г. В нем воспроизводился принцип, апробированный в дореволюционном праве, и использованный ранее советским законодательством, когда местные налоги дифференцировались для городов и внегородских поселений. К первой группе относились следующие налоги: 1) сбор со скота за исключением лошадей; 2) сбор с извозного промысла; 3) сбор с перевозного и перевозочного промысла; 4) сбор с лошадей; 5) сбор с велосипедов; 6) сбор с промысловых садов и огородов; 7) сбор со скота, пригоняемого на рынки; 8) сбор за пользование общественными весами; 9) прописочный сбор. Второй список выглядел таким образом: 1) налог с постоянных дворов и строений, занятых под торговые и промышленные нужды; 2) сбор с извозного промысла; 3) сбор с перевозочного промысла; 4) сбор за пользование общественными весами; 5) сбор с велосипедов; 6) сбор с промысловых садов и огородов; 7) сбор с каждого выдаваемого на право охоты свидетельства. [3]

Устанавливая обширный перечень местных налогов и сборов, законодатель стремился прекратить налоговый произвол местных Советов, терпимый в революционный период, но идущий вразрез с официально провозглашенным принципом революционной законности.

Правом на введение местных налогов обладали областные и губернские исполкомы, такое решение оформлялось в виде обязательного постановления и могло действовать в течение 1 года. Места, заинтересованные в максимальном наполнении бюджетов, устанавливали почти все разрешенные налоги и сборы.

Новые виды налогов допускал и законодатель. С мая 1922 г. и затем примерно в течение года взимал-

ся подворно-денежный налог, который затрагивал только крестьянские имущества. Он был первым денежным налогом в деревне и целиком предназначался для расходов местных бюджетов. [4] Появился местный налог с публичных зрелищ и увеселений. [5]

Накопление опыта финансовой деятельности, организация местных бюджетов, развитие и усложнение нормативного материала создавали предпосылки для систематизации законодательства о местных финансах, что и было сделано в 1923 г.

Временное положение о местных финансах 1923 г., хотя и сохранило значительную преемственность с ранее действовавшими нормами, отличалось значительной новизной. Надо заметить, что оно являлось первым в истории отечественного права специальным, комплексным актом, посвященным исключительно регулированию местных финансов. Даже в современном российском законодательстве аналогичные нормы частью включены в Налоговый и Бюджетный кодексы, а частью рассредоточены по иным нормативным правовым актам, касающимся полномочий местного самоуправления.

Временное положение отказалось от разграничения местных налогов на городские и не городские. В нем содержался единый перечень местных налогов и сборов, который включал следующие их виды: а) налог со строений в городских поселениях; б) налог с фабричных, заводских, торговых, промышленных и дачных помещений вне городских поселений; в) налог с имущества, получающих особые выгоды от вновь осуществленных мероприятий; г) сбор с отпускаемых с лесных дач древесины; д) налог с промышленных садов и огородов; е) налог с заведений для потребления кушаний и напитков; ж) налог с лошадей и выездных экипажей в городских поселениях; з) налог с велосипедов, самодвижущихся экипажей в городских поселениях; и) налог с извозного промысла; к) налог с перевозного промысла; л) разовый сбор с подвижной мелкой торговли; м) сбор с пригоняемого на рынок для продажи скота; н) налог со скота, содержащегося в городских поселениях; о) налог с грузов привозимых и вывозимых по железнодорожным и водным путям сообщения; п) налог с публичных зрелищ и увеселений; р) налог с плакатов; с) налог с объявлений; т) налог с актов об отчуждении строений или права застройки; у) налог с биржевых сделок; ф) налог с аукционных продаж; х) прописочный сбор; ц) волостной сбор. [6]

Законодатель впервые устанавливал предельные ставки по каждому виду налога, которые помещались в отдельном приложении к Временному положению. Применялись те же методики расчетов, что и в отношении государственных налогов — либо в абсолютных цифрах, либо в долевым исчислении, но в любом случае — это были предельные ставки. Подобная мера облегчала работу местных финансовых органов, повышала уровень бюджетного прогнозирования, а также, что немаловажно, пресекала возможные злоупотребления.

Во Временном положении содержались и иные нормы, ранее отсутствовавшие в законодательстве. Видимо, учитывая распространенные попытки местных органов привлечь к местному обложению максимальное число объектов недвижимости, расположенных на подведомственной территории, Положение содержало закрытый список объектов, освобождаемых от налога со строений. Сюда попали помещения, занятые военным ведомством, профсоюзами, иными учреждениями, финансируемыми из государственного бюджета, а также жилье, возведенное на праве застройки в течение 3-х лет. Отдельно

оговаривалась предельная ставка налога со строений, которая не могла превышать $\frac{1}{4}\%$ его стоимости в год.

Наиболее серьезным недостатком Временного положения являлось отсутствие четкого распределения доходов и, соответственно местных налогов между отдельными уровнями местной бюджетной системы. Хотя к 1923 г. она включала губернские и уездные бюджеты, очевидно стремление законодателя создать устойчивый губернский бюджет, закрепить полномочия губернских учреждений в регулировании финансовых отношений, в том числе и в сфере установления и распределения местных налогов и сборов. Словообразным способом решался вопрос о наполнении только создаваемого волостного бюджета, для него — единственного — вводился специальный волостной сбор в размере 40 коп. на душу населения, в чем просматривается безусловное заимствование из дореволюционной практики волостного обложения. Как писал В.Н. Твердохлебов, этот сбор был встречен на местах пассивно и вскоре «отцвел, не успев расцвести». [7] Главным аргументом для отмены называлась его несовместимость с концепцией разрабатываемого, и вскоре принятого единого сельскохозяйственного налога, призванного заменить множественность прямых налогов с крестьянства.

Представляется, что отмеченным обстоятельством не ограничивается причина упразднения волостного сбора. Его наличие не соответствовало принципам формирующейся финансовой системы, основанной на централизованном распределении финансовых ресурсов и доминирующей роли регулирующих доходов в местных бюджетах.

После введения в действие Временного положения 1923 г. законодательство и правоприменительная практика развивались по нескольким направлениям. Во-первых, продолжал расширяться перечень местных налогов и сборов, он был дополнен налогом с объявлений, [8] сбором за санитарно-ветеринарный осмотр скота и сырых животных продуктов, сбором с приезжающих в лечебные местности. [9]

Во-вторых, введению местных налогов, расчету их конкретных ставок придавался обоснованный и экономически целесообразный характер. С этой целью на местах создавались специальные комиссии. В их компетенцию входило предварительное согласование предполагаемого списка местных налогов и сборов, определение их ставок, разрешение спорных вопросов. Этой цели соответствовал и персональный состав комиссии, в которую входили заведующий налоговым управлением финансового отдела, представители суда, профсоюзов, отдела местного хозяйства или коммунального отдела, а также два представителя от налогоплательщиков. Последние, как правило, занимались предпринимательской деятельностью. Ахивные материалы, касающиеся деятельности налоговых комиссий, не обнаруживают крупных споров и разногласий между ее членами, а также стремления установить завышенные ставки тех налогов и сборов, которые затрагивали предпринимательскую прибыль.

Как уже отмечалось, Временное положение 1923 г. вскоре подверглось существенной корректировке: 29 октября 1924 г. было принято новое Временное положение о местных финансах Союза СССР. Главная причина, вызвавшая переработку закона, находилась вне сферы местных налогов и сборов, но в их перечень также были внесены изменения. В целом список теперь выглядел следующим образом: а) налог со строений в городских поселениях; б) налог с имущества, получающих особые выгоды от вновь осуществленных мероприятий в сельской местности; в) налог с отпускаемых с лесных дач древесины; г) налог с промышленных садов

и огородов; д) налог с транспортных средств; е) разовый сбор с подвижной мелкой торговли; ж) сбор со скота, содержащегося в городских поселениях; з) сбор с грузов привозимых и вывозимых по железнодорожным и водным транспортом; и) сбор за санитарно-ветеринарный осмотр скота и сырых животных продуктов; к) сбор со счетов, подаваемых в гостиницах, ресторанах и других подобных учреждениях; л) сбор с приезжающих в лечебные местности; м) налог с публичных зрелищ и увеселений; н) налог, с плакатов, афиш, реклам и в городских поселениях; о) налог со сделок, совершаемых и регистрируемых на бирже; п) налог с аукционных продаж в городских поселениях; р) прописочный сбор в городских поселениях; с) сбор за перемену имен и фамилий. [10]

По сравнению с ранее действующим законом в перечне обнаруживаются некоторые новые моменты. Сократилось их общее количество, преимущественно за счет объединения нескольких мелких налогов. Кроме того, перечень включил те налоги и сборы, которые были установлены уже после принятия Временного положения 1923 г., и таким образом систематизировал применявшиеся нормы.

Существенной новацией являлось закрепление за волостными бюджетами некоторых местных налогов и сборов, и неважно, что этот перечень ограничивался всего двумя: налогом с транспортных средств и разовым сбором за подвижную мелкую торговлю. Хотя они имели какой-то смысл лишь в крупных, экономически развитых селах, в совокупности с состоявшейся передачей на волостной бюджет иных доходных источников, должны были значительно повысить устойчивость волостных бюджетов и снизить их дефицит.

Временное положение, как и предыдущий закон, строилось по принципу издания основного акта и приложения, в котором устанавливались предельные ставки местных налогов и сборов. Причем в обязанность Совнаркомов союзных республик передавалось распределение предельных ставок по крупным городам, где они, естественно, должны быть выше, и остальным поселениям. Приложение впервые регламентировало налоговые льготы, указывало основания их применения, в целом льготы могли предоставляться практически по каждому виду налога.

Изданные в 1923 г. и 1924 г. Положения изначально замыслились как недолговременные законы, практика применения которых позволяла бы внести необходимые изменения и разработать постоянный документ, рассчитанный на длительную перспективу.

Законодательные акты 1926 г. - Положения о местных финансах Союза ССР и Положения о местных финансах РСФСР принимались в условиях, когда реализовывалась политика на разграничение финансовых полномочий между Союзом ССР и республиками. Поэтому местные налоги и сборы одновременно предусматривались и союзным, и республиканским законами. Положение о местных финансах Союза ССР называло всего 4 местных налога: а) со строений; б) с грузов, привозимых и вывозимых по железнодорожным и водным путям сообщения; в) со сделок, совершаемых или регистрируемых на бирже; г) с золотопромышленных предприятий. [11] Положение о местных финансах РСФСР дополняло этот список, в него вошли: а) сбор с отпускаемой с лесных дач древесины; б) налог с транспортных средств в городских поселениях; в) налог со скота в городских поселениях; г) сбор за санитарно-ветеринарный осмотр скота и сырых животных продуктов, д) налог с публичных зрелищ и увеселений в городских поселениях; е) сбор с лиц, лишенных быть права сельскими

исполнителями; ж) целевой квартирный налог. Финансовое законодательство 1926 г. закрепило обозначенную ранее тенденцию на уменьшение общего числа местных налогов и сборов. Обычно оно комментировалось как положительный факт, упрощавший налоговую систему. Отмечалось, что поступления от некоторых местных налогов были ничтожны и зачастую даже не оправдывали затрат, связанных с организацией их приема. Так, в 1924/25 г. сбор за перемену фамилий дал менее 1000 руб. [12] Однако сокращение общего числа местных налогов и сборов имеет и обратную сторону. Характерное и для развития финансового права в современной РФ, оно, как и в 1920-е годы, ведет к возрастанию доли регулирующих доходов в местных бюджетах.

Применительно к ситуации 1920-х годов следует обратить внимание на следующее обстоятельство. В списке не появились налоги, которые бы могли обеспечить серьезные и ощутимые поступления в местные бюджеты. Среди действующих налогов таким потенциалом ввиду массовой распространенности объектов обладал налог со строений, но социальная направленность советской финансовой системы, воплощенная в низких налоговых ставках, широком предоставлении льгот обуславливала незначительность сумм и от этого налога.

Поэтому простое сокращение числа местных налогов и сборов вело к деградации местной налоговой системы и вызывало обоснованную критику специалистов. Множественность местных налогов последовательно отстаивал В.Н. Твердохлебов, и считал нападки на такую систему основанными на недоразумении, поскольку налоги и сборы вводят сами местные органы, и они могут выбрать наиболее подходящие к местным условиям. Он предлагал изменить принцип построения налогового законодательства, дополнить его факультативным перечнем налогов и сборов, который должен быть максимально полным и обширным, «включая всякие сборы, автономное установление которых не признается опасным или абсолютно бесцельным». [13]

Дальнейшее развитие советского финансового права подтвердили наблюдения В.Н. Твердохлебова. Минимизировав в 1926 г. перечень местных налогов и сборов, законодатель вынужден был вскоре пересмотреть свои же установления. Обнаружилось, что отмененные налоги и сборы не утратили актуальности, на их восстановлении, вспоминая прежнюю практику, настаивали местные Советы. В итоге право на введение некоторых ранее отмененных налогов получили Уральский областной исполком и Северо-Кавказский краевой исполком. [14] Выбор регионов не был случайным: оба они относились к первым областным образованиям, обозначающим перспективную линию развития административного устройства. Эффективная работа создаваемого здесь советского аппарата должна была доказывать преимущества районирования, способствовать ускорению завершения реформ. Поэтому предоставление дополнительных доходов местным бюджетам способствовало бы быстрейшему достижению указанных целей.

Хотя в момент принятия законов 1926 г. всячески подчеркивался их постоянный, а не временный характер, пересмотр статей, касающихся местных налогов и сборов выразился не только в реанимации прежних налогов, но и в установлении новых сборов. По закону 1927 г. в местные бюджеты стал зачисляться сбор, взимаемый судебными исполнителями и другими органами, состоящими на местном бюджете (милицией, волостными исполкомами), вносимый в оплату их действий.

В целом финансовые акты 1926 г. обоснованно заслужили высокую оценку специалистов. Реализуя курс на углубление дифференциации местных бюджетов, они впервые распределили все местные налоги по отдельным уровням бюджетной системы, причем характер основных бюджетов придавался тем, что образовывались на городском и волостном уровне. Именно за ними закреплялось большинство местных налогов и сборов. Законодательные акты 1926 г. не внесли принципиальных изменений в порядок введения местных налогов и сборов. Наиболее существенная новация заключалась, пожалуй, в более четком увязывании всех мероприятий, связанных с местными налогами и сборами, с работой по подготовке местного бюджета, который являлся основным финансовым документом территории. Соображения о целесообразности введения определенных местных налогов и сборов, рекомендации в отношении ставок первоначально обсуждались в бюджетных совещаниях, создаваемых при местных финансовых учреждениях. Перечень местных налогов и сборов и предельные ставки утверждались пленумами краевых, областных и губернских исполкомов, которые одновременно распределяли их по губерниям, округам, уездам, иным соответствующим им административным единицам, а также по областным и губернским городам. Аналогичные решения в отношении бюджетов, образуемых на подведомственной территории, принимали пленумы окружных, уездных исполкомов или иных соотносимых с ними местных органов. Подготовка волостного (районного) бюджета велась финансовой частью волостного (районного) исполкома.

Завершающим этапом являлось установление перечня местных налогов и сборов, а также ставок по ним на съездах Советов (краевых, областных, губернских, уездных, районных, волостных) или на заседании городского Совета, что происходило одновременно с утверждением местного бюджета на предстоящий финансовый год.

Местные налоги и сборы, пройдя значительный путь эволюции с момента восстановления в 1921 г. до упорядочения налоговой системы в 1926 г., имели значимость для всех местных бюджетов.

В заключении отметим, что местные налоги и сборы не имели существенного значения в формировании доходов местных бюджетов. В результате сокращения общего числа, а также применение низких ставок наблюдалось неуклонное снижение их доли в общей массе поступлений в местные бюджеты. Например, в местных бюджетах Сибири в начале исследуемого периода они составляли 8-9%, а к концу — значительно меньше.

Неоднозначной оставалась оценка роли местных налогов и в финансово-правовой доктрине 1920-х годов. М.А. Сиринов, выделяя два способа построения налоговых систем — первый, когда налоговые источники поделены между государством и местами, и второй, когда применяется смешанная система, где часть налогов поделена, а часть нет, доказывает преимущества именно второй модели. Именно она действовала во многих европейских странах и в СССР. Здесь местные бюджеты в значительной степени наполняются за счет надбавок к государственным налогам. [15] Д.В. Кузовков также полагал, что в сравнении с самостоятельными местными налогами такая система имеет выгоды в том смысле, что она сокращает расходы по проведению налога и отдает центру непосредственное руководство. Кроме того, при системе надбавок можно распределить налоговый источник между несколькими звеньями местного бюджета и

передвинуть из одного звена в другое, не ломая самой организации налога. В этом отношении система надбавок приближается к системе дотаций.

Можно предположить, что Д.В. Кузовков не отрицал возможности пересмотра такой системы в дальнейшем, поскольку он доказывал ее преимущества именно для стадии становления местных бюджетов, когда местные расходы еще не размещены более-менее прочно между различными административно-территориальными единицами. [16]

Таким образом, в течение 1920-х годов система местных налогов и сборов претерпела существенную эволюцию. Значительно сократилось их общее число, хотя эта мера многими специалистами была воспринята критически. Налоговая система советского государства строилась таким образом, что основные объекты подлежали обложению государственными налогами, а местные налоги и сборы распространялись на такие объекты, которые не могли обеспечить существенных доходов. Эта закономерность проявлялась даже в том случае, когда под обложение попадали массовые объекты — строения. Значительные изъятия из общего действия налога, а также низкие ставки платежей дезавуировали и его значение.

Особенностью советской модели местных налогов и сборов являлось широкое предоставление льгот, выражавшееся в полном освобождении от уплаты налога или в пониженных ставках, дифференциация которых обеспечивала социальную направленность государственной политики.

В советском государстве сложилась смешанная налоговая система, посредством которой доходы местных бюджетов формировались как за счет собственных налогов и сборов, так и за счет надбавок к государственным налогам. Можно поддержать высказанное в отечественной финансовой науке 1920-х годов мнение, что такая система целесообразна в переходные периоды. Однако перспективной линией развития государственных финансов должно являться обеспечение местных бюджетов собственными доходами, среди которых должно возрастать значение местных налогов и сборов.

Библиографический список

1. Энциклопедия местного управления и хозяйства. М.-Л., 1927. С.245.
2. Там же. С.245.
3. СУ РСФСР. 1922. №27. Ст.313.
4. Дьяченко В.П. История финансов СССР. М., 1978. С.121.
5. СУ РСФСР. 1922. №42. Ст. 495.
6. СУ РСФСР. 1923. №111-112. Ст. 1045.
7. Твердохлебов В.Н. Местные финансы. М., 1927. С.164.
8. СУ РСФСР. 1924. №51. Ст. 489.
9. СУ РСФСР. 1924. №32. Ст. 297.
10. СЗ СССР. 1924. №22. Ст.199.
11. СЗ СССР. 1926. №31. Ст.199.
12. Котляревский С.А. Бюджет и местные финансы. М., 1926. С. 105.
13. Твердохлебов В.Н. Указ. соч. С. 165.
14. СУ РСФСР. 1928. №6. Ст. 51; №7. Ст. 59.
15. Сиринов М.А. Местные финансы. М.-Л. 1926. С.22.
16. Энциклопедия местного управления... С.246.

ЯЩУК Татьяна Федоровна, к.и.н., доцент кафедры теории и истории государства и права.

Дата поступления статьи в редакцию: 22.03.2006 г.

© Ящук Т.Ф.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА МОДЕРНИЗАЦИИ АВТОБУСНЫХ ПАРКОВ ГОРОДОВ СИБИРИ

В статье дано обоснование эффективности модернизации автобусных парков городов с использованием экономико-математических моделей. Приведена экономическая оценка эффективности новых моделей автобусов на срок их эксплуатации. Дана комплексная оценка социально-экономической эффективности мероприятий по модернизации и обновлению состава автобусных парков городов Сибири.

Развитию и модернизации транспортной системы страны в последнее время большое внимание уделяется на государственном уровне. В рамках разработанной Минтрансом РФ Федеральной целевой программы «Модернизация транспортной системы России до 2010 г.» (ФЦП) [1] и ее подпрограммы «Реформирование пассажирского транспорта общего пользования» ставится задача оптимизации структуры автобусных парков, их пополнения и обновления с использованием модернизированных транспортных средств. В целях выполнения основных положений ФЦП было проведено изучение условий функционирования автобусных парков 11 сибирских городов: Новосибирска, Омска, Барнаула, Красноярска, Кемерово, Томска, Читы, Абакана, Улан-Удэ, Горно-Алтайска, Сургута.

Развитие систем городского пассажирского транспорта (ГПТ) должно базироваться на принципе динамического соответствия между спросом и предложением. Для его реализации проблему совершенствования системы ГПТ следует расчленить на две задачи – изучение спроса на транспортные услуги со стороны населения и организация предложения. Такой подход позволит определить баланс потребностей в транспортных услугах и возможностей их удовлетворения, прогнозируя развитие транспортных систем на кратко- или среднесрочную перспективу. Первая задача, как концептуальная, решается методами общественных наук, вторая – методами естественных наук. При формировании и модернизации парков подвижного состава (ПС) ГПТ необходимо последовательно решить эти задачи [2].

Для выявления транспортного спроса необходимо на основе сложившихся тенденций последних лет определить темпы прироста населения, динамику объемов перевозок и пассажирооборота. На основе этих данных определяются транспортная подвижность населения, удельная работа и пассажирооборот транспорта. Эти расчеты должны быть тесно увязаны с программами социально-экономического развития и генпланами городов, с федеральными и другими отраслевыми программами [3]. Организация предложения основывается на решении двух задач: определение потребного количества ПС с учетом их вместимости и выбор транспортных средств. Модернизацию парков автотранспортных предприятий (АТП) необходимо проводить путем обоснования темпов его обновления и совершенствования возрастной структуры транспортных средств с использованием новых моделей автобусов. Сравнение вариантов осуществляется на основе оценки приведенных

затрат на его обновление с учетом социально-экономической эффективности модернизации парков.

Выбор транспортных средств для обновления парков транспортных средств необходимо проводить на основе комплексной технико-экономической оценки с учетом их производительности на срок службы и условий эксплуатации в регионе. Новые модели автобусов оцениваются по техническим, экологическим, экономическим, а также потребительским характеристикам. В качестве критерия при сравнении моделей ПС принят показатель приведенных затрат, рассчитанный на единицу работы транспорта за весь период эксплуатации:

$$Z_n = C_t + K E_t / P, \quad (1)$$

где C_t – годовые эксплуатационные расходы, зависящие от вида и типа ПС, руб./пасс. км; K – капиталовложения на приобретение ПС, руб.; E_t – коэффициент приведения (дисконтирования), P – объем годовой работы транспорта, млн пасс.-км; t – номер шага расчета.

$$E_t = 1 / (1+d)^t, \quad (2)$$

где d – норма (ставка) дисконтирования [4].

Среди выпускаемых в настоящее время новых моделей автобусов наиболее приемлемыми для работы в Сибирском регионе являются модели ЛиАЗ-5256.25, МАЗ-103-070, VOLVO B7R. Автобусы выполнены в северном исполнении и прошли контрольные испытания в регионе. Основные результаты определения эффективности новых моделей пассажирского транспорта представлены на рис. 1.

Учитывая высокую значимость развития электротранспорта в городах, проведены также расчеты для новых моделей троллейбусов и трамваев большой вместимости. Определение нормы дисконтирования осуществляется на основе размера ставки по банковскому кредиту, который в современных условиях составляет от 15 до 22%. Однако приобретение автобусов за счет муниципального бюджета по лизингу, позволяет снизить эту ставку до 8-10% [5]. Минимальные приведенные затраты по особо большому классу у модели МАЗ-105-070, на 23% ниже, чем у ЛиАЗ-6212. По автобусам большой вместимости затраты у VOLVO B7R на 21% ниже, чем у ЛиАЗ-5256.25 и на 32%, чем у МАЗ-103-070. Троллейбусный транспорт имеет наименьшее значение приведенных затрат на единицу транспортной работы по сравнению с автобусами соответствующего класса (в среднем на 19%).

Для решения задач формирования и модернизации парков пассажирского транспорта используются методы математического программирования, в соответствии с которыми могут быть разработаны

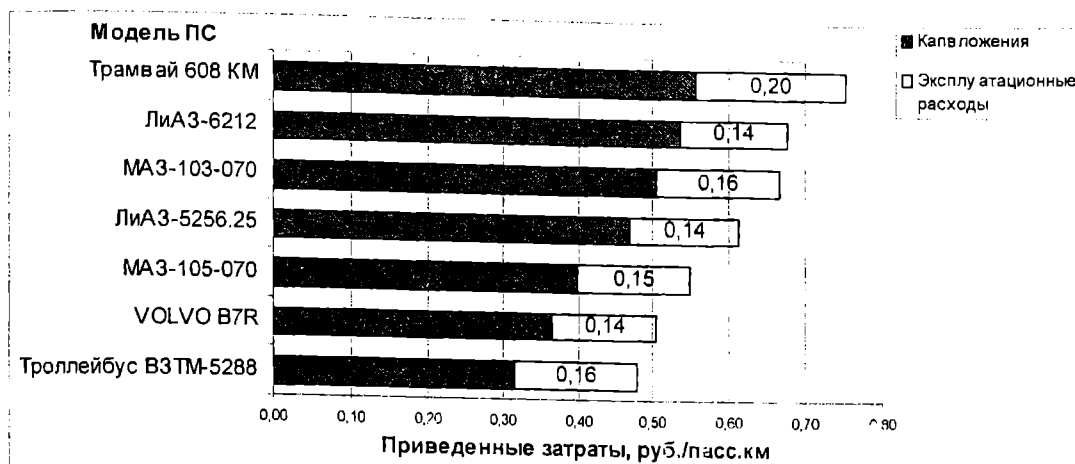

Рис. 1. Оценка экономической эффективности новых моделей ППТ г. Омск, цены по состоянию на 1.01.2004 г.)

оптимизационные модели, служащие для отыскания наилучших решений этих задач. Данные модели относятся к классу экстремальных с описанием условий функционирования рассматриваемой системы [6]. В общем виде задача модернизации автобусного парка конкретного города может быть сформулирована следующим образом: необходимо выбрать такой вариант (темп) обновления парка, при котором приведенные затраты на единицу транспортной работы будут минимальными. В связи с переходом на рыночную экономику ответственность за функционирование и развитие транспортного комплекса возложена на регионы, что и обусловило выбор данного критерия. Минимизация указанных затрат позволяет снизить расходы на функционирование нового парка и капвложения на его обновление за весь срок службы транспортных средств с учетом объемов транспортной работы.

Математическая модель строится на базе приведенной качественной модели. На основе формулы (1) разработана экономико-математическая модель оптимизации темпов обновления автобусных парков. Целевая функция имеет вид:

$$\sum_{i=0}^T \left(\sum_n \sum_k C_{nk} + \sum_m C_m + \frac{\sum_n K_n}{\sum_n \sum_k P_{nk} + \sum_m P_m} \right) \rightarrow \min, \quad (3)$$

при ограничениях:

$$C = C_{um} + C_{cm} + C_{ш} + C_{рф} \quad (4)$$

$$Q_i \geq Q_{\text{рем.зак}} \quad (5)$$

где t – год эксплуатации ПС, $t = 0, 1, 2, \dots, T$, T – срок службы ПС, n – существующая модель ПС в парке, k – количество ПС n -ой модели в парке, ед., i – вариант (процент) обновления парков ПС; m – количество новых моделей ПС при i -ом варианте обновления парка, ед., C_{nk} , C_m – соответственно годовые эксплуатационные затраты n -ой и новой модели при i -ом варианте обновления парка, руб./пасс.км, K_m – стоимость новой модели ПС, руб., P_{nk} , P_m – соответственно годовой объем транспортной работы n -ой и новой модели ПС при i -ом варианте обновления парка, пасс.км, A_t – коэффициент дисконтирования на t -ом шаге расчета, i – вариант (процент) обновления, C_{um} , C_{cm} , $C_{ш}$, $C_{рф}$ – соответственно затраты на автомобильное топливо, смазочные материалы, шины, ремонтный фонд, руб., Q_t , $Q_{\text{рем.зак}}$.

Таблица 1

Программа обновления парка автобусов большой вместимости г. Омска

Сценарий обновления	Списочное количество ПС на начало года, ед.				Ежегодное списание, ед.	Ежегодное приобретение, ед.	Прирост парка ПС, %, 2007/2004	Обновление парка ПС, %, 2007/2004
	2004	2005	2006	2007				
Пессимистический	575	580	585	590	24	29	+2,6	14,7
Реалистический	575	585	595	605	48	58	+5,2	28,8
Оптимистический	575	589	603	617	72	86	+7,3	41,8

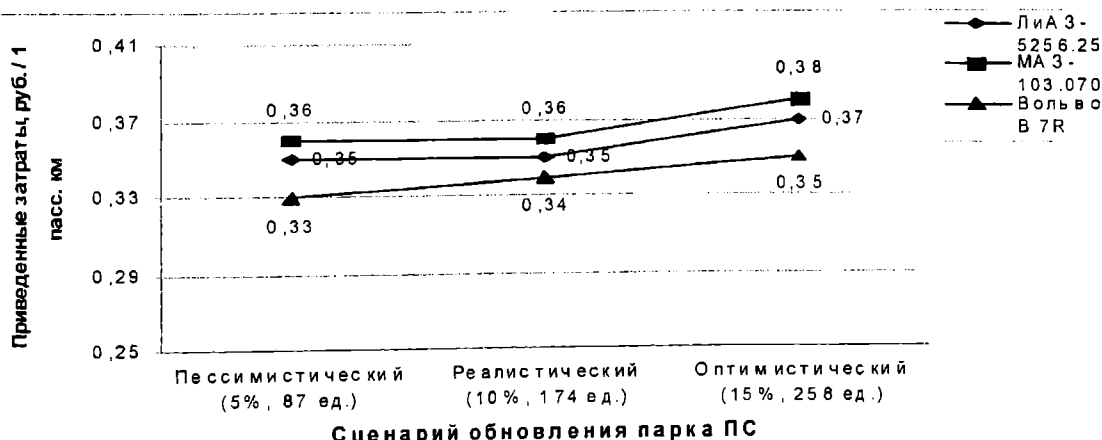

Рис. 2. Зависимость приведенных затрат от темпов обновления парка автобусов большой вместимости г. Омска

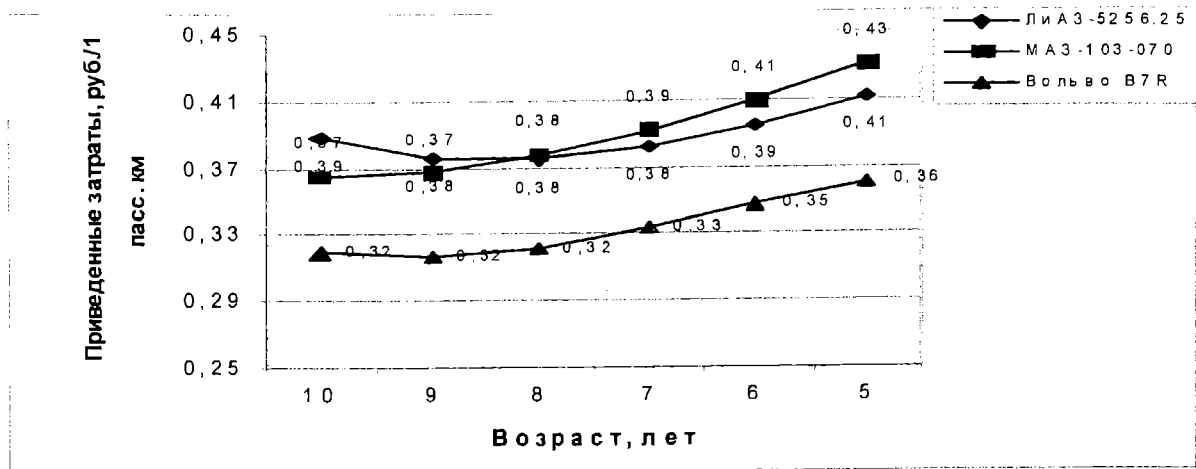

Рис. 3. Зависимость приведенных затрат от возраста парка автобусов большой вместимости г. Омска

— планируемый годовой объем перевозок и годовой объем муниципального заказа при i -ом варианте обновления парка, пасс.

Условие (4) обеспечивает включение в расчет видов затрат, определяющих экономичность ПС при эксплуатации, условие (5) определяет минимальный годовой уровень выполнения объемов пассажирских перевозок.

При выполнении технико-экономических обоснований рассмотрены 3 варианта (сценария) обновления парков: пессимистический (5% от списочного количества ПС), реалистический (10%) и оптимистический (15%), характеризующиеся уровнем затрат на приобретение и эксплуатацию ПС, а также природом основных величин показателей по выполнению производственных программ АТП. Данные темпы обновления соответствуют реальным размерам поставок ПС в автобусных парках городов. В качестве примера моделирование процесса модернизации проведено для г. Омска. Программа обновления автобусного парка большой вместимости в соответствии с рассмотренными сценариями представлена в табл. 1.

Результаты расчетов по разработанной модели с использованием математического метода последовательного анализа вариантов на трехлетний период [7] представлены на рис. 2.

При построении графиков-зависимостей образуются области оптимальных величин темпов обновления, которые характеризуются наименьшими значениями приведенных затрат на единицу транспортной работы парка. Анализ кривых показал, что наиболее оптимальный темп для г. Омска определяет реалистический сценарий, границы которого находятся в пределах 8-12% ежегодно обновления от списочного состава парка. Объемы списания при этом составляют 80% от объемов закупок. Указанные оптимальные области образуются при использовании в расчетах автобусов ЛиАЗ-5256.25 и МАЗ-103-070. Использование автобуса Вольво В7R смещает оптимальную область к темпам пессимистического варианта обновления, что объясняется высокими капвложениями на приобретение данного автобуса по сравнению с другими моделями. Применение в расчетах автобуса VOLVO B7R позволяет снизить суммарные приведенные затраты до 20% по сравнению с автобусами ЛиАЗ и МАЗ, не имеющие между собой существенных отличий.

Выпускаемые в настоящее время отечественные модели ПС автобусов рассчитаны на более продолжительный период эксплуатации по сравнению с существующими моделями и в дальнейшем будут формировать возрастную структуру парков городов.

Решение задачи оптимизации возрастной структуры парков позволит определить их средний возраст, при котором будет достигнут определенный уровень качества транспортного обслуживания населения. Основным критерием также будет выступать минимум приведенных затрат на единицу транспортной работы парка. Результаты расчетов по определению оптимального возраста парков городов с использованием различных моделей автобусов при обновлении представлены на рис. 3. Оптимальная область среднего возраста парка г. Омска, характеризующаяся минимальными значениями приведенных затрат, соответствует 8-9 годам.

Данная методика была использована при разработке региональных программ обновления автобусного транспорта в рамках ФЦП. Расчеты, проведенные для 11-ти сибирских городов, показали, что за 3 года необходимо приобрести 1248 и списать 1047 автобусов. Прирост парка при этом в среднем составит 8,4%. Выполнение данных мероприятий позволит до 20% снизить эксплуатационные затраты АТП и улучшить качество транспортного обслуживания населения городов. В результате последовательного улучшения структуры парков автобусов значительно улучшится их техническое состояние: возраст снизится на 30%, износ — на 33%, средняя вместимость вырастет на 23%.

При оценке эффективности модернизации автобусных парков кроме непосредственного экономического необходимо учитывать сопутствующий экономический эффект, возникающий за пределами сферы транспорта и отражающий его влияние на уровень жизни населения и окружающую среду. Ежегодный предотвращенный ущерб в городах Сибири при приобретении 1248 ед. автобусов к 2008 г. составит 289 млн руб. в год, в т.ч. от снижения числа ДТП — 144,0 млн руб., улучшения состояния окружающей среды — 5,0 млн руб., снижения затрат времени населения на поездки — 140,0 млн руб.

Библиографический список

1. «Модернизация транспортной системы России до 2010 г.» Федеральная целевая программа, подпрограмма «Реформирование пассажирского транспорта общего пользования». Утверждена постановлением Правительства РФ 5.12.2001 г. — № 848.
2. Сафронов Э.А. Транспортные системы городов и регионов: Учеб. пособ. — М.: Изд-во АСВ, — 2005. — 272 с.
3. Методические указания по разработке программ развития транспортных комплексов субъектов РФ /Минтранс РФ. — М., 2001. — 133 с.

4. Определение экономической эффективности систем городского пассажирского транспорта. Методическое пособие. Под ред. И.А. Молодых. ИКТП. М.: «Транспорт», 1977. — 64 с.

5. Дажин В.Г. Российский автобус: цена и качество // Автомобильная промышленность. — 2004. — №6. — С. 1-3.

6. Экономико-математические методы и модели: Учеб. пособие / Н.И.Холод, А.В. Кузнецов, Я.Н. Жихар и др.: Под общ. ред. А.В. Кузнецова, 2 изд. — Мн.: БГЭУ, 2000. — 412 с.

7. Теория вероятностей и математическая статистика: Учеб. пособие. — М.: ИНФРА-М, 2004. — 287 с.

СЕМЕНОВА Екатерина Сергеевна, аспирант.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.05.2006 г.

© Семенова Е.С.

УДК 658.14.336

**Л. В. ЭЙХЛЕР
О. В. ФАЛАЛЕЕВА**

Сибирская государственная
автомобильно-дорожная академия

ПОСТОЯННЫЕ ЗАТРАТЫ И ФАКТОРЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ НА НИХ ВЛИЯНИЕ, НА ГРУЗОВЫХ АВТОТРАНСПОРТНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Основным показателем, характеризующим финансовое состояние грузового автотранспортного предприятия, является степень его платежеспособности, которая зависит от величины выручки и затрат. На основании проведенных исследований были выявлены факторы, влияющие на размер постоянных затрат: мощность предприятия, ассортимент услуг, цены поставщиков, общегосударственная нормативно-правовая база, уровень учета и контроля за постоянными расходами, политика предприятия, направленная на экономию всех видов ресурсов, заинтересованность работников в снижении постоянных затрат.

Анализ уровня финансовой устойчивости любого автотранспортного предприятия, как правило, проводится с использованием целой группы показателей. При этом согласно Федеральному закону № 127-ФЗ юридическое лицо считается несостоятельным при его неспособности в полном объеме исполнять обязанность по уплате обязательных платежей. А основным показателем, характеризующим способность организации расплачиваться по своим обязательствам, согласно Методическим указаниям по проведению анализа финансового состояния, является степень его платежеспособности.

Степень платежеспособности характеризует общую ситуацию платежеспособности предприятия и определяется соотношением величины обязательств и среднемесячной выручки. Если учитывать, что величина обязательств напрямую зависит от расходов организации, то степень платежеспособности определяется выручкой и затратами грузового автотранспортного предприятия.

Процесс формирования выручки автопредприятия напрямую зависит от количества клиентов и величины тарифа за осуществляемую транспортную работу. На величину тарифов автотранспортная организация может влиять в незначительной степени, поскольку они регулируются рынком и отраслевыми положениями. Остаются клиенты, которые обращают особое внимание при выборе грузоперевозчика на величину цен (тарифов) и качество обслуживания.

Второй процесс — процесс формирования затрат грузового автотранспортного предприятия при перевозке грузов представлен на рис. 1.

Именно процессу формирования затрат следует уделять основное внимание, поскольку от величины расходов зависит себестоимость, а следовательно и прибыль организации. При этом особому контролю и анализу следует подвергать постоянные затраты, поскольку они существуют постоянно, независимо от объемов осуществляемой транспортной деятельности и формируют обязательные платежи, при отсутствии которых на организацию могут быть наложены как штрафные санкции, так и санкции о приостановке поставок некоторых видов ресурсов (таких как тепло, электроэнергия, водоснабжение, телефонная связь).

Изучение постоянных затрат грузового автотранспортного предприятия следует начинать с выявления факторов влияющих на их уровень.

Анализ постоянных затрат и причин их возникновения позволил выделить факторы характерные для грузовых автотранспортных организаций. Анализ затрат производился на нескольких предприятиях города Омска. В результате исследования были выделены следующие основные факторы:

- мощность грузового автотранспортного предприятия или грузового автотранспортного подразделения. В свою очередь мощность может характеризоваться среднесписочным количеством грузового

подвижного состава, среднесписочной численностью работников или выполняемой транспортной работой, выраженной через объем транспортных работ (тонн), грузооборот (т-км), пробег автомобилей (км) и отработанные автомобиле-часы. В результате исследования было выявлено, что чем крупнее предприятие тем выше доля его постоянных затрат в структуре всех расходов организации. Это связано с повышенными расходами на содержание помещений, управленческого персонала, страхование и другие расходы;

- ассортимент транспортных услуг. Предоставляемые автотранспортной организацией дополнительные виды услуг, такие как ремонтные работы автотранспорта, дополнительные экспедиционные услуги, сдача в аренду свободных площадей и подвижного состава, услуги платной стоянки позволяют вместе с увеличением дохода снижать некоторые виды расходов (налогообложение доходов платной стоянки единым налогом на вмененный доход);

- цены поставщиков. Цены поставщиков выступают одним из основных факторов при формировании постоянных затрат грузового автотранспортного предприятия. Это связано в первую очередь с особенностями отрасли грузового автомобильного транспорта, поскольку данные предприятия располагают крупными строениями, производственными корпусами (цехами, гаражами) и другими зданиями. В связи с этим значительную долю постоянных расходов составляют коммунальные платежи, предоставляемые поставщиками. В силу своей специфики организации автомобильного транспорта вынуждены периодически пользоваться услугами и ряда других организаций, расходы по которым также являются постоянными;

- общегосударственная нормативно-правовая база. Данный фактор включает в себя законы, положения и акты всех уровней власти, которые определяют размер налоговых платежей и обязательного страхования автомобильного транспорта, а также оказывают влияние на размер постоянных расходов, связанных с техникой безопасности, и другие затраты;

- уровень учета и контроля за постоянными расходами. От уровня учета и контроля зависит способность грузового автотранспортного предприятия влиять на размер своих постоянных затрат, контролировать и планировать свои расходы;

- политика предприятия направленная на экономию всех видов ресурсов. Задача экономии всех видов ресурсов поставленная перед всеми отделами и подразделениями автотранспортной организации дает возможность решать проблему высоких постоянных расходов комплексно. В производственных цехах эта задача может реализовываться через рациональное использование воды и электроэнергии, в бухгалтерском отделе - через применение экономически более выгодных налоговых режимов и систем учета, в планово-экономическом отделе — через предложения альтернативных способов использования основных средств и так далее;

Книжная полка

Моделирование межрегиональных и межотраслевых взаимодействий: Сборник статей / Под ред. Т.С. Онучак. Выпуск 2. - М.: ЦЭМИ РАН, 2006. - 128 с.

Рис. 1. Формирование затрат грузового автотранспортного предприятия при перевозке грузов.

- заинтересованность работников в снижении постоянных затрат. Данный фактор выражается через личную заинтересованность каждого отдельного работника в снижении некоторых конкретных затрат. Стимулирование заинтересованности работников, как правило, осуществляется через разработку и применение на каждом автотранспортном предприятии системы морального и финансового поощрения. Система поощрений позволяет снижать постоянные затраты не только очевидными способами, но и способствует появлению новых идей для их уменьшения.

Взяв за основу вышеприведенные факторы и дополнив их некоторыми характерными для себя составляющими, каждое автотранспортное предприятие может построить своё факторное пространство. Проранжировав факторы и выявив наиболее значимые из них, предприятие должно выявить свои слабые и сильные стороны в процессе управления постоянными затратами. Акцентируя внимание на факторах (по его мнению), в максимальной степени влияющих на уровень постоянных затрат, организация должна разработать комплексный план направленный на улучшение организации контроля и анализа за постоянными расходами и разработать мероприятия, способствующих их снижению.

Проанализировав факторы и сделав определенные выводы каждое грузовое автотранспортное предприятие способно повлиять на размер своих постоянных затрат, что в свою очередь положительно скажется как на его финансовой устойчивости, так и на конкурентоспособности, а также эффективности деятельности. Анализ причин увеличения постоянных затрат и разработка мероприятий по их снижению является обязательным процессом для успешной деятельности каждого автотранспортного предприятия.

ЭЙХЛЕР Лариса Васильевна, к. э. н., доцент, зав. кафедрой экономики и управления.

ФАЛАЛЕЕВА Ольга Владимировна, аспирант.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.08.2006 г.

© Эйхлер Л.В., Фалалеева О.В.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В СИСТЕМЕ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Особенностью стратегии формирования интеллектуального потенциала региона является необходимость выбора последним своей позиции в общенациональной системе разделения труда. В результате реформы предпринимательский сектор не только получил прямой доступ к интеллектуальным ресурсам региона, но и достаточно оперативно подключается к их воспроизводству, устойчиво, хотя и с присущими рынку колебаниями, замещая бюджетное финансирование в отдельных секторах научной деятельности. Меняются инструменты и методы регулирования научной сферы.

Интеллектуальный потенциал является фактором развития хозяйственных систем любого уровня и его значение возрастает в условиях современной информационной революции и глобализации. Социальное и духовное развитие общества также в значительной степени определяется состоянием его интеллектуального потенциала.

Широко развернувшаяся в последние годы регионализация экономики России сопровождается передачей значительной части федеральных властных функций на уровень регионов, существенно расширяется сфера и роль регионального управления, повышается степень самоорганизации, саморегулирования в широком смысле и самодостаточность регионов. Параллельно наблюдается процесс свертывания административных рычагов управления, расширяется рыночная составляющая экономических связей и отношений, идет поиск новых методов, инструментов прямой и косвенного регулирования, в том числе для корректировки и преодоления ограниченности складывающегося рыночного механизма.

Интеллектуальный потенциал - многофакторное, полиструктурное понятие, соединяющее в себе человеческий, образовательный, научный, информационный, организационный, инновационный, инвестиционный, институциональный, социальный аспекты, образующие в совокупности интеллектуальные предпосылки научно-технического, экономического, духовного, нравственного и социального развития фирмы, региона, страны в целом.

Ограниченные рамки статьи не предполагают развернутой, системный анализ такого сложного, многофункционального объекта как интеллектуальный потенциал, но позволяют определить задачи, цели, общие исходные предпосылки и направления исследования, выявить некоторые тенденции трансформации отдельных структурных элементов интеллектуального потенциала региона.

В качестве системообразующего структурного элемента интеллектуального потенциала региона можно рассматривать науку. Наука, по определению, является интернациональным фактором экономического роста, по своим функциям и сферам применения она не имеет не только региональных, но и национальных границ. Но вместе с тем по месту финансирования, по приоритетности открытий, возникновению научных идей, по месту первичного применения, по использованию ее достижений в приклад-

ной сфере она может быть вполне определенно локализована, как и другие факторы производства.

Разделение функций центра и регионов, государственных и частных субъектов рынка в сфере науки безусловно один из наиболее сложных и соответственно менее разработанных аспектов регионализации и тем не менее этот процесс просматривается все более отчетливо. Наука как синтез общенациональных, региональных и частных интересов и целей во всех странах рыночной экономики имеет многоуровневую структуру организации и многоуровневое финансирование; задачи везде едины - формирование, воспроизводство, своевременное обновление и рациональное использование интеллектуального потенциала общества. Эффективно работающую систему необходимо создать в России и в регионах. Система начинает постепенно выстраиваться, этот процесс необходимо ускорять и стимулировать, придавая ему характер упорядоченного развития, насколько это возможно в рыночной среде.

Научный потенциал региона неоднороден. Во-первых, он включает общенациональный компонент, это относится к исследованиям фундаментального и отраслевого характера, главным образом отраслей приоритетных направлений, и здесь необходима ощутимая поддержка федерального бюджета и министерств. Во-вторых, он имеет региональный компонент, который должен расширяться при прямой и косвенной поддержке региональных властных структур.

Расширение законодательных функций регионального управления в сфере науки выразилось в принятии 6 января 2000 г. закона "О государственном регулировании в сфере научной деятельности и научно-технической политики в Омской области" [3, с. 3455-3462], и последующего закона от 29 января 2001 г. "О внесении изменений в закон Омской области "О государственном регулировании в сфере научной деятельности и научно-технической политики в Омской области", которые дополняют соответствующие правовые акты, действующие на территории Российской Федерации.

Разработка стратегии формирования интеллектуального потенциала региона имеет свои особенности. Если для страны задача состоит в том, чтобы создать потенциал, обеспечивающий современный уровень ее технического, экономического и социального развития, то для региона это кроме того проблема выбора своей позиции в общенациональной системе разделения труда. Поскольку регион экономически не в со-

стоянии развивать все направления научных исследований, их структура объективно должна быть увязана с его хозяйственной деятельностью в ее современном состоянии и с учетом перспектив развития. Регионализация экономики России с неизбежностью должна усилить внутрифедеральное разделение труда в рамках сократившегося со времен СССР экономического пространства, а возможно и в границах более широкого ареала. Эта новая схема специализации еще только слегка обозначается. Разработка общей концепции развития региона в целом является предпосылкой эффективного управления его интеллектуальным потенциалом.

Принятие упомянутых выше законов означает, что на региональном уровне осуществляется правовое регулирование "общественных отношений между органами государственной власти Омской области, субъектами научной деятельности и потребителями научной продукции в процессе ее производства и потребления" (ст. 1). Сферой регулирования охвачено в первую очередь производство и потребление научной продукции; сфера реализации, собственно рыночная составляющая, в процесс регулирования напрямую как бы не включается. Можно предположить, что именно в этой сфере открыт простор рыночным отношениям, запущен рыночный механизм. Статья 4.2 предусматривает участие органов государственной власти Омской области в "формировании рынка научно-технической продукции".

В рассматриваемом законе от 6 января 2000 г. определяются развернутые цели, задачи и принципы научно-технической политики Омской области с учетом стратегических направлений развития региона и вместе с тем предлагается формирование межрегиональных горизонтальных связей, сохранение и выстраивание новых ветвей вертикали управления:

1) участие в формировании межрегиональных органов управления в сфере научной деятельности и научно-технической политики (ст. 4.1.);

2) совместно с органами государственной власти РФ органы государственной власти Омской области участвуют в выработке и реализации государственной научно-технической политики и формировании экономического механизма ее осуществления;

3) в формировании составов федеральных научных и координационных советов по проблемам науки и техники, научно-технических комиссий, экспертных и рабочих групп;

4) в организации научно-технического прогнозирования;

5) в размещении объектов научно-технического потенциала и создания инфраструктуры научной и инновационной деятельности и др. (ст. 4.2).

Финансирование научной деятельности в Омской области осуществляется в том числе и за счет средств федерального бюджета (ст. 6); областные разделы в федеральных и межгосударственных целевых программах формируются через государственных заказчиков программ (ст. 11).

Свобода научной деятельности исключает прямое вмешательство органов власти в научную работу, при этом регулирование должно осуществляться законодательными, экономическими и прочими методами (ст. 3.2).

Закон отражает множественность форм собственности и источников финансирования научной деятельности на территории Омской области (ст. 6, 9, 10). Предусматривается, что научные организации негосударственных форм собственности могут претендовать на целевое финансирование из областного бюд-

жета с момента своей государственной аккредитации (ст. 6). Коммерческие и некоммерческие организации могут выступать заказчиками областных целевых научных программ (ст. 10). Доступ к использованию регионального исследовательского потенциала и к участию в региональных целевых программах получили и иностранные инвесторы (ст. 6, 10).

Необходимость практической реализации задач регулирования научной деятельности и научно-технической политики обусловили создание Омского государственного фонда поддержки научно-технической деятельности, внебюджетного фонда финансирования научных исследований и экспериментальных разработок, научного координационного совета Омской области (в последний входят представители всех категорий научных организаций, аккредитованных на территории Омской области). Таким образом, управление научной деятельностью приобретает все более демократический характер, в нем участвуют рыночные агенты всех форм собственности, интересы разных агентов учтены в процессе государственного регулирования данной сферы деятельности.

В целом реализация научно-технической политики в Омской области предусматривает "объединение системного и программного подходов в решении основных задач управления научной деятельностью".

Рассмотрим подробнее динамику научной и кадровой составляющих научно-исследовательского потенциала Омской области.

Базой развития науки и технологий региона является его научно-технический комплекс, представляющий собой совокупность организаций различных организационно-правовых форм собственности, осуществляющих научную, информационную и экспериментальную деятельность.

Научными исследованиями и разработками в 1990 г. занимались 54 организации, в 1995 г. - всего лишь 41, в 2000 г. - вновь 54 (рис. 1). Налицо тенденция к восстановлению, но она оказалась кратковременной: к 2004 г. количество организаций сократилось до 45. [2, с. 5; 5, с. 216; 8, с. 201].

За тот же период после некоторого подъема сократилось количество НИИ: в 1999 г. - 20, в 2000 г. - 22, в 2001 г. - 21 [2, с.6], в 2002 г. - 19, в 2003 г. - 18 [5, с. 216]. Более устойчивыми оказались НИИ отраслевого профиля, очевидно, сказалась их большая изначальная ориентация на потребности рынка. В Омске в 2002 году работало 12 НИИ отраслевого характера. Жизнеспособными оказались две новые самостоятельные организации, отнесенные к числу научных учреждений. Меняется само название статистических единиц: ранее они именовались НИИ, с 2004 года - научно-исследовательские организации.

Оживление, а затем стабилизация научных исследований и разработок наблюдается и в высших учебных заведениях. В 1999 г. научные исследования проводились в 8, в 2000 г. - в 7, в 2001 - 2004 гг. - в 9 образовательных учреждениях. Возрождение омской промышленности способствовало восстановлению и даже временному увеличению количества конструкторских бюро: 1990 г. - 14, 1995 г. - 12, 2000 г. - 17, 2001 - 2004 гг. - 14 [2, с.5; 5, ч. 2, с.216; 8, ч. 2, с.201]. Особые проблемы омской промышленности, а следовательно, и ее научных подразделений - это в значительной степени стихийная конверсия оборонного производства, жесткая конкуренция за государственные военные заказы, неопределенность стратегических приоритетов федеральной власти, неясность в конкретном выборе тех предприятий, которым будет позволено продолжить производство оборонной продукции. Эти

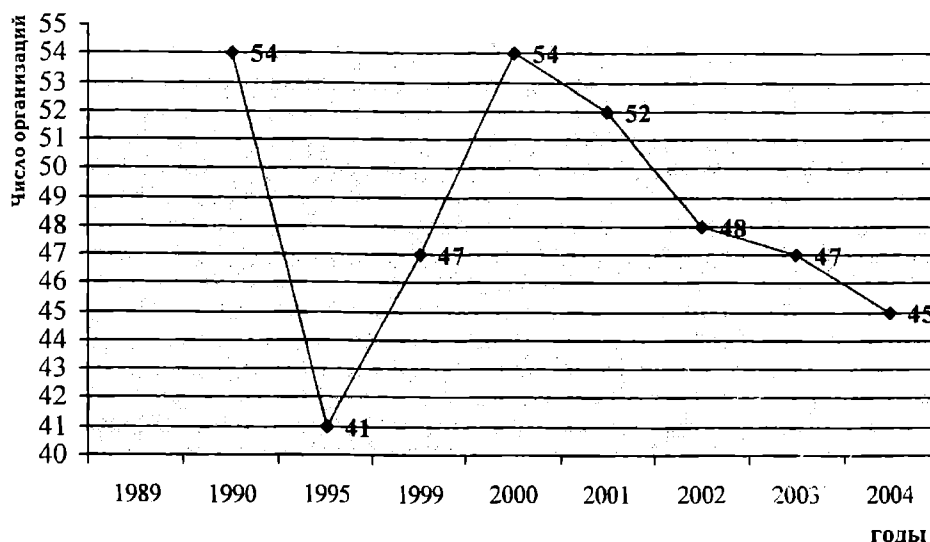

Рис.1. Число организаций, выполнявших исследования и разработки в Омской области

проблемы сказываются и в финансировании науки, и в тенденциях занятости.

С изменением форм собственности, переходом к частной собственности рыночные агенты получили прямой доступ не только к материальным ресурсам, производственным фондам, но и к интеллектуальному потенциалу общества, стали его активными пользователями и производителями научно-технического продукта. Новые рыночные отношения отражает распределение организаций по секторам деятельности (табл. 1) [5, с. 216; 8, с. 201].

Общее число организаций, выполнявших исследования и разработки, поэтапно уменьшалось, резкий спад зафиксирован к 1995 году, предреформенный уровень достигнут лишь в 2000 году, затем сокращение организаций продолжилось, однако темпы неравномерны, в последние три наблюдаемых года они явно замедляются. Государственный сектор теряет долго удерживаемые позиции, наиболее устойчив сектор высшего образования, высокие темпы роста продемонстрировал предпринимательский сектор, но и он не избежал сокращения, все же сохранив при этом ведущие позиции по количеству организаций.

На протяжении рассматриваемого периода существенно изменялась часть показателей статистического учета, характеризующих деятельность научно-исследовательского сектора. В целом они дают некоторое представление об общих тенденциях, но делают практически невозможным сравнительный анализ по периодам. Так, в 1999-2001 гг. учитывался в стоимостном выражении в текущих ценах объем конечного продукта сектора по структурным элементам - научные исследования, разработки и технические услуги; а также по формам собственности. Областные статистические ежегодники 2004 и 2005 гг. имеют иные разделы и показатели. Так, раздел "результативность исследований и разработок" включает следующие показатели: число созданных передовых технологий и число используемых передовых промышленных технологий по годам внедрения, а также данные по технологическим инновациям; показатели торговли технологиями с зарубежными по годам, по формам собственности, по отраслям экономики, по отдельным странам; количество инновационно активных организаций по видам их деятельности, факторы, препятствующие инновациям в организациях промышленности. Еще недостаточно разработаны методики стоимостного учета показателей эффективности научного сектора в условиях постоянно меняющейся рыночной оценки. Между тем показатели

занятости и внутренних затрат в секторе научно-исследовательской деятельности оказались в целом относительно более сравнимы по периодам.

Обратимся к имеющимся стоимостным показателям конечного продукта деятельности научно-исследовательского сектора в 1999-2001 гг. по данным Омского облкомстата.

Общий объем научных исследований, разработок и технических услуг, выполненных в 2001 г. составил 1064,4 млн руб., из них собственными силами - 940,8 млн руб. Последний показатель демонстрирует убедительный рывок, он увеличился в сопоставимой оценке по сравнению с 2000 г. на 18,8 %, увеличился и его удельный вес в общем объеме выполненных работ с 81,9 % в 2000 г. до 88,4 % в 2001 г. [2, с.6]. Однако меняется структура конечного продукта научного сектора. Без учета технических услуг, доля исследований и разработок в общем объеме, выполненном собственными силами, сократилась с 99 % в 1999 г. до 96,7 % в 2001 г. Пока неясно, чем вызваны изменения: временными ли потребностями выживания в сложных экономических условиях переходной экономики, или изменения являются проявлением реакции рыночного механизма, который, как известно, достаточно оперативно и гибко реагирует на изменение текущей конъюнктуры, что неизменно является его сильной стороной, но слабо улавливает долгосрочные тенденции.

Новые рыночные отношения отражают распределение объема научно-технических работ по организациям разных форм собственности. В Омске в 2001 г. объем работ, выполненных организациями федеральной формы собственности, составил 641,2 млн руб.; собственности субъектов РФ - всего лишь 0,2 млн руб.; муниципальной формы собственности - 6 млн руб.; частной - 290,5 млн руб.; усилились позиции смешанной российской собственности (без участия иностранного капитала) - 126,5 млн руб. [2, с. 10].

Таким образом, организации частного сектора, выполняющие исследования и разработки, хотя и преобладают количественно, (табл. 1), но не являются столь крупными и значимыми, как государственные организации. Вертикальные, федеральные связи и управление в научной сфере, так же как и в высшем образовании, в этот период все еще весьма существенны.

Вместе с тем следует отметить, что позиции организаций частной формы собственности в течение двух лет все же заметно усилились: объем их научно-технических работ в фактически действующих ценах увеличился с 1999 г. по 2001 г. в 8,5 раза, существенно опережая динамику соответствующего

показателя организаций государственного сектора; для организаций федеральной собственности он увеличился в тех же фактически действующих ценах лишь в 2,6 раза.

Новые тенденции проявляются и в распределении работников, выполняющих исследования по организациям разных форм собственности. Так, с 1999 г. по 2001 г. доля работников в организациях федеральной собственности выросла с 59,3 % общего объема численности до 63,1 %, а занятых в организациях частной собственности с 12,97 % от общей численности до 23,07 %. Таким образом, рост занятости в организациях частной формы собственности происходит значительно более быстрыми темпами, по сравнению с государственными научными учреждениями, при том, что последние все еще лидируют по численности занятых и продолжают увеличивать свою долю [2, с. 11].

Еще более убедительно выглядит деловая активность частного сектора в области научных исследований и разработок при анализе распределения внутренних затрат по секторам деятельности. Из 768,8 млн руб. общего объема внутренних затрат в 2001 г. на предпринимательский сектор пришлось 644,8 млн руб., т.е. 83,9 %; на государственный - 72,6 млн руб., или 9,4 %; на высшее образование - 51,4 млн руб., т.е. 6,7 % в общей структуре внутренних затрат на выполнение научных исследований и разработок [2, с. 10].

Обращает на себя внимание довольно необычное, на первый взгляд, соотношение с одной стороны, объема выполненных организациями разных форм собственности научно-исследовательских работ; с другой стороны, распределение внутренних затрат по секторам деятельности в 2001 г. В первом случае явно преобладают (в 2,2 раза) организации государственной формы собственности - 641,2 млн руб., по сравнению с 290,5 млн руб. объема выполненных работ организациями частной формы собственности. Во втором случае первенство принадлежит предпринимательскому сектору - 644,8 млн руб. по сравнению с 124,0 млн руб. внутренних затрат организаций государственного сектора [2, с. 10].

Однако, если учесть бюджетные средства, дополняющие собственные затраты организаций государственного сектора (включая высшее образование), то преобладание затрат предпринимательского сектора не является таким уж значительным, всего около 20 млн руб.

При столь близких показателях затрат явное и существенное превышение объема выполненных научно-технических работ организациями федеральной формы собственности по сравнению с организациями частной собственности, несомненно свидетельствует о большей эффективности ранее сложившихся в сфере науки институциональных структур по крайней мере в периоде 1999-2001 гг. Следует однако принимать во внимание и такое новое, явно рыночное явление как организации смешанной формы собственности (без иностранного участия) с долей в общем объеме научно-технических работ в размере 126,5 млн руб. [2, с. 10]. Их совместный результат с организациями частного сектора - 417 млн руб. всего лишь в 1,5 раза меньше объема научно-технических работ, выполненных организациями государственного сектора. Налицо активная позиция новых рыночных структур в сфере научно-технических работ.

А в 2001 г. общие внутренние затраты на науку в Омске составили 768,8 млн руб., причем внутренние текущие затраты преобладали - 756,7 млн руб., а внутренние капитальные затраты были незначительны и составили 12,1 млн руб., т.е. 1,57 %. В 2004 г. общие зат-

раты выросли до 1925 млн руб., а капитальные затраты составили 59,9 млн руб. [8, с. 218], то есть 3,11 %. Тенденция в целом положительная, однако следует иметь в виду, что в структуре капитальных затрат появилась новая отсутствовавшая ранее позиция - затраты на приобретение земли под постройки и приобретение недвижимости. Переход к рынку таким образом приводит к удорожанию продукта научно-исследовательской деятельности в связи с необходимыми затратами, не имеющими непосредственного отношения к собственному процессу создания продукта.

Распределение внутренних текущих затрат по видам работ демонстрирует абсолютное преобладание затрат на разработки, что обусловлено потребностями, в первую очередь, предпринимательского сектора (табл. 2). [8, ч. 2, с. 218].

Тенденции изменения внутренних текущих затрат на исследования и разработки по каждому виду работ весьма неустойчивы даже в краткосрочном периоде, они могут отражать как изменение общей конъюнктуры экономического развития региона, так и поиск своей рыночной стратегии агентами разных секторов экономической деятельности.

Разработки, как известно, представляют значительно больший текущий, практический, коммерческий интерес для предпринимательского сектора, чем исследования. Последние, как правило, могут финансировать лишь крупные рыночные структуры.

Переход к рыночной экономике сопровождался в России переходом к новым способам финансирования науки и сокращением общего объема финансирования. Современное финансирование науки представляет собой более сложную систему со своей структурой, в которой расчлняются источники финансирования, методы обеспечения денежных средств и др.

Прямое финансовое обеспечение осуществляется базовым и программно-целевым методами. В первом случае средства выделяются учреждениям и организациям. Базовый принцип доминирует в академическом секторе. Сокращение омских НИИ академического профиля с 20 в 1999 году до 9 в 2001 году было обусловлено в том числе и бюджетным дефицитом Российской Федерации. [2, с. 6]

Во втором случае, при программно-целевом подходе, объектами финансирования являются конкретные темы, проекты, программы. Целевое выделение средств, в свою очередь, может быть как контрактным, при этом средства направляются непосредственно исполнителю, так и фондовым, когда средства предвительно концентрируются в специальных фондах и направляются исследователям в форме грантов. При этом имеет место конкуренция за ограниченные финансовые ресурсы.

Финансовое обеспечение академических учреждений сочетает базовое и программное финансирование в пропорции примерно 3:1.

Вместе с тем, управление фундаментальной наукой через госзаказы, гранты, целевые централизованные фонды, по-видимому, должно оставаться прерогативой центральных органов, формирующих стратегические направления развития страны. Они, в свою очередь, могут опираться на научный потенциал регионов, в том числе в области фундаментальных исследований. Другим направлением фундаментальных, а также прикладных исследований в регионе по-прежнему могут быть исследования отраслевой ориентации, способные иметь межрегиональный спрос, реализацию, заказчиков. Разработки прикладного характера в расчете на заказы муниципальных и областных структур, а также с ориентацией на по-

требности местных производителей несомненно должны увеличиваться по мере развития региона, уточнения его места в межрегиональном разделении труда (табл. 3) [5, с. 221]

Рассматриваемые показатели по всем источникам финансирования (табл. 2) демонстрируют уже привычную нам волнообразную краткосрочную рыночную динамику, однако отдельные среднесрочные тенденции просматриваются вполне убедительно: 1) сокращается доля бюджетных ассигнований на расходы, связанные с исследованиями и разработками; 2) их позиции устойчиво, хотя и с некоторыми колебаниями, замещают средства организаций предпринимательского сектора; 3) повышается удельный вес средств, поступающих из иностранных источников, хотя и здесь имеют место большие или меньшие колебания; 4) собственные средства научных организаций все еще не играют существенной роли.

В целом можно отметить, что предпринимательский сектор не только получил доступ к интеллектуальным ресурсам региона, но и достаточно активно подключается к их воспроизводству, уделяя особое внимание, как уже ранее отмечалось, финансированию разработок.

"В промышленно развитых странах, - отмечает Н. Бекетов, - львиную долю расходов на НИР берет на себя промышленность, а у нас предпринимательский сектор обеспечивает только 19,6% общих расходов на науку". Омская региональная статистика демонстрирует более высокую, чем по России в целом, деловую активность нового предпринимательского сектора. Примером нового рыночного этапа развития открытости российской экономики является тот факт, что к финансированию внутренних затрат на исследования и разработки в Омской области подключаются средства иностранных источников - 15,8 млн руб. в 1999 г., 21,1 млн руб. в 2001 г. и т.д. [4, с. 256].

Задача власти регионального уровня в системе рыночных координат предполагает не только прямое или финансовое управление, но и формирование условий для расширения спроса на научный продукт и научно-технические услуги как со стороны предпринимательских структур при условии их эффективного развития и функционирования, так и со стороны областных и муниципальных заказчиков.

Оживление экономической деятельности в Омском регионе в итоге отразилось в росте количества хозяйствующих субъектов, учтенных в Едином государственном реестре предприятий и организаций и их обособ-

ленных подразделений на 1170 единиц на 1 января 2004 г. по сравнению с 1 января 2003 г. [7, с. 89], однако восстановление численности персонала, занятого исследованиями и разработками происходит все еще медленно (табл. 4). [8, с. 213]. Главными причинами являются неопределенность конверсионных процессов в крупной промышленности и активное расширение преимущественно малого и среднего бизнеса, возможности которых в сфере научно-исследовательской деятельности весьма ограничены.

За первые пять лет, с 1990 до 1995 гг. общая численность персонала, занятого исследованиями и разработками, сократилась вдвое и этот показатель не был восстановлен даже в 2004 году. Довольно устойчивую позицию занимал предпринимательский сектор, но и ему не удалось избежать сокращения в 2000 г. Правда, к 2003 году только этому сектору удалось превзойти показатель 1995 года. Жесткие колебания выпали на долю государственного сектора, в итоге его позиции сократились в 2004 году вдвое по сравнению с 1995 г. Сектор высшего образования, пережив, как и другие секторы, резкое падение в 2000 году, постепенно восстанавливал свои позиции, однако достичь уровня 1995 года ему все же не удалось. Именно для предпринимательского сектора рыночная среда последнего десятилетия оказалась наиболее приемлемой.

Изменение продукта научной деятельности по видам работ заметно повлияло на структуру занятости в научной сфере. Так, общая численность персонала, занятого исследованиями и разработками с 1990 г. по 2004 г. сократилась вдвое, при этом количество исследователей сократилось в 3,2 раза [8, с. 218].

Изменение структуры занятости в сторону ускоренного уменьшения численности исследователей может носить как временный, конъюнктурный, так и долгосрочный характер. Тенденция отчетливо проявит себя в более длительном периоде статистического наблюдения. С одной стороны, это может отражать новые рыночные предпочтения, переориентацию самой хозяйственной деятельности и сопровождающих ее научных структур и видов деятельности, в частности, возрастание роли прикладных исследований и разработок. Такое изменение можно было бы рассматривать как проявление действия рыночных механизмов, более жестко сориентированных на конъюнктурные запросы. С другой стороны, такая переориентация (перегруппировка) структуры занятости и одновременно сокращение общей численности персонала, занятого исследова-

Таблица 1

Число организаций, выполнявших исследования и разработки, по секторам деятельности (единиц)				
Год	Всего	В том числе по секторам деятельности:		
		государственный	предпринимательский	высшего образования
1990	54
1995	41	11	22	8
2000	54	11	35	8
2001	52	11	32	9
2002	48	11	28	9
2003	47	10	28	9
2004	45	8	28	9

Таблица 2

Внутренние текущие затраты на исследования и разработки по видам работ (в % к итогу)				
Годы	Всего	В том числе по видам деятельности:		
		фундаментальные исследования	прикладные исследования	разработки
2001	100	5,4	5,2	89,4
2002	100	4,3	8,5	87,2
2003	100	3,9	8,6	87,5
2004	100	4,2	7,5	88,3

ниями и разработками, может означать как временное, так и долгосрочное нежелательное ослабление позиций науки как фактора конкурентоспособности и экономического роста.

Научные кадры являются едва ли не самой главной составляющей научного потенциала. Подготовка и использование кадров высокой квалификации в регионе, также как и научная сфера в целом, подвержена действию нового рыночного механизма и претерпевает заметные изменения, идет поиск рыночных ориентиров.

Из всех видов ресурсов человеческий ресурс обладает наибольшей мобильностью, он имеет собственные стимулы саморазвития, самоорганизации, самотрансформации и миграции. Так, процесс "утечки умов", в том числе из регионов, стал новой реальностью реформируемой России. С другой стороны, человеческий ресурс менее подвержен текущему рыночному, конъюнктурному воздействию и в этом отношении он более инертен.

Интеллектуальный потенциал в его широком значении, рассматриваемый в кадровом аспекте - это совокупность множества профессионально дифференцированных субъектов, самостоятельно действующих на основе собственного целеполагания, интересов, индивидуальных и коллективных стимулов. С одной стороны, это специалисты, организационно включенные в производственную, научную, культурную и социальную сферу. Эта группа оказалась вполне жизнеспособной в условиях рынка, более или менее эффективно функционирует, в той или иной мере воспроизводится и замещается, поддерживает необходимый профессиональный уровень и повышает его, в частности, под давлением конкуренции на рынке труда. Рынок стимулировал появление новых, подчас высокооплачиваемых профессий, что расширило дифференциацию кадрового потенциала. Часть работников этой группы приобрела более высокий, чем прежде, социальный статус и уровень доходов.

Другая часть специалистов в силу ряда общеэкономических процессов, в частности крупномасштабного свертывания производства, изменения структуры потребительского, производственного, инвестиционного спроса, сокращения государственных заказов, вялого частного инвестирования в отдельных отраслях и сферах и множества других причин, свойственных переходной экономике, оказалась невостребованной еще не вполне сформировавшимся рынком и почти утратила квалификацию в связи с длительной безработицей или переходом на работу в сферы деятельности, не требующие высокой квалификации. Отъезд из региона в поисках работы, отказ от работы из-за низкой оплаты или в связи с потерей ранее высокой квалификации усугубляли ситуацию.

Переход к рынку сопровождался резким падением жизненного уровня специалистов бюджетной сферы - ученых, инженерно-технических работников, работников образования, здравоохранения, культуры, что не могло не сказаться на уровне научно-технического, духовного, экономического и социального развития.

Регион воспроизводил в той или иной степени общенациональные тенденции. Резкое снижение занятости в целом на первых этапах реформы порождало депрофессионализацию, деквалификацию значительной части населения, приводило к сокращению интеллектуального потенциала, девальвации знаний и как следствие, к падению престижа образования, в том числе высшего - в связи с невостребованностью рынком значительной части высококвалифицированных специалистов и их низкой оплатой, стимулировало

"утечку умов". Эти процессы противоречили общемировой тенденции повышения роли человека в экономическом развитии, усилению его влияния на характер и динамику качественных изменений, ускорения процессов обновления и динамизма преобразований в целом. По концепции ПРООН, "развитие должно служить интересам человека и расширению его возможностей как участника этого процесса".

Необходимость восстановления экономической и социальной динамики со временем усилила внимание к интеллектуальному потенциалу региона и страны в целом как предпосылке экономического, научно-технического и социального развития. Восстановление кадровой составляющей интеллектуального потенциала происходит уже в значительной степени на новой рыночной основе. Рынок диктует свои критерии и способы отбора, подготовки и использования специалистов и они далеко не всегда безупречны. Спрос на специалистов на рынке труда и спрос на те или иные специальности в сфере образования могут не совпадать, имеет место асимметричность рыночной информации. Рыночному механизму присущи почти мгновенное оперативное реагирование на текущие конъюнктурные изменения, - и в этом его преимущество, но управление стратегическим развитием остается все же прерогативой властных структур на всех уровнях хозяйствования - фирмы, региона, общества в целом.

К формированию образовательной составляющей интеллектуального потенциала омского региона активно подключаются рыночные структуры. Быстрыми темпами увеличилось количество негосударственных высших учебных заведений - с 3-х единиц в 1998/99 учебном году до 10 единиц в 2000/01 учебном году. Еще быстрее возрастало количество принимаемых студентов, за этот же период оно увеличилось в 8 раз, с 254 человек до 2051 человека. [4, с. 174]. В дальнейшем количество негосударственных вузов стабилизировалось, но число обучающихся в них студентов продолжает расти: в 2004 г. в 10 вузах обучалось 8175 студентов [8, с. 201].

На рынок образовательных услуг приходят филиалы центральных вузов, образовательные организации других стран, представления которых о стратегии развития региона весьма ограничены. Предложение образовательных услуг подчас непосредственно следует за спросом со стороны потенциальных студентов без учета реальных потребностей региона в специалистах того или иного профиля, что пополняет рынок труда в сегменте специалистов с высшим образованием, трудоустройство которых на региональном уровне может вызвать определенные трудности.

Новые, более жесткие требования рынка труда вновь стимулируют интерес к высшему образованию, в том числе к аспирантуре. Все ниши аспирантской подготовки оказались востребованными и заполненными выпускниками высшей школы. Государственные образовательные учреждения по-прежнему остались главной сферой подготовки аспирантов. В 2001 г. подготовка научных кадров велась в аспирантуре 10 государственных учреждений высшего профессионального образования и 4 научно-исследовательских институтах. Численность аспирантов увеличилась по сравнению с предыдущим годом на 10,7 % и на конец года составила 1744 человека. Однако был невысок удельный вес защитивших диссертации в срок - 15,9 % от общего выпуска, т.е. 51. Активно проявляли себя соискатели - защищено 46 кандидатских диссертаций.

В 2004 г. подготовка аспирантов велась по-прежнему в 10 государственных вузах, но уже в пяти НИИ; численность аспирантов несколько снизилась по сравнению с 2003 г. и составила 1886 человек. Значительно выросло число аспирантов, защитивших диссертации в срок - 127 человек, из них 126 - в вузах [8, с. 215].

Наблюдавшаяся на протяжении десятилетия неустойчивая тенденция увеличения подготовки аспирантов по всем научным направлениям в 2004 году сменилась заметным сокращением количества поступающих в аспирантуру по ряду отраслей наук как фундаментального, так и прикладного направления - физико-математические, технические, экономические, филологические, исторические, юридические. Расширился прием по следующим отраслям наук - педагогические, психологические, социологические [8, с. 215].

Безусловно, заслуживает внимания декларируемая в законе "О государственном регулировании в сфере научной деятельности и научно-технической политики в Омской области" поддержка научной деятельности молодежи (ст. 3.2), содействие притоку молодежи в науку и закрепление ее в сфере научной деятельности (ст. 4.1) и те практические меры, которые предпринимались для реализации данного закона.

Научная сфера Омской области постепенно улучшает свои социальные условия и уровень доходов. Среднемесячная начисленная заработная плата в отрасли "Наука и научное обслуживание" в 2001 г. (3334 руб.) вышла на второе место после отрасли "Кредитование, финансы, страхование и пенсионное обеспечение", потеснив "транспорт и связь", ранее опережавшие науку. [2, с. 11] Все же рост реальных доходов идет медленно и не может существенно восполнить имевшее место ранее выбытие работников из этой сферы.

Как уже упоминалось, количество исследователей сократилось за период 1990-2004 гг. с 12077 до 3814 человек, однако в последние четыре года ситуация заметно стабилизировалась и численность исследователей выросла почти на 110 человек [8 с. 212].

В 2004 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников отрасли "Наука и научное обслуживание" составила уже 7264 руб., но отрасль не удержалась на своей прежней позиции - второе место в 2001 году, и переместилась на пятое место по уровню доходов среди других отраслей экономики [8, ч. 1, с. 157].

Региональное управление научной сферой в Омской области опирается на разделение компетенций представительной и исполнительной государственной власти, что предусмотрено ст. 12 и 13 закона "О государственном регулировании в сфере научной деятельности и научно-технической политики в Омской области". Приоритетное финансирование устанавливается для научных проектов и программ в интересах развития Омской области (ст. 14). Регион осуществляет управление субъектами научной деятельности областного подчинения, поддерживает деятельность и стимулирует развитие подразделений Российской Академии наук, отраслевых ведомств, государственных научных центров, вузов, расположенных на территории Омской области, особенно по приоритетным направлениям и приоритетным целевым программам (ст. 16).

Получают широкое развитие косвенные методы регулирования - создание условий, приемлемых для расширения научной деятельности; поддержка научных структур с помощью заказов, грантов, информационного обеспечения, проведения межрегиональных и международных конференций; презентация омской высокотехнологичной продукции в России и за рубежом; содействие в получении омскими предприятиями заказов на производство наукоемкой продукции; оказание помощи в роли гаранта рыночных сделок. Между тем, во многих странах, как утверждают И. Дежина и Б. Салтыков, местные власти активно вовлекаются в стимулирование инновационной деятельности. Так, в ФРГ при таком же, как в России, федеральном устройстве, все земли Германии имеют мощные бюджеты науки и инновационной деятельности и сильные связи с наукой на своих территориях [1, с. 228] В современной России это едва ли возможно в широких масштабах: во-первых, еще до недавнего времени наука управлялась в основном федеральными министерствами и ведомствами; во-вторых, процесс тормозится ограниченными возможностями региональных бюджетов, региональные власти не имеют достаточно ресурсов для введения механизма широкого поощрения коммерциализации науки и технологического развития.

В Законе "О государственном регулировании в сфере научной деятельности и научно-технической политики в Омской области" предусматривается, что "выделение средств из областного бюджета на фи-

Таблица 3

Структура затрат на исследования и разработки по источникам финансирования (в %)

Годы	Средства бюджета	Средства организаций предпринимательского сектора	Средства иностранных источников	Собственные средства научных организаций	Прочие источники
2000	43,6	47,7	4,1	1,7	2,9
2001	45,0	47,0	2,7	3,0	2,3
2002	38,2	53,7	3,4	2,3	2,4
2003	39,3	51,7	4,2	2,1	2,7

Включая бюджетные ассигнования на содержание вузов (2000 г. - 0,7 %, 2001 г. - 0,5 %, 2002 г. - 0,7 %, 2003 г. - 0,5 %) и средства организаций государственного сектора (2000 г. - 12,7 %, 2001 г. - 16,2 %, 2002 г. - 7,4 %, 2003 г. - 12,2 %).

Таблица 4

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, по секторам деятельности (человек)

Год	Численность персонала, всего	В том числе по секторам деятельности:		
		государственный	предпринимательский	высшее образование
1990	21169
1995	10506	1683	8565	258
2000	8872	993	7682	197
2001	9442	967	8273	202
2002	9478	1025	8246	207
2003	9825	899	8701	225
2004	10127	542	9363	222

нансирование научной деятельности производится в размере не менее двух процентов расходной части областного бюджета на основе сочетания финансовой поддержки научных организаций и отдельных научных работников, осуществляемой, как правило, в форме грантов, распределяемых на конкурсной основе, и целевого финансирования научных программ и проектов" (ст. 6).

Ассигнования по разделу "Фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу" федерального бюджета по Омской области в 2004 г. составили 107 млн руб., т.е. 0,8 % к общей сумме расходов, или 0,1 % к валовому региональному продукту; расходы на образование - 1931 млн руб., т.е. 14,4 % к общей сумме расходов. [8, ч. 2, с. 247-248].

В заключение следует отметить, что оптимальная региональная система управления научным потенциалом Омской области еще только складывается, совершенствуется, усложняется, формируются новые вертикальные и горизонтальные связи, расширяется сфера ее внешнего взаимодействия. Наряду с рыночным механизмом должен создаваться новый, соответствующий современным условиям административный механизм управления.

В целом эффективное административное регулирование интеллектуальных ресурсов региона в условиях неустойчивости рыночной системы должно выполнять корректирующие и стратегические функции, что предполагает необходимость:

- разрабатывать долгосрочные стратегические программы регионального развития, активно завоевывать новые рыночные ниши в межрегиональном и международном разделении труда с учетом имеющихся ресурсов, в том числе интеллектуальных;

- опираясь на систему коммерческого образования и прямые межрегиональные соглашения, способствовать максимальному использованию образовательного и научно-исследовательского потенциала региона для подготовки специалистов и выполнения заказов на научные разработки для других регионов России и зарубежья, с целью сохранения ресурсной базы воспроизводства интеллектуального потенциала Омской области;

- занимать активную позицию в защите интересов образовательных и научных учреждений при формировании государственных образовательных, инновационных, инвестиционных и социальных программ, максимально обеспечивая привлечение в регион ресурсов федерального уровня;

- для закрепления интеллектуального потенциала широко использовать мониторинг уровня доходов и качества жизни населения региона и последовательно проводить в жизнь политику их повышения. Активное взаимодействие власти с профсоюзами и союзами работодателей должно способствовать формированию новой концепции отношения к специалистам как к главной корпоративной ценности; необходимо активно внедрять корпоративную культуру внутрифирменных отношений в соответствии с основными рыночными требованиями, включая оплату труда; власть должна сглаживать негативные последствия несовершенства рыночного механизма. Активная позиция власти в защите интересов наемных работников любого уровня является функцией социальной политики государства;

- в целях предотвращения морального и физического старения интеллектуального потенциала и под-

держания его на должном уровне необходима консолидация и координация федеральных, региональных и корпоративных финансовых ресурсов, а также ресурсов самого населения для воспроизводства и обновления интеллектуального потенциала;

- повышать престижность и оплату научного труда, социальный статус ученых;

- формировать региональные, муниципальные заказы, а также заказы ассоциаций региональных и отраслевых производителей на НИР и НИОКР в соответствии с целевыми программами реформирования ЖКХ, развития сельского хозяйства, развития добывающей, обрабатывающей и перерабатывающих отраслей, способствуя тем самым созданию инновационных очагов, росту занятости, в том числе высококвалифицированных кадров, увеличению налогооблагаемой базы, в конечном счете - повышению благосостояния населения региона. Муниципальные и областные заказы, распределяемые на конкурсной основе, можно рассматривать как смешанные рычаги управления: рыночные по форме, но административные по источникам финансирования;

- обеспечивать в целом устойчивое развитие региона как предпосылку востребованности и эффективного использования имеющегося и создаваемого интеллектуального потенциала.

Только комплексное решение множества взаимосвязанных вопросов может способствовать оптимизации такой сложной системной проблемы, как эффективное использование интеллектуального потенциала региона в условиях неустойчивого, волнообразного развития, свойственного в целом рыночной экономике.

Библиографический список

1. Дежина И., Салтыкова Б. Механизм стимулирования коммерциализации исследований и разработок // Общество и экономика, 2004, № 7-8.
2. Наука в Омской области: Омский облкомстат. - Омск, 2002. - 40 с.
3. О государственном регулировании в сфере научной деятельности и научно-технической политики в Омской области: Закон Омской области от 6 января 2000 г. № 226-03. - Ведомости Законодательного собрания Омской области, 1999, № 4. - С. 3455-3462.
4. Омский областной статистический ежегодник: Стат. сб. В 2 ч. Ч. 2: Омский облкомстат. - Омск, 2002.
5. Омский областной статистический ежегодник: Стат. сб. В 2 ч. Ч. 2: Омский облкомстат. - Омск, 2004.
6. Социально-экономическое положение Омской области. Январь-декабрь 2003 г. (доклад). - Омский облкомстат. - Омск, 2004. - 167 с.
7. Социально-экономическое положение Омской области. Январь-декабрь 2004 г. (доклад). - Омский облкомстат. - Омск, 2005. - 170 с.
8. Омский областной статистический ежегодник: Стат. сб. В 2 ч. Ч. 2: Омский облкомстат. - Омск, 2005.

КАЦИЕЛЬ Светлана Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин.

ФЕЩЕНКО Валентина Семеновна, кандидат экономических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин.

Дата поступления статьи в редакцию: 26.04.2006 г.

© Кациель С.А., Фещенко В.С.

ПРИРОДНО-РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТСКОГО КАРКАСА РЕГИОНА

В настоящее время развитие туризма может рассматриваться как одно из приоритетных направлений структурной трансформации экономики России и ее регионов. Однако обеспечение туристских потоков возможно только при наличии конкурентоспособного туристского продукта, для создания которого требуются разнообразные ресурсы, в том числе туристско-рекреационные.

Относя туризм к классу ресурсоёмких отраслей экономики, автор считает, что потребительская стоимость туристского продукта, как главного результата функционирования региональной системы туризма и регионального туристского комплекса, во многом зависит от качества используемых туристских, рекреационных и иных ресурсов.

В самом общем виде под ресурсами (от франц. *ressource* – вспомогательное средство) понимают денежные средства, ценности, запасы, возможности, источники средств, доходов, особо выделяя экономические ресурсы. Однако классификаций ресурсов достаточно много. При этом отмечается, что наиболее значимым видом ресурсов в доиндустриальную эпоху были природные и трудовые ресурсы,

в индустриальную – материальные, в постиндустриальную эпоху приоритет отдается информационным, интеллектуальным ресурсам.

Как отмечают ученые, каждый регион характеризуется определенным количеством территориальных условий производственной и иной видов деятельности. Это качество формируется под воздействием экономических особенностей региона, условия развития регионального хозяйства, элементов социальной и производственной инфраструктуры, численности и занятости трудовых ресурсов, а также природно-ресурсного потенциала (ПРП) территории.

В настоящее время в работах отечественных ученых преобладает два методологических подхода в оценке ПРП: экономико-географический, основан-

Таблица 1

Природно-ресурсный потенциал регионов Западной Сибири

Элементы ПРП территории Регион	Потенциал минеральных ресурсов	Потенциал водных ресурсов	Потенциал агроклиматических ресурсов	Потенциал почвенно-земляных ресурсов	Потенциал дикой природы	Потенциал лесных ресурсов	Потенциал рекреационных ресурсов	Выгодность экономико-географического положения	Суммарный ПРП
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Тюменская область	8,8	51,4	92,0	72,5	80,8	28,4	77,9	86,3	443,5
Ханты-Мансийский АО	46,8	71,2	68,3	32,6	89,0	81,2	54,2	40,7	398,9
Ямало-Ненецкий АО	51,8	74,7	7,6	11,2	29,8	5,7	14,4	16,4	193,9
Омская область	0,0	51,4	95,7	85,9	40,1	45,5	62,5	55,5	394,3
Тюменская область	16,9	56,8	78,4	44,9	100	81,5	79,8	21,7	389,3
Новосибирская область	1,3	64,0	100	89,7	52,7	25,0	87,3	44,3	425,5
Алтайский край	56,5	42,4	91,2	100	41,6	43,4	79,9	48,8	461,3
Республика Алтай	3,6	33,5	38,6	19,5	24,1	74,3	47,3	0,9	192,6
Кемеровская область	75,8	46,0	85,9	72,7	82,6	66,4	45,2	100	500,1
Итого (среднее)	29,1	54,6	73,1	58,8	60,1	50,2	61,0	40,6	377,7

ный на определении территориальной дифференциации в эффективности его использования и экономического, основанный на установлении его общественной потребительской стоимости. В последнее время проблема комплексной экономической оценки природных, рекреационных ресурсов решается и с позиции геолого-экономического подхода.

Кроме того, в последнее время для определения ценностей благ и услуг, выяснения готовности потребителей платить за полезность и услуги окружающей природной среды используются различные исследовательские методы, в том числе и метод экспертных оценок. Так, на основе данного метода сибирскими учеными [1.] был определен природно-ресурсный потенциал регионов Западной Сибири (см. табл. 1).

Как видим, суммарная оценка ПРП наибольшая в Кемеровской области, а у Омской области он выше средней региональной. В целом Западная Сибирь, в том числе и Омская область, достаточно богаты природными (в том числе рекреационными) ресурсами, их природно-ресурсный потенциал высок, но требует дальнейшего изучения и эффективного управления.

Природно-климатические ресурсы региона представляют широкие возможности для восстановления сил и здоровья. Хотя географическое положение Омской области из-за удаленности от морей и океанов

может показаться для туристов малопривлекательным, однако многочисленные сибирские ландшафты, места для отдыха и лечения, туристских походов, экскурсий, а также многочисленные реки и озера могут этот недостаток компенсировать и стать ресурсной базой для всех типов туризма: от познавательного до спортивного, оздоровительного. При этом доступными видами могут быть по ряду природно-климатических факторов водный, пеший, конный, лыжный виды туризма, которые могут представлять собой огромный туристско-рекреационный потенциал для развития выездного и внутреннего туризма. Кроме того, выделение 5 историко-географических округов (Тарско-Большереченский, Омский, Тюкалинско-Барбинский, Южный лесостепной, Асв-Омский) на территории региона, а также природно-рекреационные комплексы в сочетании с размещением памятников истории и культуры могут составить потенциальную базу объектов туристского показа и стать основой для формирования новых туристских маршрутов, туристского каркаса территории.

ЛЁВОЧКИНА Наталья Алексеевна, доцент, кандидат исторических наук.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.07.2006 г.

© Лёвочкина Н.А.

Книжная полка

Разумова И.А. Ипотечное кредитование. Учебное пособие. - СПб.: Питер, 2005. - 207 с.

Книга отражает все новейшие тенденции развития ипотечного кредитования, учитывая последние изменения в законодательстве. Автор уделяет внимание изучению зарубежного опыта организации систем ипотечного кредита, рассматривает возможность и необходимость применения его в российской банковской практике и помогает понять, что необходимо для того, чтобы механизмы, которые уже доказали свою эффективность во всем мире, заработали и в России. В издании подробно анализируются все необходимые элементы системы ипотечного кредита, без которых невозможно сделать ипотечные операции привлекательной сферой деятельности для коммерческих банков, а ипотечные кредиты — доступными большинству российских граждан. Рассматривается опыт российских банков в предоставлении кредитов населению на покупку жилья. Данное учебное пособие предназначено для студентов экономических вузов и экономических факультетов, обучающихся по специальности «Финансы и кредит», будет полезным приобретением для банковских работников, а также для всех желающих улучшить свои жилищные условия.

Рекомендовано Министерством образования РФ в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Финансы и кредит».

Буров В.П., Ломакин А.А., Морошкин В.А. Бизнес-план фирмы: Теория и практика: Учебное пособие. - М.: Инфра-М, 2006. - 192 с.

Учебное пособие знакомит с комплексом вопросов, относящихся к разработке важнейшего элемента стратегического управления фирмой - бизнес-плана. Изложены цель и задачи бизнес-плана, структура, порядок и содержание работ по его составлению, а также даны комментарии к разделам бизнес-плана, раскрывающие существо рассматриваемых в них вопросов.

Для студентов экономических специальностей вузов, руководителей и специалистов предприятий.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.9.01

М. А. РОМАНЕНКО

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЙ АВТОРСКИХ ПРАВ В ИНТЕРНЕТЕ

В статье комплексно исследуются проблемы расследования преступных нарушений авторских прав в сфере программного обеспечения посредством сетевых технологий. На основе количественного и качественного анализа характеристик данного преступления выводятся рекомендации с возможностью дальнейшего внедрения в практику борьбы правоохранительных органов с преступными нарушителями авторских прав. Данное исследование является одним из первых комплексных исследований теоретических и практических вопросов расследования преступных нарушений авторских прав в сфере программного обеспечения посредством сетевых технологий.

Наиболее известный и, соответственно, самый распространенный способ телекоммуникаций — это *Интернет*. По итогам 2005 г., общее количество пользователей Интернета превысило 1 млрд человек [3, 4], в то время как в России количество Интернет-пользователей составило около 22 млн. Эта цифра превышает показатель 2004 г. (18,5 млн. человек) на 18,9% (см. прим. 4). Таким образом, можно констатировать, что Интернетом пользуется каждый шестой россиянин.

Виртуальное пространство, созданное на основе сетевых технологий служит, как местом, так и объектом совершения преступлений. Сегодня при помощи киберпространства совершаются тысячи пре-

ступлений, граждане и организации несут колоссальные убытки. Проведенное исследование в этом направлении позволило нам сделать вывод, что посредством сетевых технологий количество подобных нарушений будет расти пропорционально количеству лиц, овладевающих навыками работы с сетевым пространством (см. прим. 7). Такое состояние дел усугубляется отсутствием в России правового регулирования отношений, возникающих в сети Интернет (см. прим. 6) [20, 37].

На этом фоне нарушение авторских прав в компьютерных сетях приобрело угрожающие масштабы. Множество сайтов, сетевых точек доступа предоставляют возможность скачивать в любом

количестве программы, охраняемые законодательством об авторском праве [8].

За подобные нарушения в США привлекают к ответственности провайдеров за размещение их клиентами гиперссылок на Интернет-ресурсы, содержащие контрафактные материалы (закон США «Об авторском праве в цифровую эпоху» – Digital Millennium Copyright Act).

Определенная ясность в этом вопросе была внесена постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2006 г. № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» [16], где указано, что к лицам, нарушающим законодательство об авторском праве посредством телекоммуникаций, могут быть отнесены «...владелец сайта, на котором были размещены контрафактные произведения...».

Нарушения по рассматриваемому направлению обычно складываются из двух видов, с одной стороны, это предоставление доступа к программам, охраняемым законом, неограниченному количеству лиц, а с другой – несанкционированная запись программ с сетевых ресурсов в память ЭВМ и другие цифровые устройства. В указанном постановлении определено, что созданные (полученные) в результате сетевых технологий программы с нарушением законодательства об авторском праве являются контрафактными [16].

В первом случае налицо некоторый удаленный «хост» (компьютер), где в открытом доступе (условно открытом) (см. прим. 3) имеется программное обеспечение, гиперссылки на контрафактное программное обеспечение либо описание, где и как получить к нему доступ. В этом же месте обычно располагаются необходимые ключи, пароли и иные средства для нормальной работы контрафактной программы.

Вторая ситуация складывается из волевых действий пользователя, компьютер которого подключен к сетевому окружению, заключающихся в переписывании к себе контрафактного программного обеспечения с последующим его использованием.

Вместе с тем факт переписывания программы из сетевого пространства не является нарушением, если это не связано с неправомерным доступом к компьютерной информации либо с уничтожением, блокированием или модификацией охраняемой законом информации [19, 27]. После установки такая программа, охраняемая авторским правом, будет считаться контрафактной, если до этого не предшествовало официальное приобретение.

В мировой практике имеются случаи ответственности за противоправное использование произведения посредством Интернета. В 1996 г. Парижский окружной суд признал факт нарушения права на воспроизведение на тех основаниях, что «лицо, которое, не имея разрешения, записывает охраняемое произведение в память своего персонального компьютера, связанного с Интернетом, воспроизводит и поощряет его коллективное использование... Ответчик в данном случае ссылался не только на использование в «личных целях», но и требовал привлечения к ответственности третьих лиц, посетивших без спроса его частный «виртуальный дом» (созданную им Интернет-страницу). Однако эти аргументы не были приняты судом» (см. прим. 7).

С возросшим спросом людей на Интернет появились схемы предоставления программного обеспе-

чения, выходящие за рамки регулирования Федеральным законом «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных».

В глобальной сети Интернет можно встретить разные механизмы распространения программного обеспечения, например программа предоставляется для общего доступа посредством сетевых технологий самим правообладателем без выплаты вознаграждения.

Существует несколько способов правомерного использования программного обеспечения (по способу лицензирования), полученных через Интернет:

- платные;
- бесплатные (freeware);
- условно-бесплатные (shareware).

Платный способ использования подразумевает традиционную куплю-продажу программного продукта. При этом программа представлена в виде товара с соответствующим оформлением. Как правило, в комплект входит подробное описание на русском языке, право на бесплатную техническую поддержку и пр. Платные программы обладают высоким качеством и широкой функциональностью. Наибольший интерес розничных «пиратов» проявляется именно к платным программам.

Таковыми параметрами, как высокое качество и широкая функциональность, редко обладают бесплатные программы. Правообладатель разрешает использование программы без выплаты вознаграждения. Однако эти программы не имеют товарного оформления, а получить их можно в основном из сетевого пространства (см. прим. 5). В некоторых случаях возможно бесплатное использование полноценной коммерческой программы без нарушения авторских прав в демонстрационных или тестовых целях – **demoware программы**.

Условно-бесплатные программы, особенно в последнее время, набирают популярность среди пользователей Интернета. Это могут быть как сложные программные комплексы, так и вспомогательные программы. Специфика заключается в том, что использование этих программ возможно без предварительной оплаты, однако с определенными условиями. Среди условно-бесплатных можно выделить следующие формы:

– **try-before-you-buy** (с англ. «попробуй перед покупкой»), обычно такие программы полнофункционально работают ограниченное количество дней (21 или 30), демонстрируя свои возможности. По окончании указанного срока необходимо произвести оплату либо удалить со своего компьютера;

– **add-ware** программы будут работать без оплаты, однако возмездность использования будет осуществляться за счет демонстрации рекламы в специально-предусмотренном месте. Если же произвести оплату за add-ware программу реклама прекратится;

– **donation-ware** (с англ. «пожертвование»), использование программы может осуществляться бесплатно, не нарушая законодательства об авторском праве. У пользователя остается право сделать вознаграждение правообладателю, если программа понравилась. Обычно такого рода программы незначительные и, как правило, несут вспомогательную функцию.

Для следователей, занимающихся доказыванием преступных нарушений авторских прав в сфере программного обеспечения в сетевом пространстве, приведенная выше классификация, по нашему мнению, должна иметь большое значение [9, 27].

Повышенный интерес людей к сети Интернет объясняется простотой процесса и неограниченными возможностями. Хотя Интернет — это не единственная телекоммуникационная технология.

Сегодня существует множество способов организовать компьютерные коммуникации. С нашей точки зрения, целесообразно выделить наиболее криминалистически значимые виды сетевых технологий, посредством которых нарушается законодательство об авторском праве в сфере программного обеспечения в России:

- домашние сети;
- корпоративные сети;
- Интернет.

За рубежом помимо названных выше распространение получили так называемые пиринговые сети, например «eDonkey».

Домашние сети в России получили распространение в конце XX в. Это объединение нескольких компьютеров с помощью выделенного соединения. Причем в такой сети может быть выделенный компьютер (сервер), предназначенный для хранения файлов общего доступа. Соответственно, любой пользователь, находящийся в подобной сети, может переписать себе любую информацию с компьютера, предназначенного для общего доступа.

Домашние сети в меньшей степени подвержены какому-либо правовому регулированию. Правила пользования и подключения к сетевому пространству устанавливает администратор сети. Техническое сопровождение таких сетей осуществляется, как правило, заинтересованными лицами, материальный интерес которых находится на последнем месте. Указанные сетевые технологии немногочисленны, они могут объединять до 250 персональных компьютеров. Установить, с какого компьютера проводилась запись контрафактной программы на сервер, достаточно трудно даже специалистам. Активные пользователи домашних сетей — это школьники и студенты, соответственно, программное обеспечение на серверах общего доступа связано с их интересами (игры и программное обеспечение, необходимое для работы компьютера (операционные системы, текстовые и графические программы)). Большинство пользователей таких сетей понимают, что при копировании программ нарушают законодательство об авторском праве, однако относятся к этому индифферентно.

Так, студент Орегонского колледжа был осужден по обвинению в нарушении авторских прав в Сети: 22-летний Джеффри Джерард Леви, старейшина университета Орегона, нарушил закон «No Electronic Theft Act of 1997», запрещающий незаконное копирование электронных материалов (см. прим. 8).

Корпоративная сеть — это спланированное и правовым образом определенное сетевое пространство, необходимое для решения определенных информационных задач организации. В этом случае имеется четкое правовое обеспечение функционирования сети. Правила пользования и подключения закреплены нормативными актами уровня предприятия, в которых прописано, кто и за что отвечает. Для технического сопровождения таких сетей выделяются штатные единицы, имеются определенные должностные инструкции. В большинстве случаев у рядовых пользователей есть лишь минимальный набор прав на свободное перемещение в сетевом пространстве.

К корпоративным сетям следует относить компьютерные сети государственных предприятий, учебных заведений и т. д.

Количество компьютеров, входящих в корпоративные сети, может колебаться от десятка до нескольких тысяч. Установить, с какого компьютера проводилась запись контрафактной программы на сервер и сколько раз к ней осуществлялся доступ, не представляет трудности, так как в сетях подобного уровня присутствуют специальные контроллеры обращения к сетевым ресурсам.

Активность пользования сетями зависит от профессиональных обязанностей сотрудников, однако можно выделить группу, в которую входят мужчины от 17 до 43 лет, так называемые корпоративные воры, проявляющие повышенный интерес к сетевому пространству корпоративного масштаба. Целями таких действий могут быть как деструктивные, так и самоутверждение.

Уголовно наказуемые нарушения авторских прав посредством корпоративных сетей наиболее часто совершаются администраторами сетей или другим персоналом, обслуживающим корпоративную сеть [4]. Эти действия квалифицируются по ч. 2 и п. «в» ч. 3 ст. 146 УК РФ — нарушение авторских прав лицом с использованием своего служебного положения.

Интернет — это неограниченное множество компьютеров, объединенных между собой каналами связи. При всей глобальности в Интернете существует жесткая иерархия, поддерживаемая международной службой доменных имен в виде системы адресации. [3, 18]. Каждый компьютер в сети имеет свой уникальный номер, или IP-адрес. Этот уникальный номер идентифицирует компьютер в сети Интернет. Однако IP-адреса используются преимущественно самими компьютерами и техническими специалистами, которые их обслуживают; большинство же пользователей встречаются с доменными именами (www.omlaw.ru) [15, 16].

Интернет является виртуальным местом незаконного оборота программных продуктов. Именно в этой части меньше всего возможностей и навыков у правоохранительных органов Российской Федерации. Объясняется это глобальностью сети (отсутствием границ в киберпространстве). Например, сайт с расположенными на нем контрафактными копиями программного обеспечения находится в Китае, а владелец этого сайта может проживать в России. Решение этой проблемы возможно лишь в рамках международного сотрудничества.

Так, в Москве были задержаны три студента, нарушившие авторские права с использованием Интернета (см. прим. 1). При расследовании был обнаружен русскоязычный сайт, территориально расположенный в Сан-Франциско, с которого предлагались к продаже контрафактные программные продукты гражданами России.

Именно по этому при построении теории расследования преступлений, важное значение уделяется криминалистической характеристике личности обвиняемого и потерпевшего. Определение направления изучения личности обвиняемого и потерпевшего на предварительном следствии получает, главным образом, методическое и тактическое значение [9, 11].

Успешное расследование преступлений возможно лишь тогда, когда внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность является носителем сведений о преступлении [12, 11].

Именно криминалистическая характеристика личности подозреваемого и обвиняемого в системе

криминалистических характеристик преступных нарушений авторских прав в сфере программного обеспечения занимает особое место.

Личности присущи индивидуальные свойства психики, социально значимые черты, проявляющиеся в совместной деятельности [21, 203].

Раскрывая содержание личности, нельзя не обратить внимания на то, что психика человека качественным образом отражается на его социальной интеграции. Это необходимо учитывать при выявлении личностных особенностей некоторых субъектов [7, 460].

При анализе уголовных дел рассматриваемой категории сформировалось несколько критериев, значимых для планирования и расследования преступлений. К ним относятся: возраст, образование, место работы или службы, сфера социального обитания, сфера интересов, наличие судимости.

Существенным признаком криминалистической характеристики личности преступников исследуемой категории являются сфера обитания и вид профессиональной деятельности. Большинство лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за распространение контрафактных экземпляров программных продуктов, в повседневной жизни интересовались компьютерной техникой и программным обеспечением, что определяет их высокий уровень осведомленности. К этой группе можно отнести профессиональных программистов, системных администраторов и провайдеров. Перечисленные лица четко представляют рамки противоправных действий, однако часто надеются на благополучный исход дела в связи с отсутствием явной общественной опасности, а также слабой проработанностью методики расследования. Необходимо подчеркнуть наличие у рассматриваемой группы высоких интеллектуальных способностей и нестандартного мышления [10, 950].

Изучение личности подозреваемых и обвиняемых при рассмотрении данных преступлений с учетом возрастных, психологических особенностей, интересов, склонностей позволило выделить из общности три группы:

- подростки и молодые люди до 18 лет, преимущественно мужского пола – 33%;
- молодые люди и лица средней возрастной группы от 18 до 43 лет – 64%;
- представители старшей возрастной группы от 43 до 55 лет, преимущественно мужского пола – 3%.

Для первой группы характерна материальная зависимость от родителей, слабая информированность на рынке экономических программ, которые являются объектом многочисленных нарушений. Как правило, подростки и молодые люди до 18 лет занимаются контрафакцией без явной материальной заинтересованности, у них отсутствуют ярко выраженные противоправные намерения (например, такой способ нарушения, как установка контрафактной копии бухгалтерской программы в персональный компьютер коммерческой компании). С точки зрения законодательства об авторском праве, имеет место нарушение исключительных прав правообладателя на распространение. Однако молодые люди идут на это с целью оказания дружеской услуги либо совершенствования своего мастерства, не учитывая, что подобное деяние подлежит уголовной ответственности. Обычно лица указанной категории действуют в одиночку, решая узконаправленные задачи: перепродажу контрафактных копий, их установку, в некоторых

случаях «хакинг» (см. прим. 2) программного обеспечения.

Следующая группа нарушителей (от 18 до 43 лет) представляет собой среднюю возрастную категорию, на которую приходится основная часть совершаемых преступных нарушений авторских прав в сфере программного обеспечения. Отличие указанной группы от предыдущей – явная корысть. В ряде случаев имеется место совокупность деяний: уголовно наказуемые нарушения авторских прав и компьютерные преступления, которые будут направлены, главным образом, на получение контрафактных копий программного продукта, а также снятие технических средств защиты от неправомерного использования [18].

В этой группе выделяются две подгруппы, заслуживающие внимания. Одна из них обладает сходными чертами с группой подростков и молодых людей. Их действия выражаются в розничной торговле контрафактными экземплярами либо в разовых случаях установки программ в компьютер заказчика. Большинство таких лиц не имеют постоянного места работы, у некоторых есть административные взыскания за нарушения в сфере авторского права.

Вторая подгруппа включает в себя профессионалов: инженеров-программистов, администраторов компьютерных сетей, руководителей компаний, продающих услуги телекоммуникаций (Интернет, хостинг и т. д.). Отдельно выделяются лица, занимающиеся промышленной репликацией, здесь определяются черты преступной группы – дифференциация ролей: распространитель, снабженец, производитель, директор. В связи с этим у последних представителей проявляются устойчивые преступные навыки, в которых выражается явный корыстный характер. Подобная деятельность характеризуется высокой организованностью, функционирование компании базируется на предприятии, имеющем государственную регистрацию; лицензию на осуществление репликации.

Третья группа (от 43 до 55 лет) самая малочисленная, что обусловлено, по нашему мнению, следующим: компьютеры и программное обеспечение в России стали активно использоваться лишь в начале 90-х гг. XX в. Данное техническое направление достаточно специфично, поэтому лица старшего возраста участвуют в составе преступной группы на вспомогательных ролях.

Обычно нарушители рассматриваемой категории имеют благополучный социальный портрет: большинство из них ранее не судимы, положительно характеризуются по месту работы или учебы, обладают достаточно высоким образовательным уровнем (высшее (43%) либо незаконченное высшее образование), состоят в законном браке (61%), имеют постоянное место жительства.

Полагаем, что к задачам, необходимым решить лицу, производящему расследование на первоначальном этапе по делам о нарушении авторских прав в сфере программного обеспечения, следует отнести:

- ориентирование следователя в обстоятельствах преступления, подлежащего расследованию, уяснение фактической обстановки;
- получение исходных данных для развернутого планирования расследования;
- обнаружение, закрепление и изучение всех возможных сведений (фактических данных), которые со временем могут быть утрачены, в первую оче-

редь, это касается информации, содержащейся на накопителях на жестких магнитных дисках;

– установление, розыск и задержание подозреваемых (в том числе участников организованной преступной группы, занимающейся промышленной репликацией);

– принятие мер по обеспечению возмещения материального ущерба, пресечение и предупреждение нарушений.

Наиболее важными следственными действиями на первоначальном этапе расследования преступных нарушений авторских прав в сфере программного обеспечения, по нашему мнению, являются осмотр места происшествия, обыски, допросы потерпевших и свидетелей, осмотр и исследование следов, предметов и других объектов [11, 562].

Осмотр – это следственное действие, направленное на собирание доказательств, имеющих отношение к преступлению, путем визуального обнаружения и фиксации его результатов в соответствующем протоколе. В результате тактически правильно проведенного данного следственного действия можно получить основной фактический материал, имеющий высокое криминалистическое значение для доказывания по уголовному делу [13, 22].

Принудительное производство указанного следственного действия может применяться только в случае, если решение о его производстве принято в порядке ст. 165 УПК РФ [17], при этом необходимо иметь веские основания, указывающие, что материалы и оборудование для производства контрафактных копий находятся в жилище.

В. М. Быков полагает, что для производства осмотра, тем более проводимого в порядке ст. 165 УПК РФ, должны быть фактические основания [5, 26]. В статье 176 УПК РФ «Основания производства осмотра», по нашему мнению, и должно быть раскрыто содержание оснований для производства этого следственного действия. Однако при анализе данной статьи можно увидеть только цели осмотра – «обнаружение следов преступления, выяснение других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

По мнению Г. З. Адигамоной, фактическим основанием проведения следственного действия должно являться наличие достаточных данных, свидетельствующих о необходимости производства именно этого следственного действия [1, 17].

В связи с рассмотренными мнениями, полагаем, что **под основанием осмотра следует понимать наличие достаточных данных, определяющих обнаружение следов преступления, и выяснение других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.**

На основании изложенного возникает вопрос: «Какие фактические данные должны быть учтены следователем для производства следственного осмотра при расследовании преступных нарушений авторских прав в сфере программного обеспечения посредством сетевых технологий?» Для ответа на него необходимо определить, какие объекты могут иметь доказательственное значение.

При таком способе нарушения важно определить фактическое место расположения точки доступа. Безусловно, это компьютер, вместе с тем точка доступа может быть реализована одним персональным компьютером либо несколькими на серверной платформе. Поэтому важно сфотографировать и правильно описать все соединения между системными блоками, иначе впоследствии эксперт-

ная реконструкция может оказаться невозможной. Правильно заметил А. Л. Осипенко, что специфика сетевых преступлений отражается на качестве доказывания, запоздалое выявление фактических данных приводит к использованию традиционных доказательств [15, 326]. Из-за специфичности сетевых источников виртуальных доказательств возникают ситуации, когда в обвинение вносятся изменения (ст. 175 УПК РФ). Например, 6-м отделом УРОПД при ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ», по факту распространения компакт-дисков с контрафактными программами. Предъявленное обвинение впоследствии было дополнено ст. 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав».

Библиографический список

1. Адигамова Г. З. Следственные действия, проводимые по судебному решению и с санкции прокурора: Автореф. дис... канд. юрид. наук – Челябинск, 2004.
2. Антонов Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. – СПб., 2004.
3. Бабкин С. А. Интеллектуальная собственность в глобальной компьютерной сети Интернет: проблемы гражданского правового регулирования в России и США: (сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2005.
4. Бизнес прощается с пиратством // Известия. 14.06.06
5. Быков В. М. Фактические основания производства следственных действий по УПК РФ // Журнал российского права. – 2005. – № 6.
6. Гальченко А. И. Преступления о нарушении авторских прав на аудиовизуальные произведения. Криминалистическая характеристика // Право и экономика. – 2004. – № 4. – С. 75.
7. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – М., 2002.
8. Дорога в ВТО лежит через Интернет // Трибуна. 09.06.06.
9. Иванов А., Силантьев Д. Выемка электронной почты в сети Интернет // Законность. – 2002. – № 5.
10. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. – М., 1999.
11. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2005.
12. Курашвили Г. К. Исследование следователем личности обвиняемого. – М., 1972.
13. Николайчик В. М. Следственный осмотр вещественных доказательств. – М., 1968.
14. Осипенко А. Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: (Международный опыт): Монография. – М., 2004.
15. Осипенко А. Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: (Международный опыт): Монография. – М., 2004.
16. Рос. газета // 28.06.06/
17. Рыжаков А. П. Требования к порядку производства следственного действия – осмотра: Комментарий к ст. 177 УПК РФ // КонсультантПлюс. – 2003.
18. Федеральный закон Российской Федерации от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» (в ред. Федерального закона от 20 июля 2004 г. № 72-ФЗ).
19. Хомколов В. П. Организационно-правовые аспекты расследования и предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2004.
20. Чибинев В. М., Глушков А. В. Проблемы правового регулирования и Интернет-отношений // Юрист. – 2005. – № 7.
21. Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. – М., 1999.

Примечания

1. <http://www.magnolia-tv.com/news/2001-03-25/789/>.
2. Действия по отключению защиты программного обеспечения от неправомерного использования.
3. Для получения доступа к определенной информации на сетевом ресурсе достаточно пройти процедуру регистрации и авторизации.
4. Количество Интернет-пользователей в РФ увеличилось до 22 млн. // <http://www.cnews.ru/news/line/index.shtml?2005/12/29/193951>>. – 2005. – 29 дек.
5. Надеяев В. Полезные бесплатные программы // <http://www.mlm-continent.com/show.php?id_a=35&print=1>. – 2005.
6. Нужно ли «сетевое» законодательство? // <http://www.innovbusiness.ru:80/content/document_r_75F3F6DF-7D74-4AC7-B600-AE19B01526FD.html>.

7. Погуляев В. В., Тулубьева И. Ю. Нарушение авторских прав в сети Интернет // http://www.innovbusiness.ru/content/document_r_1F54E695-4074-4B97-81DD-C8FCC126A A0A.html.
8. Студент осужден за нарушение авторских прав // <<http://www.wii.ru/computers/23.08.1999/4.html>>.

РОМАНЕНКО Михаил Алексеевич, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.08.06 г.
© Романенко М.А.

УДК 343.16

В. В. ГОЛОВИН

Управление Федеральной службы
судебных приставов

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В УПРАВЛЕНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ ОРГАНОМ ФССП

В статье комплексно исследуются проблемы расследования преступных нарушений авторских прав в сфере программного обеспечения посредством сетевых технологий. На основе количественного и качественного анализа характеристик данного преступления выводятся рекомендации с возможностью дальнейшего внедрения в практику борьбы правоохранительных органов с преступными нарушителями авторских прав. Данное исследование является одним из первых комплексных исследований теоретических и практических вопросов расследования преступных нарушений авторских прав в сфере программного обеспечения посредством сетевых технологий.

Оценка деятельности руководителей в сфере государственного управления является важным вопросом и на практике, и в теории. Так, в числе главных проблем организационного и методического руководства деятельностью ФССП указывалась "оценка роли главных судебных приставов в руководстве подчиненной службой"¹. Оценивать необходимо работу не только главных судебных приставов субъектов Федерации, но и руководителей среднего и низового звена.

Следует отметить, что методика оценки руководителей первого уровня, т.е. тех, которые имеют в подчинении только рядовых сотрудников, но не управленческий персонал, будет отличаться от методики оценки руководителей верхних уровней (руководителей среднего и высшего звена) – т.е. тем, в подчинении у которых находятся руководители. Принципы оценки деятельности руководителей должны быть одинаковыми, но могут различаться в деталях реализации критериев, показателей, методов и форм оценки. В общем случае, ориентированная на результат оценка руководителей – эффективный инструмент, который обеспечивает динамическую связь между:

- целями каждого структурного подразделения и территориального органа в целом;
 - результатами и управлением кадрами;
 - развитием каждого руководителя и руководящего состава в целом.
- В качестве целей оценки работы руководителей ФССП могут быть выделены следующие:
- стимулировать каждого руководителя к более четкому ориентиру на результат;
 - обеспечить каждого руководителя точкой отсчета для систематического и непрерывного развития – личного и профессионального;
 - определение размеров вознаграждения по результатам;
 - представление к очередному (внеочередному) званию;
 - проведение аттестации;
 - направление на повышение квалификации;
 - зачисление в резерв на повышение по службе;
 - составление планов управления персоналом на уровне структурных подразделений и территориального органа ФССП в целом;
 - разработка стандартов управленческой деятельности и др.

Сейчас оценка деятельности руководителей в ФССП специально не производится и, как правило, включает в себя параметры и критерии оценки работы структурного подразделения. Однако, по нашему мнению, это узкий подход, и отождествление деятельности руководителя и возглавляемого им подразделения не даст точной оценки управленческой работы. Оценка деятельности руководителей в ФССП может производиться по трем уровням²: 1) результат работы территориального органа, управления или территориального органа; 2) управление персоналом; 3) междепартаментское управление.

Оценка руководителя по результатам работы возглавляемого подразделения — основа оценки. Неважно, насколько хорош руководитель, единственное, что имеет значение, — приносит ли работа руководителя конкретные результаты, сравнимые с ожиданиями и требованиями, предъявляемыми к рассматриваемому подразделению. Оценкой работы возглавляемого подразделения может служить рейтинговая система, которая разработана для сравнительной оценки деятельности территориальных органов Федеральной службы судебных приставов.

При подсчете рейтинга может быть применен интегрированный аддитивный показатель R:

$$R = \alpha_1 P_1 + \alpha_2 P_2 + \alpha_3 P_3 + \dots + \alpha_n P_n, \quad (1)$$

где P_i — i -й показатель рейтинговой системы; α_i — коэффициент веса i -го показателя рейтинговой системы; $i = \{1, n\}$; $\sum_{i=1}^n \alpha_i = 1$.

В структуру рейтинга могут быть заложены различные статистические показатели. В оценке деятельности руководителя ФССП исчисляемый рейтинг является основным интегральным показателем степени достижения целей, поставленных перед возглавляемым им подразделением вышестоящим руководством. Рейтинг интегрирует показатели, идентифицирующие работу подразделения:

- своевременность возбуждения исполнительных производств и проведения по ним исполнительных действий;
- полнота использования судебными приставами-исполнителями предоставленных им полномочий;
- реальные результаты (отношение оконченных и фактически исполненных исполнительных документов к числу находящихся в производстве);
- законность совершения исполнительных действий.

В частности, законность совершения исполнительных действий определяется на основе анализа динамики обоснованных жалоб на работу судебных приставов-исполнителей возглавляемого подразделения. Оценивается, как поставлена работа с жалобами, сколько заявлений и обращений граждан разрешается на уровне оцениваемого руководителя, какой процент неудовлетворенных жалоб переходит на верхние уровни.

Так, в настоящее время структура рейтинговой оценки Управления Омской области включает 21 абсолютный (основной) и 18 относительных (оценочных) показателей.

Применительно к сфере деятельности ФССП в оценке деятельности руководителя могут дополнительно учитываться: выработка нормативных документов; готовые проекты законов; подготовка справок и основы для принятия решений вышестоящим руководителем; подготовка и издание

методических пособий, книг, научных статей по тематике деятельности подразделения; подготовка анализа; количество решений по рассмотренным жалобам; время принятия решений (сколько времени требуется, чтобы получить подпись на документе); сокращение сроков обработки дел.

Эффективное управление персоналом — средство достижения целей, стоящих перед подразделением. Руководитель может достичь запланированных результатов только через своих подчиненных. Поэтому оценка как руководителя справляется со своими обязанностями по управлению людьми — один из основных элементов оценки руководителей, ориентированной на результат. Одна из основных оценок руководителя в коллективе — как он выполняет роль лидера. В сфере государственного управления роль лидера традиционно основывается на управлении, ориентации на вышестоящих руководителях и контроле подчиненных сотрудников:

- определение целей подразделения на основе стратегий развития ФССП (территориального органа) и доведение информации об этих целях среди сотрудников;
- мотивация и вовлечение сотрудников в работу, обеспечение их максимальной отдачей;
- делегирование полномочий и задач с учетом опыта и компетентности сотрудников;
- способность профессионально разрешать конфликтные ситуации;
- вносить вклад в постоянное повышение квалификации персонала для поддержания целей и стратегий ФССП.

В качестве критериев, оценивающих управленческий профессионализм руководителей структурных подразделений, могут также служить:

- *постановка планирования*. Заложены ли в разработках планов работы подразделений руководящие указания и организация их исполнения. Качество планирования: носят ли планируемые мероприятия конкретный характер или это формальные процедуры, которые существуют больше на бумаге, чем в реальной обстановке.

Уровни и периоды планирования. Какие предложения внесены руководителем по реализации подразделением избранных стратегических направлений:

- *состояние информационно-аналитической работы*. Каким образом собирается и анализируется информация о текущей обстановке в подразделении. Кто ею пользуется. Насколько обеспечены информацией подчиненные. Как быстро выявляются отклонения в процессе исполнительного производства, скорость реакции на отклонения. За какое время можно получить необходимую для верхнего уровня информацию;

- *выявление и решение проблем и устранение недостатков*. Ведется ли такая работа. Может ли руководитель самостоятельно выявить проблемы или ждет проверок со стороны. Как он взаимодействует с подчиненными в этом вопросе. (Как известно, лучшее решение проблемы предлагает тот, кто ее поставил.) Сколько потребуется времени, чтобы получить решение на данном уровне;

- *организация контроля*. Какие механизмы внутреннего контроля действуют в подразделении. Насколько руководитель контролирует ситуацию, "держит руку на пульсе" оперативной обстановки;

- *своевременность и достоверность информации*, представляемой "наверх" руководству. Факты

искажения результатов, сокрытия недостатков свидетельствуют, что есть основания не доверять данному руководителю. Недостоверность данных может "подставить" и вышестоящего руководителя, ответственность за неверные данные может нести в конечном итоге именно он;

- *сравнение показателей работы подразделений с аналогичными показателями других подразделений;*

- *динамика показателей работы подразделения.* Улучшилась или ухудшилась она во времени;

- *эффективность управления:* соотношение затрат и полученных результатов.

Междепартаментское управление должно обеспечивать координацию и согласованность управления внутри территориального органа таким образом, чтобы не возникало никаких "феодалных княжеств", самодостаточных в отрицательном смысле этого слова. Результаты работы руководителя ФССП оцениваются через вклад в достижение общих целей территориального органа (ФССП в целом). Например, вклад судебных приставов розыскников и сотрудников отдела дознания в исполнение судебных решений.

Междепартаментское управление может оцениваться в территориальном органе по следующим критериям, показывающим, как руководитель может способствовать развитию ФССП в целом.

- **Стратегические цели развития Федеральной службы судебных приставов России.** От руководителя ожидается конструктивная и творческая реализация стратегических целей, поставленных руководством ФССП с учетом особенностей функционирования возглавляемого им подразделения. Здесь должны учитываться результаты работы по важнейшим стратегическим направлениям, определенным руководством ФССП.

- **Развитие и нововведения.** От руководителя ожидают вклада в повышение эффективности деятельности ФССП, путем предложения или внедрения инновационных методов, технологий, процедур, процессов, коммуникаций и др., путем непосредственного участия или управления работой по развитию, а также путем предоставления кадровых ресурсов для ее совместного осуществления. Необходимо учитывать внедрение инноваций/новых концепций/систем/методов в подразделении.

- **Управление репутацией ФССП.** Важнейшей функцией ФССП (территориальных органов) является информирование населения о деятельности судебных приставов, взаимодействие со СМИ в соответствии с подпунктом 10 пункта 10 Положения о Федеральной службе судебных приставов, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1316, а также подпунктом 19 пункта 7 Положения о территориальном органе ФССП, утвержденного приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 03.12.2004 № 187. Поэтому оценка работы руководителя по **управлению репутацией ФССП**, то есть по эффективности его коммуникаций с органами власти субъекта Федерации, СМИ, общественностью, остро актуальна. Поскольку именно руководитель организует, осуществляет и контролирует эту работу, то он должен вносить свой вклад в развитие и поддержание высокого уровня качества государственных услуг, предоставляемых ФССП, а также в позитивное формирование общественного мнения и конструктивные взаимоотношения между ФССП, федеральными ор-

ганами исполнительной власти, судами, другими взаимосвязанными группами.

- **Сотрудничество в руководящей группе.** Руководитель должен вносить свой вклад в согласованное функционирование руководящей группы. Чтобы достичь этого, каждый руководитель должен действовать активно и конструктивно в тесном сотрудничестве с коллегами, а также нести часть ответственности за повседневную работу территориального органа ФССП и управление.

- **Организационная культура и психологический климат в коллективе.** Группа руководителей играет существенную роль в развитии организационной культуры. От каждого руководителя ожидается участие в создании позитивной организационной культуры с соответствующими четкими и видимыми ценностями ФССП, взглядами и нормами. В повседневной работе руководитель в ФССП должен взять на себя персональную ответственность за обеспечение конструктивного психологического климата в коллективе, ассоциирующегося у каждого сотрудника с его рабочим местом.

- **Использование ресурсов.** Руководитель должен вносить свой вклад в подобающее использование совокупных ресурсов территориального органа ФССП, т.е. таким образом, чтобы способствовать повышению общей эффективности. Здесь необходимо учитывать общий уровень затрат по подразделению и работу по их сокращению.

Оценка вклада в "междепартаментское управление" отдельных руководителей производится непосредственным начальником данного руководителя с подведением итогов по постановке задач и оценки результатов.

В оценке руководителя может быть использована оценка собственного развития, которая определяется:

- разрядом, классным чином сотрудника, стажем работы;

- наличием государственных наград и знаков отличия;

- наличием ученой степени;

- специальными знаниями в управлении;

- соответствием уровня квалификации исполнению должностных обязанностей;

- личными качествами (качества лидера в коллективе, ответственность, состояние здоровья, работоспособность, потенциал обучаемости в сфере управления, дисциплинированность, активность, контроль своего поведения, уравновешенность, контроль ситуации, коммуникативность и др.).

Формы оценки деятельности руководителей ФССП могут быть следующие:

- формальная система оценки деятельности без аттестации, например рейтинговая система;

- аттестация;

- неформальная специальная система (ситуационный анализ);

- системы внутреннего контроля на различных уровнях;

- опрос (анкетирование) сотрудников¹;

- опрос руководителя.

Приведенные формы оценки деятельности руководителей не являются взаимоисключающими и могут эффективно дополнять друг друга. В целом система оценки руководителей ФССП требует детальной доработки до уровня методики. По результатам оценки должен составляться план развития, который будет стимулировать руководителя достичь еще более высоких результатов в следующем году.

Примечания

1. См.: Чурилов А.В. Проблемы организационного и методического руководства деятельностью Службы судебных приставов // Бюллетень Службы судебных приставов Министерства юстиции Российской Федерации. 2001. №3. С.11-17.

2. См.: Головин В.В. Калганова Л.А. Повышение эффективности государственного управления. Под ред. Н.А. Винниченко. М., 2005. С. 636-639; <http://www.tacisinfo.ru/ru/elib>.

3. См.: Информационное руководство ТАСИС «Оценка персонала: руководители». <http://www.marineews.ru/allnews/126433/18.06.2003>

ГОЛОВИН Владимир Васильевич, кандидат юридических наук, руководитель Управления ФССП – главный судебный пристав Омской области, государственный советник юстиции III класса, заслуженный юрист России.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.02.06 г.
© Головин В.В.

УДК 342.743:336.22

М. А. СУВОРОВ

Московский государственный университет

НАЛОГОВАЯ ТАЙНА: СОДЕРЖАНИЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЕЕ РАЗГЛАШЕНИЕ

В статье дается общая юридическая характеристика понятия «тайна» и, в частности, содержания и назначения института налоговой тайны. Факты разглашения сведений, составляющих налоговую тайну, отсутствие судебной практики привлечения государственных органов и их должностных лиц к ответственности за разглашение таких сведений и анализ действующих норм налогового законодательства позволили автору сделать вывод о декларативности института налоговой тайны в России. В связи с этим даны предложения по уточнению норм Налогового кодекса и активизации деятельности уполномоченных органов государства.

Обществом и государством перед органами государственной власти ставится двуединая задача: с одной стороны, вытекающее из содержания статей 2 и 18 Конституции Российской Федерации безусловное обеспечение приоритета защиты и соблюдения законных прав и интересов граждан и организаций, а с другой – организация эффективного осуществления закрепленных в законодательстве специфических, присущих данному органу государственной власти функций и задач. В деятельности налоговых органов выполнению двуединой задачи способствует институт налоговой тайны.

Под тайной принято понимать то, что скрыто от других, что известно не всем¹. В действующем российском законодательстве, а также в международных правовых актах упоминается около тридцати видов тайн. Среди них можно назвать государственную тайну, служебную тайну, налоговую тайну, тайну исповеди, семейную тайну, тайну голосования и т.д. Анализ понятия «тайна», используемого в законодательстве и научно-правовой литературе, позволяет выделить ряд основных ее признаков. Во-первых, тайна – это информация, защищаемая законом. Во-вторых, эта информация признается законом не общедоступной (информацией ограниченного доступа) в целях защиты прав и интересов граждан, общества и государства. В-третьих, тайной признается не любая информация, а только соответствующая установленным законом

условиям, при наличии которых законом предоставляется правовая защита².

Институт налоговой тайны появился в современном российском законодательстве с принятием в 1998 году части первой Налогового кодекса. Обязанность налоговых органов соблюдать налоговую тайну закреплена в п.6 п.1 ст. 32 и ст. 102 Налогового кодекса. При этом, в соответствии со ст. 102 Налогового кодекса, *налоговую тайну составляют любые* полученные налоговым органом, органами внутренних дел, органом государственного внебюджетного фонда и таможенным органом *сведения о налогоплательщике*. Налоговая тайна не подлежит разглашению за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами³. Следует отметить, что соблюдать налоговую тайну обязаны не только налоговые органы, органы внутренних дел, органы государственных внебюджетных фондов и таможенные органы, но и должностные лица указанных органов, привлекаемые специалисты, эксперты, а также другие лица, которым в силу закона доступна информация, составляющая налоговую тайну. Обязанность соблюдать налоговую тайну возникает у указанных лиц если сведения, составляющие налоговую тайну, стали известны им в ходе исполнения служебных полномочий.

Налоговая тайна призвана защитить интересы налогоплательщиков, которые в силу закона обязаны, во-первых, представлять в налоговые органы о себе и о своем имуществе сведения, необходимые для

контроля за правильностью, своевременностью и полнотой уплаты налогов, а во-вторых, обеспечивать доступ к указанным сведениям должностных лиц налоговых органов в ходе проведения выездных налоговых проверок. Необходимо отметить, что в ходе осуществления налогового контроля должностным лицам налоговых органов может стать известной не только информация, относящаяся к налогообложению, но и коммерческая тайна, сведения о религиозной и политической принадлежности налогоплательщиков, семейная тайна и другие сведения, правовая защита которых гарантируется Конституцией Российской Федерации (ст.ст. 23, 24, 28, 34, 45, 46). Конституционный суд Российской Федерации, исследовав жалобу о не соответствии Конституции Российской Федерации положений статьи 102 Налогового кодекса, в определении от 30 сентября 2004 г. № 317 – О указал, что специальный правовой статус сведений, составляющих налоговую тайну, закреплен исходя из интересов налогоплательщиков и с учетом соблюдения принципа баланса публичных и частных интересов, поскольку в процессе осуществления налоговыми органами Российской Федерации своих функций, установленных Налоговым кодексом и иными федеральными законами, в их распоряжении оказывается значительный объем информации об имущественном состоянии каждого налогоплательщика, распространение которой может причинить ущерб как интересам отдельных граждан, частная жизнь которых является неприкосновенной и охраняется законом, так и юридических лиц, чьи коммерческие и иные интересы могут быть нарушены в случае произвольного распространения в конкурентной или криминальной среде значимой для бизнеса конфиденциальной информации.

Реализация института налоговой тайны способствует претворению в жизнь конституционного принципа всеобщности налогообложения (ст. 57 Конституции РФ), так как ни одно лицо не может уклониться от представления в налоговый орган сведений, необходимых для контроля за правильностью, своевременностью и полнотой уплаты налогов, ссылаясь на отсутствие правовой защиты своих конституционных прав. Напротив, уклонение лица от представления таких сведений ставит его в неравное положение с добросовестными налогоплательщиками и нарушает закрепленный в ст. 6 Конституции Российской Федерации принцип равенства.

К сожалению, случаи разглашения налоговой тайны не редки. Примером может служить распространение компьютерных баз данных со сведениями о налогоплательщиках⁴. Вместе с тем в настоящее время отсутствует судебная практика по данному вопросу. Это, на наш взгляд, свидетельствует:

- о незнании налогоплательщиками своих прав;
- о боязни налогоплательщиков возможности наступления негативных последствий, когда, пользуясь несовершенством налогового законодательства, налоговый орган может просто задавить налогоплательщика бесконечными проверками;
- о пассивности налогоплательщиков, которые, несмотря на нарушение своих законных прав, не прибегают к предусмотренным Налоговым кодексом и иными федеральными законами средствам правовой защиты. Такая пассивность может быть вызвана неуверенностью налогоплательщика в возможности получения защиты своих прав;

- о пассивности Федеральной службы по экономическим и налоговым преступлениям, обязанной пресекать утечку из налоговых органов информации, составляющей налоговую тайну;

- о пассивности органов прокуратуры в части контроля за соблюдением налоговой тайны⁵.

Отсутствие судебной практики на фоне встречающихся случаев разглашения налоговой тайны делают актуальным рассмотрение вопросов ответственности налоговых органов и их должностных лиц за ее разглашение.

В п.2 ст.102 Налогового кодекса установлено, что «к разглашению налоговой тайны относится, в частности, использование или передача другому лицу производственной или коммерческой тайны налогоплательщика, ставшей известной должностному лицу налогового органа, органа внутренних дел, органа государственного внебюджетного фонда или таможенного органа, привлеченному специалисту или эксперту при исполнении ими своих обязанностей». При этом передача либо использование сведений о налогоплательщике не должно быть предусмотрено федеральным законом. В противном случае речь будет идти о правомерном разглашении налоговой тайны.

Представляется не совсем удачным перечисление в вышеназванной статье Налогового кодекса частных случаев налоговой тайны – производственной и коммерческой тайны налогоплательщика. Так, может возникнуть вопрос, относится ли к разглашению передача третьим лицам сведений о численности работников предприятия. На наш взгляд, более точной является формулировка «к разглашению налоговой тайны относится использование или передача другому лицу сведений, составляющих налоговую тайну, ставших известными должностному лицу налогового органа, органа внутренних дел, органа государственного внебюджетного фонда или таможенного органа, привлеченному специалисту или эксперту при исполнении ими своих обязанностей», что исключило бы возможное двусмысленное толкование. Тем более что в пункте 1 рассматриваемой статьи уже определено, что относится к налоговой тайне.

Кроме того, в рассматриваемой статье 102 Налогового кодекса законодателем не раскрывается содержание понятия «использование», что также может вызвать затруднения при применении норм данной статьи на практике. Представляется целесообразным указать в Налоговом кодексе, что использование налоговой тайны – это совершение должностным лицом налогового органа действий, направленных на получение собственной выгоды либо выгоды для третьих лиц, исходя из составляющих налоговую тайну сведений, ставших известными ему при исполнении служебных обязанностей.

Из сказанного выше, **разглашение налоговой тайны** можно определить как **действия должностного лица налогового органа, в результате которых, составляющие налоговую тайну сведения стали известны третьим лицам, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами**. Порядок доступа к конфиденциальной информации налоговых органов утвержден приказом МНС РФ от 3 марта 2003 г. № БГ-3-28/96⁶.

В соответствии с п.4 ст.102 Налогового кодекса утрата документов, содержащих составляющие налоговую тайну сведения, либо разглашение таких сведений влечет ответственность, предусмотренную федеральными законами. Общие положения граж-

данско-правовой ответственности налоговых органов и их должностных лиц установлены ст.ст. 35, 103 Налогового кодекса. Согласно указанным статьям, убытки, причиненные налогоплательщику или его имуществу неправомерными действиями (бездействиями) налоговых органов или их должностных лиц, подлежат возмещению в полном объеме, включая упущенную выгоду, за счет средств федерального бюджета. В этом реализуется норма ст. 53 Конституции Российской Федерации, устанавливающая, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Следует отметить, что гражданско-правовую ответственность за разглашение налоговой тайны несут именно налоговые органы.

Должностные лица налоговых органов за разглашение налоговой тайны могут быть привлечены к дисциплинарной, административной и уголовной ответственности. В соответствии со ст. 57 Федерального закона от 27 июня 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁷, к должностным лицам налоговых органов применяются такие виды дисциплинарной ответственности, как замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии, освобождение от замещаемой должности гражданской службы и увольнение с гражданской службы.

К административной ответственности должностные лица налоговых органов привлекаются:

за нарушение установленного законом порядка сбора, хранения, использования или распространения информации о гражданах — в виде предупреждения или наложения административного штрафа в размере от пяти до десяти минимальных размеров оплаты труда (ст. 13.11 Кодекса об административных правонарушениях);

за разглашение информации с ограниченным доступом — в виде наложения административного штрафа в размере от сорока до пятидесяти минимальных размеров оплаты труда (ст. 13.14 Кодекса об административных правонарушениях).

Уголовная ответственность должностных лиц предусмотрена ст. 183 Уголовного кодекса. В соответствии с данной статьей за незаконное разглашение или использование сведений, составляющих налоговую тайну, без согласия их владельца, лицо, которому она была доверена или стала известна по службе или работе, несет ответственность в виде штрафа в размере до 120 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода за период до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо лишением свободы на срок до трех лет.

Кроме того, должностное лицо налогового органа, виновное в утрате документов, содержащих составляющие налоговую тайну сведения, в зависимости от причиненного ущерба может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 293 Уголовного кодекса («Халатность»).

В заключение еще раз отметим важность института налоговой тайны. Он позволяет защитить интересы налогоплательщиков, предупредить уклонение налогоплательщиков от представления в налоговые органы сведений о своей деятельности, и, в конечном итоге, повысить эффективность работы налоговых органов. К сожалению, данный институт

налогового права на практике остается пока декларацией. Сведения о налогоплательщиках, в нарушение режима налоговой тайны, оказываются в свободном доступе, а налоговые органы и их должностные лица не несут за это никакой ответственности.

Для того чтобы институт налоговой тайны заработал, представляется необходимым, прежде всего, уточнить нормы Налогового кодекса и иных законодательных актов, чтобы налогоплательщик, обращаясь за защитой своих прав, был уверен, что он получит такую защиту, и это не повлечет для него никаких отрицательных последствий. Во-вторых, необходимо проводить более активную работу по разъяснению налогоплательщикам их прав. И в-третьих, активизировать деятельность органов прокуратуры по контролю за соблюдением налоговой тайны, защите прав и свобод человека и гражданина.

Примечания

1. См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., Оникс. 21 век, 2004. С. 1030; Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., Норинт, 2004. С. 1302.

2. См.: Костенко М. Ю. Налоговая тайна: Научно-практическое пособие. М., Издательство БЕК, 2003. С. 2-6.

3. К таким случаям относятся, в частности, разглашение сведений, составляющих налоговую тайну, в силу требований: п.3 ст.32, ст.47 Налогового кодекса; ст.46 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» (Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3591.); ст.33 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.); ст.ст. 46, 70 Федерального закона от 20 декабря 2002 г. № 175-ФЗ «О выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. 2002. № 51. Ст. 4982.); ст.ст.38, 62 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 171.); ст.10 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. №2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. 1997. № 51. Ст. 5712.); ст.ст.13, 22 Федерального закона от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. 1995. № 3. Ст. 167.); ст.13 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (Собрание законодательства РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.).

4. Следует обратить внимание на тот факт, что сегодня происходит утечка и распространение информации, составляющей не только налоговую тайну. Практически любое лицо может без особого труда получить информацию из баз данных операторов телефонной связи, таможенных органов, органов внутренних дел и т.д.

5. В соответствии со ст.ст. 21 и 22 Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472) в рамках надзора за исполнением законов прокурор или его заместитель возбуждает уголовное дело или производство об административном правонарушении, требует привлечения лиц, нарушивших закон, к иной установленной законом ответственности.

В соответствии со ст.ст. 26 и 27 закона «О прокуратуре Российской Федерации» в рамках надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в случае нарушения прав и свобод человека и гражданина, защищаемых в порядке гражданского судопроизводства, когда нарушены права и свободы значительного числа граждан либо в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение, про-

курор предъявляет и поддерживает в суде или арбитражном суде иск в интересах пострадавших.

6. Российская газета. 2003. № 63.

7. Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. ст. 3215.

СУВОРОВ Максим Александрович, кандидат юридических наук, преподаватель, консультант аппарата Совета Федерации.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.06.06 г.

© Суворов М.А.

УДК 347.9:343.16

Л. А. КАЛГАНОВА

Омский юридический институт

ПРИМЕНЕНИЕ КРИМИНОМЕТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОПРЕДЕЛЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДОВ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ РОССИИ

В статье комплексно исследуются проблемы расследования преступных нарушений авторских прав в сфере программного обеспечения посредством сетевых технологий. На основе количественного и качественного анализа характеристик данного преступления выводятся рекомендации с возможностью дальнейшего внедрения в практику борьбы правоохранительных органов с преступными нарушителями авторских прав. Данное исследование является одним из первых комплексных исследований теоретических и практических вопросов расследования преступных нарушений авторских прав в сфере программного обеспечения посредством сетевых технологий.

В сфере деятельности территориальных органов Федеральной службы судебных приставов (ФССП) применяются различные формы и методы контроля: методы внешнего и внутреннего контроля, ведомственные проверки, система внутренних ценностей и убеждений, общественный контроль, контроль сторон исполнительного производства¹. Применяемые формы и методы контроля направлены на соблюдение законности судебными приставами-исполнителями и другими должностными лицами ФССП в сфере принудительного исполнения судебных и административных решений и равнозначны с точки зрения их воздействия на контролируруемую деятельность. Чтобы определить, насколько эффективны применяемые методы организационного контроля, нужно выявить факторы, оказывающие влияние на принятие судебным приставом (другим должностным лицом) решений о совершении противоправных действий.

Сейчас разработаны подходы определения влияния подобных факторов и меры воздействия, которое они оказывают. Это является предметом раздела экономики преступления и наказания, получившим название **криминометрика**². В криминометрике измеряется влияние социально-экономических факторов на стремление человека

совершать противоправные действия: уровень доходов, неравенство в доходах, безработица и т.д. Привлекательность преступлений изучается также с точки зрения их выгоды для человека: что экономически выгоднее — совершить преступление или получать легальные доходы.

На основе криминометрического подхода сделаем анализ побуждения судебного пристава совершить противоправное действие, т.е. выявим воздействие экономических и моральных факторов на принятие им такого решения. При формировании системы ценностей и убеждений можно определить величину морального порога m , который судебному приставу необходимо преодолеть, чтобы совершить противоправное действие. Для определения морального порога m можно использовать общую модель преступного поведения³. Предполагается, что есть нейтральный к риску рациональный агент. Он совершает преступление, если чистая выгода r , определяемая формулой

$$r = (1-p) \cdot B - C - I - p \cdot F \quad (1)$$

превышает вышеупомянутый моральный порог m , т.е. $r > m$. При этом p — вероятность наказания за преступление, $(1-p)$ — вероятность того, что преступление не будет раскрыто; B — доход от преступления, C — издержки планирования и совер-

шения преступления, I — доход агента от легальной деятельности, F — размер наказания.

Формулу (1) можно применить в целях нашего исследования следующим образом. События: раскрытие противоправного действия и нераскрытие его (получение дохода от преступления) являются взаимосвязанными. Иначе, если вероятность раскрытия должностного противоправного действия судебного пристава-исполнителя равна p , то вероятность его нераскрытия и получения им легальных доходов в ФССП равна $(1 - p)$. Отсюда формула (1) для определения чистой выгоды, получаемой от противоправных действий судебным приставом-исполнителем может быть интерпретирована как

$$\begin{aligned} r_c = & q \cdot (1-p) \cdot B - C - \sum_{i=1}^n Z_i \cdot (1-p) - \\ & - \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m L_{ij} \cdot (1-p) - \sum_{i=n+1}^N P_i \cdot (1-p) - p \cdot F, \end{aligned} \quad (2)$$

где r_c — выгода, получаемая судебным приставом-исполнителем от служебных противоправных действий; p — вероятность раскрытия противоправного действия судебного пристава-исполнителя; q — вероятность возвращения в государственный бюджет или взыскателю средств, полученных в результате противоправных действий, величина q зависит от времени раскрытия противоправных действий и от других факторов; Z_i — величина заработной платы судебного пристава-исполнителя в i -й период; L_{ij} — величина j -й льготы в i -й период, получаемой судебным приставом-исполнителем в период работы как государственного служащего; P_i — величина пенсии, которую будет получать судебный пристав в период $i = n+1, n+2, \dots, N$.

Легальный доход судебного пристава-исполнителя I равен:

$$I = \sum_{i=1}^n Z_i \cdot (1-p) - \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m L_{ij} \cdot (1-p) - \sum_{i=n+1}^N P_i \cdot (1-p), \quad (3)$$

в нем учитывается не только единовременный доход, но и все виды доходов, гарантированных государственному служащему и получаемых им в течение длительных периодов.

Разница между моделями (1) и (2) состоит в том, что в модели (1) упущенная выгода от легального дохода рассматривается как единовременная. Для государственного служащего легальные доходы — это не только единовременная выплата, но и возможность получать стабильные и гарантированные доходы в течение длительного времени: работы в данном учреждении и после выхода на пенсию. В модели (2) легальный доход судебного пристава-исполнителя рассматривается в динамическом аспекте.

Формула (2) показывает величину r_c и позволяет определить взаимосвязь между социально-экономическими факторами и решением судебного пристава-исполнителя совершить противоправные поступки. Высокая зарплата, получаемые им льготы, гарантированный размер пенсии судебного пристава-исполнителя вносят отрицательный вклад в принятие им решения по совершению противоправных действий. При раскрытии противоправных действий они воспринимаются как упущенные возможности. Кроме того, судебный пристав-исполнитель, совершив противоправное действие, теряет получение дохода от легальной деятельности в течение определенного периода $i = 1, 2, \dots, n$, в течение которого он работает в Федеральной службе судебных приставов, а также получения гарантированно

высокой по сравнению с другими категориями работников пенсии.

Влияние размера наказания F и роста вероятности p раскрытия противоправных действий неравноценно. Некоторые исследователи отмечают, что эффект сдерживания от размера наказания заметно ниже, чем от повышения вероятности его раскрытия⁴. Эффект сдерживания от роста вероятности быть разоблаченным — чем выше вероятность раскрытия противоправных действий, тем меньше среди судебных приставов-исполнителей желающих рискнуть своим служебным положением и постоянными гарантированными доходами.

В рассматриваемом случае решение судебного пристава совершить противоправные действия определяется следующими переменными: величиной морального барьера m ; чистой выгодой от совершения противоправных действий g и вероятностью раскрытия противоправных действий p . Величина морального барьера m зависит от многих факторов. По нашему мнению, она определяется уровнем соблюдения законности в сфере принудительного исполнения, эффективностью систем контроля, уровнем детальных доходов, уровнем образования, моральными и личностными характеристиками судебного пристава-исполнителя, а также системой ценностей и убеждений, которая сформирована в службе.

На увеличение вероятности раскрытия противоправных действий p влияет обеспечение режима законности в исполнительном производстве, эффективность систем контроля. Экономические факторы: высокая зарплата, система льгот, высокая пенсия — оказывают позитивное влияние на уровень легальных доходов, существенно повышают моральный порог m , снижают размер чистой выгоды от совершения противоправных действий g , что в конечном итоге снижает вероятность совершения противоправных действий.

Уровень образования имеет двустороннее влияние на решение совершить преступление. С одной стороны, юридически образованный судебный пристав может лучше спланировать противоправные действия, а значит иметь больше выгоды от преступления и меньше затраты. С другой — он лучше понимает степень ответственности и последствия за совершение противоправных действий, у него может быть более высокий моральный порог и больше возможностей профессионального роста, а следовательно, и больше размер легальных доходов.

Система ценностей и убеждений судебного пристава-исполнителя оказывает развивающее влияние на величину морального порога m , увеличивает вероятность возвращения доходов от противоправных действий q . Мера неравенства в доходах зависит от соотношения доходов в обществе, оказывает мотивирующее влияние на совершение противоправных действий, увеличивает вероятность их совершения, снижает моральный порог m .

Определение соотношения влияния выделенных переменных имеет большое практическое значение: при ограниченности бюджетных средств определить доминирующую переменную — значит сфокусировать выделение финансирования на направлении контроля, которое в значительной степени предотвратит совершение противоправных действий судебными приставами. И наоборот, распыление ограниченных бюджетных средств или направление их по малоэффективному руслу не только не дает желаемого эффекта предотвращения, но оставит

Соотношение влияния социально-экономических факторов и параметров криминометрической модели

Социально-экономические факторы / Параметры модели	Соблюдение законности	Эффективные системы контроля	Высокая зарплата	Система льгот	Высокая пенсия	Образование	Система ценностей и убеждений	Мера неравенства в доходах
Вероятность раскрытия p	+	+				-		
Доход от противоправных действий B						+		+
Издержки C	+	+				-		
Легальный доход I			+	+	+	+		
Размер наказания F	+	+						
Чистая выгода $г$	-	-	-	-	-	?		+
Моральный порог m	+		++	++	++	+	++	-
Вероятность возвращения доходов от противоправных действий q	+	+					+	
Вероятность совершения противоправных действий p_c	--	--	- $m > г$	- $m > г$	- $m > г$?	- $m > г$	+ $m < г$

большую свободу действий в правонарушениях и снизит легитимный эффект от совершения исполнительных действий. Соотношение влияния указанных переменных трудно определить количественно, но можно установить явно ощутимые тенденции (табл. 1.)

Вероятность совершения противоправных действий p_c определяется соотношением морального порога m и чистой выгоды $г$. При $m = г$ вероятность совершения противоправных действий равна вероятности отказа от них, следовательно, $p_c = 0,5$. Если моральный порог превышает чистый доход, т.е. при $m > г$, то $0 \leq p_c \leq 0,5$. Если чистый доход превысит моральный порог, при $m < г$, то $0,5 \leq p_c \leq 1$. И при значительном превышении чистого дохода над моральным порогом $m \ll г$ вероятность совершения противоправных действий стремится к единице $p_c \rightarrow 1$, т.е. совершение противоправных действий становится почти достоверным событием.

Таким образом, на основе анализа предложенной криминометрической модели можно сделать следующие рекомендации по повышению эффективности методов организационного контроля в сфере деятельности ФССП.

1. Системы государственного ведомственного контроля, внешнего и внутреннего, повышают вероятность раскрытия противоправных действий p , величина которой, как показали исследования, прямо воздействует на принятие решений и снижает вероятность совершения противоправных действий p_c . Развитие методов и средств внешнего и внутреннего государственного контроля стимулирует сотрудников ФССП отказаться от совершения противоправных действий.

2. Высокий уровень легальных доходов судебных приставов, включающий заработную плату и премирование, льготы, пенсионное обеспечение, снижает чистую выгоду, получение которой возможно при совершении преступных и противоправных действий, и, следовательно, существенно снижает вероятность совершения противоправных

действий p_c , делает их невыгодными. И наоборот, низкий уровень легальных доходов судебных приставов-исполнителей повышает величину p_c , побуждает сотрудников Службы рисковать своим служебным положением и статусом государственного служащего, делает противоправные поступки выгодными с экономической точки зрения.

3. Конечный успех системы контроля в Федеральной службе судебных приставов во многом определяется величиной морального барьера m . Чем выше величина морального барьера m , тем ниже вероятность совершения противоправных действий p_c вследствие создания стабильной системы ценностей и убеждений. Эффективность систем контроля в сфере деятельности ФССП во многом зависит от сотрудников. Человеческий фактор нельзя подавить жесткими формами и методами контроля и заменить автоматизацией рабочих мест. Каждый сотрудник имеет свои амбиции, мотивы, потребности и идеи. Отсюда чем больше удовлетворяются потребности сотрудников и создаются институциональные механизмы мотивации, тем выше моральный барьер m . Увеличение морального барьера m также возрастает в атмосфере общения и коллективизма, коллегиальности, развития системы ценностей и убеждений в ФССП.

Следует отметить, что предложенное применение криминометрического подхода в определении эффективности методов организационного контроля носит универсальный характер и может быть применено в других сферах государственного управления, где деятельность государственных служащих осуществляется на аналогичных условиях.

Примечания

1. Головин В.В. Калганова А.А. Повышение эффективности государственного управления. Под ред. Н.А. Винниченко. М., 2005. С. 320-324.

2. Андриенко Ю.В. В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период: криминометрический подход // Экономический журнал ВШЭ. 2002. Т. 5. № 2. С. 179-217.

3. Андриенко Ю.В. В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период: криминометрический подход // Экономический журнал ВШЭ. 2002. Т. 5. № 2. С. 179-217; Fajnzylber P., Lederman D., Loayza N. What Causes Violent Crime // Office of the Chief Economist Latin America and the Caribbean. The World Bank, mimeo. Mar. 1998. 56 p.

4. Андриенко Ю.В. В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период: криминометрический подход. Экономический журнал ВШЭ. 2002. Том 5. № 2.

C. 179-217; Becker G. The economics of Crime // Cross sections, Fall 1995.

КАЛГАНОВА Лариса Алексеевна, кандидат технических наук, доцент, консультант Управления ФССП по Омской области.

Дата поступления статьи в редакцию: 27.01.06 г.
© Калганова Л.А.

УДК 343.13

М. Х. АБДРАХМАНОВ

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ДЕЛОВАЯ РЕПУТАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, НАПРАВЛЕНИЯ И СПОСОБЫ ОХРАНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В результате проведенного исследования дано определение понятия «деловая репутация юридического лица», выявлена его правовая природа, обоснована необходимость осуществления охраны этого нематериального блага в сфере уголовного судопроизводства в двух направлениях: во-первых, в связи с фактом совершения преступления, во-вторых, от незаконной деятельности властных субъектов уголовного процесса.

Становление правового государства и формирование гражданского общества, развитие рыночных отношений и конкурентной борьбы выдвигают на передовые позиции проблему повышения уровня правовой охраны участников гражданского оборота. Хозяйствующие субъекты нуждаются в охране их интересов не только от недобросовестного поведения контрагентов, но и от преступных посягательств, а также неправомерного вмешательства в их деятельность со стороны правоохранительных органов.

Современное состояние российской экономики, увеличение числа коммерческих организаций и иных юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, повышают ценность охраны нематериальной сферы интересов хозяйствующих субъектов. Некоторые исследователи не без оснований полагают, что посягательство на деловую репутацию участника рыночных отношений способно причинить ему более ощутимый вред, нежели преступное воздействие на какой-либо из принадлежащих ему материальных объектов [1, с. 39].

Личные нематериальные права и нематериальные блага приобретают для участников имущественного оборота все большую важность. Реагируя на данное обстоятельство, законодатель в последние годы существенно повысил удельный вес правовых норм, регламентирующих нематериальные отношения. В ГК РФ вопросам регламентации нематериальных благ и их защиты посвящена от-

дельная глава. Многие деяния, посягающие на нематериальную сферу интересов физических и юридических лиц, образуют соответствующие составы преступлений. Вместе с тем существуют такие области общественных отношений, где гражданско-правовая и уголовно-правовая охрана нематериальных благ представляется недостаточной либо малоэффективной. Среди них необходимо выделить отношения, складывающиеся в ходе производства по уголовным делам. Именно здесь наиболее ярко проявляется конфликт интересов государства, общества, с одной стороны, и отдельных лиц (в том числе юридических) – с другой. Сфера уголовного судопроизводства несет большую потенциальную опасность нарушения частных интересов нематериального характера. По этой причине важно проанализировать произошедшие в связи с принятием в 2001 г. УПК РФ изменения в уголовно-процессуальном законодательстве. В силу специфики избранного предмета исследования нас будут интересовать проблемы охраны нематериальных интересов юридических лиц.

Уголовно-процессуальное законодательство советского времени предусматривало способы защиты лишь имущественных интересов пострадавших от преступления юридических лиц. Это выражалось в наделении учреждений, предприятий, организаций, понесших материальный ущерб, правом заявлять гражданский иск. Нематериальные права юридических лиц оставались за рамками

охранительной «компетенции» уголовно-процессуального закона.

УПК РФ в отмеченном аспекте выгодно отличается от ранее действовавшего законодательства. Одной из новелл УПК РФ является признание за юридическими лицами права приобретать процессуальный статус потерпевшего. Из ч. 1 ст. 42 УПК РФ следует, что юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации признается потерпевшим. Таким образом, наряду с имущественным вредом в качестве основания для признания организаций потерпевшими выделяется вред деловой репутации. Между тем термин «деловая репутация юридического лица» является новым для отечественного уголовного процесса: ни в дореволюционном законодательстве, ни в советских уголовно-процессуальных кодексах он не использовался. В свете сказанного целесообразно дать определение данного понятия и выявить его правовую природу.

Легально закрепленное понятие «деловая репутация» в действующем законодательстве отсутствует, хотя законодатель использует данный термин в целом ряде нормативно-правовых актов. Деловой репутацией могут обладать как юридические, так и физические лица. Анализ имеющихся в правовой науке точек зрения относительно рассматриваемого понятия показывает, что ученые неодинаково его трактуют. В юридической литературе наиболее распространенным является определение, предложенное А.М. Эрделевским: деловая репутация лица — это сопровождающееся положительной оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании [2, с. 16]. Аналогичную дефиницию предлагает А.Л. Анисимов: деловая репутация — это сложившееся мнение о качествах (достоинствах и недостатках) коллектива, организации, конкретного физического лица в сфере делового оборота [3, с. 18]. В приведенных определениях акцентируется внимание на применимости понятия «деловая репутация» лишь к тем субъектам правовых отношений, которые участвуют в деловом обороте. Между тем некоторые цивилисты обосновывают тезис, согласно которому деловая репутация не должна ограничиваться рамками делового оборота, по их мнению, ею может обладать любое лицо, занимающееся каким-либо делом, осуществляющее социально-значимую деятельность [4, с. 9]. Представляется, что более права первая группа ученых, поскольку данная законодательная конструкция введена для отражения предпринимательских качеств хозяйствующих субъектов. Подтверждением этого является закрепленное в ч. 1 ст. 5 ГК РФ определение понятия «обычай делового оборота»: это «сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения...». Именно такую позицию занял Высший Арбитражный суд РФ [5, с. 31]. Анализируя предлагаемые дефиниции деловой репутации юридического лица, представляется целесообразным выявить основные признаки этого правового феномена. В их числе исследователи, как правило, выделяют следующие: 1) публичный характер и 2) позитивный характер деловой репутации [7, с. 104]. Первый из выделенных признаков означает, что оценка деловых качеств осуществляется не самим субъектом, а иными участниками правовых отношений, обществом в целом. Выделение второго признака связано с тем, что деловая репутация может быть как положительной, так и

отрицательной. Правовой же защите подлежит лишь та репутация, которая обществом оценивается положительно. Таким образом, деловую репутацию организации можно определить как сложившееся в обществе положительное мнение о ее деловых качествах.

В научной литературе вопрос о правовой природе деловой репутации юридических лиц является дискуссионным. Некоторые специалисты обосновывают позицию, в соответствии с которой юридическое лицо вообще не может быть обладателем нематериальных благ, а его деловую репутацию, по их мнению, следует рассматривать в качестве субъективного имущественного права [6, с. 54]. Существует также мнение, согласно которому деловая репутация является «личным имущественным правом или неимущественным правом, тесно связанным с имущественными правами» [7, с. 96]. Однако наибольшее число приверженцев имеет иная точка зрения. Многие исследователи трактуют право юридических лиц на деловую репутацию как неимущественное право, связанное с имущественными [8, с. 13]. Авторы приведенных позиций не учитывают того обстоятельства, что деловая репутация в основе своей является благом нематериальным, неотчуждаемым, не обладающим признаком товарности. Безусловно, деловая репутация оказывает серьезное воздействие на имущественное положение субъекта. Репутация производителя качественной и известной широким слоям населения продукции привлекает большое число потенциальных покупателей, контрагентов, что, соответственно, предопределяет извлечение большей по сравнению с конкурентами, не обладающими такой репутацией, прибыли. Размеры убытков при посягательстве на рассматриваемое нематериальное благо будут выше у тех предпринимателей, которые обладают более надежной репутацией. Денежные расходы, требуемые на восстановление деловой репутации, тем выше, чем известнее, солиднее компания. Несмотря на это, деловая репутация остается нематериальным благом, не утрачивает признака нематериальности.

Одним из доводов в пользу трактовки деловой репутации юридического лица в качестве имущественного права приводится то обстоятельство, что в ряде правовых норм, содержащихся в ГК РФ, деловая репутация рассматривается как некое «оборотоспособное благо», могущее быть использованным в коммерческой деятельности. Так, ч. 2 ст. 1027 ГК РФ гласит: «договор коммерческой концессии предусматривает использование комплекса исключительных прав, деловой репутации и коммерческого опыта правообладателя...». Кроме того, наряду с имуществом, вкладом по договору простого товарищества могут выступать деловая репутация и деловые связи товарища (ч. 1 ст. 1042 ГК РФ). Однако данные нормы вовсе не служат веским аргументом в пользу имущественного характера анализируемого блага. Дело в том, что сама по себе деловая репутация не может быть самостоятельным предметом договора коммерческой концессии либо договора простого товарищества. Данное благо непосредственно связано с его обладателем. Законодатель вынужден рассматривать деловую репутацию в качестве вклада в простое товарищество, поскольку совместная деятельность товарищей обуславливает использование, помимо прочего, и деловой репутации каждого из них [9, с. 137]. Между тем, важно подчеркнуть, что возникающие в связи с

умалением деловой репутации имущественные потери являются лишь следствием нарушения этого нематериального блага. В связи с вышеизложенным мы приходим к выводу о том, что деловая репутация юридического лица представляет собой нематериальное благо, а право на ее защиту следует признать неимущественным правом, не связанным с имущественными.

Обращение к специалистам цивилистической науки для выявления понятия и правовой природы деловой репутации юридического лица не является случайным, поскольку данный правовой феномен впервые появился и получил развитие именно в гражданском законодательстве. Вместе с тем в недалеком прошлом для охраны неимущественных интересов организаций, учреждений, предприятий применялась иная терминология. Так, в принятых 8 декабря 1961 г. Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик была установлена норма, которая гласила: «гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности» (ст. 7). Иными словами, категории «честь» и «достоинство» были распространены на юридических лиц. Однако подобный подход вряд ли может быть признан удачным, поскольку юридическое лицо не может себя оценивать (т.е. иметь собственное достоинство). Понятие же «честь» является очень близким по смыслу к понятию «репутация», но термин «деловая репутация» гораздо более точно отражает специфику такого субъекта права, как юридическое лицо. По этой причине следует признать правильным избранный законодателем при принятии части первой ГК РФ подход, когда категории «честь» и «достоинство» были обращены только к личности, а понятие «деловая репутация» распространяется и на граждан, и на юридических лиц.

Возвращаясь к приведенной выше норме Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, необходимо отметить, что она оказала определенное влияние и на развитие научных воззрений в сфере уголовного процесса. Появление данной нормы явилось причиной постановки в уголовно-процессуальной литературе вопроса о возможности причинения юридическому лицу наряду с имущественным морального вреда [10, с. 6]. М.С. Строгович, анализируя ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, пришел к выводу о необходимости внесения в уголовно-процессуальное законодательство изменений, связанных с наделением организаций правами потерпевшего в уголовном процессе в случаях, когда преступлением им причинен моральный вред [11, с. 256].

Однако лишь с принятием нового УПК РФ неимущественная сфера интересов юридических лиц получила свое «представительство» в уголовно-процессуальной области в «лице» такого нематериального блага как деловая репутация. Безусловно, деловая репутация не исчерпывает своим содержанием всей совокупности неимущественных прав и интересов юридического лица. В уголовном судопроизводстве вред может причиняться и иным неимущественным правам, принадлежащим юридическим лицам (например, нарушение права на тайну переписки и телефонных переговоров и др.). Выделение законодателем в качестве объекта охраны именно деловой репутации является правильным

и обоснованным шагом, поскольку в условиях рыночной экономики данное нематериальное благо приобретает значение одного из условий успешной деятельности хозяйствующих субъектов.

Появление в УПК РФ нормы, предоставляющей юридическим лицам право приобретать статус потерпевшего при умалении их деловой репутации, расценивается нами как важный этап в развитии законодательства об охране неимущественной сферы интересов юридических лиц. ГК РФ связывает возможность защиты деловой репутации юридических лиц лишь с фактом распространения в отношении такого лица порочащих и не соответствующих действительности сведений. В то же время посягательство на данное нематериальное благо может совершаться и в иных формах. Так, в результате незаконного использования товарного знака часто происходит умаление деловой репутации его законного владельца. В связи с чем высока вероятность временного падения спроса на соответствующий товар и, как результат, неизбежно наступление убытков. Защита деловой репутации в порядке ст. 152 ГК РФ в приведенном случае исключается, поскольку при совершении подобного правонарушения отсутствует распространение каких-либо сведений. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что в действующем законодательстве отсутствует уголовная ответственность за посягательства на деловую репутацию организаций. Состав преступления, предусмотренный ст. 129 УК РФ (клевета), распространяется на случаи преступного посягательства на честь, достоинство и репутацию только личности. Поэтому охрана деловой репутации юридического лица в уголовном судопроизводстве приобретает особую актуальность и самостоятельную ценность.

Охрана деловой репутации в уголовном процессе, по нашему мнению, должна осуществляться в двух направлениях. Первое из них нами уже частично затрагивалось: деловая репутация юридических лиц подлежит охране в сфере уголовного процесса в случаях ее умаления преступными деяниями. К сожалению, как уже отмечалось, действующий уголовный закон не предоставляет юридическим лицам уголовно-правовую охрану при посягательствах на их деловую репутацию. Однако многие исследователи склонны полагать, что любое посягательство на неимущественные права, принадлежащие юридическому лицу, (например, незаконное использование товарного знака, расформации, интеллектуальной собственности, раскрытие коммерческой или служебной тайны) негативно отражается, прежде всего, на деловой репутации пострадавшей организации [11, с. 78-79]. Поэтому при выявлении факта преступного посягательства на неимущественные интересы юридического лица властные субъекты уголовного судопроизводства должны рассматривать вопрос о признании таких юридических лиц потерпевшими не столько по имущественному критерию, сколько по критерию нанесения вреда деловой репутации.

Охрана деловой репутации юридических лиц в уголовном процессе может быть рассмотрена не только в связи с фактом совершения преступления, но и в связи с причинением юридическим лицам вреда, возникшего в результате производства процессуальных действий либо принятия процессуальных решений. Иными словами, вторым направлением охраны деловой репутации юридических лиц в уголовном судопроизводстве является

защита организаций от необоснованного вмешательства в их деятельность со стороны органов, осуществляющих производство по уголовным делам. Сравнительный анализ УПК РСФСР и УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что действующий уголовно-процессуальный закон в интересующем нас аспекте претерпел существенное изменение. В УПК РФ появилась норма, в соответствии с которой вред, причиненный юридическим лицам незаконными действиями (бездействием) и решениями суда, прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания, возмещается государством в полном объеме в порядке и сроки, которые установлены гл. 18 УПК РФ (ст. 139). Однако тщательное исследование данной главы позволяет говорить о принципиальной неприменимости к охране интересов юридических лиц большинства содержащихся в ней норм. Это связано с тем, что в главе 18 речь идет главным образом о реабилитации лиц, незаконно привлеченных к уголовной ответственности. Действующим уголовным законодательством юридические лица не рассматриваются в качестве субъектов преступлений и, следовательно, не могут быть привлечены к уголовной ответственности. Таким образом, для полноценной реализации юридическими лицами нормы, зафиксированной в ст. 139 УПК РФ, отсутствуют действенные механизмы. По этой причине представляется справедливым высказываемое в научной литературе мнение, согласно которому необходимо выделить в отдельную главу совокупность норм, определяющих основания и порядок возмещения вреда, причиненного применением незаконных мер уголовно-процессуального принуждения [13, с. 13]. На наш взгляд, в данной главе помимо вопросов возмещения вреда физическим лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения, не связанным с осуществлением уголовного преследования, надлежит подробно изложить основания, порядок и сроки возмещения вреда юридическим лицам, пострадавшим от незаконной деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства. В конструируемой главе УПК следует расположить ряд статей, в частности, статью под названием «Возмещение вреда деловой репутации юридического лица». В этой статье необходимо изложить следующие вопросы: принесение прокурором официального извинения организации (ее представителю), пострадавшей от незаконных действий (бездействий) или решений субъектов, осуществляющих уголовный процесс; извещение населения через средства массовой информации о незаконности произведенных процессуальных действий или принятых процессуальных решений, если ранее подобные сведения были распространены в средствах массовой информации; направление (по требованию заинтересованного лица) властными субъектами судопроизводства деловым партнерам пострадавшего юридического лица письменного сообщения о незаконности соответствующих действий или решений.

Подобные меры способны восстановить пошатнувшуюся репутацию соответствующего участника гражданского оборота. При этом важно подчеркнуть, что они лишены имущественной составляющей. Ни государство, ни допустившие правонарушения должностные лица не несут при применении этих мер имущественной ответственности. Однако данное обстоятельство не влияет на восстановительный потенциал предлагаемых мер. Ины-

ми словами, умаление деловой репутации юридического лица, произошедшее в результате незаконной процессуальной деятельности следователя и других ответственных за уголовное судопроизводство должностных лиц, может быть восполнено мерами неимущественного характера.

Формирование предлагаемой главы (и соответствующей статьи) связано с необходимостью конструирования действенных механизмов, призванных помочь юридическим лицам реализовать право на возмещение в полном объеме вреда, возникшего в результате производства любых незаконных процессуальных действий либо принятия процессуальных решений, в том числе негативно отразившихся на деловой репутации конкретного юридического лица. Между тем вмешательство правоохранительных органов в деятельность юридических лиц, связанное с проведением разного рода проверок, изъятием документации, компьютеров, наложением ареста на имущество, блокированием зданий и т.п., приводит к временной приостановке полноценной деятельности соответствующих юридических лиц и неминуемо отрицательно сказывается на их деловой репутации. Деловые партнеры, клиенты вряд ли будут длительное время ожидать, пока их контрагент уладит возникшие с правоохранительными органами проблемы. В условиях рыночной экономики им не составит большого труда отыскать иных участников имущественного оборота, не обремененных такими проблемами. Вполне естественно, что вмешательство со стороны властных субъектов уголовного процесса может быть правомерным, законным. Например, при появлении в ходе производства по уголовному делу достаточных данных, указывающих на то, что в помещении какого-то юридического лица находятся орудия преступления, предметы, документы, которые могут иметь значение для уголовного дела, безусловно, необходимо проводить соответствующее следственное действие. Однако если впоследствии выяснится, что данное действие было проведено с нарушением закона, как-то: отсутствие должного основания для его проведения; допущение не вызываемого необходимостью повреждения имущества и т.д., соответствующая организация должна иметь возможность получить возмещение причиненного вреда в полном объеме (включая вред, нанесенного деловой репутации), как того требует ст. 139 УПК РФ.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Появление в УПК РФ нормы, в соответствии с которой юридические лица могут признаваться потерпевшими в случае причинения преступлением вреда их имуществу и деловой репутации, знаменует собой весьма важный этап в становлении деловой репутации юридических лиц в качестве объекта охраны в сфере уголовного судопроизводства, а также открывает путь для уголовно-процессуального исследования этого правового феномена. Нами предлагается определение деловой репутации организации как сложившегося в обществе положительного мнения о ее деловых качествах. При этом деловая репутация юридического лица как объект охраны в уголовном судопроизводстве обладает публичным и позитивным характером. По итогам анализа имеющихся в научной литературе позиций относительно правовой природы деловой репутации юридических лиц мы пришли к заключению о том, что деловая репутация юридического лица представляет собой

нематериальное благо, а право на ее защиту следует признать неимущественным правом, не связанным с имущественными. В работе обосновывается точка зрения, в соответствии с которой охрана деловой репутации в уголовном судопроизводстве должна осуществляться в двух направлениях. Первое из них связано с необходимостью защиты деловой репутации юридического лица, пострадавшего от преступного деяния. В качестве второго направления выступает охрана деловой репутации юридических лиц при причинении им вреда, возникшего в результате незаконного производства процессуальных действий или принятия процессуальных решений. В связи с чем предлагаются меры неимущественного характера, способные устранить негативные последствия умаления деловой репутации юридического лица.

Библиографический список

1. Кожевников В.Б. Проблемы защиты деловой репутации / В.Б. Кожевников // Правоведение. — 1993. — № 6. — С. 37-42.
2. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда / А.М. Эрделевский. — М.: Юристъ, 1996. — 94 с.
3. Анисимов А.А. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита / А.А. Анисимов. — М., 1994. — 80 с.
4. Быковский В.В. Гражданско-правовая защита физических и юридических лиц при распространении о них сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию: Дис. ... канд. юрид. наук. / В.В. Быковский. — М. — 2005. — 202 с.
5. Векличева Е.К. Некоторые вопросы защиты деловой репутации субъектов экономической деятельности / Е.К. Векличева // Адвокатская практика. — 2005. — № 1. С. 31-33.
6. Никуличева Н.Ю. Право юридических лиц на деловую репутацию и его гражданско-правовая защита: Дис. ... канд. юрид. наук. / Н.Ю. Никуличева. — Новосибирск, 2004. — 177 с.
7. Беспалов А.В. Честь, достоинство и деловая репутация как объекты гражданских прав: Дис. ... канд. юрид. наук. / А.В. Беспалов. — Краснодар, 2004. — С. 167.
8. Малеева М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита / М.Н. Малеева. — М.: МЗПРЕСС, 2000. — 244 с.
9. Красавчикова Л.О. М.Н. Малеева. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита / М.Н. Малеева. — М.: МЗПРЕСС, 2000. — 244 с. / Л.О. Красавчикова // Государство и право. — 2002. — № 11. — С. 136-138.
10. Кокорев А.Д. Пострадавший от преступления в советском уголовном процессе / А.Д. Кокорев. — Воронеж: Изд. Воронеж. ун-та, 1964. — 138 с.
11. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: В 2 т. Т. 1 / М.С. Строгович. — М.: Наука, 1968. — 470 с.
12. Пешкова О.А. Ответственность и защита при причинении вреда неимущественным правам и нематериальным благам граждан и юридических лиц: Дис. ... канд. юрид. наук. / О.А. Пешкова. — Волгоград, 1997. — 162 с.
13. Татьяна Д.М. Реабилитация в уголовном процессе России (понятие, виды, основания, процессуальный порядок): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Д.И. Татьяна. — Ижевск, 2005. — 23 с.

АБДРАХМАНОВ Мурат Хасенович, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.06.06 г.
© Абдрахманов М.Х.

УДК 342

М. Ю. ДИТЯТКОВСКИЙ

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ВИДЫ ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ, КОТОРЫМИ НАДЕЛЕНА ЛИБО МОГУТ НАДЕЛЯТЬСЯ ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Данная статья посвящена проблемам определения видов отдельных государственных полномочий, которыми наделяются либо могут наделяться органы местного самоуправления. В статье также приводятся основные классификации указанных полномочий.

Конституция Российской Федерации предусматривает возможность наделяния органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Серьезное значение имеет вопрос о том, какими именно отдельными государственными полномочиями могут наделяться органы местного самоуправления. В законодательстве Российской Федерации существует значительное количество отдельных государственных полномочий: как тех,

которыми органы местного самоуправления уже наделяются сегодня, так и тех, которыми они могут наделяться в будущем. Поэтому рассмотрим основные классификации видов отдельных государственных полномочий, которыми наделяются либо могут наделяться органы местного самоуправления¹.

1. В.В. Пылин, Т.Н. Михеева предлагают подразделять отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления

для реализации, на *общеобязательные и порученные*. В частности, данные авторы указывают: «Содержащиеся в большинстве отраслевых федеральных законов и законов субъектов Федерации статьи с правовыми нормами, регулируемыми полномочия органов местного самоуправления, например, в области образования, культуры, охраны окружающей природной среды, градостроительства, обороны и т.д., по существу возлагают на органы местного самоуправления значительную часть государственных дел. Эти полномочия по своей сути носят общеобязательный характер и адресуются всем органам местного самоуправления на неограниченный срок...»². Полномочия, передаваемые отдельными специальными законами определенной категории или группе муниципальных образований, а также отдельному муниципальному образованию на неограниченный или на ограниченный срок, считаются В.В. Пылиным и Т.Н. Михеевой порученными.

С указанной точкой зрения В.В. Пылина и Т.Н. Михеевой вряд ли можно согласиться. Во-первых, не ясно основание, по которому приведена указанная классификация. Разве порученные государственные полномочия не являются в большинстве своем обязательными для органов местного самоуправления? Во-вторых, автор полагает, что те полномочия, которые именуется В.В. Пылиным и Т.Н. Михеевой «общеобязательными» нельзя считать отдельными государственными полномочиями в принципе. Указанные полномочия скорее являются примерами конкретизации полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения в отраслевых законах.

2. В зависимости от *характера осуществления* отдельные государственные полномочия, которыми наделены либо могут наделяться органы местного самоуправления, можно подразделить на нормотворческие и правоприменительные.

Прежде всего следует сказать, что по данному вопросу сложилась достаточно противоречивая практика субъектов Российской Федерации. Так, законодательство одних субъектов Российской Федерации устанавливало, что органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями как законодательного (представительного), так и исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации. Законодательство других субъектов Российской Федерации предусматривало возможность наделения органов местного самоуправления только отдельными государственными полномочиями исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации.

В литературе также сложилось неоднозначное мнение по указанной проблеме. Некоторые авторы считают, что органы местного самоуправления могут наделяться только правоприменительными отдельными государственными полномочиями. Например, Р.В. Бабун указывает: «Для вопросов государственного значения, передаваемых органам местного самоуправления, должны делегироваться только полномочия по предоставлению услуг»³. Кроме того, Е.В. Гриценко пишет, что при наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями «передаются только полномочия исполнительного характера, не являющиеся исключительными полномочиями государственных органов»⁴. Сторонником точки зрения о том, что органы местного самоуправления

могут наделяться только отдельными государственными полномочиями исполнительных органов государственной власти является также В.И. Васильев Н.В. Кузнецова Т.Г. Морцакова⁵. Автор не согласен с указанной точкой зрения, поскольку на практике ничто не мешает наделять органы местного самоуправления и нормотворческими отдельными государственными полномочиями.

Так, в соответствии со статьей 5 Закона Республики Адыгея от 9 октября 1998 года № 92 «О нормативных и иных правовых актах»⁶, статьей 4 Закона Республики Северная Осетия – Алания от 18 марта 2002 года № 4-РЗ «О нормативных правовых актах Республики Северная Осетия – Алания»⁷ органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъекта Российской Федерации вправе делегировать органам местного самоуправления свои нормотворческие полномочия. *Нормотворческие* отдельные государственные полномочия касаются, в основном, передаваемых представительным органам муниципальных образований отдельных полномочий законодательных (представительных) органов государственной власти Российской Федерации или субъектов Российской Федерации. При этом не исключается возможность передачи нормотворческих отдельных государственных полномочий исполнительных органов государственной власти Российской Федерации или субъектов Российской Федерации, которые будут осуществляться иными, помимо представительного, органами местного самоуправления. Исполнение указанного отдельного государственного полномочия заканчивается принятием нормативного правового акта соответствующим органом местного самоуправления.

Примерами нормотворческих отдельных государственных полномочий является принятие представительными органами муниципальных образований нормативных правовых актов по реализации Налогового кодекса Российской Федерации в части установления отдельных элементов налогообложения по федеральному налогу на прибыль организаций, а также по системе налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности и т.д.

Вопрос о возможности наделения органов местного самоуправления нормотворческими отдельными государственными полномочиями неоднократно становился предметом судебных споров. При этом суды субъектов Российской Федерации сначала высказывались против возможности наделения органов местного самоуправления такими видами отдельных государственных полномочий⁸. Но возможность наделения органов местного самоуправления нормотворческими отдельными государственными полномочиями на примере полномочий по установлению представительными органами местного самоуправления отдельных элементов налогообложения единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности была признана Верховным Судом Российской Федерации⁹. Конституционные суды некоторых субъектов Российской Федерации также высказались за возможность наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации¹⁰.

Правоприменительные отдельные государственные полномочия предполагают осуществление

конкретных исполнительно-распорядительных действий органов местного самоуправления. До наделения органов местного самоуправления указанные виды отдельных государственных полномочий, как правило, принадлежали исполнительным органам государственной власти Российской Федерации или субъектов Российской Федерации, например, высшему исполнительному органу государственной власти субъекта Российской Федерации, иным органам исполнительной власти субъекта Российской Федерации или их территориальным органам. Осуществление указанных полномочий осуществляется, в основном, местными администрациями или муниципальными учреждениями. Примерами таких полномочий являются, лицензирование розничной продажи алкогольной продукции, оказание специализированной медицинской помощи в специализированных медицинских учреждениях и т.д.

3. В зависимости от *императивности (диспозитивности)* осуществления отдельные государственные полномочия, которыми наделены либо могут наделяться органы местного самоуправления, можно подразделить на обязательные и факультативные.

Реализация *обязательных* отдельных государственных полномочий является обязанностью органов местного самоуправления вне зависимости от желания органов местного самоуправления, то есть императивной. Большинство государственных полномочий, которыми наделяются органы местного самоуправления, относятся к числу обязательных. Например, осуществление органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния, выравнивания муниципальными районами бюджетной обеспеченности поселений и т.д.

Осуществление *факультативных* отдельных государственных полномочий является правом органов местного самоуправления, реализуемым ими по своему усмотрению, то есть диспозитивным. Факультативные отдельные государственные полномочия достаточно редко, но встречаются в законодательстве субъектов Российской Федерации.

Например, в соответствии с Законом Кемеровской области от 21 февраля 2003 года № 3-ОЗ «Об осуществлении контроля за соблюдением порядка ценообразования»¹¹ органы местного самоуправления муниципальных образований Кемеровской области вправе осуществлять сбор информации по соблюдению порядка ценообразования хозяйствующими субъектами, реализующими товары (услуги) по ценам, регулируемым органами государственной власти Кемеровской области, и направлять для принятия необходимых контрольных мер информацию о нарушениях данного порядка в администрацию Кемеровской области в рамках осуществления отдельных государственных полномочий. Кроме того, к факультативным отдельным государственным полномочиям можно отнести право составления должностными лицами органов местного самоуправления протоколов об административных правонарушениях и т.д.

4. Отдельные государственные полномочия, которыми наделены либо могут наделяться органы местного самоуправления, можно классифицировать в зависимости от *областей (сфер) их осуществления* на следующие виды:

1) в области социальной защиты населения: назначение и выплата государственных пособий

различным категориям граждан, назначение и выплата сумм возмещения вреда и компенсаций реабилитированным гражданам и гражданам, признанным пострадавшими от политических репрессий, предоставление государственных льгот различным категориям граждан и другие;

2) в области защиты прав детства: выплата пособий детям, находящимся под опекой (попечительством), организация приемных семей и оплата труда приемных родителей и другие;

3) в области образования: аттестация муниципальных образовательных учреждений, выплата педагогическим работникам государственных образовательных учреждений компенсационных выплат на приобретение методической литературы и другие;

4) в области здравоохранения: оказание специализированной медицинской помощи в специализированных медицинских учреждениях, охрана труда и другие;

5) в области потребительского рынка и услуг: осуществление контроля за реализацией алкогольной продукции, лицензирование розничной продажи алкогольной продукции, регулирование цен и тарифов на определенные товары и услуги и другие;

6) в области землепользования: ведение государственного земельного кадастра в отношении земель муниципального образования, обеспечение плодородия земель сельскохозяйственного назначения и другие;

7) в области природоохранной деятельности: охрана и использования отдельных объектов животного мира, реализация отдельных государственных полномочий в области использования, охраны и защиты лесного фонда и воспроизводства лесов, охраны атмосферного воздуха и другие;

8) в области градостроительной деятельности: организация ведения государственного градостроительного кадастра и мониторинга объектов градостроительной деятельности и другие;

9) в области жилищно-коммунального хозяйства: предоставление по договорам социального найма жилых помещений муниципального жилищного фонда, категориям граждан, определенных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, помимо малоимущих граждан; предоставление льгот по оплате жилья различным категориям граждан и другие;

10) в области гражданско-правовых отношений: регистрация актов гражданского состояния, осуществление отдельных видов нотариальных действий и другие;

11) в области налогообложения: установления отдельных элементов налогообложения по федеральному налогу на прибыль организаций, а также по системе налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности и т.д.

12) в области государственно-правовых отношений: оказание содействия избирательным комиссиям и комиссиям по проведению референдумов и обеспечение их деятельности при проведении выборов или референдумов на уровне Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, осуществление отдельных полномочий по защите исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов, предоставление льгот и гарантий беженцам и вынужденным переселенцам и другие;

13) в области правоохранительной деятельности: регистрация граждан по месту пребывания и по месту жительства, привлечение граждан и юридических лиц к административной ответственности, материальное и финансовое обеспечение деятельности различных правоохранительных органов, предоставление льгот и гарантий работникам правоохранительных органов;

14) в области обороны и безопасности граждан: организация первичного воинского учета и призыва граждан на военную службу, обеспечение социальной защиты военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, и другие.

5. В зависимости от того, по какому предмету ведения передаются отдельные государственные полномочия, И.Г. Мачульская предлагает подразделять их на три вида: федеральные, совместные и региональные¹². *Федеральными* отдельными государственными полномочиями являются полномочия по предметам ведения Российской Федерации, *совместными* — по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, *региональными* — по предметам ведения субъектов Российской Федерации.

В части 2 статьи 19 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹³ приводятся несколько иные формулировки видов отдельных государственных полномочий по этому же основанию. Так, указанный Федеральный закон выделяет: отдельные государственные полномочия Российской Федерации, отдельные государственные полномочия субъектов Российской Федерации и отдельные государственные полномочия по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Но, несмотря на различие формулировок видов отдельных государственных полномочий, суть указанной классификации остается неизменной.

Так, например:

1) к отдельным государственным полномочиям Российской Федерации, которые осуществляются органами местного самоуправления, относятся: осуществление первичного воинского учета на территориях, на которых отсутствуют военные комиссариаты; осуществление регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и т.д.;

2) к отдельным государственным полномочиям по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, которыми могут наделяться органы местного самоуправления, относятся: лицензирование розничной продажи алкогольной продукции; формирование административных комиссий, привлечение лиц к административной ответственности и т.д.;

3) к отдельным государственным полномочиям субъектов Российской Федерации, которыми могут наделяться органы местного самоуправления, относятся: предоставление льгот лицам, замещающим государственные должности субъекта Российской Федерации, государственным гражданским служащим субъекта Российской Федерации, в том числе выплата им доплат к пенсиям и т.д.

При этом некоторые авторы полагают, что органы местного самоуправления не могут наделяться отдельными государственными полномочиями Российской Федерации. Например, Т.Г. Морщакова и Н.С. Бондарь отмечают: «Помимо обеспечения

правопорядка на местах трудно представить целесообразность передачи органам местного самоуправления каких-либо полномочий федеральной власти... Поэтому органы местного самоуправления могут наделяться помимо полномочий, связанных с охраной общественного порядка, государственными полномочиями, которые принадлежат территориальным органам государственной власти субъектов Федерации или органам государственной власти административно-территориальных единиц»¹⁴.

По нашему мнению, указанное высказывание не соответствует Конституции Российской Федерации и обоим Федеральным законам «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», предусматривающим возможность наделяния органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями как федеральными законами, так и законами субъектов Российской Федерации.

6. В зависимости от времени наделяния органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями указанные полномочия можно классифицировать не те, которыми органы местного самоуправления были наделены в прошлом, наделены сегодня либо могут быть наделены в будущем.

Например, отдельными государственными полномочиями, которыми органы местного самоуправления уже наделены федеральными законами по предметам ведения Российской Федерации, являются осуществление регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации в населенных пунктах, в которых отсутствуют органы внутренних дел; принятие при реализации законодательства о несостоятельности (банкротстве) в собственность муниципального образования жилищного фонда социального использования, а также не проданных социально значимых объектов без каких-либо дополнительных условий; осуществление полномочий по составлению (изменению, дополнению) списков кандидатов в присяжные заседатели федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации и т.д.

К видам отдельных государственных полномочий, которыми органы местного самоуправления уже наделены федеральными законами по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, можно отнести принятие решений о возврате имущества, возмещении его стоимости или выплате денежных компенсаций на основании заключений комиссий по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий; осуществление органами местного самоуправления муниципальных районов, городских округов распоряжения земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена; регистрация трудовых договоров, заключаемых работодателями — физическими лицами с работниками и т.д.

К видам отдельных государственных полномочий, которыми органы местного самоуправления могут быть наделены федеральными законами по предметам ведения Российской Федерации и по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, относятся полномочия в области осуществления деятельности по ведению государственного земельного кадастра; право совершения нотариальных действий должностными лицами органов местного самоуправле-

ния, в том числе удостоверение завещаний и принятие необходимых мер по охране наследства и управлению им и т.д.

К видам отдельных государственных полномочий, которыми органы местного самоуправления могут быть наделены федеральными законами или законами субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, относятся полномочия в области охраны и использования объектов животного мира; полномочия в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции; образование комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и осуществление ими отдельных государственных полномочий и т.д.

Пунктами 2, 6 статьи 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹⁵ впервые в федеральном законодательстве обобщенно определен перечень полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, осуществляемых данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета), которыми органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе наделять органы местного самоуправления.

Так законами субъекта Российской Федерации органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями субъекта Российской Федерации по решению вопросов предоставления начального, среднего и дополнительного профессионального образования; организации оказания специализированной медицинской помощи в кожно-венерологических, туберкулезных, наркологических, онкологических диспансерах и других специализированных медицинских учреждениях; социальной поддержки и социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов, граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также детей-сирот, безнадзорных детей, детей, оставшихся без попечения родителей; выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований в порядке, установленном федеральным законом и т.д.

В некоторых отраслевых законах субъектов Российской Федерации предусматривается возможность наделяния органов местного самоуправления некоторыми видами отдельных государственных полномочий субъектов Российской Федерации, например, полномочиями в области охоты и охотничьего хозяйства; полномочиями в сфере туристской деятельности; выполнения функций государственного заказчика по поставкам продукции для государственных нужд субъекта Российской Федерации.

Огромный интерес представляет практика Конституционного суда Российской Федерации по вопросу о правомерности закрепления в отраслевых законах субъектов Российской Федерации положений о возможности наделяния органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями субъектов Российской Федерации. Например, в постановлении Конституционного су-

да Российской Федерации от 11 ноября 2003 года № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 81 Закона Челябинской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Челябинской области» в связи с запросом Челябинского областного суда»¹⁶ указанный суд пришел к следующим выводам:

1) признать положение абзаца четвертого пункта 2 статьи 81 Закона Челябинской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Челябинской области», предусматривающее право органов государственной власти Челябинской области наделять органы местного самоуправления муниципальных образований, в границах территории которых находятся другие муниципальные образования, полномочиями по распределению между местными бюджетами муниципальных образований регулирующих налогов и сборов, средств финансовой помощи, переданных из областного бюджета в порядке межбюджетного регулирования на основе единых принципов и условий, определяемых в законе Челябинской области об областном бюджете на очередной финансовый год с целью выравнивания уровня минимальной бюджетной обеспеченности, не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку такому распределению подлежат средства собственных бюджетных доходов субъекта Российской Федерации, полномочия органов местного самоуправления муниципальных образований — районов ограничены применением единых принципов и методик установления нормативов отчислений от регулирующих доходов и распределения средств финансовой помощи, а реализация этих полномочий не должна нарушать финансовую самостоятельность муниципальных образований, находящихся в границах территорий других муниципальных образований;

2) признать положения абзацев третьего и пятого пункта 2 статьи 81 Закона Челябинской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Челябинской области», предусматривающие право органов государственной власти Челябинской области наделять органы местного самоуправления муниципальных образований, в границах территории которых находятся другие муниципальные образования, полномочиями по составлению сводных прогнозных показателей социально-экономического развития соответствующих территорий, а также по составлению и представлению свода отчетов об исполнении местных бюджетов муниципальных образований, находящихся в границах соответствующей территории, не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку реализация указанных полномочий должна осуществляться в целях координации и взаимодействия муниципальных образований, не допуская отношений подконтрольности и подотчетности между ними. При этом органы местного самоуправления муниципальных образований - районов не должны вторгаться в компетенцию органов местного самоуправления сельских, поселковых муниципальных образований, в том числе вносить изменения в прогнозы социально-экономического развития, поскольку их корректировка влечет за собой изменение основных характеристик соответствующего местного бюджета.

Примечания

1. Данная работа выполнена при информационной поддержке компании «Консультант Плюс».

2. Пылин В.В. Проблемы наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления // Государство и право. 1999. № 9. С. 17; Михеева Т.Н. Местное самоуправление и государственная власть в России: проблемы взаимоотношений и разграничения полномочий. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2003. С. 245-246.
3. Бабун Р.В. Организация местного самоуправления: Учебное пособие. СПб., 2005. С. 64.
4. Гриценко Е.В. Органы регионального и муниципального управления в Российской Федерации: проблемы взаимодействия / Местное самоуправление в России и за рубежом: Проблемно-тематический сборник. Отв. ред. Маклаков В.В., Фадеев В.И. М., 2000. С. 279.
5. Васильев В.И. Местное самоуправление: центр и регионы // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 14; Кузнецова Н.В. Делегирование полномочий в сфере взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2005. С. 81; Защита прав местного самоуправления органами конституционного правосудия России. Т. 1 / Под ред. Морщаковой Т.Г. М., 2003. С. 56.
6. «Ведомости ГС - Хасэ Республики Адыгея», № 33, 30 сентября 1998.
7. Газета «Северная Осетия».
8. См., например, решение Верховного Суда Республики Бурятия от 19 июня 2003 года.
9. См., например, определение Верховного Суда РФ от 23 апреля 2001 года по делу № 29-Г01-2, постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20 февраля 2002 года № 223пв-01 пр.
10. См., например, постановление Конституционного суда Республики Саха (Якутия) от 2 июля 2004 года № 5-П.
11. «Законодательный вестник Совета народных депутатов Кемеровской области», февраль 2003 г., № 14.
12. Мачульская И.Г. Государственные полномочия местного самоуправления // Федерализм. 1998. № 3. С. 169.
13. СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
14. Защита прав местного самоуправления органами конституционного правосудия России. Т. 1 / Под ред. Морщаковой Т.Г. М., 2003. С. 57-58; Бондарь Н.С. Муниципальное право. М., 2003. С. 178.
15. СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.
16. СЗ РФ. 2003. № 46. Ст. 4509.

ДИТЯТКОВСКИЙ Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального права, руководитель департамента правового и организационного обеспечения деятельности министерства имущественных отношений Омской области.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.06.06 г.
© Дитятковский М.Ю.

Защита диссертаций

В диссертационном совете Д 203.010.01 при Омской академии МВД России защищена кандидатская диссертация Тихон Ирины Алексеевны на тему «Уголовно-правовая оценка последствий преступлений в сфере экономики» по специальности 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Автором, в соответствии с действующим уголовным законодательством, впервые комплексно исследуются вопросы регламентации и практического применения правовых норм, закрепляющих различные виды последствий преступлений в сфере экономики. Сформулировано авторское определение последствий преступлений в сфере экономики, под которыми предложено понимать регламентированные уголовно-правовыми нормами социально значимые отрицательные изменения в охраняемых уголовным законом общественных отношениях, выражающиеся в имущественном ущербе или вреде неимущественного характера. Доказана несоразмерность и, соответственно, недопустимость отождествления стоимостных критериев определения имущественного ущерба преступлений против собственности и преступлений в сфере экономики. В целях единообразного толкования оценочных терминов, используемых законодателем в конструкциях уголовно-правовых норм при определении преступных последствий, предлагается закрепить определения различных видов последствий преступлений в сфере экономики в самостоятельной статье Уголовного кодекса Российской Федерации. Обоснована целесообразность привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере экономики на основе объективного вменения в случаях отсутствия у лица осознания возможности наступления последствий своих действий.

С учетом анализа и критического осмысления существующих в теории уголовного права научных взглядов и мнений правоприменителей автор предлагает унифицировать оценочные категории, используемые при определении видов и размеров последствий в преступлениях в сфере экономики. Результаты диссертации могут быть использованы в правовых исследованиях преступных последствий, в деятельности правоохранительных органов в ходе разрешения проблемных ситуаций, возникающих при применении соответствующих положений уголовного закона, а также в учебном процессе образовательных учреждений юридической специализации по дисциплине «Уголовное право», в системе повышения квалификации практических работников.

СТИМУЛИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО ТРУДОВОГО РАСПОРЯДКА ОРГАНИЗАЦИИ

В публикации излагаются основные научные взгляды на проблему содержания стимулирования как средства обеспечения должного трудового поведения наемных работников, исследуется система общественных отношений в организации по его формированию; рассматриваются понятие и виды стимулов, поощрительные нормы как источник нормативной основы стимулирования. Обстоятельно анализируется роль мотивации в формировании отношений работодателя, работника и первичного производственного коллектива, а также требования, которые в рыночных условиях предъявляются к субъектам совместного договорного труда.

Устанавливаемые работодателем правила, требования к стандарту трудового поведения участников совместного труда нуждаются в средствах, способах обеспечения должного трудового поведения работников. Одним из эффективных методов является стимулирование.

В науке сложилось два основных взгляда на содержание правового стимулирования. Некоторые исследователи говорят о комплексном методе стимулирования, включающем позитивный (поощрение) и негативный (юридическая ответственность) структурные элементы¹ [1]. Этой же позиции придерживается ряд практиков² [2,3,4], представителей экономической науки³ [5,6].

Иная точка зрения сложилась в науке трудового права. Юристы-трудоовики считают, что с правовой точки зрения нельзя включать в понятие стимулирования санкции. В трудовом праве санкции отнесены к средствам принуждения. Это, прежде всего, меры материальной и дисциплинарной ответственности. А.И. Процевский выделял в составе трудового правоотношения поощрительные и правоохранительные правоотношения, возникающие в процессе осуществления трудового правоотношения⁴ [7].

В.М. Лебедев считает, что принцип подвижности, динамичности правового состояния субъекта на уровне правоотношений позволяет разграничить правовые средства убеждения, стимулирования, принуждения (мер защиты и юридической ответственности по трудовому праву). Так, стимулирование характеризуется наделением субъекта дополнительными (новыми для него) полномочиями, т.е. улучшением (обогащением) его правового состояния⁵ [8].

Действительно, стимулирование — это один из способов обеспечения должного трудового поведения работников, применяемый работодателем наряду с убеждением и принуждением.

Стимулирование представляет собой прежде всего применение работодателем правовых форм поощрения добросовестного труда и используется как самостоятельный метод руководства трудовым процессом, специфический способ воздействия на поведение субъектов совместного, подчиненного работодателю труда.

Вопрос о средствах обеспечения должного трудового поведения работников исследовался В.И. Савичем. Он отмечал, что в социальном управлении управленческое воздействие осуществляется не вообще на человека, а на ту или иную сферу человеческой

личности — его сознание, интересы или волю. В соответствии с этим он обосновал и три способа воздействия на работников — убеждение, стимулирование и принуждение.

Через анализ психологических признаков сознания (отражение, отношение, целеполагание, управление) В.И. Савич доказывал приоритет убеждения в соотношении указанных способов⁶ [9].

В.Н. Смирнов писал о группе поощрительных норм, устанавливающих применение поощрительных мер в случае достижения определенных результатов при совершении положительных действий, дозволенных нормой права⁷ [10].

Ю.П. Орловский в начале 90-х гг. прошлого века провел научно-аналитический обзор наиболее важных проблем стимулирования добросовестного труда⁸ [11]. Он отмечал, что организация вправе устанавливать дополнительные в сравнении с законодательством трудовые и социально-бытовые льготы для работников⁹ [11]. В соответствии со ст. 5 Трудового кодекса Российской Федерации эти локальные нормы включены в систему трудового права России. Действительно, локальные нормы принимаются работодателем не только для того, чтобы привести в действие общие нормы трудового законодательства, но и для установления специфических с учетом сложившихся условий в организации правил трудового поведения.

На современном этапе в связи со значительным усилением договорной функции трудового права практика локального регулирования стимулирования должного поведения работников организаций достаточно широко распространена. Так, в ряде организаций приняты локальные положения о почетных званиях, присваиваемых лучшим работникам: «Заслуженный работник организации» (ОАО «САН Интербрю» представительство в г. Омске), «Лучший по профессии» (ОАО «Транссибнефть», г. Омск), «Ветеран труда организации», «Заслуженный ветеран завода» (ОАО «Сибкриотехника» и ОАО «Сибнефть ОНТТЗ Омск).

В современной науке трудового права недостаточно уделяется внимания анализу положений о стимулировании в рамках систем заработной платы воздействия норм, опосредующих оплату труда, на поведение работников.

Сейчас больше внимания уделяется не позитивному анализу, а регламентации критериев поощрения, предусмотренных в ст. 191 Трудового кодекса

РФ, и системы поощрений в современном законодательстве Российской Федерации¹⁰ [12].

Ю.Н. Полетаев, отмечая важную роль стимулирования, исследует в основном меры принуждения как средства обеспечения должного трудового поведения работников. По его мнению, основной смысл стимулирования состоит в том, «что поощрение есть не только реакция на определенное поведение, но и стимул на будущее, призыв к определенному поведению»¹¹ [13].

Н.М. Саликова полагает, что стимулирование — это прежде всего право работодателя, который должен учесть мнение представительного органа работников¹² [14]. Она, как и большинство представителей науки трудового права, рассматривает такие виды материального поощрения, как премии, доплаты, надбавки, вознаграждение по итогам годовой работы, вознаграждение за выслугу лет.

Ключевым в исследовании явления стимулирования является понятие стимула. П.М. Якобсон отмечал, что стимул — это тот объективный факт в окружающей действительности, который приводит к появлению в сознании человека мотива, достигающего той или другой побуждающей силы к осуществлению деятельности¹³ [15]. Авторы социологического исследования «Человек и его работа» считают, что в качестве внешнего побуждения — стимула — всегда выступает определенное изменение обстоятельств или внешних условий деятельности, в качестве внутреннего — реакция на эти внешние обстоятельства. Однако связь между стимулами и мотивами не так проста и непосредственна, она опосредована структурой личности, потребностями индивида, его жизненным опытом, мировоззрением¹⁴ [16].

А.С. Жихарева так определяет сущность и роль стимулов в детерминации человеческой деятельности: «...стимулами являются только такие компоненты объективного мира, которые при определенных обстоятельствах и условиях могут перейти во внутренние мотивы»¹⁵ [17]. А для этого необходимо, чтобы элемент внешней среды обладал значимостью, ценностью, порождая интерес и потребность действовать ради достижения и овладения этой ценностью. Она поддерживает психологическую модель личной заинтересованности человека в труде В.М. Шепеля, основанную на трех видах человеческого интереса — материальном, творчески-познавательном и интересе коллективистского общения¹⁶ [18].

С.П. Маврин выделяет такие виды стимулов: «С точки зрения характера стимулирования — моральные и материальные, по содержанию — стимулы в виде основной и дополнительной платы, предоставления социально-культурных благ и т.п., по адресаты стимулирования — коллективные и индивидуальные, по цели — стимулы, направленные на рост производительности труда, т.е. высокоэффективный труд, обеспечивающий достижение такого результата, который превышает его общественно нормальную величину»¹⁷ [19].

Применительно к трудовому праву внешние, опосредованные правом, стимулы — это средства воздействия на работников и используемые работодателем в целях активизации их должного трудового поведения в процессе наемного труда.

Нормативной основой стимулирования являются особые поощрительные нормы¹⁸ [20, 21, 22, 23]. Они находят закрепление в законодательстве о труде, подзаконных нормативных актах, локальных нормативно-правовых актах. Формы стимулирования должного поведения работника может конкретизиро-

ваться и в трудовом договоре. Это прежде всего характерно для применения мотивационных механизмов к труду руководителя. А.С. Горячев в связи с этим обращает внимание на некоторые противоречия ст. 131 Трудового кодекса Российской Федерации индивидуальнo-договорной практике: «Часто руководящие работники, от которых существенно зависит прибыльность компании, особенно на этапе создания нового бизнеса, заключают с работодателем контракты, предусматривающие оплату их труда акциями, облигациями, опционами или иными ценными бумагами своей компании.

Очевидно, что в отношении руководящих работников организации при применении ст. 131 ТК РФ, устанавливающей 20-процентный лимит на часть заработной платы, выплачиваемой в неденежной форме, следовало бы сделать изъятие, поскольку в любом случае маловероятно, что такие работники позволят работодателю злоупотреблять данной нормой. Тем более что, например, при оплате труда опционами, т.е. правом на выкуп акций организации в будущем, оценка этого права в денежном выражении на момент выплаты заработной платы невозможна»¹⁹ [24].

В.М. Баранов выделяет следующие критерии поощрительных норм: своеобразный способ воздействия на волю (внутренний мотив) людей, особое содержание, специфика социального назначения. В частности, первый состоит в том, что норма устанавливает такое состояние воли субъекта, при котором он свободен выбирать предпочитаемое улучшенное поведение, имея в виду получить определенные льготы, блага в случае достижения предполагаемого результата. То есть добиваться ли указанного в норме результата — добровольное дело субъекта. Лицо не обязывается, а побуждается к достижению полезного результата. Он дает следующее определение поощрительной нормы: «Поощрительная норма — это государственное указание общего характера о предоставлении субъекту определенной меры поощрения за полезный для государства вариант поведения, состоящий в достижении установленных условий, показателей, результатов, как правило, превосходящих обычные требования»²⁰ [25]. В отношении поощрительных норм трудового права данные утверждения весьма относительны. Поощрительные нормы определяют взаимоотношения работников и работодателя (его представителей) в процессе предупреждения возможных отклонений работника от разрешенного, одобряемого в организации варианта трудового поведения. Они также определяют систему мероприятий, позволяющих исполнителю понять, усвоить и внутренне принять требования работодателя, сформулированные в содержании правовых нормативов рабочего времени и времени отдыха, норм субординации и координации, технологических норм, сформированных работодателем в условиях социальной автономии организации.

В науке трудового права нет единого мнения о том, что должно являться критериями поощрения. Одни считают неверной трактовку ст. 191 ТК, предоставляющую работодателю право поощрять работников за добросовестное исполнение трудовых обязанностей. По их мнению, законодатель отходит от «основополагающего принципа института поощрения — поощрения за трудовые заслуги в трудовой деятельности, то есть за достижения, превышающие результаты добросовестного труда»²¹ [26]. Эта позиция близка к трактовке поощрения советских времен, когда трудовая активность преподносилась как

«повседневный героизм, могучий труд ударников пятилеток, победителей социалистических соревнований и инициаторов починов». Идея будничного героизма коммунистической идеологии была воспринята трудовым правом и до сих пор живет в научной среде. Стимулирование трудовой активности в прошлом веке, как отмечает Г.В. Хныкин, сводилось к правилу «за норму-тариф», т.е. если трудовая активность законодательно вписана в трудовую обязанность, то вознаграждение устанавливается в пределах тарифа. Таким образом, по его мнению, происходило подавление трудовой активности, снижение в целом престижа труда. Не стимулируя личную заинтересованность, мы пришли к общей незаинтересованности в повышении производительности труда, увеличении его количества и качества. Поэтому осуществлять переход к рыночной экономике приходится в основном с работниками, способными скорее к трудовым подвигам и порывам в экстремальных ситуациях, нежели к постоянной добросовестной работе. По состоянию на 1993 год 80 % работников имеют деградированное трудовое сознание, из которого вытеснено все, что имеет отношение к общественно-полезному смыслу трудовой деятельности, к развитию профессиональных качеств, даже к пониманию необходимости интенсивно трудиться ради заработной платы.

Нельзя согласиться с позицией Г.В. Хныкина, отмечающего у российских работников обедненность мотивации, неразвитые потребности, которые могут быть удовлетворены в результате трудовой деятельности и как следствие трудноуправляемость и неподвластность стимулированию²² [27]. Нет людей без потребностей. В 90-е гг. кризиса неплатежей, задержки заработной платы, сокращения производства следует учитывать социально-экономический аспект подобных исследований. Приход на российский рынок зарубежных компаний, внедрение западных стандартов в системы внутреннего трудового распорядка организаций способствовали воспитанию добросовестности в работе. Добросовестным считается исполнение трудовых обязанностей в точном соответствии с предъявляемыми к работникам требованиями, предусмотренными в должностных инструкциях и других локальных нормативных правовых актах, определяющих содержание выполняемой трудовой функции. Стимулирование должного трудового поведения работников — важная функция хозяйской власти. В современных условиях, стимулирование — достаточно эффективное средство обеспечения именно должного поведения работников в интересах поддержания действующей в организации системы внутреннего трудового распорядка, требований предъявляемых работодателем к участникам совместного, договорного труда.

В публикации излагаются основные научные взгляды на проблему содержания стимулирования как средства обеспечения должного трудового поведения наемных работников, исследуется система общественных отношений в организации по его формированию; рассматриваются понятия и виды стимулов, поощрительные нормы как источник нормативной основы стимулирования. Довольно обстоятельно анализируется роль мотивации в формировании отношений работодателя, работника и первичного трудового коллектива, а также требования, которые в рыночных условиях предъявляются к субъектам совместного договорного труда.

Работа представляет не только известный теоретический интерес как исследование, обосновываю-

щее новый взгляд в науке трудового права, но и несомненный практический интерес для всех, кто, так или иначе, связан с организацией и участием в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг. Автором сформулировано понятие стимулирования. В современных условиях стимулирование — важная функция хозяйской власти, достаточно эффективное средство обеспечения должного поведения работников в интересах поддержания действующей в организации системы внутреннего трудового распорядка, требований предъявляемых работодателем к участникам совместного, договорного труда. Данная научная разработка с учетом анализа локальных нормативных правовых актов организаций Омской области полезна для практиков и теоретиков трудового права.

Примечания

¹ См., например: Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Изд-во Саратов. ун-та, 1978. С. 6.

² См., например: Кадровая служба рыночной экономики. Сб. документов и рекомендаций в 9 вып. Вып. 8. Стимулирование эффективной деятельности персонала. / Ред. С.В. Катрич. Москва: Главное управление по труду и социальным вопросам Минтруда России, 1991; Стимулирующие формы труда персонала медицинского учреждения. Метод. рекомендации / Под ред. Т.Г. Радугиной. Омск: Изд. полиграф. центр ОмГМА, 2005 и др.

³ Представители наук экономики и социологии труда говорят о пропорциональном, прогрессивном и регрессивном стимулировании. Ими выделяется и такие виды стимулирования, как жесткое и либеральное. См., например: Экономика и социология труда: Учебник. / Под ред. А.Я. Кибанова. Москва: ИНФРА-М, 2003; Ромашов О.В. Социология труда. Москва: Гардарики, 1999. С. 213-231 и др.

⁴ Процевский А.И. Метод правового регулирования трудовых отношений. М.: Юрид. лит., 1972, С. 56-66.

⁵ Лебедев В.М. Трудовое право: проблемы общей части. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 136.

⁶ См.: Савич В.И. Управление трудом и трудовое право. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. С. 139-141.

⁷ См.: Смирнов В.Н. Внутренний трудовой распорядок — основа дисциплины труда. Автореферат... д.ю.н. М, 1986. С. 28.

⁸ См.: Орловский Ю.П. Стимулы добросовестного труда и ответственность за его результаты. Москва: Изд-во ИНИОН АН СССР, 1991. С. 44.

⁹ Орловский Ю.П. Указ. соч. С. 19.

¹⁰ См., например: Абрамова О.В. Совершенствование законодательства о поощрении // Трудовое право. 2006. № 4. С. 16-22.

¹¹ В целом, соглашаясь с этим суждением, однако, следует отметить, что «стимулирование» гораздо шире по определению, чем «поощрение» и употребление этих терминов как синонимов представляется ошибочным. Ю.Н. Полетаев говорит о стимулировании и поощрении как синонимах, выделяя узкое и широкое значение данных понятий. В широком смысле поощрение для него — особый способ воздействия на поведение людей. В узком — один из элементов единого метода правового регулирования наряду с предписанием, запретом и дозволением (См.: Полетаев Ю.Н. Правопорядок и ответственность в трудовом праве. Диссертация... д.ю.н. М.: МГЮА, 2001. С. 22).

¹² Саликова Н.М. Заработная плата. Диссертация... д.ю.н. Екатеринбург, 2005. С. 36.

¹³ Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969. С. 297.

¹⁴ См.: Человек и его работа: Социологическое исследование / Под ред. А.Г. Здравомыслова и др. Москва, 1967. С. 38.

¹⁵ Жихарева А.С. Стимулирование как метод управления трудовой деятельностью в производстве // Стимулирование хозяйственной инициативы на предприятии. Межвуз. сб. Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 1986. С. 152.

¹⁶ См. подробнее: Шепель В.М. Стимулирование труда (психологический аспект). М., 1969. С. 21.

¹⁷ Маврин С.П. Правовые средства управления трудом на предприятии. Ленинград: Изд-во Лен. ун-та, 1989. С. 105.

¹⁸ Вопрос о существовании особого вида поощрительных норм был поставлен в теории права. См., например: Онан Э.С. Принцип поощрения в советском социалистическом праве в период постепенного перехода от социализма к коммунизму. Автореферат... к.ю.н. М., 1953; Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Изд-во Саратов, ун-та, 1978; Гущина Н.А. Поощрительные нормы российского права. СПб, 2003; Малько А.В. Льготная и поощрительная правовая политика. СПб, 2004 и др.

¹⁹ Горячев А.С. Особенности дисциплинарной ответственности руководителя // Право и экономика. 2005. № 4. С. 32.

²⁰ Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Изд-во Саратов, ун-та, 1978. С. 31-32.

²¹ Абрамова О.В. Совершенствование законодательства о поощрении // Трудовое право. 2006. № 4. С. 20-21.

²² Хныкин Г.В. Коллективный договор и стимулирование производительного труда // Право и экономика. 1994. М. 23-24. С. 106-107.

Библиографический список

1. Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Изд-во Саратов, ун-та, 1978.
2. Кадровая служба рыночной экономики. Сб. документов и рекомендаций в 9 вып. Вып. 8.
3. Стимулирование эффективной деятельности персонала. Ред. С.В. Катрич. Москва: Главное управление по труду и социальным вопросам Мосгорисполкома, 1991.
4. Стимулирующие формы труда персонала медицинского учреждения. Метод, рекомендации / Под ред. Т.Г. Радугиной. Омск: Изд. полиграф, центр ОмГМА, 2005.
5. Экономика и социология труда: Учебник. /Под ред. А.Я. Кибанова. Москва: ИНФРА-М, 2003.
6. Ромашов О.В. Социология труда. Москва: Гардарики, 1999.
7. Процевский А.И. Метод. правового регулирования трудовых отношений. М.:Юрид. лит., 1972.
8. Лебедев В.М. Трудовое право: проблемы общей части. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997.
9. Савич В.И. Управление трудом и трудовое право. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986.
10. Смирнов В.Н. Внутренний трудовой распорядок — основа дисциплины труда. Автореферат... д.ю.н. М., 1986.

11. Орловский Ю.П. Стимулы добросовестного, труда и ответственность за его результаты. Москва: Изд-во ИНИОН АН СССР, 1991.

12. Абрамова О.В. совершенствование законодательства о поощрении // Трудовое право. 2006. № 4.

13. Полетаев Ю.Н. Правопорядок и ответственность в трудовом праве. Диссертация... д.ю.н. М.: МГЮА, 2001.

14. Саликова Н.М. Заработная плата. Диссертация... д.ю.н. Екатеринбург, 2005.

15. Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969.

16. Человек и его работа: Социологическое исследование / Под ред. А.Г. Здравомыслова и др. Москва, 1967.

17. Жихарева Л.С. Стимулирование как метод управления трудовой деятельностью в производстве // Стимулирование хозяйственной инициативы на предприятии. Межвуз. сб. Барнаул: Изд-во Алтай, ун-та, 1986.

18. Шепель В.М. Стимулирование труда (психологический аспект). М., 1969.

19. Маврин С.П. Правовые средства управления трудом на предприятии. Ленинград: Изд-во Лен. ун-та, 1989.

20. Онан Э.С. Принцип поощрения в советском социалистическом праве в период постепенного перехода от социализма к коммунизму. Автореферат... к.ю.н. М., 1953.

21. Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Изд-во Саратов, ун-та, 1978.

22. Гущина Н.А. Поощрительные нормы российского права. СПб, 2003.

23. Малько А.В. Льготная и поощрительная правовая политика. СПб, 2004.

24. Горячев А.С. Особенности дисциплинарной ответственности руководителя // Право и экономика. 2005. № 4.

25. Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Изд-во Саратов, ун-та, 1978.

26. Абрамова О.В. Совершенствование законодательства о поощрении // Трудовое право. 2006. № 4.

27. Хныкин Г.В. Коллективный договор и стимулирование производительного труда // Право и экономика. 1994. № 23-24.

ФАХРУТДИНОВА Татьяна Михайловна, начальник отдела кадров, юрисконсульт, старший преподаватель кафедры управления и права.

Дата поступления статьи в редакцию: 30.07.2006 г.

© Фахрутдинова Т.М.

Российские научные журналы

"Человек: преступление и наказание"

Издается с 1993 года. Периодичность — 4 раза в год. Публикуются материалы по актуальным проблемам функционирования уголовно-исполнительной системы, освещаются события, происходящие в российской и зарубежной пенитенциарной науке и практике, публикуются изменения, внесенные в законодательство и иные нормативные акты, с комментариями ведущих российских ученых и практиков.

С 2005 года научный журнал "Человек: преступление и наказание" является подписным изданием, зарегистрированным в каталоге "Роспечать", распространяется на территории Российской Федерации.

Решением президиума Высшей аттестационной комиссии № 28/25 от 17 июня 2005 года научный журнал "Человек: преступление и наказание" включен в Перечень ведущих научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Это единственное научное издание в Федеральной службе исполнения наказаний, которое рекомендовано Высшей аттестационной комиссией для опубликования научных статей на соискание ученой степени доктора наук.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СНОСА И РАССЕЛЕНИЯ ВЕТХОГО И АВАРИЙНОГО ЖИЛИЩНОГО ФОНДА ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье содержится анализ нормативно-правовых актов органов местного самоуправления, регулирующих порядок переселения граждан из ветхого и аварийного жилищного фонда.

До недавнего времени государство являлось основным собственником жилищного фонда и не обеспечивало надлежащей системы его эксплуатации и реновации. В связи с чем значительная доля жилищного фонда оказалась в состоянии, не пригодном для проживания. По данным Министерства регионального развития, площадь ветхого и аварийного жилья составляет 93 миллиона квадратных метров, или три процента всего жилого фонда страны, а цена вопроса - 5-6 триллионов рублей.

Для решения проблемы сноса и расселения жилищного фонда непригодного для проживания Правительством Российской Федерации была разработана подпрограмма «Переселение граждан Российской Федерации из ветхого и аварийного жилищного фонда»¹, входящая в состав Федеральной целевой программы «Жилище» на 2002-2010 годы, ставшая нормативной основой для принятия региональных и муниципальных программ.

Начиная с 2002 года органами местного самоуправления принимались муниципальные программы переселения граждан из ветхого и аварийного жилищного фонда, расположенного на территории соответствующих муниципальных образований. Однако в ходе реализации этих программ органы местного самоуправления столкнулись с проблемой отсутствия четких механизмов, позволяющих осуществлять программные мероприятия в рамках закона, учитывая интересы граждан и коммерческие интересы организаций, участвующих в проектах. При этом проблемы, существующие в данной сфере, не в последнюю очередь связаны с несовершенством правового регулирования как на уровне муниципальных образований, так и на федеральном и региональном уровнях. Поэтому представляет интерес анализ положений нормативно-правовых актов органов местного самоуправления, регулирующих вопросы сноса и расселения непригодного жилья. Выделим основополагающие для процедуры реализации муниципальных программ проблемы и проанализируем их решение в нормативно-правовых актах органов местного самоуправления.

Этапы проведения программных мероприятий

Реализация мероприятий, предусмотренных муниципальными программами, должна осуществляться в один² или два этапа. Большинство программ определяют поэтапное решение проблемы переселения граждан. На первом этапе (2-3 года) создаются необходимые методические, организационные и правовые условия для решения задач по:

- оценке размеров аварийного жилищного фонда, подлежащего ликвидации, а также определению не-

обходимых ресурсов площади жилищного фонда для переселения граждан; формированию законодательной и нормативной базы для предоставления жилья гражданам, нуждающимся в переселении; установлению очередности сноса аварийного жилищного фонда по районам, микрорайонам, зданиям и очередности переселения граждан — Курск³, Орел⁴, Вологда⁵;

- разработке новых и внесению изменений в существующие взаимосвязанные муниципальные программы (обеспечение жильем молодых семей, реформирование и модернизация жилищно-коммунального комплекса, муниципальная ипотечная программа и т.д.); привлечению частных инвесторов для участия в расселении; подготовке освобожденных земельных участков для новой застройки и их продажа на конкурсной основе — Иркутск⁶, Пенза⁷.

На втором этапе (3-5 лет) предполагается ликвидировать большую часть ветхого жилищного фонда; осуществлять строительство социального жилья; подготавливать освобожденные земельные участки под застройку в соответствии с градостроительной политикой, в том числе продавать эти участки на конкурсной основе для коммерческого использования, при этом аккумулировать средства, поступающие от коммерческого использования земельных участков; осуществлять формирование маневренного жилищного фонда для переселения граждан из домов, подлежащих реконструкции, на период проведения работ.

Источники финансирования

Источниками финансирования муниципальных программ являются средства федерального бюджета, средства бюджетов субъектов Российской Федерации, средства бюджетов муниципальных образований и внебюджетные источники. При этом на первом этапе реализации муниципальных программ предусматривается в большем объеме использовать бюджетные средства, которые складываются из средств федерального, областных и местных бюджетов, на втором — основой для реализации программ должны стать внебюджетные средства. Объемы финансирования распределяются следующим образом (см. таблицу 1).

Из приведенной таблицы видно, что городские бюджеты в большинстве случаев принимают на себя немалую финансовую нагрузку — от 20 до 58 процентов от общего объема финансирования программ. При этом ветхий и аварийный муниципальный жилищный фонд постоянно пополняется¹¹.

В качестве муниципальных бюджетных ресурсов используются средства, получаемые от использования муниципальных земель, средства, получаемые от использования муниципальной недвижимости в жилищной сфере (плата граждан за наем муниципаль-

	Федеральный бюджет	Региональный бюджет	Городской бюджет	Внебюджет. средства	Финансирование по ипотечному кредитованию, направляемому на реконструкцию ветхого жилья
Вологда	19 %	19 %	26 %	36 %	
Пенза	10 %	9 %	30 %	50 %	1 %
Иваново⁸	30 %	40 %	20 %	10 %	
Курск	29,6 %	30 %	30 %	9,3 %	
Иркутск	7,3 %	14,6 %	38 %	40 %	
Пермь⁹	10 %	25 %	25 %	40 %	
Орел	40 %	23 %	7 %	30 %	
Мурманск¹⁰ на первом этапе на втором этапе	0 % не определен	0 % не определен	57 % не определен	43 % не определен	

ного жилищного фонда)¹², средства от конкурсной продажи в собственность (или передачи в долгосрочную аренду) находящихся в центре города престижных земельных участков, на которых расположен аварийный жилищный фонд.

К внебюджетным источникам финансирования относят: средства граждан, проживающих в ветхих и аварийных домах, средства частных инвесторов на условиях договоров с городской администрацией, средства заказчиков-застройщиков, перечисляемые в счет участия в строительстве общегородских объектов, кредиты банков, облигационные займы (эмиссии жилищных сертификатов)¹³, средства предприятий и организаций, направляемые на предоставление субсидий, ссуд и займов своим работникам, проживающим в ветхом и аварийном жилищном фонде, средства от продажи на аукционах (торгах) участков, освобожденных после сноса ветхого и аварийного жилья.

Для привлечения средств населения, например в **Иванове**, предусмотрено льготное ипотечное кредитование для граждан, проживающих в ветхом жилищном фонде. Годовая процентная ставка по ипотечному займу составляет: с процентом износа жилья 60 - 65% (в деревянных домах) и 65 - 75% (в кирпичных домах) - 5%; с процентом износа более 65% (в деревянных домах) и более 75% (в кирпичных домах) - 0%.

Большинством муниципальных программ в качестве объекта расселения определен ветхий и аварийный жилищный фонд, расположенный на территории муниципального образования, независимо от формы собственности. Однако в некоторых программах снос и расселению подлежит муниципальный жилищный фонд (**Пермь**) или муниципальный и ведомственный жилищный фонд, при условии передачи последнего в муниципальную собственность (**Мурманск**). Такую практику нельзя признать оправданной, так как возможности граждан, имеющих в собственности ветхое или аварийное жилье, приобрести или построить себе жилое помещение, пригодное для проживания еще более ограничены. В этой ситуации представляется целесообразным направлять определенную часть средств федерального и областных бюджетов, а также внебюджетных средств на расселение граждан, проживающих в жилых помещениях принадлежащих им на праве собственности, а средства городских бюджетов использовать для ликвидации ветхого и аварийного муниципального жилищного фонда.

Подготовка и ведение реестра ветхих и аварийных жилых строений

Так как муниципальные программы рассчитаны на долгосрочную или среднесрочную перспективу, сле-

дует установить очередность сноса или реконструкции жилищного фонда, непригодного для проживания, определить точное количество жилых помещений, которые подлежат сносу и расселению или реконструкции. При этом необходимо установить критерии отнесения жилья в ветхому а аварийному, а также создать и вести реестр ветхих и аварийных жилых домов. Единые, в масштабах Российской Федерации, критерии и технические условия отнесения жилищного фонда к ветхому или аварийному разработаны не были, несмотря на то, что это было предусмотрено постановлением Правительства РФ от 04.09. 2003 г. № 552¹⁴. В настоящее время указанное постановление утратило силу в связи с принятием постановления Правительства РФ от 28.01. 2006 г. № 47¹⁵, в котором определено, что аварийным и подлежащим сносу может быть признан только многоквартирный дом, в отношении других жилых помещений используется термин «непригодный для проживания». Понятие «ветхий» в постановлении не используется.

Соответственно, практически во всех муниципальных программах отсутствуют критерии отнесения жилых домов к числу ветхих и аварийных, лишь в некоторых из программ есть ссылки на постановление Правительства № 552, как базовое при формировании реестра ветхих и аварийных жилых строений. Более того, далеко не все муниципальные программы упоминают о необходимости ведения реестра ветхих и аварийных жилых домов. Так, например, в программе, разработанной в г. **Орле**, говорится о *перечне жилых помещений предназначенных для переселения граждан* (неясно — речь идет о расселяемых жилых помещениях или жилых помещениях, предоставляемых гражданам в порядке расселения); в программе г. **Вологды** — предусматривается осуществить *оценку размеров муниципального ветхого и аварийного фонда, подлежащего ликвидации*.

Положительным примером в регулировании вопросов ведения реестра ветхих и аварийных жилых строений следует признать положения программы г. **Пензы** от 27.08.2004 г. № 729/53, в которой предписывается районным администрациям города составлять реестры ветхих и аварийных жилых строений (домов), содержащие сведения о площади расселяемого жилья, численности проживающего в нем населения и площади жилья, требуемого для расселения. Данные реестры затем предоставляются в администрацию г. Пензы, и составляется сводный реестр по городу Пензе. Этот реестр ежегодно обновляется. Кроме того, в реестре выделяются две категории домов и помещений, не пригодных для проживания: дома и помещения, которые после капитального ре-

монта, модернизации и реконструкции могут стать пригодными для проживания; дома и помещения, которые не могут быть восстановлены (в том числе и по причине экономической нецелесообразности). На основании показателей реестра формируются оперативные перечни объектов расселения, включаемые в ежегодные планы реализации программы. Включение объекта в годовой план расселения происходит после заключения группового соглашения между исполнителем программы и всеми жильцами расселяемого объекта.

Механизм улучшения жилищных условий переселяемых граждан

В качестве механизма улучшения жилищных условий переселяемых граждан большинство муниципальных программ предусматривает формирование муниципального жилищного фонда, в домах которого и будут предоставляться жилые помещения переселяемым гражданам на условиях договора социального найма. При этом главным критерием выбора варианта предоставления жилья гражданам является стоимость жилья, которая должна быть минимальной при соблюдении определенных законом гарантий по его размеру и качеству.

В муниципальных программах определены приоритеты выбора того или иного варианта жилья, предоставляемого гражданам. Так, например, в Городской целевой программе, утвержденной в **Курске**, предусматривается, что большая часть жилья приобретается на вторичном рынке недвижимости, так как это экономически более целесообразно, чем новое строительство муниципального социального жилья. Общегородская целевая программа, утвержденная постановлением Мэра г. **Омска**¹⁶, в качестве приоритетного направления рассматривает строительство нового жилья. По городу Омску запланировано строительство типовых крупнопанельных 9-10-этажных жилых домов, отвечающих современным требованиям качества (в том числе энергосбережения).

Кроме этого в программах, разработанных в городах **Курске** и **Иванове**, закреплена возможность предоставить переселяемым гражданам более комфортное жилье, чем ранее занимаемое, но с привлечением денежных средств этих граждан.

Следует отметить, что в некоторых муниципальных программах вообще отсутствуют механизмы улучшения жилищных условий переселяемых граждан. Так, в программах, утвержденных в **Вологде** и **Орле**, лишь упоминается о переселении граждан, проживающих в ветхом и аварийном жилищном фонде.

Обеспечение развития территорий, на которых ликвидирован ветхий и аварийный жилищный фонд

Анализируя положения некоторых муниципальных программ можно сделать вывод, что основной задачей по обеспечению развития территорий является — подготовка освобождаемых земельных участков для новой застройки и их продажа на конкурсной основе.

Для решения этой задачи в **Иванове** выявляются наиболее инвестиционно привлекательные территории с большим процентом ветхого жилищного фонда. Освобождаемые участки на конкурсной основе предлагаются под коммерческое строительство с целью привлечения дополнительных внебюджетных источников для реализации программы.

В **Пензе** предусматривается привлекать инвестиции для развития инженерной инфраструктуры на участках, высвобождающихся после ликвидации аварийного жилищного фонда, что позволит повысить

их продажную стоимость и тем самым обеспечить дополнительные ресурсы для переселения граждан из аварийного жилищного фонда.

В программах, утвержденных в городах **Вологде**, **Мурманске**, **Липецке**¹⁷ не предусматривается мероприятий по развитию освобождающихся территорий.

Реализация обязательств собственника по восстановлению жилищного фонда в тех муниципальных программах, в которых содержатся положения об этом, связана с использованием механизмов страхования жилья. Так в программе, утвержденной в **Пензе**, в связи с предстоящим введением обязательного страхования жилья предлагается создать страховую организацию, а также организовать и проводить конкурсы среди страховых организаций на получение права страхования жилья, участвующего в реализации программы. В **Омской** общегородской целевой программе предусматривается подготовка предложений по развитию рыночных механизмов снижения финансового риска собственников жилья, в том числе по вопросам: аккумуляции денежных средств для проведения капитального ремонта жилищного фонда; развития института страхования жилья от непредвиденных природных, техногенных и иных обременительств.

Организация управления реализацией программы

Управление реализацией программы осуществляется либо администрацией города, либо координатором программы — первым заместителем Главы администрации города по ЖКХ. Представляется положительным опыт внедрения договорных отношений в управление реализацией программы. Так Программой, утвержденной решением **Пензенской** городской Думы, заказчик программы (администрация г. Пензы) может определить по результатам конкурса генерального управляющего программы. Генеральный управляющий программы действует на основании договора, который заключается с заказчиком программы. В случае использования административных методов управления реализацией программных мероприятий, требуется четкая координация работы всех управленческих структур задействованных в реализации программы, наделение этих структур строго определенными полномочиями и установления порядка отчетности за осуществляемые мероприятия. В качестве примера можно привести Городскую целевую программу, утвержденную решением **Пермской** городской Думы, в соответствии с положениями которой разграничиваются полномочия «заказчика», «финансиста», «исполнителей программы», «администратора программы».

Таким образом, на основе анализа нормативно-правовых актов органов местного самоуправления можно сделать выводы, что муниципальные программы имеют свои достоинства и недостатки.

Достоинства: использование различных источников привлечения внебюджетных средств, регламентация процедуры ведения реестров ветхого и аварийного жилья, внедрение договорных форм в управление реализацией программы.

Недостатки: отсутствие критериев отнесения жилых помещений к числу ветхих и аварийных, неразработанность механизмов привлечения внебюджетных средств, отсутствие норм о сносе и расселении жилья, находящегося в собственности граждан либо несоответствие этих норм федеральному законодательству, отсутствие системы мероприятий по развитию освобождающихся территорий.

Несовершенство нормативных актов органов местного самоуправления о сносе и расселении ветхо-

го и аварийного жилищного фонда приводит на практике к таким негативным последствиям, как несоблюдение сроков и порядка расселения непригодных жилых домов, неэффективное использование освобождающихся территорий, резкое повышение цен на рынке жилья.

Представляется необходимым совершенствовать правовую базу путем принятия специальных нормативных актов, именно в рамках реализации муниципальных программ, по вопросам: ведения реестра ветхих и аварийных жилых строений; проведения конкурсов среди страховых организаций на получение права по страхованию жилья; разработки условий и порядка заключения договоров с управляющими муниципальными программами; определения процедуры привлечения внебюджетных средств.

Примечания

¹ Утв. постановлением Правительства РФ от 22.01.2002 г. № 33 (с изменениями от 22.10.2004 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 4. Ст. 331. В настоящее время подпрограмма утратила силу в связи с принятием постановления Правительства РФ от 31.12.2005 г. № 865. Финансирование мероприятий, проводимых в рамках данной подпрограммы, будет осуществляться за счет средств, предусмотренных на реализацию подпрограммы «Модернизация объектов коммунальной инфраструктуры» – Постановление Правительства РФ от 31.12.2005 г. № 865 «О дополнительных мерах по реализации Федеральной целевой программы «Жилище» на 2002-2010 годы» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 6. Ст. 694.

² Например, в городах Омске (2005-2010 гг.); Липецке (2005-2007 гг.); Перми (2004-2006 гг.).

³ Городская целевая программа «Переселение жителей города Курска из ветхого и аварийного жилищного фонда» на 2004-2010 годы. Утв. решением Курского городского собрания от 18.02.2004 г. № 12-3-РС // Справочно-правовая система «Консультант Плюс, Версия Регион».

⁴ Постановление администрации города Орла от 28.03.2002 г. № 816 «О переселении граждан города из аварийного и ветхого жилищного фонда в 2002-2010 гг.» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс, Версия Регион».

⁵ Городская программа по переселению граждан из муниципального ветхого и аварийного жилищного фонда на 2004-2010 годы. Утв. решением Вологодской городской Думы от 26.02.2004 г. № 24 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс, Версия Регион».

⁶ Целевая программа «Переселение граждан из ветхого и аварийного жилищного фонда в г. Иркутске на 2004-2010 гг.». Утв. решением Думы города Иркутска от 21.10.2004 г. № 004-20-040027/4 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс, Версия Регион».

⁷ Программа «Переселение граждан из ветхого и аварийного жилищного фонда в 2004-2006 годах по г. Пензе. Утв. решением Пензенской городской Думой от 27.08.2004 г. № 729/53 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс, Версия Регион».

⁸ Программа г. Иванова «Переселение граждан из ветхого жилищного фонда в г. Иванове на 2003-2010 гг.» Утв. решением Ивановской городской Думы третьего созыва от 04.03.2003 г. № 194 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс, Версия Регион».

⁹ Городская целевая программа «Ликвидация ветхого и аварийного жилищного фонда на 2004-2006 годы» Утв. решением Пермской городской Думой от 23.03.2004 г. № 32 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс, Версия Регион».

¹⁰ Целевая программа «Переселение граждан города Мурманска из ветхого и аварийного жилого фонда на 2005-2010 годы». Утв. решением Мурманского городского Совета от 07.04.2005 г. № 6-60 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс, Версия Регион».

¹¹ Например, постановление мэра г. Томска от 05.09.2005 г. № 486 «О передаче жилищного фонда в муниципальную собственность г. Томска. Вместе с «Перечнем квартир в жилых домах ОАО «Сибирьтелеком»» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс, Версия Регион».

¹² Ни в одной муниципальной программе не разработан механизм распределения этих средств.

¹³ Отсутствуют нормативные акты, регулирующие порядок выпуска и размещения муниципальных жилищных сертификатов.

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 04.09.2003 г. № 552 «Об утверждении положения о порядке признания жилых домов (жилых помещений) непригодными для проживания» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 37. Ст. 3586.

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 28.01.2006 г. № 47 «Об утверждении положения о признании помещения жилым, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу» // Собрание Законодательства РФ. 2006. № 6. Ст. 702.

¹⁶ Общегородская целевая программа «Переселение граждан из ветхого и аварийного жилищного фонда города Омска» на 2005-2010 годы. Утв. постановлением мэра города Омска от 20.01.2005 г. № 14-п // Справочно-правовая система «Консультант Плюс, Версия Регион».

¹⁷ Программа «Переселение граждан г. Липецка из ветхого жилья на 2005-2007 годы». Утв. решением Липецкого городского совета от 17.02.2004 г. № 411 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс, Версия Регион».

МАСЛЕЙ Светлана Эдуардовна, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.06.2006 г.

© Маслей С.Э.

Книжная полка

Гражданское процессуальное право: Учебник для ВУЗов / Шакарян М.С., ред. - М.: Проспект, 2005. - 580 с.

Учебник отражает изменения и дополнения, внесенные в гражданское судопроизводство новым Гражданским процессуальным кодексом РФ (ГПК). В соответствии с новым ГПК РФ и обновленной на его основе программой учебного курса по гражданскому процессуальному праву в учебнике излагается порядок рассмотрения и разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции, в том числе и мировыми судьями, на всех стадиях процесса с учетом возникающих научных и практических вопросов. Значительное внимание уделено вопросам международного гражданского процесса и исполнения судебных решений и актов иных органов. В учебнике освещаются также особенности арбитражного процесса, а также основные несудебные формы защиты субъективных прав - нотариат и третейские суды и судебный контроль за их действиями.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, а также судей, прокуроров и адвокатов.

УБИЙСТВО, СОПРЯЖЕННОЕ С ИНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ: К ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Современное состояние отечественного уголовного законодательства, в части регламентации вопросов ответственности за убийство, сопряженного с другими преступлениями, нельзя рассматривать в отрыве от исторического контекста. В свое время Н.С. Таганцев писал, что определить правильность того или иного юридического института мы можем только проследив его историческую судьбу: «то есть те поводы, в силу которых появилось данное учреждение, и те видоизменения, которым подверглось оно в своем историческом развитии»¹.

В русском уголовном праве убийство, совершаемое наряду с другими преступлениями, каралось наиболее строго. Так, в Русской Правде устанавливалась ответственность за убийство «мужа» 40 гривен, а за убийство на пиру или в разбое 80 гривен: «Аже кто убьет княжа мужа в разбое, а головника не ищут то вивевную платити, в чьей же верви голова лежит, то 80 гривен...»². Как следует из приведенного положения такое преступление, как разбой, и ответственность за его совершение увязывались непосредственно с фактом причинения смерти. При этом необходимо отметить, что уже тогда существовало разделение ответственности между «простым» убийством и убийством, совершенным «с боем». Так, причинение смерти в «сваде», т.е. в драке, наказывалось только вирой, а в отдельных случаях лицо вообще к ответственности не привлекалось, но «ежели» «у татьбы» т.е. при воровстве, то «убити к пса место», т.е. убить как собаку на месте. По мнению М.Д. Шаргородского наличие существенных отличий в видах и размерах наказаний за различные виды убийств по древнерусскому праву обусловлено характеристикой их признаков³. Убийство, сопряженное с разбоем уже тогда относилось к преступлению, которое совершается из низменных побуждений⁴, что уже само по себе повышало общественную опасность данного посягательства⁵.

В отдельных источниках прямо указывается на существование таких преступлений против жизни как «убийство» и «разбой». При этом первым термином называется убийство вообще, а вторым непосредственно умышленное причинение смерти или, по-другому, разбой, который рассматривался как «предумышленное убийство с корыстной целью...»⁶ (в уставе Ярослава оно именуется «душегубством»)⁷.

Таким образом, несмотря на одно и то же последствие, смерть потерпевшего, обстоятельства ее причинения уже в это время оказывали существенное влияние на размер ответственности в целом и на отношение общества к виновному лицу. Сам факт усиления мер уголовной репрессии в период действия Русской Правды за счет признака сопряженности, свидетельствует о его достаточно древнем происхождении и длительном пути развития.

В Судебнике 1497 г. убийство, сопряженное с другими преступлениями получило более четкое нормативное выражение, устанавливалась смертная казнь за «душегубство» со стороны разбойников. Кодекс был беспощаден к «лихим» убийствам и тем лицам,

которые их совершали⁸. И несмотря на существование отдельных случаев, когда за данный вид убийства следовал всего лишь денежный штраф⁹, тем не менее законодатель выражал в правовой регламентации свое негативное отношение к преступлению сопряженному с другими преступлениями. Повышенная степень общественной опасности такой разновидности причинения смерти была очевидной и находила соответствующее отражение в тексте действовавшего на тот момент уголовного закона. Так в ст. 12 Судебника 1550 года имелось положение следующего содержания: «А побыютца на поле в пожеге, или душегубстве, или в разбое, или в татьбе...»¹⁰. Сопряженность убийства рассматривалась исключительно через призму разбоя, при этом описание преступления в изучаемом документе практически полностью совпадает с его аналогами в источниках более раннего происхождения. Кроме того, в ст. 59 предусматривалось наказание в виде смертной казни для лиц, в отношении которых «...доведут на разбой, или душегубство, или ябедничество, или подписку, или иное лихое дело...»¹¹. Таким образом, в Судебнике помимо самостоятельной ответственности за убийство, совершенное в процессе разбоя, так же дополнительно регламентировался вопрос ответственности тех лиц, о преступлениях которых стало известно в процессе чьего-либо доноса. Общественная опасность анализируемого преступления на тот момент была столь высока, что уже одно только предоставление информации о факте его совершения было достаточным, чтобы была применена смертная казнь. При этом разбой по-прежнему оставался преступлением, которое длительный период времени рассматривалось в качестве неотъемлемой составляющей убийства.

Особый интерес с позиции анализа уголовно-правового регулирования сопряженности убийства с другими преступлениями представляет Соборное Уложение 1649 года. В нем, так же как и в предыдущих источниках, наиболее четко были регламентированы вопросы ответственности за убийство, которое совершалось в процессе разбойного нападения. Содержалось предписание, согласно которому за указанный вид преступного посягательства следовала смертная казнь, что свидетельствует о преемственности законодательных положений, регламентирующих рассматриваемое уголовно-правовое явление. Это положение находит подтверждение в ст. 18 Уложения, где прямо указывалось: «если разбойники го-

ворят на себя в распресе и с пыток, что они были на одном разбое, да на том же разбое учинили убийство..., и тех разбойников и за первый разбой казнить смертью»¹². В данном случае смертная казнь являлась единственным наказанием, применение которого было возможно в случае сопряженности с иными видами преступных посягательств.

В Соборном Уложении помимо правовой регламентации убийства, сопряженного с разбоем, устанавливалась повышенная ответственность и за причинение смерти в процессе совершения татьбы. Данное деяние рассматривалось в русском уголовном законодательстве традиционно — как ненасильственное. «А будет тать учинит и на первой татьбе убийство, и его казнить смертью»¹³. В статье содержалось указание на усиление мер уголовной репрессии на основе сопряженности убийства с другим, помимо разбоя преступлением. И если в более ранних правовых актах речь шла исключительно о насильственном похищении чужого имущества, в процессе которого обычно причинялась смерть его собственнику, то здесь представлялся явно иной подход к дифференциации ответственности посредством нормативного выражения признака сопряженности. Его использование, применительно к убийству впервые стало распространяться и на деяния, которые изначально не были связаны с физическим воздействием на потерпевшего.

В другом историческом документе — Артикуле воинском Петра I, отягчение ответственности за убийство на основе его сопряженности с другими преступлениями также рассматривалось исключительно с позиции таких деяний как разбой и татьба. В арт. 185 указывалось, что «кто людей на пути и улицах вооруженною рукою нападёт и оных силою ограбит или побьет, поранит и умертвит, или ночью с оружием в дом ворвется, пограбит, поранит или умертвит, онаго купно с теми, которые при нем были и помогали, колесовать и на колеса тела их потом положить»¹⁴. В арт. 161 повышенная ответственность устанавливалась за убийство, совершаемое из корыстных побуждений, состав которого длительное время охватывал случаи причинения смерти в результате совершения отдельных форм хищения. В частности, речь идет о татьбе, когда смерть причинялась непосредственно после завладения чужим имуществом, или о деянии, изначально не содержащем признаки насилия, впоследствии переросшем в разбой и повлекшем смерть потерпевшего¹⁵.

Идея усиления ответственности за убийство, сопряженное с другими преступлениями, впоследствии нашла отражение и в правовых источниках декларативного и исследовательского характера. Теоретическое обоснование форм и видов множественности преступления нашло отражение в трудах ученых и политических деятелей конца XVIII — начала XIX столетия. Так, в Наказе Екатерины II особое внимание было уделено «смертоубийству». Выделялись «воровство, совокупленное с насильством и без насильства», где убийство потерпевшего в процессе имущественного посягательства рассматривалось как одно из крайних проявлений насилия¹⁶.

По мнению некоторых исследователей этого периода, одновременное стечение нескольких преступлений (*concursum delictorum*)¹⁷ в результате совершения одного деяния представляет собой самостоятельную форму множественности¹⁸, при этом последовательное или одновременное причинение вреда различным объектам уголовно-правовой охраны выделяется в самостоятельное правовое явление.

В отечественной уголовно-правовой доктрине это правовое явление достаточно полно было разработано к концу XIX столетия. О необходимости усиления ответственности за убийство на основе его сопряженности с другими преступлениями указывалось практически в каждом исследовании, посвященном вопросам охраны жизни и здоровья человека. По мнению И.Я. Фойницкого, сопряженность убийства требовалось рассматривать исключительно через призму имущественных посягательств. Автор выделял разновидности корыстного убийства, такие как умышленное причинение смерти «учиненное для ограбления» и убийство «вообще для завладения какою-либо собственностью самого убитого или другого лица»¹⁹. При этом отмечал, что в случае «коллизии с постановлениями законодательства об имущественных преступлениях, сопровождающихся убийством или покушением на него, следует иметь в виду...», что отграничение должно осуществляться в зависимости от направления воли виновного. Если умысел на лишение жизни возник в процессе имущественного посягательства, «для устранения представившихся виновному препятствий, то должны быть применены правила о разбое и грабеже». Соответственно, если наоборот, то и грабеж и разбой должны охватываться рамками состава корыстного убийства²⁰.

Таким образом, к началу 20-го столетия в российском уголовном праве обозначилась твердая позиция о необходимости усиления мер уголовной репрессии за убийство, сопряженное с другими посягательствами. Это положение было законодательно закреплено в Уголовном Уложении 1903 г. в части квалификации состава убийства в ст. 455²¹.

Октябрь 1917 года внес коррективы в процесс законотворчества, закреплялся принцип «революционной законности», что предполагало отказ от дореволюционной правовой традиции²². Но вместе с тем, отдельные уголовно-правовые институты, в том числе ответственность за убийство, сопряженное с другими преступлениями, нашли отражение в первом уголовном кодексе РСФСР. Так в ст. 142 УК РСФСР редакции 1922 года регламентировалась ответственность за умышленное причинение смерти из корыстных побуждений²³. Как и в Уголовном уложении 1903 г., указанный пункт включал различные виды общественно опасного посягательства, в том числе сопряженность с разбоем, грабежом и другими преступлениями корыстно-насильственной направленности.

Однако в рамках отдельных видов имущественных посягательств причинение смерти рассматривалось в качестве обстоятельства отягчающего ответственность. В частности, в ч. 2 ст. 167 УК РСФСР редакции 1926 года прямо указывалось на убийство в процессе разбойного нападения, за что следовало наказание в виде 10 лет лишения свободы. Внешняя схожесть признаков состава корыстного убийства с некоторыми имущественными преступлениями, влекущими за собой смерть потерпевшего, способствовало возникновению определенных трудностей, в первую очередь, в правоприменительной деятельности правоохранительных органов. Зачастую принятые решения по конкретным делам носили противоречивый характер, а квалификация схожих действий осуществлялась то по ст. 136, то по ст. 167 УК РСФСР редакции 1926 года.

Сложившаяся в этот период ситуация отчасти усугублялась наличием в Общей части УК положения, которое регламентировало процесс назначения наказания в случае одновременного или последовательного совершения лицом нескольких преступлений. Его

ний. Его содержание было перенесено из Уголовного уложения 1903 года практически без изменений. В соответствии с существующим правилом, когда в действиях лица усматривались признаки нескольких преступлений, суд должен был определять наказание по статье, устанавливающей наибольшую наказуемость. С учетом того, что в составе убийства речи о признаках других преступлений не велось, то ответственность в случае его сопряженности с другими посягательствами должна была регламентироваться указанным положением.

Позднее, 4-го июня 1947 года, был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан»²⁴, в соответствии с которым вопрос о квалификации убийства сопряженного с разбоем решался в пользу имущественного посягательства. Это же правило было подтверждено и постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 19 марта 1948 года «О применении Указа от 4 июня 1947 г.», где содержалась прямая ссылка на ранее упомянутый документ, а также на необходимость его прямого и неукоснительного применения в таких случаях²⁵.

Подобное положение вещей сохранялось вплоть до появления нового Указа Президиума Верховного Совета от 30 апреля 1954 года «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство»²⁶, в соответствии с положениями которого, квалификация убийства, сопряженного с разбоем должна была осуществляться по совокупности статей. Причем речь шла о совокупности п. «а» ч. 1 ст. 136 УК РСФСР и ч. 2 ст. 2 Указа от 4 июня 1947 года «Об усилении охраны личной собственности граждан» с обязательной ссылкой на Указ Президиума Верховного Совета от 30 апреля 1954 года «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство»²⁷. Такая же ссылка требовалась при назначении смертной казни за убийство, сопряженного с изнасилованием, а также за бандитизм, повлекший смерть потерпевшего.

Таким образом, законодатель впервые в истории развития убийства, сопряженного с другими преступлениями, указал на необходимость «двойной» квалификации. Как известно, такая позиция отчасти сохраняется и в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации, с той лишь разницей, что квалификация действий виновного осуществляется исключительно в рамках УК, без ссылок на иные нормативные источники.

Анализ уголовных кодексов РСФСР в редакции 1922 и 1926 годов и 1960 года показывает, что ни в одном из них признаки исследуемого явления так и не получили юридического закрепления в составе убийства с отягчающими обстоятельствами.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что анализ истории отечественного уголовного законодательства начиная с Русской Правды и заканчивая сегодняшним днем в части регламентации ответственности за убийство, сопряженного с другими преступлениями, позволяет сформулировать следующие выводы:

— во-первых, сопряженность убийства с другими преступлениями исторически обусловленное правовое явление и служит обязательным основанием для усиления мер уголовной репрессии. Оно вполне обоснованно нашло отражение в действующем уголовном законодательстве;

— во-вторых, на протяжении длительного времени происходит увеличение количества составов преступлений в конструкции состава убийства с отягчающими обстоятельствами, оказывающими влияние на увеличение наказания виновного. Прогрессивным в

этом отношении является действующий УК России, где содержится описание не только разбоя, но и ряда других деяний (похищение человека, захват заложников, бандитизм, вымогательств и др.);

— в-третьих, одной из основных тенденций развития отечественного уголовного законодательства в части правовой регламентации признаков убийства, сопряженного с другими преступлениями, является стремление к упорядочению составов преступлений, способных, по мнению законодателя, усилить ответственность за умышленное причинение смерти другому лицу. В действующем УК РФ признак сопряженности, применительно к убийству, получил свое нормативное выражение в рамках одной юридической конструкции (ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Библиографический список

- ¹ Там же. — С. 21.
- ² См.: Быванишев Н.О. О плате за убийство в древнем русском и в других славянских законодательствах в сравнении с германской вирой. — Киев, 1940. — С. 84-85.
- ³ См.: Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. — М., 1947. — С. 92.
- ⁴ См.: Ярошенко О.И. Убийство: понятие и квалификация. — Диссертация канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2003. — С. 16.
- ⁵ См. об этом более подробно: Николаев К.Д. Отягчающие обстоятельства хищений. — Диссертация канд. юрид. наук. — Омск, 2002. — С. 55; Нафиев С.Х. Корыстное убийство: понятие, виды, квалификация (уголовно-правовые и криминологические аспекты). — Челябинск, 1999. — С. 24.
- ⁶ Очерки истории русского права. История уголовного права и судопроизводства: (По лекциям проф. М.Дьяконова). — Юрьев, 1905. — С. 31.
- ⁷ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. — Ростов н/Д, 1995. — С. 318.
- ⁸ Рогов В.А. Указ. Соч. — С. 100.
- ⁹ См.: Памятники русского права. — Вып. 5. — М., 1957. — Ст. 89. — С. 258.
- ¹⁰ Чернявская Т.А. Законодательные памятники России до 1917 года. Судебник 1550 года. — М., 1997. — С. 36-37.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Российское законодательство X-XX веков. Акты Земских соборов / Под ред. проф. О.И. Чистякова. — Т. 3. — М., 1985. — С. 232.
- ¹³ Российское законодательство X-XX веков. Акты Земских соборов / Под ред. проф. О.И. Чистякова. — Т. 3. — М., 1985. — С. 231. См. об этом также: Маньков А.Г. Уложение 1649 года, кодекс феодального права России. — Л., 1980. — С. 221.
- ¹⁴ См.: Шворина Т. Воинские артикулы Петра I. — М., 1940. — С. 56.
- ¹⁵ Российское законодательство X-XX веков. Акты Земских соборов / Под ред. проф. О.И. Чистякова. — Т. 4. — М., 1986. — С. 383.
- ¹⁶ См.: Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права. — СПб., 2003. — С. 103.
- ¹⁷ Так называемая идеальная совокупность преступлений рассматривалась в качестве самостоятельного института уголовного права. См.: Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права. — СПб., 2003. — С. 320.
- ¹⁸ В частности, речь идет об ученых, стоявших у истоков отечественной уголовно-правовой доктрины, таких как: Г. Солнцев, О. Горегляд, П. Гуляев и др. См., например: Солнцев Г. Российское уголовное право. — Ярославль, 1907 (в рукописном варианте данная работа появилась еще в 1820 году, при этом лишь спустя столетие она прошла типографскую обработку и стала доступной для большинства специалистов); Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1. О преступлениях и наказаниях вообще. — СПб., 1815; См. об этом более

уголовного права. — СПб., 2003. — С. 293, 320.

¹⁹ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. — СПб., 1890. — С. 43-44.

²⁰ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. — СПб., 1916. — С. 43.

²¹ См.: Уголовное уложение Высочайшее утвержденное 22 марта 1903 года. — Киев — Петербург — Харьков, 1903. — С. 143-144.

²² См.: Бондарь. Е.А. Уголовная ответственность за нарушение законодательства о несостоятельности (банкротстве). — Дисс... канд. юрид наук. — Н. Новгород, 2002. — С. 38.

²³ См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. — М., 1953. — С. 133.

²⁴ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. — М., 1953. — С. 430.

²⁵ См.: Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс советс-

кого уголовного права. Особенная часть. — Т. 1. — М., 1955. — С. 537-538. Данный документ в последующем был отменен новым постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1953 г.; См.: Там же.

²⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. — 1954. — № 19. — Ст. 221.

²⁷ См.: Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Указ. соч. — С. 537-540.

КОЖЕВИНА Марина Анатольевна, профессор кафедры теории и истории права и государства, доктор юридических наук.

САЛЕВА Наталья Николаевна, федеральный судья Омского областного суда.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.08.2006 г.

© Кожевина М.А., Салева Н.Н.

Книжная полка

Алиев Т.Т., Афанасьев С.Ф. Гражданское процессуальное право: Комментарии, схемы и таблицы. Учебное пособие. М.: ПРИОР, 2005. 64 с.

В учебнометодическом пособии используются комментарии, таблицы, схемы, в которых сосредоточены основные положения и моменты гражданского процесса: система судов общей юрисдикции, подведомственность и подсудность гражданских дел, доказательства, судебное разбирательство и другие положения. Пособие позволяет студентам легче усваивать и запоминать теоретические сведения, более прочно связывает их с излагаемым материалом, позволяет четко структурировать его. Учебнометодическое пособие предназначено для студентов юридических вузов.

Гражданское процессуальное право: Практикум. Учебное пособие / Жилин Г.А., ред. М.: Проспект, 2006. 288 с.

Практикум составлен по основным темам гражданского процессуального права на основе новейшего законодательства, современной научной и учебной литературы, материалов судебной практики. Рассчитан для проведения семинаров и практических занятий. Содержит перечень вопросов и основных понятий по каждой теме, список нормативных актов и литературы, тематику рефератов, а также правовые ситуации (задачи). Даны учебная программа по курсу гражданского процессуального права, примерный перечень вопросов для подготовки к экзамену, примерная тематика курсовых и дипломных работ, а также методические рекомендации по их написанию и защите. Приложены примерные образцы процессуальных документов. Для студентов и преподавателей юридических вузов, практических работников.

Черемных Г.Г., Черемных И.Г. Нотариальное право РФ: Учебник для вузов. 2е изд. М.: ЭКСМО, 2006. 714 с.

Учебник состоит из трех частей. В Общей части раскрыты ключевые понятия нотариального права, дано представление о его месте в системе права Российской Федерации, изложена история становления и развития российского нотариата. Подробно изучаются субъекты российского нотариального права, вопросы организации нотариальной деятельности, взаимодействия с органами нотариального самоуправления и контроля в сфере нотариальной деятельности. В Особенной части освещаются различные аспекты деятельности нотариусов. В Специальной части рассматриваются международное нотариальное право и актуальные проблемы нотариата в Российской Федерации.

Рекомендуется преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов и факультетов, нотариусам, практикующим юристам, адвокатам, должностным лицам органов исполнительной власти. Может быть интересен гражданам, желающим подробнее ознакомиться с вопросами деятельности нотариата в Российской Федерации.

Криминалистика: Учебник для экспертов-криминалистов. Учебник для вузов / Филиппов А.Г., ред. - М.: Юрлитинформ, 2005. - 483 с.

В учебнике изложен учебный курс криминалистики в объеме, необходимом для экспертов-криминалистов. Основное внимание уделено практическим вопросам криминалистической тактики, организации и методики раскрытия и расследования преступлений. Из раздела криминалистической техники в учебник включена только глава, посвященная общим положениям этого раздела, так как все отрасли криминалистической техники преподаются экспертам-криминалистам в виде отдельных самостоятельных курсов. Главы учебника снабжены схемами, что должно способствовать лучшему усвоению учебного материала.

В учебнике отражены изменения в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве России.

ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 88.52

А. Ф. ФИЛАТОВА

Омский государственный
педагогический университет

ТИПОЛОГИИ ХАРАКТЕРА В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

На основании проведённого теоретического анализа концепций педагогов и психологов прошлого, а также современных подходов определены критерии для создания типологии характера школьника: умственное, нравственное и физическое развитие (П.Ф.Лесгафт), направленность и развитость познавательных интересов (А.С.Белкин), академическая успеваемость (Л.М.Митина) и др. Раскрыты основные типологии характера отечественных авторов.

При исследовании подходов к изучению характера и его типологий можно отметить большой вклад в разработку данной проблемы таких учёных, как П.В.Каптерев, В. П. Кащенко, Н. Д. Левитов, П. Ф. Лесгафт. Они заложили основы классификации детских характеров, указали на важность индивидуального подхода в воспитании и обучении детей и подростков.

Так, П. Ф. Каптерев центральной проблемой всей педагогики считал развитие и воспитание характера и воли. Присматриваясь к русской общественной жизни он находил, что «людей с сильной волей, с характером у нас мало». «Мы хотим достигнуть всего сразу, все получить одним ударом, на медленный кропотливый труд смотрим свысока, — писал он в 1893 г. в статье «Что может сделать школа для

развития характера учащихся?». «Школа, — утверждал учёный, — захватывает человека в период роста и формирования, когда все влияния ложатся глубоко и действуют сильно, и держит его в своих стенах довольно продолжительный период, когда всякое систематическое влияние имеет полную возможность оказать свое действие» [1. С. 77].

Также П. Ф. Каптерев занимался вопросами типологии, рассматривая как детские характеристики, так и типы взрослых людей, особое внимание уделяя тому, что «соединение твердого характера с нравственными принципами в высшей степени желательно». В то же время он отмечал, что это различные сферы и в реальности они могут существовать и отдельно, не соединяясь одна с другой. «Полнота характера далеко не всегда в жизни

сочетается с нравственными правилами, — писал П. Ф. Каптерев, — характер может быть твердый, сильный, предприимчивый, а в то же время нравственные принципы могут отсутствовать в деятельности человека. Едва ли кто откажет в сильном характере Юлию Цезарю, Наполеону, Петру Великому; но утверждать, что это были люди высокого нравственного развития, что принципами их деятельности были нравственные начала, невозможно. Честолобие, политика, личные интересы у них стояли несравненно выше нравственных правил... С другой стороны, встречаются и такие люди, которые могут быть названы хорошими, добродетельными, руководящимися в своей деятельности нравственными началами, но которым невозможно приписать твердого характера, которых нельзя поставить во главе, руководителями. <...> Нерешительность, уступчивость, рутинность могут уживаться с нравственным направлением деятельности» [Там же. С. 78 – 79]. Данное рассуждение П. Ф. Каптерева не потеряло актуальности и в наши дни.

Признавая заслуги В. Ф. Каптерева, нельзя не вспомнить и таких отечественных педагогов-психологов, как А. Ф. Лазурский, В. П. Кащенко и П. Ф. Лесгафт, которые также много сил отдали изучению характера школьников и работе с ними по воспитанию их характера.

А. Ф. Лазурский выступал за естественный эксперимент и за изучение личности ребенка в целом. Он разработал метод естественного эксперимента и, в частности, специальную программу наблюдения за школьниками в естественных условиях — во время учебных занятий, подвижных игр, чтения и т.д. Естественный эксперимент в данном случае дает не только более полные, но и более объективные данные по сравнению с лабораторным экспериментом, часто неприемлемым в детской психологии.

Несмотря на то что работы А. Ф. Лазурского написаны почти столетие назад («Школьные характеристики» - 1913 г., «Естественный эксперимент и его школьное применение» - 1918 г.), его труды до сих пор сохраняют интерес для психологов, подкупая, прежде всего, огромным фактическим материалом, тонкостью отдельных наблюдений и мыслей. Он выделил такие детские типы, как одаренные, интеллектуальные, аффективные, аморфные, дефективные и др. Особое внимание А. Ф. Лазурский обращал на нравственное развитие ребенка, «на сознательное отношение к окружающему».

В. П. Кащенко, работая с детьми, большое значение уделял исправлению недостатков характера у детей и подростков. Он разделял всех детей на 2 большие группы — нормальных и с патологией, отмечая, что сложно провести четкую грань между нормальным, но трудным характером и характером с «ненормальными уклонами, дефектами». В. П. Кащенко разделяет недостатки характера детей и подростков на эмоционально обусловленные (неустойчивость, противоречивость, импульсивность, пугливость, пессимизм или чрезмерная веселость) и активно-волевые (чрезмерно выраженная активность, отсутствие цели, рассеянность, деспотизм).

Идеи В. П. Кащенко остаются актуальными для возрастной и педагогической психологии, т. к. приведенная группировка характеров и их недостатков создана в работе с детьми; изучаются и группируются дефекты у детей, а не взрослых. Важно также отметить, что В. П. Кащенко не просто описывает недостатки характера у детей, а предлагает лечебно-педагогические методы коррекции. Он

пользовался термином «лечебная педагогика», понимая под ним синтез медико-терапевтических, учебно-педагогических и воспитательных приемов, имеющих целью выправление (коррекцию) характера и личности в целом [2].

П. Ф. Лесгафт, работая в школе учителем физкультуры, разработал впервые детскую типологию — «школьные типы». Автор не только описывает выделенные им психологические типы детей, но и выявляет причины развития у них соответствующих качеств, анализируя этот вопрос в плане семейного воспитания. Лесгафт выделил 6 типов: *лицемерный, честолобивый, добродушный, мягко-забитый, злостно-забитый, угнетенный* [3].

По Лесгафту, главными характеристиками, определяющими тип, являются «сознательность и правдивость», т. е. умственное и нравственное развитие. В развитии детей П. Ф. Лесгафт выделяет 3 основных ступени и на каждой из них описывает по 2 психологических типа, различая их по степени активности. Так, он указывает на рефлекторно-опытную, подражательно-рассудочную и разумно-самостоятельную деятельность детей и подростков.

Анализ фактического содержания «школьных типов» П. Ф. Лесгафта показывает, что автор чаще всего характеризует следующие проявления: эмоциональные черты характера, волевые качества; отношение к учению, к учителям, к членам семьи, к своей личности, к товарищам; интересы, умственные качества, нравственные качества, положение в детском коллективе, мотивы действий, внешние манеры в процессе общения.

Типология П. Ф. Лесгафта внесла определенный вклад в изучение вопросов семейного воспитания, обратила внимание на соотношение между умственным и физическим развитием. Важным также представляется то, что личность подростка рассматривается ярко и во всей ее полноте, с обязательным включением направленности и нравственных качеств. П. Ф. Лесгафт описал свои «школьные типы» в 1893 г., с тех пор ничего подобного не создано.

Анализируя современную психолого-педагогическую литературу, можно отметить, что вопросы изучения характера подростков и его типологий освещаются слабо. Современные педагоги значительно упрощают свои типологии, относятся к ним поверхностно, обращая внимание преимущественно лишь на учебную деятельность подростков.

Приведем все же 3 типологии, созданные современными педагогами. Самая простая из них — это деление учащихся на «шустриков» и «мямликов» [4]. В основу этой типологии положена поисковая активность учащихся.

Во-вторых, можно отметить типологию А. С. Белкина, в основу которой положена направленность и развитость познавательных интересов. Он выделяет 4 группы учащихся-старшеклассников:

1) интеллектуальные альтруисты; 2) эрудиты; 3) интеллектуальные прагматики; 4) «индифферентные», занимающие последнее место по развитию познавательных интересов [5. С. 147 – 152]. По мнению Белкина, диагностика каждой группы поможет поддержать первых, направлять вторых, дать верную ориентацию для третьих, найти способы стимулирования четвертых и даст возможность планировать учебную работу с четкой ориентацией на индивидуальный, личностный подход к каждому школьнику.

Л. М. Митина, отмечая стереотипность восприятия ученика учителем, предлагает схематическую типизацию учащихся, которая сводится к пяти типам. Основанием для такой типизации служит академическая успеваемость учеников (их учебные способности), сочетающаяся с их управляемостью (готовностью сотрудничать с учителем).

Первый тип. Это ученики, которые учатся на «отлично» и сотрудничают с учителем.

Второй тип. Способные, но трудные — недисциплинированные, работают не систематически.

Третий тип. Прилежные, но малоспособные, слабоуспевающие.

Четвертый тип. Недисциплинированные, неприлежные, конфликтные, иногда учителю кажется, что им вообще не место в школе.

Пятый тип. Это ученики, которых учитель слабо дифференцирует, они ничем не примечательны, незаметны.

Л. М. Митина отмечает, что, отнеся учащегося к тому или иному типу, учителя и обращаются с ним соответственно [6]. А как отмечал еще Б. Г. Ананьев, оценка педагогом личности учащегося формирует оценку этого же учащегося сверстниками, и все недостатки в отношении учителей к учащимся, таким образом, становятся недостатками тех или иных учащихся при их отношении друг к другу.

Заметим, что хотя критерии дисциплинированности и успеваемости и являются важнейшими в работе учителя и служат основой для его успешной деятельности, но в то же время данных критериев явно недостаточно для типологии школьников. Для этого нужно что-то еще (вспомним П. Ф. Лесгафта).

Современный спортивный психолог Р. М. Загайнов обращает внимание на силу воли спортсмена и его мотивацию. Он анализирует «содержание мотивации», которое отражает, как в зеркале, моральные и нравственные качества личности, и считает, что деятельность человека и результаты ее во многом зависят от содержания мотивации. Этот исследователь выделяет 5 типов мотивации, которая лежит в основе его типологии характера [7].

1-й тип — «человек долга», с положительной мотивацией. В ее основе — чувство долга, ответственности, чести, любовь к жизни и людям, потребность доставлять радость, дружить.

2-й тип — «человек-одиночка», с отрицательной мотивацией. В ее основе — негативизм, злость по отношению к людям и к жизни.

3-й тип — «артистический» — отличается пониженной мотивацией на сам результат деятельности, вдохновляется лишь ее атрибутами.

4-й тип — «интеллектуал» — направлен на осмысление каждой ситуации и каждого действия своей деятельности.

5-й тип — «хрупкий», т. е. непрочный по своей нервной структуре.

А. А. Алексеев и Л. А. Громова на основе того тривиального факта, что люди думают по-разному об одном и том же, разделили их по стилям мышления и дали названия: Синтезатор, Идеалист, Прагматик, Аналитик и Реалист [8].

Индивидуальные различия авторы искали, во-первых, в учении о функциональной асимметрии мозга, во-вторых, опирались на результаты психоаналитических теорий стилей, в частности на психологические типы Юнга. И в-третьих, они считают, что типология должна носить прикладной, практический характер, быть легко применимой для анализа индивидуальной и групповой деятель-

ности в разнообразных ситуациях. В какой-то мере это удалось: разработанный ими опросник и описанные особенности поведения достаточно точно дают представление о стиле мышления человека. Однако, хотя авторов интересовали подходы, в которых стили мышления трактуются как единство внутренних (интеллектуальных, эмоциональных, мотивационных, волевых) и внешних (поведенческих) характеристик, данная типология остается типологией стилей мышления, но не характера и не личности, как на то претендуют авторы.

Интересным является и предположение такого направления, как соционика в том, что человек нуждается в общении: дополняющим его типом. В зависимости от того, как у человека «расположены» психические функции (логика, этика, сенсорика и интуиция) он по-разному взаимодействует с людьми разных типов. В соционике это именуется ингертными отношениями между людьми.

В настоящее время создается детская соционика, где соответствующие типы адаптированы на подростковый (и даже дошкольный) возраст. Дон Кихоту соответствует Изобретатель, Дюма — Посредник и т. д., соответственно — Аналитик, Интузиаст, Наставник, Инспектор, Маршал, Лирик, Предприниматель, Хранитель, Политик, Критик, Администратор, Гуманист, Советчик, Мастер. Каждому социотипу приводится сказочный персонаж — Алиса, Винни-Пух, Айболит, Пьерро и т. д. [9].

Исходя из психоаналитической теории, соционика принимает во внимание и бессознательные мотивы поведения человека, как взрослого, так и ребенка. Соционика претендует на роль некоего интегрального метода анализа. Ее представители считают, что, наблюдая за ребенком, уже в раннем детстве можно определить его социотип, проявляющийся в определенных поведенческих реакциях, и направить ребенка по пути правильного выбора способов и средств выражения своей индивидуальности и нахождения своей оптимальной самоактуализации. В то же время, на наш взгляд, соционика может создать ощущение некоей обреченности у подростков, когда, узнав «свой» тип, они выясняют, что с точки зрения соционики им никогда не стать, например, «изобретателем», «лидером» или «мастером», если у них «не тот» соционический тип — «лирика», «критика» или «советчика». В отношениях между людьми эта «обреченность» может еще более угнетать, когда по таблице ингертных отношений выясняется, что тот или иной значимый или близкий человек является твоим конфликтёром.

Кроме этого, необходимо заметить, что на сегодняшний день соционика не имеет ни одного стопроцентного способа определения типа тестовым путем и является одной из форм современного ненаучного знания.

Отметим, что, несмотря на большое разнообразие подходов к изучению характера и его типологий, нет ни одной типологии характера современного подростка-школьника с учетом его половых различий.

В беседах с учителями г. Омска и Омской области и в ходе анкетирования мы затронули вопрос о том, какие научные типологии характера им известны. Оказалось, что из 220 опрошенных учителей назвали типы темперамента 180 чел., что составляет 82 %, акцентуации характера — 49 % учителей, конституционные типологии — 16 %. Кроме этого, 9 % учителей упомянули о соционике, 11 % — о знаках зодиака и других астрологических типологиях.

«Школьные типы» П. Ф. Лесгафта знают всего 2 учителя, что составляет менее 1 %. Между тем практически все учителя (215 из 220, что составило 98 %) подчеркивают, что им необходима типология характеров мальчиков и девочек подросткового возраста с конкретными рекомендациями для эффективного межличностного взаимодействия с ними. Учителя отметили, что в какой-то мере им помогают знания об особенностях темперамента подростков, и на эту тему есть доступная литература. В своих характеристиках учащихся педагоги используют либо 4 классических типа темперамента, либо применяют житейские обозначения.

Нашей перспективной задачей является создание типологии современного подростка-школьника с учетом его половых различий.

Новизна изложенных в данной статье результатов исследования заключается в том, что в ней впервые проанализированы различные подходы к типологиям характера в отечественных психолого-педагогических исследованиях.

Показана актуальность и сложность создания типологии характера современного школьника.

Вместе с тем на основе теоретического анализа исследований великих педагогов и психологов прошлого, намечены основы создания современной типологии характера школьника-подростка, которая будет полезной для школьных психологов и педагогов.

Предварительные опросы в школах Омского региона показали на необходимость подобных разработок по изучению характера учащихся для повышения эффективности учебно-воспитательного процесса.

Библиографический список

1. Каптерев П.Ф. Что может сделать школа для развития характера учащихся? / П.Ф. Каптерев // Избр. пед. соч.; Под

ред. А.М. Арсеньева / Сост. П.А. Лебедев. — М.: Педагогика, 1982. С. 75-90.

2. Каценко В.П. Педагогическая коррекция: исправление недостатков у детей и подростков. 2-е изд. / В.П.Каценко. — М.: Просвещение, 1994. — 223 с.

3. Лесгафт П.Ф. Семейное воспитание ребенка и его значение / П.Ф. Лесгафт. — М.: Педагогика, 1991. — 179 с.

4. Ротенберг В.С. Мозг. Обучение. Здоровье: Кн. для учителя / В.С. Ротенберг, С.М. Бондаренко. — М.: Просвещение, 1989. — 239 с.

5. Белкин А.С. Ситуация успеха. Как её создать / А.С. Белкин. — М.: Просвещение, 1991 - 176 с.

6. Митина А.М. Индивидуальный подход и схематическая типизация учащихся / А.М.Митина // Вопросы психологии. - 1991. - № 5. — С. 28-35.

7. Загайнов Р.М. Поражение / Р.М.Загайнов. — М.: Физкультура и спорт, 1993. — 316 с.

8. Алексеев А.А. Поймите меня правильно, или Книга о том, как найти свой стиль мышления, эффективно использовать интеллектуальные ресурсы и обрести взаимопонимание с людьми / А.А. Алексеев, Л.А. Громова. — СПб.: Экономическая школа, 1993. — 352 с.

9. Овчаров А.А. Соционика — путь к личности. Для тех, кто работает с подростками / А.А. Овчаров. — Новосибирск: РИПЭЛ, 1992. — 56 с.

ФИЛАТОВА Александра Федоровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.06.06 г.
© Филатова А.Ф.

УДК 159.923.1

В. С. КУБАРЕВ

Омский государственный
технический университет

ДВА ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ ПОДХОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

В данной статье анализируются два подхода в психологии личности, сложившиеся в рамках российской психологии. Затрагиваются проблемы соотношения субъекта и общества, личности и характера, личности и деятельности, деятельности и психики.

В данной статье мы рассмотрим разницу в понимании понятий «личность» и «характер», сложившуюся в рамках двух ведущих психологических школ в нашей стране. Этот вопрос представляет интерес уже тем, что методологическая база этих «подходов» одинакова и, в принципе, между ними не должно быть существенной разницы. Но на ее наличие постоянно указывают представители обеих школ. Отчасти попытки сравнительного ана-

лиза понятий «деятельность» и «общение» были предприняты, А. А. Леонтьевым [9], Б. Ф. Ломовым [13], С.Д.Смирновым[19]. Но сопоставление понятий «личность» и «характер» не стало предметом отдельного анализа. По крайней мере, мы не встречали его в литературе. Поэтому целью данной статьи является анализ содержания понятий «личность» и «характер» в рамках «двух деятельностных подходов» в нашей стране. Итак, в отечественной

психологии можно выделить два варианта понимания природы человека:

1. Подход, который своими корнями восходит к теориям В. Н. Мясищева [14], С. Л. Рубинштейна [17, 18], Б. Ф. Ломова [13], Б. Г. Ананьева [2], а в современном варианте представленный у К. А. Абульхановой [1], Л. И. Анциферовой [3].

2. Подход, основанный на теории А. Н. Леонтьева [10], разрабатываемого в рамках психологии личности Л. И. Божович [5], а в современной психологии представленный В. П. Зинченко [8], Ю. Б. Гиппенрейтер [7], А. Г. Асмоловым [4], В. А. Петровским [15], А. А. Леонтьевым [9], Д. А. Леонтьевым [12].

Общее в обоих обозначенных подходах заключается в том, что личность рассматривается как производная от системы социальных отношений. Но дальше акценты, которые делают авторы, начинают расходиться, что, в конечном счете, приводит к расхождению в понимании соотношения исследуемых нами понятий.

Первая теория делает акцент на общественной специфике личности. Так, С. Л. Рубинштейн пишет, что «понятие личности есть общественная, а не психологическая категория. В качестве личности человек выступает как единица в системе общественных отношений, как реальный носитель этих отношений» [16, с. 31]. Личность входит в сферу исследований психологии лишь постольку, поскольку «психические явления входят, и притом необходимо входят в личность; поэтому без психологии не может быть всестороннего изучения личности» [16, с. 31]. В данном случае, как ни странно, само по себе понятие личности не относится к сфере психологии. Оно требуется лишь для обозначения, объединения и, как говорит С. Л. Рубинштейн, объяснения психических процессов. С. Л. Рубинштейн выделяет собственно личностные свойства человека, основной характеристикой которых является то, что они обуславливают общественно значимое поведение и деятельность: а) «система мотивов и задач, которые ставит перед собой человек»; б) свойства его характера (те действия, которые выражают отношение человека к другим людям); в) способности человека («то есть свойства, делающие его пригодным к исторически сложившимся формам общественно полезной деятельности»). Как видно из выше изложенного, анализ понятия личности ведется с позиции социума, перед которым личность выступает как существующая для него, но не сама по себе. Что касается психологического понимания личности, то оно, по сути, сводится к сознанию: «человек есть личность в силу того, что он сознательно определяет свое отношение к окружающему» [16, с. 31]. В свою очередь, сознание рассматривается не только в когнитивном аспекте, но и в аспекте отношения: «поэтому для человека как личности такое фундаментальное значение имеет сознание не только как знание, но и как отношение» [16, с. 31].

Совсем другую позицию занимает А. Н. Леонтьев [10]. Анализ сущности личности ведется им с позиции субъекта, а не социума. Отсюда личность рассматривается именно как психологическая, а не социальная реальность. Если сказать упрощенно, то личность в понимании второй теории есть часть субъекта, которая определяет то, ради чего субъект действует, то есть личность есть система его мотивов или точнее будет сказать превращенных жизненных отношений. Эти отношения «находятся» не в социальном пространстве, хотя и производны от него,

а в пространстве субъекта. Эти жизненные отношения есть превращенные формы социальных отношений, но уже не сводящиеся к последним. Отсюда исходит и различное понимание соотношения личности и психических процессов. Если в первом случае субъект (как объект психологии) есть лишь психическое образование (конечно не только рациональное, когнитивное), а личность сугубо социальная реальность, центрирующая психические процессы, то во втором случае субъект «включает» в себя личность, как побуждающее начало, как превращенную форму «специфически человеческих отношений». Здесь личность относится, по А. Н. Леонтьеву, к уровню деятельности, а психические процессы к уровню действий и операций.

Если теперь свести понимание личности в данных теориях к кратким формулировкам, то получаются два варианта:

1. Личность есть то внутреннее (целостное), через что преломляются внешние воздействия. Причем, как ни парадоксально, внутреннее есть на самом деле внешнее, то есть сама система общественных отношений (а личность как единица этих общественных отношений), через которые преломляются воздействия среды.

2. «Внутреннее (субъект) действует через внешнее и само себя изменяет» [10, с. 24]. Отсюда некоторые основы личности (в форме того, что побуждает субъекта к активности) даны изначально, а посредством деятельности они изменяются и развиваются. Если в первом случае личность существует для социума, то здесь социум существует для личности.

Причиной таких различий является, по нашему мнению, различное понимание деятельности в двух излагаемых подходах. В первом случае деятельность понимается именно как социальное, общественное явление, как динамическая составляющая общества. Наиболее яркое выражение такого понимания деятельности мы находим у Б. Ф. Ломова. В самом общем виде под деятельностью он понимает «активность, преобразующую действительность» [13, с. 190]. В отличие от А. Н. Леонтьева, который рассматривает деятельность конкретного субъекта, точнее раскрывает понятие деятельности по отношению к конкретному субъекту, Б. Ф. Ломов подчеркивает ее общественную природу. По его мнению, деятельность является одной из форм реализации общественных отношений. «Деятельность есть категория общественно-историческая. Ее психологическое исследование предполагает понимание того, как в той или иной деятельности реализуется система исторически сложившихся общественных отношений» [13, с. 202].

С точки зрения Б. Ф. Ломова, психические явления, возникающие и развивающиеся в процессе выполнения деятельности, не могут рассматриваться как ее продукты. Действительным продуктом любой, в том числе индивидуальной деятельности является преобразованный в ходе ее выполнения предмет, материальный или идеальный. В данном случае термин психическая деятельность не совсем адекватен, так как психика — это не деятельность, а ее регулятор.

Б. Ф. Ломов выделяет два аспекта рассмотрения деятельности в психологии [13, с. 205]:

1. Психология рассматривает деятельность, как детерминанту системы психических процессов, состояний и свойств субъекта.

2. Психология изучает влияние этой системы (психики) на эффективность и качество дея-

тельности, то есть рассматривает психику как фактор деятельности.

Логика рассуждений Б. Ф. Ломова следующая: а) социум — это система общественных отношений (экономических, политических и т.д.); б) для реализации этих отношений необходимо создание материальных или идеальных продуктов; в) для создания общественных продуктов необходимо преобразование реальных объектов; г) процесс преобразования это и есть деятельность; д) эту деятельность реализует субъект, и в ней же сам изменяется.

Субъект в этом плане вторичен по отношению к деятельности, он призван ее реализовывать и, таким образом, «служить» обществу. Здесь деятельность рассматривается как форма общественного бытия, но не как форма активности субъекта.

Во втором же случае деятельность понимается как психологическое, индивидуальное явление (конечно, это не отрицает ее социальной сущности), как то, что связывает субъекта с объектом (практика!!!) [11]. Самое общее определение деятельности по А. Н. Леонтьеву звучит так: деятельность — это то, что связывает субъекта с объектом; деятельность — это процесс, который осуществляет связь с внешним миром, побуждается и направляется предметом потребности. «В деятельности и происходит переход объекта в его субъективную форму, в образ; вместе с тем в деятельности совершается также переход деятельности в ее объективные результаты, в ее продукты. Взятая с этой стороны, деятельность выступает как процесс, в котором осуществляются взаимопереходы между полюсами "субъект-объект". "В производстве объективируется личность; в потреблении субъективируется вещь", — замечает Маркс» [10, с. 141]. Очевидно, что истоки такого понимания деятельности восходят к работам Л. С. Выготского, чьи теоретические положения, как отмечает А. А. Леонтьев, очень схожи с представлениями М. М. Бахтина и Г. Г. Шпета [9].

Интересно, что у С. Л. Рубинштейна, отмечает А. А. Леонтьев, деятельность выступает в двух аспектах. Различие этих аспектов заключается в рассмотрении соотношения «психика-деятельность». Согласно первой точке зрения, деятельность — это сложное явление, не исчерпываемое психическим, а содержащее в себе психические элементы. С. Л. Рубинштейн писал: «Деятельность человека — сложное явление. Различные стороны ее изучаются разными науками: общественная сущность является предметом общественных наук, физиологические механизмы — предметом физиологии; психология изучает психологическую сторону деятельности» [18, с. 435]. Согласно второй точке зрения, «основным способом существования психического является его существование в качестве деятельности» [9, с. 188]. Несмотря на то, что здесь «продолжает отстаиваться тезис о том, что в непсихической в целом деятельности есть психические компоненты» [9, с. 188], деятельность не только выступает некоторым условием психического, а происходит их сближение — деятельность выступает формой существования и реализации психического. В таком понимании деятельности мы можем зафиксировать схожесть в понимании деятельности С. Л. Рубинштейном и А. Н. Леонтьевым. Но эта схожесть лишь кажущаяся. С. Л. Рубинштейн, разделяя деятельность и психический процесс [17, с. 231]. Деятельность он соотносит с личностью, которая, в свою очередь представляет социальную единицу, перед которой обществом ставятся задачи ради реализации со-

циальных, общественных мотивов. Психический процесс же рассматривается как то, посредством чего решаются поставленные задачи (в отношении, например, мышления — это процессы анализа, синтеза, обобщения). У А. Н. Леонтьева же сама деятельность есть форма и средство реализации мотивов субъекта. Здесь очевидно различное понимание мотивов деятельности. У С. Л. Рубинштейна в основе деятельности лежат социальные (общественно значимые) мотивы, в то время у А. Н. Леонтьева мотивы деятельности есть явление субъективное (в смысле относящееся к субъекту) и реализующее его уникальное отношение к жизни, уникальную жизненную позицию [9, 12, 20].

Несмотря на наличие двух аспектов в понимании деятельности у С. Л. Рубинштейна его ученики (да и он сам), в частности Б. Ф. Ломов, Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова, выбирают один из них — первый. Особенно это проявляется в контексте рассмотрения сущности личности.

Подчеркнем специфику соотношений между личностью, психикой и деятельностью в двух рассматриваемых подходах. В первом случае личность есть социальная единица в системе общественных отношений, а деятельность ее динамическая, преобразовательная составляющая, которая регулируется психикой. Во втором случае личность есть система превращенных жизненных отношений субъекта, а деятельность — форма его активного проникновения в окружающий мир (и мира в него), которая опосредуется психикой и включена в саму деятельность. Последние два компонента в обоих подходах взаимно обуславливают друг друга, а первый определяет их целостность и единство. Субъект же, как объект психологического исследования, в первом случае представлен чисто «психически», а во втором также и «лично».

В связи с выше сказанным становится понятным существование, как выражаются Ю. Б. Гиппенрейтер и А. А. Пузырей [16], широкой и узкой трактовки личности в отечественной психологии. При широкой трактовке, характерной для С. Л. Рубинштейна и Б. Г. Ананьева [2], личность имеет различные уровни, в которые входят также и индивидуальные свойства человека. В узком же понимании личности, характерном для А. Н. Леонтьева, личность есть лишь превращенная форма специфически человеческих отношений, которые соотносят субъекта с социальным миром и появляются на более позднем этапе онтогенеза, в то время как индивидуальные свойства относятся к человеку как индивиду, а не как к личности. «Индивид — это скорее та реальность, которая заключена в границах тела человека, в то время как личность — образование не только выходящее за пределы этого тела, но и формирующееся во внешнем пространстве социальных отношений» [16, с. 4]. Приведем еще одну цитату, которая ясно показывает все отличие излагаемых нами подходов: «Личность не есть целостность, обусловленная генотипически: личность не рождается, личностью становится» [10]. Рассмотрим более подробно этот вопрос.

«Широкое» понимание личности, по нашему мнению обусловлено тем, что сама она понимается лишь «социологически», что вынуждает привлекать субъекта, как носителя психических и физиологических свойств, посредством которого личность выполняет общественные задачи. В противном случае личность, если можно так сказать, «повисает в воздухе» социальных отношений, в результате чего

из общества исчезает человек (субъект), она (личность) становится оторванной от своего реального носителя. Это и вынуждает включать в нее индивидуальные свойства человека. Во втором случае (при «узкой» трактовке) в привлечении индивидуальных свойств в структуру личности нет необходимости, так как последняя «находится» в пространстве субъекта, принадлежит ему, как специфически человеческая его часть (не знаю, насколько приемлемо здесь это слово). Поэтому, говоря о личности, А. Н. Леонтьев подчеркивает ее сугубо человеческую, социальную (в смысле своего происхождения) природу, качественно отличную от биологической природы. Ведь если личность «входит» в субъекта, который имеет и индивидуальные свойства (так же как и органические потребности), то возникает необходимость показать ее (личности) специфику по сравнению с последними.

Если теперь резюмировать причины различных трактовок (широкой и узкой) личности в отечественной психологии, то можно сказать, что в первом случае авторы пытались придать ей материальность, в смысле принадлежности реальному человеку, а во втором случае пытались подчеркнуть сугубо человеческую (высшую) форму активности, которая определяется мотивационно-потребностной сферой субъекта (точнее сказать ее иерархией).

Перейдем теперь к вопросу о природе характера человека. Здесь мы также находим существенные расхождения в понимании его природы в рамках излагаемых подходов. С. Л. Рубинштейн под характером понимал в первую очередь «систему генерализованных обобщенных побуждений» [16, с. 32]. Здесь сущность характера определяется устойчивыми мотивами человека. Отсюда узловой вопрос, который задает С. Л. Рубинштейн: «... как мотивы (побуждения), характеризующие не столько личность, сколько обстоятельства, в которых она оказалась по ходу жизни, превращаются в то устойчивое, что характеризует данную личность?» [16, с. 33]. И далее он отвечает: «Побуждение, мотив — это свойства характера в его генезисе. Свойства характера — это, в конечном счете, и есть тенденция, побуждение, мотив, закономерно появляющийся у данного человека при однородных условиях. Ситуационно обусловленный мотив или побуждение к тому или иному поступку — это и есть личностная черта характера в ее генезисе». Б. Г. Ананьев рассматривает характер как структурную интеграцию отношений. Он рассматривает черты характера как производные от специфики субъективных отношений человека к обществу. Другими словами характер представляет собой устойчивые обобщенные мотивы поведения, определяющие и побуждающие человека к определенным действиям, поступкам.

Отличное понимание характера мы находим у А. Г. Асмолова. Характер, в отличие от личности он относит к операциональному аспекту деятельности, в то время как личность определяется мотивационным аспектом. Отсюда в качестве единиц анализа характера он выделяет фиксированные смысловые установки. «Под характером понимается фиксированная форма выражения смыслового опыта, актуализирующаяся в присущем данной личности индивидуальном стиле действия, посредством которого достигаются те или иные ее мотивы» [4, с. 377]. Если сказать упрощенно, то личность предполагает ответ на вопрос ради чего действует, общается человек, а характер на вопрос как он это

делает. Похожее различие дает Ю. Б. Гиппенрейтер: «Проявления характера гораздо более непосредственны, чем проявления личности. Когда человек «отправляет» свой характер, то он скорее побуждается тем, что ему «естественно», что «хочется» или «не хочется» [7]. Когда же он начинает действовать как личность, то руководствуется скорее тем, что «должно», что «следует», «как полагается». Иными словами, с развитием личности человек начинает жить более нормативно не только в смысле общей направленности, но и в смысле способов поведения. Это может быть выражено общей формулой, согласно которой личность в своем развитии «снимает» характер».

В психологии, по нашему мнению, более применима вторая точка зрения относительно сущности характера. Это связано с тем, что, например, в первом случае нельзя объяснить так называемые патологии характера. Так, Ганнушкин, вводя характеристики психопатии, выделяет следующие ее признаки: а) относительная стабильность во времени; б) тотальность проявления (при психопатиях одни и те же черты характера, отмечает Ю. Б. Гиппенрейтер, обнаруживаются всюду: и дома, и на работе, и на отдыхе, и среди знакомых, и среди чужих, короче говоря, в любых обстоятельствах); в) социальная дезадаптация. Если брать понимание характера, данное С. Л. Рубинштейном, где подчеркивается стабильность и обобщенность побуждений, то мы как раз затрагиваем первые два признака психопатии и для различения нормы и патологии остается лишь третий признак, а этого недостаточно. Если же понимать характер лишь как операциональную сторону деятельности, но, конечно же, связанную с мотивационной, то критерий различения нормы и патологии очевиден: психопатия возникает тогда, когда, грубо говоря, то как я действую, превращается в то ради чего я действую. Подобные явления превращения действий в деятельность наблюдаются также при шизофрении [6]. Возможно, введение в наш анализ, так сказать, принципа применимости понятий для различения нормы и патологии не совсем правомерен. Но, за неимением лучшего, мы вынуждены довольствоваться наличным.

Если резюмировать представления о сущности характера в рассматриваемых подходах, то получается следующее: у С. Л. Рубинштейна характер относится к мотивационной стороне деятельности и определяется как система устойчивых и обобщенных побуждений, в то время как у А. Г. Асмолова, характер относится к операциональной стороне деятельности, посредством которой реализуется мотивационная (личность).

На этом мы заканчиваем наш сравнительный анализ. Конечно, нами были рассмотрены далеко не все понятия, раскрывающие сущность данных подходов. В стороне остались еще достаточно много вопросов, касаемо и проблемы социального и биологического, и проблемы психического и физиологического, и проблемы активности личности, и проблемы способностей и т. д. Это дело дальнейшего анализа.

Библиографический список

1. Абульханова К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. — М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. — 224 с. (Серия «Психологи Отечества»).

2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. — 288 с. — (Серия «Мастера психологии»).
3. Анциферова Л. И. Принцип связи психики и деятельности и методология психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии. — М.: 1969, с. 57—117.
4. Асмолов А. Г. Психология личности. Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001 г. — 416 с.
5. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. (Психологическое исследование). М.: Просвещение, 1968. — 464 с.: ил.
6. Братусь Б.С. Аномалии личности. — М.: Мысль, 1988.
7. Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в психологию. М.: МГУ, 1988.
8. Зинченко В. П. Зинченко В. П. Посох О. Мандельштама и Трубка М. Мамардашвили. М.: Мысль, 1991 г. — 327 с.
9. Леонтьев А. А. Деятельный ум (Деятельность. Знак. Личность). М.: Смысл, 2001. — 392 с.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2004. — 352 с.
11. Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы / Под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. — М.: Смысл, 2003. — 439 с.
12. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. — 487 с.
13. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. — 448 с.
14. Мясищев В. Н. Психология отношений / под. ред. А. А. Бодалева — М.: Инст. практ. психол; Воронеж: НПО МОДЭК, 1995. — 356 с.
15. Петровский В. А. Личность в психологии - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996 г. - 512 с.
16. Психология личности. Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырей. — М.: Моск. ун-т, 1982. — 288 с.
17. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. — СПб.: Питер, 2003. — 512 с. — (Серия «Мастера психологии»).
18. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2004. — 713 с.
19. Смирнов С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: МГУ, 1985. — 231 с.
20. Эльконин Б. Д. Психология развития: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Академия, 2001. — 144 с.

КУБАРЕВ Вячеслав Сергеевич, старший преподаватель кафедры «Психология труда и организационная психология».

Дата поступления статьи в редакцию: 26.06.06 г.
© Кубарев В.С.

УДК 681.3.06

М. Ю. СЕМЕНОВ

Омский государственный
технический университет

ИЗУЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ

Представлено определение материальной удовлетворенности, предложена шкала оценки отдельных аспектов материальной удовлетворенности, выделены гендерные отличия субъективной материальной удовлетворенности.

Что такое «материальная удовлетворенность» и сфера материального? Обычно к ней относят обеспеченность вещами (например, одежда или квартира), услугами (образование). Большинство товаров и услуг современный человек получает за деньги. По некоторым оценкам, в среднем через деньги осуществляется в современном мире 85 % удовлетворения потребностей человека в пище, на 90 % — в одежде, на 80 % — в жилье. Тотальная «деньгизация» и есть характерная черта нового этапа развития цивилизации в конце второго, начале третьего тысячелетия. [2] Именно поэтому в сознании людей материальная обеспеченность связывается с деньгами.

Несколько слов об определении материальной удовлетворенности. Материальная удовлетворенность есть выражение положительного отношения к материальному достатку как фактору жизни, материальным условиям жизни в результате неоднократно испытываемого удовольствия и гарантированного, с точки зрения субъекта, получения этого удовольствия и впредь. Удовлетворен-

ность как таковая изучается в различных областях знаний. Обычно она рассматривается в прикладных гуманитарных науках. Известны работы за рубежом [4], а так же отечественные работы, посвященные изучению удовлетворенности [1, 3, 6, 7]. С. Rubenstein непосредственно классифицировала людей на «материально удовлетворенных» и «материально неудовлетворенных» [8].

Таким образом, проанализировав ряд работ, посвященных изучению понятия «удовлетворенность» можно выделить ряд факторов, от которых непосредственно зависит материальная удовлетворенность:

- предыдущий опыт удовлетворения материальных потребностей;
- положительная оценка вероятности удовлетворения потребностей в будущем;
- сила материальной потребности;
- величина желаемого и имеемого блага.

Целью нашего исследования является измерение материальной удовлетворенности по выделенным параметрам и сопоставление ее особенностей у

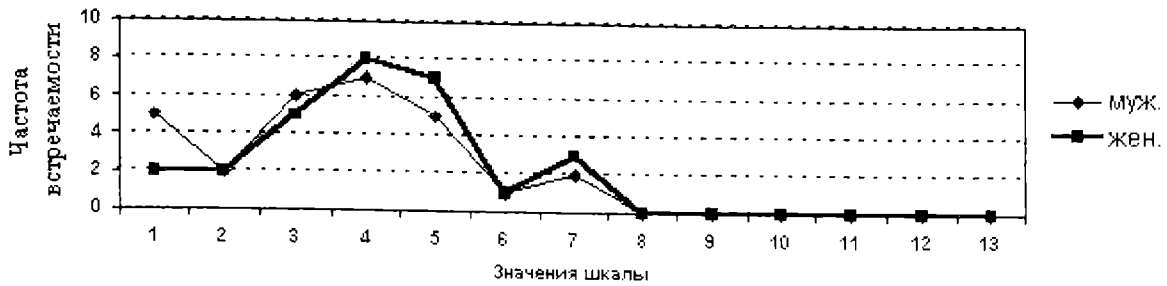

График 1. Распределение оценок по параметру "Минимальная удовлетворенность" у мужчин и женщин

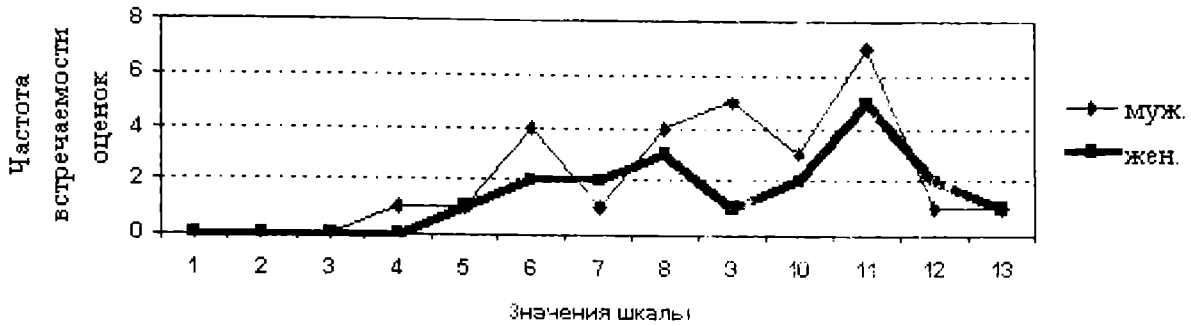

График 2. Распределение оценок по параметру "Максимальная материальная удовлетворенность" у мужчин и женщин

мужчин и женщин. В исследовании приняли участие 60 человек (30 мужчин и 30 женщин) в возрасте от 18 до 70 лет, имеющие различный уровень образования и социального положения.

Описание метода исследования.

В качестве основного метода исследования мы использовали шкалу материальной удовлетворенности. Данная шкала предназначена для оценки степени материальной удовлетворенности как отношения к материальному достатку по следующим параметрам:

- 1) оценка минимальной и максимальной материальной удовлетворенности, когда-либо испытанной человеком в прошлом;
- 2) оценка материальной удовлетворенности в настоящем;
- 3) оценка материальной удовлетворенности в будущем;
- 4) оценка материальной удовлетворенности у значимого окружения;

На бланке предлагается 13 альтернатив, описывающих различную степень материальной удовлетворенности. Испытуемый мог выбрать по одной альтернативе для каждого оцениваемого параметра.

1. Гол как сокол.
2. Сажу на хлебе и воде.
3. Денег кот заплакал.
4. Сажу концы с концами.
5. Хватает на элементарные нужды.
6. На сносную жизнь денег хватает.
7. Не бедствую.
8. Не считаю каждую копейку.
9. Иногда могу позволить лишнее.
10. Всегда есть деньги в кошельке.
11. Могу купить то, что хочу.
12. Могу себе все позволить.
13. Деньги тратить не успеваю.

Описание результатов исследования.

При описании результатов для лучшей наглядности мы будем ориентироваться на графики

распределения частот по каждому исследуемому параметру у мужчин и женщин.

Особенности материальной удовлетворенности в прошлом.

Оценки минимальной материальной обеспеченности в прошлом у мужчин, и у женщин очень похожи (График 1).

Чаще всего люди оценивают свою наименьшую материальную обеспеченность в прошлом как "Сажу концы с концами" и "Хватает на элементарные нужды". То есть люди считают, что могли удовлетворить основные потребности (питание, элементарные условия жизни). Недостаток денег определенно был, но крайней нужды не наблюдалось.

Что касается максимальной материальной обеспеченности в прошлом, то здесь оценки женщин и мужчин неоднозначны (График 2). Большинство женщин оценивают максимальную материальную удовлетворенность в прошлом как "Иногда могу позволить лишнее", реже встречаются ответы "Не считаю каждую копейку" и "Всегда есть деньги в кошельке". У мужчин несколько пиков оценок. Большинство мужчин оценивают максимальную материальную удовлетворенность в прошлом как "Могу купить то, что хочу", реже встречаются ответы "Иногда могу позволить лишнее", то есть в этом мужчины схожи с женщинами.

Таким образом, и у мужчин, и у женщин в прошлом уже имелся опыт успешного удовлетворения не только основных потребностей (питание, одежда, жильё). Многие из них имеют опыт обращения со свободными средствами, что можно оценить как высокий уровень материальной удовлетворенности.

Материальная удовлетворенность в настоящем.

У женщин оценки более однозначные, чем у мужчин. Подавляющее большинство женщин оценивает своё материальное положение в конкретный момент как "На сносную жизнь денег хватает", то есть достаточно невысоко. У мужчин наблюдается

График 3. Распределение оценок по параметру "Материальная удовлетворенность в будущем"

два варианта оценок материальной удовлетворенности в настоящем. Во-первых, подавляющее большинство мужчин оценивают свою обеспеченность так же, как и женщины, то есть как невысокую. Во-вторых, есть группа мужчин, оценивающих свою обеспеченность выше среднего ("Всегда есть деньги в кошельке"). Именно эта группа мужчин реально имеет возможность не только удовлетворять основные потребности, расходуя деньги на текущее потребление, но и "позволить лишнее" или инвестировать часть средств.

Материальная удовлетворенность у значимого окружения.

Пик оценок и у мужчин, и у женщин приходится на такие ответы, как "Не бедствую" и "На сносную жизнь денег хватает". Таким образом, и мужчины, и женщины считают, что люди из их окружения имеют возможность, так же как и они сами, удовлетворять лишь основные жизненные потребности. Они не считают их бедными, но и к богатым также не причисляют. Скорее, это "средний класс" омичей.

Материальная удовлетворенность в будущем.

И у мужчин, и у женщин выделялись два варианта оценок материальной обеспеченности в будущем: пессимистический и оптимистический вариант. "Пессимисты" (мужчины и женщины) прогнозируют, что материальная обеспеченность не будет отличаться от обеспеченности, которая у них имеется сейчас. Оценивают своё будущее невысоко ("На сносную жизнь денег хватает"), следовательно, не ожидают изменений в собственной жизни и в обществе в целом. "Оптимисты" (мужчины и женщины) оценивают свою материальную обеспеченность в будущем очень высоко - "Могу купить то, что хочу".

В целом можно отметить, что субъективное переживание материальной обеспеченности у испытуемых достаточно благополучное.

В данной работе мы смогли выделить некоторые гендерные отличия субъективной материальной удовлетворенности, что связано с особенностями социальных ролей.

Библиографический список

1. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. — СПб: Издательство "Питер", 2000, с.62, 27-28.
2. Жириновский В. В., Юровицкий В. М. Новые деньги для России и мира. — М.: Издательский дом "Грааль". — 1998. — 511 с.
3. Магун С.В. О взаимосвязях между значимостью различных потребностей личности и их удовлетворенностью // Вопросы психологии. — 1978, № 6, С.27, 86-93.
4. Аргайл М. Психология счастья: Пер. сангл. / Ред. М. В. Кларина. — М.: Прогресс, 1990, с. 124,127.
5. Фелько А.Б. Проблема денег в зарубежных психологических исследованиях. // Психологический журнал, 2000, №1, с. 30-32.
6. Семенов М.Ю. Удовлетворение и удовлетворенность. // Омский научный вестник. Выпуск 13, 2000, с.154-156.
7. Семенова М.Ю. Представленность денег в образе мира. // Сибирский психологический журнал, 2000, выпуск 12, с. 60-67
8. Rubenstein C. Money & self-esteem, relationships, secrecy, envy, satisfaction. // Psychology Today, 1981, № 15 (5), p. 29-44.

СЕМЕНОВ Михаил Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии.

Дата поступления статьи в редакцию: 27.06.06 г.
© Семенов М.Ю.

Книжная полка

Митина Л.М. Профессиональная деятельность и здоровье педагога: Учеб. пособие: Допущено УМО. - 384 с.

В учебном пособии представлены концепция, технология и конкретные программы сохранения и восстановления здоровья учителя. Научная доказательность позиции авторов удачно сочетается с доступностью излагаемого материала.

Для студентов университетов и высших учебных заведений. Может быть интересно слушателям ИУУ и ИПК, психологам, педагогам, воспитателям, преподавателям, а также всем интересующимся вопросами развитая личности и профессионального здоровья человека.

Никитина Н.Н., Кислинская Н.В. Введение в педагогическую деятельность: Теория и практика: Учеб. пособие: Допущено УМО. - 224 с.

Учебное пособие состоит из теоретической части и практикума. В теоретической части дается общая характеристика педагогической профессии, раскрываются сущность и специфика педагогической деятельности, обосновываются требования к личности учителя. Задания практикума нацелены на личностное и профессиональное становление будущего учителя, способствуют его профессионально-личностному самопознанию, самоопределению и самосовершенствованию.

Для студентов высших педагогических учебных заведений и преподавателей. Может быть полезно всем работникам образования, стремящимся повысить свою квалификацию.

К ПРОБЛЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ ПЕДАГОГА

На основании анализа научно-методической литературы предложена структурно-функциональная модель профессионального мышления современного педагога. Раскрыто содержание функций профессионально-педагогического мышления с позиции практической педагогической деятельности, приведены данные исследования уровня сформированности мышления педагогов и студентов педагогических образовательных учреждений г. Омска.

Современная образовательная ситуация выдвигает новые требования к учителю: общество заинтересовано в учителе, отчетливо видящем смысл и цель своей деятельности и умеющем различать, выделять проблемы как в окружающей действительности, так и в педагогической реальности, самостоятельно разрешать их, осмысливать полученные результаты в их соотносительности с наиболее значимыми социокультурными эффектами образовательной деятельности. Однако в системе профессиональной подготовки и повышения квалификации учителя при всех прогрессивных изменениях в ней все еще не изжит информационный подход, установка на освоение конкретных знаний, умений и навыков.

Вместе с тем важнейшей тенденцией развития современного образования становится его ориентация на «предугадывание будущего» (Э.Тоффлер), на реализацию идей опережающего образования, на творческую самореализацию личности ученика. Обозначились контуры новой образовательной парадигмы, именуемой по-разному: «исследовательская», «проблемно-центристская», «рефлексивная» и т.п. Суть ее состоит в смещении основного акцента с усвоения объема информации на развитие самостоятельного, критичного и саморефлексивного мышления, на формирование навыков работы с любой информацией и с разнородными проблемами. Все это актуализирует проблему развития профессионального педагогического мышления учителя.

Понятие «профессионально-педагогическое мышление» широко используется в исследованиях педагогического процесса, в изучении проблемы подготовки педагогических кадров. Однако психологические механизмы этого психического процесса, относящегося к высшим функциям, раскрыты недостаточно полно. По мнению М.М. Кашалова [2], практически отсутствуют работы, в которых исследуется динамика формирования различных подструктур педагогического мышления на различных этапах профессионального пути. Нечетко определены критерии и уровни сформированности мышления педагога-профессионала, не изучена их связь между собой и с отдельными подструктурами личности учителя.

В психолого-педагогических исследованиях понятие «профессиональное мышление» употребляется в двух смыслах. В одном смысле, когда хотят подчеркнуть высокий профессионально-квалификационный уровень специалиста, речь идет об особенностях мышления, выражающих его качественный аспект. В другом смысле, когда хотят под-

черкнуть особенности мышления, обусловленные характером профессиональной деятельности, имеется в виду предметный аспект.

По мнению Е.И. Рогова [10], предметный аспект можно рассматривать как стереотипы мышления, как ту часть прошлого опыта, которая сформировалась в ходе выполнения профессиональной деятельности и входит в мышление профессионала в качестве репродуктивной его части. Стереотипия регулирует весь ход мыслительного процесса, начиная от принятия проблемной ситуации и кончая последними этапами решения. Именно так трактуется понятие педагогического мышления в работах многих авторов.

Так, Б.Т. Лихачев [4] считает, что педагогическое мышление возникает в результате осмысления воспитательных взаимоотношений, взаимодействия учителя и учеников. Оно формируется как профессиональная мыслительная способность педагога, позволяющая анализировать, сравнивать, обобщать, оценивать воспитательную практику, делать методические открытия, активно, творчески и эффективно осуществлять воспитание и обучение детей на основе педагогического опыта. Но это означает невозможность влияния на развитие педагогического мышления в период профессиональной подготовки к педагогической деятельности, ибо только адаптация к ней позволяет развивать мышление педагога.

Следует отметить, что рассмотрение профессионально-педагогического мышления как результата адаптации к профессиональной деятельности достаточно традиционно. Так, А.А. Орлов [7], отмечая, что мышление учителя непосредственно включено в его практическую деятельность, указывает на его направленность на адаптацию знания всеобщего к конкретным учебно-воспитательным ситуациям. По его мнению, это - своеобразное «педагогическое видение» окружающего мира, отражающее психолого-педагогические и профессиональные знания, способы умственных действий и установок личности педагога [7, с. 65]. Эти утверждения основаны на концепции практического мышления Ю.Н. Кулюткина [6].

Знания, получаемые будущим учителем, могут быть рассмотрены как некоторое общее когнитивное основание для выработки собственных практических решений. Знание, взятое в его отношении к практической деятельности, является не просто продуктом усвоения, каким оно выступает в процессе обучения, а орудием регуляции его мышления, его деятельности. Таким образом, уровень развития мышления оказывается в прямой зависимости от

уровня профессиональных знаний, что, на наш взгляд, не является достаточным условием.

Следует отметить, что схема, предложенная Ю.Н. Кулюткиным, достаточно часто используется в работах, посвященных проблеме педагогического мышления. На ее основе А.А. Орлов [7] предлагает выделить три уровня сформированности профессионального мышления педагога:

– низкий - решение задач осуществляется по установленным шаблонам (как правило, педагогические задачи на этом уровне подменяются функциональными);

– средний - характеризуется наличием отдельных творческих элементов при решении задач (проявляются первоначальные умения синтезировать полученные теоретические знания и использовать их на практике);

– высокий - нестандартный подход к анализу ситуаций, решение задач на основе диагностирования конкретных условий.

Очевидно, что данные уровни отражают всего лишь степень адаптации имеющихся знаний педагога к конкретным ситуациям, условиям педагогической деятельности.

Точку зрения Ю.Н. Кулюткина, А.А. Орлова на практическую природу педагогического мышления подвергает критике Д.В. Вилькеев [9]. Категориальный синтез в мышлении учителя, утверждает он, является теоретическим способом, необходимым для раскрытия и объяснения конкретных противоречий педагогического процесса. Действительно, учитель не открывает новых законов, но, чтобы устанавливать оптимальное соотношение таких взаимосвязанных противоположностей, как обучение и развитие, преподавание и учение, репродуктивная и продуктивная деятельность школьников, конкретное и абстрактное в учебном познании и т. д., ему необходимо выработать исследовательский стиль профессионального мышления. Мы согласны с утверждением Д.В. Вилькеева, что уровневая дифференциация мышления А.А. Орлова отражает, прежде всего, профессиональный уровень творческих возможностей специалиста и сводится лишь к анализу педагогической ситуации, что косвенно отражает влияние деятельности на особенности мышления.

Д.Н. Завалишина, С.Г. Поликанов [1] считают, что с ростом стажа и опыта мышление изменяется, но это изменение идет в сторону уменьшения проблемности, однако ничем этого не объясняя.

Вызывает особый интерес рассмотрение педагогического мышления Е. К. Осиповой, которая считает, что оно – следствие адекватно организованного педагогического процесса. Однако вопреки представляемому ею теоретическому положению можно утверждать, что педагогическое мышление не следствие, а одна из причин успешной организации учебно-воспитательного процесса. Е. К. Осипова рассматривает педагогическое мышление учителя как совокупность свойств, присущих любому практическому мышлению (неотрывности от реализации и исполнения, познание взаимодействующей системы, действенность и др.), так специфических для него. Важнейшими из них являются проблемность, рефлексивность, комплексность, конкретность, конструктивность, самостоятельность, критичность, профессиональная компетентность, индивидуализированность мышления [8, с. 58-59].

Очевидно, что большинство точек зрения на природу профессионального мышления педагога

представляют педагогические подходы, охватывающие внешние проявления, предметный аспект мышления. Но как оно возникает, какова его динамика по сравнению с до- и после профессиональным периодом, насколько результативны разные его виды, практически неизвестно.

Более определенными, на наш взгляд, являются положения, содержащие не только предметный, но и качественный аспект понятия «профессионально-педагогическое мышление».

Профессиональное мышление педагога - явление многоуровневое и вариативное, так как в нем отражаются этические установки, общественно-политические, психолого-педагогические и профессиональные знания педагога, его профессионально-личностные качества, способы умственных и практических действий. Специфика профессионального мышления педагога определяется тем, что это не только познавательный, но и конструктивно-преобразовательный процесс. Важнейшей чертой педагогического мышления является осмысление учителем каждой учебно-воспитательной ситуации, оперативный выбор и реализация оптимального варианта ее решения [Лернер И.Я., З; Сластенин В.А., Тамарин В.Э., 11].

На основе этого В.А. Сластенин выделяет следующие уровни профессионально-педагогического мышления. Базовым, наиболее общим уровнем является методологическое (стратегическое) мышление, ориентированное педагогическими убеждениями. На этом уровне образуется наиболее важная педагогическая способность - чувствительность к педагогическим явлениям, педагогическое чутье. Стратегическое мышление упорядочивает деятельность педагога, делает ее целеустремленной и результативной.

Второй уровень педагогического мышления характеризуется способностью учителя материализовывать свои педагогические идеи в своеобразные технологические конструкции. Без разработки таких конструкций и технологий деятельность педагога обречена лишь на случайный успех. Педагогическое мышление на этом, тактическом уровне проявляется в умении конструировать педагогический процесс для решения задач развития, воспитания и обучения детей, разработки программ изучения личности ребенка, проектирование ее развития, построение системы перспективных линий в развитии детского коллектива и т. д.

Третий уровень - уровень оперативного мышления. Педагогу необходимо как знание общих закономерностей педагогического процесса, так и умение применять эти знания закономерностей к единичным и частным явлениям. А это и требует самостоятельного творческого мышления, проявляющегося в способности учителя к целесообразным действиям.

Вопрос о структуре профессионального мышления педагога можно ставить в двух планах:

– компоненты профессионально-педагогического мышления;

– функции профессионально-педагогического мышления. Наиболее просто вопросы профессионализации мышления решаются в компонентной структуре. Так, многие авторы говорят о профессиональном педагогическом анализе, профессиональных качествах ума, педагогическом суждении и т. д.

Путь профессионализации мышления посредством воздействия на компоненты, на наш взгляд, не

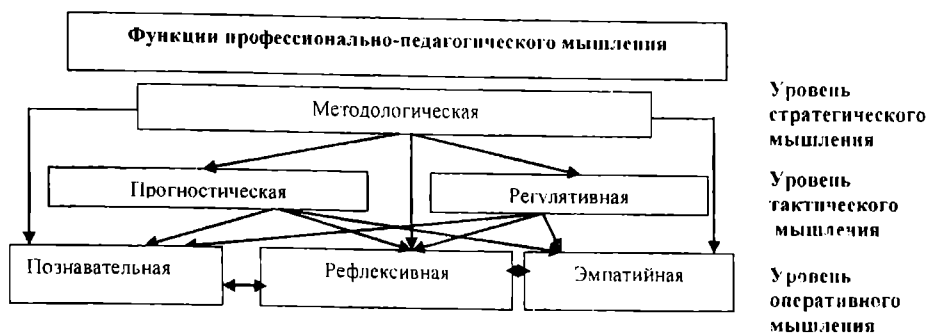

Рис. 1. Уровни функциональной структуры профессионально-педагогического мышления

является оптимальным, т. к. целое несводимо к его частям. Удерживать целое в процессе анализа возможно через выделение основных функций профессионально-педагогического мышления.

Функции представляют собой связи между психическими образованиями, обеспечивающими эффективность профессиональной деятельности: интеллект, профессиональную направленность, эмоции, речь, собственно действия. Поскольку функции педагогического мышления имеют разный порядок, они, очевидно, находятся на разных уровнях. Так, прогностическая функция безусловно опирается на целое, смысл, сформированность мыслительных операций, продуктивность ума, адекватность восприятия и т. д. Регулятивная функция может осуществляться только на основе адекватной перцепции, анализе, мотивированности действий. Другими словами, прогностическая и регулятивная функции находятся на более высоком уровне, чем познавательная, рефлексивная и эмпатийная. На основе анализа выделяемых разными авторами функций нами предлагается следующая схема уровневое строения функциональной структуры профессионально-педагогического мышления (рис. 1).

Познавательная функция профессионально-педагогического мышления обеспечивает связь между внешней средой, интеллектом, эмоциями, действиями через определение необходимости и достаточности объема информации, на основе чего строится оценка *ситуации*, принятие решения, самооценка, выполнение профессиональных действий. Рефлексивная функция прежде всего позволяет оценить собственный уровень развития интеллекта, сформированность и адекватность эмоций, осознанность мотивации, обеспечивает постановку цели и контроль за ее достижением. Эмпатийная функция профессионально-педагогического мышления позволяет адекватно воспринимать партнеров по взаимодействию, понять состояние другого человека.

Познавательная, рефлексивная и эмпатийная функции составляют оперативный уровень профессионально-педагогического мышления, т. е. обеспечивают сиюминутную деятельность педагога.

На втором, более высоком уровне функционирования профессионально-педагогического мышления – тактическом – решаются задачи прогнозирования, конструирования, регуляции педагогической деятельности. Так, прогностическая функция позволяет определить цели разного уровня, конструировать, моделировать педагогический процесс, выбирать и оценивать эффективность педагогических технологий, предвидеть результаты отношений с учениками, другими участниками

педагогического процесса. Регулятивная функция обеспечивает внесение корректив в деятельность и поведение педагога на основе сложного анализа функций оперативного уровня, в соответствии с целями разных уровней.

На самом высоком – стратегическом уровне функционирует методологическое мышление, которое обеспечивает целеполагание, регуляцию, конструирование педагогического процесса и отношений его участников с учетом определенной педагогической концепции, мировоззрения педагога. Данная функция профессионально-педагогического мышления позволяет на более высоком уровне действовать оперативному мышлению, т. к. в основе выбора и анализа информации, оценки ситуации, мотивации, целое, смысл лежат определенные концептуальные положения.

Как уже отмечалось, именно функциональная структура обеспечивает профессионализацию мышления педагога. И, добавим, именно развитие функций профессионально-педагогического мышления обеспечивает уровень сформированности мышления педагога, что обуславливает эффективность профессиональной деятельности.

Нами проведено изучение сформированности элементов профессионально-педагогического мышления у студентов педагогических учебных заведений и учителей школ города с разным профессиональным опытом. Было обследовано более 300 человек.

Данные исследования познавательной функции получены в результате анализа словаря испытуемых, изучения сформированности мотивов познавательной и профессиональной деятельности и общеучебных умений.

Объем словаря выше среднего формируется под влиянием обучения, но остается таким лишь у 25% учителей, участвовавших в эксперименте. Разговорно-бытовой стиль преобладает у студентов первого и второго годов обучения и лишь к окончанию профессиональной подготовки остается менее чем у половины обследованных студентов. У учителей он сохраняется в 29,2% случаев. Крайне низок научный стиль словаря – лишь у 7,1% студентов третьего курса и у 12,5% учителей школы. Мышление, формируемое на основе этих стилей, является ограниченным по своим познавательным возможностям.

По данным исследования мотивов учебной деятельности, полученных в результате анкетирования учителей, показатели близки к данным студентов-второкурсников. Познавательный мотив снизился до 22%, ситуативный интерес и учение по необходимости вновь возрастают до 26,3% и 20,4% соответственно. Вероятно, это объясняется несфор-

мированностью познавательной потребности в годы обучения в педагогическом учебном заведении, и с течением времени учебная деятельность осуществляется лишь при необходимости.

Нами выявлено, что уровень общеучебных умений в процессе профессиональной деятельности постепенно возрастает. Учителя имеют более высокий балл по сравнению со студентами, что подтверждает мнение об обусловленности уровня общеучебных умений опытом учебной и профессиональной деятельности, объемом профессиональных знаний.

Ни одна из групп студентов и учителей, участвовавших в эксперименте, не приближается к верхней границе допустимого уровня (21 балл), хотя и не выходит за рамки его нижней границы (16 баллов). Более того, наблюдается тенденция к снижению показателей сформированности мотивов познавательной деятельности и использования психолого-педагогических категорий в активном словаре у работающих педагогов. По нашему мнению, это связано с формированием стереотипов педагогической деятельности.

Изучение эмпатийной функции профессионально-педагогического мышления проводилось при помощи теста коммуникативной деятельности, выяснения предпочитаемого стиля взаимодействия, применения методов мотивации познавательной деятельности.

Результаты изучения коммуникативной деятельности показали, что все группы испытуемых относятся к допустимому уровню. Это характеризует педагога как вполне удовлетворительно овладевшего приемами общения. Коммуникативная деятельность довольно свободна по форме, педагог, как правило, легче входит в контакт с обучаемым, не все оказываются в поле его внимания. Часто проявляются элементы моделей дифференцированного внимания и негибкого реагирования.

Студенты в большей мере ориентированы на демократический стиль взаимодействия с детьми, хотя этот стиль преобладает незначительно. Достаточно высокий процент испытуемых, предпочитающих авторитарный стиль взаимодействия, указывает на слабую сформированность эмпатийной функции. Учителя явно отдают предпочтение авторитарному стилю взаимодействия с учениками, причем в их число входят и те, кто использует в обучении развивающие технологии. На наш взгляд, это может быть объяснено стереотипами профессионального мышления, т. е. его обусловленность существующим опытом педагогической деятельности.

Предпочитаемый стиль взаимодействия реализуется в работе с детьми как осознанные действия. Поэтому следующим шагом в изучении сформированности эмпатийной функции стало использование методики, позволяющей выявить степень применения педагогом основных методов мотивации и стимулирования учебной деятельности детей.

Результаты обработки данных показали, что студенты младших курсов в работе с детьми предпочитают использовать социальные и волевые методы мотивации и стимулирования, что несколько противоречит выбору ими демократического стиля взаимодействия. Видимо, это объясняется выбором идеального и реального отношения к детям. Старшекурсники чаще используют комплекс познавательных, волевых и социальных методов мотива-

ции учебной деятельности, это подтверждает соотношение выбранных ими стилей взаимодействия с детьми. Учителя, участвовавшие в эксперименте, на первое место ставят волевые методы, затем (по степени значимости) - эмоциональные, социальные, познавательные. Это не только подтверждает предпочитаемые стили взаимодействия, но и косвенно указывает на связь эмпатийной и познавательной функций профессионально-педагогического мышления, т. к. отражает отношение испытуемых к познавательной мотивации собственной деятельности и может быть экстраполировано на отношение к учебной деятельности детей.

Результаты изучения сформированности эмпатийной функции профессионального мышления педагогов показывают, что все испытуемые находятся на допустимом уровне, однако ближе к его нижней границе (32 балла), чем к верхней (49 баллов). Заметна тенденция к возрастанию уровня эмпатийной функции у учителей, но в целом с увеличением стажа педагогической деятельности усиления эмпатийности мышления не отмечается. Мы объясняем это как свойство предметного аспекта профессионального мышления педагогов, зависящее от сложившегося стереотипа поведения и деятельности.

Сформированность рефлексивной функции профессионально-педагогического мышления определялась при помощи теста «Оценка знаний возрастной психологии» и самооценки качеств профессионально-педагогического мышления. Данные, полученные в результате тестирования, показали самый высокий балл у студентов 3 курса (6,65), затем - снижение уровня знаний до 6,1 балла у пятикурсников и 6,0 у учителей. С нашей точки зрения, это объясняется закономерностями памяти (у студентов) и отсутствием необходимости использования знаний возрастной психологии у учителей.

В целом все группы испытуемых находятся на допустимом уровне, но динамики роста не отмечается, что, вероятно, связано с отсутствием потребности в рефлексии собственной деятельности.

Таким образом, исследование сформированности оперативного мышления у студентов и учителей показало, что все функции у всех групп испытуемых находятся на допустимом уровне, однако ближе к его нижней границе, чем к верхней.

Изучение сформированности тактического уровня профессионально-педагогического мышления проводилось на основании результатов исследования оперативного уровня мышления педагогов с использованием ряда методик. Основным методом выступало педагогическое наблюдение.

Прогностическая функция изучалась при помощи опросника «Определение учебных целей» и наблюдения. У испытуемых, в том числе у учителей, совершенно недостаточно развита способность целеполагания и планирования своей деятельности. Сложившаяся практика обучения такова, что студент полностью доверяется преподавателю, который определяет, когда, что и как делать студенту, поэтому и учителя зачастую не умеют поставить цели деятельности как своей, так и своих учеников. Подтверждением этих данных могут служить результаты обработки картограммы оценок умений педагога при наблюдении занятия.

Уровень умений целеполагания и планирования не превышает шести баллов по 10-балльной шкале. Несколько выше умение организовать деятельность

в соответствии с поставленной целью. Уровень же умений анализа и регулирования деятельности своей и ученика примерно на уровне целеполагания. На наш взгляд, это связано с тем, что обучение планированию и анализу учебного процесса проходит в отрыве от формирования собственной учебной деятельности студентов, т. е., как правило, студенты не обучаются умениям планировать свою учебную деятельность и анализировать ее результаты. А не имея опыта подобной деятельности, перенести теоретические знания анализа в практику весьма сложно.

Изучение регулятивной функции профессионально-педагогического мышления связано с тем, что регуляция деятельности педагога основывается на использовании данных рефлексивной и прогностической функции, поэтому мы сочли необходимым воспользоваться методикой оценки эффективности и качества учебных занятий [по Т.И. Шаповой] и системного анализа урока по Ю.А. Конражевскому. Анализируя приведенные данные, соотнося их с результатами по выявлению уровня сформированности рефлексивной функции, целеполагания, приходим к подтверждению связи между ними. Так, критический уровень сформированности регулятивной функции профессионально-педагогического мышления первокурсников объясняется низким уровнем сформированности рефлексивной функции и абсолютным большинством студентов, находящихся на критическом уровне целеосмысления.

Исследование позволило выявить, что сформированность рефлексивной, познавательной, эмпатийной функций профессионально-педагогического мышления групп испытуемых находится на среднем — допустимом уровне, регулятивного и прогностического у первокурсников — на критическом, низком уровне, у остальных групп — на допустимом уровне.

Приближение к нижней границе допустимого уровня свидетельствует об отсутствии положительной динамики в развитии профессионального мышления педагогов без специального воздействия на него, что повышает актуальность разработки организационно-педагогической модели развития

профессионально-педагогического мышления на всех уровнях непрерывного профессионального образования.

Библиографический список

1. Завалишина Д. И., Поликанов С. Г. Проблемные ситуации в практической деятельности // Практическое мышление: функционирование и развитие. М.: ИПАИ СССР, 1989. С. 75-85.
2. Кашалов М. М. Психология педагогического мышления / Монография. - СПб.: Алетейя, 2000 - 463 с. ISBN 5-89329-287-1.
3. Лернер И.Я. Педагогическое создание — явление действительности и категория науки // Советская педагогика. — 1985. - № 3. С. 85 — 88.
4. Дихачев Б.Т. Педагогика: Курс лекций. — М.: Прометей, 1993. — 528с.
5. Лопанова Е.В. Управление развитием профессионального мышления педагога: Учебное пособие. — Омск: ОмГПУ, 2000. — 46 с.
6. Мышление учителя: Личностные механизмы и понятийный аппарат / Под ред. Ю. Н. Кулюшкина, Г. С. Сухобской. М., 1990. — 104 с.
7. Орлов А. А. Профессионально — мышление учителя как ценность // Педагогика. 1995. № 6. С. 63-68.
8. Осипова Е. К. Структура педагогического мышления учителя // Вопросы психологии. 1987. № 5 С.144-146.
9. Педагогическое мышление и его формирование у студентов: Коллектив. Монография. Казань: Казанский пед. ун-т, 1997 160 с.
10. Рогов Е.И. Личность учителя: теория и практика. — Ростов-на-Дону: 1996. — 512 с.
11. Сластенин В.А., Тamarin В.Э. Методологическая культура учителя // Советская педагогика. -1990. - № 9. — с. 82-88.
12. Тamarin В. Э., Яковлева Д. С. Воспитание у студентов педагогической направленности мышления // Советская педагогика. 1971. № 12. С. 56-66.

ЛОПАНОВА Елена Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления образованием.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.06.06 г.
© Лопанова Е.В.

Книжная полка

Психолого-педагогический практикум: Учеб. пособие: Рекомендовано УМО / В.А. Сластёнин, О.А. Шиян, Л.С. Подымова и др.; Под ред. В. А. Сластёнина. - 224 с.

Учебное пособие содержит разнообразный психологический и педагогический материал, позволяющий постичь особенности профессиональной деятельности педагога, познать себя. В качестве практического материала используются педагогические ситуации, этюды, художественные и научно-популярные тексты, детские сочинения, тесты, игры.

Для студентов высших учебных заведений. Доступность изложения, вариативность заданий, высокая информативность позволяют использовать практикум для широкого круга читательской аудитории.

Рубинштейн М.М. Проблема учителя: Учеб. пособие / Под ред. В.А. Сластёнина. -176 с., пер. № 7 бц. - (Классическая учебная книга).

М.М.Рубинштейн (1880-1953) — крупный отечественный психолог, философ, педагог, организатор высшего образования, признанный «учитель учителей». В книге «Проблема учителя» (1927) поставлены и обсуждены не потерявшие своей актуальности и сегодня проблемы педагогического образования. Опираясь на глубокие философские, психолого-физиологические и педагогические знания, автор воссоздает целостную картину личности учителя-профессионала, закономерности и пути ее становления и развития.

Для студентов факультетов педагогики и психологии высших учебных заведений. Может быть полезно преподавателям начальной, средней и высшей школы, а также широкому кругу читателей.

РАЗВИТИЕ САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье раскрывается сущность самообразовательной деятельности, дается четкое определение сущности самообразования, что очень важно в практическом и в теоретическом отношении. От того, какое содержание вкладывается в данное понятие, зависит формулировка конкретных задач, выдвигаемых в процессе самообразовательной деятельности студентов.

В современных условиях развития общества высшее образование переживает период реформ, которые привели к смене основной парадигмы российского образования. В настоящее время Россия является участницей Болонского процесса, связанного с интеграцией российского образования в мировое образовательное пространство. Одной из задач, обеспечивающих достижение поставленной цели, является создание системы «образования в течение всей жизни», что усилило развитие российской школы в направлении непрерывного образования для формирования полноценной творческой самореализующейся личности [3]. В качестве одного из магистральных направлений, позволяющих сформировать самореализующуюся личность является развитие самообразовательной деятельности.

В психолого-педагогических исследованиях (А.К. Громцева, Ю.Н. Кулюткин, П.И. Пидкасистый и др.) самообразовательная деятельность представляет собой деятельность, которая разворачивается во внутреннем плане и осуществляется с помощью различного рода мыслительных операций, производящихся человеком над идеальными объектами, вследствие чего происходит усвоение знаний [4, 5, 8]. При этом знания детерминируются, окрашиваются личностным отношением и включаются в личностную систему знаний. Самообразование, таким образом, есть интеллектуальная деятельность по самоизменению, саморазвитию, результатом которой являются те изменения, которые происходят в самом субъекте [11].

В педагогической науке самообразование как предмет исследования предполагает изучение условий и средств развития личности, пути и средства управления и самоуправления самообразовательной деятельностью [2, 3, 6, и др.]. Исследователи самообразовательной деятельности учащихся практически единодушны в выявлении ее главных признаков при наличии, естественно, некоторых нюансов значения, проявляющих себя при интерпретации данной педагогической категории. Это систематическая, познавательная, добровольная деятельность, осуществляемая по инициативе (Б.Ф. Райский) и при внутреннем побуждении (Н.Д. Хмель) личности, основывающаяся на предшествующих формах обучения (Н.Ф. Голованов) и управляемая самим учеником (А.К. Громцева).

Разные исследователи по-своему трактуют самообразование: как целенаправленную систематическую познавательную деятельность, управляемую самим учеником (А.К. Громцева); как

познавательную деятельность, осуществляемую в соответствии с внутренними побуждениями и отсутствием обязательности (Н.Д. Иванова, Н.Д. Хмель); как познавательную деятельность, основывающуюся на предшествующих формах обучения и являющуюся их следствием и диалектическим продолжением (Н.Ф. Голованов); как внутренне мотивированную деятельность (В. Павловский); как деятельность, осуществляемую по инициативе самой личности (Б.Ф. Райский); как добровольное, систематическое добывание знаний, основанное на познавательном интересе (Т.С. Лапагина).

Нужно отметить, что, несмотря на разнообразие в понимании сущности самообразования, все авторы считают, что самообразование является познавательной деятельностью и что самообразование не может осуществляться само по себе. Основой самообразования являются знания, приобретенные в процессе организованного обучения.

Эти выводы указывают на тесное единство учения и самообразования, так как и учение, и самообразование являются познавательной деятельностью. Как особый вид познавательной деятельности самообразование, по компетентному мнению ученых (А.К. Громцева, Н.В. Косенко, Ю.Н. Кулюткин, А.М. Матюшкин, Г.Н. Сериков, Г.С. Сухобская и др.), предполагает: наличие положительной мотивационной активности, проявление значительных волевых усилий, наличие целеустремленности и самоорганизованности, достижение высокого уровня интеллектуального развития, сформированность определенной совокупности познавательных умений, достижение высокой самостоятельности, -наличие адекватного уровня самооценки.

Кроме того, как было уже отмечено, основой самообразования является учение, которое осуществляется в современных условиях в различных учебных заведениях при управляющей функции педагога.

По нашему мнению, именно различие в уровне управления познавательной деятельностью субъекта и является основным различием между учением и самообразованием. В учебном процессе школы, вуза и других учебных заведений управление деятельностью осуществляется в большей степени педагогом, а самообразовательная деятельность осуществляется при самоуправлении личности, т. е. самообразование есть не что иное, как переход от системы внешнего управления к самоуправлению.

В силу многоаспектности и многокомпонентности организации самообразовательной деятельности учеными ставится вопрос о практической готовности и способности учащегося к ее осуществлению – непременном условии эффективного осуществления самообразования.

Готовность к самообразовательной деятельности рассматривается как интегративное качество личности, характеризующееся наличием специальным образом интегрированных знаний, способствующих самообразованию умений, мотивов и интереса к данному виду деятельности. Она рассматривается в единстве мотивационного, познавательного, эмоционально-волевого (т. е. личностного) и содержательно-процессуального (т. е. технологического) компонентов (В.С. Ильин, Н.К. Сергеев, Г.Н. Сериков).

Способность к самообразованию предполагает осознание себя субъектом деятельности, овладение адекватными способами деятельности и умениями осуществлять самоуправление познавательной деятельностью (Н.П. Ким).

Сравнение этих двух категорий позволяет выявить стороны их тесного соприкосновения, слияния: содержательно-процессуальный (технологический) компонент готовности к самообразовательной деятельности смыкается с операциональной сущностью способности к ее осуществлению. В таком аспекте рассмотрения готовности и способности человека к самообразованию особую значимость приобретает усвоение им системы способов деятельности, умений осуществлять самоуправление, самоорганизацию. На это указывают исследователи самообразовательной деятельности взрослых (С.Г. Вершовский, Ю.Н. Кулюткин, Е.Г. Королева, Е.П. Тонконогая и др.), говоря о том, что вузы обязаны вооружить своих выпускников определенным опытом и методами научного познания для того, чтобы они могли с наименьшими затратами дополнительного труда и времени усваивать информацию, пополнять знания, расширять свой кругозор [6, 9].

Таким образом, эффективность самообразовательного процесса предусматривает наличие у личности оптимальных способов самоорганизации и самоуправления, что предполагает интериоризацию человеком образцов поведения [9] для достижения самостоятельно поставленных цели и задач.

Следовательно, проблема развития самообразовательной деятельности приобретает особые дидактические возможности и функции в контексте концепции непрерывного образования – «образования через всю жизнь».

Философско-педагогическая концепция непрерывного образования рассматривается как особый аспект образовательной практики, предполагающий непрекращающееся целенаправленное освоение человеком социокультурного опыта с использованием всех звеньев образовательной системы. Главный смысл данной концепции заключается в постоянном творческом обновлении, развитии и совершенствовании каждого человека на протяжении всей жизни. В настоящее время эта идея устойчиво приобретает характер парадигмы научно-педагогического мышления [2].

Один из аспектов рассмотрения проблематики непрерывного образования – психолого-педагогический, личностный – предполагает выработку у человека особых смысловых и жизненных ориентиров. Непрерывное образование становится, таким образом, особой формой самореализации, само-

актуализации человека и выступает как путь и средство творческого роста личности, конструктивного преодоления ситуаций социального и профессионального жизненного кризиса. Следовательно, ее реализация требует серьезных изменений в инфраструктуре личностных образований.

Такая постановка проблемы связана с перестройкой (совершенствованием) всей системы образования. Непрерывность образования должна обеспечивать возможность постоянного движения личности в образовательном пространстве и создания для нее оптимальных условий для этого процесса. А.М. Новиков отмечает: «Переход к непрерывному образованию должен преодолеть ориентацию традиционных образовательных процессов на поверхностную «энциклопедичность» содержания, перегруженности фактологическим материалом, не связанным с запросами учащихся или нуждами общества. Предстоит переориентировать учебновоспитательный процесс с воспроизводства только образцов прошлого опыта человека на освоение способов преобразования действительности, овладение средствами и методами самообразования, умением учиться» [7, с. 199]. Как следует из цитаты, самообразование рассматривается как непременное условие эффективной организации непрерывного образования. Эту идею перманентно подчеркивают многие исследователи данной педагогической парадигмы (А.А. Вербицкий, С.Г. Вершовский, А.П. Владиславлев, Б.С. Гершунский, А.В. Даринский, О.В. Кушцов, А.М. Новиков, В.Г. Онушкин, Ф.И. Перегудов, В.Г. Рындяк, Е.Н. Тонконогая и др.). Соответственно основная характеристика готовности и способности человека к самообразованию – развитие умений самообразовательной деятельности – также определяет эффективность и результативность образования через всю жизнь. Тем самым сформированность умений самообразовательной деятельности будет способствовать решению одной из наиболее актуальных и социально востребованных педагогических проблем – реализации концепции непрерывного образования.

Как неоднократно указывалось в исследованиях, готовность и способность человека к самообразовательной деятельности не формируется стихийно. В диссертационных исследованиях А.П. Авдеева, А.К. Громцевой, Л.С. Колесник и других [1, 5] получают дальнейшее развитие вопрос о классификации этапов и уровней самообразовательной деятельности учащихся. По мнению исследователей А.К. Громцевой, Л.С. Колесник, процесс развития самообразовательной деятельности проходит три этапа, каждому из которых соответствует степень интеллектуального развития, осознанности цели, выраженности познавательных потребностей и интересов. А.К. Громцева, взяв за основу целенаправленность самообразования, которая обусловлена соответствующей мотивационной сферой; уровень познавательных умений, обеспечивающих процесс самостоятельного познания; уровень умений, обеспечивающих организационную сторону протекания самообразования, выделила три уровня самообразовательной деятельности:

I уровень – характеризуется стихийной деятельностью;

II уровень – целенаправленной деятельностью;

III уровень – большей целенаправленностью деятельности, высоким уровнем умений, обеспечивающих самостоятельное познание, рациональ-

ную организацию работы. При этом самообразовательная деятельность учащихся проходит три этапа. Первый этап определяется недостаточно дифференцированным познавательным интересом. Второй этап характеризуется самостоятельной познавательной деятельностью ученика, которая сконцентрирована на более узком круге предметов, однако источники и формы ее организации намного разнообразнее. Третий этап характеризуется формированием у учащихся организационных умений, сознательным отбором рациональных источников самообразования и форм его организации. «На этом этапе самообразование и учение органически сливаются в один процесс, в котором учащийся выступает в роли достаточно самостоятельного организатора всей своей познавательной деятельности (как учебной, так и собственно самообразовательной)» [5].

В своем исследовании А.С. Колесник выделяет следующие этапы самообразования:

- первый – ситуативное самообразование;
- второй – ситуативно-инициативное самообразование;
- третий – инициативно-зрелое самообразование.

Исследования, проведенные данными авторами, позволяют сделать вывод о том, что ими в основу характеристик самообразовательной деятельности учащихся положены различные критерии.

С точки зрения нашего исследования, большую определенность в трактовку анализа уровня самообразовательной деятельности вносит работа П.А. Авдеева [1], в которой автор для их характеристики предлагает следующие структурные элементы процесса самообразования:

- осознание учащимися цели, выбор средств и способов самообразования;
- планирование самообразования;
- познавательную активность и самостоятельность;
- оценку и контроль.

Таким образом, можно выделить следующие этапы процесса самообразования на основе логически взаимосвязанных действий:

1) осознание личностью потребности в знаниях, определение цели самообразования;

2) деятельность личности по самостоятельному приобретению знаний, направленная на удовлетворение познавательной потребности: а) планирование процесса самообразования; б) определение средств и способов самообразования; в) непосредственная деятельность личности по самостоятельному приобретению знаний; г) оценивание результатов деятельности, самоконтроль; д) определение новых целей;

3) возникновение новой познавательной потребности, имея в виду удовлетворение ее путем самообразовательной деятельности.

Проведенный теоретический анализ показывает, что содержание самообразовательной деятельности структурировано недостаточно глубоко. Опираясь на работы А.К. Громцевой, А.В. Кирьяковой, Ю.Н. Кулюткина, В.Г. Рындак, Г.С. Сухобской и других, мы выделили в своей работе следующие компоненты:

– мотивационный, который обусловлен потребностями личности и включает в себя потребности, интересы, мотивы, т. е. все то, что обеспечивает целенаправленное включение студентов в процесс самообразования и поддерживает

активность этого процесса на протяжении жизнедеятельности;

– ориентационный, который характеризует глубину восприятия студентом цели самообразования, его способность планировать и прогнозировать данную деятельность;

– содержательно-операционный, состоящий из наличия у студентов системы ведущих знаний в конкретной области и умений самообразовательной деятельности (инструменты получения и переработки информации, применения знаний на практике);

– ценностно-волевой, включающий в себя волю, эмоциональный подъем, самообязательство, самоубеждение, самовнушение, самоприказ;

– оценочный, сущностью которого является систематическое получение обратной информации о ходе самообразования на основе сравнения достигнутых результатов деятельности с прогнозируемыми стандартами. Данный контроль включает в себя самоконтроль, самоанализ и самооценку.

Теоретический анализ вышеизложенного позволяет нам сделать следующие выводы.

Самообразовательную деятельность мы рассматриваем как деятельность по овладению знаниями по инициативе самой личности в отношении предмета занятий (чем заниматься), объема и источников познания, установления продолжительности и времени проведения занятий, а также выбора формы удовлетворения познавательных потребностей и интересов.

Самообразовательная деятельность – это по-настоящему свободный, наиболее сложный вид образовательной деятельности, поскольку связан с процедурами саморефлексии, самооценки, самоидентификации и выработкой умений и навыков самостоятельно обретать актуальные знания и трансформировать их в практическую деятельность.

Самообразование включает в себя ряд признаков: оно отражает познавательные потребности умственного развития личности, и в первую очередь потребность в саморазвитии; характеризуется познавательной активностью и самостоятельностью личности; связано с самоуправлением не только деятельностью, но и всем образом жизни человека.

В нашем исследовании мы выделили следующие компоненты самообразовательной деятельности: мотивационный, ориентационный, содержательно-ориентационный, ценностно-волевой, оценочный. И выявили, что самообразовательная деятельность студентов – это действительно актуальная педагогическая проблема, решение которой зависит от нивелирования противоречий между потребностями практики и недостаточной теоретической разработанностью вопроса научного обоснования содержания и условий развития самообразовательной деятельности студентов в педагогической науке.

Библиографический список

1. Авдеев А. П. Дифференциация процесса обучения старших классов как условие формирования у учащихся стремления к самообразованию // Индивидуальный подход к школьникам в процессе обучения. – Горький, 1987.
2. Гавриков А. А., Тимофеев В. В., Старкова А. Г. и др. Система непрерывного многоуровневого профессионального образования Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого / Под ред. А. А. Гаврикова, В. В. Тимофеева. – Великий Новгород: Издательство НовГУ, 2003.
3. Геворкян Е. Н., Матова Г. Н. Болонский процесс и сотрудничество в области обеспечения качества образования:

опыт Российской Федерации // Вопросы образования. — 2005. — № 4

4. Громцева А.К. Проблема самообразования учащихся на современном этапе развития советской школы. Дис. д-ра пед. наук. — Л., 1971. — 278 с.

5. Громцева А.К. Формирование у школьников готовности к самообразованию: Учеб. пособие по спецкурсу для студ. пед. ин-тов. — М.: Просвещение, 1983. — 144 с.

6. Кулюткин Ю.Н. Исследование познавательной деятельности учащихся вечерней школы. — М.: Педагогика, 1977. — 152 с.

7. Новиков А.Н. Российское образование в новой эпохе. Парадоксы наследия, векторы развития. — М.: Эгвес, 2000. — 272 с.

8. Пидкасистый П.И. Самостоятельная познавательная деятельность школьников. — М.: Педагогика, 1980. — 240 с.

9. Рувинский А.И., Соловьева А.Е. Психология самовоспитания. — М.: Просвещение, 1982. — 143 с.

10. Сериков Г.Н. Обучение как условие самоподготовки к профессиональной деятельности. — Иркутск: Изд. Иркут. ун-та, 1985. — 36 с.

11. Элькин Д.Б. Избранные психологические труды. — М.: Педагогика, 1989. — 560 с.

ШАБАЛИНА Елена Сергеевна, соискатель на учёную степень педагогических наук.

Дата поступления статьи в редакцию: 30.06.06 г.
© Шабалина Е.С.

УДК 416.61

Е. Е. ПЕТРЕНКО

Омский государственный педагогический университет

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

В статье рассматриваются основные концепты и микроконцепты языковой картины мира младшего школьника. Анализируя фразеологический материал детской литературы, автор определяет, какие концепты наивной языковой картины мира наиболее широко в ней представлены, способствуя осознанию ребенком особенностей национального языка и культуры.

В связи с внедрением в гуманитарные науки антропоцентрической парадигмы, языковые явления рассматриваются в тесной взаимосвязи с человеком, его сознанием и миропониманием: «В лингвистике, избравшей в качестве своей методологической основы антропологический принцип, в центре внимания оказываются два круга проблем: 1) определение того, как человек влияет на язык; 2) определение того, как язык влияет на человека». [5, С. 78]. В современной научной литературе большое внимание уделяется вопросам содержания понятия «языковая картина мира», которое восходит к идее о внутренней форме языка В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев и к идеям лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа. Исследования языковой картины мира посвящены труды таких ученых, как Ю.Д. Апресян, В.В. Красных, Б.А. Серебренников, А.А. Залевская, А. Вежбицкая, В.Н. Телия, В.И. Поставалова, Е.С. Кубрякова, и др. Воссозданием комплексной языковой картины мира на основе анализа концептов занимались Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, А.Н. Зализняк, А.Д. Шмелев, Е.С. Яковлева и др.

Языковая картина мира в самом общем понимании — это вся совокупность представлений и знаний человека об окружающем мире, запечатленных в его сознании и языке. В сознании носителя языка складывается образ окружающего мира, при этом

язык является способом отражения концептуализации мира национальной языковой личностью. Языковая картина мира «формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей, повторяющихся в значении многих слов и выражений». [3, С. 207]. В современной науке концепт является предметом изучения философии, культурологии, социологии, когнитологии, этнолингвистики, психолингвистики, языкознания. Мы придерживаемся определения С.Г. Воркачёва, согласно которому концепт представляет собой «единицу коллективного знания/сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой». [1, С. 48].

Отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: в большинстве случаев они не менее сложны и интересны, чем научные. В наивной картине мира можно выделить наивную физику пространства и времени, наивную этику, психологию и т.д. При этом каждый естественный язык отражает свой особый способ концептуализации окружающей действительности, который характеризуется как универсальными, так и национальными специфическими чертами. Об этом свидетельствует тот факт, что возникающие в результате концептуализации конфигурации смыслов соответствуют представлениям, которые традиционно

приятно считать характерными именно для русского взгляда на мир.

Как показывает анализ теоретических исследований, одним из первых признаков, положенных в основу построения картины мира, является субъект, творящий картину мира, т. е. человек как носитель индивидуального сознания. В нашем исследовании субъектом построения наивной картины мира является младший школьник, обладающий специфическими особенностями умственного, психологического, языкового развития и, следовательно, восприятия и осознания мира в целом. «Наивная» картина мира ребенка, действительно, наивна в силу объективных причин. В наивной картине мира ребенка, по сравнению с наивной картиной мира взрослого, присутствуют далеко не все концепты. В нашем исследовании мы попытались проанализировать, какие культурно значимые концепты вербализуются фразеологизмами, содержащимися в литературе для детей, и благодаря этому становятся достоянием языка и сознания ребенка младшего школьного возраста.

Проблемам изучения детской речи были посвящены труды многих отечественных и зарубежных ученых. Природа взаимосвязи мышления и речи в современной науке продолжает быть предметом пристального внимания. Основополагающими в теории речевой деятельности являются труды Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, А.Р. Лурия, Н.И. Жинкина, Т.В. Ахутиной, Л.В. Сахарного, И.А. Зимней, А.Н. Гвоздева, Н.А. Рыбникова, А.М. Шахнарович, Е.С. Кубряковой, Т.Н. Ушаковой и др. Исследователями рассматривались различные аспекты речевого развития: словарь ребенка (Д.Б. Эльконин, А.В. Захарова), развитие грамматики (А.А. Леонтьев, Н.И. Ленская, Ф.А. Сохин, С.Н. Цейтлин, Л. Берко, Р. Браун, Ж. Лендел), развитие синтаксиса и семантики (П. Гринфилд, Э. Бейтс, Д. Брунер, Л. Меньюк, Н. Хомский).

Известный исследователь детской речи А.Р. Лурия писал: «Передавая опыт поколений, отложившийся в языке, слово замыкает в коре головного мозга ребенка сложнейшие системы связей и становится мощным орудием, вносящим в восприятие ребенка те формы анализа и синтеза, развитие которых было бы недоступно ему самому». [3. С.8]. Детская речь характеризуется двумя важными, на наш взгляд, особенностями: 1) она является моделью эволюции языка; 2) усвоение родного языка по отношению ко многим группам языковых явлений проходит со строгой закономерностью и характеризуется у разных детей одними и теми же чертами: «усвоение родного языка определяется такими общими психофизиологическими условиями, которые действуют единообразно у всех людей и которые поэтому кладут свой отпечаток на структуру языка». [2. С.9].

Материалом для данного исследования послужили фразеологизмы, взятые из произведений детской литературы. Анализ семантики фразеологических единиц, представленных в литературе для детей, позволяет выделить целый ряд устойчиво повторяющихся мотивов, которые представляются специфическими именно для русского видения мира и русской культуры.

В работах, посвященных исследованиям русской языковой картины мира, обнаруживаются различные подходы к выбору критериев соотнесения языковой единицы и концепта. Так, в работах А.Д. Шмелева, Е.А. Урысон, А.А. Зализняк и др. в

качестве определяющего признака берется значение лексической единицы. При соотнесении фразеологических единиц с различными сегментами языковой картины мира за основу берется один из компонентов и его лексическое значение. Например, компонент *кровь* связывается с понятием родня, родной человек, близкий человек: «кровь может трактоваться как некий элемент, единый для родственников (*кровная родня, братья по крови*), или как образ чего-то своего, принадлежащего только данному конкретному индивидууму (*кровные деньги*), в ряде случаев кровь трактуется как характеристика человека активного, агрессивного (*горячая кровь, кровная месть*), как выражение крайней необходимости сделать что-то (*до последней капли крови, кровь из носу*), в некоторых случаях это понятие выражается в значениях фразеологических единиц как отражение неприятных для человека моментов, связанных с такими чувствами, как обида, негодование (*кровная обида, портить кровь*). Кроме того, данное понятие может указывать на принадлежность человека к особой группе людей (*голубая кровь, царских кровей, благородных кровей*)». [9].

В качестве главного критерия соотнесения фразеологической единицы с тем или иным концептом при построении образа наивной языковой картины мира ребенка мы избрали семантику фразеологизма. «Показательными для языковой картины мира являются неявные смыслы, их обнаружение, как правило, требует детального семантического анализа», - пишет А.Д. Шмелев, по мнению которого особый интерес представляют конфигурации смыслов, которые повторяются в качестве фоновых в целом ряде языковых единиц. [7].

Семантический анализ 643 фразеологических единиц, отобранных методом сплошной выборки из литературы для детей, показал, что особое место в построении наивной картины мира ребенка, создаваемой средствами фразеологии, занимают такие концепты, как «время», «пространство» и «человек». Концепт «человек» репрезентируется фразеологическими единицами с различных сторон: внешность, умственные, психические и психологические особенности, внутренние качества, чувства, эмоции, отношения между людьми и др.

Тема пространственной беспредельности является общим местом всех представлений о России и русском национальном характере. При этом «простор в русской языковой картине мира может противопоставляться как тесноте, так и уюту; в одном случае большие пространства (когда ничто не давит, не стесняет) представляются как большая ценность, в другом ассоциируются с опасностями и дискомфортом». [8]. С.Д. Лихачев писал: «Широкое пространство всегда владело сердцем русским». [7. С.38] Пространственные представления в наивной языковой картине мира ребенка создаются с помощью таких единиц, как *белый свет, за тридевять земель, куда Макар телят не гонял, вдоль и поперек и др.* Из приведенных примеров видно, что для наивного детского представления, как и для русского национально-специфичного представления, характерно видение пространства как чего-то необъятного, масштабного, просторного. В концепте «пространство» мы выделяем несколько микроконцептов, вербализуемых фразеологизмами, содержащимися в произведениях детской литературы:

1) безграничность: *конца (и) краю не видно, свет Божий, белый свет* и др.;

2) близость и удаленность: *в двух (нескольких) шагах, под носом, к самому носу, перед лицом, за тридевять земель, на краю земли (света), куда Макар телят не гонял* и др.;

3) расположение в пространстве: *над головой, под ногами, со всех сторон, куда ни глянь* и др.;

4) направление движения: *взад и вперед, из угла в угол, из стороны в сторону, туда-сюда, то тут, то там, вдоль и поперек* и др.;

5) неопределенное направление: *на все четыре стороны, куда глаза глядят* и др.

В русской языковой картине мира некоторые ученые (А.Д. Шмелев, Е.С. Яковлева и др.) [7] выделяют два подхода к концепту «время». Первый — архаичный, где мир представляется стабильным, неподвижным, а время — «идущим», «текущим», т.е. движущимся. Второй подход отражает современное представление о времени как о постоянном и неподвижном, в котором человек движется в направлении от прошлого к будущему. Как составляющие концепта «время» в русской языковой картине мира выделяются группы понятий: время суток, календарь, этикетные формулы. В наивной языковой картине мира ребенка концепт «время», согласно нашим исследованиям, репрезентируется средствами фразеологии наиболее широко. Выбранные нами фразеологические единицы также представляют несколько микроконцептов:

- скорость выполнения действий, течения процессов: *в два счета, в две минуты, в одну секунду, в одну минуту, в мгновение ока, в несколько минут, не по дням, а по часам, оглянуться не успела, ахнуть не успела, не теряя времени, одна нога здесь, другая там* и др.;

- продолжительность: *битый час, весь век, всю жизнь, во веки веков, до скончания века, несколько минут (секунд), от зари до зари, долго ли, коротко ли, день и ночь* и др.;

- последовательность: *год за годом, век за веком, с каждой минутой, к тому времени* и др.;

- периодичность, частота: *все время, всякий час, время от времени, то и дело, изо дня в день, каждую минуту* и др.;

- указание на давность: *в старые годы, давным-давно, в прежние времена, в ту пору, седая древность* и др.;

- указание на время суток или дни недели: *на ночь глядя, с солнцем, на днях, со дня на день, чуть свет* и др.

Языковая модель человека включает в себя множество составляющих, которые условно можно разделить на две группы: первая группа включает концепты, которые характеризуют человека с физической (внешней стороны), вторая — с психической (внутренней) стороны.

Фразеологические единицы, характеризующие внешность человека, как правило, не содержат прямого указания на те или иные внешние признаки: *радовать глаз, к лицу, с виду, как на подбор, затрапезный вид* и др. Однако встречаются и такие единицы, которые дают представление о конкретных чертах внешнего облика человека — *писаная красавица, красная девица, грудь колесом* и др. К физическим характеристикам человека можно отнести также и указание на возраст: *войти в силу, в первой молодости, не первой молодости* и др.

Психическая сторона связывается нами с такими фразеологическими единицами, которые характеризуют умственные способности человека, его внутренние качества, такие, как доброта, гуманизм

и другие, психологические особенности, такие, как воля, память, темперамент и т.д., а также чувства и эмоции человека. Соответственно можно выделить микроконцепты:

Ум (с положительной коннотацией): *семи пядей во лбу, взять в толк, с головой, голова на плечах и др.*

Ум (с отрицательной коннотацией): *белены объелся, не в своем уме, выжить из ума, остаться в дураках, каша в голове, без головы, с пыльцой в голове, пружина в мозгу лопнула, без царя в голове и др.*

Характер: *в ус не дуть, выкинуть штуку, была не была и др.*

Внутренние качества:

Положительные

- душевность: *душа нараспашку, от души, всей душой;*

- терпимость: *никто слова не скажет;*

- старание: *из кожи лезть вон;*

- внимание: *держат ухо востро, ловить каждое слово, не спускать глаз, не смыкать глаз, раскрыть рот* и др.;

- самостоятельность: *становиться на крыло, сам по себе;*

- смелость: *собраться с духом, иметь присутствие духа, постоять за себя, держать оружие, держать ответ* и др.

Отрицательные:

- любопытство: *совать нос;*

- бесшабашность: *без царя в голове, ветер в голове, витать в облаках;*

- зазнайство: *задирать голову, воротить нос, задирать нос, плевать на всех* и др.;

- лень: *считать ворон, гонять лодыря, бить баклуши* и др.

Большой и разнообразной по семантике и структуре группой фразеологизмов представлены микроконцепты чувств и эмоций человека:

- волнение: *вздрогнуло/ дрогнуло сердце, в горле пересохло, как на иголках, кусок в горло не лезет, холодок под сердцем, удар (чуть не) хватил* и др.;

- страх: *душа в пятки ушла, колени дрожат, ни жив, ни мертв, сердце упало, страх нашел, чуть (еле) живой, чуть (еле) дышит, язык примерз, язык заплетается;*

- удивление: *глаза на лоб полезли, кто бы мог подумать, не верить собственным глазам, раскрыть рот* и др.;

- счастье: *не помнить себя от счастья, на радость, на счастье, рот до ушей, сердце прыгает* и др.;

- восхищение: *глаз не оторвать, голову вскружило, глаз не сводить, дух захватывает, и сказать нельзя* и др.;

- печаль, огорчение, обида: *в слезах, в три ручья, голову повесить, дать реву, закусить губы, обливаться горячими слезами, слезы градом* и др.;

- растерянность: *голова (идет) кругом; потерять голову;*

- сожаление: *к сожалению, на ту беду, хоть плачь* и др.;

- недоверие, сомнение: *бабушка надвое сказала, вилами на (по) воде писано, не верить собственным ушам, не верить (собственным) глазам, на поверку, где уж там, где тебе* и др.;

- доверие: *принимать на веру;*

- любовь: *потерять голову, предложить руку и сердце, просить руки* и др.;

- жалость: *сердце сжалось (сжимается);*

- стыд: *совесть грызет;*

- недовольство, возмущение: *до белого каления,*

ни гна, ни покрывки, поди-ка ты, что ты будешь делать и др.

В данной статье на материале лишь нескольких основных концептов наивной языковой картины мира ребенка, таких как «время», «пространство», «человек», мы показали, что семантические поля, репрезентирующие те или иные концепты и микроконцепты наивной языковой картины мира ребенка, представлены фразеологическими единицами различной категориальной семантики. Так, внешность человека может быть представлена не только призначными фразеологизмами, такими как, *затрапезный вид, аршин с шапкой*, но и фразеологизмами качественно-обстоятельственной семантики: *к лицу, с виду*; процессуальными фразеологизмами: *радовать глаз*; предметными фразеологизмами: *писаная красавица* и т.д. Внутренние качества, чувства и эмоции человека репрезентируются призначными фразеологизмами (*семи пядей во лбу, с головой, душа нараспашку*), процессуальными фразеологизмами (*белены объелся, держать ухо востро*), качественно-обстоятельственными фразеологизмами (*в три ручья, как на иголках*). В ряде случаев можно определить преобладающий в репрезентации того или иного концепта семантико-грамматический класс. Так, очевидно, что для концепта «время» — это качественно-обстоятельственные фразеологизмы (*в два счета, с минуты на минуту, испокон веков/века*), для микроконцептов, выражающих внутренние качества человека — это фразеологизмы процессуальной и призначной семантики.

Особого внимания в процессе построения наивной языковой картины мира заслуживают омонимические отношения фразеологизмов, в частности, внутренняя омонимия. Внутренние фразеологические омонимы могут входить в группы, вербализующие различные концепты: так фразеологизм *потерять голову1* со значением «влюбиться» вербализует микроконцепт «любовь», а фразеологизм *потерять голову2* со значением «растеряться от множества забот», отражает содержание микроконцепта «растерянность».

В заключение необходимо отметить, что фразеологический материал литературных произведений, адресованных детям, позволяет нам определить, какие концепты наивной языковой картины мира наиболее широко представлены в языке детской литературы и становятся достоянием ребенка младшего школьного возраста. Фразеологизмы,

содержащиеся в произведениях для детей, дают широкие возможности для формирования картины мира в сознании младшего школьника, позволяют ребенку глубже осознать национальную специфику языка. В языке, в системе характерных для него образов, эталонов, стереотипов, символов, определенно мировидение народа и его миропонимание, осознаваемые в контексте культурных традиций. Язык не только отображает действительность, но и выражает отношение к ее фрагментам с позиций ценностной картины мира, воспроизводит из поколения в поколение культурно-национальные установки и традиции народа. Ребенок, овладевая языком, начинает воспринимать мир под углом зрения, подсказанным ему родным языком, и, соответственно, усваивает концептуализацию мира, характерную для определенной культуры.

Библиографический список

1. Воркачев С. Г. Методологические основания лингво-концептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика: Межвузовский сборник науч. трудов. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. — Воронеж, 2002. — С. 79-95.
2. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. — М., 1961.
3. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 672 с.
4. Лурия А. Р., Юдович Ф. Я. Речь и развитие психических процессов у ребенка. — М.: Изд-во Акад. Пед. наук РСФСР, 1956. — 93 с.
5. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Под ред. Б. А. Серебrenникова. — М.: Наука, 1988. — 216 с.
6. Павлова Н. А. Системные семантические свойства и отношения фразеологизмов. — Омск.: Изд-во Омского ордена «Знак почета» гос. пед. института, 1991. — 92 с.
7. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира.: Материалы к словарю. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 224 с.
8. Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира и межкультурная коммуникация: Тезисы пленарного доклада на II Международной конференции РКА «Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты» [«Коммуникация — 2004»] // www.russcomm.ru/

ПЕТРЕНКО Елена Евгеньевна, аспирант.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.08.06 г.
© Петренко Е. Е.

Книжная полка

Орлов А. А., Агафонова А. С. Введение в педагогическую деятельность: Практикум: Учеб. пособие: Допущено УМО. — 256 с.

Практикум ориентирован на включение студентов в продуктивную самостоятельную работу с целью развития мотивов и умений учения, формирования профессиональной направленности мышления, профессиональных ценностных ориентации и этических позиций, а также стимулирования потребности в профессиональном самообразовании и самовоспитании. Представлена система индивидуализированных заданий, выполнение которых позволит студентам самим выбирать направления, формы и темпы продвижения в изучении дисциплины «Введение в педагогическую деятельность».

Для студентов первого курса высших педагогических учебных заведений и работающих с ними преподавателей.

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА К ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ С ДЕТЬМИ-СИРОТАМИ

В статье отражены основные результаты опытно-экспериментальной деятельности автора по разработке и внедрению в практику обучения педагогического колледжа модели творческой лаборатории «Психолого-педагогические условия социального воспитания детей-сирот», в рамках которой осуществляется оценка и формирование готовности студентов к работе с детьми-сиротами на основе сочетания профессиональных проб и рефлексии в учебной и практической деятельности.

Семья, воспитание в семье, в жизни и развитии человека являются важнейшими факторами в формировании его автономности, инициативности, половой идентичности и др. Без этих новообразований ребенок не может стать субъектом межличностных отношений и сформироваться в зрелую личность. Поэтому важно выстроить эффективную систему воспитания и поддержки детей-сирот, которую смогут обеспечить специально подготовленные кадры.

В личностном плане образование реализуется не только за счет включения человека в образовательный процесс, но и благодаря формированию внутренней личностной позиции. Образование является способом выработки жизненных и профессиональных ориентиров личности, самоактуализации ее ценностей и творческого потенциала. Поэтому главным требованием к системе среднего профессионального образования становится требование удовлетворения познавательного интереса студентов к особенностям педагогической работы с детьми-сиротами.

В этой связи особую актуальность приобретает подготовка специалистов, способных оптимизировать процесс воспитания детей-сирот, их адаптацию к жизни в обществе. Одним из способов разрешения этой задачи является построение процесса подготовки студентов к работе с детьми-сиротами с учетом специфики воспитательного и образовательного пространства детского дома и психологических особенностей данной категории детей. На наш взгляд, процесс подготовки можно охарактеризовать следующим образом:

1) организуется работа творческой лаборатории «Психолого-педагогические условия социального воспитания детей-сирот»;

2) в рамках творческой лаборатории осуществляется оценка профессиональной готовности студентов к работе с детьми-сиротами на основе сочетания профессиональных проб и рефлексии в учебно-практической деятельности (в рамках практики «Введение в специальность»);

3) вводятся исследовательские задания при организации практики, поскольку их решение позволяет не только формировать исследовательские навыки, но и предполагает переосмысление установ-

ки в отношении детей-сирот и формирование базовых знаний, умений и навыков, необходимых для решения поставленных перед ними задач;

4) практическая работа студентов с детьми-сиротами должна сопровождаться формированием умений рефлексии профессиональной деятельности для достижения главной задачи — формирования профессиональной идентичности, которая «свидетельствует о принятии индивидом профессиональной деятельности (профессии) в качестве средства, формы самореализации, удовлетворения своих потребностей и интересов, а также о принятии себя как профессионала». Организация рефлексии в процессе практической работы имеет принципиальное значение в отношении такой категории детей как сироты, так как работа с ними отличается высокой эмоциональной вовлеченностью, специфическими условиями труда и требует от педагога особых личностных качеств;

5) практические задания от этапа к этапу подготовки последовательно усложняются: на первом курсе студенты разрабатывают и проводят коллективные формы воспитательной работы с детьми-сиротами: коллективные творческие дела, дни творчества и свободного выбора, экскурсии, встречи с другими детьми, посещение театров, музеев и др. На втором — групповые формы, которые направлены на развитие творческих способностей детей. Студенты организуют занятия по интересам (музыка, рисование, театр, игры и т.д). На последующих курсах студенты преимущественно работают с детьми индивидуально, исходя из поставленной перед каждым студентом исследовательской задачи;

6) подготовка, включая учебную, учебно-практическую и исследовательскую виды деятельности, приобретает комплексный характер и направлена на формирование профессиональной компетентности по данному профилю социально-педагогической работы. Комплексный характер подготовки предполагает:

— привлечение к проведению учебных занятий специалистов (психологов, дефектологов, юристов, социальных педагогов и воспитателей интернатных учреждений);

— организацию учебных занятий в базовых учреждениях;

– использование гибких и подвижных форм обучения, предполагающих взаимосвязь лекционных, семинарских и лабораторно-практических занятий и позволяющих достигать высокой информационной насыщенности в учебном процессе (обобщающие лекции, учебные консультации, самостоятельная работа студентов, в ходе которой они знакомятся с объектами практики, изучают личные дела воспитанников, наблюдают за работой педагогов);

– создание условий для активного включения студентов в различные формы обучения (самостоятельная подготовка лекций, выступления перед педагогами учреждений с докладами, разработка и апробация новых форм социально-педагогической работы с воспитанниками детских домов);

– написание творческих работ, рефератов, разработки курсовых и дипломных проектов по проблемам сиротства.

Специфика подготовки студентов к работе с детьми-сиротами базируется на выполнении студентами исследовательских заданий и рефлексии деятельности.

Органическое вплетение исследовательской работы студентов в учебный процесс и практику образовательного учреждения способствует профессиональному становлению конкурентоспособного специалиста.

Формирование у студентов элементарных исследовательских навыков – одна из актуальных проблем педагогического образования. Навыки исследовательской деятельности являются профессиональными навыками педагога.

Исследовательская работа студентов выходит за рамки учебных предметов, расширяя границы знаний. Она начинается на первом курсе и, постепенно усложняясь, приводит студентов к презентации собственного проекта и защите выпускной квалификационной работы.

Результативность исследовательской работы зависит от следующих факторов:

- сформированности навыков самостоятельной работы, умения ставить цель, планировать, достигать решения поставленных задач, анализировать ход работы, производить коррекцию своей деятельности;
- сформированности мыслительных операций (анализа, синтеза, обобщения, сравнения, классификации, абстрагирования);
- развития мотивации, желания углубить свои знания, изучить данную конкретную проблему;
- насыщенности учебного процесса элементами научного исследования;
- глубины общеобразовательных и профессиональных знаний;
- трудолюбия, настойчивости, целеустремленности, активности, сознательности;
- умения отстаивать свою точку зрения;
- частоты выполнения творческих заданий, знакомства с психолого-педагогическими, методическими достижениями современной науки.

Эффективность исследовательской работы зависит от осведомленности студентов о содержании и основных этапах этой деятельности. У студентов должны быть сформированы представления о компонентах изыскания, последовательности работы, источниках информации, методах психолого-педагогического исследования. В этом случае результативность данной деятельности будет высокой и принесет удовлетворение.

Формирование навыков исследовательской деятельности студентов на практике должно начи-

наться с диагностики их личностного развития и профессионального становления. Затем с учетом индивидуальных особенностей студентов планируются этапы формирования навыков исследовательской деятельности и развития профессиональной готовности будущего специалиста.

Начиная с первого курса, на практике следует создавать ситуации, в которых студент может овладеть элементарными навыками сбора эмпирического материала. Необходимо также обучить студента способам анализа и интерпретации полученных данных, формулировке выводов и рекомендаций. Определив объем и содержание умений и навыков, которые необходимо сформировать у студентов, можно распределить во времени данное содержание и обозначить методические подходы к решению проблемы.

Работу по формированию умений и навыков исследовательской деятельности студентов необходимо осуществлять в течение четырех семестров обучения. На пятом и шестом семестрах студенты выполняют проект (дипломную работу) и должны применить все имеющиеся у них навыки для проведения исследования по конкретной теме в рамках ВКР.

В ходе выполнения исследовательских заданий студенты должны научиться:

- подбирать психолого-педагогическую литературу по проблеме исследования;
 - сравнивать различные точки зрения, различные подходы к одной и той же проблеме;
 - обобщать и систематизировать знания, полученные из разных первоисточников (составление таблиц, схем);
 - разрабатывать и реализовывать методики изучения воспитательных средств;
 - разрабатывать методические рекомендации по реализации какой-либо социально-педагогической задачи;
 - создавать диагностический инструментарий для выявления потенциальных возможностей личности ребенка.
- Результаты выполнения исследовательских заданий оформляются в виде проекта и защищаются на конференции по практике.

Основными условиями эффективности исследовательской работы студентов являются следующие:

- соотнесение тематики исследований студентов с задачами творческой лаборатории «Психолого-педагогические условия социального воспитания детей-сирот»;
- постепенное усложнение исследовательских задач;
- самостоятельность студентов при решении исследовательских задач;
- сочетание задач, предусматривающих индивидуальные и групповые формы решения;
- выполнение задач в процессе практической работы с детьми-сиротами и использование результатов в процессе обучения;
- вариативность заданий и обеспечение возможности их выбора с учетом уровня готовности и индивидуальных особенностей студентов;
- коллективное обслуживание, анализ и оценка результатов выполнения исследовательских заданий.

Подводя итоги, важно подчеркнуть, что развитые до определенного уровня профессиональные умения студента – это цель и результат качественной про-

фессиональной подготовки. Одну из главных ролей в процессе подготовки студентов к воспитательной работе с детьми в педагогическом колледже играет исследовательская деятельность — деятельность самостоятельная, творческая, инновационная. Ведь исследовательская деятельность как никакая другая развивает способность достигать поставленные цели в разных быстро меняющихся ситуациях за счет владения методами решения большого класса профессиональных задач, т.е. развивает конкурентоспособность.

Библиографический список

1. Абдуллина О.А., Загряжская Н.Н. Педагогическая практика студентов: Учеб. пособие для пед.институтов. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Просвещение, 1989. -173с.
2. Адреса опыта: Обобщение и анализ опыта работы образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по основным направлениям федеральной целевой программы «Дети-сироты»: Методическое пособие. — М.: ТОО «СИМС», 1998. -58с.
3. Анисимова И.В. Особенности психического развития детей в интернатных учреждениях // Социальные проблемы сиротства. — М., 1992. - 98с.

4. Багаева И.Д. Формирование у будущего учителя основ профессиональной деятельности. - Л., 1998. — 212с.

5. Возрастные стандарты социализации детей сирот / Под общ.рук. Рыбинского Е.М. - М., 1999. -52с.

6. Загвязинский В.И. Методология и методы психолого-педагогического исследования: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / В.И. Загвязинский, Р.Атаханов, - М.: Академия, 2001. — 208с.

7. Куличенко Р.М. Социальная работа и подготовка социальных работников в современной России: Учебное пособие / Р.М. Куличенко, - Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1997. - 289с.

КУЛЬЧЕЙКО Ольга Викторовна, исполняющая обязанности начальника отдела среднего, высшего, дополнительного профессионального образования и науки министерства образования Омской области.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.08.06 г.
© Кульчейко О.В.

УДК 37.013.42:316.35

Е. П. ЩЕРБАКОВ
Л. А. БОГУНОВ

Омский государственный
педагогический университет
Северо-Казахстанский
государственный университет
им. М. Козыбаева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

В статье рассмотрены некоторые аспекты повышения уровня адаптации субъекта к окружающей действительности, кратко изложены результаты собственного эмпирического исследования, актуализирована проблема необходимости развития осознания субъективного отражения объективного мира в курсе психолого-педагогического образовательного процесса.

Возможности привлечения инноваций в образовательный процесс справедливо сопровождают всю историю педагогики. По нашему мнению, высказанные в данной статье психологические и философские концепции могут быть оправданно применены в современном образовательном процессе. И даже внедрение в образование информационных технологий, по крайней мере, на данном этапе развития, не может полноценно компенсировать ту тончайшую организацию, которой является человек. В моменты высших эмоциональных напряжений человек обращается внутрь себя. И будет очень обидно, если там ничего не будет найдено.

Когда человек неудовлетворен существующей ситуацией, а это происходит тогда, когда он не может удовлетворить свои потребности, когда он не может адекватно реагировать на ситуацию, поскольку сформированные у него ранее неадаптивные установки делают его менее адаптируемым, тогда человек начинает задумываться о смысле своей жизни. Это происходит тем более тогда, чем больше он неудовлетворен; и тогда он начинает задавать себе этот вопрос, который, по словам В. Франкла, «присущ самой природе человека» - «в чем смысл жизни?». В. Франкл говорит, что ситуацию, когда человек задается подобным вопросом, нельзя рассматривать как патологию, поскольку «эти сомнения в

значительно большей степени отражают истинно человеческие переживания, они являются признаком самого человеческого в человеке». Однако трудно себе представить тот факт, что человек задается подобным вопросом в ситуации наслаждения, счастья.

Следует обратить внимание на то, что мышление человека строится по принципу дуализма. Воспринимаемая одно в ситуации, мы упускаем другое. Мышление такого рода имеет свои огромные преимущества, оно позволяет нам строить схемы, пути достижения целей, формируя в сознании и «отправляя» данную стратегию мышледействия в подсознание. Таким образом, в знакомых ситуациях сознание может быть полностью разгружено.

Очень часто формирование данных стратегий, представлений о реальности происходит на неосознаваемом уровне, автоматически, в результате чего формируется штамп, который делает человека менее адаптируемым.

По мнению Ж. Пиаже, ключевым результатом эволюции является адаптация. Чтобы вид или индивидуальный организм выжил в окружающей среде, он должен уметь адаптироваться к изменениям в ней. Подобно тому, как плохо адаптирующиеся представители вида могут погибнуть при столкновении с враждебной средой, могут умереть в чьем-то уме плохо адаптирующиеся идеи, когда они сталкиваются с логическими противоречиями. Логическим противоречием может выступить та неосознаваемая противоположность, которая всегда имеет место, но которая может быть воспринята враждебно, ибо не стыкуется с уже сформированным знанием об окружающей действительности.

Процесс видоизменения существующих схем так, чтобы они лучше соответствовали требованиям окружающей среды, — согласно Ж. Пиаже, — суть интеллектуального развития. Приспособление схем к среде есть суть эволюции адаптации. Приспособление же этих схем начинается с их осознания. Наша гипотеза заключается в предположении возможности развития осознания субъективного отражения объективного мира в курсе психолого-педагогического образовательного процесса посредством определенных психолого-педагогических условий; и что развитие осознания приведет к улучшению самочувствия и настроения, увеличению активности, а также снижению уровня тревожности, увеличению позитивного отношения к различным сторонам жизнедеятельности и успешному разрешению конфликтов.

Гуманистическое воспитание основывается на том, что человек может обладать определенной степенью свободы от влияний внешней среды благодаря своим смыслам и ценностям, которые у него уже должны быть сформированы и которыми он будет руководствоваться при восприятии. Так, по мнению Р. Мэя, человек, изучая те силы, которые детерминируют его жизнь, постепенно понимая их, «в той или иной мере обретает некую ориентацию и, таким образом, оказывается вовлеченным в некоторый выбор, неважно, каким незначительным бы не казался этот выбор, испытывает некоторое чувство свободы, пусть даже еле уловимое». По мнению К. Роджерса: «Индивиды обладают огромными внутренними ресурсами для самопознания и изменения своих Я — концепций, основных установок саморегулируемого поведения. Эти ресурсы могут быть привлечены, если удастся создать определенный климат, обеспечиваемый фасилитирующей психологической установкой». Усло-

вием эффективного развития личности является свободная реализация ею своих потенций (Г. Олпорт), в особенности творческих (А. Маслоу), укрепление веры в себя и возможность достижения «идеального Я» (К. Роджерс), возможности быть самим собой (Ф. Перлз). Таким образом, представляется интересной возможность синтеза выше-названных концепций, актуализация их в рамках специализированного курса в контексте формирования умений и навыков эффективного мышледействия.

Как часто человек испытывает самую настоящую неуверенность в случае принятии решений, выборе способа действия, ответной реакции, манеры поведения и т.п. И он видит, что не в силах изменить имеющуюся ситуацию. Таким образом, его мышледействие становится все более подавленным, будучи подавленным уже от самого факта понимания невозможности справиться с данной ситуацией.

Иногда человеку для решения каких-то своих задач необходима строгая концентрация, целенаправленное сосредоточение или не очень строгое. Возможна ситуация, когда проблема привлекает к себе внимание и тогда человек весь обращен на решение проблемы. У субъекта всегда есть выбор — решать ли эту проблему или отказаться от ее решения и, возможно, заняться решением другой проблемы. Что предопределяет его выбор. Если есть потребность — её нужно удовлетворять. Если есть две потребности (а мы знаем, что, как правило, их всегда гораздо больше), то каждую из них необходимо удовлетворять, и первоначально ту, которая сильнее. В организме, в ответ на препятствие или на предполагаемое, травмирующее событие, возникает возбуждение, N-ая доза которого необходима для того, чтобы справиться с ситуацией. Данное возбуждение и есть та тревожность, которую испытывает человек. И она может перейти из ситуативной тревожности в личностную тревожность, если человек не даст выхода данному возбуждению.

Таким образом — акцентируем — для удовлетворения потребности происходит возникновение возбуждения, необходимого для начала действия. Происходит действие — потребность удовлетворяется — возбуждение спадает.

Актуализированная в данный момент потребность представляет индивида, но организм есть единое целое. Следовательно, потребность не может и не должна противостоять целому. В противном же случае наличие состояния внутриличностного конфликта. Не может и не должна противостоять — это именно идеальный вариант, то следствие, которое, должно иметь место при развитии у субъекта осознания им субъективного отражения объективного мира.

По нашему мнению, одной из важных проблем в понимании деятельности личности является знание о том, как личность оценивает причины исхода деятельности, как оценивает себя, когда приходится принимать ответственные решения и как человек понимает происходящие в его жизни события. И. Роттер предложил понятие «локус контроля». Где существуют внешний (экстернальный) и внутренний (интернальный) локус контроля. Человек с экстернальным локусом контроля предпочитает приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним факторам; с интернальным локусом контроля — своим способностям и возможностям. Формирование экстернального локуса

или интернального происходит в процессе социализации индивида. Выявлена зависимость между локусом контроля и другими личностными характеристиками. Показано, что люди с внутренним локусом контроля более уверены в себе, последовательны и настойчивы в достижении поставленных целей, склонны к самоанализу, уравновешенны, общительны, доброжелательны и независимы. В то время как склонность к внешнему локусу контроля проявляется в таких качествах, как неуверенность в своих способностях, неуравновешенность, стремление отложить реализацию своих намерений на неопределенный срок, тревожности, подозрительности, конформности и агрессивности.

Приведенные данные объясняют давно известные положения: чем больше человек верит в то, что многое в этой жизни зависит от его способностей, тем более комфортно он себя ощущает, тем быстрее он достигает поставленные цели, тем скорее он понимает смысл своего существования.

Влияние норм, паттернов, приобретенных в социуме, качественно сказывается на социализации индивида, на его мышлении и на его жизнедеятельности в целом. Получив соответствующие установки в детстве, человек может жить в состоянии постоянной параноидальной тревожности, поскольку именно внешние обстоятельства и другие люди могут полностью определять и контролировать жизнь и поведение этого индивида. Человек «пугается сам себя», поскольку его собственные представления об окружающей действительности являются тормозящим фактором для свободных актов действия, возникающих произвольно и требующих своего завершения. Отсюда — неуверенность и нерешительность. Мелькающие в голове, свободно пролетающие ассоциации — или диссоциации — неосознанных представлений не дают человеку оптимально понимать окружающую его действительность. И если сформирована соответствующая неэффективная система знаний, то свободное мышление будет находиться в постоянно «подавленном» состоянии. Человек не сможет оптимально защищаться в случае возникающей и предполагаемой актуальной угрозы. И следовательно, его адаптируемость снижается. Возникает

предпосылка не только серьезной психологической травмы, но и соматического заболевания.

Согласно проведенных нами исследований, развитие осознания субъективного отражения объективного мира способствует улучшению самочувствия и настроения, увеличению активности, а также снижению уровня тревожности, увеличения позитивного отношения к различным сторонам жизнедеятельности и успешному разрешению конфликтов. Таким образом, представляется возможным развитие осознания в курсе психолого-педагогического образовательного процесса, что, по нашему мнению, будет способствовать разрешению многих психологических проблем.

Библиографический список

1. Гуманистическая и транзакционная психология: Хрестоматия / Сост. К.В. Валеев. — М.: Харвест, М.: АСТ, 2006.
2. Основы психотерапии: Учеб. пособие для студентов вузов, которые обучаются по спец. «Психология», «Соц. педагогика» / А.Ф. Берлачук, И.А. Грабская, А.С. Кочарян. — К.: Ника-Центр, М.: Алетейя, 1999. — 320 с.
3. Практическая психология в тестах, или Как научиться понимать себя и других / Сост. Р. Римская, С. Римский. — М.: АСТ-ПРЕСС, 2000, 376 с.
4. Экзистенциальная психология. Экзистенция / Пер. с англ. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. — М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
5. Перлз, Ф. Эго, голод и агрессия / пер. с англ., - М.: «Смысл», 2000
6. Роджерс К. Клиент-центрированная терапия: Пер. с англ. — М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 1997. — 320 с.

ЩЕРБАКОВ Евгений Павлович, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии детства, академик Петровской академии наук и искусств.

БОГУНОВ Леонид Александрович, преподаватель кафедры психологии, соискатель при ОмГПУ.

Дата поступления статьи в редакцию: 22.07.06 г.
© Щербаков Е.П., Богунов А.А.

Книжная полка

Основы андрагогики: Учеб. пособие: Рекомендовано УМО / И. А. Колесникова, А. Е. Марон, Е. П. Тонконогая и др.; Под ред. И. А. Колесниковой. - 240 с.

В учебном пособии рассматриваются вопросы теории и практики обучения взрослых людей; дается краткий очерк истории развития андрагогики в России и за рубежом; показаны особенности обучения различных групп взрослого населения, для которых образование способно стать фактором социальной защиты; дается обзор основных форм и технологий, которые используются в современной практике обучения взрослых; демонстрируются возможности различных видов неформального образования в обучении и просвещении взрослого населения.

Для студентов высших учебных заведений. Может быть использовано в системе повышения квалификации работников образования.

НАСТОЛЬНЫЕ РОЛЕВЫЕ ИГРЫ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

В соответствии с наименованием в статье рассматриваются история развития настольных ролевых игр и их терминология. Особое внимание уделяется предыстории ролевых игр в целом.

Проблема терминологии ролевых игр, как и самого явления в целом, в нашей стране изучены недостаточно. Незрелость данной области, а также отсутствие единого терминологического словаря, зачастую приводят к тому, что один и тот же термин переводится по-разному, а эквивалентным дается неверное толкование. Целью данной работы является формирование терминологического базиса, с помощью которого можно будет проводить дальнейшие исследования. Указанная цель обусловила постановку и решение автором следующих задач:

1. проанализировать литературу по данному вопросу в плане диахронии и синхронии;
2. выделить базовые термины и терминологические сочетания в этой сфере и составить их сборку;
3. провести структурный анализ полученной выборки терминов и терминологических сочетаний.

Предметом исследования послужила терминология настольных ролевых игр в английском и русском языках.

Объектом исследования стали базовые термины и терминологические сочетания, встречающиеся в периодике, художественных произведениях и в самих ролевых играх за последние 10 лет.

Ролевые игры, зародившиеся в середине 70-х, на данном этапе своего развития заняли прочное место в современной индустрии развлечений. Как и всякое другое явление, ролевые игры не возникли из небытия, а последовательно эволюционировали из такого, не менее популярного явления, как "war games". Обычно под этим термином понимаются игры, основная задача которых состоит в моделировании каких-либо военных действий. Несмотря на то, что история "war games" насчитывает не одну сотню лет, в русском языке до сих пор нет термина, который мог бы со всей полнотой отразить суть этого явления. Дословно "war games" можно перевести как *военные игры*, однако такой перевод практически не используется в среде самих игроков, которые куда чаще прибегают к транслитерации термина - «варгейм». Самой популярной игрой, известной широкому кругу людей по всему миру, являются, конечно же, шахматы. Считается, что первой военной игрой, в том виде, в котором она существует сейчас, была Kriegspiel (с прусского это переводится как «военная игра»), широко распространенная в годы Франко-Прусской войны (1870-1871). Эта игра широко использовалась при обучении прусских офицеров стратегии и тактике за счет реконструкции былых сражений. Позже в Англии даже был основан первый неофициальный клуб любителей военных игр.

Свое новое рождение военные игры переживали после выхода в начале XX века книг Герберта Уэллса «Напольные игры» (Floor games, 1911) [1] и «Маленькие войны» (Little games, 1913) [2]. Так появились первые полноценные книги правил по проведению военных игр, которые среди игроков в военные игры имеют репутацию Библии. В предисловии к «Маленьким войнам» Г. Уэллс предопределил будущее не только своего творения, но и всей индустрии военных (а в последствии и ролевых) игр: "It can be played by boys of every age from twelve to one hundred and fifty — and even later if the limbs remain sufficiently supple — by girls of the better sort, and by a few rare and gifted women". [2]

Однако действительно популярными военные игры становятся лишь в 1953, после того как Чарльз Робертс (Charles Roberts) выпускает первую коммерческую настольную (board) военную игру. Термин «настольный» получил широкое распространение и в ролевых играх. Именно появление настольных военных игр и позволило им выйти на принципиально новый уровень своего развития.

Промежуток времени с начала 60-х до середины 70-х годов прошлого века считается пиком популярности военных игр. По всему миру возникают сообщества игроков в военные игры - *варгеймеров*. Правила для игр постоянно совершенствуются и дополняются, при этом люди стараются сделать эти военные игры еще более интересными. Их позже назовут своеобразным топливом для «ролевого пламени» (role-playing fire), но топливом при этом нужна была искра. И этой искрой суждено было стать книге Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец». [3]

Эта трилогия, опубликованная в США в 1966 году, навсегда изменила литературный мир, а вместе с ним и мир военных игр. Люди больше не интересовались битвой при Гетисберге. Куда больше их манила битва у Хельмовой Пади. Орки и гоблины заменяли наполеоновскую пехоту и кавалерию. Множество людей желало узнать, какой урон наносит своим противникам Балрог и какой диапазон у заклинания Стрела Мага.

Все эти желания частично воплотились в 1971 году, когда в маленьком городке Лейк Женева (Lake Geneva) Гари Гайджекс (Gary Gygax) и Джефф Пиррен (Jeff Perren) со своими друзьями создали *Чейнмейл* (Chainmail) - первую систему правил, охватывающую все аспекты военного дела Средневековья. Эта военная игра стала первой, включающей в себя набор правил для гигантов, драконов и магических заклинаний, но она все еще оставалась лишь военной игрой, не более того.

Один из создателей *Чейнмейла* (Chainmail) - Гари Гайджекс (Gary Gygax) состоял в обществе любителей средневекового военного дела "The castles and Crusaders Society". По воле случая в том же самом обществе состоял и Дэвид Арнисон (David Arneson), который еще до выхода в свет *Чейнмейла* (Chainmail) занимался ролевыми разработками. В основном его интересовали проблемы индивидуализации игрока в военных играх.

В начале 70-х годов XX века креативные идеи Арнисона встретились с фантазиями Гайджекса, и после двух лет напряженной работы в 1974 году вышла в свет первая система правил для проведения ролевых игр — "Dungeon&Dragons". Это событие ознаменовало собой начало эпохи ролевых игр.

Примечательно, что термин «ролевая игра» вошел в употребление намного позже, и первая редакция правил D&D была озаглавлена как «Фантастическая средневековая военная игра, в которую можно играть с помощью бумаги, карандаша и миниатюрных фигурок».

Начиная с этого момента и по сегодняшний день ролевые игры привлекают все большее количество людей. С ростом популярности ролевых игр начинает формироваться и особый терминологический пласт.

Термин ролевые игры берет свое начало от английского "role-playing games", что дословно можно перевести как «игры, в которые играют по ролям». Из-за громоздкости этот термин часто сокращают до "RPG". Человек, не знакомый с явлением ролевых игр, часто сравнивает их с театром, где актеры исполняют какие-либо роли. Однако это сравнение не отражает всей глубины проблемы. Ролевые игры - это уникальная форма интерактивного командного повествования. В то время как в телевидении, кино и книгах нам уделится пассивная роль наблюдателя, ролевые игры предоставляют нам возможность активного участия: попадать в неприятности и выбираться из них, выполнять различные задания (в английском варианте "quest"), одним словом, делать все, что нам заблагорассудится.

Выделяют три основных типа ролевых игр:

- настольные ролевые игры ("tabletop role-playing games");
- полевые ролевые игры ("live-action role-playing games");
- компьютерные ролевые игры ("computer role-playing games").

Эти термины весьма громоздки для повседневного использования, поэтому по мере становления ролевой терминологии, их начали сокращать:

- Tabletop Role-Playing Games – TRPG;
- Live-Action Role-Playing Games - LARPG;
- Computer Role-Playing Games - CRPG.

Компьютерные ролевые игры - это самая молодая ветвь ролевого движения, зародившаяся в конце прошлого столетия. Главными недостатками таких ролевых игр, по мнению большинства игроков, является слабо выраженная командная составляющая и необходимость игроков действовать в жестких рамках, предусмотренных создателями игры. В центре компьютерных ролевых игр лежит концепция развития (от английского термина "improvement", на специальном жаргоне «раскачке») своего персонажа.

Полевые ролевые игры набрали свою популярность после выхода в свет книг Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец». [4] Игры этого типа проводятся, как правило, на открытой местности с исполь-

зованием специальной экипировки - оружия, доспехов и т.д. Здесь каждый игрок исполняет определенную, при этом совсем не обязательно героическую роль. Уровень мастерства игрока оценивается по тому, как хорошо он «отыгрывает» свою роль, т.е. насколько хорош его «отыгрыш» (его "role-playing"). Очевидно, что в компьютерных ролевых играх такое явление практически отсутствует.

Настольные ролевые игры, о которых и пойдет разговор в дальнейшем, это еще один тип ролевых игр, не требующий особой экипировки, как полевые игры, но предоставляющий при этом, пожалуй, даже большие возможности для отыгрыша. Единственное, что действительно требуется от игроков, так это наличие фантазии и некоторых зачатков артистизма. В дальнейшем под термином «ролевые игры» будет подразумеваться именно эта разновидность ролевых игр.

Все игроки в ролевые игры (role-playing gamers) делятся на два типа: непосредственно игроков и Мастера (в некоторых ролевых играх может быть несколько Мастеров одновременно).

Роль повествователя, судьбы и высшей силы, призванной удерживать повествование в некоторых рамках, выполняет Мастер. В английском варианте используется несколько различных терминов, в зависимости от системы правил: Game Master или GM, Dungeon Master или DM, Referee и Storyteller. Из-за неразвитости данной области терминологии в России очень часто используются английские термины. Так же как и в театре, где постановка спектакля идет по определенному сценарию, так и Мастер при проведении игры пользуется неким заранее созданным сценарием. Из-за своей специфики сценарий в ролевых играх принято называть приключением, от английского "adventure".

Между игроками и Мастером часто возникают разногласия, и, чтобы свести их количество к минимуму, разработаны сотни различных систем правил. Еще в эпоху военных игр появился специальный термин, обозначающий абсолютно любой набор правил - *rule book*, который прижился и в нашей стране в виде транслитерированного слова *рулбук* (первым рулбуком, как вы уже знаете, стали книги Г. Уэллса «Напольные игры» и «Маленькие войны»).

Правила принято делить по жанровой принадлежности. В терминологии выделилось семь отдельных терминов, которыми обозначают каждый из типов:

- *comedy role-playing games* (комедийные или юмористические ролевые игры); главной задачей в этих ролевых играх является получить как можно больше удовольствия от игры; ситуации, в которые попадают игроки абсурдны, а выходы из них и того больше;
- *espionage role-playing games* (шпионские ролевые игры). Как можно догадаться из названия приключения разворачиваются в лучших традициях Джеймса Бонда;
- *fantasy role-playing games* (фэнтези ролевые игры); приключения в стиле фэнтези - меч и магия;
- *history role-playing games* (исторические ролевые игры); действие разворачивается в определенную реально существующую эпоху; этот тип в большей степени характерен для полевых ролевых игр;
- *horror role-playing games* (ролевые игры с элементами ужасов); место и время действий в таких играх различно, неизменным атрибутом данного типа

приключений является страх, нагоняемый Мастером на игроков.

– *science fiction role-playing games* (научно-фантастические ролевые игры); действие игры разворачивается, как правило, в будущем, когда наука и техника уже сделали большой скачок вперед; иногда действие происходит в постапокалиптических мирах, т.е. мирах переживших техногенную или иную катастрофу.

– *superhero role-playing games* (супергеройские ролевые игры); сюжет для таких ролевых игр обычно черпается из комиксов; игровой персонаж представляет собой такого супергероя, значительно превосходящего по своим характеристикам простых людей.

Одним из главных аспектов любой ролевой игры является общение. В ходе развития в терминологии настольных ролевых игр выделилось три понятия, характеризующие собой три основные его составляющие:

– "In Character" (IC) - игрок говорит от лица своего персонажа. С помощью этой составляющей происходит общение приключенцев друг с другом и с неигровыми персонажами, а также отыгрыш своей роли;

– "Out of Character" (ООС) - игрок говорит от своего лица. Эта составляющая используется для того, чтобы общаться с Мастером, а также комментировать происходящее в игре;

– "Blue-booking" - этот термин впервые был предложен Аароном Алстоном (Aarop A118top), для ситуаций, когда Мастер общается с игроками с помощью записок. Это имеет место при разделении партии, а также в случаях, когда Мастер хочет сообщить игроку какую-то конфиденциальную информацию.

Очень часто, чтобы избежать «беспорядков» на игре, Мастер вводит правило: «Все, что говорите вы, говорит ваш персонаж». Это, а также другие правила, вводимые Мастером дополнительно, принято обозначать термином *домашние правила (home rules)*. Очень многие Мастера имеют целые наборы своих «домашних правил». Их использование позволяет упрощать/усложнять игровой процесс, согласно мастерским представлениям об игровой механике.

В данной работе рассмотрены лишь основные термины настольных ролевых игр, используемые независимо от системы правил и практически во всех игровых сообществах. Следует отметить, что терминология ролевых игр находится в постоянном развитии. Некоторые старые термины уходят, а на их место приходят новые, игроки в разных странах вводят в употребление все новые и новые обозначения.

Логичным продолжением данной работы будет являться составление специального англо-русского словаря по настольным ролевым играм, который может быть использован в различных сферах человеческой деятельности.

В ходе работы был сделан структурный анализ, для проведения которого была использована вы-

борка, включающая в себя общеупотребительные термины и терминны, используемые в семействе правил D&D (Dungeons&Dragons) в количестве 1266 единиц.

– Простые (139 единиц = 11%, например: die, round);

– Производные (114 единиц = 9%, например: alignment, regeneration);

– Сложные (127 единиц = 10%, например: tabletop, nonhuman);

– Терминологические сочетания (544 единиц = 43%, например: ability check, hit dice);

– Аббревиатуры (279 единиц = 22%, например: AC, xp);

– Особые (63 единиц = 5%, например: d4, d6) [5]

Исследуя данный материал с помощью синхронно-диахронного подхода и статистического анализа и опираясь на теоретические основы отечественных и зарубежных специалистов в этой области, автор приходит к следующим выводам:

– необходимость исследования такого явления, как настольно-ролевые игры объясняется их распространенностью во всем мире, что отражает определенный уровень развития общества;

– терминология настольных ролевых игр находится в постоянном развитии, причем явно преобладает терминообеспечение на английском языке в силу того, что они зародились и получили широкое распространение в англоязычных странах;

– изучение данной терминологии представляет целесообразным и перспективным, учитывая тенденцию их широкого употребления в различных областях знания, поскольку они отражают суть профессиональных коммуникаций.

Библиографический список

1. H.G. Wells. Floor games: A Fathers Account of Play and its Legacy of Healing (Sandplay Classics series, The). – US/Worldwide Story, 1911.

2. Уэллс Г. Маленькие войны: игра для мальчиков от 12 до 150 лет, а также для тех более умных девочек, которым интересны мальчишеские книги и игры. - Страна игр – 2004 - № 170. – С.170.

3. John R.R. Tolkien. The Lord of the Rings. – London: Harper Collins Publishers LTD. c/o Toymania LLC, 1994. – 904 p.

4. Толкин Дж. Полная история Средиземья: Сб.: Пер. с англ./ Дж. Толкин. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2002. – 1341 с.

5. Герасимов В.А. Настольные ролевые игры. - <http://www.hp-cristmas.ru/other/rpg.zip>.

АКУЛИНИНА Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

ГЕРАСИМОВ Владимир Александрович, студент.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.07.06 г.

© Акулинина Т.В., Герасимов В.А.

Книжная полка

Свадковский И.Ф. Введение в педагогику: Курс лекций: Учеб. пособие: Рекомендовано УМО / Под ред. В.А. Слостенина. - 160 с.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ ИНФОРМАТИКИ

В статье рассматриваются особенности организации уроков информатики в условиях сопровождения способных учащихся при выполнении ими учебно-исследовательских работ и подготовке их к участию в конференциях различного уровня.

В ряде нормативных документов последнего времени отмечается, что одной из наиболее важных задач в развитии отечественного образования является задача формирования так называемой профессиональной элиты, выявление и поддержки наиболее одарённых, талантливых детей [1], [2], [3], [4] и т. д.

Согласно Закону РФ «Об образовании» содержание образования должно быть ориентировано на обеспечение самоопределения личности, создание условий для ее самореализации ...» [8, с. 14].

Всё это предопределяет повышение внимания к проблеме индивидуализации практически в каждом общеобразовательном учебном заведении.

В «Российской педагогической энциклопедии» индивидуализация определяется как «организация учебного процесса с учетом индивидуальных особенностей учащихся, позволяющая создать оптимальные условия для реализации потенциальных возможностей каждого ученика» [7, с. 359].

С другой стороны, стремительное развитие информационных технологий и увлечение школьников компьютерами позволяет педагогам создать условия для организации учебно-исследовательской деятельности на уроках информатики, что способствует решению выше обозначенных задач образования.

Информатика, утверждает А.А. Кузнецов, как учебный предмет открывает школьникам для систематического изучения одну из важнейших областей действительности — область информационных процессов в живой природе, обществе, технике.

Далее А.А. Кузнецов указывает, что информатика вносит в учебный процесс новые виды учебной деятельности, умения и навыки, формируемые при ее изучении, которые несут в современных условиях общенаучный, общеинтеллектуальный характер. К ним, в частности, относятся: поиск, сбор, анализ, организация, представление, передача информации в информационном обществе и всей окружающей реальности; проектирование на основе информационного моделирования объектов и процессов; умение решать принципиально новые задачи, порожденные привнесенным информатикой новым информационным подходом к анализу окружающей действительности. В образовании эти умения и навыки формируются и используются в среде

современных средств информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) [5].

Учебно-исследовательская работа школьников — это всегда научное мини-исследование. Каждая детская исследовательская работа — это попытка выйти за пределы образовательного стандарта, оценить новые возможности учащихся в изучении предметов.

Несмотря на то что в настоящее время существует много различных кружков, научных объединений учащихся (НОУ), не все талантливые школьники общеобразовательных учреждений реализуют в них свои возможности. Возникает потребность в привлечении таких детей к учебно-исследовательской работе в стенах школы, в оказании им помощи при выполнении исследовательской работы. При этом важно использовать не только внеурочное время, но и непосредственно уроки информатики.

Приступая к исследовательской работе, школьник должен быть готов к самостоятельному выполнению поставленной задачи.

Существуют различные подходы к определению «готовности». Например, в «Большом толковом словаре», автор А.Ребер, даются следующие определения:

- готовность — это положение подготовленности, в котором организм настроен на действие или реакцию;
- готовность — это такое состояние человека, при котором он готов извлечь пользу из некоторого опыта [6].

С.Е.Царёва в своей статье [9] отмечает, что готовность человека к любой деятельности, а значит можно сказать, что и готовность ученика к исследовательской деятельности, можно выразить формулой: «готовность = желание + знание + умение», или «готов = хочу + знаю + умею». Эта формула отражает три аспекта готовности: мотивационный, информационный и деятельностный.

Экспериментальное исследование по организации уроков информатики с целью подготовки одарённых детей к выполнению учебно-исследовательских работ и представлению этих работ на конференциях целесообразно осуществлять в несколько этапов: констатирующий, поисковый, формирующий.

Первый этап — констатирующий — как правило, посвящен решению следующих задач:

Примерные задания к лабораторным работам по информатике

№ п/п	Тема	Задания для всего класса	Задания для школьников, выполняющих учебно-исследовательские проекты
1	Текстовый редактор Microsoft Word	Напечатать и отформатировать текст по образцу (выдается образец текста)	Напечатать и отформатировать введение для отчёта по своей учебно-исследовательской работе.
2	Использование Интернет в учебном процессе.	Найти в Интернет и скопировать в Word информацию о любимом спортсмене.	Найти информацию по теме своей учебно-исследовательской работы и скопировать в текстовый редактор.
3	Использование Microsoft PowerPoint для создания презентаций.	Создать презентацию, рекламирующую Ваши увлечения (спортом, танцами, музыкой и т. д.)	С помощью Microsoft PowerPoint составить отчёт о проделанной работе в исследуемой области.
4	Преобразование чисел из одной системы счисления в другую.	1) Перевести целое число $1101100110_2 \rightarrow X_n$ 2) Вычислить сумму чисел 345_n и 37_n результат представить в восьмеричной системе счисления. 3) Определить наибольшее из двух чисел $B = 34_n$ и $C = 110101_2$	1) Вычислить количество целых чисел, кратных 101_2 , на отрезке $[-20_n; 45_n]$. 2) Вычислить в 16-ричной системе счисления результат арифметического выражения $25_7 \cdot 12_n + 27_7 \cdot 4_n$ 3) Даны два числа, записанные в разных системах счисления: $101x$ и $505y$. Найти основание каждой системы счисления, если известно, что числа равны.
5	Работа с одномерными массивами	Составить программу и отладить её на ЭВМ. В одномерном массиве вычислить среднее арифметическое четных положительных элементов.	В одномерном массиве вычислить наибольшее количество подряд идущих одинаковых элементов.

Таблица 2

Участие школьников с учебно-исследовательскими работами в конференциях

Класс	Общее количество учащихся	Занимающихся исследованиями	Выступившие на школьных конференциях	Выступившие на районных конференциях	Выступившие на областных конференциях	Не участвующие в конференциях
8	25 (2 п.)	5	5	2	1	—
9	26 (2 п.)	4	4	2	2	

- выявление талантливых, увлечённых исследовательской работой школьников;
- планирование и разработка лабораторных и практических работ по информатике, учитывающих разноуровневую подготовку школьников к исследовательской деятельности;
- осуществление предварительной диагностики, планирование и организация предстоящей деятельности.

При проведении диагностики исследовательских умений и навыков учащихся, в рамках эксперимента школьникам были предложены тесты, кроме того, нами применялась методика «Незаконченные предложения, или Ваше отношение к исследовательской деятельности», состоящая из 20 незаконченных предложений, которые были направлены на выявление отношения школьников к тому или иному блоку исследовательских умений и навыков.

Обработка ответов учащихся позволила получить следующие результаты: 17% школьников считают, что могут заниматься исследовательской деятельностью, самостоятельно подобрать материалы для своей исследовательской работы, а также успешно защитить исследовательскую работу.

Это убедительно свидетельствует, что из каждой группы учащихся (12-14 человек) имеют необходимый уровень готовности заниматься исследовательской деятельностью 1-2 школьника.

Второй этап педагогического эксперимента — поисковый — был направлен на организацию учебной деятельности школьников на уроках инфор-

матики, занимающихся проектами, таким образом, чтобы оказать максимальную помощь в выполнении исследовательской работы. Конечно, не следует забывать о том, что эти учащиеся должны освоить базовый курс по информатике. В связи с этим нами были разработаны лабораторные работы по данному предмету, которые не только предусматривали освоение содержания школьной программы, но и были направлены на развитие деятельностного компонента готовности учебно-исследовательской деятельности школьника.

Приведём примеры задания для некоторых лабораторных работ по информатике, ориентированных на учащихся, увлечённых исследовательской работой. Следует отметить, что при выборе заданий для лабораторных работ по темам школьного курса информатики необходимо обеспечить работу этих учащихся по учебно-исследовательским проектам. На тех уроках, где это реализовать не представляется возможным необходимо предусмотреть выполнение школьниками заданий повышенного уровня сложности, способствующих дальнейшему развитию таких компонентов готовности к учебно-исследовательской деятельности, как личностный и мотивационный (табл. 1).

Третий этап педагогического эксперимента — контрольный — предполагал осуществление итоговой диагностики, анализ полученных данных, теоретическое обобщение результатов эксперимента.

В результате проведенного эксперимента по организации уроков информатики, с целью выявления и дальнейшего сопровождения учащихся готовых заниматься учебно-исследовательской работой, были получены результаты отображенные в таблице 2.

Данные эксперимента показали, что организация уроков информатики, направленная не только на усвоение базового материала, но и на развитие мотивационного, деятельностного и личного компонентов готовности школьников к выполнению учебно-исследовательской работы, способствует их приобщению к данному виду деятельности, качественной подготовке и выступлению со своими исследованиями на конференциях различного уровня.

Библиографический список

1. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Реализация основных профессиональных образовательных программ среднего профессионального образования: Сб. нормативных правовых документов / Сост. П.Ф. Анисимов, Т.Б. Барьер, С.В. Васильева; Под ред. П.Ф. Анисимова. М.: Институт проблем развития среднего профессионального образования Минобрнауки России, 2002. С. 14-43.

2. Концепция структуры и содержания общего среднего образования в 12-летней школе // На пути к 12-летней школе: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.И. Дика, А.В. Хуторского. М.: ИОСО РАО, 2000. С. 9-20.

3. Концепция федеральной целевой программы развития образования на 2006 – 2010 годы / Под ред. Н. Кулаковой. М.: Сфера, 2006. – 30 с.

4. Концепция обучения информатики в 12-летней школе // Информатика и образование. 2000. № 2. С. 17-22.

5. Кузнецов А.А. Элективные курсы образовательной области «Информатика» // А.А. Кузнецов // Профильная школа. – 2005. – № 3. – С. 19 – 22.

6. Ребер А. Большой толковый психологический словарь. Том I (А-О): Пер. с англ. / А. Ребер. – М.: Вече, АСТ, 2000.

7. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. В.В. Давыдов. – М., 1993. – Т. 1. – 608 с.; Т. 2. – 672 с.

8. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации «Об образовании» // Вестник образования, 1996. – № 7 – С. 3-57

9. Царёва С.Е. Подготовка учителя к гуманитаризации школьного образования // С.Е. Царёва // Вопросы совершенствования профессиональной подготовки учителя на современном этапе развития высшей школы: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 1997.

АНТИПЕНКО Наталья Фёдоровна, старший преподаватель кафедры «Информационные технологии».
СЕМЁНОВА Зинаида Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой «Информатика и вычислительная техника».

Дата поступления статьи в редакцию: 17.08.06 г.
© Антипенко Н.Ф., Семёнова З.В.

УДК 378.14
Ш 653

М. С. ШИХАЛЕВА

Омский государственный педагогический университет

ТЕХНОЛОГИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ УСПЕШНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА

Статья посвящена проблемам становления успешной профессиональной деятельности будущего педагога; раскрыты основные понятия, связанные с успешностью в профессиональной деятельности; предложена технология сопровождения студентов педагогического вуза в процессе становления успешной профессиональной деятельности, уточнены факторы, способствующие успешному становлению личности в будущей профессиональной деятельности.

Современное общество предъявляет высокие требования к уровню подготовки специалистов в области образования. Как указывается в Программе развития педагогического образования России на 2001-2010 гг. «педагогическое образование является приоритетной и системообразующей областью в сфере образования, которая обеспечивает формирование профессионально-компетентной личности педагога, способного самостоятельно и творчески решать профессиональные задачи, осознавать личностную и общественную значимость

педагогической деятельности, нести ответственность за ее результаты». Вместе с тем для большинства выпускников высшей школы переход к полноценной рабочей жизни в современных условиях характеризуется недостаточной готовностью к решению основных задач в реальных ситуациях профессиональной деятельности. Концепция модернизации образования предполагает, что изменение ситуации осуществится путем перехода на компетентностный подход в обучении. Этот подход акцентирует внимание на результатах образования, причем под

результатами понимается способность человека действовать в различных проблемных ситуациях. Компетентность специалиста определяется не через определенную сумму знаний и умений, а характеризует умение человека мобилизовать в конкретной ситуации полученные знания и опыт.

Исходя из этого, перед системой профессионального образования стоит задача максимального раскрытия качеств каждого студента как личности, субъекта деятельности, индивидуальности.

Вопросы личностного становления студента и формирования его готовности к будущей профессиональной деятельности выступают ключевыми в теории и практике преобразования современного педагогического вуза. Это обусловлено тем, что именно в ходе этапа первичного «освоения» профессии — на стадии профессиональной подготовки, осуществляется процесс самоопределения будущего педагога в жизни, осваиваются индивидуализированные способы и приемы деятельности, поведения и общения. С точки зрения В.А. Бодрова [5], профессиональное становление личности преследует цель «обеспечения достаточно надежного поведения индивида в конкретных и типичных жизненных и профессиональных условиях, что определяет формирование устойчивых черт личности, характерных, в частности, для будущего вида деятельности». Следовательно, деятельность задает требования к личности, выступает как стимул ее развития и условием формирования ее черт и качеств, наиболее адекватных конкретным формам поведения и деятельности. Профессиональное становление — это одна из форм развития личности. А.К. Маркова, говоря о профессиональном становлении, называет этот процесс профессионализацией, подчеркивая при этом, что «в целом профессионализация — это одна из сторон социализации». Следует уточнить, что большинство современных исследователей профессиональное становление понимают не только как развитие профессионала, но и как становление подрастающего человека — будущего профессионала.

В.А. Бодров, С.Г. Вершловский, Э.Ф. Зеер, Т.В. Кудрявцев, Е.А. Климов, А.К., Левитан, А.К. Маркова [4,5] подчеркивают, что профессиональное становление человека — это длительный и динамичный процесс, имеющий определенные стадии (этапы). Несмотря на расхождение в названиях, количестве, возрастных границах, все исследователи выделяют: 1) стадию подготовки к выбору профессии — формирование профессиональных намерений; 2) стадию профессиональной подготовки; 3) стадию профессионализации — вхождение (адаптация) и освоение профессии; 4) стадию мастерства.

Таким образом, эффективность процесса профессионализации в целом зависит от прохождения всех его стадий и этапов, но особая роль отводится стадии профессиональной подготовки, где укрепляется профессиональное становление студента, формируются профессионально важные качества, необходимые для успешного выполнения будущей трудовой деятельности.

В связи с этим уместно обратиться к определению категории «успех» и «успешность деятельности».

Успех — понятие неоднозначное, сложное, имеет разную трактовку. С.И. Ожегов под «успехом» понимает удачу в достижении чего-либо. С.А. Кузнецов [1] определяет успех как 1. положительный результат, удачное завершение чего-либо; 2. хорошие результаты в учебных занятиях, достижение в

освоении, изучении чего-либо; 3. общественное признание, одобрение чего-либо, чьих-либо достижений. Б.А. Душков и другие [2] успешность деятельности трактуют как характеристику деятельности, включающей в себя производительность труда, качество продукции, скорость, безошибочность трудовых действий. С позиции психологической науки, успех — это переживание состояния радости, удовлетворение от того, что результат, к которому личность стремилась в своей деятельности, либо совпал с ее ожиданиями, надеждами (с уровнем притязаний), либо превзошел их. С социально-психологической точки зрения, успех понимается как оптимальное соотношение между ожиданиями окружающих, личности и результатами ее деятельности. В тех случаях, когда ожидания личности совпадают или превосходят ожидания окружающих, наиболее значимых для личности, можно говорить об успехе.

Успешность становления будущей профессиональной деятельности на стадии подготовки, в первую очередь, характеризуется повышением компетентности и развитием профессионально важных качеств личности студента. Образование, профессиональные знания и умения, общие и специальные способности, социально значимые и профессионально важные качества составляют профессиональный потенциал развития специалиста. В.Д. Шадриков [5] определяет профессионально важные качества как «индивидуальные качества субъекта деятельности, влияющие на эффективность деятельности и успешность ее освоения».

Каждая профессиональная деятельность требует от специалиста определенного набора личностных качеств и способностей. При этом, ядром успеха в будущей профессиональной деятельности выступают качества личности, на основании которых современный работодатель выдвигает требования к выпускникам вузов, ориентируясь не только на знания и умения в соответствии с квалификацией специалиста. Происходит так называемый профессиональный отбор по качествам. Основными являются [5,7]: креативность — способность к творчеству, способность находить нестандартные методы; нацеленность на достижение результата, ориентация на успех; стрессоустойчивость; умение работать в команде; навыки общения с людьми; лидерство.

Индивидуально-психологические качества личности будущего педагога, которые являются условием успешного выполнения определенного профессиональной деятельности В.А. Козырев, Н.Ф. Радинова [4], определяют как способности. «Способность», в данном случае понимается не как «предрасположенность», а как «умение». «Способен», т. е. «умеет делать». Способность решать профессиональные задачи, возникающие в реальных ситуациях деятельности, определяется как профессиональная компетентность. Основные сущностные признаки компетентности определяют требования к «успешному взрослому»: 1. Компетентность имеет *деятельностный* характер *обобщенных умений* в сочетании с предметными умениями и знаниями в конкретных областях. 2. Компетентность проявляется в умении осуществлять выбор, исходя из адекватной оценки себя в конкретной ситуации.

Таким образом, успешность профессиональной деятельности зависит не только от объема знаний будущего педагога, но и способности их применить в решении профессиональных задач, которая опре-

деляется рядом индивидуально-психологических качеств студента.

В контексте нашего исследования рассматривается ситуация успеха, которая представляет собой такое целенаправленное, организованное сочетание условий, при которых создается возможность достичь значительных результатов в деятельности как отдельно взятой личности студента, так и учебного коллектива в целом. Исходя из этого, мы определяем комплекс организационно-педагогических условий, способствующих становлению успешной профессиональной деятельности будущего педагога: создание технологии педагогического сопровождения студентов в развитии субъектной позиции, свободном выборе профессионального развития, стимулировании мобильности будущих педагогов, рефлексии для осмысления собственных достижений; создание системы учета личностных достижений студентов в образовательном процессе вуза и вне учебной деятельности.

Мы предполагаем, что процесс становления успешного профессионала на этапе подготовки в вузе нуждается в педагогическом сопровождении, которое рассматривается как особый вид взаимодействия субъектов образовательного процесса в вузе. Основой сопровождения является усиление позитивных факторов развития и нейтрализация негативных, что позволяет соотносить сопровождение с внешними преобразованиями, благоприятными для поддержки, подкрепления внутреннего потенциала субъекта развития — будущего педагога. Именно поэтому любая программа сопровождения представляет собой, прежде всего, технологию разрешения проблемы.

Реализация технологии сопровождения происходит через совместную деятельность ряда специалистов или координацию нескольких служб вуза, выполняющих свою часть работы. В нашем исследовании технология педагогического сопровождения становления успешной профессиональной деятельности будущего педагога может осуществляться на уровне кафедры педагогики с привлечением деятельности ряда общеуниверситетских служб: отдел маркетинга, отдел по делам молодежи. Технология в данном случае рассматривается как поэтапная программа деятельности определенного субъекта или субъектов, представленная четкой, однозначно понимаемой последовательностью операций, действий с учетом реальных условий образовательного процесса, позволяющая достигнуть поставленных целей и желаемых результатов оптимальными путями.

Технология педагогического сопровождения становления успешной профессиональной деятельности будущего педагога в образовательном процессе вуза

I. Диагностический этап

Функция: информационно-аналитическая

Цель: оценка реального состояния процесса становления успешной профессиональной деятельности будущего педагога в вузе (выявление проблем профессионализации студентов).

Содержание деятельности: Качественный и рефлексивный анализ деятельности по обеспечению, созданию организационно-педагогических условий становления успешной профессиональной деятельности будущего педагога; его возможностей для качественного изменения исследуемого феномена в образовательном процессе вуза.

Результат: 1. Выявлено состояние процесса становления успешной профессиональной деятельности будущего педагога в образовательном процессе вуза. 2. Определены общеуниверситетские подразделения (субъекты) как дополнительный кадровый ресурс реализации сопровождения для качественного изменения исследуемого феномена в образовательном процессе вуза: отдел маркетинга, отдел по делам молодежи.

II. Этап целеполагания

Функция: мотивационно-целевая, планово-прогностическая

Цель: формулировка цели деятельности кафедры педагогики и определение прогноза совокупности организационно-педагогических условий становления успешной профессиональной деятельности будущего педагога

Содержание деятельности: определение цели деятельности кафедры; прогноз результатов внедрения в образовательный процесс вуза совокупности организационно-педагогических, необходимых для становления успешной профессиональной деятельности студентов.

Результат: 1. Сформулирована цель деятельности кафедры: обеспечить в образовательном процессе вуза организационно-педагогические условия становления успешной профессиональной деятельности будущего педагога. 2. Определены прогностические результаты внедрения организационно-педагогических условий: 1) Сформированы качества личности студента, способствующие становлению успешной проф. деятельности: профессиональная направленность, креативность, нацеленность на результат, стрессоустойчивость, коммуникабельность, лидерские качества. 2) Повысился количественный и качественный результат трудоустройства выпускников.

III. Этап постановки проблемы

Функция: планово-прогностическая.

Цель: проектировка альтернативных вариантов деятельности кафедры по обеспечению в образовательном процессе вуза совокупности организационно-педагогических условий становления успешной профессиональной деятельности будущих педагогов.

Содержание деятельности: определение основных проблем на основе диагностики и разработка содержания по их решению; проектирование альтернативных вариантов дальнейшей деятельности кафедры по организации условий становления успешной профессиональной деятельности будущих педагогов.

Результат: 1. Определены проблемы: 1) Недостаточность форм и средств взаимодействия кафедры педагогики со студентами по созданию организационно-педагогических условий становления успешной профессиональной деятельности. Решение: разработка методических рекомендаций по организации данных условий; повышение квалификации сотрудников кафедры. 2) Незаработанность системы координации общеуниверситетских служб (кафедра педагогики, отдел маркетинга, отдел по делам молодежи). Решение: разработка Положения об организации в педвузе условий становления успешной профессиональной деятельности будущего педагога. 2. Спроектированы альтернативные варианты деятельности кафедры педагогики: координация работы привлеченных служб (отдел маркетинга, отдел по делам молодежи); обогащение содержания курсов педагогических

Критерии и показатели становления успешной профессиональной деятельности будущих педагогов

Группы критериев	Критерии	Показатели	Измерители
Внутренний критерий	Удовлетворенность собственным выбором профессионального становления	Высокая мотивация к выполнению профессиональной деятельности (профессионально-образовательная направленность)	Методика выявления профессиональной мотивации педагога (В.П. Симонов) Методика «Карьера»
Внутренний критерий	Рефлексия	Постановка личных учебно-профессиональных целей. Анализ собственной деятельности.	Методика «Мечта- это цель» Рефлексивный круг деятельности (Д. Колб)
Внутренний критерий	Креативность	Творческие способности	Тест «Ваш творческий потенциал» (Т.В. Морозова)
Внешний критерий	Креативность	Проявление творческого потенциала в образовательном процессе и вне его	Портфолио
Внутренний критерий	Мотивация достижения	Ориентация на успех Нацеленность на результат Готовность к риску	Методика диагностики личности на мотивацию к успеху и к избеганию неудач (Т. Элерс) Методика диагностики степени готовности к риску (Шуберт)
Внутренний критерий	Стрессоустойчивость	Уверенность в себе Высокая сопротивляемость	Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации (Холмс, Pare)
Внутренний критерий	Коммуникабельность	Навыки общения Умение работать в команде	Методика КОС-2 Методика «Кораблекрушение»
Внутренний критерий	Лидерство	Организаторские способности Способность к убеждению	Методика оценки нереализованного управленческого потенциала (Тесты КРУС, КРУК)
Внешний критерий	Достижения студентов в образовательном процессе и вне вуза	Академическая успеваемость. Социальная успешность. Повышение уровня профессионального развития.	Учебный контракт Портфолио

дисциплин; организация мероприятий, способствующих успешности деятельности студента; создание системы учета достижений студентов.

IV. Этап принятия решения

Функции: организационно-исполнительская, контрольно-диагностическая, регулятивно-коррекционная

Цель: разработка стратегии деятельности кафедры педагогики по обеспечению организационно-педагогических условий становления успешной профессиональной деятельности будущего педагога.

Содержание деятельности: Организация подготовки преподавателей к педагогическому сопровождению становления успешной профессиональной деятельности студентов; распределение обязанностей, полномочий коллектива кафедры и привлеченных служб вуза (отдел маркетинга, отдел по делам молодежи); обеспечение коррекции деятельности кафедры педагогики и служб вуза по обеспечению организационно-педагогических условий становления успешной профессиональной деятельности будущего педагога

Результат: 1. Разработана программа подготовки преподавателей к педагогическому сопровождению становления успешной профессиональной деятельности студентов; 2. Распределены обязанности кафедры педагогики: организация работы и координация деятельности служб, внедрение методов стимулирования достижения успеха студентов в учебном процессе, создание системы учета достижений студентов; отдела маркетинга: организация мероприятий, способствующих успешному трудоустройству будущего педагога, мониторинг востребованности выпускников на рынке труда; отдел по делам молодежи: организация

мероприятий, способствующих достижению успеха во внеучебной деятельности будущего педагога.

Итак, сопровождение студентов в процессе профессионального становления приведет к успеху при условии совместной деятельности кафедры педагогики и дополнительных субъектов: отдела маркетинга и отдела по делам молодежи. Для того, чтобы эта деятельность была целесообразной и последовательной, мы предлагаем осуществлять её в рамках разработанной нами технологии.

Оценка педагогического сопровождения становления успешной профессиональной деятельности будущего педагога предполагает разработку критериев и показателей эффективности этого процесса.

В контексте нашего исследования рассматривается понятие «успешность профессиональной деятельности» как моделируемое качество, которого может достичь студент в образовательном процессе вуза при развитии определенных личностных качеств, что определяет профессиональную компетентность будущего педагога.

Исходя из двойственного определения понятия успех и успешность как личностно-значимые достижения и как социально оцениваемые достижения, выделяются: 1. *критерии объективного успеха*, заданные обществом и применяемые к конкретному человеку другими людьми; 2. *критерии субъективной личной успешности*, формируемые самим человеком в виде переживаний и применяемые им самим для оценки собственной успешности и не успешности. Определяя критерии эффективности внедрения технологии сопровождения становления успешной профессиональной деятельности будущих педагогов, мы учитываем внешние критерии

рии как функциональный результат работы кафедры и дополнительных субъектов сопровождения (отдел маркетинга и отдел по делам молодежи) — создание педагогического «инструментария» и внутренние как психологический результат — развитие личностных качеств студента. Критерии и показатели становления успешной профессиональной деятельности будущих педагогов представлены в таблице 1.

Объективность и целостность критериального аппарата педагогического сопровождения студентов в становлении успешной профессиональной деятельности обеспечивается тремя уровнями его функционирования, а именно: методологический уровень, который определяет совокупность единых принципов, позволяющих обозначить границы требований к их количественно-качественному наполнению; теоретический уровень, позволяющий осуществлять прогностическую функцию и функцию проектирования успешного личностного и профессионального становления студентов педагогического вуза; инструментальный уровень, устанавливающий возможность использования методов, способов и средств контроля и диагностики, органично включенных в процесс педагогического взаимодействия.

В результате апробации в образовательном процессе ОмГПУ технологии педагогического сопровождения становления успешной профессиональной деятельности будущего педагога в образовательном процессе вуза: установлено, что использование в деятельности кафедры и общеуниверситетских подразделений — отдела маркетинга, отдела по делам молодежи технологического алгоритма педагогического сопровождения обеспечивает создание преподавателями и сотрудни-

ками вуза условий для определения выбора профессионального становления студентов, развития личностных качеств, способствующих становлению успешного профессионала и системы учета достижений будущих педагогов.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб.: «Норинт», 1998. — 1336 с.
2. Душков Б.А., Смирнов Б.А., Королев А.В. Психология труда, профессиональной, информационной и организационной деятельности: Словарь. — М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005. — 848 с.
3. Компетентностный подход в педагогическом образовании: Коллективная монография / Под ред. проф. В.А. Козырева и проф. Н.Ф. Радионовой. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. — 392 с. — С. 9.
4. Профессиональная ориентация молодежи. Информационный сборник / Под ред. А.В. Кириллова. Институт управления и экономики. — СПб.: «Агентство РДК «Принт», 2001 — 84 с., С. 78-79.
5. Сопровождение личностно-профессионального развития студентов в педагогическом вузе: Научно-методическое пособие / Отв. ред. А.Н. Бережнова, В.И. Богословский, В.В. Семкиев. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. - 158 с.
6. Хвалых Г. Критерии отбора специалистов // «Панорама образования» июнь — 2005. JOB.KULICHKI.NET

ШИХАЛЕВА Мария Сергеевна, аспирант кафедры педагогики.

Дата поступления статьи в редакцию: 27.08.06 г.
© Шихалева М.С.

Книжная полка

Панфилова А.П. Игровое в деятельности педагога: Учеб. пособие: Рекомендовано УМО. - 368 с.

В учебном пособии рассматривается место и роль игрового имитационного моделирования в системе педагогической деятельности, его природа и механизмы. Подробно рассмотрены методологические принципы и условия проведения используемых в практике обучения и развития игровых форм, показан их интерактивный характер. Представлены технологии игрового имитационного моделирования. Теоретические материалы сопровождаются практическими советами.

Книга будет интересна студентам, преподавателям школ и вузов, менеджерам по персоналу, руководителям учебных центров, тренерам, консультантам, психологам и всем интересующимся игровым имитационным моделированием.

Педагогическая поддержка ребенка в образовании: Учеб. пособие / Н.Н. Михайлова, С. М. Юсфин, Е. А. Александрова и др.; Под ред. Н. Б. Крыловой. - 288 с.

В учебном пособии представлены теория и практика педагогической поддержки как самостоятельной области образования; рассматриваются ее цели, содержание и формы; определяются решающие задачи индивидуального образования.

Для студентов высших педагогических учебных заведений и колледжей. Может быть полезно молодым учителям и слушателям курсов повышения квалификации по проблеме педагогической поддержки.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

УДК 378.14:51(07)

И. В. СЕЧКИНА

Омский государственный
технический университет

МОНИТОРИНГ ТЕКУЩЕЙ УСПЕВАЕМОСТИ КАК СРЕДСТВО УПРАВЛЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТОЙ СТУДЕНТОВ ПО МАТЕМАТИКЕ

Более рациональное использование времени аудиторных занятий, увеличение продолжительности интерактивного общения преподавателя и студентов, усиление мотивации в учебно-познавательской деятельности должно сопровождаться гибкой системой мониторинга текущей успеваемости студентов, которая выступает эффективным средством управления самостоятельной работой студентов.

Итоговая оценка в конце семестра складывается по трем видам контроля: текущая успеваемость, практические испытания и экзамен (зачет) (соответственно 30%, 25% и 45% от общей суммы баллов). Формы проведения текущего контроля разнообразны (экспресс-контроль, мгновенный контроль, контрольные срезы, самостоятельные и контрольные работы, коллоквиумы, защита индивидуальных типовых расчетов).

Реформа высшего образования в России сопровождается резким сокращением аудиторной нагрузки по комплексу общепрофессиональных и специальных дисциплин.

В условиях значительного сокращения аудиторной нагрузки особо важную роль приобретает управление системой самостоятельной работы студентов (СРС) по математике. Эффективным средством управления системой является мониторинг текущей успеваемости. Мы осуществляем мониторинг текущей успеваемости студентов в различных формах: входной контроль, коллоквиумы, контрольные работы, типовые расчеты, рейтинговая система оценки успеваемости.

Многие аспекты организации СРС в вузе и самостоятельной работы учащихся средней школы по

математике описаны в работах В.А. Далингера и других ученых, см., например, [1-4].

Традиционная система оценки и контроля успеваемости обучающихся в высшей школе обладает следующими недостатками:

1) слишком большое значение придается итоговым формам контроля – экзамену или зачету в ущерб непрерывному контролю знаний в течение всего семестра или учебного года;

2) итоговая оценка слабо связана с оценками текущей успеваемости студента и ходом выполнения заданий на его самостоятельную работу;

3) отсутствуют четко сформулированные критерии уровня знаний, умений и навыков и их оценок;

4) несогласованность контрольных мероприятий по разным учебным дисциплинам.

С целью устранить указанные недостатки, мы разработали собственную модель оценки и контроля знаний, умений и навыков для студентов аграрных факультетов по курсу «Математика», которая прошла опытную проверку.

Особенность нашей модели оценки и контроля самостоятельной работы студентов вуза по курсу «Математика» состоит в том, что все технологические приемы контроля СРС тесно увязываются в единый блок вместе с заключительным этапом контроля — зачетами и экзаменами на экзаменационной сессии.

Схематически нашу модель оценки и контроля СРС можно представить следующим образом (см. рис. 1): 1) текущий контроль с локальной проверкой знаний; 2) практические испытания с глобальной проверкой знаний; 3) теоретические и практические испытания с глобальной проверкой знаний.

Доля текущего контроля (мониторинга текущей успеваемости при выполнении различных заданий на самостоятельную работу студентов) — 30% от итоговой оценки, практических испытаний с глобальной проверкой знаний, умений и навыков — 25% от итоговой оценки, экзаменов и зачетов — 45% от итоговой оценки (см. рис. 2).

Таким образом, итоговая оценка складывается из трех видов контроля: мониторинг текущей успеваемости СРС, практические испытания, экзамен или зачет. При подсчете итоговой оценки по двадцатибалльной системе мы ставим оценку «удовлетворительно», если студент набирает 11-13 баллов, оценку «хорошо» — 14-17 баллов, «отлично» — 18-20 баллов.

Данная модель способствует реализации всей системы СРС, поскольку она обладает следующими качествами:

1. Системность.
2. Непрерывность (или, иначе говоря, постоянство контроля, что входит в само понятие «мониторинг»).
3. Гибкость (меняя долю того или иного вида контроля в итоговой оценке СРС, можно менять приоритеты или цели индивидуальной работы обучающегося).
4. Усиление мотивации и активизация в СРС, что приводит к самоорганизации и самооценке студентом своей самостоятельной работы.

По сути дела не только учебно-познавательная деятельность отдельного студента в ходе самостоятельной работы, но и вся система оценки и контроля знаний в нашей модели отвечает принципу кумулятивности, что существенно расширяет возможности реализации всей системы СРС по сравнению с традиционной формой организации контроля СРС.

Преимущества рейтинговой системы оценки знаний отмечают многие исследователи. Для нас главное — возможность активизации СРС и возможность уровневой дифференциации студентов в ходе мониторинга текущей успеваемости в процессе СРС.

Согласно технологии В.М. Монахова дозированные задания на самостоятельную работу обучаемых сопровождаются контролем за их выполнением (в том числе и самоконтролем) с последующей коррекцией. Если за каждую дозу самостоятельной работы поставить оценку, то к концу семестра преподаватель будет иметь достаточное количество оценок за выполнение дозированных заданий (оценок текущего контроля успеваемости), что позволит ему добиться активности и ритмичности в организации СРС по математике, а итоговая оценка на экзамене становится более объективной и закономерной.

Важное значение мы придаем систематичности (или непрерывности) текущего контроля: с него начинается и им заканчивается каждое аудиторное занятие (будь то лекция, практическое занятие или индивидуальные занятия и консультации). Это обстоятельство настраивает студентов на систематическую регулярную работу, способствует воспитанию таких личных качеств как воля, усидчивость, аккуратность, трудолюбие, закрепляет навыки умственной работы, умения работать с книгой, выделять в тексте главное, развивает творческие способности.

Формы проведения текущего контроля самые разнообразные:

- экспресс-контроль теоретических знаний и практических навыков в виде кратких самостоятельных работ (математические диктанты, 15-20 минут);
- «мгновенный» контроль выполнения заданий на внеаудиторную самостоятельную работу, когда контролируется выполнение задания на текущий момент (в случае выполнения задания выставляется в журнал знак «плюс», в противном случае — знак «минус»), в случае несвоевременного выполнения задания личный рейтинг снижается (студент обязан выполнить задание к другому сроку, который согласуется с ним);
- плановые самостоятельные или контрольные работы, сведения об их количестве и тематике сообщаются студентам заранее и проводится целенаправленная подготовка к их выполнению;
- контрольные срезы, в том числе и входной контроль, проверка остаточных знаний, ректорский контроль — эти виды контроля проводятся обычно один или два раза в семестре по инициативе деканата, ректората или кафедр;
- коллоквиумы по теоретическому материалу наиболее сложных разделов курса, темы и сроки их проведения оглашаются на вступительной лекции;
- защита индивидуальных типовых расчетов, которая происходит один или два раза в семестр (зависит от количества типовых расчетов в семестре) и предусматривает выполнение самого задания, ответы на теоретические вопросы и пояснение решений упражнений по этому разделу.

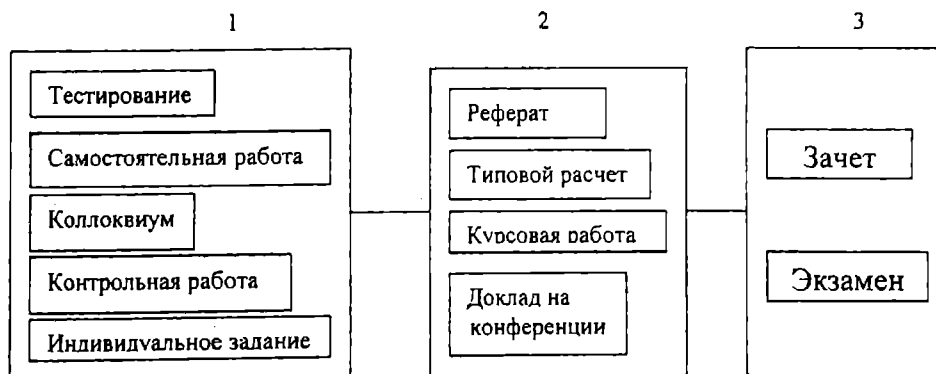

Рис. 1.

Приведем примеры некоторых типичных заданий текущего контроля знаний, умений и навыков аграрного университета по курсу «Математика», которые мы использовали в своей работе и которые являются эффективными:

1. Контрольная работа по аналитической геометрии (инженерный профиль):

1) Составить уравнение плоскости, параллельной плоскости XOY и проходящей через точку $M_0(1;1;3)$.

2) Построить прямую $\frac{x-1}{0} = \frac{y-2}{0} = \frac{z}{1}$

3) Построить линии на плоскости

$$\frac{x}{4} + \frac{y}{9} = 1, \quad \frac{x^2}{4} + \frac{y^2}{9} = 1.$$

4) Составить уравнение параболы, если точка $O(0;0)$ – ее вершина, а точка $F(2;0)$ – ее фокус.

5) Привести к каноническому виду уравнения прямой

$$\begin{cases} x + y - 7z + 3 = 0 \\ 2x + 3y - z - 4 = 0 \end{cases}$$

2. Контрольная работа по линейной и векторной алгебре (инженерный профиль):

1) Решить методом Гаусса систему уравнений

$$\begin{cases} x + 2y - 4z = 0 \\ 3x + y - 3z = -1 \\ 2x - y + 5z = 3 \end{cases}$$

2) В точке $A(2;1;-1)$ приложена сила \vec{F} , модуль которой равен 7. Зная две координаты этой силы $F_x = 2$, $F_y = -3$, определить конец вектора \vec{F} .

3) Показать, что векторы $\vec{a} = -i + 3j + 2k$, $\vec{b} = 2i - 3j - 4k$, $\vec{c} = -3i + 12j + 6k$ компланарны.

4) Проверить, что точки $A(3;-1;2)$, $B(1;2;-1)$, $C(-1;1;-3)$ и $D(3;-5;3)$ – вершины трапеции.

3. Самостоятельная работа по теме «Пределы» (инженерный профиль):

Вычислить следующие пределы

1. $\lim_{x \rightarrow 0} \frac{\sqrt[3]{8+3x-x^2}-2}{\sqrt{x^2+x^3}}$ 2. $\lim_{x \rightarrow \pi} \frac{\cos 5x - \cos 3x}{\sin^2 x}$

3. $\lim_{x \rightarrow 0} \left(\frac{x^4+5}{x+10} \right)^{x+2}$ 4. $\lim_{x \rightarrow x} \frac{x^3-3x+2}{x^3-x^2-x+1}$

5. $\lim_{x \rightarrow x} \left(\frac{n-3}{n+1} \right)^n$

4. Самостоятельная работа по теории вероятностей (биологический профиль):

1) Имеется 6 образцов пшеницы, среди которых 3 заражены клещом. Наудачу взяли 2 образца. Какова вероятность, что оба образца заражены клещом?

2) Вдоль стен животноводческого комплекса проложено два транспортера, работающих независимо друг от друга. Вероятность безотказной работы в течение дня для каждого из них равна 0,9. Определить вероятность безотказной работы обоих транспортеров: а) в течение одного дня; б) в течение трех дней. Найти вероятность безотказной работы хотя бы одного из них в течение дня.

3) В специализированную больницу поступают в среднем 50% больных с заболеванием К, 30% больных – с заболеванием Н, 20% больных – с заболеванием М. Вероятность полного излечения болезни К равна 0,7, болезни Н – 0,8 и болезни М – 0,9.

Больной, выписанный из больницы, оказался излеченным от заболевания. Какова вероятность, что он поступил в больницу с диагнозом заболевания К?

5. Экспресс-контроль по теме «Непрерывные случайные величины» (биологический профиль):

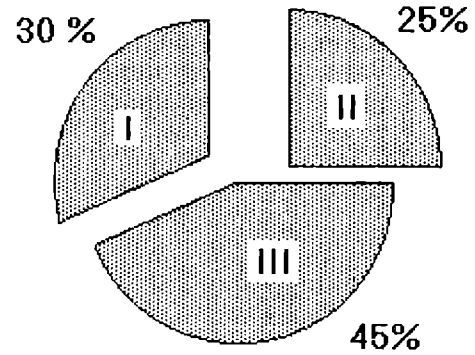

Рис. 2.

Случайная величина X задана интегральной функцией распределения

$$F(x) = \begin{cases} 0, & \text{если } x < 2 \\ (x-2)^2, & \text{если } 2 \leq x \leq 3 \\ 1, & \text{если } x > 3 \end{cases}$$

Требуется: а) построить график функции $F(x)$; б) вычислить вероятность попадания случайной величины X в интервал $(1;2;5)$; в) найти плотность распределения $f(x)$ случайной величины X и построить график функции $f(x)$; г) вычислить математическое ожидание $M(X)$, дисперсию $D(X)$ и среднее квадратическое отклонение $\sigma(X)$ случайной величины X .

Промежуточный контроль следует проводить обычно в течение контрольной недели по результатам текущего контроля, по итогам выполнения типовых расчетов и контрольных работ.

Приведем примеры типовых расчетов для некоторых профилей университета.

Раздел «Дифференциальные уравнения» (инженерный профиль).

1) Проинтегрировать следующие дифференциальные уравнения:

1. $(xy^2 + x)dx + (x^2y - y)dy = 0$;

2. $(\sin^2 y + x \operatorname{ctg} y)y' = 1$, $y(1) = \frac{\pi}{2}$;

3. $x = e^y (y' + 1)$;

4. $y'' + 4y' + 5y = 0$; $y(0) = -2$; $y'(0) = 1$;

5. $y'' + 5y' - 6y = 5e^x \sin 4x + 12$;

6. $2x^3 y' = y(2x^2 - y^2)$, $y(1) = 1$;

7. $[(y+1)e^x + e^x] dx + [(x+1)e^y + e^y] dy = 0$;

8. $y'' = y'(1 + y')$; $y'' = x \cdot e^x$;

9. $y'' + 2y' + 5y = (x^2 + 1)e^{2x}$;

10. $y''' + y'' = x^2 + 2$.

2) Ракета запущена вертикально вверх с начальной

скоростью $V_0 = 100 \frac{M}{C}$. Сопротивление воздуха замедляет ее движение, сообщая ракете отрицательное ускорение, равное $-kV^2$, где V мгновенная скорость ракеты, k аэродинамический коэффициент. Определить время достижения ракетой наивысшего положения.

3) Тело скользит по наклонной плоскости без начальной скорости. Определить путь, пройденный телом за время t , если угол наклона равен α , а сила трения пропорциональна скорости с коэффициентом пропорциональности μ .

Проверка типовых расчетов проводится в форме диалога преподавателя и студента. Студенту задаются теоретические вопросы, отражающие тему типового расчета, и даются практические задания с целью определения уровня усвоения учебного материала по данному разделу.

Например, при «защите» типового расчета студенту предлагается ответить на вопросы:

– начальные условия и задача Коши для дифференциального уравнения первого порядка;

– указать к какому виду относится каждое из следующих уравнений

- $xy' - y = 2$;
- $(x - y)dx + \sqrt{xy}dy = 0$;
- $(3x^2 - 2xy)dx + (3y^2 - x^2)dy = 0$;
- $\frac{xy - 2}{y'} = \sin x$.

Такая методика промежуточного контроля позволяет решить несколько педагогических проблем:

– выявить студентов, которые не справляются по тем или иным причинам с заданием на самостоятельную внеаудиторную работу, и оказать им своевременную помощь в виде индивидуальных консультаций;

– установить уровень усвоения содержания данного раздела каждым студентом и тем самым осуществить уровневую дифференциацию студентов;

– оптимизировать индивидуальную траекторию становления специалиста по срокам выполнения и по содержанию внеаудиторной самостоятельной работы.

Раздел «Дифференциальное исчисление функций одной переменной» (инженерный профиль).

- Найти производную функции $y = (x^3 + 1)^2 \cdot 5^{\cos x}$.

$$y = \frac{\arcsin \sqrt{1-x^2}}{\sqrt{1-x^2}}, \quad y = (\sin x - 5x)^2 + 7^{\sin x - 5x},$$

$$x^4 + y^4 = x^2 y^2, \quad y = (x + \cos x)^t, \quad \begin{cases} x = e^t \\ y = \arcsin t \end{cases}$$

- Найти приближенное значение функции $f(x)$

при $x = x_2 = 2,004$, если $f(x) = \sqrt[3]{x^2 + 2x}$.

- Найти предел $\lim_{x \rightarrow \frac{\pi}{2}} (1 + \cos 3x)^{\cos x}$,

пользуясь правилом Лопиталя.

4. Исследовать функцию $y(x^3 - 1) = x^4$ и построить ее график.

После выполнения указанного задания на внеаудиторную самостоятельную работу студент должен ответить на теоретические вопросы по данному разделу, например, на вопросы «Производная обратной функции» и «Необходимые и достаточные условия возрастания и убывания функции», и решить упражнения теоретического характера:

– доказать, что $f'(0)$ не существует для функции

$$f(x) = \begin{cases} x \cdot \sin \frac{1}{x}, & \text{если } x \neq 0 \\ 0, & \text{если } x = 0 \end{cases}$$

– проверить выполнение условий теоремы Лагранжа для функции $f(x) = x - x^3$ на отрезке $[a; b] = [-2; 1]$ и найти $x = c$, при котором выполняется

$$\text{равенство } f'(c) = \frac{f(b) - f(a)}{b - a}.$$

Управление системой самостоятельной работы в аграрном вузе по математике предполагает и совершенствование всей системы различных форм ее контроля. Мы в начале каждого семестра по каждой специальности продумываем систему всевозможных контрольных мероприятий с таким расчетом, чтобы:

1) система контрольных мероприятий охватывала полностью все темы курса «Математика»;

2) студенты заблаговременно были оповещены о характере контрольного мероприятия (список теоретических вопросов к экзамену, зачету, коллоквиуму, типовому расчету, перечню всех заданий на внеаудиторную самостоятельную работу, перечень тем предлагаемых на студенческую научно-практическую конференцию докладов и тем рефератов для аудиторных занятий);

3) была точно просчитан объем заданий и их трудоемкость, особенно для таких форм СРС как типовые расчеты, коллоквиумы, «промежуточные» зачеты и экзамены;

4) имелась возможность согласования системы контроля по курсу «Математика» с аналогичными контрольными мероприятиями по другим дисциплинам;

5) согласовать график консультаций преподавателя с графиком контрольных мероприятий и образовать резерв для индивидуальных консультаций, проверки индивидуальных заданий.

Разработанная нами гибкая система мониторинга текущей успеваемости в процессе самостоятельной работы студентов по математике связывает в единое целое входной, промежуточный и итоговый виды контроля, когда акцент делается на текущей и промежуточной формах контроля.

Библиографический список

- Гуськова Н., Маркин Н., Салимова Т. Мониторинг качества образования // Стандарты и качество образования, 2000. - №5. - С. 86-88.
- Далингер В.А. Самостоятельная деятельность учащихся и активизация при обучении математике. - Омск: Изд-во ОмИП-КРО, 1993. - 156 с.
- Есипов Б.П. Самостоятельная работа учащихся на уроках. - М.: Просвещение, 1961. - 302 с.
- Сечкина И.В. Проектирование и реализация системы самостоятельной работы студентов по математике в аграрном вузе: Монография - Омск: ИВМ ОмГАУ, 2003. - 174 с.

СЕЧКИНА Ирина Викторовна, кандидат педагогических наук, кафедра высшей математики.

Дата поступления статьи в редакцию: 03.08.2006 г.

© Сечкина И.В.

УЧЕБНЫЕ ЗАДАЧИ ПО ИНФОРМАТИКЕ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КАЧЕСТВ ПРОДУКТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНФОРМАТИКИ

В статье рассматриваются нетрадиционные задачи, которые могут применяться при изучении будущими учителями информатики различных тем курса «Программное обеспечение ЭВМ», а также показано, что применение таких задач позволяет в значительной мере обеспечить развитие отдельных компонентов продуктивного мышления обучаемого, а, следовательно, и повышения уровня его продуктивного мышления в целом.

В свете модернизации современного российского образования особенно остро стоит вопрос о развитии личностных качеств будущих педагогов, таких как творческая активность, инициативность, продуктивность мышления. Очевидно, что формирование мировоззрения, развитие мышления и активизация творческих способностей учеников может быть под силу только мыслящему, самостоятельному, активному учителю. Обозначенная проблема затрагивается в ряде исследований последних лет [4,6,7,8], авторы которых подчеркивают, что существующая организация работы со студентами педагогического ВУЗа не соответствует требованиям современного общества. Особенную роль в развитии личности учащихся следует отвести учителю информатики, это связано с интенсивным развитием информатики как науки, ее междисциплинарностью и наддисциплинарностью, а также информатизацией всех сфер жизнедеятельности современного общества.

Сказанное убедительно свидетельствует о необходимости формирования и развития продуктивного мышления будущего учителя информатики в период обучения его в ВУЗе.

Отметим, что развитие продуктивного мышления предполагает исследование и выделение основных его показателей.

В работах З.И. Калмыковой условно выделено пять основных свойств продуктивного мышления. Это глубина, гибкость, устойчивость, осознанность и самостоятельность умственной деятельности [2, 3].

Устойчивость ума проявляется в способности выделять в ситуации существенные признаки и действовать, удерживая в голове всю их совокупность, не поддаваясь на влияние случайных признаков. «Устойчивость ума позволяет человеку мысленно решать задачи, удерживая в уме и по-разному комбинируя целый ряд их признаков. Очень явно это качество ума проявляется при решении задач на классификацию, когда надо разделить предложенную совокупность предметов на группы по нескольким признакам» [3, с.10] Обратный показатель — неустойчивость характеризуется переходом от одних действий к другим под влиянием случайных ассоциаций. Эти качества продуктивного мышления рассматриваются в исследованиях И.С. Якиманской, З.И. Калмыковой Н.А. Менчинской и других ученых.

Для развития устойчивости ума возможно применение как типовых так и нетиповых задач по информатике. причем под типовыми подразумевают-

ся задачи, из которых преимущественно составлены задачи по информатике, которые традиционно принято использовать для изучения того или иного раздела информатики, под нетиповыми — задачи, решение которых предполагает поиск еще неизвестных обучаемому закономерностей, способов действий, а также задачи, которые предполагают «более или менее значительную перестройку знакомых способов решения, выбор из многих возможных вариантов наиболее рационального способа действия, применения общих принципов решений в реальных условиях, требующих в них конструктивных изменений» [5, с.14].

В качестве типовых для развития такого качества продуктивного мышления, как устойчивость ума возможно использование задач на классификацию, в которых требуется разделить предложенную совокупность объектов на множества по нескольким признакам.

Пример 1 ([1], построение алгоритмов работы с величинами, раздел 2 Информационные модели: системы и структуры данных)

При решении приведенных задач у обучаемых формируются умения работать с информацией — выделять общее и анализировать, классифицировать, кроме того, при решении подобных задач можно говорить о влиянии на устойчивость ума.

Задача: Найти закономерность и продолжить последовательность (чисел, слов, картинок и т.д.)

Задача: Дано два или более множества объектов, определить основание классификации. Определить, в какое множество должен быть занесен предложенный объект.

Очевидно, что при решении таких задач субъекту необходимо выделить признаки, по которым произведена классификация, а затем проверить, удовлетворяет ли объект всей совокупности этих признаков. В зависимости от этого нужно поместить его в то или иное множество (если объект в условии задачи не предложен, то, как правило, после выделения признаков его не сложно найти).

В качестве нетиповых для развития устойчивости ума эффективно применение задач на перепроектирование последовательности действий. Как правило, в задачах такого типа известны исходные данные, сформулирован вопрос задачи, а также дана последовательность действий, приводящая к неверному результату (ошибочная последовательность). Обучаемому необходимо найти ошибку в действиях и пе-

репроектировать их таким образом, чтобы их выполнение приводило к верному результату.

Пример 2 (из курса «Программное обеспечение ЭВМ» — создание пользовательских функций для контроля ввода данных, MS Visual FoxPro)

Задача: В предложенном исходном коде функции найти и исправить ошибку (если она есть) исходя из назначения функции — контроль вновь вводимого табельного номера на уникальность.

```
Function Verify
parameters Q
locate for Number = Q
if found()
rez = .T.
else
rez = .F.
endif
```

Return rez

Пример 3 (из курса «Программное обеспечение ЭВМ» — работа со строками в VBA)

Задача: Дана строка S и символ C. Необходимо найти и исправить ошибку (если она есть) в блок-схеме (рис. 1) алгоритма, подсчитывающего, сколько раз символ C встречается в строке S.

В процессе решения данной задачи отрабатывается умение составлять алгоритмы и записывать их на языке блок-схем, закрепляются знания о свойствах алгоритма о синтаксисе и семантике языка блок-схем, а также формирование целостного представления о возможностях макроязыка пакета MS Office.

Кроме того, при решении задач указанного типа обучаемому необходимо разбираться в предложенном решении, удерживая при этом в уме свое собственное решение. Там, где два решения не совпадают, нужно понять, почему это так и либо скорректировать одно

из решений — предложенное или собственное, либо принять предложенную последовательность в качестве альтернативного решения задачи. Исходя из этого, мы утверждаем, что задачи указанного типа направлены на развитие устойчивости ума, т.к. субъект удерживает в уме и мысленно решает задачу двумя способами одновременно. При этом в итоге он должен выделить правильный способ решения либо доказать, что верны оба способа.

Рассмотрим такой компонент, как глубина ума, который определяется уровнем сформированности умения абстрагировать ряд признаков при овладении новым материалом, при решении проблем, а также степенью существенности этих признаков [2].

Говорить о том, что задача направлена на развитие гибкости ума можно, если она составлена таким образом, чтобы учащийся в процессе решения задачи оперировал общими понятиями (параметрами, обладающими всеми свойствами конкретного класса объектов) или выделял некоторые формальные параметры набора объектов, в зависимости от контекста заменяя их на фактические.

В этом случае, типичная задача, это такая задача, для решения которой субъекту необходимо выделить некоторые общие признаки объектов в формулировке условия задачи либо работать с обобщенными исходными данными.

Пример 4 ([1], построение таблиц типа «объекты-свойства», раздел 2 Информационные модели)

Задача: Полярная звезда находится в созвездии Малая Медведица. Бетельгейзе находится в созвездии Орион. Расстояние до Спика — 260 световых лет. Денеб находится в созвездии Лебедь. Аркукс ярче солнца в 2200 раз. Расстояние до Бетельгейзе — 650 световых лет. Ригель ярче Солнца в 55 000 раз. Канопус находится в созвездии Стрельца. И т.д. Необходимо выделить объекты, свойства объектов и построить таблицу «объекты-свойства».

Пример 5 (из курса «Программное обеспечение ЭВМ» — построение алгоритмов для работы с переданными параметрами)

Задача: Создать пакетный файл, который:

- спрашивает у пользователя, скопировать ли файл, имя которого задано первым параметром пакетного файла в каталог, имя которого задано вторым параметром пакетного файла;
- в зависимости от ответа пользователя выполняет операцию копирования.

Также развития гибкости ума необходимо применение задач на реконструкцию последовательности действий и исходных данных, а также любых задач на проектирование, где в качестве известных предлагаются вместо конкретных данных формальные параметры.

Пример 6 (задача на реконструкцию последовательности действий)

Задача: Даны строка A, числа B, C, причем $B, C \neq \text{len}(A)$. После решения задачи получен результат - строка A1, которая соответствует подстроке строки A, начиная с символа под номером B, заканчивая символом под номером C. Какая последовательность действий привела к нахождению данного результата?

«Абстрагировать — произвести абстракцию, мысленное отвлечение, обособление для выделения существенных признаков предметов» (Словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова). Логично, что если сформулировать условие задачи на один уровень абстракции выше (вместо конкретных данных - чисел, строк и т.д. предложить в условии параметры), субъекту придется мыслить и решать

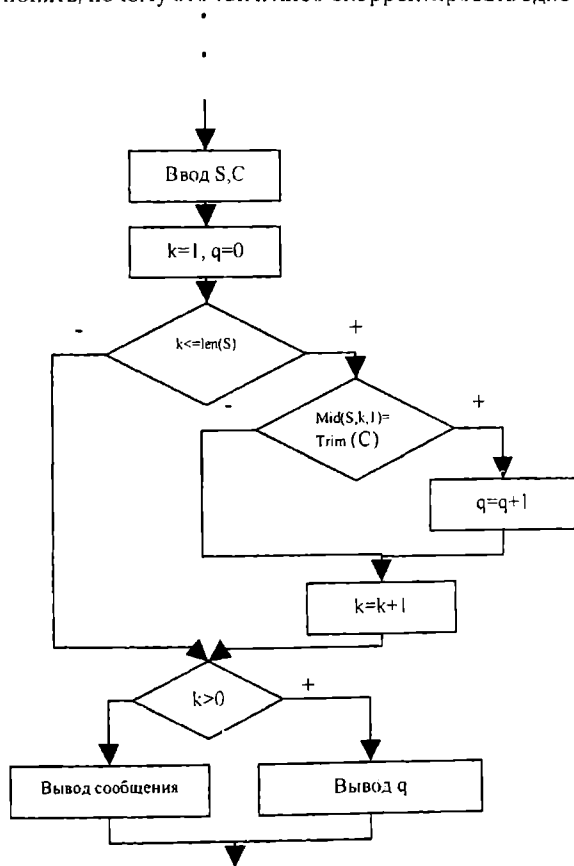

Рис. 1. Блок-схема алгоритма

задачу, оперируя общими параметрами, обладающими всеми свойствами конкретных данных, следовательно, решая задачи указанных типов, субъект абстрагирует признаки объектов, речь о которых идет в условии задачи.

Проведенный эксперимент по использованию в курсе «Программное обеспечение ЭВМ» задач по информатике указанных типов свидетельствует, что в процессе их решения обеспечивается развитие гибкости и устойчивости ума, а, следовательно, и повышение уровня продуктивности мышления будущих учителей информатики в целом.

Библиографический список

1. Информатика. Задачник-практикум. Под ред. И.Г. Семкина, Е.К. Хеннера. — М.: Лаборатория базовых знаний, 2001.
2. Калмыкова З.И. Продуктивное мышление как основа обучаемости. — М.: Педагогика, 1981. — 200с.
3. Калмыкова З.И. Психологические принципы развивающего обучения. — М.: Знание, 1979. — 48с.

4. Коджешау М.А. Подготовка будущего учителя информатики к развитию творческого мышления учащихся. Автореф. дисс. ...к.п.н. — Майкоп, 2003. — 25с.

5. Кудрявцев Т.В. Психология технического творчества. М., 1975.

6. Курлянова И.В. Педагогические средства развития творческого мышления студентов: Дисс...к.п.н. — Магнитогорск, 2004. — 175с.

7. Погодина Е.В. Активные методы в системе методической подготовки учителей информатики: Дисс...к.п.н. — Череповец, 2005. — 243с.

8. Фаркушина Ф.Г. Развитие творческого мышления будущего учителя при компьютерном обучении: Дисс...к.п.н. — Казань, 2002. — 234с.

КИРЬЯКОВА Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры информатики и вычислительной техники.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.08.2006 г.

© Кирьякова И.В.

УДК 378

С. В. ДАНИЛОВА

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Научная новизна настоящей работы заключается в том, что теоретически обоснована и экспериментально апробирована совокупность педагогических условий, способствующая формированию толерантности; определена связь между уровнем сформированности диалогических умений и уровнем толерантности; доказана возможность формирования толерантности средствами учебного предмета «иностранному языку»; выявлена необходимость наличия эргономической составляющей условий в формировании толерантности.

Обращение к проблеме формирования толерантности у студентов младших курсов вуза заключается в психолого-педагогических предпосылках данного периода. Особую трудность испытывают студенты 1 и 2 курсов вуза (17-18 лет), на долю которых выпадает смена социальных ролей, повышение самостоятельности и ответственности, новые отношения с однокурсниками, неудовлетворенность своим социальным статусом. Адаптационные возможности психики ограничены, поэтому отдельные студенты, не успевая изменяться и приспосабливаться к меняющемуся миру, оказываются в ситуации социальной дезадаптации, часто демонстрируя агрессию против тех, чьи нормы и ценности кажутся непонятными и чужими. Более того, в силу специфики своей учебной деятельности студенты естественных факультетов имеют меньше возможностей развития такого качества как толерантность, поэтому более других нуждаются в мероприятиях

по развитию данного качества, что также доказывает актуальность исследуемой проблемы.

Опираясь на положение о том, что межличностное общение не только необходимый компонент деятельности, осуществление которой предполагает взаимодействие людей, но одновременно обязательное условие нормального функционирования общности людей (Бодалев А.А.), считаем необходимым обучению студентов таким способам деятельности, которые требовали бы наличия культуры взаимодействия, толерантности. Конечная цель такого обучения - в тщательно разработанных учебных условиях научить будущего специалиста эффективно работать в команде, коллективе, а также формирование межличностной составляющей будущей профессиональной деятельности путем развития психодинамических свойств индивида и формирования его социальных умений и навыков.

Сегодня групповое освоение знаний и развитие умений, интерактивный характер взаимодействия

востребованы так, как никогда раньше. В современных экономических, социальных и политических условиях управленческие и профессиональные решения принимаются порой в столь сложных и нестабильных обстоятельствах, в ситуации дефицита времени, что становятся особенно востребованными коллективные решения, объединяющие интеллектуальный и профессиональный потенциалы разных специалистов. При этом особую важность приобретают такие личностные факторы будущего специалиста как толерантность, коммуникбельность и способность понимать своих деловых партнеров.

Таким образом, путь к эффективному взаимодействию в социуме, к принятию толерантности как стратегии профессиональной деятельности требует в первую очередь изменения сознания, установки на диалогическое взаимодействие, сотрудничество и понимание. Принятие ценности толерантного сознания, освоение толерантного поведения в процессе обучения обеспечивает возможность формирования толерантности у студентов, будущих специалистов.

В международных и отечественных документах о толерантности особая роль отводится воспитанию и образованию при разработке и реализации комплекса эффективных мер в плане формирования толерантности. Декларация принципов толерантности, Декларация и программа действий в области культуры мира, Федеральная целевая программа и другие документы призывают принять немедленные и эффективные меры в областях преподавания, воспитания, культуры и информации, создать и распространить образовательные программы, направленные на формирование толерантного сознания в образовательных учреждениях всех уровней. Однако в педагогической литературе описание конкретных механизмов формирования толерантности практически отсутствуют.

Опираясь на аксиологический и личностно-деятельностный подходы в качестве ведущих методологических оснований, мы предположили, что совокупность условий, необходимых для формирования толерантности у студентов младших курсов, должна включать специфические методы и приемы, используемые в учебной деятельности и отвечающие принципам вышеупомянутых подходов.

Педагогические условия формирования толерантности, на наш взгляд, должны включать следующие составляющие:

- Ценностно-ориентационная направленность образовательного процесса;
- Диалогическое взаимодействие;
- Эргономическая составляющая условий.
- А также использованы возможности дисциплины «Иностранный язык» с применением игрового моделирования и приемов социального взаимодействия.

Как уже было упомянуто, сегодня общество, наука и образование должны ориентироваться на гуманистические ценности. Ценности объективно существуют и функционируют в практике реальных социальных отношений, субъективно осознаются и переживаются как ценностные категории, цели и идеалы. Актуализируясь, они в значительной мере ориентируют поведение людей, выступая при этом в качестве своеобразных регуляторов социального поведения. Процесс формирования и актуализации ценностных ориентаций достаточно сложен, имеющий определенную временную протяженность, не предусматривающий навязывания, напротив, предполагающий деликатность в предъявлении и становлении аксиологических позиций. В этом случае направ-

ленность образовательного пространства на ценности представляется особо важным и, на наш взгляд, первичным условием формирования толерантности у студентов.

Под ценностно-ориентационной направленностью мы понимаем совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих на создание такой ситуации, при которой актуализируются в сознании человека ценности, признаваемые им в качестве стратегических жизненных целей и мировоззренческих ориентиров.

«Предъявление» ценностей студенту может осуществляться как в специально созданных условиях взаимодействия, так и в повседневном общении. Основной путь предъявления ценностей, естественно, каждодневная образовательная деятельность в условиях аудиторных и вне-аудиторных занятий, взаимодействие «преподаватель-студент», «студент-студент» во всевозможных проявлениях и сочетаниях. Конечно же, главным лицом, придающим ценностно-ориентационную направленность образовательному процессу, предъявляющим ценности человеческих отношений, является преподаватель, внутренний мир которого, профессиональная компетентность пронизаны ценностным восприятием окружающего мира и отношением к нему. Специально создаваемые ситуации (игровое моделирование, диалог, дискуссия и т.д.) обязательно должны строиться на основе свободы выбора, отсутствия давления и авторитарности. Это обязательные условия, при которых возможно развитие ценностного взгляда на окружающий мир.

Опираясь на тезис о том, что ведущими потребностями в студенческом возрасте являются потребности в общении, в контакте, мы приходим к мысли о том, что обязательное условие реализации потребностей в той или иной деятельности — опыт этой деятельности. Создание диалогового пространства, на наш взгляд, является оптимальной формой проведения занятий в современном вузе, гарантирующая условия для актуализации нравственных ценностей при соблюдении определенных правил. Диалогическое взаимодействие в процессе обучения призвано сформировать толерантность как системное качество, улучшить его освоение, влиять на мотивационную сферу познавательной деятельности студентов, активизировать процессы самореализации и рефлексии, актуализирующих тенденцию планировать обучение как творческий процесс, не сводимый к освоению готовых правил решения разнообразных задач. К сожалению, достичь желаемого одним только вербальным способом невозможно. Необходим синтез мысли, слова и действия. Иными словами, для того чтобы сформировать толерантность, необходимо, чтобы студенты были включены в приемлемые для этого межличностные отношения, возникающие в результате целенаправленных усилий преподавателя посредством организации диалогического взаимодействия. Принятая за основу идея диалога, обеспечивает субъектную позицию студентов в образовательном процессе, актуализирует у них навыки общения, уважительное отношение к людям к их суждениям и проявлениям, толерантность и тактичность во взаимодействии с окружающими, развивает критическое мышление, рефлексию и саморефлексию. Можно предположить, что уровень развития толерантности студента напрямую зависит от уровня сформированности диалогических умений.

Рассматривая диалогическое взаимодействие как двусторонний взаимообогащающий процесс, приводящий в новое состояние обе стороны, и функцию преподавателя как фасилитационную, является необ-

ходимым возникновение диалогической компетентности преподавателя.

Под диалогической компетентностью преподавателя мы будем понимать способность творчески реализовывать гуманистические возможности диалога в своей профессиональной деятельности. Диалогическая компетентность проявляет себя в способности понять других людей, понимание, в свою очередь, связано со способностью к сопереживанию, которая позволяет входить в мир восприятия человека, а также способность к выражению видения мира глазами другого человека и умение разбираться в его чувствах. Особенно это проявляется во время слушания кого-то из обучаемых и в интересе к нему, в оказании всем нуждающимся своевременной психологической поддержки. Кроме того, преподаватель должен иметь безусловно позитивное отношение ко всем обучаемым. Именно в этой характеристике проявляется система ценностей каждого человека и его индивидуальные особенности. Проявлять по отношению даже к «трудным» людям толерантность и искренность — это очень сложный сценарий поведения, который требует развития не только самосознания, но и самокоррекции на основе диагностики собственных проблем.

Обращаясь к эргономической стороне процесса обучения, мы опираемся на психофизиологический аспект толерантности, присущий биологическому организму и активно проявляющий себя в деятельности. Нельзя не принимать во внимание наличие внешних факторов, влияющих на организацию процесса обучения. Известно, что эргономическое обеспечение может как улучшить, оптимизировать умственную деятельность, мотивировать интерес к обучению, активизировать познавательную деятельность, так и недостаточное внимание к этой составляющей может негативно сказаться на деятельности. Данное утверждение очень значимо в рамках нашего исследования, так как в качестве рабочей гипотезы, позволяющей наметить план достижения целей, предполагается положение, согласно которому успех развития толерантности зависит от эргономической составляющей условий. Стремление повысить эффективность и качество обучения, обеспечить развитие личности и сохранность здоровья участников педагогического процесса невозможно без решения эргономических задач совершенствования образовательного процесса (Е.В. Воронина). И.В. Трайнев одной из задач совершенствования учебного процесса на основе конструктивной педагогики выделяет следующие эргономические задачи: проектирование учебных помещений, оборудования, рабочих зон, мебели, технических средств обучения, средств оргтехники, обеспечение комфортных рабочих мест, оптимизация и улучшение деятельности педагога и студента. Понятие комфортных условий образовательного процесса означает создание таких условий, которые максимально эффективно обеспечивали бы развитие умственных, нравственных качеств личности, а также сохраняли ее физическое здоровье. Таким образом, одним из направлений педагогической эргономики является разработка требований к информационно-предметной среде, средствам обучения и разработка мер по профилактике неблагоприятных функциональных состояний.

Выделяя эргономическую составляющую в совокупности условий, мы делаем основной акцент на использовании здоровьесберегающих технологий, позволяющих снижать уровень утомляемости и других нежелательных проявлений в процессе обучения.

Эффективность технологий обучения, в свою очередь, может быть достигнута лишь на основе эргономичной информационно-предметной среды, содержащей комплекс специализированного учебного инструментария в тесной связи последнего с содержанием, методами, формами.

Рассмотрим подробнее возможности дисциплины «иностранный язык» в плане формирования толерантности у студентов младших курсов вуза. Действительно, предмет «иностранный язык» значительно отличается от других учебных предметов, ибо его основной задачей является овладение способностью участвовать в межкультурном общении, то есть формирование речевых умений, связанных с речемыслительной деятельностью обучаемого, а не усвоение знаний о природе или обществе, как это характерно для других учебных предметов. Таким образом, специфика предмета заключается в овладении не основами наук, а способов деятельности. Предмет имеет деятельностную основу, поэтому обладает практической направленностью (формирование практических навыков). Характерная для современного образования интегративность и междисциплинарность, реализуется на занятии иностранным языком в полном объеме. Интегративность проявляется в организации предметного плана (содержания) различных видов речевой деятельности — говорения, чтения, письма, аудирования. Постановка преподавателем или самими студентами таких проблем, которые для своего решения требуют знания различных учебных дисциплин, реализует интегративность в самом точном смысле этого слова. А это в свою очередь значительно обогащает процесс обучения, делая его ярче, интереснее кооперирует и объединяет обучаемых.

Преподавание иностранных языков — составная часть общей системы образования, и поэтому в известной степени оно подчиняется основным тенденциям развития этой системы. Наиболее очевидно это отражается в методах обучения. Общемировая направленность на гуманизацию образования отражается в преподавании иностранных языков, ориентируя процесс обучения на развитие личности обучаемого средствами данного учебного предмета. Так, в контексте воплощающего эту тенденцию личностно-деятельностного подхода фиксируется изменение схемы общения, которая должна быть субъект-субъектной. Данный подход предполагает, что цель каждого занятия определяется с позиции обучаемого, при этом не только в плане приобретения им знаний, умений, но и точки зрения прогрессивных изменений в структуре личности. Личностно-деятельностный подход означает учет индивидуально-психологических особенностей студентов, формирование этих особенностей, общекультурное, личностное развитие обучаемых. Главной характеристикой гуманистической направленности личностно-ориентированного обучения иностранным языкам относительно его содержания, методов преподавания, видов и способов педагогического воздействия является его психотерапевтическая основа, под которой понимается формирование и развитие принципиально новых, психически комфортных, ситуативно-адекватных, безопасных для самого человека и общества способов взаимопонимания между людьми в профессиональной деятельности и в личной жизни.

Как уже было упомянуто выше, одна из форм проявления толерантности — это сотрудничество, умение эффективно работать в команде, учитывать мнение членов группы. В этой связи особое место отводится обучению в сотрудничестве (cooperative learning) (Е.С. Полат). Педагогика сотрудничества

является одним из наиболее всеобъемлющих педагогических обобщений 80-х годов, вызвавших к жизни многочисленные инновационные процессы в образовании. Два субъекта одного процесса должны действовать вместе, быть сотоварищами, партнерами. Для решения заявленной нами в заглавии проблемы, опыт обучения в сотрудничестве как общедидактический концептуальный подход представляется наиболее интересным.

И, наконец, самым важным моментом в формировании толерантности у студентов младших курсов возможностями предмета «иностранный язык» является сам механизм овладения языком. Изучение иностранных языков помимо собственно языковой подготовки и лингвистического развития может актуализировать у студента различные виды толерантности, в том числе этническую толерантность, открытость по отношению к другим культурам и представителям этих культур. Овладевая иностранным языком, студент приобщается к соответствующим невербальным средствам передачи личностных смыслов. В сферу осознания студента входят и подзержаются критической рефлексии весьма важные для профессионального становления, привычные для студентов манеры слушания, дистанцирования при говорении, контакта глаз и физического контакта, доминирования и т.д. Сам методический аспект, организационные формы занятия помогают в обучении студентов сотрудничеству, выражению своих позиций, точек зрения, например, по прочитанному, ведению диалога, эмпатийному слушанию. В этом случае традиционные аспекты изучения языков (фонетический, лексический, грамматический) органически дополняются психолингвистическими — с прицелом на усвоение студентами принципов гуманитарного, «другодоминантного» общения. Таким образом, овладевая или обучая тому или иному языку, решается педагогическая задача по формированию толерантности.

Ведущим частнометодическим принципом является принцип коллективного взаимодействия. Данный принцип гласит, что взаимодействие является средством привлечения студентов в процесс коммуникации на занятии. Студенты, работая в парах, небольших группах, решают общую, коллективную, речемыслительную задачу. Этот принцип также означает создание особых, доверительных отношений между студентами, взаимную помощь и поддержку. Для его реализации важно формировать у обучаемых соответствующие коммуникативные и социально-психологические умения общаться в различных ситуациях. Принципы обучения реализуются в методических приемах. Эти приемы обеспечивают речевое и социальное взаимодействие. Основными и наиболее эффективными приемами личностно-ориентированного обучения являются приемы социального взаимодействия. Основное назначение приемов социального взаимодействия, помимо его обучающего потенциала, заключается в том, что его задачей является формирование межличностной составляющей будущей профессиональной деятельности путем развития психодинамических свойств индивида и формирования его социальных умений и навыков.

Особое значение в развитии толерантности у студентов приобретает и выделяется в качестве условия формирования толерантности у студентов вуза - игровое моделирование. Игровое моделирование — активный метод обучения посредством игры или ее элементов. Игра — один из видов деятельности человека, направленный на познание окружающей действительности. Игра имитирует различные аспекты

человеческой активности и социального взаимодействия. Игра служит одним из важнейших средств физического, умственного и нравственного воспитания и самовоспитания детей. Моделирование связано с тем, что любая игра — это модель жизни. В соответствии с этим в деловой или ролевой игре моделируются реальные жизненные события, ситуации, где могут демонстрироваться как позитивные, так и негативные формы поведения и взаимодействия. Преимуществом игрового обучения является то, что негативные действия или неправильно принятые решения не ведут к катастрофическим последствиям для участников такого обучения, но в тоже время дают опыт соответствующих переживаний и развивают навыки выхода из кризисных ситуаций, спровоцированных таким поведением.

Игровые занятия максимально индивидуализируют процесс обучения, что дает возможность каждому участнику демонстрировать собственный как умственный, так и творческий потенциал. У обучаемых расширяется интерес к выбранной профессиональной деятельности. Это позволяет им наилучшим образом и с наименьшими потерями адаптироваться к ней в реальной практике с высокой степенью психологической и мотивационной готовности. В результате, процесс обучения становится более творческим, увлекательным, а активность обучаемых проявляется сама собой, так как сама обстановка интерактивного взаимодействия заставляет участников игрового процесса быть активными.

Нельзя не отметить и тот факт, что за время обучения в режиме интерактивного взаимодействия участники игры переживают изменение личностных ценностных ориентаций, деловое общение наполняется новым, менее прагматическим и директивным и более гуманным, нравственным смыслом.

Игровое моделирование на занятиях иностранным языком реализует важнейшие стратегические и методологические принципы социального взаимодействия: принцип партнерства, принцип равенства, принцип общения, группового взаимодействия. Принцип партнерства побуждает каждого участника игрового моделирования к уважению партнера и тем самым к признанию равенства (одноуровневости) позиций в системе субъект-субъектных отношений с ними независимо от ролей, принятых в той или иной игре и разыгрываемых партнерами. Считается, что партнерский стиль общения является наиболее эффективным для игрового взаимодействия, поэтому преподаватель, использующий игровое моделирование, должен сам демонстрировать такой стиль и создавать соответствующую атмосферу уважительности и взаимопонимания.

Таким образом, технологии игрового моделирования очень органично вписываются в образовательный процесс, не затрагивают содержания обучения, позволяют наиболее эффективно достигать прогнозируемых результатов обучения и раскрывать потенциальные возможности каждого студента.

Перечислим главные преимущества технологий игрового моделирования перед традиционным обучением в плане формирования толерантности у студентов.

1. Игровая форма соответствует логике деятельности, включает момент социального взаимодействия, готовит к конструктивному профессиональному общению.

2. Игровые компоненты способствуют большей вовлеченности участников взаимодействия в про-

цесс обучения, побуждают их к непроизвольной активности.

3. Игровые технологии насыщены обратной связью, причем более содержательной и богатой по сравнению с применяемой в традиционных методах.

4. В играх формируются ценностные ориентации и установки профессиональной деятельности, легче преодолеваются стереотипы, корректируется самооценка.

5. В играх проявляется вся личность, ее позитивные и негативные индивидуальные особенности, корректируется поведение, проявляется стиль делового партнерства.

В заключение следует отметить, что вышеперечисленные составляющие психолого-педагогических условий не взаимозаменяемы, они должны дополнять друг друга.

Библиографический список

1. Бодалев А.А. Психология о личности. Монография. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1988. -188с.
2. Воронина Е.В. Реализация эргономического подхода в образовательном процессе современной школы: Дис. ... канд.-пед.наук. Тобольск. 2001. — с.180
3. Толерантность/ Общ. ред. М.П.Мчедлова. - М.: Республика, 2004. — 416 с.
4. Трайнев И.В. Конструктивная педагогика: уч.пособие/ Под общ.ред В.А.Матросова.-М.:ТЦ Сфера, 2004. -320 с.

ДАНИЛОВА Светлана Валерьевна, ст. преподаватель кафедры иностранных языков.

Дата поступления статьи в редакцию: 02.08.2006 г.
© Данилова С.В.

УДК 81: 372.8 + 374.02

Н. Л. ГОНЧАРЮК

Барнаульский государственный педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ И ЕЕ РОЛЬ В ОБУЧЕНИИ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

В Алтайском крае представлены все основные диалектные ареалы немецкого языка. Но русский язык оказал значительное влияние на эти диалекты. В условиях двуязычия российские немцы используют немецкий язык в кругу семьи, а русский — для контактов с внешним миром. Все это отражается на ЯКМ, в создании которой решающую роль играет фразеология. При формировании языковой компетенции немецкого литературного языка на уроках немецкого языка следует учитывать степень влияния русского языка и немецкого литературного языка на развитие островных немецких говоров в России.

Каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации. Отсюда модно сделать вывод, что каждый язык имеет особую картину мира, и языковая личность должна организовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. И в этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке (Маслова 2001: 64).

Ситуация, в которой сейчас находится немецкий язык в России, в лингвистике называется диглоссией. В данном случае речь идет о, по меньшей мере, двух языках или вариантах, использование которых разграничивается сферами коммуникации (Rosenberg 1992: 60).

Немецкий язык оттеснен в сферу частной жизни, близкого окружения, собственного дома, тогда как русский язык является языком контактирования с внешним миром.

П. Розенберг подчеркивает, что те, кто обладает компетенцией немецкого литературного языка, - часто «трехязычны»: они говорят на диалекте, литературном немецком языке и русском языке. Владение немецким языком зависит от разных факторов: возраста, сохранения в кругу семьи немецких тра-

диций, принципов создания семьи, места проживания (город или село), региона, образования в школе и детском саду и др.

Компетенция в литературном немецком языке, по мнению Н. Беренд, в первую очередь зависит от возраста. По принадлежности к поколению можно судить об уровне знаний литературного немецкого языка. Читать, говорить и писать на немецком литературном языке может только самый старший слой старшего поколения российских немцев, которые обучались в немецких школах до 1939 года. Это поколение сегодняшних прадедушек и прабабушек.

Поколение дедушек и бабушек, напротив, - поколение «переломного» периода. По компетенции в немецком языке они делятся на две группы. Первая группа начала учебу в немецкой школе, но не закончила, либо продолжила обучение уже в русской школе. Они могут читать, немного говорить, а пишут на смеси немецкого и русского языков, при доминировании немецкого языка. Вторая группа не обладает компетенцией немецкого литературного языка. Они не могут ни писать, ни читать, ни говорить на немецком языке. Очень часто они неграмотны и владеют только устной формой диалекта.

Среднее и младшее поколение владеет немецким языком только на уровне компетенции приобретенной исключительно в школе на уроках немецкого языка. Знания этих поколений довольно скудны и ограничены.

Уроки немецкого языка в школе — безусловно, фактор, способствующий сохранению немецкого языка, но материальная и концептуальная базы считаются неудовлетворительными. Нет учителей немецкого языка, которые бы могли вести все предметы школьной программы на немецком языке, очень мало учебников, а имеющиеся уже давно устарели, нет никакой художественной литературы на языке.

Хотя школьное обучение немецкому языку как родному всегда играло большую роль в истории немецких колоний в России. Большинство немецких колонистов до революции вообще не знали русского языка. Делопроизводство вообще не знали русского языка, школьные учителя содержались за счет общины, а образованием в колониях чаще всего занималась церковь. Ученики обучались чтению по религиозным книгам, немного изучали письмо, счет библейскую историю, учили наизусть катехизис, молитвы, церковные гимны, тексты из Евангелия (Смирнова 2003: 40).

После 1917 года функциональное развитие немецкого языка проходило в рамках автономной республики, национальных районов и сельсоветов, что способствовало росту числа немецких школ. Но с введением новой экономической политики школы были сняты с государственного обеспечения и переданы на содержание населения. С тех пор стала проявляться тенденция к переводу обучения в национальных школах на русский язык. А после принятия постановления СНК и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» язык российских немцев был предан забвению и получил статус иностранного языка. Восстановление преподавания немецкого языка как родного началось только в 80-х годах XX века и сталкивается до сих пор со значительными трудностями.

В настоящее время в немецких селах Алтайского края немецкий диалект наряду с русским языком служит средством коммуникации и активно употребляется в относительно замкнутых сообществах, объединенных территориально, в хозяйственном, культурном и языковом отношениях. Немецкие диалекты долгое время были изолированы от основного языкового коллектива и при этом подвергались воздействию иноязычного окружения.

Островные немецкие говоры этого региона представляют на относительно небольшой территории три основных диалектных ареала: нижне-, средне- и южнонемецкий. Оказавшись в положении иноязычных языковых островов, эти говоры начали развиваться особыми путями. В результате изоляции от основного языкового коллектива в них сформировался целый ряд специфических фонетических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей, обусловленных внутренними законами их развития. В то же время их структура длительное время подвергалась и продолжает подвергаться воздействию идиолектного и иноязычного окружения, что вызвало ее своеобразные изменения и привело к интенсификации процессов выравнивания и унификации (Москалюк 2002: 6).

Все эти процессы отразились в ЯКМ российских немцев, в формировании которой именно фразеология играет решающую роль.

Ведь способ видения мира через языковые образы, запечатленные во фразеологической системе, строится на общих для всех людей логико-психологических и собственно лингвистических основаниях. Их экспликация поможет вскрыть механизм образования мышления и закономерности языка, отвечающие за внутреннюю организацию фразеологической системы.

Диалекты российских немцев отражают взаимовлияние двух культур: немецкой и русской. Это взаимовлияние естественным образом имеет место и в ЯКМ. В немецкую ЯКМ постепенно, по мере контактирования с окружающей языковой средой, влетают элементы русской ЯКМ. Сначала — это заимствованная лексика: *stark wie en Medwedj* (сильный как медведь); *Der Serg in der Pjatka komme*. (Сердце ушло в ляжки.); далее — структурные построения предложений: *Der hat verlorf eine Schraube*. (У него не все дома), которые ведут к постепенному изменению всей системы языка: *Der hot Milch an dr Gubach*. (У него молоко на губах не обсохло.).

Данные особенности следует учитывать при обучении немецкому языку и разграничивать фразеологические единицы на группы. Таким образом, с точки зрения соответствия немецкому языковому стандарту фразеологизмы островных немецких говоров делятся на 3 группы:

1) Фразеологизмы, полностью совпадающие с фразеологизмами современного немецкого литературного языка: диалект. *sich dr Bauch vor lache halle* — нем. *sich(D.) den Bauch vor Lachen halten* — рус. ладорвать животики от смеха;

2) Фразеологизмы, частично совпадающие с фразеологизмами современного немецкого литературного языка: диалект. *'n Knuppel ins Rad stecke* — нем. *einen Knuppel in den Weg werfen* — рус. вставлять палки в колёса;

3) Фразеологизмы, не имеющие аналогов в современном немецком литературном языке: диалект. *auf einen Zahn* — рус. на один зуб, мало (о еде).

Фразеологизмы первой группы попали в говор от первых переселенцев из Германии, которые долгое время оставались монолингвами, не владея языком окружения. Но постепенно русскоязычные понятия начали проникать в немецкие говоры. Х. Франк полагает, что проблема проникновения иноязычных понятий существовала еще во времена колонизации. В то время коммуникация с внешним миром была незначительной, и емкости немецкого лексикона было достаточно для общения переселенцев между собой. Но в результате дальнейшего экономического и технического развития и позднее в связи с «рассеиванием» немцев возникла языковая проблема. Конфронтация с незнакомым образом жизни, профессиями и ситуациями, специфичными для страны проживания и не имеющими соответствия в немецком языке, стала причиной того, что русские понятия интегрировались в немецкий словарный состав.

Так появились фразеологизмы второй и третьей групп. Из-за недостатка соответствующих синонимов, с одной стороны, и из-за незнания немецкого литературного языка, с другой стороны, возникла неуверенность в употреблении собственного родного языка, которая отразилась на стилистике, выборе слов и синтаксисе.

Итак, при обучении немецкому языку российских немцев следует учитывать их диалектную компетенцию, а также изменения, связанные с влиянием русского языка и русскоязычного окружения.

Библиографический список

1. Добровольский Д. О., Малыгин В. Т., Коканина А. Б. Составительная фразеология (на материале германских языков). Курс лекций. — Владимир, 1990. — 80 с.
2. Копчук А. Б. Лексика и фразеология немецких диалектов: Учебное пособие для студентов университетов и факультетов иностранных языков. — СПб.: ООО «Береста», 2002. — 127 с.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология. Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. — М.: Академия, 2001. — 208 с.
4. Москалюк А. И. Современное состояние островных немецких диалектов. Монография. Барнаул: Изд. БГПУ, 2002. — 292 с.
5. Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. — Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. — 88 с.
6. Berend N. Sprachliche Anpassung. Eine soziolinguistisch-dialektologische Untersuchung zum Russlanddeutschen. — Tübingen: Narr, 1998. — 253 S.

7. Frank H. Zur sprachlichen Entwicklung der deutschen Minderheit in Rußland und in der Sowjetunion. — Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1992. — 263 S.

8. Rosenberg P. Neue Forschungen zum Zustand der Sprache der Deutschen in der Sowjetunion. // Kulturelle Identität der deutschsprachigen Minderheiten in Rußland / UDSSR. Ost-West-Kongreß Kassel. Band 2. / Kugler, Hartmut (Hrsg.) — Kassel: Jenior & Pressler, 1992. — S. 45 — 73.

ГОНЧАРЮК Наталья Леонидовна, старший преподаватель кафедры второго иностранного языка, аспирант кафедры немецкого языка № 1.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.08.2006 г.
© Гончарюк Н. А.

УДК 378.635.174:796

В. Р. БЕЛОМЕСТНОВА

Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет
им. Н.Г. Чернышевского, г. Чита

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ИНТЕГРАЦИИ КУРСА МАТЕМАТИКИ С ФИЗИЧЕСКИМИ ДИСЦИПЛИНАМИ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ФИЗИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

На основании проведенных исследований установлено, что математическое моделирование является эффективным средством интеграции курса математики с физическими дисциплинами при обучении студентов физических специальностей педагогических университетов. Реализация интегративных связей в обучении математике рассматривается через решение прикладных задач, имеющих межпредметный характер.

Одним из приоритетных направлений государственной образовательной политики России выступает качественное обновление образования. Основным средством поставленной задачи является подготовка педагогических кадров, способных обеспечить новое качество образования в современных условиях. В связи с этим, проблема подготовки будущего учителя физики, умеющего адаптировать и проектировать свою педагогическую деятельность в современных условиях, является актуальной.

Одной из основных характеристик подготовки учителя физики является уровень его математического образования. Проблема повышения эффективности математической подготовки студентов физических специальностей связана с особенностями их будущей профессии. Следовательно, курс математики, в системе подготовки учителя физики, не должен копировать курсы высшей математики математичес-

ких и физических факультетов классических университетов и вузов.

Один из методов обучения математике основан на применении математического моделирования. Применение метода моделирования позволяет показать универсальность математических уравнений и алгоритмов, дает возможность унифицировать описание разнообразных по своей природе процессов. Использование понятий, связанных с моделированием, непосредственно в процессе обучения математике позволяет совершенствовать методику ее преподавания, избежать формального подхода к обучению, реализовывать межпредметные связи. Кроме того, у студентов формируются представления о роли математических методов в преобразующей деятельности, о характере отражения математикой явлений окружающего мира посредством математики.

В процессе моделирования объектов, имеющих различную природу, качественно новый характер

приобретают межпредметные связи, объединяющие различные отрасли знания посредством общих законов, понятий, методов исследования.

Анализ психолого-педагогической и научно-методической литературы, посвященной теории интеграции, показал существование различных направлений в исследовании сущности данного явления. Наличие нескольких подходов к определению межпредметных связей свидетельствуют о многоструктурности и многофункциональности рассматриваемого педагогического явления. Проблема интеграции занимает в настоящее время одно из центральных мест в дидактике и привлекает к себе внимание широкого круга исследователей. Актуальность данной проблемы в обучении обусловлена современным уровнем развития науки, на котором ярко выражена интеграция общественных, естественнонаучных и технических знаний. Степень интеграционного взаимодействия дисциплин М.Н. Берулава характеризует тремя уровнями: целостности, дидактического синтеза, межпредметных связей. Сегодня интеграция, прежде всего, исследуется в основном на третьем уровне – прикладном, уровне межпредметных связей.

В классической педагогике идеи межпредметных связей посвящены труды Я.А. Каменского, К.Д. Ушинского, А.И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и других. Дальнейшее развитие проблемы межпредметных связей нашло отражение в работах М.Н. Берулава [1], В.А. Далингера [3], В.Н. Максимовой [5], М.И. Махмутова [6], В.Н. Федоровой и др., а также во многих диссертационных исследованиях, посвященных изучению различных аспектов межпредметных связей.

Поскольку интеграционные связи являются разнохарактерными по своему содержанию, возникает необходимость их классификации. В основу классификации разные авторы кладут различные признаки интеграционных связей. Это обусловлено тем, что интеграционные связи рассматривались в различных аспектах – философском, психологическом, общепедагогическом, частнонаучном, дидактическом. Если интеграцию содержания образования рассматривать как объект исследования, то можно выделить два основных подхода: 1 – содержательный; 2 – процессуальный. Такую классификацию предложили М.Н. Скаткин, Г.И. Батурина [8]. Содержательный подход реализуется на уровне учебных предметов. М.Н. Скаткин, Г.И. Батурина указывают, что в процессе обучения объектами усвоения выступают не только знания, но и приемы, способы деятельности, поскольку в структуру учебно-познавательной деятельности в качестве ее основных элементов входят не только содержательная, но и операционная стороны (система действий, направленная на решение тех или иных задач). В первом случае ставится цель создать у обучающихся систему обобщенных знаний, во – втором систему деятельности, общей для различных предметов.

Анализ исследований по данной теме позволил сделать вывод, что основой интеграции математики и физических дисциплин является многократное повторение, протекающее каждый раз в новых условиях при изучении различных дисциплин. Охватывая разные системы знаний, умений и навыков по ряду учебных дисциплин, межсистемные и межпредметные ассоциации позволяют обобщить изученный материал, рассматривать его в различных аспектах. Проведенные педагогические, психологические и научно-методические исследования показывают, что осуществление интеграционных связей в образовательном процессе имеет огромное значение как для овладения

основами наук, так и для развития системы знаний, а также для формирования научной картины мира.

Анализ работ Н.А. Бурмистровой [2], В.А. Далингера, Ю.М. Колягина [4], А.А. Пинского [7] и др. показал, что наиболее перспективным инструментарием для реализации интегративных связей математики и физических дисциплин является метод математического моделирования.

Использование моделирования в обучении обосновывается с двух позиций: как содержание, которое студенты должны усвоить в процессе обучения, и как способ познания, которым они должны овладеть; как одно из основных учебных действий, которое является составным элементом учебной деятельности. Первый аспект обусловлен задачей формирования у студентов научно-теоретического типа мышления. Второй аспект состоит в исследовании места и форм использования моделирования как особой формы наглядности, а также в формировании у обучающихся умения использовать моделирование для построения и фиксации общих схем действий и операций, которые они должны проделать в процессе изучения различных понятий.

На основе анализа процесса обучения и научно-методической литературы нами выделены следующие функции моделирования: познавательная, системобразующая, развивающая, функция овладения научным методом познания; моделирование является средством создания проблемных ситуаций, средством формирования математических знаний. Включение моделирования в учебный процесс рационализировать его и одновременно активизирует познавательную деятельность обучающихся. Мы рассматриваем различные подходы к классификации моделей. Классификация моделей, построенная на анализе их содержания, сливается с характеристикой роли моделей в конкретных науках. Также рассматриваются различные подходы к этапам моделирования. Мы за основу берем этапы математического моделирования, изложенные в математической энциклопедии, где указывают, что процесс моделирования носит циклический характер, и в каждом цикле можно выделить следующие этапы:

- 1) постановка задачи и ее качественный анализ;
- 2) построение математической модели;
- 3) решение с помощью модели поставленной задачи;
- 4) проверка адекватности модели реальной ситуации и ее корректировка в случае недостаточной степени соответствия модели реальному процессу;
- 5) реализация результатов исследования.

Предлагаемая структура процесса моделирования находит свое применение при решении задач, ориентированных на прикладную направленность математики. Под прикладной направленностью обучения математике мы понимаем действенность математических знаний, обеспечивающих математическое моделирование реальных процессов и явлений. Мы рассматриваем реализацию интегративных связей в обучении математике через решение прикладных задач, имеющих межпредметный характер. Обращение к методу математического моделирования в рамках реализации межпредметных связей математики и физики дало возможность составить классификацию прикладных задач. К первому классу прикладных задач относятся такие, в которых из процесса решения исключен процесс формализации, т.е. необходимая для решения задачи математическая модель содержится в условии задачи. Таким образом, решение в данном случае включает математическое исследование модели, описываемого в задаче явле-

ния и истолкование полученных математических результатов с точки зрения их реальности. В процессе решения задач второго класса осуществляется этап математического моделирования: построение математической модели, внутримодельное решение, интерпретация полученных результатов. Сложностью математического исследования модели в задачах первого класса и степени самостоятельности построения математической модели в процессе решения задач второго класса определяется соотношение межпредметных задач уровню изучения межпредметного материала. Осуществление интегративных связей через межпредметные задачи реализуется на уровне знаний и видов деятельности и является одним из способов формирования мотивации обучения студентов.

На основе анализа Государственных образовательных стандартов, программ и учебников по математике для педагогических вузов нами установлено: требования к знаниям и умениям по математике не всегда отражают общие требования к образованности специалиста; учебники и учебные пособия по математике мало дифференцированы для различных специальностей и практически не делают акцентов на применение математики к решению профессиональных задач.

Поскольку каждый преподаватель ограничен временными рамками академической нагрузки и учебной программой, в которой четко указано какие разделы и в какой последовательности должны быть изучены, упор в организации интегрированных занятий делается на занятия по курсу «Математика». При этом нами поставлены следующие цели:

1) при моделировании физических задач расширить и углубить знания по математике, показать их необходимость и возможности при изучении реальных объектов, процессов и явлений окружающего мира в приобретении новых знаний, привить навыки самообразования и саморазвития;

2) организовать учебную деятельность студентов на занятиях по курсу «Математика», направленную на формирование у них профессиональных умений и навыков, связанных с выбранной специальностью.

С учетом основных положений исследования нами разработан и реализован курс «Математика», содержание которого базируется:

– на соблюдении государственных требований к минимуму содержания и уровню подготовки бакалавров физико-математического образования по предмету «Математика»;

– на использовании математического моделирования как основного средства интеграции математики с физическими дисциплинами при формировании у студентов профессиональных умений и навыков.

Мы рассматриваем реализацию интеграционных связей в обучении математике в таких формах обучения в вузе, как лекция, практическое занятие, самостоятельная работа. Каждая из форм обучения входит в общую систему образовательного процесса как составная часть, неся в себе определенную дидактическую нагрузку, имея специфические особенности и области наилучшего применения.

В результате проведенного исследования выявлена структура лекции интеграционного характера при введении основных математических понятий и методов, способствующая развитию продуктивного мышления студентов, раскрытию связей излагаемого материала с профессиональными приложениями. Рекомендуется следующая структура лекции:

1) постановка межпредметных задач, с учетом выбранной специальности;

2) построение обобщенной математической модели этого класса задач;

3) изучение математических методов решения этого класса задач;

4) применение изученных методов для решения прикладных и профессиональных задач и выявление свойств процессов, которые могут исследоваться с помощью этой модели.

При таком подходе создаются предпосылки для проблемного изложения материала, позволяющего повысить познавательный интерес и активность работы студентов на лекции.

Познание математической теории не ограничивается обоснованием свойств и связей основных понятий. Важное значение для усвоения математических теорий в дидактическом плане имеют умения и навыки применения теорий к решению задач. Для достижения наиболее полного раскрытия научно-теоретических принципов при обучении в вузе используется форма семинаров и практических занятий со студентами. Практические занятия в вузах являются одним из важнейших составляемых математического образования. Для реализации межпредметных связей практические занятия по математике имеют вид интегрированных занятий. Важное значение имеют практические занятия, имеющие тип занятий-консультаций. На занятиях данного типа проводится целенаправленная работа по ликвидации пробелов в знаниях студентов и по обобщению систематизации программного материала.

Мы рассматриваем реализацию интеграционных связей математики и физических дисциплин методом математического моделирования при изучении следующих разделов высшей математики: 1) дифференциальное исчисление функции одной переменной; 2) определенный интеграл; 3) криволинейные интегралы; 4) двойные интегралы; 5) поверхностные интегралы; 6) тройные интегралы; 7) элементы векторного анализа.

По каждому из указанных разделов высшей математики разработана система прикладных задач межпредметного характера. Подбор задач определяется целями обучения. Сконструирована система прикладных задач, которая должна обеспечивать достижения ближайших и отдаленных целей. Разработаны принципы отбора задач для индивидуальной работы, среди которых можно выделить следующие: концентрация на основных идеях курса; профессиональная направленность опорных задач темы; репрезентативность (соответствие теме, программе); приемлемость с точки зрения цели и качества обучения. Рассмотренные задачи должны обеспечивать усвоение системы средств, необходимых и достаточных для успешного осуществления всех видов учебной деятельности. Учебные задачи конструируются так, что соответствующие средства деятельности, усвоение которых предусматривается в процессе решения, выступают как прямой продукт обучения. Особое внимание обращается на конструирование задач, направленных на осмысление студентами своих действий, задач на рефлексию обучающей деятельности.

Эффективность разработанной методики проверялась в ходе педагогического эксперимента, состоящего из трех этапов. Основная цель нашего эксперимента заключалась в практическом подтверждении научной гипотезы исследования. Разработанная методика обучения студентов математическому моделированию при реализации межпредметных связей математики и физических дисциплин является эф-

фективной и в целом способствует повышению уровня знаний и умений при обучении математике.

Библиографический список

1. Борулава М.Н. Интеграция содержания общего и профессионального обучения в профтехучилищах. / М.Н. Борулава. — Томск, 1988. — 222 с.
2. Бурмистрова Н.А. Обучение студентов моделированию экономических процессов при реализации интегративных функций курса математики в финансовом колледже. / Н.А. Бурмистрова. Автореферат дис... канд. пед. наук. — Омск, 2001. — 21 с.
3. Далингер В.А. Реализация межпредметных связей. Учебное пособие. / В.А. Далингер. — Омск: ОИУУ, 1991. — 94 с.
4. Колягин Ю.М. Задачи в обучении математике. / Ю.М. Колягин. — М.: Просвещение, 1977. — 110 с.
5. Максимова В.Н. Межпредметные связи и совершенствование процесса обучения. / В.Н. Максимова. — М.: Просвещение, 1984. — 143 с.

6. Махмутов М.И. Учебный процесс с использованием межпредметных связей в средних ПТУ. / М.И. Махмутов, А.З. Шакирзянов. — М.: Высшая школа, 1985. — 208 с.

7. Пинский А.А. Математическая модель в системе межпредметных связей. Межпредметные связи естественно-математических дисциплин. / А.А. Пинский. — М.: Просвещение, 1980. — с. 109-119.

8. Скаткин М.Н. Межпредметные связи: их роль и место в процессе обучения. // Межпредметные связи в процессе преподавания основ наук в средней школе: тезисы Всесоюзной конференции. / М.Н. Скаткин, Г.И. Батурина Г.И. — М.: НИИ общей педагогики АПН СССР, 1973. — с. 18-23.

БЕЛОМЕСТНОВА Вера Ревюкатовна, ст. преподаватель кафедры мат. анализа

Дата поступления статьи в редакцию: 14.08.2006 г.
© Беломестнова В.Р.

Книжная полка

English for Computer Science Students: учеб. пособие / сост. Т. В. Смирнова, М. В. Юдельсон; науч. ред. Н. А. Дударева. — 6-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 8 п.л.

Пособие состоит из 9 уроков, каждый из которых помимо текстов содержит ряд интересных упражнений, нацеленных на усвоение научно-технической лексики: терминов, аббревиатур, акронимов и т. п. Может быть использовано для аналитического или домашнего чтения профессионально-ориентированных текстов, расширения словарного запаса, навыков профессионального общения на английском языке в устной или письменной форме.

Для студентов, аспирантов и имеющих базовые знания английского языка, интересующихся актуальными проблемами, связанными с возникновением, развитием и будущим компьютеров, глобальной компьютеризацией общества.

Learn to Read Science: курс англ. яз. для аспирантов: учеб. пособие / Отв. ред. Е. Э. Бреховских. — 6-е изд., испр. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 23 п.л.

Пособие — комплексный курс английского языка, направленный на развитие навыков чтения научной литературы на базе знаний, предусмотренных программой по английскому языку для неязыковых вузов. Курс рассчитан в первую очередь на специалистов в области точных и естественных наук, но может быть использован и в группах гуманитарного профиля. Состоит из текстов, предтекстовых упражнений, послетекстовых заданий по развитию навыков письменной речи. Дано краткое грамматическое приложение, охватывающее материал, предусматриваемый программой к сдаче кандидатского экзамена по английскому языку.

Для лиц, занимающихся точными и естественными науками, может быть использовано и в группах гуманитарного профиля.

CONTENTS
SCIENCE AND EDUCATION

Shpakina I.G. About the meaning of professional competence of municipal educational institutions' principals in the work with the staff under conditions of educational modernization	5
Polkanov V.D. Omsk State Technical University: the way to development of quality in student's education (to the question of the quality problem concept)	9
Gidlevisky A.V. Methodology of difficulty evaluation in teaching and methodical provision for quality management in education	14

SOCIETY. HISTORY. MODERNITY

Vesna M.A. Transitiveness of scientific description of natural and inter-subjective phenomenon of self-organization	18
Nagapetjan E.N. Civil Duty and its structure	21
Bosynov S.K. National and mankind common treasures: acsiological aspect	24

PHILOLOGICAL SCIENCES

Concept being and its place in Russian concept sphere

Avlasovich S.M. The concept "sanctity" in works of Epiphany the Wise (Premudriy)	28
Belaya E.N. Ways of representing human emotions in language and speech in Russian and French	31
Zinkovskaya L.S. Semantic group <i>home-made pastry</i> representing the concept BREAD (based on the materials of dialects of the middle Irtysh river area)	35
Savelyeva Y.S. Spatial characteristics of concepts "relationship" and "friendship"	38
Reflection of perception elements to language world picture	
Boreyko T.S. Predicates of tactile Perception in World Picture of Russian Language	42
Borodina M.A. Semantic plurality of 'I' by narrator realising the main ideas of the existence (using «Doctor's notes» by V.V. Veresaev)	46
Galkina T.G. Analysis of character sensitive nature in belles-lettres (by example of Nabokov's short story "The Beauty")	50
Lebedeva T.V. Particular conceptualization of "backward motion" in A. Akhmatova's lyrics	53
Leschinskaya O. G. The visual perception in the language of the city	55
Nikolenko O. Y. Semantic variation of relationship names in local colloquial speech	58
Fedyaeva N. D. Regularity in Russian linguistic world picture	62
Shcherbakova N. N. Nouns with modified meanings of "femininity" subjective perception in Russian colloquial language of the XVIII century	65
Yachmeneva S.P. Functions of argotisms in belles-lettres (XIX century)	68
Vocal specifics in genre	
Abrosimova E.A. Bard's song in the context of alternative song styles	72
Akaeva E.V. Communicative strategies of medical practitioners involved in scientific popular TV programs	75
Belkina E.Y. Peculiarities of literary text perception (experimental research)	77
Ivanova E.A. Epistolary text the monitor of communicative behavior of language personality	82
Kobzeeva O.V. Axiological meanings and expressions in «theatrical review» speech genre	85
Kolyagina T. Y. The Carskoe Selo myth of "golden age" in A.S. Pushkin's lyrics	89
Manyanin P.A. Syntactic analysis of complex texts in mass media advertisements: problem-positioning	92

Linguistic and cultural aspects

Gerdt E. V. Transfer of national cultural information (example of the tense categories in English and Russian language)	95
Korovina N. A. Meaning and emotive content of the cognitive singular and plural form of the category of number in the linguistic model of the world	98
Okoneshnikova I.G. Special features of polymodality of the author's perceptual system in belles-lettres	102
Penkov A.A. The comparative analysis of two English-to Russian translations of euphemisms in the novel "Three men in a Boat" by Jerome K. Jerome	104
Pomogalov A. V. The notion and the main psychological parameters of deviant behavior	106
Rakhimbergenova M. Kh. The ethnic nominations in modern mass media	108
Shkaiderova T. V. «Totalitarian language»: specification, function and problems of analysis	111
Shtekhman E. A. The linguistic peculiarities of original Russian settler's dialects of the Middle Priirtyshie in the aspect of the dialect analysis	117
Yunakovskaya A.A. The model of behavior through mentality of citizens	121

Literature criticism

Avlasovitch S.M. Literary sources and significance of amplification at Epifanij Premudryi's hagiography	125
Demenkova N.P. The concept of destiny in A. Block's lyrics	128
Khomyakov V.I. To the trends of Russian-Kazakh relations (by the example of works by P. Vasiliev)	131

Linguistics

Batyushkina M.V. Fixity, different position and mobility as main characteristics of modern Russian word stress (on material of inflexion)	135
Vykhristyuk M.S. The sequence of main parts of a simple sentence in business texts of Tobolsk at the end of XVIII century	139

Kozhanova N.V. Descriptive nominations in the system of nomenclature names of professions in German language	142
Nikolenko O.Yu. About definition of relative names as terms	144

FINE ART SCIENCE

Sheludyakova O. E. Principles improvisation in melody of late Romanticism	147
Kushpileva M.Yu. Peculiarities of musical lexicon of «Stabat Mater»	153

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Gorshkov E.G. Free economic zones as a necessary condition of organization of technoparks activity	157
Nazarkina Yu.N. Formation of Demand in Managers and Specialists of Agricultural institutions	160
Yakovleva E.V. Actualization of problems of innovative management in modern economy	164
Falileeva G.A. Railway service as an factor impact on a process of modernization in Siberian at the of the XIXth - XXth	168
Yaschuk T.F. Organization of local taxation and dues collection system (example of domestic experience in 1920 th)	172
Semyonova E.S. Modeling the process of modernization of the bus fleet in cities in Siberia	176
Eikhler L.V., Falaleeva O.V. Constant expenses of trucking contractor and the cost effecting factors	179
Katsiel S.A., Feschenko B.S. Intellectual Market relations potential of Omsk region: management problems	181
	Resume
Levochkina N.A. Natural and resource potentials of region as basis of regional tourist business	189

JURISPRUDENCE

Romanenko M.A. Peculiarities of investigation of copyright crimes in the Internet	191
Golovin V.V. Assessment of activity of administrative managers in regional organ of Federal Service of Court Police	196
Suvorov M.A. Tax secret: the matter and responsibility for its divulgence	199
Kalганova L.A. Implementation of a criminology metric approach for evaluation of effectiveness of methods of organizational control in Federal Service of Court Police	202
Abdrakhmanov M.Kh. Legal person business reputation: legal origins, trends and methods for the protection in the criminal procedures	205
Dityatkovsky M.Yu. Varieties of individual state authorities given or might be given to the local self-management organs	209
Fakhrutdinova T.M. Stimulation as means of ensuring internal labour regulation in organization	215
Masley S.E. Legal control of slum and emergency housing resource clearance by local government	219
Kozhevina M.A., Saleva N.N. Homicide coupling other crimes: to the history of domestic Criminal Law	223

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SCIENCE

Filatova A. F. The typology of characters in domestic psychology-pedagogical research	227
Kubarev V.C. Two activity approaches in domestic psychology of personality	230
Semenov M.Yu. Study of separate aspects of material benefit satisfaction	234
Lopanova E.V. To the problem of professional thinking of a teacher	237
Shabalina E.S. The pedagogical problem of development of self-educational activity in students	242
Petrenko E.E. Key concepts of "language picture of the world" in pupils of primary school	245
Kulchenko O.V. Peculiarities of training of students to work with orphans in pedagogical colleges	249
Scherbakov E.P., Bogunov L.A. Some aspects of educational innovations resolving physiological adaptation problem	251
Akulina T.V., Gerasimov V.A. Table role playing games: trends and terminology	254
Antipenko N.F., Semenova Z.V. Peculiarities of organization of research and educational activity at computer science lessons	257
Shikhaleva M.S. Organizational and pedagogical aspects of successful professional development of a future teacher in university educational process	259

TRAINING IN INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION

Sechkina I.V. Monitoring of the current study progress as a means of controlling student independent work in mathematics	264
Kiryakova I.V. Educational tasks in Informatics as a means of productive thinking development in future teachers of informatics	268
Danilova S.V. Tolerance formation in junior students during foreign language learning process	270
Goncharyuk N.L. Peculiarities of the language world picture of Russian Germans and its part in the German language acquisition	274
Belomestnova V.R. Mathematical modeling as a means of mathematics course integration with physical disciplines during physical specialties students teaching	276

Summary

SCIENCE AND EDUCATION

Shpakina I.G. About the meaning of professional competence of municipal educational institutions' principals in the work with the staff under conditions of educational modernization

According to the analysis of scientific literature, normative documents about modernization of Russian education we analyze the problem of professional competence of municipal educational institutions' principals in the questions of managing the staff of the institution and the ways of its solving with the regard of realization of an important, national project: "Education".

Polkanov V.D. Omsk State Technical University: the way to development of quality in student's education (to the question of the quality problem concept)

This article features an attempt to generalize an experience of Russian high education institutions to improve a quality of student's education. Some suggestions are made about such work at Omsk State Technical University.

Gidlevsky A.V. Methodology of difficulty evaluation in teaching and methodical provision for quality management in education

The suggested methodology is intended to create the teaching and methodical provision of the given difficulty of the contents. Such arsenal allows setting up an effective control system of the quality of education, because finally, the quality of education is a realized overcome difficulty of the teaching and methodical means of the educational process provision. Thus, a teaching and methodical complex calibrated by the difficulty is an effective tool of measurement of educational achievements and quality management of education while properly applied.

SOCIETY. HISTORY. MOERNITY

Vesna M.A. Transitivity of scientific description of natural and inter-subjective phenomenon of self-organization

This article represents a system of logical descriptions proving the ontological basis and bio-social nature of natural sciences and social-pedagogical, inter-subjective phenomenon of self-organization.

Nagapetjan E.N. Civil Duty and its structure

This article presents the state of «removing» gnoseological opposition of subject and object, material and ideal. For this purpose the author analyses the notion of civic duty and its structure by means of concrete analysis of an ideal as structural element of this duty, connected with the purpose and objectiveness.

Bosynov S.K. National and mankind common treasures: acsiological aspect

The author considers spirit treasures of the ethnos and nation to have elements of mankind common culture treasures.

PHILOLOGICAL SCIENCES

Concept being and its place in Russian concept sphere

Avlasovich S.M. The concept "sanctity" in works of Epiphany the Wise (Premudriy)

The article deals with semantic and associative fields concerned with the concept sanctity" in the picture of world of Epiphany the Wise (Premudriy). The material of research is Life of Epiphany the Wise (Premudriy). An individual style of the author particularly system of semantic repetitions causes originality of presentation and interpretation of the sanctity phenomenon. The article also concerns distinctive features of style organization of the Life.

Belaya E.N. Ways of representing human emotions in language and speech in Russian and French

The present article reveals the ways of representing human emotions in language and speech in Russian and French in cognitive, cultural and pragmatic aspects.

Zinkovskaya L.S. Semantic group *home-made pastry* representing the concept BREAD (based on the materials of dialects of the middle Irtys river area)

In this article lexical-semantic group *home-made pastry*, which forms the concept BREAD, is characterized on the material of dialects of the middle flow of the Irtys River. The author analyses models of pastry nomination, that clearly show *home-made pastry's* importance in human life.

Savelyeva Y.S. Spatial characteristics of concepts "relationship" and "friendship"

The article is touching up some aspects of linguistic worldview, concerned the concepts "relationship" and "friendship". The author is analyzing these concepts in its inside and outward semantic space.

Reflection of perception elements to language world picture

Boreyko T.S. Predicates of tactile Perception in World Picture of Russian Language

The paper touches upon the problem of reflection of tactile perception results in the language system. The idea of tactile perception is expressed first of all by the predicate. Borrowing verbs from different semantic groups is used to denote the process of tactile perception. The paper is devoted to the modes of reference of predicates of tactile perception, which form the semantic field.

Borodina M.A. Semantic plurality of 'I' by narrator realising the main ideas of the existence (using «Doctor's notes» by V.V. Veresaev)

It is considered different types of "I" narrator, which understanding lead to apportionment of main medical categories as a man, health and sickness, suffering, experience and habits. All these main categories by synthesizing and generalization pretend to universality.

Galkina T.G. Analysis of character sensitive nature in belles-lettres (by example of Nabokov's short story "The Beauty")

The article deals with the problem of consciousness structure. The author uses the theory of A.N. Loentiev. The investigation itself is based on the V.F. Vasilik's descriptive model of a conscious image. The author analyses how the structure of any image is represented in particular fictional images. The material studied is Nabokov's short stories from "The Eye" collection.

Lebedeva T.V. Particular conceptualization of "backward motion" in A. Akhmatova's lyrics

The marked components in a pair "moving forward – moving back" are considered. The ways to represent such marked components in language and in Akhmatova's poetry are studied. Some semantic nuances of "moving back" in Akhmatova's poetical world are revealed.

Leschinskaya O. G. The visual perception in the language of the city

The article considers of the short outlook of the lexicon of visual perception the language of the city. The author observes the concepts of lexical field and lexical-semantic group. In this article the author analyses the objects of visual perception.

Nikolenko O. Y. Semantic variation of relationship names in local colloquial speech

The article is dedicated to a problem of semantic variation of words calling relatives. The records of colloquial speech of the inhabitants of Omsk have served as stuff for the analysis.

Fedyaeva N. D. Regularity in Russian linguistic world picture

The article presents the results of linguistic-culture-studying research of a gradual fragment of the world image, which includes totality of objects with qualitatively quantitative characteristics. The elements under study are paradigmatic series, which hold Russian lexemes «to measure», «enough»; and phrase logical units with the above mentioned words. Comparison of associative meanings, connected with the conception of linguistic world image, with the thesis of scientific world image, allows drawing a conclusion about peculiarity of Russian unsophisticated perception.

Shcherbakova N. N. Nouns with modified meanings of "femininity" subjective perception in Russian colloquial language of the XVIII century

The totalitarian language is an institutional, status-oriented discursiveness, which correlates with an image of verbal behavior, verified in the sphere of political communication, so it has vividly expressed ideological character. The basic functions totalitarian language are suggestive (the function of ideological prescriptions), constructive (creative, the function of illusion creation), magic (makes equal TL to religious discursiveness according to its relation to a word).

Yachmeneva S.P. Functions of argotisms in belles-lettres (XIX century)

This article considers functions of argotisms in belles-lettres of XIX century. The extra-linguistic factors defining argotism's functions are described.

Vocal specifics in genre

Abrosimova E.A. Bard's song in the context of alternative song styles

In the article fragments of bard song's picture of world are compared with fragments of other alternative song's picture of world, concluded that for all those alternative song's picture of world are similar, spiritual values of bard songs are more integral and harmonious.

Akaeva E.V. Communicative strategies of medical practitioners involved in scientific popular TV programs

The article deals with communicative strategies of medical practitioners involved in science popular TV programs interviewing famous researchers and doctors. Communicative strategies repertoire is defined by the pragmatic goal to influence the target audience.

Belkina E.Y. Peculiarities of literary text perception (experimental research)

This article is devoted to the experimental research of literary text perception as forming of text's projection. The experiment in the form of test was based on the material of the texts united by common emotional and semantic dominant (which is the foundation of text perception). The test was carried out in paradigm of modern psycholinguistics taking into account last researches in sphere of psychology, bibliopsychology and study of literature.

Ivanova E.A. Epistolary text the monitor of communicative behavior of language personality

This article presents the communicative-pragmatic research of epistolary texts. The author analyses communicative behavior of language personality and reveals its peculiarities.

Kobzeva O.V. Axiological meanings and expressions in «theatrical review» speech genre

The article analyses the means of evaluative meaning expression in such speech genre as «theatrical review». Poles of positive and negative evaluation, specific features in evaluative meaning structure of theatrical review (notice) are studied in this article. Composition and semantic peculiarities of evaluation meaning expression are considered. The article also analyses correlation of internal and external means of evaluative meaning expression, and usage of direct and indirect evaluative means.

Kolyagina T. Y. The Carskoe Selo myth of "golden age" in A.S. Pushkin's lyrics

The article is devoted to investigation of the Carskoe Selo locus in A.S. Pushkin's lyrics. The author analyses the interrelation between country estate culture in Russia XVIII century.

Manyanin P.A. Syntactic analysis of complex texts in mass media advertisements: problem-positioning

The author investigates the structure of the complex text in mass media texts. The problem of language relations between media texts is discussed.

Linguistic and cultural aspects

Gerdt E. V. Transfer of national cultural information (example of the tense categories in English and Russian language)

In this article methods and principles of units' comparison in English and Russian are considered. These units are connected with such a semantic field as time. Also nonequivalent expressions that form the national specific figurativeness in different languages are discovered in the article.

Korovina N. A. Meaning and emotive content of the cognitive singular and plural form of the category of number in the linguistic model of the world

The reconstruction of the concepts «one/alone» based on the results of the experiments is being carried out in the article. The given interpretation is aimed at investigation of the peculiarities in the process of conceptualization of this phenomenon in the Russian language.

Okoneshnikova I.G. Special features of polymodality of the author's perceptual system in belles-lettres

The problem of poly-modality in literary works is rather acute today. In this article we try to characterize the basic subsystems (modules) of our perception: sight, hearing, touch, taste, smell and illustrate on the example of one contemporary writer, Ross King, how modules of perception, given in the author's representative system, define lexical-semantic units and phrases to reflect the author's consciousness in the text.

Penkov A.A. The comparative analysis of two English-to Russian translations of euphemisms in the novel "Three men in a Boat" by Jerome K. Jerome

In the present article the author analyzes and compares two different translations of some euphemisms chosen randomly from an English humorous novel in order to determine the most adequate.

Pomogalov A. V. The notion and the main psychological parameters of deviant behavior

This article reveals the notion of deviant behavior in prism of the modern psychological research and also gives the features of deviant personality, the main psychological parameters of deviant teenager, the notion of "norm" in comparison of deviation and the most denominated signs of "group of risk". The article accents attention on deviation among teenagers and points up to the main reasons of appearance the deviation in this age.

Rakhimbergenova M. Kh. The ethnic nominations in modern mass media

Nowadays the problem of ethnic minorities is rather actual in society. We are trying to trace how this process is reflected in recent Russian press. It is also not arid to discern the authors' positions and the way they show their attitude to the problem at issue.

Shkaiderova T. V. «Totalitarian language»: specification, function and problems of analysis

This paper touches upon low - colloquial nouns with modified meanings which denote women and their subjective coloring also in the paper a link between

the word - forming structure and the meaning of the word is established; besides the role of extra linguistic factors in the development of derivative processes is revealed.

Shtekhman E. A. The linguistic peculiarities of original Russian settler's dialects of the Middle Priirtyshie in the aspect of the dialect analysis

The purpose of the article is to reveal the language consciousness particular features of the Russian speakers at the middle Irtysh area – original settler's dialects. Toward this end the texts created by the speakers of the region variety were analyzed. This research work revealed that the language consciousness is displayed with the help of the language material which has its own particular features determined by different facts.

Yunakovskaya A.A. The model of behavior through mentality of citizens

In this article is considering the outlook, the system of values of contemporary citizens. The rules of traditional conduct reflection in popular speech of the citizens.

Literature criticism

Avlasovitch S.M. Literary sources and significance of amplificatia at Epifanij Premudryi's hagiography

The problem of literary hagiography sources of Russian medieval writer Epifanij Premudryi is regarded at the article. Specifically, traditions of technique of amplification are investigated just as it is the main stylistics Epifanij texts.

Demenkova N.P. The concept of destiny in A.Block's lyrics

The analysis of lyric texts of Alexander Block lets reveal the following regularities in ontologic attitudes of the author: It is the destiny which dominates in the world deprived of the Divine. And this Destiny is the Death, the inevitable Fate, starting the struggle against which the hero is bound to be defeated. It is this concept of destiny which goes to the framework of the Block's artistic environment.

Khomyakov V.I. To the trends of Russian-Kazakh relations (by the example of works by P. Vasiliev)

The article is devoted to the issues of interrelation between Russia and Kazakhstan. Providing specific examples the work dwells upon the images and motives of the orient in P.Vasiliev's poetry.

Linguistics

Batyushkina M.V. Fixity, different position and mobility as main characteristics of modern Russian word stress (on material of inflexion)

The problem of the word stress and its variants has great social importance as its main characteristics have not been thoroughly investigated. The article represents the notion of the fixed stress in non – traditional aspect. The author offers her own arrangement of the material which can be used in teaching of the word stress.

The material of the article is useful for the people interested in word stress problems and speech culture: school teachers, college instructors, students and post graduates.

Vykhrystyuk M.S. The sequence of main parts of a simple sentence in business texts of Tobolsk at the end of XVIII century

The article is devoted to the analysis of a sequence of main parts of a simple sentence in business texts of Tobolsk at the end of XVIII century. The research of the direct and return order, and also the contact and treble arrangement of the main members allows to represent an objective picture of the condition and level of normalization in the syntactic system of Russia at the periphery during formation of Russian nation.

Kozhanova N.V. Descriptive nominations in the system of nomenclature names of professions in German language

The paper considers the problems of wordbuilding in the sphere of names of professions in German language. The most common descriptive means of wordbuilding were analyzed: the author considered structural peculiarities of different descriptive means of wordbuilding in this sphere, taking into consideration their functional characteristics. The results of the research can be used in German classes in the process of studying the ways of wordbuilding.

Nikolenko O.Yu. About definition of relative names as terms

The members of a lexical semantic group of relative names in modern Russian language in linguistic literature are traditionally called relative terms. This article analyses members of this group in accordance with criteria of a term notion. By the comparative analysis done the names and terms of social sciences are separated.

FINE ART SCIENCE

Sheludyakova O. E. Principles improvisation in melody of late Romanticism

The research is devoted to the art of improvisation and peculiarities of its realization in the melody of late Romanticism. In the article the history and ways of development of improvised genres are considered. It is addressed to musicologists and students of conservatories.

Kushpileva M.Yu. Peculiarities of musical lexicon of «Stabat Mater»

On the basis of research carried out the dictionary of the musical-rhetorical figures most typical for the medieval poem «Stabat Mater» was drawn up for the first time. It is illustrated with musical examples from compositions XVI-XXI of centuries. The data submitted will be useful for professional musicians and amateurs.

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Gorshkov E.G. Free economic zones as a necessary condition of organization of technoparks activity

The article is dedicated to questions of the creation the free economic areas for development technological park in Siberia. Novelty of the offers on creation Siberian technopark is motivated by world practice, is bolted normative document, is confirmed theory innovative management. The methodology of the free economic areas creation emerges, as necessities condition to or-

ganize activity of techno parks and can be applying in real sector of the Omsk economy area.

Nazarkina Yu.N. Formation of Demand in Managers and Specialists of Agricultural institutions

The paper deals with peculiarities of formation of demand for managers and specialists of agricultural organizations, it provides analysis of the system of personnel development in the Altai Region. Based on the research there are proposed methodology approaches to identify the demand for personnel: monitoring of personnel development; indicative personnel planning; a method combining process and factor approaches.

Yakovleva E.V. Actualization of problems of innovative management in modern economy

This article is about innovation management in modern economy from most famous economists' point of view and other countries' experience. The innovational management is shown in the competitive surrounding and it's increasing role is underlined. The last is examined in the terms "the basic qualification" and the "general abilities with emphasizing the innovation's role of different types while the main corporation strategies' realisation.

Falileeva G.A. Railway service as an factor impact on a process of modernization in Siberian at the of the XIXth - XXth

As a separate research task the author of the article sets study of the problem of a railway service as an important factor of the railway transport impact on a process of modernization in Russia, particularly in Siberia at the turn of the XIXth – XXth centuries. Special attention is paid to the main regulations of the modernization theory. The concept "railway service" is explained. The ways and forms of the railway service influence on the customers are covered; the causes of decrease of quality and efficiency of the railway service are revealed.

Yaschuk T.F. Organization of local taxation and dues collection system (example of domestic experience in 1920th)

The local taxation and dues collection system imposes business avoiding state taxation to pay taxes that plays important role for the local budget. The modern tax and budget legislation of the Russian Federation restricts a board of local taxes. There are just two of them: private property and land usage taxes providing major funding to the local budget. It brings the system to redistribution of the budget collected not finding extra sources that restricts the local government opportunity a lot.

Semyonova E.S. Modeling the process of modernization of the bus fleet of cities in Siberia

The effectiveness of modernization of the bus fleet in the cities using economic-mathematical models is revealed. The economic estimation of the effectiveness of the modern fleet of buses for the whole period of exploitation is adduced. The complex estimation of the social-economic effectiveness of the suggested arrangements by the modernization and the renewal of bus fleet's structure in the cities of Siberia is given.

Eikhler L.V., Falaleeva O.V. Constant expenses of trucking contractor and the cost effecting factors

The basic characteristic describing financial state of the cargo motor transportation enterprise is the degree of its solvency depending on the size of its revenue and expenses. On the basis of the leading research the factors influencing the size of constant expenses have been revealed: capacity of the enterprise, assortment of services, the prices of suppliers, requirements and standards, the level of the account and control over constant charges, the policy of the enterprise directed to economy of all kinds of resources, interest of workers in decreasing constant expenses.

Katsiel S.A., Feschenko B.S. Intellectual Market relations potential of Omsk region: management problems

The particularity of the strategies of shaping the intellectual potential of the region is the place the strategy takes in the national system of labor division. As a result of reforms business sector has not only got the direct access to intellectual resource of the region, but also it is enough operatively connected to their reproduction, firm though and with inherent market by fluctuations, substituting budgetary financing in separate sector of scientific activity. The tools and methods of regulation of the scientific sphere are changing.

Resume

Levochkina N.A. Natural and resource potentials of region as basis of regional tourist business

At present tourist business is considered as a priority of structural transformation of both Russian and regional economy. To produce a competitive product there is a necessity finding resources including tourist-recreation ones.

JURISPRUDENCE

Romanenko M.A. Peculiarities of investigation of copyright crimes in the Internet

The problems of investigation of the crimes of the copyrights are studied. On the base quantitative and qualitative analysis of the features given crimes are remove. The recommendations with possibility of the further introduction in practice are issued for law-enforcement organs. The given study is one of the first complex studies of theoretical and practical problems of copyrights crimes in the sphere of software.

Golovin V.V. Assessment of activity of administrative managers in regional organ of Federal Service of Court Police

The assessment of administrative managers in the sphere of Federal governing is an important problem in theory and practice. There is a necessity in assessment of administration, middle level and on-line officers.

Suvorov M.A. Tax secret: the matter and responsibility for its divulgence

In the paper it is given a general juridical description of the concept of secret and in particular the matter and destination of the institution of tax secret. Facts of divulging of information composing tax secret, absence of judicial practice of calling state authorities and their officials to account for divulging such information, and analysis of active norms of tax law — all these allowed the author to conclude that there is a tendency to make pronouncements for effect of the institution of tax secret in Russia. In light of this some proposals are given

to specify norms of Tax Code and to liven up the work of plenipotentiary State agencies.

Kalганова Л.А. Implementation of a criminology metric approach for evaluation of effectiveness of methods of organizational control in Federal Service of Court Police

This article represents implementation of a criminology metric approach for evaluation of effectiveness of methods of organizational control in Federal Service of Court Police activity. It evaluates methods of external and internal control, agency-level control, system of internal code, social control and executive control.

Abdrakhmanov M.Kh. Legal person business reputation: legal origins, trends and methods for the protection in the criminal procedures

As a result of the study undertaken a definition to the notion: "legal person business reputation" was given; besides its legal origins were identified and the necessity for the protection of this immaterial benefit pertaining to legal procedures was justified based upon two trends: 1) in relation to the crime commitment fact; 2) from illegal activities on the past of authorized parties of criminal procedures.

Dityatkovsky M.Yu. Varieties of individual state authorities given or might be given to the local self-management organs

This article is dedicated to the problem of definition of varieties of individual state authorities, which has been given or may be given to the organs of the local self-management. The fundamental classifications of the varieties of these authorities were generated.

Fakhrutdinova T.M. Stimulation as means of ensuring internal labour regulation in organization

In the article the basic scientific views to the problem of the contents of stimulation as a means ensuring labor behavior of the hired workers are stated. The system of the public relations in an organization on its formation is investigated. The incentive norms as a source of a normative basis of stimulation examined the conception and kinds of incentive. The role of motivation in formation of the relations of the employer, employees and primary labour collective, and also requirement, which in the Market conditions are showed to the subjects of joint contractual work, is rather in details analysed in the article.

The work represents not only known theoretical interest as research proving a new sight in a science of the labour law, but also the doubtless practical interest for everyone, who is in any case connected with the organization and participation during manufacture, performance of works, rendering of services. The author formulated the concept of stimulation. In modern conditions, stimulation — an important function of the employers authority effective enough means of ensuring of due behaviour of the workers in interests of maintenance of system, working in organization, of the internal labour regulation, requirements showed by the employer to the participants of joint, contractual work.

Masley S.E. Legal control of slum and emergency housing resource clearance by local government

The given article is devoted to the analysis of normative law acts of local self-government organs regu-

lating citizen's movement from slum and emergency housing resource.

Kozhevina M.A., Saleva N.N. Homicide coupling other crimes: to the history of domestic Criminal Law

The modern state of the domestic Criminal Law in particular the responsibility of homicide crime coupling other crimes is considered in the historical context.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SCIENCE

Filatova A. F. The typology of characters in domestic psychology-pedagogical research

On the base of the analysis of theory of last pedagogical and psychological concepts and modern concepts the criterions are determined for constitution of typology of scholar's characters: the mental, moral and physical development (P. Lesgaft), tendency and development of the knowledge interests (A. Belkin), school's progress (L. Mitina). The typologies of characters of Russian authors are observed

Kubarev V.C. Two activity approaches in domestic psychology of personality

In the article analyzing two approaches in the psychology of personality, was found in Russian psychology. Subject and society, personality and character, personality and activity, activity and mentality are concerned. The main terms: mentality, activity, personality, character are studied.

Semenov M.Yu. Study of separate aspects of material benefit satisfaction

The author of the article has defined a term of material satisfaction. It has been offered an evaluation scale of separate aspects of material benefit satisfaction, to allocate gender differences in subjective material satisfaction.

Lopanova E.V. To the problem of professional thinking of a teacher

As a result of the analysis of science and methodological literature there a structure-functional model of professional thinking of modern pedagogue has been proposed. The essence of professional-pedagogical thinking is opened from the position of pedagogical practice. The data of investigation of professional thinking formation in staff and students of Omsk pedagogical institutions is presented.

Shabalina E.S. The pedagogical problem of development of self-educational activity in students

In the article the essence of self-educational activity is revealed. A precise definition of the essence of self-education that is very important in practical and in the theoretical attitude is given. The formulation of specific tasks which are put forward during self-educational activity of students depends on the definition of the given concept.

Petrenko E.E. Key concepts of "language picture of the world" in pupils of primary school

In this article the author depicts the basic concepts and micro concepts of the "language picture of the world" in pupils of primary school. Analyzing the phraseological and idiomatic material of the literature for

children, the author defines the concepts of world naive language picture, which are most widely represented in the literature, giving the children opportunity to acquire the national language and culture.

Kulchenko O.V. Peculiarities of training of students to work with orphans in pedagogical colleges

This article reflects the main results of the author's experimental work on the development and introduction into educational process of the pedagogical college of the model of creative workshop "Psychological and pedagogical conditions of a social education of orphan children", within the framework of which the estimation and forming of the efficiency for work with orphan children are made on the basis of combination of professional trials and reflection in educational and practical activity.

Scherbakov E.P., Bogunov L.A. Some aspects of educational innovations resolving physiological adaptation problem

In the article some aspects of formation of skills in personal structure of a subject, raising its adaptation to environment, in conditions of interpersonal interaction are examined, and the results of the preliminary research are designated. The problem of necessity in development of understanding subjective reflection of objective world in the course of psychological-pedagogical educational process is actualized in this article.

Akulina T.V., Gerasimov V.A. Table role playing games: trends and terminology

The article inspects the history of the table role-playing games and the peculiarities of its terminology. Much attention is given to the pre-history of the role-playing games in general.

Antipenko N.F., Semenova Z.V. Peculiarities of organization of research and educational activity at computer science lessons

The article reveals the features of organization of the computer science lessons supporting gifted pupils in the process of making research and preparing them for participation in conferences of different levels.

Shikhaleva M.S. Organizational and pedagogical aspects of successful professional development of a future teacher in university educational process

The article deals with the issue of successful professional development of a future teacher. In the article some essential notions, connected with successful realization of pedagogical activity are observed, the technology to accompany the students of pedagogical educational establishment within the process of marking a professional actor of education process is elaborated; factors determining successful fulfillment of the personality within the professional area are clarified.

TRAINING IN INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION

Sechkina I.V. Monitoring of the current study progress as a means of controlling student independent work in mathematics

The author of the article suggests more rational use of the studying process and extension of the interactive communication between lecturer (teacher) and students.

In author's opinion, motivation strengthening in study must be accompanied by flexible system of monitoring of the current progress of students. By this system student's independent work can be effectively managed. Author implies that as a result final marks in the end of the term should originate from three types of control: calculating of the current progress, practical testing and examination (30%, 25% and 45% of the whole marks sum respectively). Forms of control can be diverse: express control, instant control, various tests, colloquium and presentation of the individual standard calculation.

Kiryakova I.V. Educational tasks in Informatics as a means of productive thinking development in future teachers of informatics

This article considers some none traditional approaches used in teaching techniques for future teachers of informatics subject at the course "PS software". This course will influence thinking development progress of a pupil in general.

Danilova S.V. Tolerance formation in junior students during foreign language learning process

We live in the era of dramatic change and transition. The globalization creates new patterns of interaction among people. A global culture of tolerance responds more effectively to today's challenges. For this reason, education should promote understanding and respect

for human rights. This article presents an overview of some basic points with regard to the society and their relation to education.

Goncharyuk N.L. Peculiarities of the language world picture of Russian Germans and its part in the German language acquisition

In the Altay Territory there are three main dialect areas. But Russian has influenced greatly on these dialects. In the situation of diglossia the Russian Germans use German language only in the family circle and Russian — for the contact with the outer world. It affects the language picture of the world, which depends on the phraseology. The degree of influence of Russian and German literary standard should be taken into account in forming the German language competence at German lessons.

Belomestnova V.R. Mathematical modeling as a means of mathematics course integration with physical disciplines during physical specialties students teaching

Using research data it was discovered that mathematical modeling is an effective means of integration of mathematical course and physical subjects teaching students of physical specialties at pedagogical universities. An implementation of integrative links in mathematics teaching is considered through applications with inter-subject nature.